ФАНТАСТИКА 2009

ФАНТАСТИКА 2009

КИР
БУЛЫЧЕВ
из неопубликованного

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЕВ

АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ

СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ

ЕВГЕНИЙ
МАЛИНИН

ВЛАДИМИР
МИХАЙЛОВ

И ДРУГИЕ...

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

ЧЕЛОВЕК ИЗ АРМАГЕДДОНА

ФАНТАСТИКА 2009

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

МОСКВА

ЧЕЛОВЕК ИЗ АРМАГЕДДОНА

ФАНТАСТИКА 2009

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Ф22

Составитель Н.А. Науменко

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Фантастика 2009. Человек из Армагеддона : [сб.]. — М.:
Ф22 АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 604, [4] с.

С.: 3Л
ISBN 978-5-17-050385-8 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9482-2 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

С.: в/с
ISBN 978-5-17-055920-6 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9485-3 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА»)
В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством «Томас Шлюк» (Германия).

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — очередной сборник популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже восемь лет!

В этот сборник вошли не только новые произведения Василия Головачева и Александра Зорича, Святослава Логинова, Владимира Михайлова и Евгения Малинина, но и — прежде всего — никогда ранее не публиковавшиеся рассказы из наследия великого отечественного фантаста Кира Булычева.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

РАССКАЗЫ

Людмила Макарова

ТЕОРЕТИК

Прохладный ветерок обвевал голову. Настойчивый такой ветерок.

— Продолжайте, пожалуйста.

Придав лицу крайне заинтересованное выражение, Олег Шатилов откликнулся на вызов ментофона. Контакт с пациентом идеальный. К тому же пациент на поверку оказался кандидатом номер один на прием к психиатру, и Олег с чистой совестью ответил на «звонок», продолжая время от времени кивать собеседнику.

«Я слушаю».

«Олег, это Серов. Можешь общаться?»

«Недолго, Алексей Вадимович».

«Мне твоя помощь нужна. У меня здесь такой фрукт сидит... Боюсь, без психолога я его вежливо за дверь не выставлю. Как бы дело жалобой в Минздрав не кончилось».

«Через пять минут».

— ...а на балконе — лиса, — возбужденно говорит в это время пожилой мужчина, сидящий в кресле напротив, — вертихвостка рыжая! Это она стеклопакет изодрала, понимаешь? И у меня, и у соседки с тридцать шестого этажа. Прыгает по балконам, сволочь этакая! То сигнализацию перекусит, то стеклоочистители погнет... И ведь хитрая тварь какая! Только я к ментам — нет ее! — Мужчина с досадой хлопает рукой по подлокотнику

© Людмила Макарова, 2008

кресла. — Только они сканеры включат — она на крышу! А я за ней гоняться не могу — годы не те. Сердце, понимаешь, прихватывает... Вы мне, главное, направление дайте. И чтоб к доктору хорошему. А то с лисой этой, стервой рыжей, даже спать плохо стал. И все перебои в сердце-то, перебои... До инфаркта так можно допрыгаться. Понимаешь?

— Конечно.

Олег еще что-то участливо спрашивает, соглашается и делает вид, что заносит в компьютер приметы лисы, пока на пороге не появляются санитары психиатрического отделения.

— Вот вам направление. Молодые люди вас проводят. Это у нас студенты на практике. Они вас к доктору определят, а дальше уж — что он скажет. Поможете, ребята?

— Не вопрос, Олег Геннадьевич! — дружно улыбаются дюжие молодцы. Виктор и не соврал почти. В самом деле студенты. Подрабатывают. Пациент благодарно кланяется.

— Ребята, а вы часом, не охотники? — спрашивает он в дверях. — А то тут такая история, понимаешь...

Для тех, кто находится внутри космического корабля, звездный коридор подпространственного перехода невидим. Говорят, что за бортом тянутся хрустальные полосы, и переливаясь, течет расплавленное стекло...

Капитан первого ранга Евстафьев обычно наблюдал тщательно прорисованную бортовым компьютером траекторию и пестрые колонки символов, обозначавших звездные системы, мимо которых проходил его пассажирский звездолет «Истра». Колонки и в самом деле текли по экрану сверху вниз, но к романтическому восприятию преодоления пространства не имели никакого отношения. В этот раз символы на обзорном экране сделали плавный поворот и вдруг ссыпались в кучу, мгновенно превратившись в нечитаемую массу.

— Михалыч, ну что там?!

— Сейчас... Похоже... Ускоритель накрылся! Выходи из тоннеля, капитан!

«Значит все-таки ускоритель», — подумал Евстафьев с каким-то нездоровым облегчением. Еще секунду назад от одной

мысли о неисправности подпространственных ускорителей у него внутри все замерзло. А сейчас — ничего. Ускоритель, так ускоритель. Только спина стала мокрой. Как будто растаял комок льда в животе и протек под воздействием искусственной гравитации. Ну и высох сразу же — хороший комбинезон, новый: влагопоглотители, вентиляция...

— Похоже, в момент разгона нас и крутануло, — сказал капитан.

Капитан оказался прав. Звездолет действительно потерял ориентацию на входе в тоннель. И возможно, уже вышел из границ разрешенного перехода, с каждой секундой увеличивая риск влететь в какой-нибудь объект. Вселенная не настолько пуста, чтобы пропустить корабль к месту назначения, любезно раздвинув весь космический мусор, не говоря уже о звездных системах, попадись они на пути.

Романтик бы сказал: «За бортом царило звездное месиво».

— Твою мать. Куда выходить-то... — тихо сказал Евстафьев, не отрывая взгляд от обзорного экрана пилотажной рубки.

Звездолет начало раскачивать.

— Ты чего делаешь, командир? — ошарашенно спросил второй пилот, наблюдая как «звездное месиво», выраженное свалкой цифр и символов, размашисто закачалось на экране.

— Это единственный вид движения, который я стопроцентно контролирую, — сказал Евстафьев, — есть еще один тоннель подпространственного перехода на этом маршруте. Повезет — провалимся в него. Вероятность столкнуться с другим звездолетом внутри параллельного тоннеля намного ниже, чем с астероидом или звездой при аварийном выходе в открытый космос.

— А если не повезет?

— Выйдем, куда глаза глядят. Как ты и предлагал.

— Н-ну... — Второй пилот облизнул пересохшие губы. — Тогда я с пассажирами, что ли, поговорю. Уже нервничают...

— Поговори.

Через двенадцать минут по стандартному счету времени бортовой компьютер выдал на обзорный экран убогие кособокие колонки цифр и надпись: «Ориентация затруднена. Расхожде-

ние с исходными параметрами тоннеля перехода». Космос помиловал «Истру». Звездолет несло по параллельному разрешенному переходу прямо на резервный сортировочный узел, куда диспетчеры заводили корабли в случае перегрузки направления. Гигантский маятник Вселенной качнулся в последний раз и остановился, повинуясь обезумевшему от осознания своей удачи капитану первого ранга.

— Экстренный выход! — заорал Евстафьев.

— Беру маршевые! — заорал Михалыч. И еще через четыре минуты аварийный пассажирский звездолет, вынырнувший в родное обычное пространство, ткнулся в причал резервного узла. Команда спасателей рванулась в пассажирский салон.

В кабинете главного врача центра «Семейной медицины» сидел сухонький старичок. Нос крючком, глаза маленькие черные. Картину дополняли седая бородка и аккуратная круглая лысина.

— Добрый день, Алексей Вадимович, — сказал Олег, — вызывали?

— День добрый. — Начальник обернулся к старичку. — Позвольте представить: Олег Геннадьевич Шатилов. Психолог. В данный момент исполняет обязанности заведующего отделением психологии. А это...

— Крантц, — резво вскочил старичок, протягивая руку, — Франц Францевич. Изобретатель.

«Еще один кандидат, — подумал Олег, отвечая на пружинистое нервное рукопожатие, — а мужских мест в психушке у нас только два осталось...»

— Очень приятно. Нечасто к нам инженеры-изобретатели заглядывают, — улыбнулся он.

— Пятьдесят лет медицине отдал, — пожевав губами, сказал старичок, — что же это вы, молодой человек, психолог, а коллегу не разглядели.

— Уработался, Франц Францевич, — честно сказал Олег, — а в какой области вы работали?

Изобретатель несколько смягчился, услышав свое тщательно-уважительно выговоренное имя-отчество. Фамилию Шати-

лов толком не расслышал и побоялся, что будущий пациент вконец расстроится и не пойдет на контакт, если «молодой психолог» ее переврет.

— Организация профилактической помощи, — с достоинством произнес господин Крантц, — районное управление. Проект «Озеленим город», книжная серия «Чем мы раньше болели». Это из последнего. Перед пенсией, так сказать. В региональной прессе довольно широко освещалось. В разработке «Правил санитарного поведения для жителей многоэтажных жилых комплексов» я в качестве соавтора участвовал вместе с профессором Лужвинским. Жаль, этот труд носит лишь рекомендательный характер. Если бы статью «О правилах пользования окнами» удалось закрепить законодательно, количество самоубийств существенно снизилось бы. Будьте уверены!

«Ага. И лисы бы там не заводились, — подумал Олег, — бедный Вадимыч... И наорать-то не может — коллега, уважаемый человек».

— Тем не менее, Алексей Вадимович, я предпочел бы пообщаться с заведующим отделением психологической помощи. Именно с заведующим! — Крантц сделал эффектную паузу и обернулся к начальнику. — Степень есть степень, согласитесь.

— Разумеется, — прохладно сказал Алексей Вадимович, — но к сожалению, он в отпуске. Изложите вкратце суть вашего изобретения Олегу Геннадьевичу.

Начальник выразительно посмотрел на часы.

— Да-да, — быстро согласился господин Крантц, оценив перспективу быть выставленным из кабинета, — но прежде чем представить вам проект нано-турбо-спермодвижителя Крантца, я бы хотел обратить ваш взгляд на здравоохранение в целом, коллеги. Вы ведь не имеете возможности отслеживать некоторые тенденции, будучи погруженными в частные клинические случаи. А между тем картина вырисовывается преинтереснейшая! Пять минут, — торопливо добавил изобретатель первого в мире нано-турбо-спермодвижителя, глядя на сжавшего зубы Алексея Вадимовича.

«Может, не мучиться? Сразу санитаров? — спросил Олег в ментофон. — Сверхценная идея как показание к госпитализации...»

«Куда там! — отозвалось руководство. — Ты про этого самого профессора Лужвинского слышал?»

«Слышал, конечно. Идиот же законченный!»

«Ты поосторожней в выражениях. Лужвинский сейчас в Москве, в Министерстве. Может, он этого Кранта Францевича и не вспомнит, но если туда жалоба уйдет... Так что поработайте, коллега. Чтоб без скандала».

— ...психологов посадили на первичный прием, а между тем, если углубиться в историю медицины, раньше больных по специалистам распределял простой фельдшер! О чем это говорит? — Франц Францевич вскочил и приготовился продолжать стоя, едва сдерживаясь, чтобы не начать бегать по кабинету.

— О том, что медицина шагнула вперед, — вдруг сказал Олег. Удивленный сопротивлением, Франц Францевич на секунду замолчал. Вопрос, по его мнению, был риторическим.

— Справившись с недугами на физическом уровне, медики обратили свой взгляд на то, что может заболевания провоцировать, — добавил Олег, рассчитывая, если не заткнуть собеседника, то хотя бы заставить говорить тезисами, чтобы получилось короче, — это совершенно естественно.

— Вот. — Крантц многозначительно поднял палец вверх. — Вот здесь вы и ошибаетесь, молодые люди. Мы все ошибаемся. Обратимся к истории!

Олег мысленно плюнул и сматерился. Алексей Вадимович закатил глаза.

Франц Францевич как будто стал выше ростом.

— Людям свойственно переоценивать значение своих открытий. Когда в двадцатом веке появились антибиотики, казалось, что лекарство от всех болезней найдено. Но микроорганизмы быстро научились приспосабливаться и проявляли просто чудеса устойчивости к их воздействию! Человечество не сдавалось. На смену антибиотикам пришли нано-технологии и генная инженерия. Доктору нужен конкретный враг: микроб, дефектный ген, испорченная клеточная мембрана. Пусть даже на атомном

уровне, но врач все равно борется с конкретным возбудителем. А между тем предложения рассматривать наш организм как гармоничное целое, известны с древности. В свою очередь я предлагаю, — Крантц приподнялся на носки и чуть порозовел от гордости, — рассматривать как гармоничное целое... саму Болезнь. Болезнь плюс человек есть гармоничная система, регулирующая численность населения естественным путем. И Болезнь подобна человеку. Пойдем от частного к целому. Весьма сложно устроенный организм в сочетании с ментальной надстройкой дает нам понятие человек. Если смотреть шире — есть Человечество, со своими составными частями и общими психологическими тенденциями. А есть Болезнь, и тут мы идем наоборот: от целого к частному. Болезнь, как целое, состоит из отдельных форм, отдельные ее формы — из возбудителей, и так далее. Система равновесна. Как только человек каким-то образом начинает ее нарушать, тут же со стороны Болезни запускается стабилизирующий механизм. Вам понятна суть моей концепции, господа? Есть масса исторических примеров, я могу доказать...

— Понятно, — хором сказали Олег Геннадьевич и Алексей Вадимович.

— Тогда задумаемся вот о чем. Мы увеличили продолжительность жизни и истребили все известные проявления Болезни на физическом уровне. Почти истребили. Означает ли это победу человечества? Нет, нет, и еще раз нет! Мы загнали Болезнь в ментальный план и все еще не поняли этого. Даже посадив психологов на первичный прием вместо врачей, мы отказываемся смотреть правде в глаза. В связи с этим я прогнозирую лавинообразный рост психических расстройств в ближайшие десять—пятнадцать лет. И во имя спасения человечества призываю вас отказаться от глобального излечения всех от всего, особенно на генетическом уровне. Ибо здесь Болезнь уже почти не в силах сопротивляться нам. Чтобы сохранить психическое здоровье человечества, достаточно вернуться к традиционному для медицины прошлого индивидуальному подходу. Заметьте, говоря об индивидуальности, я подразумеваю человеческое тело. Ему надо немедленно разрешить болеть! Я подчеркиваю: не-мед-лен-но. Возьмем к примеру бесплодие. Толь-

ко не думайте, что я преследую здесь какие-то частные цели. У вашего покорного слуги, между прочим, трое детей. Старший мальчик недавно ушел из камерного оркестра и начал сольную карьеру. Гарольд Францевич Крантц. Очень талантлив, очень. Я ему давно говорил, что эта дама никогда не доверит ему сольную партию. Так... о чем это я? — Отец юного дарования окинул аудиторию торжествующим взглядом самца, гордящегося произведенным на свет потомством.

— О бесплодии, — дружно вздохнули Олег и Алексей Вадимович.

«Сколько лет мальчонке-то?» — спросил Олег.

«Да уж за сорок, наверное», — донесся до него мысленный стон начальства.

— Да! Благодарю. Я немного отвлекся. Но если вы интересуетесь камерной музыкой — не пропустите. Гарольд Францевич Крантц. «Настроение осени». Зачем женщине столько здоровых яйцеклеток? — вдруг спросил господин Крантц-старший и выбросил вперед правую руку, словно обвиняя собеседников в этой вопиющей природной нерациональности. — Они вырабатываются в ее организме чуть ли не всю жизнь, а в моем случае вполне хватило бы трех, помноженных на три здоровых сперматозоида. В наше время с задачей естественного отбора прекрасно справляются высокие технологии. И протестировать половую клетку не составляет труда. Специалисты все равно постоянно занимаются этим, заказывая пол будущего ребенка... О технологиях стоит поговорить отдельно, но я умею ценить чужое время, молодые люди. И потому — суть! — торжественно объявил Франц Францевич, сверкнув глазами и лысиной.

«И не надейтесь, Алексей Вадимович, — предупредил Виктор, поймав вопросительный взгляд руководителя, — это никогда не кончится. Мои ребята уже за дверью».

— Итак, как вы знаете, проблема бесплодия в современном обществе решена полностью. Мы победили, так сказать, на всех фронтах, начиная от банальных воспалительных процессов, и кончая дефектными генами. Все половые клетки всех людей стопроцентно здоровы. И это значит, — старичок многозначительно поднял палец вверх, — согласно моей теории о Болезни, не

сегодня — завтра мы станем свидетелем качественного скачка. Болезнь уйдет из физического плана в ментальный. Куда ж еще ей деваться! Вы готовы бороться с абсолютным психическим бесплодием в масштабах всего человечества, господа? Вот здесь сидит психолог, который упорно называет меня инженером. Ответьте мне, Олег... э-э-э... запамятовал ваше отчество.

— Геннадьевич.

— Да! Так вы лично готовы?

— Я работаю в области практической психологии, — осторожно сказал Олег, взвешивая каждое слово. Старичок раскрасцелся. Давление явно подскочило. Не хватало еще, чтобы он свалился тут с каким-нибудь приступом, и целых два Минздрава: местный и московский во главе с профессором Лужвинским, обвиняли сотрудников Клиники в том, что довели уважаемого человека до цугундера.

— К сожалению, мне не хватает времени для анализа. Но тема, безусловно, заслуживает внимания, — серьезно сказал он.

— Вот! Я не виню вас, молодой человек, — великодушно произнес Франц Францевич, — это беда нашего здравоохранения. Если бы мне дали возможность заниматься научными разработками в том направлении, которое я здесь представил, я бы включил вас в свою группу.

«Поздравляю, — сказал Алексей Вадимович, — заканчивай это, Олег. Немедленно».

— Но человечество не вымрет от психического бесплодия! — словно почувствовав облаву, повысил голос господин Крантц. — Достаточно снабдить всего лишь один жизнеспособный сперматозоид изобретенным мной турбо-нано-движителем — и мы получаем беременность на самом настоящем физическом уровне, независимо от того, как свирепствует в этот время Болезнь в ментальном плане! И более того! Мы ее не провоцируем. Что такое одна клетка по сравнению со вселенским равновесием, которое мы так необдуманно нарушили? Я закончил.

И наступила благословенная тишина. Франц Францевич достал носовой платок, интеллигентно промокнул им кончики губ, махнул рукой, и с наслаждением вытер лицо и лысину, после чего затолкал скомканный платок в карман брюк.

«Ребята, пока отбой, — послал Олег ментальный сигнал. — Но далеко не уходите».

— Мне кажется, я сошел с ума. Говорят, психически больные люди этого не осознают, а я вот осознаю, — грустно улыбнулся пациент в ответ на стандартный вопрос «Что вас беспокоит». С виду — вполне адекватный. Уверен в себе. Космолетчик. Все тесты недавно пройдены в плановом порядке.

— Почему вы так решили, Валерий Михайлович? — мягко спросил Олег, пролистав карту, идеальную как с медицинской, так и с психологической точек зрения.

— Даже не знаю, с чего начать... Мы с женой решили завести второго ребенка. У нас уже есть один, девочка.

— Прекрасно. Теперь сына хотите? — улыбнулся психолог. Пока он не увидел проблему. Пол будущего ребенка легко программируется на генетическом уровне. Этот Валерий Михайлович не может об этом не знать. Ну хочет мужик сына — да ради бога! Видимо, с женой договориться не может. К семейному консультанту его?

— Уже три года прошло. — Мужчина на секунду прикусывает губу и продолжает. — Ничего не получается. За это время мы несколько раз обследовались. Мы оба здоровы.

«Стоп. Такого быть не может, — подумал Олег, — темнишь ты, Михалыч. Приврал жене, наверное. Ну как же! Покоритель пространства, второй пилот, и вдруг — к сексопатологу. Не ходил? Признайся — и дело с концом».

— А как вы сами думаете, в чем причина? Наверняка вы как-то пытались проанализировать ситуацию. — Олег сделал ободряющий жест, как бы приглашая пациента поучаствовать в поиске.

— Мы только с женой поговорили, я ушел в рейс, — нехотя начал Валерий Михайлович, — у нас аварийная ситуация была... Как бы вам объяснить... Капитан раскачал звездолет внутри тоннеля перехода и вывалился на «параллельную линию». Все благополучно закончилось. Евстафьев у нас признанный ас... Но я потом еще долго этот маятник вспоминал. Мне кажется — причина в этом. Не знаю почему. Не могу объяснить. — Он поморщился и устало покачал головой.

«Э-э, мужик! Да у тебя психотравма, — с облегчением подумал Олег, — детей у него нет... Артист! Не переживай, не спишут. Сейчас отправлю к Анечке Ситенко, она у нас тоже признанный ас... в таких делах. Муж у нее — командир патрульного крейсера, вся грудь в орденах. Так что Анечка наша на работе — круглосуточно».

Пациент взял направление, поблагодарил и вышел за дверь. Рабочий день закончился, Олег потянулся, встал из-за стола, обошел его и сел обратно, перебирая в уме текущие дела. Что-то он упустил. А иначе откуда взялось такое ощущение, что домой идти рано. Не просто рано — нельзя идти домой! Ошибся где-то? Где? Лицо космолетчика стояло у него перед глазами. Олег сделал еще круг по кабинету, снова включил компьютер, рассеянно просмотрел запись разговора и принялся изучать копию медицинской карты пациента с первого слова до последнего. Был этот Валерий Михайлович у сексопатолога! Запись есть: «Маятникообразное движение сперматозоидов. Бесплодие. Проведена генетическая коррекция. Диагноз: здоров». А детей нет. А ведь кто-то когда-то говорил, что генетическая коррекция ничего не даст и человечеству грозит вымирание. Где-то он уже это слышал... Олег Шатилов зарылся в справочную систему, нашел номер аварийного рейса, списки пассажиров звездолета «Истра», изучил их обращения за медицинской помощью за последние три года... Жаль, статистику рождаемости по конкретным пациентам глобальная сеть ему выдать не могла. Но этого уже и не требовалось. Как он сегодня сказал, второй пилот «Истры»? «Мне маятник этот потом еще долго снился»?

— Алексей Вадимыч! — Олег ворвался в кабинет.

— А ты не преувеличиваешь? — недоверчиво спросил главный врач, второй раз на своем веку выслушав невероятную теорию. Но теперь уже из уст своего коллеги, который до сих пор не давал повода усомниться в здравомыслии.

— Нет! Ни в коем случае. Здесь просто очень четкая связь с конкретной аварийной ситуацией. Не каждый из нас попадал в аварию на звездолете, но у каждого есть свои психологические зажимы! И если они лавинообразно сработают на ментальном уровне... И в глобальном масштабе... Хорошо, если дело огра-

ничится бесплодием. А вы представьте себе психически обусловленный заворот кишок!

— Где-то у меня его визитка болталась, — пробормотал побледневший начальник, — но ты все-таки займись статистикой... нужна доказательная база... Я тебя с приема снимаю с завтрашнего дня. Подключи кафедру и практикантов всех возьми!

— Алло! Франц Францевич?!

— Нет. Это Гарольд Францевич говорит. Чем могу помочь?

— Меня зовут Олег Шатилов. Я психолог. Мне нужно с ним срочно переговорить!

— Вы знаете, в последнее время он... очень плохо себя чувствовал... — Олег похолодел, представив себе торжественные похороны и свежую могилу. — Все говорил о какой-то теории, беспокоился. И профессор Лужвинский (мы все очень ему признательны) помог с госпитализацией в психиатрическое отделение...

— Какая больница?! — перебил Олег.

— Да что случилось, Олег... э-э-э простите, не знаю вашего отчества?

— Мудак ваш Лужвинский — вот что, — тихо сказал Шатилов, — скоро вымрет. Вы можете начинать гордиться своим отцом, Гарольд Францевич. Давайте адрес.

Александр Зорич

Похороны крокодила

Было утро. Марина Сергеевна, уборщица, явилась на работу с опозданием — подвел троллейбус, сел, голуба, на ледовую мель.

С жестяным упорством покорителей восьмитысячников брела она через сугробы к родному супермаркету. Ночной снег только начали кое-как чистить. Шаркали об асфальт сонные еще дворничьи лопаты.

Опасливо поглядывая на часы, она выкатила телегу с инвентарем на середину секции рыбы и морепродуктов и принялась оглядывать витрины, стойки, холодильники — все ли в порядке.

Вообще-то ее сменщица Нона по вечерам убирала на совесть. Но все может статься — тут на стекле сверкнет беглая чешуйка, там жирная полоса перечеркнет хромированный прилавок...

Старший менеджер Богдан будет с инспекцией ровно через три минуты. К моменту его появления все должно быть идеально. Марина Сергеевна беспокойно вертела седой головой. Что за день?! Сначала этот снег, потом ревматизм разыгрался, тут оказалось, из подсобки исчезли ее персональные совок и веник... С тяжелым вздохом она сняла с тележки химически синюю бутыль распылителя со средством для мытья стекол, вынула чистую сухую тряпку — с ними она чувствовала себя увереннее.

© Александр Зорич, 2008

Сладенькая музыка полилась, потекла из динамика — до открытия «Сытый-сити» осталось десять минут.

Хлопотливый взгляд Марины Сергеевны скользнул по длинному стеклянному саркофагу с рыбой горячего копчения, он плавно перетекал в холодильник, загруженный филе и нарезками. Поднялся к стене с аквариумами. В самом большом из них серела грозовой тучей обреченная община зеркальных карпов. Едва ли сыщется более унылое и в плохом смысле слова более экзистенциальное зрелище, нежели это.

Невольничий рынок уже проснулся и шамкал ртами, а вот черные угри по соседству еще видели речные сны, свернувшись кольцами на мутно-желтом донном стекле своей выгородки, в то время как длинномордый крокодил... А вот крокодила не было.

«Неужто вчера-таки купили?»

Но сердце Марины Сергеевны подсказывало ей: что-то неладное произошло, неправильное.

Она принюхалась, вдумчиво втягивая воздух, как делают в фильмах следопыты.

В секции пахло тоской, скандалом, горем — как в домах престарелых или гримерных некоторых сто лет не ремонтировавшихся театров.

Нервно сжав губы, она пшикнула распылителем в пространство перед собой. Зачем — не понятно.

— Ну-с, что тут у нас? — мягкой поступью к Марине Сергеевне приближался Богдан, в респектабельном пиджаке, дивной с широким воротом итальянской рубашке и дешевом галстуке-приблуде. Его красивые голубые глаза глядели хищно, но как бы через силу, хотелось даже сказать «торчали» — перед выходом из дома он выпил слишком много кофе, силясь сменить ночную рифму «пабы-клубы-бабы» на какую-нибудь к слову «порядок».

— Чистота, Богданчик. Только вот крокодил... Куда подевался-то?

На лбу менеджера образовались две озабоченные складки.

Он достал из кармана мобильный, набрал номер. Долго не отвечали. Богдан чертыхнулся и набрал еще раз. Наконец повезло.

— Ариша? Спишь? Чего? Ах, простудилась... Плохо... Лечись там... Слушай, у меня тут вопросик один. Куда зеленого девали? Ну, крокодила. Что? А-а... Ты это серьезно? Ну ничего себе! Жжёте! А я подумал, что сбежал... — Богдан гаденько хохотнул.

Он спрятал трубку в карман и растерянно уставился в пол — мысль нехотя распихивала добытые сведения по дырявым карманам мозга.

— Что там сказали? — поинтересовалась Марина Сергеевна, подобострастно заглядывая в кое-как выбритое лицо начальника. — Продали голубу?

— Умер. Представляете?

Труп обнаружили вечером.

Зеленые глисты цифр электронных часов акробатически изгибались, показывая начало двенадцатого — «Сытый-сити» был пятнадцать минут как закрыт.

По-гусиному вытянувшись к складному зеркальцу, поставленному на витрину — там, в морозных глубинах, зернилась разновсяческая икра — прехорошенькая Галинька, она была уже в дубленке, возила по верхней губе восковым пальцем гигиенической помады.

Она дожидалась Женю, которая сдавала отчетность, чтобы вместе с ней идти к автобусу.

Не то чтобы идти в одиночку было опасно — микрорайон слыл приличным, хорошо освещался, да и улица производила впечатление людной, но такова была традиция. Галинька и Женя считались подругами.

Увлажненные губы призывно заблестели и Галинька удовлетворенно сложила помаду в косметичку.

Женя все не шла.

«Опять опоздала, копуша. Небось теперь там очередь на сдаче. А может Богдан решил проповедь прочесть, чтобы потом ему в кабаке веселей гулялось...» — вздохнула Галинька, извлекая из косметички голубой карандаш.

Раз есть время, можно и глаза накрасить.

Зачем прихорашиваться на ночь глядя (Галинька незаконно жила в женском общежитии Текстильного техникума, сразу по возвращении с работы она смывала косметику и, даже не поужинав, ложилась спать), было непонятно. Но Галинька привыкла доверять своей интуиции, а она, голосом старшей сестры — та еще в начале девяностых перебралась в Москву и теперь служила в салоне красоты — говорила: так правильно.

«Вероятно, она красится, чтобы осимволить Великое Освобождение, с которым у нее ассоциируется всякий конец рабочего дня. Это как пострижение новобранцев или молодых монахов, только наоборот...» — подумал проходящий мимо разнорабочий Саша. Он медленно грохотал тележкой, полной мороженых минтайных обрубков.

Смугленькое веко Галиньки послушно замерло, голубой карандаш прочертил длинную жирную стрелку.

Теперь левое.

Галинька примерилась... Как вдруг в карманном зеркальце, двустворчатая раковина которого как будто затаилась, чтобы вот-вот цапнуть девицу за нос, мелькнул желтый аквариум, точнее, акватеррариум, с единственным в экспозиции крокодилом. Одну третью часть составляла сухая пластиковая площадка, куда крокодил кое-как выбирался по ночам, чтобы порычать, поскрести когтями. Привычным взглядом Галинька окинула датчики — фильтр работает, температура воды 24, воздух — 35 градусов... Как во Вьетнаме.

Хозяин вольеры, молодой вьетнамский крокодил, лежал на дне, как обычно.

Нет, не как обычно.

Брюхом вверх!

Галинька громко вскрикнула, вскочила со своего вертящегося стула.

— Ты чего, Галка? — встревоженно поинтересовалась Женя, трогая ее за плечо.

— Посмотри же! Там, вон! Что ли, сдох?

Женя повернулась к аквариуму.

— Ну... да. Ужас какой...

— И что теперь?

— Наверное, похороны, — пожал плечами Саша, его крупной лепки ироничное лицо, обросшее двухдневной щетиной, блестело от трудового пота.

Но в этой Сашиной шутке не оказалось никакой шутки.

В секции рыбы и морепродуктов собрался народ.

Все еще в дубленках, Галинька и Женя походили на женмироносиц из баптистской брошюры. Они стояли ближе всех к аквариуму, излучая скорбное спокойствие.

За ними, оплывая от усталости как большая новогодняя свеча, расположилась продавщица из кондитерского Серафима, немолодая, неповоротливая женщина, всяким торговавшая на своем веку. Эпоха обэхаэсэса, с ее редкими, но оттого втройне грозными расстрельными делами, борьбой против несунов, «особо крупными размерами» и прочим народным контролем наложила на Серафиму печать непроходящего испуга. Выражение ее увядшего лица наводило Сашу на мысли о гримасах гибнущих внезапной насильственной смертью — оно было недоумевающим и одновременно мазохистически-радостным.

Серафиму придерживала за талию уборщица Нона — бесправное существо родом из грузинского села. Когда-то их названия завораживали даже диавольски требовательного поручика Лермонтова, теперь же не умели запомниться картографу.

С той же стороны витрины, что и Саша, стоял, поигрывая брелоком от машины (он никогда не упускал случая уточнить — «иномарки»), охранник, отставной майор Молоштанов. Крючковатый нос, мелкие бесцветные глаза, волосы в ушах.

Поодаль теребила пачку дамских сигарет Арина, менеджер этажа. Время от времени она изменяла позу, чтобы дать отдохнуть своим натруженным ногам, переобутым уже для улицы в теплые сапожки на высоком каблуке.

Остальных Саша, работавший в «Сытый-сити» только четыре месяца, совсем не знал.

Все по-разному молчали, вглядываясь в мутную воду аквариума с покойником.

«Гражданская панихида», — усмехнулся Саша.

— Товарищи, что делать будем? — воззвала Серафима, оборачиваясь. На собраниях трудового коллектива супермаркета она всегда что-то предлагала — сказывалась советская выучка.

— Ну... как это что? Закопаем!

Галинька зачем-то всхлипнула.

— А по ведомости проведем как «браковку», — задумчиво заметила старший кассир.

— Не получится. При браке нужно оформлять возврат, — сказала очкастая девушка из бухгалтерии. — А эта «Гортензия-альфа», которая нам животное поставила, уже месяц как самоликвидировалась, директор вообще в розыске...

— Тогда оформим как «порченый».

— Теоретически можно. Только если будет проверка, с меня за «порченого крокодила» снимут премиальные... Скажут, неправильные у тебя, Шарова, шутки.

— Можно сделать, чтобы его купили, — предложила Женя.

— Да кто его дохлым купит? Его и живым-то никто не покупал...

— Почему, предыдущего же купили, — возразила Галинька.

— То случайность была. Такие фраера, с фантазией, нынче редкость... — Молоштанов улыбнулся своему воспоминанию, сверкнул золотой зуб.

Эту популярную историю — про фраера с фантазией — Саша уже слышал. Некий бизнесмен привез купленного в «Сытый-сити» крокодила на стрелку с контрагентами, думал удивить. Поскольку он приехал раньше, сдал спортивную сумку с тварью в гардероб ресторана. Пока то да се, крокодил выбрался, довел до апоплексического удара лысого метрдотеля и принялся за сонную кухонную челядь... Его ловили габардиновым чехлом от дивана под улюлюканье и свист официантов, а потом, озлобившись, палили в болотно-серую тушку из газовых пистолетов, пока она не затихла на фальшивых булыжниках декоративного камина. Происшествие попало в газеты.

— Вы не поняли, — настаивала Женя. — Можно в складчину его купить, а потом похоронить. И тогда проблем не будет в отчетностью.

— Ты что! Такие деньги... Я лично возражаю! — заявила Серафима. — По справедливости, пусть начальство покупает. Завтра надо Богдану сказать.

Все промолчали, соглашаясь с Серафимой.

— Он, кажется, уже вонять начал...

— По-любому похоронить надо. Все-таки зверь... И, между прочим, антисанитария! А то как инспекция?!

— Похоронить, говорите? Имейте в виду, фройляйн, температура за бортом минус двадцать два! — возвестил Молоштанов. — За три часа яму не выроешь! Когда мы в Ямало-Ненецком...

— В контейнер с мусором — и вся недолга, — сказал Саша.

На него посмотрели так, будто он только что предложил испражниться в директорский сейф. Нет, хуже. Коллеги глядели на Сашу, как древние индийские отшельники-аскеты, живущие одними пранаямами, должно быть, глядели на лесных дикарей, питающихся сырым мясом — со смесью отвращения и жалости.

— Вы что, Александр! — взвизгнула Галинька.

— Об этом не может быть и речи! — поддержала ее Женя. — Мы его страшно любили! Я лично ему давала птицу, особенно он непотрошеную любил, и чтобы неощипанную... Рыбу ему давала, даже крысу один раз, ничего для него не жалела... Он такой был маська! Нет, его обязательно надо похоронить. По-нормальному. В земле! Разве это не понятно?

«Может, еще и место на четвертом кладбище приобретем? Скинемся на мраморное надгробие. Или, чего там, сразу на бронзовую фигуру — рептилия присела на задние лапы, напряглась для рывка в Вечность...» — но на этот раз Саша благоразумно промолчал.

— Оно-то, может, и правильно. Только где взять эту землю при минус двадцать два? А снега-то, снега, между прочим, полметра!

— Да вот хотя бы на «Заре», возле теплиц, — предложила кассир. — Я заметила, там земля всегда теплая, черная, трубы везде проходят.

«Зарей» назывался тепличный комбинат, им владел тот же холдинг, что держал «Сытый-сити». Там выращивали помидоры, огурцы и перцы, которыми круглый год торговала овощная секция. Овощи с «Зари» приходили бледные и плюгавенькие, какие-то недоношенные, не чета турецким и особенно египетским, глянцевым и мясистым. Но девчонки из овощной, с подачи Богдана, принялись рекламировать их как «экологически чистые», «без химии». Продажи пошли — ничто так не тешит русского человека, как подражание европейским бзикам.

— Значит решено: надо похоронить! — подвела черту под дискуссией Серафима. — Вот вы бы, красавицы, и занялись.

— Я не могу, — виновато проблеяла Галинька. — Сегодня в общежитие после двенадцати пускать не будут... На улице, что ли, мне ночевать?

— У Денисси завтра утренник, а мне еще подшивать костюмчик Кота-в-Сапогах. Знакомые дали, но размер большой. — Женя в отчаянии заломила руки.

— Ну, обо мне и речи быть не может. — Охранник со значением хлопнул пятерней по кобуре. — На посту! Вчера, понимаешь, шпана какая-то пыталась залезть в отдел сертификатов по пожарной лестнице... Пришлось вызывать усиленный наряд!

И, как видно, для усугубления произведенного впечатления, Молоштанов напел: «Как много их, друзей хороших... Лежать осталось в темноте... У незнакомого поселка...»

— «...На безымянной высоте», — зачем-то подтянул Саша. — Мой папа эту песню очень любит.

На Сашу вновь посмотрели осуждающе. Будто, в соответствии с неписаным кодексом Молоштанову петь было можно, а ему, Саше — нельзя.

— Вот пусть Саша его похоронит, — предложила Серафима, сурово сдвинув нарисованные брови. — Все-таки мужчина...

— И на «Зарю» ему легче съездить.

— Да вы что — половина двенадцатого! — попробовал отбояриться Саша, хотя и понимал: решение уже принято где-то там, на заоблачной вершине, куда ведут все ниточки. — Нет, ну подумайте... Вот приезжаю я на эту «Зарю», хватаю за грудки в ду-

пель пьяного сторожа и ору: «Пропустите меня, мне надо крокодила похоронить!»

Саша обвел присутствующих красноречивым взглядом. Но сочувствия не встретил.

— Между прочим, Константин Петрович не пьющий, — с непроницаемым лицом заметил Молоштанов. Как и все отставники, он был фанатичным поборником цеховой солидарности.

— Кто такой Константин Петрович?

— Охранник «Зари». Сейчас его смена.

— Ладно, я поеду, — покорился Саша. — Если мне, во-первых, дадут денег на такси. А во-вторых, если мне гарантируют, что этот Константин Петрович откроет ворота!

— Деньги дадим. А вот насчет гарантий — кто вам такое вообще гарантирует? — возмутилась Женя. — Между прочим, есть телефон у этой «Зари»?

— Телефон знаю, — пробасил Молоштанов. — Только охрана к телефону не подходит. Не обязана.

— Имейте в виду, если меня не пустят на «Зарю», я выброшу этого крокодила в сугроб и поеду домой, — решительно заявил Саша.

«У меня вообще жена беременная!» — хотел добавить он, но почему-то не добавил.

— Выбросишь? Да ты что, ирод! — Серафима агрессивно подбоченилась.

— Мы его как человека любили! Как маленького! — всхлипнула Женя. — Когда фильтр чинили, он у меня в ванной жил, мы ее оргстеклом сверху накрывали! Он меня через стекло узнавал! И Галку тоже!

— Съездите с ним кто-нибудь! — воззвала Галинька. — Для подстраховки!

— Ладно. Я съезжу, — проронила менеджер этажа Арина.

Саша не был с ней знаком лично, но, конечно, часто видел проворно шагающей через кассовый зал. Одевалась она без традиционных для местных девушек молодежных затей, но, пожалуй, со вкусом. Носила неотличимые друг от друга серые шерстяные юбки до колена и белые блузки с корпоративным шейным платком. Некоторые блузки были прозрачнее других и под

ними, особенно когда Арина наклонялась, виднелся лифчик, случалось что черный. Разнорабочим и грузчикам Арина никогда особенно не нравилась — проигрывала Снежане из моющих средств сразу по всем существенным пунктам, а Кисе из чая-кофе — по высоте каблуков и обхождению.

— Только вы, Галина и Евгения, пожалуйста, выловите этого крокодила сначала, — велела Арина. — А потом сходите в упаковочную и заверните в пищевую пленку. Лучше несколько раз, покрепче. Это ясно?

Никто не шелохнулся.

— Галина, Евгения, я к вам обращаюсь, — с ледовитой мягкостью королевы повторила Арина.

Вполголоса причитая, продавщицы принялись исполнять.

Разбредалась панихида...

Шаркая в подсобку за вещами, Саша размышлял о том, сколько же, должно быть, неизрасходованной любви и сострадания неприкосновенно хранится в душах этих людей, если они заботятся даже о мертвом крокодиле.

Арина была менеджером продуктового этажа. В рамках внутренней иерархии «Сытый-сити» — большой шишкой.

В рамках Сашиной внутренней иерархии хомо сапиенсов — ...Саша затруднялся назвать место Арины в ней. Ясно, что на Олимпе — Карамзин и Шпенглер, Блок и Ключевский, пониже — профессора истфака и отец с матерью, плюс, наверное, Леля, если спуститься еще на уровень — друзья и собутыльники, раньше там квартировали и университетские коллеги. А в придонном песочке копошатся трудящиеся, случайные прохожие, говорящие головы из телевизора, и вот интересно, куда поместить менеджера зала? На песочек или выше, к бывшим коллегам... но додумывать эту мысль Саше стало лень.

Ловить такси не пришлось — грузовому фургону с рекламным ярлыком супермаркета на крутом лбу было по пути. Водитель, коренастый мужичок в кепке как у французских жандармов и высоких валенках согласился подбросить. Вошел, так сказать, в положение. Это была заслуга Арины.

Свет в фургоне не горел. Они сели на лавку для грузчиков.

Крокодила положили у ног — поверх пищевой пленки. Он был замотан в отрез белой ткани с выделяющимися синтетическими волокнами, пропечатанной кое-где фиолетовыми надписями на немецком. Саван был перетянут скотчем, причем довольно умело, так, что получалась как бы ручка для переноски — на славу постарались в секции доставки.

«Это у вас что — елка?» — поинтересовался водитель.

Сверток оказался довольно увесистым.

«Надо же... А с виду такой тщедушный крокодилишко...» — удивился Саша, не без усилия забрасывая тушку в черную утробу фургона. Следом полетел сверток с инструментами — совком, лопатой и зачем-то веником.

Машина тронулась. Выезжая с территории супермаркета, фургон заложил вираж вокруг исполинского сугроба и Арина едва не упала. Если бы не Саша, по-дружески поддержавший ее за талию, упала бы наверняка.

Отняв руку, Саша почувствовал томительную неловкость. Все-таки малознакомая женщина, да еще и начальница...

Крокодилу тоже досталось на вираже — сверток стремительно проскользил в сторону дверей и глухо о них бахнул.

Пришлось Саше, держась за стену, подобраться к нему и возвратить на место. Можно было, конечно, так и оставить. Что ему теперь, крокодилу, до человеческих представлений о благолепии последнего пути? Но Саша постеснялся Арины.

Итак, крокодил вновь простерся у ног — Сашиных, обутых в грубые, с осени не мытые башмаки, и Арининых, в элегантных замшевых сапожках.

«Сорок третий размер плюс тридцать седьмой дают при сложении восьмидесятый размер...» — Сашины мысли блуждали.

Устроив подбородок на упертых в сведенные колени руках, Арина пристально смотрела на сверток. Ее слабо освещенный профиль казался значительным и печальным, как у барышень со старинных камей.

«Надо бы развлечь ее».

— А я, знаете, о чем думаю? Что мы с вами похожи на жрецов египетского бога-крокодила Себека. В Древнем Египте был такой город, в Ливийской пустыне — Шедит, греки называли

его Крокодилополем. Там рептилии жили вольготно... При храмах. И всюду им был почет и слава — воплощения Себека! Считалось, что мистическое тело бога-крокодила состоит из обычных, рядовых крокодилов, точнее, что рядовые крокодильчики его составляют, ну, все равно как, допустим, совокупность всех влюбленных на земле отчасти составляет то, что мы называем «любовь»... Вообще, конечно, там была посложнее теория, но сейчас это не важно. В общем, крокодилов там хорошо кормили, даже поили вином, а после смерти бальзамировали. Археологи нашли такие кладбища... Мумии крокодилов по всем стоящим музеям пылятся, разве только в Саратове нету. По свидетельству современников, крокодилы там расхаживали по храмам совершенно свободно, увешанные золотыми украшениями. И если хотели кого-нибудь скушать из прислуживающих рабов, им, конечно, дозволялось... Так что нынешние мы, когда готовим крокодилье мясо, лишь восстанавливаем историческую справедливость по канонам Ветхого Завета. Зуб за зуб... Или вот еще вспомнил забавное: если родители-крокодилы умирали и оставляли без присмотра кладку яиц, добрые египтяне выковыривали яйца из навоза, пропитывали их бальзамической смолой и тоже хоронили... Чтобы папа и мама на том свете без чад не скучали.

— Вот это да... Откуда вы все это знаете?

— Я историк.

— Любитель?

— Почему? Дипломированный. После университета, даже аспирантуры. Хотя и любитель, конечно, тоже.

— Извините за глупый вопрос, ради бога, — смутилась Арина. — Я всю жизнь проработала в торговле... Просто успела забыть, что ведь и в наши дни бывают где-то еще университеты... Чувствую, скоро начну носить свитера с люрексом, слушать певицу Валерию и певца Киркорова... Как все у нас...

— Неужели нигде не учились? Речь у вас интеллигентная.

— Не велика заслуга. У меня родители преподаватели, дедушка даже проректором был. В машиностроительном институте. Так что корни.

— А почему не учились?

— Знаете, в 1991 году, я еще девочка совсем была, я вдруг очень остро поняла такую истину... Низкую... Как бы вам объяснить... Что все равно придется собой торговать. Ну, в переносном смысле, конечно... Родители нищие мечтатели, квартира — однокомнатная, конфеты мне позволялись только по воскресеньям, джинсы покупали «на вырост», с расчетом на целый год. Вот я и решила, лучше начинать зарабатывать сразу — большего достигнешь, пока все это тебе не опротивит. Вот вы — вы же, в конечном счете, тоже работаете в супермаркете, а не, допустим, учителем истории.

— Я бы, может, и не против учителем. Это, в сущности, так... своеродно. Недавно читал книгу про географа, который глобус пропил. Душа моя сначала развернулась, широко-широко, а потом завернулась, то есть свернулась в такой вот изящный вензель, какие, знаете, раньше гнули, чтобы украшать кованые ограды помещичьих парков, по-моему, что-то похожее было в Летнем саду... Ну, врать не стану, про школу я всерьез не думал, а вот в аспирантуре три года отучился, собирался защищаться, все по-настоящему. Но потом жена забеременела. Стало не до вензелей.

— Надо же! И когда срок? — с детской, ясноглазой улыбкой поинтересовалась Арина. Все в ее облике вмиг переменилось. Она стала похожа на Фею Орешника, приводящую в боевую готовность волшебную палочку, мановением которой все оживут, разбогатеют, укрепятся духом. Саша заметил, женщины всегда встречают весть о чужой беременности по-детски искренне, на необычайно возвышенной сестринской ноте.

— Кажется, в марте. Черт... Или в апреле?

— Ну и ну! Весной! Славно-то как! УЗИ делали?

— Леля почему-то не хочет. Она такая суеверная... Кажется, мать ей какое-то объяснение привела такое, оккультное. Что вроде как до седьмого месяца нельзя.

— А-а, ясно, — кивнула Арина, посерьезнев. — А почему разнорабочим пошли?

— А кем еще?

— Ну не знаю... Хоть кассиром.

ется» или «Себек доволен», но язык не послушался, спросил совсем другое.

— Извините, Арина... У вас мужчина есть? Ну там муж, или что...

— Есть, конечно. Он работает в «Интерфуд плюс», мы через них фрукты закупаем, финдиректором. Про таких говорят «хороший человек». Больше добавить практически нечего. Мы поженимся следующим летом. Или осенью. Когда достроят дом, где мы проплатили двухкомнатную. Если бы меня кто-нибудь спросил, счастлива ли я, я сказала бы «почти да». Только сейчас никто не задает таких вопросов. Как будто слово «счастье» — оно...

— ...Табуированное, — подсказал Саша. Недавно он уже размышлял об этом, когда листал в гостях у племянницы брошюру «Темы для сочинений, 10 класс». Абстрактные темы вообще куда-то подевались, вместе с большими красивыми словами «добро», «правда», «справедливость». Может, схоронились на время, а потом, через десяток лет, вылезут, исхудавшие, но непобежденные, из своих катакомб?

Побуксовав не для виду, машина встала — водитель заглушил двигатель.

«Приехали! Там она — ваша «Заря». Дальше дороги нет!»

Узенькая полоска света между створками дверей превратилась в широкое бледно-золотое полотнище.

Сугробы сменялись ледяными скользанками, но идти было в охотку.

Они быстро миновали спящий микрорайон, который, припомнил Саша, назывался Печники. Двухэтажные дома послевоенной застройки дышали уютом, будто и впрямь в сердце каждого из них топилась белая русская печь, а на ней бил баклуши Емеля.

Местные жили наполовину сельским укладом — тут и там виднелись прирезанные к балконам первого этажа огородики в квадратных скобках смородиновых кустов, на дверях подъездов не водилось домофонов, самосадом росли гаражи и на грибные

— Тоже мне, должность. Сидишь целый день перед этим ползущим обочь конвейером, слушаешь, как машина чеки пробивает. Сдачу из выдвижного ящика вылущиваешь... «Это бананы из уцененки? Почему морковь не взвесили?! У вас что-то со штрих-кодом, почему-то не соответствует. Покажите, пожалуйста, ваш рюкзачок...». Безвыходуха, Арина! Вот как у этого несчастного крокодила в аквариуме... — Саша легонько пнул белый сверток носком.

— Вы поосторожней. Вдруг он и правда египетский бог. Еще обидится. Нашлет на нас какую-нибудь гадость...

— Уже наслал. Тащимся на другой конец города ночью...

— Нет, нельзя так говорить! Какое ни есть, а приключение, — назидательно сказала Арина. — Хоть что-то новое. У меня от этой схемы дом-работа-дом-работа скоро начнется эта самая, как в старых романах... инфлюэнца.

— А дома-то небось волнуются.

— Так позвоните.

— Уже позвонил, пока вы с шофером договаривались.

Разговор угас. Саша рассматривал сверток. Ему даже начало казаться, что он начал под складками ткани различать, где у тушки лапки, а где мордка. И даже какое у этой мордки выражение.

Машина вновь заложила крутой поворот. Однако на сей раз Арина удержалась на месте, крепко вцепившись в лавку обеими руками. Саша досадливо взглянул на нее — у Арины была такая тонкая, сильная талия, чувствовалось даже сквозь подбитое ватой твидовое пальто. Вот и упорхнуло счастье за эту чудо-талию подержаться. Одной ночной фантазией больше. Или меньше. Не понятно.

Между тем Арина перехватила его взгляд. И по тому, как она искривила губы, Саша вдруг понял, что она прочла его последнюю мысль точно, буква в букву. Может, в темноте обостряются телепатические способности? Его прошибла испарина.

Он хотел замять неловкость рассказом про жрецов Себека, поинтересоваться, известно ли ей про распространенное египетское имя, которое на русский переводится как «Себек раду-

Он был явно выпимши, но запаха не чувствовалось. Впрочем, Саша знал, так бывает — давным-давно водитель автобуса дядя Петя объяснил подростку Саше, что лучший друг таксиста — настойка боярышника на спирту, сердечное средство. Воздействие классическое, запаха — ноль.

Их впустили и даже проводили туда, где, словно в сказке о Двенадцати Месяцах, чернела среди снегов жирная плешь незамерзающей поляны. Даже предложили чаю. От чаю они, правда, отказались.

Нехотя пошел снег.

Вначале они уложили крокодила в центр поляны, затем Саша отступил от краев свертка на полметра и, оттащивши трупик в сторону, принялся рыть. Саша налегал на свое тупое орудие, Ариша тут же выгребала землю совком. Слаженно, почти мануфактура.

И вроде бы задача пустяковая, но вглубь продвигались медленно.

Несмотря на кусачий мороз, оба быстро вспотели. Саша освободил горло от шарфа, расстегнул куртку и стянул с головы черную вязаную шапочку, какие в малоимущих слоях населения зовут «киллерками». И если раньше он, нестриженый и небритый, в своей ношеной, сплошь черной секондхендовской одежке был похож на перевоспитавшегося каторжанина, то, расхристанный и потный, он стал похож на каторжанина беглого. Опасного. На все способного.

Ариша придирчиво осмотрела его с ног до головы. Прыснула.

— Не боишься простудиться?

— Никак нет! За крокодила, любимца публики, не пощажу живота своего... — с мрачной иронией присягнул Саша. — Да здравствует Древний Египет, наше светлое прошлое!

Они вгрызлись в черную, комковатую почву еще на сантиметр, когда в кармане Сашиной куртки задребезжал мобильник.

— Ты сейчас где? — спросила Леля, в ее голосе сквозили стервозные нотки.

— На работе.

— А точнее?

поросли смахивали вентиляционные выходы погребов, снабженные мухоморными шляпками.

Жильцы уже спали — только в одном незашторенном окне спорили о футболе хмельные хари, да еще, пожалуй, кое-где темнота комнат была подсинена телевизионными отсветами.

Указатель «На «Зарю»» обещал триста метров. И Саша с радостью отметил, что вот еще целых триста метров перед ним будет законно вышагивать красивая и почти незнакомая женщина.

Арина молчала. Но молчание это было не отчуждающим, а напротив — каким-то хорошим, светлым. Саша с удовольствием вообразил, что она сейчас думает про него.

Остановились у ворот «Зари». Арина нажала на кнопку звонка. Со двора донесся звон цепи, совсем уже деревенский — это сторожевой кабыздох высунул башку из будки.

Но вот звон стих и воцарилась ночная, лесная тишина.

Обоим вдруг показалось: никто и никогда не выйдет на их зов.

И Саша со всей остротой ощутил, насколько же шизанутой была затея хоронить горемычного крокодила именно здесь, именно сейчас. Не говоря уже о том, насколько все это вообще ненормально.

Неожиданно Арина сняла меховую рукавицу и протянула Саше руку.

— Давайте вы будете звать меня Аришей, — предложила она.

— Легко! — Саша заметил, у нее крепкое рукопожатие.

— И еще... Давайте перейдем сразу на «ты». Я обычно против всего такого... Мое правило — никаких брудершафтов. Но с вами... я и так уже два раза ошибалась.

— Я заметил. — Саша польщенно улыбнулся.

И тут... как будто на небесах дали зеленую улицу. Всё вдруг стало двигаться шустро и плавно, как действие в балете. Им тотчас отперли. Охранник был уже предупрежден Молоштановым и в своей рефлексии над ситуацией ограничился куплетом из песни про крокодила Гену и вопросом, почему не приехала Шапокляк.

Саша подтащил сверток с рептилией к краю могилы, кое-как устроил его в углублении. Яма вышла мелковата и лапка покойника никак не хотела прятаться. Саша бережно примял ее ногой.

— Так послушать, все его обожали, как родного сына. А имени почему-то не дали... — пробормотал Саша, нагребая землю в могилу.

— Откуда ты знаешь, что не дали?

— Проговорился бы кто-нибудь. Та же Галинька.

— Не обязательно. Я однажды спросила у Галиньки, в каком году она родилась, анкету заполняла. Она минуты три думала, даже слышно было, как мозги скрежещут... Это я не к тому, что она тупая. Просто она... — Ариша смолкла, подбирая слово.

— ...думает телом, как танцовщицы или боксеры, — подсказал Саша.

— Ну да, так. У женщин это часто... А знаешь, Саша... Так комфортно с тобой! Ты умеешь проговаривать то, что у меня не получается сказать. Не хватает навыков.

— За это бы выпить... — с тоской произнес Саша.

— Жаль, что нету. А, впрочем... Почему нету? Послушай, самое смешное, что есть!

Выпрямилась, метнулась к своей сумке, что стояла на деревянном ящике, улыбающаяся Ариша. Села на корточки, принялась вести раскопки. На снег выскочили щетка для волос, затрепанная записная книжка, закладкой в которой подрабатывала плоская белая пачка дамских сигарет, спящий мобильник, кошелек и... стопятидесятиграммовая текила.

— Вот! Мне Богдан подарил, партия оказалась подгулявшей, в смысле документов. Уже неделю ее таскаю, забываю выложить. Тут, правда, немного... Два глотка.

— Ничего, мы символически. — Саша бережно принял крохуи теперь разглядывал.

Он свинтил пробку и пригубил первым.

Текила жахнула в желудок, как сани с ледяной горы. Ариша тоже приложилась и сразу за этим жадно закурила.

Потом выпили по второй. Краем глаза Саша заметил, что охранник подсматривает за тризной из окна сторожевой будки.

— На тепличном комбинате «Заря». Улица Красных танкистов, строение два. Во дворе.

— Это же... это же хрен знает где! Как тебя туда вообще занесло?

— Я же тебе сказал, я на работе.

— Чтоб тебе так платили, как ты там уродуешься!

— Ты же этого сама хотела. Разве нет? — сказал Саша безразлично.

— Ты не ответил, что ты там делаешь.

— Хороню крокодила.

— Что-о-о? — в этом тяжелом «о» переливалась целая гамма чувств, ни одно из которых не способно было сделать жизнь прекрасней.

— Хороню... Послушай, долго объяснять. Все равно по телефону ты не поверишь.

Присевшая на корточки Ариша громко чихнула. Потом еще раз. Ее шапка рывком сползла на брови, а потом и на переносицу.

— Кто там у тебя чихает?

— Моя коллега Арина... Ивановна.

— Ты еще скажи, она старая и уродливая, — злобно бросила Леля.

— Этого я говорить не буду. Потому что это неправда.

— Ну, как знаешь, — загадочно изрекла Леля и повесила трубку.

— Ты слышала? — спросил Саша. Тишина вокруг стояла такая, что это было бы немудрено. Саша даже различал, как в далекой будке почесывает за ухом барбос.

— Нет, не слышала. Но смысл ясен, — отвечала Арина с угрюмой мужской ухмылкой.

Она стянула шапку. Ее прямые русые волосы растрепались по воротнику, щеки были такими красными, что казались нарисованными. Она отложила в сторону свой пластиковый совок — на его задней поверхности красовалась вычерченная масляной краской монограмма «М.С.». Саша не знал, что «М.С.» означает Марина Сергеевна. А вот Арина, конечно, знала. Все-таки четыре года в «Сытый-сити».

«Так погребали они конеборного Гектора тело!» — громко продекламировал Саша и, запрокинув голову, высунул язык — из пустого пузырька выкатились запоздалые кактусовые капли.

— Третий тост — за прекрасных дам!

Трясущаяся от неудержимого хохота Ариша утрамбовала земляной холм и воткнула в изголовье могилы найденный у ближайшей теплицы оцинкованный водопроводный кран с заросшим чем-то вроде зубного камня вентилем.

— Вместо памятника, — прокомментировала она.

— Между прочим, Себек в Древнем Египте отвечал за наводнения.

— Причем тут?

— Кран тоже отвечает за наводнения. Особенно когда ломается. Короче, Себек радуется, младший жрец Ариша.

Дорога назад шла под уклон, и это обстоятельство сообщало их пути дополнительную, к заслуженной уже сделанным делом, пьянящую легкость.

Саша насвистывал «Марш энтузиастов», засунув руки в карманы черных штанов на теплой фланелевой подкладке.

Ариша шагала, пританцовывая. Вертелась, размахивала шапкой и хохотала — Сашиным словам достаточно было лишь отдаленно походить на остроумное замечание, чтобы вызвать ее заразительный колокольчиковый смех.

Совершенно не хотелось расставаться. Темы не иссякали.

— ...Вот ты мне скажи, Ариша, почему, по-твоему, этого крокодила так никто за полгода и не купил?

— Такой замысел Бога. Чтобы он умер и мы с тобой пошли его хоронить.

— То есть это ради нас его не купили. Что ж... Мне нравится эта версия. А еще? Неужели никто в городе не знает, как разделывать и готовить крокодила? Ведь есть же рестораны!

— В ресторанах-то умеют. Во «Взлетающем драконе» крокодилье филе готовят, еще, кажется в «Нефритовом городе». Только там из привозного мяса, оно уже обработано горячим паром. Нам его недавно в розницу предлагали... Отказались, конечно.

— Гм... А как оно на вкус? Пробовала?

— Я? Да чур меня! Я всю эту гадость из джунглей — ну, вроде медузы, обезьяньего мозга, брюшка летучей мыши, никогда не заказываю. У меня от этого, извините, понос. Но Богдан рассказывал, крокодилий стейк напоминает несвежие бразильские куриные окорочка, те, помнишь, из середины девяностых? Размороженные запасы Пентагона...

— Ну знаешь! За такие бешеные башли получить конечность старого бразильского бройлера?!

— Ты не понимаешь, Саша. Вкусовые рецепторы клиентов, которые заказывают в ресторанах крокодилье мясо, к моменту готовности заказа обычно уже намертво сожжены алкоголем. По совести, им можно даже кошачьи консервы подавать, если с луком их прожарить и соусом полить. Я официанткой два года проработала. Что называется, в теме.

— А брюшко летучей мыши на что похоже по вкусу?

— На гузно летучей мыши. Неотличимо практически. Говорят, когда кубинские охотники разрубают тушку, они иногда промахиваются своими мачете и вместо одной части тела в пакет с надписью «На экспорт в Россию» попадает совсем другая, соседняя. Некоторые считают, это они нарочно. И что таким образом трудящиеся революционной Кубы выражают свое «фе» русским предателям Красной Идеи.

Пришел Сашин черед улыбаться.

Они вошли в Печники. Окно с футбольными болельщиками погасло, были темны и остальные. Лишь подъезды сияли столбиками уютного желтого света. Дверь одного была приоткрыта, на свежем снегу виднелась цепочка свежих кошачьих следов — гуляка отправился в сторону помойки, где под сенью зеленых контейнеров толковала тусовка.

— А давай зайдем на минуту? — кивая в сторону подъезда предложила Ариша. — Ноги замерзли!

— С удовольствием. Я и сам...

Они проникли в подъезд и поднялись на два лестничных пролета.

Остановились между первым и вторым этажами. Разом прильнули, уперев руки в подоконник, к разрисованному инеем окну — там в свете фонарей виднелась широкая, с сугробами по обочинам, дорога к «Заре». И этот немудрящий факт — вот мы были там, где метелица, а теперь видим это «там» из теплого «отсюда», почему-то казался чудесным, необычайным.

Раскаленная батарея приятно обжигала ноги своими чугунными ребрами имени первых пятилеток. И Саша хотел отпустить по этому поводу замечание, но будто кто-то невидимый зажал ему рот и замечание умерло, не родившись.

А потом та же неведомая сила развернула их лицом друг к другу.

Вскрикнула железная молния — это Саша рывком расстегнул куртку. С едва слышным фуканьем толстые пуговицы Аришиного пальто высвободились из кожаных петель.

Глаза Ариши пылали. Встречь им пылали Сашины глаза.

Вот руки Ариши протиснулись под Сашин махровый шарф. И она медленно обвила его шею руками.

Саша подался к ней, жадно вдыхая йодистый, мятный запах модных духов.

Оба уже знали, что сейчас будет. Но им не было страшно.

Поцелуй удивительно невинен (если только он не метафора, как в некоторых пошленьких советских фильмах про испанскую старину: «Один только поцелуй, прекрасная дона Анна!» — кричит брюнетистый ловелас, придерживая за локоть даму с черными усиками над губой). А ничего по-настоящему невинного люди не боятся.

Сашины сухие губы показались Арише нежными, как губы лошади. И очень по-хорошему настойчивыми.

Пухлые губы Ариши Саша ощутил как тропический цветок, или может теплый живой фрукт, сок которого исцеляет от всего сразу и дарует желанное, как смерть в девяносто девять лет, забвение.

Они целовались так вдумчиво и деловито, будто с самого утра, или даже месяцы сряду, их сжигала такого именно рода жажда. Как будто пили, не могли насытиться и хотели напиться надолго, впрок.

Их руки медленно, но осмысленно блуждали и, казалось, каждое движение рождает величавое воздушное эхо, какое бывает в церкви. Они не закрывали глаз, бессовестно и в то же время безгрешно рассматривая друг друга — каждая пора кожи, каждая морщинка, каждый волосок выросшей немного мимо брови, должны быть узнаны, сейчас же запечатлены. Даже Сашина щетина очаровывала Аришу, отродясь не любившую бородачей: такова бессмысленная логика экстаза.

Влюбленные, а уж тем более любящие, целуются совсем не так.

В каждом их движении сквозят воспоминания, ожидания, страхи и каждый поцелуй — он как баржа, перегруженная прискорбной ерундой — тем, что о любви писали в книгах, замечаниями, оброненными о нем (о ней?) мамой, тем, как все это выглядит с точки зрения морали и другим социальным мусором. И чем сильнее любовь, тем жирнее жаба, какой предстает акт любовного сближения, где все имеет значение и потом найдет свое место в истории, ведь почти всякая настоящая любовь — это, считай, длинный исторический роман классического извода, тома этак на три, где напервях герой дурачок, затем — сержант Ее величества, а там, глядишь, и сума с тюрьмой, война и плен, вот забрезжило возвращение домой, реванш и женитьба, а там пошли дети, о судьбе которых в эпилоге или трех томах продолжения...

Но самое любопытное: чувственно проникая друг в друга, наши герои знали — вот они целуются, а волшебный мир, который там, за стеклом, зачинает нечто новое, точно так же, как когда сопрягаются тела супругов, где-то там, в сумеречных глубинах Вселенной, раскрываются тоннели, по которым снисходят на Землю души еще не зачатых младенцев, один из которых будет, возможно, вот-вот зачат.

«Само слово «разврат» явно намекает на какие-то разверзающиеся врата, ворота, за которыми важное...» — подумалось Саше.

От одной сумасшедшей мысли никак не мог он отделаться, ласково впиваясь в Аришину бледную шею — что это господин Себек милостиво сотворил для него сей гостеприимный подъезд

с почти уже дворцовыми, как бы малахитовыми потеками на стенах и высокими белыми окнами, эту скрипящую снегом ночь, это настроение, когда все позволено, в благодарность за его жертвенное самоотречение на похоронной ниве.

Он не стал делиться этой мыслью с Аришей, но если бы поделился, с удивлением услышал бы, что, блаженно тычась в его грудь горящим от желания лбом, она думала о том же самом. Перед ее мысленным взором — веки ее были сомкнуты — качали жесткими своими растопырками финиковые пальмы, напоенные Нилом, а в серо-желтой дымке за ними — барханы, чужеземный зной.

Оплетая лианами ноги вокруг Сашиных бедер, Ариша хорошо представляла себе, что может произойти дальше — она усядется поглубже на подоконнике, сдвинет на поясницу шерстяную юбку, быстро-быстро скинет сапоги и стянет шерстяные колготки, вот кожаный хруст брючного ремня, складками ползет вверх Сашин кусачий свитер... Но... Она не то чтобы совсем не желала этого, сколько не различала в этом необходимости, поскольку чувствовала: здесь, в ее сиюминутном счастье, как в школьной задаче по физике, есть свое «требуется» и свои «условия». Так вот: требуется оставаться невинными. Условие: ни в коем случае ничего не осквернить.

А дальше... А дальше, собственно, ничего и не было.

Звучно хлопнула дверь подъезда.

Саша и Ариша отделились друг от друга, спешно приняли благопристойный вид и даже шепотом прикинули, как будет выглядеть разговор с загулявшим допоздна жильцом. «Ну, хоть не нагишом...»

Хвала древним богам, тревога оказалась ложной — сквозняк.

Однако вместо того, чтобы обрадоваться нежданному избавлению, оба помрачнели — сквозь наркотическое марево волшебства на миг проступили контуры реальности.

— Можно я закурю? — спросила Ариша и, не дожидаясь Сашиного дозволения, полезла за сигаретами.

— Знаешь, я когда-то, еще до армии, у-шу занимался. По всем видеосалонам сигали эти малорослики-джекичаны, хотелось приобщиться. Наш тренер, советский кореец Валера, он

вообще любил нас поучить, рассказывал, как должен жить благородный муж, практикующий у-шу. Помню, концепция называлась Золотая Нить. Во время медитации, а перед каждой тренировкой наша группа медитировала минут по десять обязательно, мы должны были представить себе такую нить, которая пронизывает каждый наш день, неделю за неделей, как бы слой за слоем. Тренер учил: нужно сначала представить себе, как ты вдеваешь эту нить в длинную цыганскую иглу и начинаешь прокалывать ею странички своего внутреннего календаря, день за днем, а нитка следом... Да... Так вот иногда, во время особо значительных событий, ну там достиг горизонта, душа что-то важное поняла, сбылась мечта... ну, ты понимаешь, эта нить из обычной становится золотой. А потом, если совершил подлость или просто набухался не там и не с теми, опять становится засаленной ниткой... Надобно жить так, учил наш тренер Валера Пак, чтобы этой золотой нитью было пронизано как можно больше дней. В пределе — вообще все. Не в плане каждый день выигрывать в лотерею, а в плане внутреннего содержания. Маленьких побед над собой, или, знаешь, радость первого снега, девушку красивую увидел на лошади, сложил стихотворение... Говорил, важно само это чувство, что все ваши «я», которые воскресают с пробуждением и умирают с засыпанием, — они едины, их скрепляет эта нить...

— Ясно, — зевнула в кулак Ариша.

— Так вот у меня такое чувство, причем уже давно, что нить-то пронизывает, куда она денется, но она золотой уже сто лет не бывала. Что она сделана из говна.

Ариша моргала как будто спросонья — это дымок попал в глаза.

— А у меня иногда еще хуже чувство, Саша. Что нити вообще никакой нет. И что «я-вчерашняя» похожа на «я-сегодняшнюю» только тем, что ни то, ни другое — не я.

После этих слов Саша привлек ее к себе и они целовались вновь, еще, пожалуй, дольше, но уже как бы прощаясь и одновременно тщась притупить неутолимую боль расставания. И оба ощущали — в губах, в кончиках пальцев сосредоточилось то, что зовется душою. Лишь по скудоумию, думалось Саше, при-

рода наделила людей всем остальным, не ограничившись действительно важным.

Выходя из подъезда, Саша не чувствовал ни раскаяния, какое положено чувствовать мужьям, изменяющим беременным женам, ни приятной легкости, которая так хорошо знакома изменяющим мужьям, ни телесной тяжести, которая гнетет мужей, лишь наполовину, не до конца, изменивших.

Он был благодарен Арише за то, что она «это все начала». Он и сам секунду спустя начал бы.

Им владело настоящее священное безмыслие.

Они шагали уже минут десять, сохраняя кроткое, благодарное молчание, которое по сути было еще продолжением того деятельного молчания в подъезде, когда в Сашину голову забрела первая, такая же тихоходная, как они с Аришей, мысль:

«Вот пошел бы хоронить с мужиком, обязательно бы напился...»

Они стояли у шоссе.

Сначала Ариша голосовала каждой проезжающей машине. Никто не останавливался — проносились, как реактивные истребители, оставляя между колесами разделительную.

Потом Ариша голосовать перестала — они все так же настойчиво брели сквозь ночь, как какие-нибудь полярники. «Командир экспедиции товарищ Арина и ее верная, метр девяносто, служебная псина», — сочинил Саша.

Ослепительно искря в свете фонарей, неслись наискось к земле хвостатые сюрреалистичные снежные хлопья, похожие на лилипутских осьминожек, какие продаются в секции рыбы и морепродуктов.

Чернобурая ушанка Ариши, ее длинная, брови закрывающая челка, лохматый воротник были белыми-белыми.

Она выглядела невыносимо привлекательной и в то же время совсем недоступной. И Саше хотелось одновременно и повалить ее в сугроб, чтобы до утра мучить поцелуями, и в бессилии повалиться на снег перед ней, как египтяне ложились на колючий песок перед своими продолговатыми идолицами, чтобы потом лежать, внимая (или внемля?).

Саше вспомнилось, что подобную естественно-противоестественную гамму чувств он в последний раз испытывал, когда в армии на Новый Год в их часть приехали из города Дед Мороз и Снегурочка.

Рядовые, рассевшись по стульям-шатунам вдоль стен спортивного зала, во все глаза смотрели на завозную диву в белых, расшитых искусственным жемчугом сапожках и островерхом картонном кокошнике. Писклявым девчачьим голосом она читала со сцены поздравления от горсовета, тревожно косясь на баскетбольную корзину — ее истрепанные вервии она во время декламаций Деда Мороза украдкой трогала, вытянув руку.

«Уходит в вечность старый добрый год, шуршит его последняя страница... Пусть лучшее, что было, не уйдет, а худшее не сможет повториться!» — услужливо выдала Сашина память.

За спиной послышался шум двигателя. Из-за покатого склона мебельного склада вынырнули «жигули» первой модели.

— Деньги есть? — спросила Ариша, обернувшись к Саше, когда машина притормозила.

— Неа, — признался он. В его кармане было никак не больше двадцати рублей.

Ариша кивнула. Саша так и не понял, что означает этот кивок — «я так и думала» или «не в деньгах счастье».

Ариша назвала свой адрес. Потом вяло торговалась. Наконец оба залезли на заднее сидение.

— Слюш, такой осадки, да? — проскрипел спереди водитель.

«Как всегда — джихад-такси...»

Пока они ехали к городу, сияющему как будто сквозь слой ваты, шофер плел что-то про зимнюю резину, которая о-го-го сколько стоит. Про внуков, оставшихся в долинах Дагестана, такие озорники.

В салоне «копейки» было тесно. И Саша вновь почувствовал вблизи жар сильного Аришиного тела.

Ариша то и дело отворачивалась к окну, наглухо затканному морозными узорами.

Вначале Саша подумал, ей душно, или просто засыпает от переутомления. Но потом разглядел: она беззвучно плакала. В

отблеске встречных фар ее крупные слезы казались ненастоящими, парафиновыми, как в кино. Саша взял ее руку в свою и нежно стиснул.

Одно было утешение — он чувствовал, плачет она не из-за него. Она плачет «вообще».

Саша вытопил себе пальцем глазок на стекле и притворился, что следит за дорогой. Дважды звонила Леля, но он не отвечал.

Потом они долго, как во сне, стояли на «красном» светофоре, пока до водителя не дошло, что штуковина поломана.

Саше было ясно, что ничего у них с Аришей «не будет», в том понимании этого будущего, которое доступно, например, Галиньке и Жене из секции рыбы и морепродуктов или уж тем более Серафиме. Не будет ни быстрых страстей в картонно-пенопластовых альковах склада, ни зашифрованных под деловые эсэмэсов, ни рассеянных переглядок на собраниях. И того большого, рокового, сверкающего черным бриллиантом, чего так боится Леля, не будет тоже. Ведь уже все было.

Может, завтра она снова обратится к нему на «вы». А он станет обсуждать ее прыгающий бюст с Зыкой, чемпионом курилки по плевкам в длину.

Скрипнули тормоза. Ариша протянула водителю деньги — в том числе и Сашину долю.

А потом они попрощались. Со смесью сдержанности и высокой пробы душевной теплоты, как прощаются потерявшие самого близкого и дорогого человека.

Александр Зорич

НОГИ ЭДА ЛИМОНОВА

Мелькание неопрятных зданий наконец растаяло, и железнодорожная колея ручьем вкатилась в бетонные берега вокзала.

«Харьков...» — пророкотал плотный бородавчатый пассажир. Многозначительно посмотрел на Ивана. Тот рассеянно кивнул в ответ.

Как и его сосед, Иван уже минут двадцать стоял на изготовку возле высокой хромированной цистерны с кипятком, поближе к выходу. Хотелось первым покинуть жарко натопленный, мучительно человечный купейный вагон.

Сумка с вещами стояла у ног этак бочком, чтобы никому не мешать. Иван был одержим идеей никому не мешать.

Стоило вагону, дрогнув в последней стальной конвульсии, замереть, как Иван бросился вослед проводнице в ладной фирменной шинели и мышастой шляпе-таблетке.

Та, выставив изрядный круп, долго возилась с дверью. Шипя, заклинала она ступени, которым назначено было выпадать на перрон. Сзади доносился ропот, различалось визгливое «в конце-то концов!».

Иван прожужжал зиппером зимней куртки, негигиенично отер со лба пот вязаной шапочкой.

Он успел рассмотреть все трещины на перроне внизу (эта — как бассейн Амазонки, а вон та — Нил), меж тем проводница

© Александр Зорич, 2008

все возилась. От железнодорожной колеи исходил бездомный запах одиночества — запах гудрона.

Вот тут-то и застигнул Ивана врасплох знакомый бес сомнений. Привычно вцепился в нежные Ивановы чувствилища — «да стоило ли ехать!», «вот же глупая затея!».

Но вскоре Иван все-таки выскользнул и, широко ступая длинными своими ногами, зашагал сквозь вокзальный гомон к подземному переходу.

Он обгонял бабулек с колесными тачками, перехожих теток с забранными в блестящие коконы упаковочной бумаги сервизами, отвратительными, в стиле гламурный китч, торговок, воздевающих к окнам купе своих мутантов — плюшевых слонов и крокодилов, опережал таких же, как он, пассажиров московского поезда — последние выделялись из толпы повышенной добротностью чемоданов и отрешенно-приветливым, подчеркнуто городским выражением лиц. Теперь Иван улыбался.

Отрезвляюще-свежий ветер хлестал по щекам, впитывал поездной жар и уносил сомнения.

«Хорошо здесь...» — произнес он одними губами. И вступил под римскую сень вокзальной колоннады.

Он кое-как полюбовался видом привокзальной площади, выполненной в восточноевропейском понимании приставки «евро-». И зашагал к группке таксистов — те, словно пингвины, образовывали колонию на маргиналии привокзальной площади.

«Мне нужно такую гостиницу... чтобы в центре, но не очень дорогая», — сказал Иван водителю, который перетаптывался на отдалении от своих и был ощутимо старше товарищей. Людям в возрасте Иван, как и многие юноши, выросшие исключительно на книгах, доверял больше, нежели молодым.

«Сделаем!» — заверил таксист.

Иван растерянно улыбнулся. Он был почему-то уверен, что ему ответят на украинском.

«Вот интересно, вы телевизор смотрите? Случайно не знаете такую журналистку телевизионную — Людмилу Андраш?» — подмывало спросить Ивана.

* * *

С зажатой между ляжек бутылкой вина, чья пьяная горечь восстановлена была из болгарского винного концентрата, Иван казался себе лермонтовским героем — неприкаянным посланцем романтических небес на медленной, косной земле.

Иван устроился на подоконнике своего номера, что был на пятом этаже, и вновь любовно и медленно, как дитя перебирает драгоценные пустяковины из своей тайной сокровищницы, принялся выкладывать перед собой бисер событьиц, приведших его в этот убогий, для проходимцев, не для влюбленных созданный, номер гостиницы. Гостиница между тем оказалась городу тезкой.

Луч мягкого света выхватил из сумерек былого ресторан «Суаре», что на станции метро «Маяковская».

Северо-Западная Страховая Компания, где уже три года служил специалистом по базам данных Иван, снимала там банкетный зал — отмечали вручение премии «Агент Года». Соседний зал, всего их было три, арендовала радиостанция, у тех был день рожденья. В третьем зале, с тамадой, под ритмичную глоссолалию Сердючки, провожали на пенсию знатного милиционера.

Курительный салон, который язык не поворачивался назвать «курилкой» — столь величаво льнули друг к дружке его обитые шелком кушетки и бронзовели пепельницы — был один на всех.

Иван, хоть и не курил, любил места, где курят. Его не раздражал запах, даже нравился. Там шутили, секретничали — словом, атмосфера. Собираясь на пати, Иван всегда брал с собой зажигалку, ведь в курилке ее всегда спрашивают.

Вот и Людмила спросила.

Она сразу понравилась ему тем, что казалась похожей на него самого — дичилась, бравировала своей принадлежностью к классу, который в статусные заведения вроде «Суаре» ходит только по служебной линии. Ее ладное тело, как и тело Ивана, тоже не знало толком, как бы посподручнее на красивой кушетке усесться, она так же сконфуженно медлила, решая, с какой именно силою вежливой приязни следует ответить подошедшему официанту, в интонациях которого не разберешься — не то

заискивание, не то глумливое презрение. Они разговорились. Выяснилось, она из Харькова.

— Я наверное очень смешная, как все провинциалки!

— Смешная. Но в хорошем смысле, — заметил Иван. О том, что сам он из Мурманска, что вначале поступил на мехмат, а потом остался, ну то есть как все, Иван почему-то не сказал.

Они весело маялись в ресторанном фойе. Там было сравнительно тихо и очень культурно: финиковые пальмы в кадках удваивали мраморные зеркала пола, стены расчерчивали высокие пилястры, много темного дерева и капризно-чувственной живописи — интерьер струился в лучших традициях ар-деко.

Он предложил Людмиле свой пиджак — девушка трогательно зябла в своем модно-рвано-мятом, подчеркнуто бутиковом платьице на бретельках.

Она разминала ему плечи, говорила что работает тележурналистом, но в прошлом году окончила курсы массажа. Уверяла Ивана, что боль в суставе от переохлаждения.

Потом они ходили наверх танцевать, хотя Иван не умел. Кое-как целовались.

Несколько раз Людмила, испросив у Ивана извинений, бегала к своим приятелям с радиостанции — лохматым, с клубной белизной лиц, диджеям и их повсеместно пропирсингованным подружкам. И тогда Иван нехотя возвращался к своим, галстучно-пиджачным, там кое-где уже гулял матерок вперемежку с профессиональными «бордеро» и «каско»... Иван был уверен, его отсутствия никто не заметит, но все равно ходил, «для соблюдения протокола».

Всякий раз они соединялись на нейтральной территории.

Около десяти народ начал расходиться. Четверо несли к машине тело лауреата. На сей раз агентом года оказался старый знакомец Ивана по байдарочным походам по кличке Барбос. Галстук безвольно свешивался с ожиревшей за годы безупречного автострахования складчатой барбосьей шеи.

В вестибюле гуляли лютые февральские сквозняки. Становилось неуютно.

— Может, поедем ко мне? Так сказать, продолжение банкета? — предложил Иван, лихорадочно соображая, убрана ли постель и осталось ли съестное в холодильнике.

— Я бы рада... Но у меня поезд в двадцать три пятьдесят пять, — сказала Людмила, жалостно сдвинув брови.

— Что ж...

— Вы не подумайте, Иван, что это предлог! Хотите покажу билеты?

— Если это действительно не предлог, билеты можно сдать, — настаивал Иван.

— Иван... Ну честно... Не могу... Лучше вы ко мне приезжайте. В Харьков, — с классической провинциальной сердечностью произнесла Людмила.

— Что, если приеду?

— А то и приезжайте! Серьезно!

— Тогда адрес пишите. И мыло.

К великому изумлению Ивана, она тотчас от руки написала адрес на подвернувшейся под руку картонке (памятка ресторана «Суаре»). И телефон (он же факс). И мобильный. Напоследок, поразмыслив, добавила адрес электронной почты. «Людмила Андраш, тележурналист».

Потом Иван много раз спрашивал себя, отчего Людмила не дала свою визитку. Ведь наверняка у нее есть, телекомпании обычно делают для всех сотрудников разом, и довольно приличные. Может, с собой не было?

В душе он сразу решил, что поедет. С каждым днем эта уверенность крепла. И однажды украинская девушка Людмила окончательно превратилась для него в желанный символ некоего простого, теплого на ощупь, мира, где вдоволь еды и любви, где бедный комфорт доступен всякому, где шутки просты, а духовность — это не осиянная восковыми свечами всенощная и не предстояние бездне, а нечто сродни умению различать сорта пива и в дождь не позабыть зонт. Украина ассоциировалась у Ивана с кнедликовым, задорно пукающим и отрыгивающим мирком солдата Швейка, с олд мэри инглендом хоббитов, это как попасть в передачу вроде «Готовим вкусно» с правом оста-

ваться там, пока не наскучит. В родном Ивану Мурманске все было не так. Да и в Москве, стальной, необъятной, тоже.

Но бесенок-критикан глумился над идеей харьковской поездки. Не верил Людмиле. «Написала адрес, дурында, а теперь небось жалеет...»

Иван рассказал о новом знакомстве товарищу. Раньше тот работал в Компании, в соседней выгородке, теперь же трудился сетевым администратором в Олимпийском комитете.

Товарищ слыл донжуаном или, как сказали бы встарь, во времена Островского, ферлакуром — это слово очень нравилось Ивану. В подпитии рассказывал всякое, хвалился даже совокуплением с командой по синхронному плаванью во время каких-то там отборочных, что ли, соревнований, где он заведовал компьютерной частью.

— Как думаешь, ехать в Харьков?

— Палюбас! — заверил Ивана распаленный хмелем товарищ. — Клиентка, по ходу, в готовности! Адрес вон написала, чтоб не заблудился.

— И что?

— Ну, приедешь. Позвонишь. Скажешь, что в Харькове по делам, чтоб не воображала себе, ну ты понимаешь... Дальше — как обычно с этими... женщинами...

С притворной непринужденностью Иван кивнул. Он не сказал товарищу, что женщин у него никогда не было.

Когда бутыль со сладковатым пойлом опустела, Иван наконец-то решился Людмиле позвонить. Суставчатые, будто сработанные природой из особой разновидности розового бамбука пальцы Ивана предательски дрожали.

А что если ответит мужской голос?

Или телефон она дала неправильный?

Не ждет? Занята? Была пьяна тогда?

Спросит, отчего он не предупредил ее хотя бы за день по электронной почте. И что он на это ответит?

Заныли в трубке длинные гудки соединения. Дюжина. Вторая. Безнадежно.

Иван набрал еще раз. Но вновь никто не ответил.

«На работе, наверное».

Иван отчертил ногтем номер мобильного, написанный на картонке округлым почерком хронической хорошистки. Напикал и его.

«Ваш абонэнт знаходыться поза досяжностью», — услышал Иван. От неожиданности опешил. Повторил дважды, пока не угадал в грязноватых звуках южного диалекта привычное «вне зоны досягаемости».

«Ладно, вечером».

Он лег на свою кровать, застеленную ворсистым одеялом (в последний раз он спал на такой, когда в детстве, сразу после перестройки, ездил в Астрахань, к тетке — та служила заведующей на базе отдыха, откуда позаимствовала множество предметов обихода). Кровать заныла всем своим скелетом.

Иван сплющил веки и попробовал забыться. В поезде было как в экваториальном лесу, именины попутчика разверзлись этакой пивной воронкой — в общем, ночью отдохнуть, считай, не получилось. Но сон не шел, зато шли, текли, жаркие обманы... Ветер колышет волнистый газ занавески, окно распахнуто в ночь. Сидящая на краю разложенного дивана Людмила старательно оправляет на коленях платье, но вот Иван поднимает взгляд и видит, что это не платье на ней, а юбка с высоким поясом, и между тем, блузки-то никакой на ней и нет... Вот она кладет прохладную руку ему на грудь, касается губами его лба, так делала перед сном его мама, гм... а вот так мама никогда не делала... И вроде бы он к ним привык. Но стыдные эти грезы несказанно ему надоели. Собственно, он и приехал в Харьков за избавлением.

Иван рывком встал.

Оставаться и дальше в номере было решительно невозможно.

Солнце выкатилось из-за серых кулис и, подобно примадонне, величаво шествовало по затянутому дымком небу.

Он глянул вниз, туда, где простиралась самая широкая площадь Европы, уже анонсированная Людмилой в «Суаре».

«Нужно обязательно посмотреть. Вот она спросит, а я скажу: уже бывал, гулял».

* * *

Иван вышел на середину площади. Она была названа както очень по-латиноамерикански, не то в честь независимости, не то в честь свободы.

Он расставил на ветру руки — героиня «Титаника».

Вдалеке, именно вдалеке, ибо площадь оказалась и впрямь циклопической, просторней только китайская Тань-Ань-Мынь (утверждал туристический интернет-портал), громоздились конструктивистские, прямоугольного абриса, дома, чуть левее грел на солнце отсырелый бок младший брат Московского университета, университет Харьковский. Там шли томительные занятия. Иван закрыл глаза. А когда открыл, ему вдруг показалось, что на него, одинокую заезжую букашечку, смотрят теперь изо всех окон, со всех чердаков и балконов зданий, со всех сторон.

«Всем здрасьте... Я из города Москва... У меня тут девушка...» — объяснительно прошептал Иван. Ничего умнее он придумать не смог.

Вдруг вспомнилось, что его начальник любил похвалиться харьковской тещей. А давешний сосед по общежитию — сожительницей-харьковчанкой. У двоюродной сестры Ивана, дородной румяной девицы с основательным именем Клавдия, муж, она называла его Рыся, был «из Харькова» (на самом же деле из ближнего к нему райцентра).

Он подумал, что в Харькове, до Людмилы, у него никогда никого не было — ни родных, ни приятелей. Даже на форуме, посвященном машине УАЗ, где коротал Иван свои редкие интернет-досуги, и то.

Но это, так сказать, во внешнем контуре души.

Во внутреннем — иначе.

«Из Харькова» был у него Лимонов.

Иван читал и ценил его книги. Превыше прочего «харьковскую трилогию» и как бы вырастающую из нее «Книгу мертвых», где умерли, или считай умерли, те, кто вместе с Эдом пропивал получки, грабил сберкассы, отлеживался в дурдоме. Он ценил и «зарубежные» книжки. Про Эдичку-американца, про спрыснутую десятифранковым вином Францию, где в сени твердого, как сыр пармезан, колосса буржуазной культур-мультур

резвился русский поэт, чье любострастие было, как и в СССР, неутолимо.

Иван покупал всё, даже заведомые литературные неудачи вроде тюремных плачей позднего, так сказать, периода творчества. И доставуче-однообразные политические памфлеты со словом «борьба». Однажды приобрел, кривя рот, компилятивную «жизнь замечательных диктаторов», кажется, она называлась «Священные монстры». Осилил, с унылым кряхтеньем, даже эксперименты своего любимца в области формульной литературы — про какого-то там «палача» (в костюме из черного латекса тот порол похотливых мазохистов и тем жил), и бодренькую, из духовного вторсырья, фантастику, где нестарый душой старичок боролся с либеральным тоталитаризмом — тот, подлец, оказывается, придумал закон уничтожать всех граждан, достигших шестидесяти, чтобы не портили резвой юности воздух своим синильным метаболизмом... Однажды все книги Лимонова слились в сознании Ивана в один, симфоническим оркестром гремящий тысячестраничный томище — «Лимонов». И он любил его весь сразу.

Иван повернулся спиной к своей гостинице и зашагал по брусчатке в сторону потока машин, который ограничивал непроезжую площадь с четвертой стороны — вскоре оказалось, это и была премного воспетая Лимоновым улица Сумская.

Возвратился в номер Иван уже затемно. Послонявшись, вновь проэкзаменовал Людмилины телефоны.

Абсолютный коммуникационный ноль.

Тогда он бросился на узкую продавленную кровать и включил телевизор. А вдруг? Ну, Харьков город маленький, полтора миллиона всего, тележурналистов наверняка штук пятьдесят, вероятность есть.

Он пролистал пультом два десятка каналов. Без труда вычленил местные. Сосредоточился на них.

Вот передача о ночных клубах. Мельтешенье рывками освещаемых танцполов. По ним шастает молодящийся ведущий в негритянской шапке, с цепью из поддельного золота поверх тишортки. Камера выхватывает из темноты оскалы полуголых де-

вушек, камера приближается, одеты они как шлюхи, но ведь наверняка обычные такие студентки, не хуже своих матерей. Девушки с преувеличенным пафосом поднимают засахаренные по ободу конусы коктейльных бокалов, лепечут несусветную полуграмотную чушь, «суперски!», «ты — зе бест!», они так хотят казаться испорченными, они демонически хохочут. Ведущий, на совесть испорченный еще при Горбачеве, подмигивает телезрителям, мол, мы с тобой одной крови, мы любим погорячее, он обнимает девушек, «чмоки-чмоки», исподволь рекламируются выступления каких-то коллективов, тем временем бегущая строка обещает исцеление от зависимостей и раззлобление малозлобных (Иван не сразу сообразил, что в первом случае речь идет вовсе не о душевных материях, но о табаке и водке, а во втором — о дрессуре собак), вскоре, мол, ожидаются гастроли супермегазвезды Вовы из Ростова, диджея Анджея, эрос-балета Zasoss, а кстати, в казино «Империал» розыгрыш элитной машины «бээмве» и каждому третьему посетителю супермаркета строительных материалов подарят кошелку дисконтных карточек, а плюс к тому волшебную палку, взмах которой вызывает лавину («лави-и-и-ну» — музыкально воет рекламный голос) весенних скидок на керамическую плитику и обои... Продакт плейсмента и контент плейсмента в передаче было так много, что если в кадр заплывала, к примеру, репродукция картины Климта, то исподволь зрела уверенность: Климт лично пропатил явление по безналу...

На другом канале плескались новости. Широкоротая ведушая с несимметричным лицом и глазами жертвы домашнего насилия читала текст, слава богу, на русском языке.

Все особенности артикуляции, которые приметил Иван в речи Людмилы, где они, впрочем, выглядели нежными и милыми, присутствовали и в речи ведущей — развесистое «ш», гортанное густое «гэ», как бы шипящая помеха на закраинах каждого второго слова. Казалось, тонкоматериальным прасимволом этой речи является столовская скороговорка «щи и борщи».

Новости были жидки и кислы, как помянутые щи: ЖЭКам не хватает денег на вечное жилищно-коммунальное, два миллиона пенсионеров что-то там такое субсидии, в милиции на-

градили самых прилежных и борьба с коррупцией (ведущая произнесла «коррумпцией») ускоряется и крепнет, тем временем новая петлистая горка в аквапарке, а кот редкой породы по кличке Паша взял первый приз на выставке котов редкой породы в польском городе Пшик...

После получаса эфирного этого серфинга Ивану начало казаться, что мозг его, нежный, мягкий, прямо крабье мясцо, натруженно ноет, как бывало после овертайма в Компании.

Позавтракавши, Иван выпил для храбрости коньяка в гостиничном кафе.

Там, на иссиня-зеленых лужайках скатертей, пошитых для экономии из обивочной ткани, топорщились покалеченные уже сигаретными огоньками кустики искусственных цветов.

Добрая половина окружающих Ивана фактур имитировала благородный мрамор (линолеум, навесной потолок), а вторая половина (барная стойка, ледерин на стульях) претендовала на сродство с малахитом. Из бриллиантового мира эстетики в кафе были делегированы допотопные, родом из семидесятых, чеканные ориенталии — чинно висели в простенках шароварно-грудастые гюльчатаи, напротив их верные хаджимураты сдержанно ласкали узкоглазых коней... До головокружения насмотревшись на интерьер, Иван опрокинул еще пятьдесят и отправился по адресу, начертанному Людмилой на картонке.

Таксист быстро нашел нужный дом. Оказалось, это в самом центре, недалеко от улицы Сумской, верхнее течение которой Иван вчера изрядно обследовал.

Лифт не работал. Иван забрался на седьмой этаж и остановился возле искомой квартиры.

Дверь оказалась добротной — бронированной, сдобной, обитой чем-то сочно-красным. Линза глазка была щедро окаймлена золотом. Самодовольный облик двери плохо вязался богемно-неприкаянным имиджем одинокой девушки Людмилы. «Дала чужой адрес!» — радостно завопил бесенок.

Сердце Ивана предательски бухало, и он решил обождать, пока выровняется дыхание.

Он спустился на полпролета и встал возле немытого, зимнего еще окна, за которым, впрочем, бушевало уже по-весеннему лазоревое небо. На часах была половина десятого.

Вот сейчас он позвонит в дверь. Скорее всего дверь отопрет ее мама-инвалид (она упоминала бедняжку). Представим, она только-только поджарила гренки дочери на завтрак. И теперь — морщинистое лицо мреет сквозь клубы пара — утюжит Людмилин брючный костюм для вечернего эфира. Она станет называть Ивана «молодой человек», сетовать, что не прибрано и стучаться в Людмилину комнату в самый неподходящий момент. А может Людмила и сама отопрет.

«Иван! Ну и дела!» — скажет она с ликующим звоном в голосе. Ее узкое лицо с припухшими веками озарится улыбкой.

Иван сам не заметил, как провел в этих беспечных мечтаниях десять минут.

Он опустил голову, напряг шею, как тяжелоатлет перед выходом к снаряду, и этаким фасоном поднялся на лестничную клетку. Навалился на кнопку звонка.

В утробе квартиры защебетал поддельный соловей.

Он звонил и звонил, но ему не отпирали. Склепным покоем веяло из-за красной двери.

Потоптавшись несколько минут на лестничной клетке, Иван все-таки набрался храбрости и позвонил к соседям.

Стремительно отворили.

Дохнуло разрухой, безумием, прокисшими средствами народной медицины.

Пенсионерка в застиранном ситцевом халате и волосатых гетрах из козьей шерсти возникла в сумраке дверного проема. Старообразная цепочка, из фильмов про следователей-знатоков, напряглась где-то на уровне ее серых, как телесериалы, глаз.

— Я по поводу вашей соседки Людмилы, — решительно выпалил Иван.

— Из электрических сетей?

Иван сделал неопределенный жест рукой и промычал что-то неудобопонимаемое.

— Люда обещала все погасить, когда приедет.

— А когда она приедет?

— Она мне не отчитывается, — равнодушно произнесла пенсионерка.

Припекало белое мартовское солнце. В распахнутой куртке Иван брел по улице Сумской, вертя коротко стриженной розовой головой.

В его правой руке шуршала на встречном ветру подробная карта города Харькова — желтая, с резными медальонами достопримечательностей и яркими оконцами реклам.

Книгу «Молодой негодяй», которая подтолкнула его к этой экскурсии, Иван нес в сердце своем.

Позади осталась солнечная площадь, некогда звавшаяся именем Тевелева, где проживал молодой негодяй со своей безумной еврейской женой Анной (ранняя седина, сластолюбивая повадка). От нее в чадную низину катился Бурсацкий спуск, тот самый, по которому негодяй спускался на рынок за продуктами (это были простые продукты — помидоры, картофель, гречневая крупа). Художественной инспекции подвергся и бывший ресторан «Театральный» (там шел ремонт, но двое пожилых штукатуров против близорукого чужака не возражали). Иван запомнил: это из теплого зева «Театрального» молодой повеса Эд выкатывался в ночь, обнимая за талию своего загульного приятеля, бонвивана Гену, на этих вот низких ступенях сердце Эдички сладко екало, открывая новую, нисколько не гетеросексуальную тему, которая доведет-таки нью-йоркского безработного Эдди до рандеву с чернокожим антиноем. Он заглянул даже и в магазин «Поэзия», куда вчерашний рабочий литейного цеха завода «Серп и молот» Эдуард (тогда еще Савенко) устроился книгоношей. Магазин наводил тоску случайным подбором книг, слащавыми до тошного образами исторических гетманов (плакаты, издание для школ) — те усатыми чучелами глядели с полок — и общей своей никчемностью. Иван распознал даже вывеску кинотеатра «Комсомольский», в фойе которого зачаточный поэт Лимонов торговал литературным ширпотребом с лотка. Внутрь не зашел, без билетов не пускали.

Он нашел здесь, пожалуйста, аплодисменты, даже водопад «Зеркальная струя», увенчанный ажурной языческой часовней — об этой диковине Иван читал в лимоновской «Книге воды».

Возле «Струи», кстати припомнил Иван, его командировочный дед по матери, капитан инженерных войск, снимался в пятьдесят третьем году — хмурые мужчины в шинелях привычно сомкнули строй, женщины-наседки в тяжелых пуховых платках — в первом ряду. Дед — крайний справа.

Гладкий, лжеклассический провинциализм «Зеркальной струи» неподдельно тронул Ивана. Вокруг ее резного купола ходили, то и дело схлестываясь кортежами, сразу три небогатых свадьбы, фотограф одной из них даже принял разодетого Ивана за свидетеля. Тот счел это хорошим знаком («А что, если мы с Людмилой...»)

Впереди путеводно маячил парк Шевченко, на лавочках которого Эд целовался с захмелевшими от портвейна девицами, зоопарк, где под тигриный рык и гиппопотамий рев он трапезничал, испепеляя блоковским взглядом «козье племя» с авоськами и сосисками, а там уже, глядишь, можно взять мотор и махнуть на легендарную рабочую Тюренку с улицей Материалистической, где вырос и, подросши, разбойничал подросток Савенко — там пруды и сады, цыган Коля разжился папироской и сидит-мечтает на пригорке, поодаль у реки гутарят за бутылкой биомицина мужички, они «при делах», а под ближней ветлой пудрятся роскошные русалки-шалавы...

В парке Шевченко Иван уселся на волной изогнутую лавочку.

Расставил колени этак широко, с наглым прогибом поясницы.

Так, подумалось Ивану, мог сиживать на этой лавке и сам Эдуард Лимонов. Не тот козлобородый и седой, с речью провинциального артиста и душой, усыпленной дурманом ускользающей власти, Лимонов-нацбол, но тот возвышенный волчонок, от руки переписывавший Хлебникова и Фрейда.

Рядом с Иваном примостились двое молодых людей в кожаных куртках.

Вначале Ивану показалось, они говорят о литературе (их речь частила старинными большими словами — «зло», «хаос», «опыт»). Но наваждение быстро рассеялось: говорили о компьютерных играх. Там «зло» — всего лишь цветной столбик в углу экрана, а «опыт» нужен исключительно чтобы шустрее набирать полные карманы «скора» и «лута», тамошних аналогов благодати.

Иван издал слабый стон отвращения.

Он что хочешь отдал бы, чтобы оказаться сейчас на лавочке в том, лимоновском Харькове, где безо всякой иронии рассуждали о признании, которое поэт может получить в Москве.

Напротив него, на пригреве, сидел, байронически заломив бровь, юноша лет семнадцати. И черные очи сияли проникновенно из его бессонных глазниц. Юноша читал книгу.

Вид у юноши был грозный. Казалось, обочь, видимые им одним, реют ангелы в перламутровых хламидах и демоны в черных, пока язык поэта обкатывает мимоходом дозревающие магические формулы будущего стиха...

Но единожды обманутый вот только что Иван на сей раз был бдителен — первым делом он лишил юношу презумпции духовной изысканности, которой исподволь наделял его дивный, с былинными дубами, парк. А что, если в руках у юноши вовсе не томик Жуковского и не Верлен в оригинале? Краешком души Иван уже предчувствовал: основным мотивом этого дня, а быть может, и дня следующего, станет разочарование, раз-очарование. Иван встал, непринужденно приблизился, спросил у юноши время, исподволь бдительно экзаменуя обложку перевалившейся на бок книги. Это были «Сорок экзаменационных билетов по украинскому языку и литературе»...

Удаляясь по аллее в сторону сумеречной громадины университета, Иван сплел-таки в косицу терханные ниточки своей тоски.

Да, у засранца Лимонова была-таки великая эпоха. И она, как Кетцалькоатль, требовала жертвоприношений. В виде прочитанных книг.

Эд читал. Его друзья читали. Читали все.

А кто не читал, тот по крайней мере сожалел, что не приучен. Делал вид, что обязательно будет...

А вот нынче-то, а? Ивану для того, чтобы пройти собеседование на работу в Северо-Западной Страховой Компании (хотя почему Северо-Западной? правильнее было бы Американо-Канадской!) пришлось утаить весь свой немалый читательский стаж. «Underskilled and overeducated», то бишь «навыков маловато, с образованием — перебор». Это был самый распространенный вердикт при отказах. Причем как только пацаны и девки в отделе кадров начинали подозревать о наличии у тебя образования — нет, не диплома, а именно образования, — не дай бог, добытого жертвенно и самочинно, они сразу и бесповоротно, непонятно, на чем основываясь, отказывали тебе во всяких вообще профессиональных навыках, даже не снисходя до тестирования оных.

Все три года в Компании Иван только и делал, что пытался «казаться проще». Он даже начал стричься накоротко. («Устал изображать из себя интеллигентного человека», — отшучивался Иван в разговорах с приятелями, знавшими его вихрастым обладателем конского хвоста). Он вычистил из собственной речи все старообразные обороты вроде «мон ами» и «антр ну». Вытравил привычку «выкать». Научился отвечать «понятия не имею», когда коллеги разгадывают несуразный своей очевидностью сканворд. А ведь ничего такого он никогда не знал (как знал, например, его прадед, академик-византист, или дед по отцу, автор классического учебника по неорганической химии). Не особым он, Иван, был книгочеем, максимум — продвинутым любителем словесности. Французским владел так себе, на уровне чтения адаптированного для школ Гюго. Но даже и французский на том собеседовании пришлось спрятать. Ограничившись галочкой в чекбоксе анкеты напротив строки «английский: бегло, без словаря».

На следующее утро он вновь явился на свой амурный пост.

С полчаса Иван простоял перед дверью, вдумчиво разглядывая беленые лозы электропроводки на стене подъезда.

А потом поехал-таки на воспетую Лимоновым Тюренку, чтобы хоть что-нибудь осмысленное, с оттенком высшего значения, за день сделать.

«Тюренка — это расплывчатое понятие. Тут она везде!» — философически заметил шофер и высадил Ивана возле металлической ограды, за которой корчился старый яблоневый сад.

Насторожился вокруг частный сектор, приземистый, неприветливый.

Вдали серел вроде как завод.

Тюренка была неказиста и полуобитаема. Даже лимоновские призраки, казалось, покинули ее.

Иван пошел куда глаза глядят.

Повсеместно асфальт тротуара вспарывали корни могучих тополей — Харьков был обильно засажен именно этим, нелюбимым аллергиком-Иваном деревом.

Справа простиралась заводская стена — вспоминая поездку, Иван сообразил: это сюда вела поржавелая железнодорожная колея. Мертвенно глядели из-за забора окна запустевших цехов. Ни одного звука не доносилось с той стороны. На крыше здания, украшенного старинным лозунгом, прославляющим труд, росли две березки — прямо Чернобыльская зона отчуждения.

А стена все тянулась. Слева, веером распыляя лужи, проносились редкие машины.

Иван шел, понурив голову. Он размышлял. Приходилось признать очень банальную вещь — а Иван не любил признавать банальные вещи — что центр Харькова, при всей явственной изнуренности своего исторического облика, выглядит все же более близким к своему нетленному образу, сотканному писателем Лимоновым, нежели рабочие окраины (хотя, казалось бы, шансов измениться за эти сорок лет у центра было значительно больше). На рабочих окраинах, и в этом было все дело, теперь не жили рабочие. Рабочих не было больше. Они ушли по-марксистски, как класс. Какие-то люди, конечно, и теперь селились в этих домишках. Но вряд помнили они, что такое токарный станок и где она, та заводская проходная.

Если сравнить город с человеком (а Иван любил такие штуки; Москва представлялась ему дородной торговкой колбасными изделиями, Сочи — подвыпившей путаной, Мурманск — ворчливым офицером, раньше срока уволенным в запас), то Харьков вышел бы красным инженером в белом льняном костюме (вначале он думал, город похож на изнасилованную девушку, но затем признал: не девичья стать). Представим себе — этот спец шел себе домой по темному переулку, когда с ним поравнялась уличная банда. «Закурить не будет?» И вот уже шпана, потея, метелит бедолагу, еще удар — и он корчится на земле, проблеск «золлингеновского» ножа... примерно как в конце «Подростка Савенко»... Светает. Наш инженер-молодчага спотыкливо бредет домой, зажимая рану ладонью. Нестерпимо болит раздувшийся лиловый глаз, брючина висит на честном слове, во рту минус два зуба. Если окликнуть его, он посмотрит на тебя с этакой мучительной гордостью, но не станет жаловаться, конечно...

Итак, что же это происходит, господа, друзья? Куда девался лимоновский Харьков? Ведь что такое три составляющих его? Это пролетарии, читающие юноши и прекрасные неверные женщины. Первых — не замечено. Вторых — не обнаружено. А третьи?

Мимо прошла развитая школьница в куртке с капюшоном и модных уже не первый сезон джинсах с суперзанижкой посадкой. Иван до не хочу насмотрелся на этот смелый фасон минувшим летом. (Флэшбэк: невинное создание выбирается из маршрутки и ближний к двери пассажир (Иван) имеет счастье наблюдать нежную ложбинку между ягодичками, а у ее товарки, той не хватило сидячего места и она стоит, вцепившись пятерней в обитый велюром потолок, штаны сползли так низко что кажется, вот-вот проглянет жесткая лобковая поросль...)

Иван настолько увлекся, что лишь когда девушка поравнялась с ним, заметил — она горько, надсадно плачет.

Мысль Ивана вновь возвратилась к Лимонову.

В его книгах женщины, кажется, никогда не плакали всерьез.

Плакали, хотя и бесслезно, мужчины, точнее — мужчина-автор, покудова вокруг развратно извивались хладные красавицы, десятки, десятки одинаковых, жестоких. Ивану вдруг вспомнилось, что его кузина Клавдия, та самая, с мужем Рысей, несколько лет работала реабилитологом в одной Санкт-Петербургской клинике для деятелей культуры. От нее Иван слыхал, что у балерин, мол, ноги жуткие. Вместо ногтей, де, у них камешки, сухожилия рельефные, как у лошадей, и тесно облеплены сухой, серой кожей, большой палец будто из песчаника вырезан, это от многолетнего стояния на пуантах. Словом, ноги-уродки, не для посторонних глаз. Ведь наверняка, подумалось Ивану, тот орган, которым Лимонов воспринимал своих женщин (он затруднялся орган этот поименовать, но не половой же в самом деле, это было бы слишком просто, про себя он окрестил его по аналогии «ноги») — женщин блудливых и архиблудливых, роскошных и резвых, обманных и беспредельно подлых — находится у разменявшего седьмой десяток мэтра в том же состоянии, что и натруженные балеринские ноги — кое-где уже окаменело, кое-где еще только известкуется...

Вечером Иван вновь изучал местные мерзости через дыру казенного телевизора.

Вот сейчас, надеялся он, в какой-нибудь скуловоротной передаче про студенческий парламент, который защищает интересы иногородних абитуриентов, или в материале про чэпэ на водоочистных сооружениях промелькнет знакомый абрис, обожаемая черная коса. «Мы попросим прокомментировать ситуацию заместителя начальника городского комитета по проблемам всего проблемного Петра Сидоровича Пидоренко...».

Так, верно, Орфей спускался в ад за возлюбленной Эвридикой

Наступившим утром календарь на смартфоне показал двадцать второе марта. День равновелик ночи, припомнил Иван, совершая привычный уже хадж на седьмой этаж без лифта.

Нежданно долгая соловьиная трель из-за двери пробудила в нем страстную тоску по природе. По лесу. Отчего бы не съездить в лес?

Лесом, а точнее лесопарковой зоной, во благовременении оканчивалась, если верить карте, улица Сумская.

Этот вояж с Лимоновым никак связан не был. Насколько помнил Иван, харьковские леса в книгах Эда вообще не упоминались. В Харькове Лимонова не наблюдалось лесов. «Харьков — город степной», — любил подчеркнуть автор.

«Но так даже лучше», — решил Иван.

Он ступал по мягкому листогною, блаженно щурясь. Дневное светило повадками напоминало истеричную девочку-подростка — оно то горячо обещало отдать себя миру без остатка, то скупилось на одну-единственную вежливую улыбку.

То и дело солнце скрывалось в тучах и тогда лес вмиг утрачивал всю свою пригожую приветливость и превращался в родного брата зловещей лесополосы, где бандиты под плясовые хрипы радио «Шансон» прикапывают удушенного должника, а маньяк хоронит свою расчлененку.

Но когда солнце вновь появлялось, поляны в кружевной тени дубов глядели филиалом греческой Аркадии — счастливой и покойной. И тогда любовь с ее страданиями и Украиной впридачу начинала казаться Ивану дурным сном, который следует побыстрее стряхнуть.

Синицы в высоких ветвях уже затянули свои веснянки. Кругом голубели первоцветы, похожие на миниатюрные тюльпаны. Названия Иван не знал — в Мурманске таких цветов не было.

На руку Ивана, замешкавшегося у ручейка, села жирная сонная еще с зимы божья коровка.

Так он и слонялся по осенней гарью пахнущим дубравам целый день. А когда солнце сгинуло в мокрой вате, вернулся на автобусе в город.

Столик в деревянной беседке, что примыкает к нарядно окрашенной песочнице. За столиком сидит Иван.

Накрапывает.

Утром, и этому Иван был свидетелем, беседка была плотно усажена молодыми румяными мамашами. Их чада, все сплошь в комбинезончиках, раздумчиво ковыряли охряно-желтый пе-

сок пластиковыми лопатками и мелко семенили в догонялки вокруг деревянного изваяния медведя.

Вечерело, и мамаш в пестрой резной клети уже не было — они укладывали чад спать. На их недавнее присутствии намекали лишь тощие окурки вида «слимс», жирно измазанные помадой, и непровеянный аромат духов.

Иван раскупорил местное пиво, откинулся на одну из опор беседки, такую влажную, с зазубринами.

С подслеповатой нежностью он озирал ставший знакомым двор, Людмилин подъезд, чахлый куст сирени с неприлично, как соски, набухшими почками. Бросил взгляд на свои породистые башмаки — густо измазаные терракотовой грязью, облепленые резными дубовыми листьями. И борьбы никакой. Не ехать же в самом деле в гостиницу чтобы их помыть!

Вот если бы Харьков был приморским городом, вроде Севастополя, как славно было бы спуститься сейчас на пляж и подставить башмаки прибою...

С приморской деликатностью зашелестели шины легкового автомобиля — это во дворик вползла «волга» с оранжево-шахматным наростом на белой крыше. Остановилась у Людмилиного подъезда.

Во влажную взвесь двора выпрыгнула девочка лет семи.

— ...тогда мы летом опять поедем! Маричку возьмем!

Из салона донеслись переливы приятного женского контральто. Голос велел девочке застегнуть пальто.

Иван отставил пиво. Торопливо нацепил очки.

Одновременно открылись обе передние двери. Водитель, ступая этак вразвалочку, зашагал к багажнику. Через несколько секунд из жестяной пасти на тротуар выплыла дорожная сумка, следом — чемоданище. К депортации изготовилось что-то еще, облое и крапчатое — не то баул, не то кулек (так в Харькове называли всякий российский пакет).

Вот показался и второй пассажир, долговязый мужчина с загорелым лицом, лет тридцати пяти. Одет он был совсем по-летнему: спортивный костюм, кроссовки, бейсболка с выгнутым внутрь длинным козырьком.

Мужчина привычно прикрикнул на девочку — та уже успела спугнуть замызганную дворовую кошку, пнуть порванный мяч и теперь купала красивый алый сапожок в луже — и отправился принимать у водителя кладь.

Наконец ожила последняя дверца.

Выпросталась ножка, тесно облеченная высоким коричневым сапогом на каблуке «стилетто», за ней вторая, быстрехонько воспоследовала оборчатая вельветовая юбка, тут следует гимнастический выгиб, полупрыжок через рытвину в асфальте, и вот уже вся она, стройная, в приталенном пальто из буклированной шерсти, стоит вполоборота к Ивану, почесывая нейлоновую коленку.

Длинные пальцы молодой женщины поправили стильный желтый берет.

Иван прочистил горло, но спазм не ушел.

Женщина бросила механический взгляд на беседку, где сидел Иван, ненадолго задержалась на раскардаше, которые учинили бомжи возле дальнего мусорного контейнера, и вновь по пояс нырнула в салон.

— Папа! Тут у нас дверь поломалася! Пацаны из второго подъезда поломали! — воскликнула девочка.

— Ты бы лучше матери помогла... Возьми хоть кулек... Мне еще игрушки твои таскать! — с добродетельным родительским пафосом произнесла Людмила.

Она побудительно воздела вверх яркий пакет с тремя псевдолермонтовскими пальмами, торчащими из стилизованного бархана. Красная надпись: «Egypt. Duty-free shop». Егоза бросилась исполнять.

Нужно ли говорить, что Иван тотчас узнал ее, хотя видел лишь однажды? Он обнял взглядом всю эту щемящую брюнетистую прелесть, всю ее сразу — и черную косу, и глаза-вишенки под черной бахромой ресниц, и прерафаэлитский очерк скулы. Взор его души сфотографировал, всосал целиком это смугло-желтое, как крем-брюле, веселое, трепещущее и живое, неумолимо ускользающее, уже ускользнувшее.

«Но зачем она приглашала? Зачем адрес, телефон?» — в тупом оцепенении повторял Иван.

* * *

Он дошагал до гостиницы за каких-то полчаса.

Скомкал вещи, оставил уборщице на чай несколько бумажек с настороженным Богданом Хмельницким (его товарищ из Олимпийского комитета учил: таково гостиничное комильфо). Пересчитал оставшиеся в портмоне гривны — менять назад, или ну его к черту? За эти проведенные в Малороссии дни он даже отучил себя называть местные деньги рублями и притерпелся к их настоящему, как будто из славянского фэнтези засланному названию — «гривны». «Hrivnas» было написано на лбу гостиничного обменного пункта.

Спустился на ресепшн сдавать номер. Чтобы не молчать — очень уж хотелось по-гамлетовски, крестовыми взмахами меча, то бишь иронического рассудка, рассечь все эти занавеси лжи, гобелены умолчаний — спросил, когда следующий московский поезд и есть ли билеты.

Администратор, советская женщина с благочестивой прической-гулькой, заверила его — в Москву всегда можно уехать.

«А еще жизнь хороша тем, что всегда можно уехать в Москву. Обобщение в духе молодого негодяя...»

За окном купе бесновалась непроглядина-ночь. Изредка мокрую сажу вспарывали желтые полустанки, чудом не сожранные тьмою. Случалось, поезд останавливался — вот Курск, скоро Орел... Зомбически слонялась по перронам припозднившаяся пьянь.

Некурящий Иван стоял в задымленном тамбуре. Приятно холодило лоб оконное стекло.

В конце концов, подумалось Ивану, Эду Лимонову, который, как божок, воссиял над всей этой мелкой историей, с женщинами не больно-то везло. Точнее как будто везло, но на самом деле нет.

Василий В. Головачев

НЕ ЖДИТЕ ОТВЕТА

Эту звезду, получившую имя Убегающая и находившуюся для земных астрономов в секторе созвездия Скорпиона, открыли ещё в две тысячи восьмом году. Однако знаменитой она стала спустя сто пятьдесят лет, когда внезапно изменила траекторию движения и стала двигаться намного медленнее. Причём на порядок медленнее, что невозможно было объяснить никакими астрофизическими законами. Если в момент открытия (звезда появилась в поле зрения телескопа Хаббл из-за пылевых облаков близко от центра Галактики) скорость Убегающей равнялась двум тысячам ста тридцати километрам в секунду, то в середине двадцать второго века она вдруг словно ударилась о невидимую преграду и снизила скорость до двухсот тридцати километров в секунду.

Но самое главное открытие — поворот вектора движения звезды — потрясло астрономов больше.

Убегающая мчалась из глубины балджа — центрального звёздного сгущения Млечного Пути, а затем внезапно повернула на девяносто (!) градусов, снизила скорость и превратилась в одну из таких же «обычных» звёзд местного рукава, которые двигались вокруг галактического ядра с примерно с одинаковой скоростью*.

© Василий В. Головачев, 2008

* Скорость большинства звёзд в нашей Галактике Млечный Путь не превышает 250 км/сек.

В научной среде разгорелись споры насчёт причины столь резкого изменения траектории звезды и длились несколько лет, пока Федеральный Земной Совет Астронавтики не решил послать к Убегающей экспедицию. Если бы не это обстоятельство — поворот звезды в нарушение всех законов движения, — ни о какой экспедиции к Убегающей, массивной и яркой, но в общем-то рядовой звезде Галактики, речь бы не зашла. Вокруг Солнца располагалось множество гораздо более интересных звёздных объектов, требующих пристального изучения.

Но эволюции Убегающей насторожили специалистов Института Внеземных Коммуникаций, и в две тысячи сто пятьдесят девятом году корабль косморазведки «Иван Ефремов», укомплектованный специалистами в области физики звёзд, космологии и ксеносоциологии, стартовал с космодрома Луны «Янцзы» и направился к ядру Галактики...

чтобы через месяц полёта выйти Убегающей наперерез. Суперструнные технологии позволяли земным кораблям передвигаться по космосу со скоростью, намного превышающей скорость света...

хотя полностью избавить от неведомых опасностей и риска не могли.

Эти мысли промелькнули в голове Ярослава Медведева, полковника службы безопасности, командира особой группы риска корабля, когда следящие системы «Ивана Ефремова» открыли две планеты, вращавшиеся вокруг звезды по одной и той же орбите, но с противоположных сторон.

Открытие заставило экипаж корабля перейти в режим «предварительной настройки на контакт». Программы подобного рода использовались людьми уже больше ста лет, хотя контакты с представителями иного разума в Галактике можно было пересчитать по пальцам двупалой руки. Да и те, контакты то есть, нельзя было назвать продуктивными и полноценными, так как цивилизации, встреченные косморазведчиками: Орилоух и Маат, — принадлежали к типу негуманоидных и обмениваться с людьми информацией не хотели.

В течение последующих двенадцати часов экипаж «Ивана Ефремова» лихорадочно исследовал открытую звёздную систему.

Убегающая была в двадцать раз массивнее Солнца и в два раза ярче, но по химическому составу почти не отличалась от него. Планеты, вращавшиеся вокруг звезды на расстоянии в две астрономические единицы*, оказались единственными. Кроме них в системе были обнаружены два кольца газа и пыли, один плотнее другого, которые через пару сотен миллионов лет могли превратиться в протопланеты.

Так как уже существующие планеты почти ничем не отличались друг от друга, их решили назвать Близнецами: А и Б. Они были массивнее Земли, сила тяжести на их поверхности превышала земную почти в полтора раза, но в целом это были вполне земноподобные планеты, окружённые плотными кислородно-азотными атмосферами.

Уже один этот факт заставил специалистов экспедиции ликовать: планет с такими характеристиками в космосе ещё не находили. Однако основное потрясение ждало экипаж космолёта впереди.

Спустя сутки после того, как «Иван Ефремов» приблизился к Убегающей на триста миллионов километров, наблюдатели увидели на поверхности одной из планет — Близнеца-Б — развалины!

Все сорок пять членов экспедиции, включая капитана корабля, приникли к бортовым виомам.

Компьютер систем визуального обзора обработал полученную от телескопов информацию, синтезировал изображение и выдал на виомы.

Люди ахнули!

Перед ними в красивой долине, по дну которой текла медово-золотистая река, стоял самый настоящий город! Точнее развалины города. Потому что в нём не сохранилось ни одного здания! Только фундаменты и остатки толстых стен, с виду сделанных из сверкающего под лучами местного солнца льда.

— ВЗ на обзор! — скомандовал капитан корабля Чарльз Фитцджеральд, по легенде — потомок знаменитого американского писателя двадцатого века.

* 1 а.е. = 149,5 миллионов километров.

«Иван Ефремов» выстрелил очередь видеозондов, устремившихся к ближайшей из планет.

Возбуждение членов экспедиции, ждавших контакта с хозяевами планет, пошло на убыль.

Видеозонды, достигшие обоих спутников Убегающей, Близнеца-А и Близнеца-Б, показали пугающе одинаковые ландшафты. Описать их можно было одним словом: разруха! Инфраструктура планет представляла собой колоссальные поля искусственных сооружений, разрушенных почти до основания. Городами назвать их было трудно, потому что цепочки остатков сооружений не объединялись в огромные конгломераты, как земные города. Лишь изредка среди этих лабиринтов, растянувшихся на тысячи километров по всей суше, взбиравшихся на холмы и горные страны, спускавшиеся в глубины морей и океанов, возникали некие подобия городов, которым явно не хватало законченного многообразия. Улиц как таковых не было. Фундаменты и цепочки обрушенных стен окружали подобия площадей, зачастую — огромные воронки, словно в этих местах упали и взорвались мощные бомбы.

Коммуникаторы экспедиции поначалу вцепились в эту гипотезу: на планетах бушевала война, уничтожившая цивилизации, — и жадно принялись искать факты, подтверждающие гипотезу. И вроде бы нашли! Хотя факты были странными и не укладывались в русло единой теории. Бесспорным казалось лишь одно предположение, что война имела глобальный характер. Для обоснования других предположений нужны были дополнительные данные, ради сбора которых начальник экспедиции индиец Рам Панчивитра предложил послать на планеты исследовательские отряды. История земных войн утверждала, что в результате любых конфликтов, даже самых жестоких, какое-то количество побеждённых могло уцелеть. В данном конкретном случае существовал реальный шанс встретить кого-нибудь из уцелевших.

Сначала к Близнецам послали автоматические исследовательские модули, которые управлялись инками*, и за двое су-

* Инк — интеллект-компьютер.

ток собрали значительное количество информации о физических параметрах планет.

Сила тяжести на их поверхности действительно превышала земную, хотя и не критически. Такие поля гравитации люди могли выдерживать долго. Хотя в принципе это было необязательно, так как земная техника давно оперировала антигравитацией.

Атмосферы обоих Близнецов отличались количеством кислорода, но незначительно, воздухом вполне можно было дышать. Однако при бактериологическом анализе в атмосферах были обнаружены неизвестные микроорганизмы, и начальник экспедиции запретил исследователям выходить из катеров без скафандров. Пришлось даже ввести обязательные процедуры обеззараживания костюмов, чтобы не занести на корабль опасные вирусы.

Катер оставил за кормой стреловидный контур корабля, сделал виток вокруг планеты и, ведомый инк-пилотом, сделал посадку в экваториальном поясе Близнеца-А, возле одного из так называемых «псевдогородов». Наблюдатели насчитали здесь около тысячи фундаментов и стен, расположившихся вокруг гигантской воронки диаметром в двенадцать и глубиной в три километра.

Сели на плоской вершине необычного поднятия, напоминавшего ровную бетонную площадку; формой и размерами площадка напоминала футбольное поле.

Отработали полный «срам»*, то есть выставили охранение в виде двух сотен нанитов**, обозревающих место посадки с разных высот и окрестности площадки. Кроме того наниты поддерживали связь с видеозондами на орбите и могли подать сигнал тревоги, если спутник обнаруживал источник опасности.

Выгрузили и установили палатки с аппаратурой, в том числе полевую экспресс-лабораторию и мобильный комплекс для компактного проживания семи человек — «Экс-МО».

---

* «Срам» — пункт инструкции для космонавтов, аббревиатура слов «сведение риска к абсолютному минимуму».

** Наниты — нанороботы, компьютеризированные системы безопасности размером в доли миллиметра.

Затем Медведев залез в кабину катера вместе с ксенобиологом отряда Амандой Блюмквист и скомандовал инк-пилоту подняться в воздух. В его задачу входило обследование развалин и поиск уцелевших после войны аборигенов.

Под аппаратом легла панорама «псевдогорода», в котором не было ни одного уцелевшего здания. Впрочем, так выглядели и другие «города» планеты, представлявшие собой удивительно однообразные мёртвые ландшафты. Не могли скрасить эти ландшафты ни сине-красные поля трав, ни роскошные оранжевые и сине-жёлтые леса, ни водные бассейны, кое-где имеющие вполне осмысленные очертания. Жизнь, какой её представляли люди, была уничтожена практически полностью, а бактерии и микроорганизмы, населяющие леса и «города», жизнью назвать было трудно.

Медведев с интересом присмотрелся к ажурному кресту, созданному стенами из «псевдольда». Уже было известно, что материал фундаментов и стен вовсе не является льдом, а представляет собой сложное углеродорганическое соединение. Стены крестообразного в основании здания слегка дымились, отчего казалось, что оно недавно горело.

Аманда заметила взгляд спутника.

— Что вы там увидели?

— Знаю, что никакого пожара здесь не было, но впечатление такое, что пожар закончился совсем недавно.

— Вы правы, мне тоже так кажется. Хотя дымок, который вы видите, является на самом деле углеродной взвесью, плюс бактерии.

— Стены испаряются? Температура вроде бы не слишком высока, всего плюс двадцать семь.

— Мы не знаем всех характеристик материала стен.

— Какая-то странная катастрофа. Она оставила абсолютно одинаковые следы. Если бы это была война наподобие тех, что мы знаем, здания пострадали бы в разной степени, в зависимости от силы наносимых бомбовых ударов. Но они все разрушены до основания!

— Я тоже многого не понимаю.

— Куда подевались остатки упавших стен? Почему не видно разбитой техники? Где население?

— Ну, отсутствие техники можно объяснить, если цивилизация была нетехнологического типа, а биологического, к примеру. Но отсутствие уцелевшего населения действительно поражает. Кстати, судя по конфигурации фундаментов и многочисленным дырам в полах зданий здесь жили весьма необычные существа.

— Грызуны, — пошутил Медведев.

— Уж очень крупные грызуны. Сизиф пытается реконструировать их облик, и мы скоро увидим результат.

Речь шла о коллеге Аманды Сизифе Павиче, который мог воссоздать облик человека по его почерку.

Помолчали, пока аппарат медленно двигался к центру «псевдогорода», где по представлениям землян взорвалась бомба, уничтожившая всё население.

Вала выброшенной взрывом почвы как такового не было. Катер приблизился к краю воронки, остановился.

Воронка тоже выглядела странной. Её склоны были усеяны крупными порами и выступами, образующими некий ребристый рисунок. Кое-где в ней протаивали дыры покрупней, уходящие глубоко в недра земли, которые тоже складывались в геометрические правильный рисунок и напоминали следы невзорвавшихся снарядов.

— Мне кажется, что здесь ничего не взрывалось, — проговорила Аманда. — А вам?

Медведев усмехнулся. Ему нравилась эта игра в официальный тон, так как они были знакомы с Амандой давно.

— Хотите услышать ещё одну сумасшедшую гипотезу? По-моему, мы выслушали их достаточно. К тому же я не ксенолог, хотя мне тоже пришлось изучать теорию.

— Вас не волнует, кого мы встретим? — улыбнулась в ответ ксенобиолог.

— Почему не волнует? Волнует. Но скорее с другой точки зрения: не несёт ли контакт опасности? В любом аспекте. Я ведь отвечаю не за результат исследований, а за безопасность экспе-

диции. Но и меня интересуют некоторые непроявленные моменты.

— Дым? — кивнула Аманда на струйки испарений над стенами ближайшего разрушенного здания.

— Даже этот дым может нести угрозу жизни, — кивнул Медведев. — Кто знает, почему стены испаряются? А если в этом виновато какое-то излучение, о коем мы не имеем ни малейшего понятия?

— Могу успокоить вас, ваш дым и в самом деле представляет собой всего лишь испарения стен.

— А бактерии? В этих испарениях уйма бактерий.

— Возможно, бактерии питаются взвесью.

— В таком случае здесь и в самом деле была биологическая, точнее бактериологическая война. И микробы доедают то, что...

Аманда рассмеялась.

— У вас вполне нормальное воображение, Ярослав. Но я вас разочарую.

— Чем?

— Я не выдумываю гипотез, я работаю с фактами. Выводы делать рано. Давайте пройдёмся по периметру города и вернёмся. Мне надо работать.

— Я вам надоел?

Аманда повернулась к нему.

— Ярослав, давайте расставим точки над «i». Шесть лет назад я поступила...

Медведев остановил женщину движением руки.

— Аманда, шесть лет назад мы были на «ты», потом я полгода пропадал в экспедиции, а когда вернулся...

Женщина сделала точно такой же жест:

— Ярослав, это было давно. Я полюбила другого...

— Да ерунда это! — досадливо отмахнулся Медведев. — Ты внушила себе, что любишь его! Он был рядом, а обо мне не было ни слуху, ни духу. Он просто воспользовался ситуацией...

Лицо женщины стало официальным.

— Яр... Ярослав, всё изменилось, не стоит ворошить прошлое, которое уже не восстановишь.

— Чушь! — Он сжал зубы, заговорил спокойнее: — Главное — иметь желание. Я же знаю, что ты редко видишься с ним.

— Это ни о чём не говорит...

— Говорит! Ты не любишь его!

Аманда с иронией посмотрела на собеседника.

— Ты для этого пошёл со мной в разведрейд? Чтобы раскрыть мне глаза?

Медведев замолчал, потом сказал с грустной улыбкой:

— Да нет, наверное. Просто хотел услышать от тебя...

— Что?

— Что мы можем... начать снова... я ведь мог и не полететь сюда, но написал рапорт...

— Зачем?

— А где ещё мы можем поговорить без свидетелей?

Аманда пристально посмотрела на него, покачала головой.

— Ты не понимаешь...

— Объясни, чего я не понимаю.

— У меня сын...

— Вот он-то как раз поймёт.

Медведев взял женщину за руку, медленно приблизил лицо к её лицу.

— Попробуй сделать шаг... один шажок навстречу...

Она зажмурилась, открыла глаза, вырвала руку.

— Нет!

Лицо Медведева стало на мгновение слепым и беспомощным.

Аманда вздрогнула, вдруг ощутив его боль, погладила по щеке.

— Яр... сейчас не время... потом поговорим, когда вернёмся домой. Хорошо?

Он встрепенулся:

— Обещаешь?

Она слабо улыбнулась.

— Обещаю.

Медведев несколько мгновений не сводил с неё глаз, быстро поцеловал пальцы и отодвинулся.

— Я подожду.

— Только одна просьба... для всех мы останемся просто коллегами. Особенно для Сизифа.

— Это важно?

— Для меня да.

— Хорошо, госпожа Блюмквист. Как скажете. Кстати, я не верю, что у вас нет своей личной идеи насчёт того, что здесь произошло.

Красивое лицо женщины затуманилось. Потом она поймала взгляд Ярослава и слабо улыбнулась.

— Твой разум быстро берёт верх над чувствами. В отличие от моего.

— Зато уж если ты решила...

— Не будем об этом. Что касается здешней ситуации... меня поразил сам факт появления Убегающей. Кто повернул вектор движения звезды? Зачем?

— Может быть, поворот — результат войны?

— Думаешь, цивилизации на Близнецах обладали такой мощью?

— Энергии для этого маневра надо много, это правда, но астрофизики уже подсчитали, что светимость Убегающей упала на полтора процента, что вполне соответствует потраченному для поворота импульсу.

— Я не о физике процесса. Астрономы открыли звезду сто пятьдесят два года назад. Но расстояние между Солнцем и Убегающей — семь тысяч светолет. То есть поворот звезды свершился семь тысяч независимых лет назад, так?

— Допустим.

— Свет от Убегающей долетает до нас за те же семь тысяч лет.

— Не понимаю, к чему ты клонишь.

— Пробы стен показали, что их возраст равен всего сотне лет, а не семи тысячам. Получается, что война, если она была, произошла недавно. Поворот и война — явления разного порядка. Убегающая повернула и снизила скорость по другой причине.

— А по какой?

— Думай... э-э, думайте, господин главный безопасник.

— Я думаю. Не все здания имеют столетний возраст...

— Хорошее замечание. Однако нужна статистика, мы только начали исследования.

Медведев с интересом посмотрел на собеседницу.

— Значит, у тебя... у вас всё-таки есть идея. Не поделитесь?

— Информация, доступная мне, доступна и тебе. — Аманда запнулась, потом рассмеялась и махнула рукой. — Мне будет трудно держаться так же официально...

— Как и мне. Может быть, это уже лишнее?

— Нет. — Она покачала головой. — Мне тоже надо подумать... потому что я даже не предполагала, что ты...

— Что?

— Сможешь заговорить со мной так... неожиданно.

Он потянулся к ней, но она отстранилась. Голос женщины сделался насмешливым.

— Не торопитесь, господин Медведев. Мы говорили о том, что здесь случилось, не так ли? Вот и продолжим тему.

— Хорошо, — согласился Медведев, озадаченный и одновременно обрадованный намёком, прозвучавшим в голосе женщины.

Она не сказала «нет».

И ещё она сделала вывод относительно ситуации на планетах Убегающей. А он пока ничего не понимал. Хотя, с другой стороны, о чём тут можно думать? Война была, это факт. Другое дело — куда исчезли те, кто эту войну затеял?

Катер поднялся выше.

Развалины «псевдогорода» смотрелись экзотично и интригующе. Глаз невольно начинал искать в них движение. Казалось, ещё одно мгновение, и в стенах мелькнёт спина животного, тенью пронесётся птица, из дыры высунется обитатель развалин, приставит ко лбу ладонь и посмотрит в небо на летательную машину.

Медведев вздохнул.

Планета пустовала от полюса до полюса, если верить спутникам. Населяли её одни бактерии и микроводоросли в воде. Ни птиц, ни насекомых, ни животных не осталось. Равно как и носителей разума, кем бы они не были. Но так хотелось найти хотя бы одного из них!

Катер сделал несколько кругов над городом. Его обзорная система, управляемая инком, бдительно всматривалась в развалины, не пропуская ни одной щели, ни одной норы, ни одного бугорка. И так же тщетно всматривались в развалины люди.

Через полтора часа катер повернул к лагерю.

Двое суток отряды исследователей колесили по планетам, добывая новые данные о состоянии местной природы после войны, уничтожившей всё живое. Однако несмотря на множество имевшихся на борту «Ивана Ефремова» средств наблюдения не удалось найти ни одного живого свидетеля катаклизма. Планеты, поросшие травой, кустарником и роскошными лесами, были практически стерилизованы, и единственными их обитателями были только разнообразные бактерии, вирусы и микроорганизмы наподобие земных инфузорий.

Медведев честно облетел сорок три «псевдогорода», трижды мчался, сломя голову, по тревоге после того, как автоматы обнаруживали в развалинах подозрительное движение, и трижды разочарованно возвращался обратно в лагерь.

С Амандой он жил бок о бок: их жилые модули находились рядом, — но ритм работы исследовательской группы не позволял решать личные проблемы, и они почти не разговаривали по душам. Во всяком случае, в те минуты, которые им отводила жизнь, когда они оставались наедине, речь заходила о делах. Лишь однажды, во время поискового рейда, Медведев рискнул завести разговор об их отношениях, но, увидев твёрдый блеск в глазах женщины, тут же свернул тему. Для решения проблемы нужно было терпеливо ждать окончания экспедиции.

Прошёл ещё один день.

Обстановка продолжала оставаться неопределённой, несмотря на споры учёных, отстаивающих свои точки зрения. Подогревало общий теоретический ажиотаж и мнение Сизифа, закончившего свои расчёты и показавшего экипажу корабля предполагаемый облик разумных обитателей Близнецов.

Медведев сам долго изучал изображения существ: они были схожими и в то же время существенно отличались друг от друга, — и скептически хмыкал про себя, не желая вступать в общую поле-

мику. Потому что существа эти напоминали ползающих — на Близнеце-А — и летающих — на Близнеце-Б — сколопендр с крокодильими головами.

Сизиф стойко выдержал ехидные нападки коллег, привёл аргументы в пользу своего видения разумных обитателей планет, и споры затихли. А потом возникли иные обстоятельства, подбросившие в топку полемики свежих дров.

Аманда вошла в модуль Медведева внезапно, когда он делал утреннюю зарядку; сутки на Близнецах длились двадцать девять часов, поэтому планетарные ночи не совпадали с суточным ритмом экспедиции.

— Извини, я ненадолго.

— Слушаю... вас, — пробормотал застигнутый врасплох Медведев, накидывая на плечи полотенце. — Присаживай... тесь. Кофе, бесеней, тоник?

— У меня плохое предчувствие, — заявила Аманда, бросая взгляд на аскетически голый интерьер модуля с развёрстой походной кроватью.

Медведев поспешно свернул кровать.

— Что случилось?

— Пока ничего. Последние замеры показали, что за время нашего присутствия на Близнецах стены зданий на фундаментах выросли на тридцать-сорок сантиметров.

— Я знаю. Ну и что? Ваш Барни утверждает, что это транзитивная реакция бактериальной среды. Бактерии пытаются по слепку восстановить былую инфраструктуру, память о которой «вморожена» в диффузный геном биосферы.

— Ты оперируешь нашей терминологией как профессионал, — скривила губы Аманда.

— Мы уже... на «ты»? — осторожно осведомился он.

По лицу женщины промелькнула тень былого воспоминания, но она быстро вернула себе обычный бесстрастный вид.

— Войны не было, Ярослав.

— То есть как это не было? — удивился Медведев. — На планетах не осталось ничего...

— Прошу тебя не как простого безопасника, а как думающего человека: проанализируй все данные, посмотри на плане-

ты издали и вблизи. Возможно, Барни прав, и мы свидетели реакции остаточной психосферы планет, оплакивающей своих былых носителей. Может быть, бактерии и в самом деле пытаются восстановить то, что сами же строили когда-то по программам хозяев. А если нет?

— Не понимаю.

Аманда закусила губу, направилась к двери.

— Подожди! — шагнул он следом, положив руку на плечо. — Я сделаю всё, что ты скажешь.

Она обернулась.

В глазах женщины сомнения боролись с тревогой, но в них не было ничего личного, ничего того, что говорило бы о её чувствах к нему.

Медведев опустил руку.

Аманда поняла.

В глазах её на миг родился свет ушедших дней. Два мгновения, два коротких удара сердца их соединял этот свет. Потом она быстро поцеловала его в подбородок и вышла.

Гулко обвалилось замершее сердце.

Истекла вечность.

Медведев ощутил тонкий аромат её духов, взялся за подбородок, на котором ещё тлел её поцелуй. Покачал головой.

В стене модуля загорелся глазок вызова начальника экспедиции.

— Ярослав, жду вас на катере.

Медведев заторопился, всё ещё храня в душе взгляд женщины, вспомнил своё обещание. Что хотела сказать Аманда? Войны не было? Что это значит? Проанализируй все данные... И это всё?

Глазок вызова загорелся вновь.

— Иду, — отозвался Медведев.

Сначала он, пользуясь правом командира звена экспедиционной безопасности, ужесточил режим контроля за каждым десантником.

Поворчали, но признали приказ правомочным.

Все четыре лагеря на обеих планетах обзавелись защитно-боевыми системами «Зорро». А всех исследователей в их походах по планетам теперь сопровождали сотрудники особой группы, имевшие большой опыт работы в космосе.

На четырнадцатый день после десантирования отрядов на поверхность Близнецов Медведев, подчиняясь установленному им же распорядку дня, поднял катер в воздух. Вошло в привычку держать над лагерем, поменявшим уже несколько районов расположения, спасательные модули и прочую летающую технику, имеющую свои программы защиты людей.

Рам Панчивитра даже вызвал Медведева на корабль, желая выяснить, что беспокоит командира службы безопасности, и Медведев честно ответил ему:

— Тишина!

Неизвестно, понял ли семидесятилетний индиец причину активации особого режима, но возражать не стал.

На самом деле на планетах ничего особенного не происходило. Они казались пустыми и безжизненными. Поисковые рейды землян закончились безрезультатно, не было найдено ни одного живого существа, ни одного останка «сколопендр», только облака бактерий, трудившихся над остатками стен.

Учёные разделились на два лагеря.

Одни утверждали, что именно бактерии и потрудились над трупами животных и разумных жителей планет, разложив их без остатка на атомы. Другие поддерживали мнение Сизифа, склонявшегося к идее принудительной стерилизации биосферы планет при смене разумного носителя. Предполагалось, что хозяева Близнецов решили коренным образом изменить фенотип разума, для чего угнали Убегающую подальше от плотного излучения звёзд балджа, перевели её на спокойную орбиту и теперь готовят для рождения нового разумного вида.

На вопрос, где же эти повелители, Сизиф отвечал:

— Спят в глубинах земли, в пещерах, а всем процессом трансформации занимаются автоматы.

Когда же его спросили, где вы видите эти автоматы, учёный без колебаний ответил:

— Везде.

Он имел в виду бактерии и спорить с коллегами-ксенологами, утверждавшими, что местные бактерии мало чем отличаются от земных, не хотел.

А они между тем продолжали своё дело, и стены зданий на всех пространствах «псевдогородов» и «посёлков» росли с каждым днём на тридцать—сорок сантиметров.

Медведев видел этот рост, и ему всё больше становилось не по себе. С Амандой он виделся редко, но знал, что она ведёт какие-то дополнительные исследования и часто консультируется с Сизифом. Что это были за консультации, можно было только гадать.

Катер взлетел над лагерем, разбитым на ровной площадке недалеко от гигантской «бомбовой» воронки в центре очередного «псевдогорода».

Убегающая — яркий лиловый пузырь (такой она виделась сквозь толстую атмосферу Близнеца-А) — стояла в зените. По зеленоватому небу змеились перья розовых облаков. Температура воздуха держалась у отметки тридцать градусов Цельсия. Дул приятный ветерок. Хотелось снять защитный костюм и подставить лицо ветерку, а потом искупаться в ближайшем озерке с бирюзовой водой.

Но взгляд упал на край воронки, и желание испытать на себе прелести чужой природы пропало.

Медведев связался со своими подчинёнными, нёсшими вахту в других районах обеих планет, выслушал бодрое: всё в порядке! Однако настроение от этого не улучшилось. Интуиция струйкой дыма всплыла из теснины сознания и включила резервы нервной системы, заставляя его пристальнее вглядываться в проплывающие внизу развалины.

Впрочем, развалинами эти стены назвать было уже нельзя. «Псевдогорода» на самом деле представляли собой грандиозные строительные площадки, а то, что их возводили бактерии, только подчёркивало гениальность программистов всего этого процесса.

Чуть в стороне от траектории движения катера, над лесом, показалось быстро приближающаяся туманная полоса.

Медведев поднял катер повыше.

Полоса достигла окраин «псевдогорода»... и осыпалась на фундаменты и стены множеством туманных струек.

Медведев кивнул сам себе.

Такие полосы постоянно проносились над поверхностью планет и представляли собой струи углеродной органики, строительного материала, из которого бактерии строили стены. Люди попытались определить источники материала, полагая, что где-то существуют фабрики углеродного сырья, но этими фабриками оказались поля водорослей, плавающие по морям и океанам планет. Никаких искусственных сооружений десантники не обнаружили.

Катер завис над центром воронки.

Медведев внезапно почувствовал себя так, будто посмотрел в дуло пушки. Свело скулы.

«Назад!» — мысленно скомандовал он инк-пилоту.

Аппарат послушно сдал назад, за пределы «пушечного дула».

Наличие воронок, — всего их насчитывалось больше двух миллионов, — никак не укладывалось в существующие гипотезы (кроме гипотезы о бомбардировке, в том числе — метеоритной), и этот факт беспокоил Медведева больше всего. Он давно ощущал их зловещую предопределённость.

В полукилометре от катера сверкнул на солнце блистер исследовательского зонда.

— Правильно, полковник, — заговорила рация в ухе Медведева голосом физика, работавшего в отряде. — Лучше не крутиться над воронками лишний раз.

— Да, неуютно тут, — отозвался Медведев.

— Я не об эмоциях. Эмоции вторичны, а параметры среды первичны. Над воронками возрос уровень радиации. Вакуум осциллирует, порождая гамма-лучи. Кто знает, к чему это может привести.

— Но воронки пусты...

— Ну и что? Мы не видим техники, это правда, однако что-то же происходит внутри этого фрактального конуса?

— Спасибо за предупреждение. — Медведев помолчал. — С этого момента вступает в силу запрет полётов пилотируемых аппаратов над всеми воронками.

— Как прикажете, полковник.

Медведев ещё раз внимательно посмотрел на ребристые склоны воронки. Потом перевёл взгляд на строения вокруг, стены которых поднялись уже до четырёх-пяти метров в высоту.

Ладно, допустим, это и в самом деле дома, в которых будут жить сизифовские «сколопендры». Но воронки им зачем? Что они из себя представляют? Антенны телескопов? Радары? Углубления для будущих бассейнов?

В воронку спустилось туманное облако, всосалось в рёбра и выступы на склонах.

Бактерии достраивают и эти «метеоритные» следы. Чёрт бы их подрал! Что здесь строится?! Зачем воронки «сколопендрам»?

Медведев сжал зубы, чувствуя учащённое сердцебиение, понаблюдал за всплывающими над стенами дымками и вызвал Аманду. Захотелось встретиться и ещё раз поговорить с ней о тайнах Близнецов.

Но ответы на свои вопросы он получил вечером, раньше, чем встретился с Амандой, когда заканчивал дежурство над «псевдогородом» и возвращался в лагерь. На минуту задержался возле края пятикилометровой воронки, вспоминая слова физика. Подумал: интересно, уж не являются ли эти дырки входами в подземелья, где и в самом деле спят будущие жители планет?

И в этот момент из глубины воронки вымахнула зеркально бликующая масса, заполнила всю её целиком и закачалась над ней полусферой как громадный мыльный пузырь.

Катер отнесло от воронки плотной воздушной волной, и это спасло Медведева, хотя он почувствовал такую дурноту, что едва не потерял сознание.

В кабине взвыл датчик радиации: гамма-фон с появлением «пузыря» увеличился в тысячи раз.

Включился общий для всех сигнал тревоги, по которому десантники обязаны были вернуться в лагеря и «занять круговую оборону» до прибытия спасательных шлюпов.

Между тем «мыльный пузырь», заполнивший воронку перед катером Медведева, оброс штырями, приобрёл блеск и твёр-

дость металла и всплыл над «городом», похожий на гигантскую подводную мину времён Второй мировой войны. С его штыря сорвалась синяя молния, стегнула воздух над катером.

«Отступление! — скомандовал Медведев, ощущая на себе тяжёлый взгляд исполина. — К лагерю!»

Инк-пилот повиновался, бросая катер в штопор маневра, и тем самым спас себя и пассажира от второй молнии, пролетевшей в метре от кормы аппарата.

Миноподобный шар диаметром около трёх километров ещё несколько раз кромсал воздух чудовищными молниями, но инк оказался проворнее и с честью вышел из этого смертельного соревнования, унося в своём чреве почти сомлевшего от сверхбыстрого маневрирования человека.

Тем не менее катер оторвался от преследователя, и Медведеву удалось прохрипеть в микрофон рации:

— Подвергся нападению! Всем срочная эвакуация! Капитана на связь!

— Слышу, Ярослав, — отозвался Фитцджеральд. — Эвакуация пошла, готовьте людей.

Медведев оглянулся.

«Мина» всё ещё гналась за ним, хотя порядком отстала. Но не было сомнений, что она доведёт своё дело до конца. А ответить преследователю адекватно он не мог, вынужденный соблюдать инструкции ксенологов, разработанные именно для таких случаев. Мог разгореться межпланетный конфликт с непрогнозируемыми последствиями.

До лагеря он домчался за четыре минуты.

Здесь уже собрались все, кто работал в непосредственной близости от командного пункта. Не было только Аманды и Сизифа.

— Где они?! — рявкнул Медведев, бросаясь к палаткам.

— Улетели к «городу» полчаса назад, — виновато развёл руками Ахмет Кадыров, замещавший руководителя отряда в его отсутствие.

— Вызывайте!

— Вызываем, не отвечают.

В темнеющем небе сверкнула увеличивающаяся на глазах искра. Это опускался на лагерь спасательный шлюп.

— Грузитесь в шлюп, я за ними!

Площадка с людьми и стоящими на ней палатками лагеря провалилась вниз. Под катером легла панорама «псевдогорода» с его странными, почти законченными зданиями. Справа от светила, наполовину утонувшего за горизонтом, показалась вторая угрюмая бликующая сфера. До неё было около двух километров. Но она почему-то двигалась не к лагерю, а в сторону, к скоплению самых интересных с точки зрения архитектуры строений.

Медведев мгновенно смекнул, что это означает.

«Навожу!»

«Принял!» — отозвался инк-пилот, корректируя полёт в соответствии с мысленными командами пассажира: он видел цель не только своими визуальными датчиками, но и глазами Медведева, поэтому устремился к ней «по лучу зрения».

Светило скатилось за горизонт. Погасли последние отблески от самых высоких стен «города». И тотчас же вспыхнул другой свет — ярко-голубой, конусом прорезавший воздух: включился прожектор всплывшей из воронки (вот что это такое — станции приёма кораблей!) гигантской «мины». В этом густом световом коридоре мотыльками просияли две крошечные пылинки, пытавшиеся с помощью резких финтов и пируэтов сбить с толку преследователей. Но скорость антигравов не позволяла беглецам вырваться за пределы светового конуса, и участь их была предрешена.

«Форсаж!»

Катер увеличил скорость до предела.

Его заметили.

Воздух пронизал яркий огненный клинок, сопровождаемый сеточкой ветвистых молний.

Катер увернулся, сделал два подскока, два нырка, несколько резких поворотов, счастливо избежал огненной плети и настиг первого «мотылька».

Это была Аманда.

«Открой блистер! Мы проглотим её, как акула селёдку!»

Передняя прозрачная полусфера катера уползла в паз.

— Остановись! — крикнул Медведев, надеясь, что Аманда услышит его голос сквозь гул и свист погони.

Женщина увидела приближавшуюся «пулю» катера, перестала маневрировать и в тот же момент влетела в кабину как бильярдный шар в лузу. Разница была лишь в том, что «луза» нашла её сама.

Медведев, ухитрившийся подхватить спасённую и смягчить удар (что стоило ему вспышки боли от скрученного позвоночника), сознания не потерял, хотя перед глазами всё завертелось.

«За ним!»

Катер рванул за «мотыльком» Сизифа, качаясь из стороны в сторону, чтобы не попасть под выстрел. Однако учёный вдруг сделал то, чего от него не ждал никто: метнулся к надвигающейся туше чужака.

— Уходите! — донёсся его слабый, замирающий голос. — Я его отвлеку!..

«За ним, чёрт побери!» — яростно скрипнул зубами Медведев.

«Разобьёмся», — хладнокровно откликнулся инк.

Молнии перестали стегать воздух.

Искра скафандра Сизифа померкла на фоне фиолетового бока «мины». Исчезла.

Ещё какое-то время Медведев до рези в глазах всматривался в надвигающуюся стену преследователя, потом отдал команду уходить.

Катер отвернул, выписывая петлю, уносящую людей прочь от свирепого чужепланетного исполина...

Никто не погиб!

Не считая Сизифа, пропавшего без вести, как говорится в таких случаях.

Несмотря на то, что «мыльнопузырных мин», вылезших из конусовидных нор на планетах как пчёлы из улья, оказалось два десятка, и все они ринулись на лагеря землян, благодаря своевременному приказу Медведева уйти удалось всем. «Мины» не

стали преследовать спасательные шлюпы, довольствуясь тем, что выгнали их за пределы атмосфер Близнецов.

Когда Медведев пригнал катер к кораблю, одним из последних, Аманда лежала без сознания. Её срочно поместили в медотсек и поручили врачам экспедиции. Похоже, она не знала, кто её спас.

Фитцджеральд, дождавшись последних спасателей, отвёл «Ивана Ефремова» от Убегающей и собрал в кают-компании экстренный совет руководителей экспедиции, на котором присутствовал и Медведев.

Он коротко доложил собранию о том, что произошло на Близнеце-А, о своём походе к «городу» ради спасения ксенологов, и предложил немедленно начать переговоры с неожиданно нагрянувшими хозяевами планет, чтобы спасти Сизифа.

— Уже поздно, — мрачно заявил капитан Фитцджеральд. — Я имею в виду — спасать Павича. По всем данным его сожрал воздушный шар.

— Какой воздушный шар? — не понял Медведев.

— Напавшие на вас объекты похожи на воздушные шары с антеннами.

— По-моему, они больше напоминают старинные подводные мины... ну, не суть важно. Надо проверить, так ли это на самом деле. Та «мина»... м-м, тот «воздушный шар» мог просто сбить Сизифа, и тот упал на «город». «Шар» не ушёл далеко от места приземления...

— Никакого приземления не было, — сказал Рам Панчивитра. — «Шары» сразу объявились в этих вулканических жерлах, когда их обнаружили спутники. По-видимому, «сколопендры» владеют «струнными» технологиями.

— Никто их не видел, «сколопендр» ваших, — поморщился представитель СЭКОНа* в составе экспедиции.

— В данном случае ни то, ни другое не имеет значения, — отрезал Медведев. — Предлагаю отправить к «воздушному шару» парламентеров на модуле с аппаратурой коммуникаторов. Готов занять место командира десанта.

---

* СЭКОН — комиссия по контролю за опасными исследованиями.

— Нет, — качнул головой капитан Фитцджеральд. — Мы отрабатываем стандартную процедуру экстренной оценки ситуации. Любой непродуманный поступок может повлечь развёртку возникшего конфликта. Пока не выясним, в чём причина нападения, рисковать не станем.

— Рам, — посмотрел на руководителя экспедиции Медведев, — там погибает ваш сотрудник.

— Он наверное уже погиб, — пробормотал его заместитель.

— Но это можно и нужно уточнить!

Фитцджеральд и Панчивитра переглянулись, потом одновременно посмотрели на командира службы безопасности.

— Ярослав, успокойтесь. Если он жив и находится на территории «города», его отыщут с помощью зондов. Кстати, поиск уже начался.

— Будет поздно!

— И всё же это окончательное решение.

— Мы теряем время!

— С этого момента вступила в силу дипломатия контакта.

— К чёрту вашу дипломатию!

— Ярослав!

Медведев едва удержался от оскорбительных слов в адрес умудрённых опытом космонов, поклонился и быстро вышел из кают-компании.

Уединился в своей каюте, перебирая в уме аргументы в пользу своего предложения, нашёл, что был прав. Связался с медотсеком:

— Как там наша потерпевшая?

— Пришла в себя, отказалась от лечебных процедур и умчалась, — виновато развёл руками врач экспедиции.

— Как умчалась? — не поверил Медведев.

— Вот так.

— Понял.

В дверь каюты постучали.

Медведев выключил виом, сказал:

— Входите.

Дверь открылась, вошла Аманда. Вид у неё был утомлённый, но в глазах горел огонь решимости и сдержанной надежды.

— Ты зачем сбежала из... — начал Медведев.

— Я всё знаю, — оборвала его женщина. — Они правы, на кону то, ради чего нас послали сюда, — контакт с негуманами. Ни Чарльз, ни Рам не решатся предпринять какие-то шаги, не запланированные процедурой контактного кондуита.

— Но Сизиф...

— Теперь Сизиф. Кстати, его имя — Милорад, Сизиф — кличка за усердие в работе. Я не хотела говорить. Мы с ним... вместе... уже больше двух лет.

Медведев застыл.

Аманда усмехнулась.

— Дальше не продолжать? Сын от него. Мы встретились с тобой слишком поздно. Я виновата, но просить прощения не хочу. А теперь прощай.

Она повернулась, собираясь выйти.

— Постой! — очнулся он, хватая её за плечо. — Постой...

Она оглянулась.

— Ты только для этого и пришла, чтобы сообщить мне... о ваших отношениях?

— Нет, не только, но стоит ли говорить об этом? Я видела твою реакцию...

— Стоит!

— Я хочу спасти его.

— Я... тоже.

— Наш коммуникационный модуль имеет всё необходимое и готов стартовать.

— Ты... хочешь...

— Да или нет?

— Нас... не выпустят...

— Я знаю код аварийного стартового колодца для спасательных шлюпов.

Несколько мгновений они смотрели в глаза друг другу.

Потом Медведев шевельнул губами:

— Поехали...

Аманда закрыла глаза, открыла и, поцеловав его в подбородок, как при первой встрече, вышла.

В месте поцелуя вспыхнул огонь, скатился по шее под воротник костюма, достиг сердца...

Поцелуй ангела? Или дьявола? Впрочем, какая разница? Я ведь всё равно готов ради неё на всё...

Модуль перестали вызывать, когда он достиг границы атмосферы Близнеца-А.

Капитан Фитцджеральд был практичным человеком и не стал устраивать всякого рода гонки за «взбунтовавшимся» аппаратом. Хотя вполне мог перекрыть ему дорогу, бросив корабль по «струне», и перехватить модуль у планеты. Возможно, он сочувствовал беглецам.

В отличие от него начальник экспедиции в общем-то не утруждал себя поиском интеллигентных формул, но, будучи индийцем, да ещё в возрасте мудрого созерцателя жизни, не стал перечислять все кары, грозившие свалиться на головы подчинённых в случае провала переговоров. Только добавил со вздохом:

— Соблюдайте инструкции.

— Обязательно! — пообещал Медведев. — А теперь дайте мне Т-поддержку.

Это означало, что для сопровождения десантного кораблика должны были включиться все технические линии корабля, и не относящиеся к данному режиму разговоры должны были прекратиться.

— М-1, я Н-2, доверни влево на два градуса, — заговорил возбуждённый молодой голос. — Вы на луче.

— Понял, Н-2 (по лаконичной терминологии космонов это означало, что с модулем контактирует второй наблюдатель экспедиции), поворачиваю.

Модуль нырнул в атмосферу Близнеца-А.

— Я хотела бы подчеркнуть... — сказала Аманда; она возилась с аппаратурой в техническом отсеке модуля, сзади пилотских кокон-кресел. — Обещать я не...

— Ничего не надо обещать, — отрезал Медведев. — Будет то, что будет.

Больше они не разговаривали.

Модуль пронзил атмосферу по лучу целеуказания и вышел над ночным «городом», над которым разыгралась трагедия знакомства людей с «воздушным шаром».

— Объект правее, в пяти километрах от вас, — доложил наблюдатель.

Медведев и сам увидел «воздушный шар», зависший над воронкой в центре «города», из которой выбрался два часа назад.

— Запускаю программу, — сказала Аманда, колдовавшая над вириалом управления коммуникационным комплексом.

«Ближе!» — приказал Медведев инк-пилоту.

Модуль спикировал на гладкую металлическую гору «воздушного шара».

И тотчас же густой поток синего света выметнулся навстречу. Гигантский шар всплыл над воронкой, метнул яркую молнию электрического разряда.

Однако на этот раз Медведев управлял не катером, а десантным модулем, обладавшим мощной защитой. Инк модуля, мгновенно определив степень опасности, не стал маневрировать, а просто принял разряд на корпус и вобрал его в себя как губка воду.

Шар метнул ещё один ручей огня, с тем же результатом.

— Что у тебя? — оглянулся Медведев.

— Комплекс включён, — отозвалась Аманда. — Ответа пока нет.

Шар с гулом надвинулся на земной аппарат.

«Отступай с той же скоростью», — велел Медведев.

С длинных штырей шара, делавших его и в самом деле похожим на земную мину, сорвалась чудовищная зелёно-фиолетовая молния, вонзилась в защитное силовое поле модуля, и люди внутри ослепли на мгновение, почувствовали приступ тошноты, уже знакомый Ярославу.

Аманда что-то быстро проговорила. Но её фраза не относилась к разряду просьб о помощи.

«Назад! Крути качели!»

Модуль завертелся юлой, прыгнул вверх, потом вниз, увеличил скорость, и следующая молния его миновала.

— Вот сволочь! — стиснул зубы Медведев. — Ничего не хочет слушать!

— Куда мы бежим? — воскликнула Аманда.

Она заняла кокон управления комплексом, утонув в его тончайшей изоляции почти целиком, и он мог видеть только подбородок женщины, голова же скрывалась внутри полусферы мыслеизлучателя, с помощью которого Аманда пыталась «достучаться» до сознания обитателей «мины».

— Мы не бежим, — огрызнулся Медведев. — Но ещё пара таких шлепков, и этот монстр разбрызгает нас по всей атмосфере!

— Продержись хотя бы пять минут, я тебя умоляю!

Медведев хотел сказать, что от него-то как раз мало что зависит, но передумал.

— Какого чёрта они напали на нас?! Что вообще происходит? Мы же ничего дурного им не сделали.

— Логика негуман остаётся для нас тёмным лесом. Возможно, мы им мешаем.

— Но ведь всегда можно договориться.

— С человеческой точки зрения.

— А с негуманской?

— Может быть, мы для них являемся разновидностью вирусов, и они боятся заразиться?

— Об этом я не подумал. Ты говорила о своей гипотезе...

— Это не моя гипотеза.

— Сизифа?

— Милорада. Он считает, что Близнецы готовят к переселению.

— А вот об этом я думал.

— Тебя похвалить?

— Не надо, — пробормотал Медведев, вспоминая, по какой причине он здесь находится. — Может, Сизиф сейчас сидит на борту этого шара здоров и живёхонек?

Аманда не ответила.

Примолк и Медеведев.

В таком положении они находились какое-то короткое время.

«Воздушный шар-мина» преследовал модуль, яростно стегая воздух молниями, одна мощней другой, модуль уворачивался и отступал, продолжая звать неведомых обитателей шара на всех мыслимых диапазонах связи согласно разработанной программе контакта.

Наконец, когда молнии всё чаще стали нащупывать маленький кораблик, Медведев решился на адекватный ответ и выстрелил из аннигилятора.

Невидимая в свирепом синем свете прожектора трасса антипротонов перечеркнула один из штырей на макушке «мины», которые по сути и являлись эффекторами колоссальных молний, и легко срезала его.

Шар перестал метать молнии, чуть снизил скорость.

Медведев прицелился и точным выстрелом отсек ещё один штырь.

Агрессивный преследователь остановился.

Произошло это на высоте одиннадцати километров над поверхностью планеты, и шар был хорошо виден в сиреневой ауре атмосферы, светящейся над горизонтом в том месте, где скрылось светило.

Остановился и модуль.

— Я слышу... — вдруг прошептала Аманда.

Медведев оглянулся.

— Что?!

— Он... здесь...

— Сизиф?!

Подойди ближе...

— Это опасно!

— Подойди... ближе...

Медведев сжал челюсти так, что заныли зубы.

«Подойди, но будь готов к маневру».

«Есть быть готовым к маневру», — отозвался инк.

Модуль поплыл к гигантскому шару.

— М-1, что там у вас происходит? — послышался голос капитана Фитцджеральда. — Мы вас видим. Имеем возможность отвлечь агрессора. Ярослав, отвечайте!

— К чёрту! — выдавил Медведев. — Не мешайте! Мы подходим к...

Он не договорил.

Прожектор «воздушного шара», до поверхности которого оставалось чуть меньше трёхсот метров, погас. Шар заходил ходуном, будто превратился в колышущийся под напором ветра мыльный пузырь. И на его борту протаяло кривляющееся от судорог и толчков изображение человеческого лица диаметром в сто метров. Это было лицо Сизифа.

«Уходите... — раздался в голове Медведева хриплый шуршащий бас. — Не путайтесь у них... под ногами...»

— Милик! — ахнула Аманда. — Ты жив!

«Вряд ли... это можно назвать... жизнью... функционирую... как мыслесфера... уходите... с этими парнями... лучше не связываться... предупредите безопасность...»

— Милорад!

«Начинается исход... из ядра Галактики... оно перенаселено... экспансия захватит... все лучшие территории... вокруг балджа».

— Милорад...

«Уходи... Амаша... сыну... скажи...»

Голос смолк.

Лицо Сизифа исчезло.

«Мыльный пузырь» снова превратился в металлический шар.

Медведев оглянулся.

Аманда, успевшая выбраться из кокона, с мертвенно бледным лицом смотрела перед собой ничего не видящими глазами.

Шар с гулом попёр на земной аппарат.

«Уходим!» — очнулся Медведев.

Выбрался из пилотского кресла, остановился у проёма двери в технический отсек.

По щекам Аманды скатились две слезинки.

А у него защемило сердце.

Видит бог, он не хотел *такой* жертвы! Кто же знал, что их ждёт контакт с носителями иной этики, для которых люди яв-

ляются только вирусами. Сизиф, Сизиф, я не виноват в твоей гибели...

Рация надрывалась, вызывая десантников.

Аманда плакала с застывшим лицом.

Планета проваливалась в темноту, удалялась, подготовленная к переселению.

Огненное крыло света Убегающей вымело тьму из кабины модуля.

Не путайтесь под ногами...

А ведь с этим теперь придётся жить?

Медведев шагнул вперёд, но обнять женщину, которую любил несмотря ни на что, не решился. Стоял и мучился, не зная, что сказать. А сердце рвалось на части, и никто не мог предсказать, как сложится их дальнейшая судьба.

Нет, не переселявшихся негуманоидов из ядра Галактики, судьба людей.

Евгений Малинин

ТЕСТ НА ПОДЛОСТЬ

Из цикла «Жизнь на Земле»

Было уже поздно, и она никого не ждала... Собственно говоря, она никого не ждала уже много лет, но этим поздним вечером на переломе времен года гость был просто невозможен! И все-таки именно этим вечером прозвучал мелодичный звонок и из седоватой дымки, клубящейся рядом с входом в ее жилище, проглянуло совершенно незнакомое мужское лицо.

— Кого вам?.. — немного растерянно спросила она, не включая обратную связь.

— Вас, Бархатные лапки... Вас! — с едва заметной улыбкой ответил мужчина, и она от удивления чуть приоткрыла рот — уже очень давно ее никто не называл студенческим прозвищем.

— Но... Кто вы?! — чуть запнувшись, переспросила она.

— Неужели я так сильно изменился?.. — Мужчина улыбнулся шире. — И неужели я так отличаюсь ото всех своих столь многочисленных плакатов?!

И тут она узнала его! Его лицо действительно сильно отличалось от виденных ею изображений — предвыборная компания была в самом разгаре и конечно же один из шести кандидатов на пост Верховного координатора был известен всему миру! Вернее было известно его лицо, то, которое утвердили специалисты предвыборного штаба для предвыборной же агитации.

© Евгений Малинин, 2008

Мгновенно в ее голове снова возникли те же сумбурные мысли, которые всколыхнулись, как только она услыхала имя этого кандидата. В ее далекой молодости был человек с таким именем, и он был для нее очень дорог... Был!..

Теперь она снова постаралась успокоиться и взять себя в руки. Ему явно необходимо было с ней поговорить, и она знала о чем. Именно это знание тронуло ее губы горьковатой усмешкой.

— И что же вам от меня понадобилось, господин кандидат?

Ее голос прозвучал ровно, сработали профессиональные навыки, спрятавшие ее импульсивную реакцию. А вот его ответ прозвучал неожиданно напряженно:

— Завтра тест... Я узнал, что его будет проводить тво... ваша лаборатория, ну и... и решил, что ты можешь подсказать мне, как себя вести!

Она едва заметно вздохнула, приложила ладонь к пластине электронного замка и, незаметно для себя переходя на «ты», коротко произнесла:

— Входи...

Спустя три минуты в комнату вошел высокий, чуть грузноватый мужчина, одетый строго и изысканно. Его породистое, чисто выбритое лицо сохраняло привычную, чуть пренебрежительную невозмутимость, и только острый, внимательный взгляд выдавал внутреннее напряжение. Она встретила его в полумраке комнаты, стоя, и сразу же указала на пустое кресло, стоящее у окна. Только после того, как мужчина расположился в этом кресле, она устроилась на стоящем у противоположной стены диване, облокотившись на подлокотник и поджав ноги.

С минуту в комнате висело молчание, а затем раздался его добродушный голос:

— А у... тебя вполне... э-э-э... уютно... — И после едва заметной паузы: — ...Ты по-прежнему одна?..

— Я думаю, нам лучше сразу перейти к твоим проблемам. — негромко ответила она. — Тебе моя жизнь безразлична, а мне говорить о ней не хочется. Итак, что именно тебя интересует?..

Мужчина чуть поворочался в кресле, словно бы раздумывая, а не обидеться ли ему на столь прямую постановку вопроса, однако дело всегда было для него выше каких-либо обид, поэтому он начал, осторожно нащупывая верный тон первого своего вопроса:

— Ты, конечно, знаешь, что я вошел в шестерку кандидатов на пост Верховного координатора?.. Все мы, все шестеро прошли весьма строгий отбор... Ты даже представить себе не можешь, насколько строгим он был. Но, видишь ли, вся предыдущая процедура была для меня понятна, критерии оценок и отбора были предельно ясны, так что мне не представляло труда выстроить правильную стратегию поведения и... прохождения этого... кхгм... отбора. А вот теперь... Этот тест! Если бы я представлял, что именно мне предстоит, как именно себя надо вести...

Он замолчал, недоговорив, то ли потому что все сказал, то ли потому что не мог более четко изложить свою просьбу.

Она выдержала небольшую паузу, а затем с едва заметной иронией спросила:

— Что же тебя так... встревожило?.. Ты опытный политик, знаешь все в делах управления... социумом!.. Почему тебя так встревожил какой-то там тест на альтруизм?!

— Меня встревожил не сам тест!.. — немедленно отозвался он, и в его голосе проскользнуло легкое раздражение. — В конце концов я всей своей жизнью доказал способность сострадать людям, ставить их интересы выше своих собственных! — Она быстро вскинула на него глаза, однако он не заметил этого мгновенного взгляда. — Меня встревожила, во-первых, неизвестность... неопределенность... ну... технологии что ли... прохождения этого теста, а во-вторых...

Он вдруг замолчал, затем коротко, нервно вздохнул и продолжил совсем другим, мягко-доверительным тоном:

— Понимаешь, мои люди подготовили мне справку об этом самом тесте... Так вот, в первую очередь меня поразило то, что положительного результата добивается не более десяти процентов участвующих в тестировании людей. Получается, что... э-э-э... наш мир, наша цивилизация погрязли в эгоизме! Но этого

не может быть, ни одно общество, состоящее на девяносто процентов из эгоистов, просто не может существовать! Да и исследования в детских учреждениях показывают, что это не так.

Он внимательно посмотрел на свою молчаливую собеседницу и продолжил:

— Далее. Тест на альтруизм проводится только для кандидатов на высшие государственные должности, для людей, входящих в высшую исполнительную и законодательную власть. Я поднял документы и узнал, что он был введен законодательно около ста лет назад, но!.. Вопрос о необходимости тестирования других категорий социума даже не ставился! — Он сделал мгновенную и очень многозначительную паузу перед тем, как задать свой первый вопрос. — Почему, если такая проверка столь существенна?!

Снова последовал внимательный, пристальный взгляд, вписанный в короткую паузу.

— Кроме того, ни в законе о тестировании на альтруизм, ни в подзаконных актах мы не нашли ни описания процедуры тестирования, ни указания на секретность технологии этой процедуры! Ты не хуже меня знаешь, что социологические тесты очень легко превратить в... э-э-э... орудие манипулирования человеческим сознанием... — Она едва заметно улыбнулась, но он не обратил внимания на эту улыбку. — ...Да и вообще, насколько процедура тестирования... ну... небезопасна для здоровья?!

Опять последовал короткий вопросительный взгляд, и он закончил:

— Вот я и подумал, может мне следует как-то специально подготовиться к прохождению этого теста?!

В затемненной комнате повисла тишина. Фигура сидевшей на диване женщины совершенно утонула в полумраке, и только чуть более плотная тень выдавала ее присутствие. Мужчина нетерпеливо пошевелился в кресле раз... другой, замер, снова пошевелился, и наконец до него донесся негромкий, мягкий голос:

— Почему ты пришел ко мне без охраны?.. Разве кандидатам на должность Верховного координатора разрешается хоть куда-то ходить без охраны?..

Мужчина поднял удивленный взгляд, но лицо женщины попрежнему пряталось в полумраке, так что он не смог понять, зачем был задан этот вопрос. Чуть помедлив, он ответил:

— Ну... вообще-то, нет... Но мне удалось... убедить наблюдателей, что встреча со своей однокурсницей, известным социологом вряд ли таит для меня опасность.

— Да, мы с тобой действительно вместе учились, и, насколько мне известно, ты закончил курс... на три года раньше меня. Значить ты такой же социолог, как и я... Значит ты тоже можешь хотя бы прикинуть направленность поведенческих векторов для отдельно взятого индивидуума, помещенного в конкретную социальную среду...

Мужчина пожал плечами и перебил ее довольно натянутой усмешкой:

— Ну, говорить, что я такой же социолог, как ты, было бы слишком смело!.. Я не занимался социологией с тех самых пор, как получил диплом, так что успел забыть все, что знал об этой науке, а уж отстал от ее современного уровня!.. — Он не договорил, вяло махнув рукой.

Женщина молча выслушала его возражение, несколько секунд помолчала, словно ожидая каких-то дополнительных слов, а затем продолжила свою речь, как будто последних слов мужчины и не было:

— Мои расчеты показывают, что я могу представлять для тебя очень серьезную опасность!..

И снова мужчина удивленно поднял глаза на свою собеседницу, и снова не увидал выражения ее лица, а потому импульсивно задал вопрос, к которому искусно подвела его женщина:

— Ты что же, до сих пор не... э-э-э... не забыла... не простила?! Я, право, думал, что спустя столько лет... Что...

— В моей магистерской диссертации... — мягко перебила его женщина, — ...однозначно доказывается, что морально-этическая организация женского индивидуума гораздо тоньше и разветвленнее, а потому время резонанса для нее в три-четыре раза протяженнее, чем для индивидуума мужского. Кроме того, по той же причине реакция женщины на объект-камертон при входе в обратнорезонансное восприятие изменений социострук-

туры зачастую не гасится временным разрывом между событиями, вне зависимости от длительности этого разрыва...

Сказано это было профессорско спокойным, чуть насмешливым тоном, но у мужчины вдруг появилось ощущение, будто ему... угрожают! Он резко наклонился вперед и проговорил с плохо скрытой угрозой:

— Я, как ты наверное догадалась, защищал магистерскую диссертацию по другой специальности, но тем не менее вполне могу защитить себя от женщины. А кроме того, мне кажется, что ты, даже войдя в «обратнорезонансное восприятие изменений социоструктуры» вряд ли забудешь о том, какое наказание полагается преступнику, поднявшему руку на кандидата в Верховные координаторы!

Мужчина помолчал, ожидая реакции своей собеседницы, но она молчала. Тогда он, уже гораздо спокойнее, продолжил:

— Да, конечно, я поступил с тобой...

Последовала пауза, словно он подыскивал подходящее слово, и женщина это слово вставила почти шепотом:

— Подло...

Мужчина дернулся в своем кресле и торопливо поправил свою собеседницу:

— Некрасиво! Но ты теперь, по прошествии почти полутораста лет, должна была бы понять, что я не мог тогда поступить иначе! Передо мной открылись такие перспективы, такие... возможности, а ты... Ну чем могла ты мне помочь?.. Девчонка на три года моложе меня!

— Да, у меня не было ни связей, ни состояния... ничего, что могло бы тебя удержать... — едва слышно согласилась женщина, но мужчина, казалось, не слышал ее.

— Да, я, конечно, виноват перед тобой, но моя вина уже достаточно заглажена тем, что я сделал для человечества!

— Для человечества?.. — все также тихо переспросила женщина, и в ее голосе промелькнул оттенок иронии.

— Именно! — решительно подтвердил мужчина. — Для человечества!

— А что ты сделал для... Родра? — неожиданно спросила женщина.

Мужчина чуть растерялся, а затем деланно рассмеялся:

— Ты знаешь и об этом сумасшедшем?!

— Я многое знаю... — едва слышно произнесла женщина, но мужчина ее не услышал, продолжая говорить:

— Я сделал единственное, что мог, — поместил его в элитное лечебное заведение, где он благополучно умер...

— А тебе досталось его изобретение... — уже громче продолжила женщина, заставив своего собеседника замолчать. — Именно с этого изобретения началось твое восхождение к вершинам делового успеха?! И еще с твоей женитьбы.

— Да, я могу гордиться!.. — немного нервно заявил мужчина. — Именно я открыл изобретение Родра человечеству! Если бы не я, оно, возможно, никогда не узнало бы дубликаторов! Ведь сам Родр, несмотря на всю его гениальность, был совершенно неспособен... э-э-э... реализовать свои идеи!..

— Ну-да, ну-да... А Кларк был неспособен управлять своими предприятиями, и потому ты с помощью своего тестя отобрал их у него! — В голосе женщины была уже не ирония, а сарказм. — Но самое главное, это было сделано во имя прогресса и во благо человечества!

— Именно так! — воскликнул мужчина, подавшись вперед. — Под моим управлением концерн Кларка на двенадцать процентов повысил объем производства!..

— Потому что ты через своего тестя получил государственные заказы! — закончила женщина его фразу. — Только почему всего на двенадцать?! Судя по расчетам, рост должен был составлять не менее двадцати пяти процентов!

В комнате повисла тишина. Мужчина был явно обескуражен, он не ожидал такой осведомленности в экономических вопросах от какого-то, пусть и довольно известного социолога. Наконец он снова заговорил, но теперь его голос звучал спокойно, даже ласково:

— Я смотрю, ты довольно подробно знаешь историю моей жизни. Откуда такой интерес?.. Неужели я все еще тебе небезразличен?!

— Да, ты мне небезразличен... — неожиданно согласилась женщина. — Небезразличен в двух аспектах: во-первых, как ти-

личный представитель так называемого крупного делового мира, а во-вторых, как довольно редкий индивидуум, вокруг которого формируются социальные узлы, до предела обостряются социальные противоречия.

— То есть, я интересую тебя только как некий социальный тип?.. — все так же спокойно, с доброжелательной улыбкой на губах поинтересовался мужчина.

— Именно, — подтвердила женщина его догадку, — как тип, при приближении к которому любой индивидуум в той или иной мере испытывает социологический шок. И при этом источник этого шока убежден, что приносит неоценимую пользу социуму в целом!

— Угу... угу... — Мужчина задумчиво покивал головой, а затем быстро взглянул на хозяйку дома. — Значит, можно считать, что ты противница моего избрания на пост Верховного координатора и никакой помощи мне не окажешь?..

— Ну почему? — Пожала узкими плечами женщина. — Ты не хуже и не лучше других кандидатов... А потом, информация, которая тебе нужна не содержит государственной тайны. Тест на альтруизм действительно проводится в моей лаборатории... — Женщина интонацией подчеркнула слово «моей» и сделала крошечную паузу, чтобы ее собеседник смог оценить это подчеркивание. — ...Это единственная лаборатория, которая имеет специально созданный полигон для обкатки, опробования, так сказать в натуре, предварительно рассчитанных моделей развития социума и влияние на это развитие значимых личностей...

— А можно попроще?.. — с улыбкой перебил ее мужчина. — Ты забыла, что специальная терминология социологии мною давно забыта.

Несколько секунд женщина молчала, а затем вздохнула:

— Попроще?.. Хорошо, пусть будет попроще.

Последовало еще несколько секунд молчания и наконец женщина заговорила:

— Ты напрасно пришел ко мне. Ни я, ни ты повлиять на этот тест не в силах...

Мужчина чуть приподнялся в кресле, но женщина подняла ладонь, останавливая его:

— Не думай, что я от тебя что-то пытаюсь скрыть, в данном случае это совершенно бессмысленно. Наш полигон представляет собой целый мир, самый настоящий мир с очень похожей на нашу социальной структурой. Когда возникает какая-то социологическая проблема или задача, мы... как бы это сказать точнее... организуем похожую ситуацию на нашем полигоне и прослеживаем все возможные варианты развития социума. Тест на альтруизм для нашей лаборатории весьма простая и далеко не главная работа — с каждого из кандидатов на высокий управленческий пост снимается психосоматическая матрица, которая внедряется, как ты понимаешь, в виде конкретного индивидуума в мир полигона. Поскольку время на нашем полигоне протекает значительно быстрее истинного времени, результаты деятельности этой психосоматической матрицы позволяют сделать вывод о пригодности каждого из кандидатов с точки зрения развития нашего общества.

Женщина подняла взгляд на своего гостя и осторожно спросила:

— Тебе понятно?..

— Вполне! — быстро ответил тот и добавил: — У меня возникает лишь один вопрос...

— Какой?

— Если вы для своих опытов используете целый мир, то как обстоит дело с альтруизмом у вас самих? Как социолог может ставить опыты, пусть даже и социологические, над целым... человечеством?!

— Ты забываешь, что этот мир создан нами... мною... именно для этой цели! — мягко ответила она. — Ты же не задумываешься о том, что покупаешь себе компьютер с целью его безудержной эксплуатации?.. И тебя никто не обвинит в бездушии, если ты выбросишь его, когда он придет в негодность!..

— Ах, вот как ты представляешь себе это дело! — С легкой усмешкой кивнул собеседник.

Женщина снова пожала плечами и отвернулась к окну:

— Теперь ты понимаешь, что результаты теста нельзя ни спрогнозировать, ни подделать. Тем более их нельзя использо-

вать для «манипулирования общественным сознанием». Если, как ты говоришь, твои специалисты провели анализ прохождения этого теста в прошлом, то ты должен знать, что ответ по тесту очень прост — «альтруист», «не альтруист». Никакой степени альтруизма у испытуемого не обнародуется.

— Однако, «не альтруист» ни разу за все существование теста не избирался на руководящую должность! — резко бросил гость и поднялся из кресла. — Спасибо за помощь и... прости, что потревожил тебя!..

Он уже повернулся к входу, но вдруг задержался и с некоторым напряжением спросил:

— Может быть я могу что-то сделать для тебя?..

Женщина в ответ только молча покачала головой.

— Тогда прощай!

Мужчина энергичным шагом направился к выходу, однако у самой двери его остановил негромкий голос хозяйки:

— Знаешь, как мы сами называем этот тест?..

Мужчина оглянулся и услышал короткое:

— Тест на подлость!..

Он наклонил голову то ли в раздумье, то ли в коротком поклоне и быстро вышел, а женщина осталась сидеть на диване, глубоко задумавшись.

Спустя трое суток на стол руководителя лаборатории глобального социального прогнозирования лег доклад о готовности всех служб лаборатории к проведению теста на альтруизм для кандидатов на пост Верховного координатора. Она раскрыла нетолстую папку, неторопливо перелистнула ее содержимое и задержалась на последнем листе.

«Психосоматическим матрицам испытуемых предлагается присвоить следующие полигонные псевдонимы: Елизавета Тюдор, Жанна д'Арк, Иосиф Джугашвили, Адольф Шикльгрубер, Александр Ульянов, Николай Романов».

«Иосиф Джугашвили, — медленно прочитала женщина про себя и подумала. — Посмотрим, на что ты способен... Иосиф Джугашвили».

Святослав Логинов

КРАЖА

Я беру моё добро там, где нахожу его.

Мольер

Взгляд у следователя не был ни добрым, ни особо усталым, но что-то пронинское в нём несомненно просматривалось. Некое обречённое понимание.

— Прошу вас, Константин Сергеевич, ещё раз и по возможности без эмоций, перечислите похищенное.

Начальник экспедиции, огромный бородатый мужчина, не по-археологически импульсивный, дёрнулся было, собираясь вскочить и забегать по палатке, но осаженный следовательским взглядом, остался на месте.

— Всё украдено, всё! Результаты месячной работы, все находки подчистую.

«Всё, что нажито непосильным трудом», — мелькнуло в голове, но вслух следователь спросил:

— Изделия из золота, серебра...

— Какое золото? Неолит, одно из первых поселений Волосовской культуры. Полированные топоры, скребки, лепная керамика, украшения из кости и янтаря, уникальный цельнокаменный серп, чудеснейшая, прекрасной сохранности неолитическая Венера — всё пропало!

© Святослав Логинов, 2008

— Фотографии сохранились? — быстро спросил следователь. — Я имею в виду Венеру, ну... и всё остальное.

— Да, конечно, — на свет появился цифровой фотоаппарат, археолог быстро принялся перещёлкивать кадры. — Сейчас найду...

— Фотоаппарат не украден, — заметил следователь. — А у остальных сотрудников — фотоаппараты, мобильники, другие ценности — на месте?

— Личные ценности на месте, куда они денутся?.. — Константин Сергеевич вскинул взгляд и, страдальчески изогнув бровь, выговорил: — Две лопаты спёрли, мошенники! Обычные лопаты, штыковые, мы их даже на ночь не убирали, оставляли в раскопе. Лопаты-то им на кой понадобились?

— Лопаты, говорите? — пробормотал следователь, разглядывая изображение на экране аппарата. — Лопаты — это серьёзно... А это, значит, и есть ваша Венера?

— Она самая.

— Жуть. Венера или не Венера, но что-то венерическое в ней есть. На красавицу не больно похожа.

— Не скажите, — возразил археолог, ревниво оглядывая изображение. — Типичная богиня-мать. Это же символ плодородия! Гипертрофированные бёдра, большая обвисшая грудь — всё указывает на женщину много и удачно рожавшую. И живот — обратите внимание, это изображение беременной женщины.

— А голова где? Или эта нашлёпка и есть голова?

— Голова в данном случае не обязательна. Главное — бёдра, грудь, живот... — функция деторождения.

— И сколько, простите за наивность, эти бёдра и живот могут стоить? Я имею в виду, за какую сумму вашу Венеру можно продать, скажем, коллекционерам?

— Представления не имею. Подобные вещи не продаются, они должны храниться в музеях. По частным коллекциям их очень немного, а подлинность их обычно под сомнением.

— Немного, но есть. Не обращайте внимания, это я просто вслух думаю, куда похитители могут сбыть украденное. Раз они не тронули личные вещи, значит, это не случайные воришки, а

преступники, понимавшие, что воруют, и действующие, видимо, по заказу. Кому было известно, что вы нашли эту Венеру?

— Всем было известно. Я звонил в университет и фотографии отсылал.

— Враги у вас есть? Завистники, научные противники, всякие иные недоброжелатели?

— Есть, конечно, как же без них? Но не до такой же степени, чтобы находки воровать. Культурные люди, как-никак. И потом, ящик под сотню килограмм весит, в одиночку его не унесёшь, да и вдвоём не просто.

— Ясненько... — Следователь перещёлкнул несколько изображений. — А это, простите, что за дактилоскопия?

Начальник экспедиции глянул через плечо милиционера, близоруко вглядываясь в снимок.

— Это как раз и есть лепная керамика. Понимаете, гончарный круг ещё не изобретён, и посуду лепили, накладывая один слой глины на другой. Кривовато выходило, но лучше, чем ничего. А украшали готовое изделие, проводя пальцем по мокрой глине волнистую линию или просто оттискивая отпечатки пальцев. Этакая визитная карточка мастера. Чаша на снимке почти целая, край немножко обколот, а так ей ещё служить и служить. Как говорится, битая посуда два века живёт.

— Чаша для вина? — следователь был явно заинтересован.

— Вынужден вас разочаровать. Чаша — собирательное название для всякой посуды. Древнейший, ещё индоевропейский корень. Чаша, в которой месили тесто, называлась миской. Чаша, в которой готовили на огне еду, называлась горшком, от слова «гореть». Чаша — самый древний, священный сосуд. Недаром говорят, «дом — полная чаша».

— Хороша кашка, да мала чашка, — поддакнул следователь.

— Вот именно, чашка, а не миска или тарелка. Тарелка, вообще, изобретение нового времени.

— И сколько лет отпечаткам на этой чаше?

— Около шести тысяч.

— Отлично сохранились. Вор, небось, таких следов не оставит. Ну, ничего, где-нибудь да наследит. Ещё лопаты, говорите, пропали?

— Да, две лопаты. Кому могли понадобиться?

— Лопата в хозяйстве всегда пригодится. А пока, пойдём, посмотрим, что мои сотрудники наковыряли.

Выяснилось, что сотрудники — пожилой сержант и молодой человек в штатском — обнаружили не просто отпечатки пальцев, а оттиск целой пятерни. Очевидно, злоумышленник сначала возился в раскопе, где и стибрил две лопаты, а потом обтёр перемазанную глиной руку об один из ящиков, оставив на крашеной фанерной стенке образцово-показательный отпечаток. Обычных отпечатков тоже хватало, хотя в основном это наследили члены экспедиции.

— Ну и лапища! — следователь покачал головой. — Из ваших никто не может быть?

— Господь с вами! В экспедиции, считай, одни девчонки. Разве что у меня такая пятерня и ещё у Аркаши, есть у нас такой третьекурсник. Но мы руки после раскопок моем, я, во всяком случае, подобных пятен не оставлял.

— Понятно. Что ж, Константин Сергеевич, я временно вас покину, а завтра появлюсь снова. Прошу до тех пор ничего не трогать, ни здесь, ни в раскопе. И ещё... не могли бы вы до завтра одолжить ваш фотоаппарат? Скопируем снимки — и вернём. Нам нужны фотографии находок, личные карточки, сами понимаете, ни к чему.

Из-за осенней распутицы милицейский «Мерседес» не мог подойти к лагерю, ожидая сотрудников на шоссе, километрах в полутора, так что следователь со своей командой ушли пешком. И явились обратно не на следующий день, как обещали, а в тот же день, ближе к вечеру. На этот раз кроме следователя и двух милиционеров в лагерь прибыл кинолог с собакой. Кинолог — худенький парнишка интеллигентного вида, а пёс — овчарка, совершенно непородистого экстерьера, зато очень внушительных размеров.

— Не ждали? — приветствовал начальника следователь. — И я не ожидал. А потом подумал: ящик с находками тяжёлый, на руках его далеко не утащишь. Машина к лагерю подойти не сможет, разве что гусеничный трактор. К тому же, лопаты у вас пропали. Значит, воры ящик оттащили в сторонку и прикопали

до лучших времён. Тут вдоль реки — обрывы, овражки — спрятать есть где и искать можно до морковкина заговенья. А собачка должна найти, если, конечно, за вашим ящиком вертолёт не прилетал.

Собачка тем временем, подчиняясь приказу: «Гуляй!» — пробежалась по берегу, вырыла в песке яму под стать хорошему раскопу, потом отыскала в прибрежной траве толстую лягуху и принялась подталкивать её носом, заставляя прыгать. Лягуха пребывала в ступоре и прыгать не желала. Скорей всего, она уже приготовилась к зимней спячке, и всё происходившее казалось ей дурным сном. По счастью, лягушачьи боги сжалились над квакушкой, люди кончили беседовать, и парнишка, ничуть не похожий на героя незримого фронта, негромко и ни к кому в особенности не обращаясь, произнёс:

— Барон, ко мне!

Фонтан песка брызнул из-под собачьих лап, пёс, мгновенно растерявший всё своё простецкое добродушие, встал у хозяйской ноги.

— Барон, работать! Ищи!

Внимательно обнюхав глиняный отпечаток, Барон потянул в сторону от лагеря. Загнанным в палатки студентам оставалось смотреть ему вслед и обсуждать удивительную метаморфозу, случившуюся с псом.

Следователь и Константин Сергеевич поспешили вслед за проводником.

— Если собака выбежит на вас, — поучал милиционер, — не обращайте на неё внимания, не останавливайтесь и ни в коем случае не смотрите ей в глаза. Собака работает, и в это время её не надо нервировать.

Со стороны речки донёсся лай и через минуту свист проводника.

— Кажется, нашли, — довольно сказал следователь.

В кустах под обрывом валялись обломки разбитого ящика и груда небрежно вываленных находок. Видно было, что вандалы, похитившие ящик, рылись в его содержимом, не особо заботясь о сохранности экспонатов, а спешно выбирая то, что показалось им наиболее ценным.

Издав невнятный стон, Константин Сергеевич ринулся к остаткам своих сокровищ.

— Тихо, тихо! — предупредил следователь. — Пока ничего не трогайте. Попытайтесь на взгляд определить, чего не хватает.

— Венеры не вижу, — охрипшим голосом произнёс археолог. — Два топора были идеальной сохранности — тоже нет. Серп из крапчатого кремня, удивительно красивый... Понимаете, серпы обычно делались из бараньего или козьего ребра, а режущая кромка набиралась из кремнёвых вставок. Такой серп быстро ломался, вставки для серпов — самые частые находки в этих слоях, чаще даже, чем наконечники стрел. А цельнокаменные серпы — очень редки, их тяжело делать, и они передавались из поколения в поколение на сотни и тысячи лет. Даже в эпоху бронзы старинные каменные серпы ещё были в ходу, хотя постепенно исчезали из обычного обихода, переходя на роль священного орудия. У некоторых племён жертвенные колосья срезались каменным серпом ещё в прошлом веке. И никто не может судить наверное, когда и кем такой серп был выделан. Понимаете, какая это редкость? И вот, его нету!

— То есть, пропали вещи редкие, можно сказать уникальные.

— Не все, но серп и Венера — пожалуй, да.

— А вы бы, Константин Сергеевич, подумали хорошенько, да и признались, где вы их спрятали? А то ведь, сами подумайте, есть разница — я их найду или вы чистосердечно раскаетесь.

Несколько секунд начальник экспедиции стоял, вцепившись в бороду, и судорожно глотал воздух, прежде чем сумел выговорить:

— Вы понимаете, что говорите?

— Понимаю. И очень советую вам тоже понять, что разговор у нас пошёл серьёзный. Совершена кража ценных предметов... и если будет заведено уголовное дело, и вам предъявят официальное обвинение... мне кажется, вам лучше признаться сейчас, легче отделаетесь.

— Скажите лучше, — проскрипел археолог, — что вам неохота искать настоящего преступника, поэтому вы решили перевести стрелки на того, кто ближе. Только не получится у вас

ничего. Скажите на милость, какой мне интерес красть собственные находки?

— В самом деле, — откликнулся следователь, — зачем вы это сделали? Известный учёный, заслуженный человек. Имя, звание — всё имеется. Деньги... денег, конечно, маловато, но не из-за денег же вы пошли на преступление. Хотя, смотрите, как всё удачно складывается: ваша экспедиция нашла, по меньшей мере, два уникальных предмета, вы успели дать их описание, так сказать, засвидетельствовать подлинность, после чего и Венера, и серп исчезают вместе с менее ценными находками. Насколько я понимаю, сейчас мы нашли только самые ординарные предметы, не стоящие практически ничего, но подтверждающие, что и пропавшие сокровища имели место быть. Какая жалость, всё пропало! А на самом деле вы продали коллекцию какому-нибудь собирателю древностей, богатому любителю старинных безделушек...

— Что?!. — взревел археолог, едва не с кулаками бросившись на милиционера. — Я продал?! Коллекционеру?! Да я бы этих собирателей своими руками придушил бы! Куркули, мерзавцы! Из-за таких как они — весь вред!

— Отлично! Теперь я слышу истинные речи! Не любите вы этот народ, ох как не любите! И, думается, ради того, чтобы натянуть нос кому-нибудь из особо настырных скупщиков краденых редкостей, готовы пойти на некоторые правонарушения. Например, похитить собственные находки, которые вовсе и не находки, а чистейшей воды подлог.

— Пользуетесь тем, что у вас вооружённая охрана с собаками? Я ведь не посмотрю на собаку, отвечать будете собственной физиономией.

— Хорошо, отвечу. Но сначала вы ответите на некоторые вопросы. Например, что вы скажете, если отпечаток ладони на ящике окажется вашим? Мы ещё не проверяли, но вдруг?..

— Ничего не скажу. Я всегда мою руки после раскопа, благо что речка рядом, но даже если где-то случайно и перемазался, то в лагере мои отпечатки на каждом шагу.

— Очень хорошо. А вот другой момент. В экспедиции вы единственный научный сотрудник со степенью. Все остальные — студенты или попросту случайные люди. Почему так?

— Потому что у экспедиции должен быть один руководитель, иначе у каждого появится своё мнение, где и как копать.

— Очень убедительно. А теперь я скажу, как и зачем вы это подстроили. Венеру, серп, другие ценные находки заранее изготовили. Думаю, на современном оборудовании это нетрудно сделать. Потом подкинули их в раскоп, пользуясь тем, что в экспедиции кроме вас нет ни одного серьёзного специалиста. Студенты, ни о чём не подозревая, выкопали подложные древности. Потом вы их украли сами у себя и собираетесь продать коллекционерам, не столько ради денег, сколько для того, чтобы всучить заведомую подделку ненавистным куркулям. Ну, как, логично?

— Очень... — голос Константина Сергеевича скрежетал, борода топорщилась, и весь он был похож не на научного сотрудника, музейную крысу, а на тех воинов, что шесть тысяч лет назад разбивали полированными топорами головы своим врагам. — Вы не учли одного: тут ещё сколько угодно предметов, найденных в тех же слоях, что и пропавшие вещи. И я уверен, что датировка радиоуглеродным методом покажет их истинный возраст!

— Прежде всего, часть черепков может быть и настоящими. Не бог весть какая редкость. Но главное, результаты анализов так легко подделать. Перед обжигом в глиняную массу добавить щепотку каменноугольной пыли. А ей — миллионы лет. В результате можно состарить свеженький черепок до любого потребного возраста. Поправьте меня, если я не прав.

— Вы романы писать не пробовали? — поинтересовался Константин Сергеевич. — У вас должно хорошо получиться.

— На пенсии непременно попробую. А пока я ещё не на пенсии, я покажу, в чём именно вы прокололись. Всё, что говорилось до этого — лирика и доказательством служить не может. Но один момент вам не оспорить. Отпечатки пальцев! Дело в том, что отпечатки на ящике, оставленные вором и отпечатки пальцев на лепной керамике, которой, по вашим заверениям, шесть тысяч лет, принадлежат одному человеку. И я уверен, что этот человек — вы. В крайнем случае, ваш пособник.

— Чушь, — пробормотал Константин Сергеевич. — Реникса...

— Но факт.

— Не верю! — произнёс Константин Сергеевич и сел на большой камень, вымытый из берега весенним половодьем. — Не знаю, что именно тут не так, но я не верю.

— Хорошо, — согласился следователь. — Давайте поступим следующим образом... Не исключено, что воры ночью захотят забрать остатки добычи. Поэтому мы с сержантом эту ночь собираемся караулить на берегу. Угодно, оставайтесь вместе с нами. Проводник и второй милиционер скажут в лагере, что собака ничего не нашла, а вы поехали вместе со мной в город, давать показания. Далее возможны несколько вариантов. Скорей всего, сюда никто не придёт. Воры, кто бы они ни были, удовлетворились украденным, а то, что здесь валяется, бросили за ненадобностью. В таком случае, мы остаёмся при своих и ждём результатов анализа. Но, кто-нибудь может и появиться. Тогда мы посмотрим, кто это будет. Почему-то мне кажется, что это ваш студент Аркаша. Ящик можно унести только вдвоём, а он единственный, кто и по комплекции и по физической силе годится вам в напарники. Но я буду рад, если ошибусь.

— Ошибётесь, — не оборачиваясь, пообещал археолог.

— И замечательно. Прощения у вас буду просить абсолютно искренне. А скажите, камень, на котором вы сидите, он бы годился в работу доисторическому мастеру?

Константин Сергеевич пересел на песок, огладил валун ладонями. Камень был гладок, медово-жёлтого оттенка и казался полупрозрачным, как и любой хорошо обкатанный голыш.

— Отличный материал, просто отличный. Такие камни высоко ценились. Вы говорите: доисторические времена, и наверняка подразумеваете, что тогда жили дикари. А у них была высочайшая культура: и искусство развито, и торговля. За хорошим кремнем экспедиции снаряжались за сотни километров, или покупали его у соседей. Мамонтовая и моржовая кость доходили до Индии, тропические ракушки каури находят в захоронениях полярного Урала, сибирские художники пользовались

испанской киноварью. Работы по кремню всюду проводились с удивительным мастерством.

— Почему же этот камень без дела валяется?

— Не нашли. Это сейчас его река из обрыва вымыла, а тогда он в земле был. В здешних краях хорошего кремня мало, и такой камушек мигом прибрали бы. Некоторые специалисты считают, что камни перед обработкой вываривали в специальных составах, чтобы выявить скрытые трещины. Я этой гипотезы не разделяю, хотя, возможно, кто-то и вываривал, там, где кремень был покупной. В любом случае, потом желвак раскалывали. Палеолитические и мезолитические мастера просто били отбойником, а потом отбирали те осколки, что годятся в дело. Получалось много брака и невысокое качество изделий. В неолите применялась отжимная техника. Камень намертво зажимали между других камней или брёвен, а потом с помощью рычага, сделанного из цельного бревна, старались раздавить. Иногда под место раскола подкладывали небольшой, но прочный камень — боёк. При этом с верхней части отслаивалась относительно тонкая пластина, из которой может получиться серп или нож. Затем заготовка осторожно окалывается. Боёк для этого берут уже не каменный, а костяной, чтобы не колоть, а сшелушивать чешуйки кремня. Собственно, неолит начался, когда люди освоили эту технологию. Уже сам по себе мелкий скол, особенно на обсидиане, удивительно красив. Но настоящая работа только начиналась. Изделие полировали, сначала мелким песком, а потом — глиной. При обработке песком пользовались деревянной калабашкой, а глину отмучивали, смешивали с салом и наносили на кожаный круг, тик в тик, как сейчас делается с пастой ГОИ. Так что не слишком далеко мы ушли от времён неолита. Топоры, лощильца, рубила после полировки считались готовыми, а ножи и серпы ещё надо было ретушировать. Ретушь, это особая насечка на лезвии, чтобы инструмент резал как следует. Забавно, сейчас вошли в моду столовые ножи с ретушированным лезвием, их ещё называют самозатачивающимися. Говорят — новинка, а она родом из неолита! Ретушь наводили костяной иглой: тоненькая косточка, а на конце — кварцевая песчинка. Специально просеивали песок и вручную отбирали

подходящие песчины. Ювелирная работа! На такую вещь мастер тратил годы, зато и берегли её как зеницу ока.

«А в наше время, — добавил про себя следователь, — ретушь на полированный кремень можно за пару часов нанести зубным бором или гравировальной иглой».

Вслух он ничего не сказал. И без того восторженный историк бесконечно вредит себе, расписывая в подробностях, как именно можно подделать древнюю находку. Но почему-то это саморазоблачение крепче любого алиби убеждало в невиновности археолога. Вот только пальчики — улика объективная, и от неё не отвернёшься.

С другой стороны, где во всей этой криминальной истории состав преступления? Сам изготовил фальшивку, сам же попытался её украсть. Неудавшееся мошенничество, тянет максимум на год условно. А ещё оставляет несмываемое пятно на репутации.

Должно быть, археолог и сам понял неуместность своих восторгов. Он замолк и вновь уселся на валун, из которого так удобно было бы изготовить цельнокаменный серп.

— Вы курите? — спросил следователь, чтобы немного разрядить обстановку.

— Нет.

— А я — курю. Но сейчас курить нельзя, запах табака в ночном воздухе чувствуется издали, так что придётся потерпеть. И, кстати, давайте отойдём в сторонку. Сидеть на самом виду тоже не годится.

Засидку устроили метрах в пятнадцати от брошенного ящика. Откуда бы ни появились злоумышленники: со стороны реки или от дороги, они были бы замечены заранее, в то время, как караульщики оставались невидимы. Константину Сергеевичу было указано место между следователем и сержантом, так что подозреваемый не только сидел в засаде, но и сам был под надзором. Археолог усмехнулся, но ничего не сказал.

В конце сентября ночи непроглядно черны, особенно если кончилось бабье лето и небо заволакивают октябрьские тучи. Непроходимая тьма и бездонная тишина. Всё живое замерло в ожидании зимы, лишь звенит в ушах мировой эфир. Дистилли-

рованный воздух застыл в безветрии. Зрение, обоняние, слух отказали в ночном небытии. Обманутые чувства начинают бунтовать, и человек невольно всей кожей чувствует напор остановившегося времени. Середина осени под обнажённым небом — в такую эпоху случается всякое.

Потом никто из троих не мог сказать, откуда появились ночные гости. Ни со стороны дороги, ни от безмолвной реки они не приходили. Они просто оказались возле ящика, и бряканье черепков разом нарушило ночное колдовство.

Константин Сергеевич почувствовал, как бесшумно поднимаются сержант и следователь, напряжённые, готовые броситься и задержать преступников, явившихся добирать не унесённое в прошлый раз.

Два ярких луча прорезали темноту.

— Стоять! — Константин Сергеевич даже не понял, кому принадлежит голос.

В перекрестье лучей застыла напружиненная фигура. Здоровенный мужик, заросший до самых бровей, одетый в нечто невообразимое, грубо сшитое из выношенной волчьей шкуры, шерстью внутрь. В правой руке у мужика красовался полированный каменный топор, насаженный на прочную рукоять. Один из тех топоров, что пропали вместе с серпом и Венерой. Теперь он ничуть не напоминал археологическую редкость — обычный инструмент, предназначенный для разбивания голов. Позади первого мужчины стоял второй — помоложе, чем-то похожий на третьекурсника Аркашу. В руках у него была лопата, но держал он её так, что слово «лопата» на ум не приходило, вспоминалось лишь прилагательное: «штыковая».

— Стой! Стрелять буду! — неубедительно крикнул сержант.

Фигуры не двинулись с места, но Константин Сергеевич понял, что они уходят. С каждым мгновением в них пропадала грубая вещественность, и на смену ей не приходило ничего.

— Стойте! — закричал он. — Подождите!

Мужчина постарше отшагнул в сторону, левой рукой небрежно подхватил камень, на котором совсем недавно сидел Константин Сергеевич, а затем обе фигуры истаяли в ночном

воздухе. Запоздало и ненужно грохнул предупредительный выстрел, такой же неубедительный, как и окрик сержанта.

— Вы видели? — закричал Константин Сергеевич. — Видели?..

— Видел, — выдохнул следователь.

— Что ж вы их не остановили? Где их теперь искать?

— Думаю, они у себя дома. Как вы сами сказали, в поселениях Волосовской культуры.

— Знал бы, что они такое отмочат, стрелял бы не в воздух, а на поражение. — Сержант сплюнул и в сердцах выругался.

— Я тебе дам — на поражение стрелять! — возмутился следователь. — Мы не только стрелять не имели права, но и вообще их задерживать.

— Как, не имели права? Они же воры!

— Какие же они воры, если ничего не украли, а только забрали своё собственное добро? Пальцы этого мужика на лепных чашах, он сам их изготовил, и они его по праву. И серп он выточил, и беременную Венеру слепил. Они чужого не брали, поэтому состава преступления в их действиях нет.

— Лопаты, — напомнил сержант.

— Да, лопаты это серьёзно. А что, Константин Сергеевич, раскопки здешнего поселения закончены?

— Нет, — ответил учёный. — На будущий год опять приедем.

— Что-то мне подсказывает, — веско произнёс следователь, — что если будете хорошо копать, то найдёте ваши лопаты в целости. Разве что малость проржавеют за шесть тысяч лет.

Александр Трофимов
ОФФ-ЛАЙН, АДАЖИО

Мы бывали там — и один, и одна, и вдвоем.
Пили кофе, дружили так себе, ни о чем.
И не там, а здесь. И не пили, а нынче пьем.
А девочка спит, укрываясь моим плащом.

Ника Алифанова

Рю стоял по пояс в сочной зеленой траве и смотрел, как опускается вертолет. Колеса тяжелой машины поочередно коснулись земли, и вертолет, просев, замер, продолжая шелестеть полосатыми лопастями. На поляну выскочили семь рослых кроликов в форме, стали в шеренгу и вытянулись по стойке «смирно».

Зябко передернув плечами, Рю побрел вдоль строя, внимательно вглядываясь в кроличьи морды. Последнему он поправил сбившийся набок воротник и задумчиво подергал за усы — тот, не моргая, смотрел вперед. Солнце, отражавшееся в его огромных передних зубах, слепило реконструктору глаза. Он опустил взгляд и неторопливо прошелся вокруг вертолета.

Почему у Стратоса всегда кролики? Может, это какая-нибудь детская травма, незамеченная учителем? Или, может, это детская травма, нанесенная учителем с неким умыслом, таинственным и мрачным? Рю вздохнул.

— Ветер, Стратос.

© Александр Трофимов, 2008

Рю сказал это вслух, ни к кому собственно не обращаясь, но Стратос явился немедленно — низенький, суетливый и заранее возмущенный. Он не опустился до вербализации своих возражений — швырнул в Рю чистой вопросительной интонацией, словно сдернутой с вопроса шкуркой. Тот указал ему на неподвижную траву в десятке метров от вертолета. У самой винтокрылой машины трава колыхалась от вращающихся вхолостую лопастей, а все остальное было неподвижно: травинки, ветки кустарника и желтеющие уже листья замерли, будто высеченные из камня.

«А ведь на фотографии, по которой Стратос моделировал эту сцену, полковник придерживал фуражку, полы солдатских шинелей колыхались, а ясень на заднем плане был склонен ветром, — подумал Рю. — Как вообще Стратоса допустили к работе с историческими реконструкциями, если он забывает вставить в сцену ветер? Если он из Черной речки сделал озеро, а Дантес у него похож на второсортного комика? И кролики! Эти его непостижимые кролики вместо манекенов...»

Рю наблюдал, как бегающий по поляне Стратос сверяется с фото, как нелепо облизывает палец и подставляет его пробному порыву ветра, как он чертит в воздухе погодные формулы, оглядывается на экзаменатора и заискивающе улыбается. Рю махнул ему рукой, посмотрел напоследок на осеннее солнце и вышел из инсталляции.

Под медленно таявшей виртуальной травой лежал искрящийся снег Антарктики. По нему носилась поземка — она кружила на одном месте, потом вдруг перескакивала далеко вперед, словно большая дискретная лягушка или призрак, облепленный сухим полярным снегом.

Реконструктор оглянулся в поисках учителя. Старик стоял неподалеку и ковырял сугроб носком старой туфли, изредка поглядывая на небо. Рю стянул перчатки и подышал на отмороженные ладони. Руки почему-то пахли шоколадом и миндалем. Поднимая ноги, он пробежался назад по собственным следам — оказалось, утром он съел целую плитку за чаем, чего абсолютно не заметил: носился сломя голову по сети и пожирал новости с задорными криками «вака-вака».

— Стратос талантливый визуалист, Рю. Видел кабину вертолета изнутри? Потрясающие штрихи: детская шапочка на спинке кресла, подписи карандашом на приборной доске...

Учитель выдохнул облако дыма, и оно, несмотря на сильный ветер, медленно поплыло в сторону приземистого, похожего на большую стеклянную юрту космопорта. Рю старательно растер лицо влажными от дыхания ладонями и надел перчатки. Пробормотал с усмешкой:

— Он на «Мейфлауэре» поставил штурвал не той стороной, рулевому приходилось оглядываться через плечо... А кавалерии Квинтилия Вара приделал стремена, и потом все удивлялись, почему в Тевтонбургском лесу все время побеждают римляне, а не германцы.

Старик закивал, и оба тихо рассмеялись. Рю никак не мог оторвать взгляд от носящихся в воздухе снежинок. Такого Стратосу точно никогда не выдумать: симфония ветра бесконечно пеленала рассыпавшееся снежное дитя, крутила вихрь за вихрем, пытаясь собрать его воедино — снежинка к снежинке...

Реконструктор совсем продрог и стучал зубами, но включать обогрев комбинезона не стал. Наслаждаться вальсом антарктического снега и при этом не чувствовать холода казалось ему чем-то столь же неестественным, как каменная трава Стратоса. Рю попытался подобрать к безумным кульбитам снежного роя подходящую музыку, но буря все время менялась: тягучее ларго сменялось взрывным аллегро, потом, словно истратив все силы, оседало, а спустя секунду снова бросалось в галоп...

Сенсей предложил пройтись, и они прошлись... Рассыпчатый снег омывал ботинки, поземка то ластилась к ногам, то убегала вперед, как любопытный щенок на прогулке. Рю через сеть пытался достучаться до Ники, чтобы она посмотрела на антарктический вальс его глазами, но Ника спала. «Интересно, что ей снится прямо сейчас?»

Перед ним проплыл круглый аквариум с парой золотых рыбок. Стекло аквариума было мутным, намек — прозрачным. Рю оглянулся на учителя — тот ухмылялся, притоптывая на месте. Голографический аквариум плавно покачивался в воздухе, а по-

том, словно сорванный лист, унесся, закружился в снежной воронке.

— Я даже не уверен, что она полетит с нами.

Вздохнув, Рю нашел в сети расписание Ники, хотел проверить, есть ли у нее время, есть ли интенции к общению... Расписание оказалось целиком заполненным детскими рисунками и бессмысленными фразами вроде «куда без цветов?» или «облака — прошу признать». Он покачал головой: «Конечно, она будет рада, для друзей у нее точно найдется время, я несу чушь».

— Куда вы решили?

— Флиб хотел наведаться в мертвый город. Офф-лайн. Настоящее погружение в прошлое, как он выразился.

— Неплохая идея. Отдохнете от сети...

Реконструктор удивленно посмотрел на учителя, потом усмехнулся.

— И чтобы выключились мои блокаторы? Ты просто хочешь выиграть тот идиотский спор.

Сенсей развел руками.

— Зачем тебе блокаторы, если ты уверен, что не проспоришь?

Лицо старика было испещрено морщинами, особенно много их собралось в уголках глаз — казалось, они сползались туда со всего лица. Ямочки на щеках, ясные, прозрачные глаза и короткий ежик седых волос...

— Не по себе, да? Боишься лететь... Вы с ней, никакой сети, никаких блокаторов.

Рю нервно пробормотал:

— Ты видел наши карты.

Старик тихо спросил:

— Кто из нас программа, Рю?

Рю поджал губы. Старик неторопливо забивал трубку. Отвернулся, пытаясь прикрыть огонек зажигалки от порывов ветра, пыхтел трубкой, пока табак не зашелся.

— Чего ты боишься? Проспорить? Или... наоборот — выяснить, что был прав?

Учитель надолго замолчал, будто собирался с мыслями, и заговорил, только когда трубка потухла, а Рю окончательно закоченел.

— Знаешь, вы ведь создали нас не для того, чтобы получить идеального наставника, обладающего всей мудростью человечества. Нет, вы просто очень не любите противную тетку по имени Случайность. Где-то, может быть, есть вещи, способные перевернуть вашу жизнь, а вы можете даже не узнать о них. Так пусть учитель отыщет и принесет вам все эти скульптуры, сонеты, сюиты... картины, корзины, картонки — созданные словно только для вас. Найдет людей, с которыми вам обязательно нужно познакомиться...

Он закашлялся, потом сочувственно посмотрел на ученика и кивнул на здание космопорта. Пошли прямиком к дверям, через снежные дюны, и Рю успел согреться, пробираясь через бесконечные осыпающиеся завалы. Когда они, запыхавшиеся, оказались у дверей космопорта, реконструктор прислонился к стене и посмотрел в низкое небо — точка заходящего на посадку скафа была уже различима. Сеть осыпала его цифрами: скорость, расчетное время прибытия... Он отмахнулся от них, как от назойливых мошек и стал просто смотреть на медленно растущую звездочку.

— Обычно мы знакомим вас на детских слетах. Копаемся в личностных картах, сравниваем психотипы, увлечения, социальную валентность... В общем, так мы познакомили вас с Фли-бэтиджиббетом.

— А с Никой?

— А с Никой... Ты же сам видел карты: интерференция психотипов, конфликты базовых интенций, все такое. Ника была из другой группы, вы встретились случайно. Не предполагал никто, что вы сойдетесь...

Старик бросил свою трубку в снег, и она исчезла, не потревожив ни снежинки.

— Просто хочу, чтобы ты понял — она неплохая тетка, эта Случайность. Вполне милая женщина с оригинальным чувством юмора...

— Я буду иметь в виду.

Рю стоял по щиколотку в глубоком рыхлом снегу и смотрел, как опускается скаф.

С возвращением, Флиб.

— Посиделки офф-лайн?

Ника болезненно щурилась на Рю, переминаясь с ноги на ногу. Тапочки ее при этом издавали громкий хруст, имитируя не то прогулку по глубокому снегу, не то пережевывание нежданных гостей.

— Даже не знаю, это нужно обдумать.

Ее ответы всплывали перед Рю в виде плюшевых кубиков, грани которых были расписаны основными речевыми шаблонами, вроде «да», «нет», «понятия не имею» и того самого «надо подумать». Оставив нарисованный кубик висеть перед носом Рю, Ника уселась на мягкий пол и сосредоточила взгляд на кружке кофе. Флибэтиджиббет присел рядом и взял вторую кружку, любезно поданную кухонным блоком. Подмигнув Рю, он бросил ему противоречивый мыслеобраз, выражающий «как она похорошела» вкупе с «какая-то нездоровая бледность».

— И что вы собираетесь делать?

Рю пожал плечами.

— Мы не найдем чем заняться, собравшись старой компанией?

В комнату вошла дородная чернокожая тетка, сильно косолапя и переваливаясь с ноги на ногу. Ника оглянулась на нее и спросила с надеждой:

— Няня, есть идеи?

Няня опустилась в кресло и принялась сосредоточенно перебирать бусины бесконечных ожерелий, обвивавших ее слоновью шею. Рю смотрел на нее со смесью любопытства и отвращения: «Почему программа решила, что наилучшим гуру для мечтательной феи будет вульгарная кухарка с ее громовым басом, с ее ужасными присказками и неприличными остротами? Неужели Ника подсознательно тянулась именно к такому человеку?»

— В последнее время у каждого умника есть уйма соображений по поводу учителей...

Старик любил появляться неожиданно, задавать вопросы исподтишка и вообще заставать врасплох любыми способами — скорее всего, из-за того, что Рю неожиданностей не любил.

— Умники размышляют, как мы должны выглядеть, как учить... можем ли мы позволить себе курить и ругаться.

Сенсей подмигнул Рю и бросился на шею к развалившейся в кресле нянечке. Они принялись шумно расцеловываться, многословно выражая свою радость от встречи.

Воспитанники смотрели на них с недоумением — программы обнимались, интересовались последними новостями и сетовали на то, как редко видятся. Все ожидали появления третьего учителя, но сифу Флибэтиджиббета так и не присоединилась к спектаклю.

— Так значит вы, мальчики, решили на денек распрощаться с сетью и пожить нормальной человеческой жизнью, да? Молодцы, молодежь! Нужно тянуться обратно к природе! Нужно вспоминать, откуда мы вышли, нужно давать мозгу отдыхать от электронной пыли. А то вы выглядите, как незакрытый тэг. Главное — не давайте моей пигалице спать. Ей для контраста полезно будет.

Нянюшка попыталась подняться. Старик галантно подал ей руку, и вместе им удалось оторвать ее голографический зад от кресла. Хотя — вскользь подумал Рю — какой он, к чертям, голографический? Визуальный блок наносетевого терминала перехватывает сигнал, идущий по зрительному каналу, и обрабатывает его в соответствии с предустановленными фильтрами. В картинку комнаты добавляются проекции развешенных Никой картин, розовый нимб, который она незаметно подрисовала Флибу, порхающие в воздухе мультяшные бабочки и, конечно же, многотонный зад дородной нянечки. А потом обработанный сигнал отправляется в зрительные центры мозга.

Няня обнялась на прощанье со своей «пигалицей», а потом, ни с того ни с сего, подскочила к Рю и покрыла слюнявыми поцелуями его щеки. Кивнув на Нику, она пробасила:

— Не забывайте плодиться и размножаться, как завещано. А то нам, несчастным наставникам, уже негде селиться.

Расхохотавшись на пару, учителя растворились в воздухе, оставив несчастного Рю краснеть и брезгливо оттирать щеки от несуществующих слюней. Ощущения от прикосновения напомаженных пухлых губ симулировались и исправно передавались в мозг. Рю казалось, что к его лицу прикасались щупальца дохлого кракена или замороженные слизняки. Флибэти ухмылялся, глядя, как его друг старательно трет физиономию рукавом и морщится.

Ника смотрела вслед растворившимся в стене наставникам и постукивала по клавиатуре своей чашки, отчего кофе вспенивался, закручиваясь водоворотом, и исходил облаками густого пара.

— И вот, мы одни... Покинуты и обездолены... И красный соловей поет над нами... Ура!

Из макушки Ники вырвались разноцветные змейки фейерверков и тот самый красный соловей. Петь он не стал, заложил крутой вираж, влетел в стену и, расплющившись, превратился в собственную фотографию, которая тут же обросла деревянной рамкой.

Рю едва заметно улыбнулся — Ника никогда не пользовалась в мета-речи готовыми образами из библиотек, рисовала все тут же, при вас и для вас. Рю мог назвать все особенности ее личного акцента: много красного, фоном — все оттенки синего, и обязательно где-то мелькнет умышленным диссонансом крохотное изумрудное пятнышко. Реконструктор улыбнулся именно потому, что заметил в хвосте соловья одинокое зеленое перышко. Ника обычно сосредотачивалась на ощущениях плеч, ступней и ладоней, тогда как все выдавали только перцепции кончиков пальцев. В ее фразах никогда не было жарко, только легкая живительная прохлада. Еще у нее всегда пахло ягодами, а где-то на фоне едва различимо перезванивались бубенцы. Каждый раз, оказываясь рядом с Никой, Рю неосознанно начинал прислушиваться. Иногда она прятала звон поглубже — бубенцы могли обнаружиться в воспоминаниях только что нарисованной коровы или в книге с фотографиями музыкальных шкатулок — стоило вынуть их из картинки, как шкатулки начинали играть. Сейчас Рю обнаружил звон в звуках ее голоса — каждая

фраза была завернута в прозрачную, едва различимую обертку озорных бубенцов.

Ее мета-речь засасывала в себя, скрывая от внешнего мира. Вилась тропинка прагматики, тут и там взвивались вверх спиральные лесенки ассоциаций. Разноцветными капиллярами серпантина стягивали небо и землю внутренние аллюзии, шумел в деревьях-интенциях переменчивый ветерок настроения. Редкие вербальные островки связывались навесными мостами метафор, и везде — внизу и вверху — колыхался океан увиденных Никой снов.

Пытаясь понять эту девушку, Рю разгонял сознание до предела, разделял на отдельные потоки и смотрел ее сны, перебирал как четки ее эмоции, мысли, воспоминания, пока не осознал, что все равно никогда не сможет увидеть ее всю. Это оказалось чертовски огромным — человек. Бесконечным.

Она не любила уходить в офф-лайн. Необходимость изъясняться одними словами она принимала с неодобрением, словно видела в этом некий позорный для человечества анахронизм, вроде поедания сырого мяса или добывания огня трением.

— Эй...

Ника, не вставая с пола, бросила ему свой кубик. На всех гранях было написано одно и то же:

«Я в Вашем распоряжении, граф».

От стоянки как раз отлетал рейсовый и Флибэти попросил пассажиров подождать. Тяжело дыша после короткой пробежки, они забрались в теплое нутро машины и расселись среди разномастной публики, возжелавшей посетить мертвый город. Знай люди заранее, как много найдется желающих побродить среди развалин, они бы законсервировали не один городок, а целый континент.

Попутчики попались крайне интересные и веселые. Большинство из них только сегодня спустились «на дно» с орбиты, что сильно сблизило их с Флибом. Целое «же» после четверти, к которой они привыкли на станциях, казалось им всем жутко неудобным. Флибэтиджиббет, забыв про все, завел свою извечную пластинку: ну ее, эту Землю, прилетайте к нам на Марс.

Обещал экскурсии, показывал виды с орбиты, раздавал семичувствия и лил елей на орбитальную станцию «Хоррор», которую гордо именовал искусственным спутником.

— А почему, собственно, она называется «Хоррор»?

Вопроса этого Флибэти ждал с нетерпением, словно подкарауливал за углом с ножиком. Напустив на себя важный вид, он принялся объяснять, что, мол, Фобос, мол, Деймос и третий, дескать, поэтому — «Хоррор». Всех, кто вздумал бы оспаривать логику названия, Флиб готов был встретить аргументами, броситься на амбразуру и отстаивать честь. Но спорить никто не решился, и Флибэти, выдержав паузу, предложил всем вместе залезть в сделанную им самолично инсталляцию под названием «Орбита Марса».

В следующую минуту уютная обстановка транспорта растаяла, и пассажиры попадали на мягкий прозрачный пол станции. Раздалось несколько восхищенных возгласов и пара разочарованных вздохов — их Флибэти, к счастью, не заметил. Малое смотровое кольцо, обладая меньшим радиусом, вращалось быстрее чем основные, чтобы создавать то же самое притяжение в четверть «д». Под пассажирами, расположившимися на полу, проносились то бледно-красная лепешка Марса, то звездное небо с непривычно яркими звездами. Окутанный облаками шарик Земли был едва различим. Отчего-то он казался совсем далеким и чужим.

Рю казалось, что он лежит на теплой простыне космоса, немного колючей от упавших на нее звездных крошек. Он высмотрел расположившуюся неподалеку Нику. Судя по тому, как бегали ее зрачки, она пыталась уследить за одной-единственной звездой, раз за разом ускользающей от ее взгляда. Рю приподнялся на локте и запустил в девушку мыслеобразом, словно скатанной в шарик запиской.

Капли, висящие на мокрой черной ветке.

Ника подняла голову, потерла нос и протянула образ во времени:

Капли срываются вниз и, лопаясь, взрываются накопленным солнечным светом.

Рю улыбнулся ей, вспоминая, как около года назад она повадилась болтать с ним по сети, пока он работал, а потом стала погружаться вместе с ним, вызвалась волонтером. Как они отмечали окончание работы над сценой Венского конгресса 1814 года — забрались в свежеиспеченную инсталляцию на сутки с полным погружением. Рю — в роли графа Шарля Мориса Талейрана, Ника — в роли его прелестной жены, Доротеи герцогини де Дино.

Они пили шампанское в предоставленных им апартаментах во дворце князя Кауница, гуляли в саду. Потом перелетели в особняк де Галифе, где Шарль Морис некогда принимал Бонопарта и Жозефину, а наутро плюнули на дворцы и отправились на прогулку по альпийским лугам, увлеченно греша против исторической достоверности, словно по очереди откусывая от запретного плода. Несмотря на то, что старый изворотливый дипломат был одноногим стариком, а Доротея — совсем юной девушкой, они до безумия любили друг друга.

Сейчас, лежа на теплом полу станции, оба вспоминали те проведенные вместе сутки. Они говорили взглядами, а сеть любезно притворялась магией, позволяющей им слушать друг друга.

— Помню, как ты после той ночи прилетел ко мне, как ты выбрался из «блохи» и шел по оранжерее... Я только тогда заметила, что ты по привычке прихрамываешь, как Шарль.

— Да, а еще я то и дело хватался за шпагу...

— И бормотал, что женщины и политика это одно и то же.

— А ты... ты постоянно пыталась подхватить полы платья и сделать книксен.

Пассажиры по очереди выходили из сцены. Рейсовый приземлился, и большинство их попутчиков уже успели разбежаться по историческому парку. Флибэти в гордом одиночестве поджидал их у люка.

— Ну что, идем?

— Идем.

Рю подал девушке руку, и они спустились по ступенькам на растрескавшийся асфальт мертвого города.

* * *

Здание отеля было ужасно старым. Дверь заело, и Рю пришлось попотеть, прежде чем она открылась хотя бы наполовину. Флибэти поспешил помочь, подналег могучим плечом, и дверь с диким скрежетом распахнулась, ударившись о стену. Забранное сеткой стекло в окошечке двери, и без того растрескавшееся, разлетелось мелкими осколками по полу.

Ника направилась к регистрационной стойке, аккуратно вышагивая по заваленному мелким мусором полу, будто шла по воде и никак не могла вспомнить, должна ли та ее держать. Рю осматривал вестибюль, придирчиво изучая каждую деталь.

Отклеивались и пузырились от влаги обои, трескалась штукатурка и моргала огромная люстра под потолком, в которой не хватало половины ламп. Рю ухмылялся непонятно чему, прохаживаясь вдоль стен, касаясь кончиками пальцем пожелтевших, словно папирус, обоев.

— Добрый день, мы хотели бы снять комнату.

Ника стояла перед стойкой, обращаясь к только что нарисованной ей девушке. Ника была «лемуром», профессиональным сновидцем, поэтому портье у нее получилась специфической. Ее пальцы имели по семь фаланг и венчались низко гудящими осами, выставившими наружу свои жала. Из смуглых продолговатых ушей портье курился голубоватый дым, окутывающий девушку облаком наподобие униформы.

— Что делать дальше? У меня напрочь вылетело из головы...

Рю подошел ближе, вглядываясь в лицо портье. У нее были зеленые глаза.

— Оплати комнату.

Ника озадаченно повернулась к нему.

— Чем?

— Деньгами.

Она прищурилась.

— Как они выглядят?

Рю усмехнулся и швырнул в нее горсть золотого песка, потом, кривляясь, полез в карман и вытащил полный кулак сверкающих бриллиантов. Нарисованные сокровища слой за слоем покрывали пол между ним и Никой.

Флибэти неторопливо прошел к стойке и положил перед портье одну-единственную сверкающую монету. Девушка воровато схватила свою плату, перепрыгнула через стойку и понеслась по коридору. Осы на кончиках пальцев медленно подняли ее в воздух и утянули в крохотную щель под потолком.

Ника, хихикнув, оглядела полуразрушенный вестибюль и, скинув туфли, зарылась босыми ногами в мелкий золотой песок. Потом она подняла голову и вопросительно посмотрела на Рю.

— Примерно так...

Картинно взмахнув руками, он восстановил обстановку отеля, какой она была около века тому назад. Большинство данных Рю взял из сети — подробные хронологические карты прилагались к любому историческому парку — а то, чего не хватало, дорисовал на глаз. Историческая достоверность Нике была не важна, поэтому он вставил несколько нарочитых анахронизмов, вроде газовых светильников и масляных ламп.

Ника тем временем нарисовала на себе вполне реалистичное вечернее платье, переборщив разве что с количеством нижних юбок. Таинство перевоплощения портила опоясывающая ее в десяток оборотов черная лента, составляющая ее реальный гардероб — она просвечивала сквозь платье.

— Мадемуазель, позвольте вашу руку.

Ника жеманно протянула ему ладонь, и Рю взял ее в свою. Флибэти за их спинами ворчливо поинтересовался:

— Не желаете ли освежиться?

Он протиснул между ними свою лапищу с кривым, наспех набросанным подносом, стремительно обретавшим более-менее правдоподобную форму. Флиб никак не мог определиться с материалом, поэтому поднос становился то золотым, то медным, а то и вовсе глиняным и напоминал испуганного хамелеона перед светофором. Рю взял с подноса шампанское и осторожно отпил — Флибэти был волен придать любой вкус виртуальному напитку, от уксуса до кураре с последующей эмуляцией паралича, но это и впрямь оказалось шампанское. По-настоящему волшебное. И где он только откопал этот вкус?

— За встречу! Я обязательно увижу про нее отличный сон.

Флибэти торопливо протянул руку и вынул из кубка Ники его копию. Они чокнулись и долго глотали шипучий напиток, пытаясь допить до дна. Флиб, похоже, сделал кубки самовосполняющимися, поэтому опустошить их ни у кого не вышло. Ника залихватски швырнула кубок на пол, и тот разлетелся на мелкие черепки, сверкающие влажными сколами.

Пару мгновений все трое простояли с закрытыми глазами, наслаждаясь моментом и перекидываясь вытащенными со дна памяти воспоминаниями — вкус их первого совместного завтрака, физиономия Флибэти, доедающего пудинг за всю троицу... И как они впервые прыгнули с «тридцать шестой»... Прыжок вниз, на планету, в тяжелых скафандрах со станции на геостационарной орбите — без малого тридцать шесть тысяч километров. И картинки, запомнившиеся им навсегда: распрямляющаяся дуга горизонта, слепящее солнце и тугая перина постепенно уплотняющейся атмосферы — на секунду им показалось, что сейчас падение остановится, и эта перина подбросит их обратно в космос. А у Флиба тогда подломилось крыло, и он чуть не влетел в огромную сосну рядом с Ладогой, но все обошлось — не могло не обойтись...

— Что-то вы расшумелись!

Троица ошарашенно оглянулась — на стойке сидела семилетняя девочка в костюме снежинки. Несколько картонных лучиков погнулось, и девочка деловито их распрямляла. Флибэти сглотнул и виновато прогундосил:

— Прости.

Девочка посмотрела на него укоризненно, потом огляделась и, набрав в грудь побольше воздуха, дунула на сконфуженного Флиба, разом сметая поднос, черепки от кубков, платье Ники и золотую песчаную лужу заодно с наведенным на отель марафетом. Последним растаял, моргнув фитилем, светильник на дальней стене.

— В чем дело, сифу?

Девочка зевнула и потерла глаза кулачком, покрытым мелкими блестками.

— Вы ведь собирались отключаться, не так ли?

— Да, сифу.

Девчонка, видимо, удовлетворенная ответом, вприпрыжку направилась к выходу. У самого порога она замерла, смерив неодобрительным взглядом покалеченную дверь. Рю не удержался от улыбки, глядя как краснеет вконец смущенный Флибэти. Невозможно было без умиления смотреть на огромного детину, которого бесконечно стыдит семилетний ребенок. Девочка тем временем выбежала на улицу, вытащила из кармана неизвестно как помещавшегося там воздушного змея и запустила его в воздух. Услужливо подоспевший ветер подхватил его и поволок вверх, в небо. Наставница с гиканьем побежала за ним вслед.

Флибэти шмыгнул носом.

— Ну что, давайте отыщем номер, за который мы заплатили, и пора бы уже отключаться, в самом деле.

Он бодро пошел по коридору, заглядывая в каждую дверь. Рю услышал за спиной стук и обернулся — его учитель разлегся на единственной уцелевшей полке огромного шкафа и выбивал свою трубку.

— Тоже пришел поторопить?

Старик с юношеской гибкостью спрыгнул на пол и взял реконструктора за руку, словно прощупывал пульс. Рю почувствовал прикосновение его сухих прохладных пальцев — в следующую секунду они погрузились в его запястье и вытащили полупрозрачную молекулу, для наглядности раздутую до размеров среднего воробья. Рю вздохнул. Фенилэтиламин.

— Не помнишь, на что мы спорили?

Старик смотрел вслед Нике, потом повернулся к Рю, подбрасывая молекулу на ладони. Тот пожал плечами.

— Это ничего не значит. Утром я ел шоколад...

— На счет три?

Они сидели на огромной кровати, предусмотрительно стянув с нее полуистлевшее покрывало, покрытое слоем отвалившейся штукатурки. Стоило Рю и Флибу кивнуть, Ника громко крикнула «три», и они отключили свои терминалы. Рю показалось, что на него упал тяжелый пыльный занавес.

Исчезла сеть, восприятие замедлилось, потеряв искусственные нейронные связи. Время, наоборот, пошло быстрее. По-

гас, как перегоревшая лампочка, человеческий океан, и с ним исчез шепот чужих сознаний. Измененное восприятие цветов сменилось естественной гаммой, словно кто-то стянул с глаз стерео-очки.

Исчезла дорисованная Рю вторая луна, опоясанная кольцами из попугаев, и аляповатый двадцатикилометровый Маяк Двух Капитанов, поставленный им на Монблане еще в детстве. Рю на секунду почувствовал себя замурованным в собственной черепной коробке, бесконечно одиноким, как единственный выживший после кораблекрушения.

— Вы... Вы здесь?

Флиб прочистил горло.

— А куда мы денемся?

Голос у Флиба был нормальным — не ошарашенным и не дрожащим. Он на своей станции проводил в офф-лайне достаточно времени.

— Ника?

— Я здесссь.

Она это почти прошипела, как будто всю неделю питалась одним мороженным и теперь осипла до крайней степени. Рю казалось, что она побледнела, но из-за изменившегося восприятия он не был в этом уверен. Рю вдохнул ее запах, почувствовал ладонью тепло пальцев — сознание затуманилось, и он закрыл глаза, чтобы не так кружилась голова. Раньше все эти сигналы перекрывались потоками данных из сети и он не обращал на них внимания. Теперь же...

Реконструктор заметил, что все это время старался держаться от Ники подальше и, разозлившись на самого себя, подсел к ней вплотную, уткнулся в пахнущие персиком волосы. Хотя, возможно, они пахли апельсином, но проверить было попросту негде.

— А прилетайте-ка вы ко мне, вот что.

Флибэти смотрел на них с нескрываемой жалостью — наверное, они и впрямь заметно побледнели.

— Хоть отключаться будете почаще.

Возможно, Флибэти стал недолюбливать сеть после своего отлета на «Хоррор». С другой стороны, он мог улететь туда, по-

тому что недолюбливал сеть. Сигнал до марсианской орбиты доходил, но был, конечно, никуда не годным, поэтому ни о каком полноценном общении с землянами речи не шло. Всё собирались провесить линию бакенов-ретрансляторов, но проект раз за разом откладывался. Поэтому мета-речь у Флибэти была блеклая и односложная, наполненная вставленными невпопад мыслеобразами, чем сильно напоминала детскую.

— Флиб, ты знаешь, мы собираемся тебя навестить, но...

— Нет, я не о том — перебирайтесь насовсем.

— Зачем?

— Поймете. Там очень здорово. Честно, я уже успел соскучиться. Земля, она как зимнее пальто — и греет, и давит на плечи.

Рю встал и прошелся по номеру.

— А почему ты там торчишь, Флиб?

— Ну, как... Я выбрал эту работу, потому что не понимал, как это возможно — девианты. Правда, я до сих пор не понимаю... Откуда, из каких темных подвалов ДНК выползают эти гнилые гены, порождающую такие отклонения в психике, которые не может выправить даже учитель. Программа отслеживает все процессы, происходящие в организме с самого рождения — пульс, давление, биохимия, осознанное, полуосознанное, бессознательное... И все равно что-то ускользает, развивается и укореняется в этих бедолагах, несмотря на все наши усилия.

— Нет, это ясно. Почему именно на «Хорроре»? Вы держите их подальше от людей?

Флибэти откинулся назад и улегся набок, положив руку под голову.

— Скорее людей подальше от них... Знал бы ты, сколько раз пытались добиться, чтобы мы открыли доступ к ощущениям пациентов. Петиции писали, доказывали... Иногда мне кажется, что они слишком здоровы. Слишком воспитанны и образованны. Они хотят понять. Миллиарды воспитанных и образованных людей, приученных, что дурного опыта не существует, что из любого, даже самого отвратительного, можно извлечь урок.

Ника открыла один глаз и следила за кружащей под потолком мухой.

— А в чем они неправы?

Флибэти вздохнул.

— Они думают, если залезут в шкуру девианта, то всё поймут. Поймут, почему подобные отклонения еще существуют, почему не спасает евгеника и старания наставников, почему солнце светит, а ветер веет... А это ни черта не поможет понять. Ни черта.

Рю сказал, прежде чем успел одернуть себя.

— Ты... Ты пробовал.

Флибэти вздохнул.

— Все, кто работает, пробовали.

Флиб лежал, глядя в мутное грязное окно, в котором нельзя было разглядеть ничего, кроме мути и грязи. Вряд ли это приятно — примерять на себя мировоззрение девиантов. Особенно учитывая, что психика инертна, и после инсталляций в сознании часто остаются артефакты.

Реконструкторам по большей части приходилось иметь дело с гениями своей эпохи, с духовными лидерами... Флибу скорее всего доставались куда менее забавные артефакты. Как-то раз он упоминал, что увидел на столе горящего фазана и все пытался потушить его своей курткой.

Рю вспомнил, как они со Стратосом, Навье и еще несколькими командами увлеклись, работая над Курской дугой, не вылезали со сцены сутками. Экранировали собственную память, загружали блоки псевдовоспоминаний и проживали раз за разом десятки коротких жизней. Так ощущения получались более яркими, да и персонаж обрабатывался не в пример быстрее, по сравнению с обычным компилятивным способом, когда все ощущения подбирались по отдельности. Реконструкторам пришлось просиживать часы в окопах, сочинять донесения, наводить орудия и умирать, умирать, умирать... После того, как они закончили, Рю еще пару дней берег голову, стараясь не слишком ей вертеть, и левое плечо, которому не везло больше всего — один раз в него попал осколок, два раза — пуля. Лекарства от фантомных болей не спасали, да и убедить себя в том, что ты не мертв, что больше не нужно стрелять...

Иногда артефактные куски чужих личностей проваливались куда-то в щель между половицами сознания, чтобы потом неожиданно проявиться. Рю помнил, как однажды попытался расплатиться с собеседником за приятный разговор, а перед выходом из клуба рылся в карманах в поисках подорожной. Призраки личностей и целых эпох время от времени возвращались, но он не придавал этому значения.

Единственное, что всерьез занимало его, это перешедшая от Шарля Мориса хромота. Она давала о себе знать только в те моменты, когда Ника оказывалась рядом. Реконструктора словно затягивало в дряхлую шкуру Шарля Мориса, который мог позволить себе пыхтеть, жаловаться на ноющую спину, бросаться помпезными фразами, но самое главное — смотреть на Нику без стеснения, любоваться ей, бессовестно разглядывать, одевать в витиеватые комплименты и подливать ей шампанского... Не опасаясь заявлений о проигранном споре.

— Может, прогуляемся? Не собираетесь же вы просидеть в этой комнатушке весь вечер?

Ника потянулась, встала с кровати и вышла в коридор. Рю вопросительно посмотрел на Флибэтиджиббета, тот в ответ только хмыкнул.

— Идите, я пока посижу. Попробую заставить этот ящик работать.

Он кивнул на пылившийся в углу телевизор. Рю пожелал ему удачи и побежал догонять Нику.

Она стояла в конце коридора, перед лестницей на второй этаж — половина пролета обвалилась, и Ника замерла на последней ступеньке, будто примеряясь — сможет ли допрыгнуть. Решив, что это не в человеческих силах, она взялась за перила и подергала. Убедившись, что перила выдержат, полезла наверх. Рю подбежал к ней и подхватил, подстраховывая. Стоило ему положить руки на ее талию, как в голове тут же всплыла ухмылка учителя, плавающая в темноте, словно забытая каким-то рассеянным Чеширским Котом.

Когда Ника перебралась через пролом, он отошел на пару шагов назад и прыгнул. Прыжок вышел неуклюжим и, если бы Ника не схватила его за руку, Рю свалился бы вниз.

Второй этаж мало чем отличался от первого, разве что в конце коридора имелось огромное окно с широким подоконником. Стекло было разбито вдребезги, а осколки, застрявшие в раме, дребезжали от порывов ветра. Они сели на подоконник спиной к окну и принялись энергично болтать ногами, будто убегая от страшного чудища, несущегося за ними по пятам.

— *Мы вернулись туда незадолго до новой весны...*

Ника, с трудом разлепив пересохшие губы, продолжила:

— *Десять лет уместились в скомканном «Как дела?».*

Рю улыбнулся:

— *Ты сказала: «В порядке, вот только не видятся сны,*
Видно, весь свой лимит я начисто проспала».

Инерция сознания иногда проявлялась и в более причудливых формах. После Поля Верлена Рю пару дней мог сносно рифмовать, этот стишок он придумал именно тогда.

Ника растянулась на подоконнике, положив голову на колени Рю, закрыла глаза.

— *Начисто проспала* и впрямь... Последний раз няня послала меня за новыми впечатлениями в Сахару. «За земляникой», как она это называет. Я провела пару суток, беседуя с ящерицами и всеми богами по очереди — их там полно, им там простор и уют... А из меня, видно, совсем никудышная богиня — я сначала растаяла, потом превратилась в айсберг, о которой разбивались корабли пустыни. Я уже сама не понимала, сплю я или нет... Хотя это со мной частенько бывает.

Рю осторожно провел кончиками пальцев по полоске голой кожи, проступающей между кольцами черной ленты. «Шоколад не при чем, пора признаться хотя бы себе, подумал он. Кажется, мы спорили на шляпу Атоса».

— Не спи. Ты должна отдохнуть от работы. К тому же ты отключена от сети — сон не запишется, человечество навсегда лишится очередного шедевра ее величества Ники.

Ника вздохнула.

— Если бы ты знал, как давно я хочу провести обычный день — без каких-либо впечатлений. Валяться на лугу, закидывать в рот настоящую землянику и бродить по сети, беседуя ни о чем, но... Нет новых впечатлений — нет интересных снов. Возможно, ня-

нечка и позволит мне провести так один денек, когда я истоскуюсь по этой пустоте настолько, что она станет для меня «земляникой». Сладкой-сладкой.

Она зажмурилась и с удовольствием потянулась. Рю подул на ее волосы, и они разметались по пыльному подоконнику, как волны небольшого шоколадного моря.

— Я хотел тебе кое-что показать.

Реконструктор взял ее за руку и потащил к лестнице — вверх, пролет за пролетом. На седьмом этаже указал на приставную лестницу, утыкающуюся в деревянный люк. Ника полезла первой, откинула тяжелую крышку и забралась внутрь. Рю дождался ее удивленно-восторженного возгласа и только тогда полез следом.

— Я ничего не забыл?

Ника, затаив дыхание, разглядывала крохотную каморку, освещенную тусклым светильником под потолком. Пара старых диванов из Тома Сойера, пустая птичья клетка из «Убить пересмешника», кажется, они стащили ее у Страшилы. Ковер на стене из «Тысячи и одной ночи», зеркало из ранней ленты Хичкока. А светильник — тот самый, что в одной страшной сказке потух последним. Как называлась сказка, никто уже не мог вспомнить. Стол Флибэти притащил из какой-то инсталляции, наотрез отказавшись объяснять из какой именно. «Скорее всего трофей очередного амурного приключения», — подумали они тогда. Проверить так и не пришлось.

Этот чердак «Трое с Оранжевой Гаммы-Единорога» нарисовали еще детьми. Их тайное место в сети, куда они стаскивали все дорогие им вещи, где прятались от учителей, от знакомых, от всего мира. Их настоящий дом.

— Сколько ты подбирал все это барахло?

— Не так долго, как может показаться. Труднее всего пришлось с камином — мы же тогда разобрали кусок дороги из желтого кирпича. Вандалы... Не думал, что так тяжело найти желтый кирпич. А вот статуэтки, которые ты стащила из собственных снов — их пришлось делать самому.

— Тут они поют?

— Да.

Она бросила на него благодарный взгляд.

— А Боцман, он здесь?

— Я отыскал очень похожего кота, притащил сюда, но он улизнул. Когда мы выключались, он шуровал в одном из номеров на пятом этаже — я не стал его отвлекать.

Ника на цыпочках, будто боялась разбудить саму себя, подошла к камину и дотронулась до статуэтки грифона — та затянула заунывную мелодию.

— Ты перепутал песню. У меня она пела «Свистать всех наверх», а эту я даже не знаю.

Рю виновато пожал плечами, и Ника засмеялась, глядя на него, — она до сих пор не могла поверить. Присела на низкий диванчик и зарылась лицом в ладони.

— А ловушка? Это она?

Ника схватила валявшуюся на столике картонную пирамидку, расписанную бессмысленными закорючками, которые они условились считать магическими рунами.

— Это простой картон. Никакой магии.

Они написали эту программу-ловушку, чтобы она засасывала в себя учителей, если те вдруг осмелятся проникнуть в их святая святых. Программа даже работала, и пару раз в силки угодили няня Ники и сенсей Рю. Хотя, возможно, они просто подыграли детям, уединившись в смешной игрушке, чтобы перемыть кости своим воспитанникам.

По-детски широко улыбаясь, Ника крутила в руках невесомую пирамидку и что-то нашептывала, видимо накладывая на ловушку очередное страшное заклятье.

— Ты спала на этом диване, а вторую койку никто не занимал — ложились вдвоем на полу, на равных. И почему-то так и не озаботились стащить еще хотя бы дырявый гамак с какого-нибудь пиратского галеона...

Он смотрел на деревянную маску беса — копилку страхов. Когда-то они скармливали уродливому демону все свои детские фобии, кошмары и опасения. Засовывая в пасть очередной самый страшный страх, они предвкушали, как в будущем достанут его оттуда — побежденным, смешным. Рю до сих пор любил иногда вытряхивать на стол всю копилку и перебирать усох-

шие страхи юности, вспоминая, почему он боялся воздушных шариков и как умудрился до смерти испугаться трехмесячного оленя.

— Тот раз, когда ты предложила уйти в приват, сплести сознания через сеть и увидеть общий сон — только для нас двоих... Я лег поближе к тебе, взял за руку... Это было до дикости неудобно, но наутро оказалось, что мы так и не разомкнули рук.

У них получилось улыбнуться одновременно. Одной и той же улыбкой — словно они долго тренировались и собирались развлекать этим трюком публику.

— Ника... Как этот сон выглядел для тебя?

Она прикусила губу.

— Это же был общий сон, граф.

— Мне кажется, каждый из нас увидел его по-своему.

— Я уже почти ничего не помню.

— Закрой глаза.

Он наклонился к ней, прижался лбом к горячей щеке.

— Вспоминай. Ты стоишь у окна...

— Я стою у окна.

— На подоконнике стоит картонная коробка, в ней — лесная поляна, крохотная, живая. Из нее бьет земляничный фонтан. Ты протягиваешь руку...

Ника оборвала его:

— Нет, там озеро с темнотой. Прохладной, бездонной... Над ней туман сумерек, тени плещутся через край. Я опускаю в нее руки, словно смываю свет.

— А еще стол... На нем спит лиловая ящерица с осыпавшейся чешуей. Но это не мой страх.

— И не мой. Наверное, это чей-то чужой кошмар, который забрел к нам передохнуть.

Рю зажмурился, словно всматривался в воспоминания.

— На стенах висят фотографии стен, на потолке — разочарованное зеркало, в котором не отражается ничего.

— Тут нет стен. Совсем. Только пол и потолок, сливающиеся в неразличимую линию горизонта — он идет волнами, качается, будто колышутся края плоского мира. А мы — внут-

ри этого плоского мира, словно подпорка, не дающая ему снова стать двухмерным. Наверное, со стороны он похож на улыбку.

— Я подхожу к тебе со спины, кончики пальцев касаются ткани, проходят насквозь, натыкаются на холодную, покрытую мурашками кожу, проходят насквозь... касаются твоей души.

— На мне...

Она запнулась, и Рю почувствовал, что ее щеки стали еще горячее.

— Я без одежды. Ты подошел, весь заросший мехом, всклокоченный и раздувшийся как Боцман, и протягиваешь ко мне руки. Их много — тонких, прозрачных рук.

— И я обнимаю тебя, ты как янтарный мед, из которого сделано солнце любого сна.

Он опустил голову ей на плечо и прошептал:

— Ты знаешь, а ведь я обнимал тебя только там. Обнимал просто так, не в танце, не дурачась, а по-настоящему — только во сне. По-настоящему — только во сне, звучит по-дурацки...

Ника усмехнулась.

— Открой глаза.

Рю с трудом разлепил веки. Огонек тусклого светильника показался ему нестерпимо ярким. Он сидел, прижавшись к спине Ники, осознавая, что обнял ее, сам того не заметив. Ее каштановые волосы растрепались, щекотали ее голые лопатки, напряженные худые плечи.

— Теперь мне, наверное, придется взять отпуск, граф. То, что мне будет сниться в ближайшее время, нельзя видеть больше никому.

— Даже мне?

— Тебе в первую очередь.

Она вытянула вперед правую руку, разглядывая ее. Рю не знал, что именно она ожидала обнаружить: фамильный перстень де Дино, перчатку с левой руки?.. У него ныло колено. Ника улыбалась, глядя на картонную пирамидку.

— Сны, рисунки, образы из сети — все обретает плоть, да? Равнодушное зеркало реальности начинает отражать...

Рю постучал по столу костяшками пальцев, будто проверяя столешницу на прочность. Ника положила ловушку на пол и пробормотала:

— Флибэти, наверное, уже заждался. Пойдем вниз.

— Ну что, ты его включил?

Флибэти валялся на кровати и разглядывал потолок. Телевизор по-прежнему не работал.

— Как ни странно — да. Я думал, там будет сплошной шум — вещания-то давно нет... А там кролики. Видимо, в каком-то черном-черном городе до сих пор стоит черная-черная телебашня и передает канкан жутких белых-белых кроликов.

Рю едва удержался от смеха — кажется, Стратос упоминал, что он занимается реконструкцией не только в сети, откопал где-то мощный допотопный передатчик и возрождает телевидение. Что он нашел такого в этих кроликах?

Флиб подошел к окну, что-то высматривая во дворе. Потом повернулся к Нике.

— Давно хотел спросить — почему именно «лемуры»? Большую часть жизни во сне проводят ленивцы, насколько я помню.

Ника пожала плечами.

— Возможно, кто-то думал об этом во сне... А у снов своя логика. Знаешь, странно, что мы зовемся не розовыми слонами или известняковыми феями.

Она перешла на едва различимый шепот, бурча себе под нос все приходившие ей на ум названия для своей профессии. Флибэти кивнул на заходящее солнце.

— Мне скоро улетать. Полетели со мной, а?

Рю засмеялся и покачал головой.

Со двора донесся чей-то тихий голос, и Рю выглянул на улицу. Там, у огромной кучи мусора, бывшей некогда двухэтажным домиком, стояла на четвереньках наставница Флиба и шептала куда-то в темный провал под бетонной плитой: «Кис-кис-кис». Потом она достала из кармана кусок сыра и поманила кого-то, кто прятался в глубине темной норы.

— Кис-кис-кис...

Никто не выходил, и девочка наконец поднялась на ноги. Посмотрела на них, замерших у распахнутого окна.

— Спускайтесь и помогите мне выманить крысу.

Флибэти покорно пошел к дверям, споткнувшись у самого порога. Спросил озадаченно:

— Почему «кис-кис-кис»? Это же крыса.

Ника едва слышно рассмеялась.

— Ты не понимаешь логику снов...

Она оглянулась на Рю, но тот по-прежнему стоял на месте и сдирал с подоконника облупившуюся краску.

— Иди, я сейчас спущусь.

Ника бросила на него короткий взгляд и побежала догонять Флиба. За одно короткое мгновение Рю успел увидеть в ее глазах больше, чем видел в ее фразах, снах, чувствах, которыми она делилась с ним, словно передавая флягу, из которой оба по очереди пили одну на двоих жизнь. Ему на миг показалось, что в этом взгляде он наконец увидел ее — без красного и синего, без бубенцов и запаха ягод. Не ее величество Нику, не герцогиню де Дино, а именно *ее*. Девчушку, которая давным давно на детском слете подошла к незнакомому пареньку в дурацкой шапке и сказала: «Ты морщишься, как мой кот».

Рю присел на подоконник и, глядя на развалившийся стенной шкаф, проговорил, обращаясь к шкафу и ни к кому более:

— Я, наверное, тоже не понимаю логику снов.

Фигура старика выступила из шкафа так стремительно, как будто он не шел, а его тащили на веревке неведомые силы.

— Теперь я должен тебе шляпу, да?

Учитель не играл с нарисованной трубкой, не острил — вообще не проронил ни слова, как будто неведомые силы еще и заткнули ему рот.

Рю протянул вперед руку, и она вошла учителю в грудь. Реконструктор помахал кистью, как будто разгонял дым от своей старой трубки. Тело наставника стало зыбким, полупрозрачным. В усталых глазах теплился огонь, раздуваемый похожими на кузнечные меха «гусиными лапками» морщин.

— Откуда вы взялись? Мы же выключились...

Учитель осклабился, но так ничего и не ответил. Рю облокотился о стену, закрыл глаза. Под ногтями собралась краска, и неприятно щипало ободранные о перила ладони.

— После того раза, с Талейраном и де Дино, она все уговаривала меня повторить... Взять еще чью-нибудь любовь — Наполеона и Жозефины или Ромео и Джульетты, Бонни и Клайд, Тома и Джерри — хотя бы просто любовь, любую — и нырнуть на самое дно. Если конечно, у этой любви будет дно. Экранировать сомнения, отключить предрассудки, отгородиться ширмой от памяти и прожитой жизни. Только мы и любовь, адажио...

Он облизнул пересохшие губы, повернулся к окну — Ника присоединилась к девочке и они вместе мурлыкали нелепое «кис-кис-кис», а Флибэти стоял над проломом на изготовку, на случай если крыса все-таки высунется наружу.

— Я все отнекивался тогда... Так вот, наверное, я просто скажу ей, что это больше не нужно... Не ухмыляйся. Можем даже поспорить, что скажу. Сразу после того, как они поймают эту крысу.

Старик сжал его ладонь и сам же разбил спор. Рю ойкнул и задул на ушибленные пальцы.

Еще на лестнице Рю услышал радостные детские крики, но не видел, как из темного провала выбралась крыса, как Флибэти взял ее на руки и не отпускал, пока его неугомонная девчонка не погладила ее как минимум миллион раз.

Он не видел, как следом за крысой из проема выполз исхудавший розовый слон, а за ним на свет показалось непонятное создание цвета беж. Создание трепетало тяжелыми крыльями, пытаясь взлететь... Наверное, это была известняковая фея.

Рю спускался вниз, одолевая ступеньку за ступенькой, с удивлением заметив, что снова прихрамывает. Он посмеивался, ускоряя шаг.

Еще он нелепо хлопал себя по бедру, будто пытаясь нащупать привычную прохладу эфеса, и то и дело что-то насвистывал, бурчал себе под нос:

Мы вернулись туда незадолго до новой весны.
Десять лет уместились в скомканном «Как дела?».
Ты сказала: «В порядке, вот только не видятся сны,
Видно, весь свой лимит я начисто проспала».

Алексей Корепанов
НОВЫЙ ГОРОД

Украина, г. Кировоград

На свою обычную змейку Даник опоздал, потому что проснулся с трудом, да еще слишком долго хлебал воду из-под крана, восстанавливая водный баланс в организме после вчерашнего. Пока умывался-причесывался, пока ждал лифт, пока спускался со своего сто пятнадцатого, все рабочие смены уже покинули квартал и до станции пришлось добираться в одиночку. А шагать в колонне, где впереди прут самые крепкие, сметая всех на своем пути, и лавировать-протискиваться-проскальзывать между праздношатающейся публикой одному, без поддержки — это две большие разницы, как любит говорить Соломон с восемьдесят второго этажа. Им-то что, они стоят себе да языки чешут, или играют в разные игры, или просто глазеют туда-сюда от нечего делать; им на работу не надо спешить — не хватает на всех работы. Но ведь он-то пока при деле, он-то должен попасть на свою стройку вовремя, а как тут попадешь вовремя, если к станции не пробиться...

И ведь совсем немного и опоздал! Когда взбежал на перрон, еще слышно было, как громыхает вагонами в воздухе удаляющаяся змейка. Да толку с того, что слышно... Потому что меру нужно было соблюдать, не хватать через край — тогда бы и не проспал... Да уж больно хорошо шла настоечка, и пил-то не по-

© Алексей Корепанов, 2008

тому, что залиться хотел по уши, а потому что выиграл ее на тараканьих бегах, и не у кого-нибудь, а у самого Роджера из четырнадцатого квартала, тараканщика отменного, настоящего профессионала. А у него, Даника, и тараканов своих не было — одолжил у Франсуазы. Видно, его это был день.

Но тот день прошел и сменился новым — и змейка умчалась к далекой окраине без него, Даника, и вот-вот там закипит работа... а ему придется искать другую работу, потому что целыми днями болтаться по кварталу, убивая время, — слишком пресно, он уже так болтался, и не раз...

Даник стоял на пустой платформе, досадливо теребил обеими руками сразу свои белые, только позавчера обновленные одежды и безнадежно взирал на уходящие к горизонту ряды многоэтажных зданий, за которыми исчезла змейка. Над зданиями простиралось обычное серое пустое небо, и Даник подумал, что оттуда, с вышины, можно, наверное, охватить одним взглядом весь Эсджей — от старинного центра до окраинных новостроек. Население города множилось и множилось — и в который уже раз приходилось переносить на другое место его стены вместе с воротами, и достраивать, растягивать эти стены, потому что городской периметр становился все больше. И он, Даник, должен был сейчас работать там, в девятьсот сорок втором квартале, у восьмых ворот, а не торчать здесь, на платформе, под пустым неизменным небом. Когда теперь еще раз удастся попасть в такую бригаду... Определят в дворники или садовники, или грузчики, если вообще куда-нибудь определят — а ему так нравилось участвовать в очередном воссоздании городских стен. Растет Эсджей, растет, расползается по свету — и будет так вовеки веков.

Расстроенный Даник хотел уже махнуть на все рукой и пойти за настойкой, а потом затесаться в какую-нибудь компанию и коротать день сообща — но в этот миг послышался вдали характерный шум, и заметалось вокруг многократное эхо, отскакивая от стен величественных зданий.

«Грузовоз!» — еще не веря в свою удачу, подумал Даник.

Да, это был именно грузовоз. Серая змейка выскользнула из просвета между парочкой квадратных башен-близнецов и,

буравя воздух округлой гладкой мордой, ринулась к платформе. Грузовоз, безусловно, шел на окраину, скорость у него была не та, что у пассажирских змеек — и стоило попытать счастья. Да что там «стоило» — это был единственный шанс.

Подобрав полы своих одежд, Даник бросился к краю платформы, поспешно шаря взглядом по ребристым вагонным бокам: грузовоз не пассажирка — останавливаться не будет. Сам не зная как, ухватился пальцами за вертикальную стойку — к таким стойкам при разгрузке крепили пандусы, — утвердил босые ноги на узком выступе. Стиснул стойку изо всех сил, чтобы не сорваться в пустоту под вагоном — и поплыл над землей.

Тугой воздух бил в лицо, проносились мимо многоэтажные здания, слепо глядя друг на друга серыми окнами. Остался позади шестьдесят второй квартал — на северной его стороне жила мать Даника, а отца он не знал — и змейка лихо взяла вправо, в сторону пустоши, изрезанной оврагами. Старожилы говорили, что когда-то эта пустошь находилась за пределами города, а уже потом стены перенесли и заложили новые кварталы; потому что теснотища была страшенная, ходили чуть ли не по головам.

Змейка летела себе и летела над землей, один квартал сменялся другим, праздный народ кишел на улицах и площадях, и Даник радовался, что все так удачно для него складывается. Мыслями он был уже на своей стройке, и перестал замечать окружающее — а зря. Потому что змейка оказалась над еще одной незастроенной местностью, только не овраги там были, а кусты и кривые деревья — и тут-то ее и тряхнуло. В этом месте всегда трясло — но одно дело сидеть в вагоне, и совсем другое — лепиться сбоку, снаружи, да еще и витать мыслями невесть где... Тряхнуло так сильно, что скрежет и стук покатились по вагонам, и можно было подумать, что они вот-вот посыплются на землю. Но вагоны на землю не посыпались — в отличие от Даника. Босые его ступни соскользнули с закругленной кромки, пальцы разжались — и, кувыркаясь, полетел Даник с высоты этак пятнадцати—двадцати этажей в зеленую листву низины, которая в давние времена была далеко от стен Эсджея, а теперь оказалась окруженной новыми кварталами.

Подосадовать на свою оплошность Даник не успел — всей спиной врезался он в ветки, и под их возмущенный треск, дополняемый шорохом потревоженных листьев, приложился к тверди земной, покрытой высокой травой. Тут же вскочил на ноги и погрозил кулаком вслед змейке, которая, впрочем, уже скрылась из виду; да и не змейку следовало винить, а только самого себя...

Надежда на благополучный исход дела безвозвратно исчезла — и нужно было уходить отсюда, добираться по нехоженой траве до ближайшего квартала, потому что негоже горожанам бывать на пустошах. Все равно как спать на потолке или вышагивать задом наперед...

Высматривая наиболее удобный путь к обитаемым территориям, Даник приметил среди кустов и деревьев какие-то ямы, тоже поросшие травой, — словно топтался здесь когда-то какой-нибудь зверь-левиафан. А рядом с ямами лежали каменные плиты — то ли собирались тут что-то строить да так и не построили, то ли построили — да все давным-давно развалилось. Вздохнув, Даник наметил курс и поспешил прочь из этого глухого места, совершенно, видимо, непригодного для проживания, если городские кварталы обошли его стороной. Минуя обрамленную диким кустарником яму, он бросил взгляд на полускрытую травой плиту. На ее гладкой коричневой поверхности едва проступали стертые временем знаки, и еще было там заключенное в овал изображение мужского лица. Даник невольно замедлил шаг, потому что мужчина этот был ему знаком. Где-то он его видел — на улице ли, на состязаниях крикунов или в очереди на трудоустройство... А может, таскали друг друга за волосы, когда две компании начинали, к удовольствию окружающих, делить перекресток... Знаки были, похоже, буквами, но стерлись настолько, что не поддавались пониманию. Впрочем, Даник не собирался тщательно их изучать. Посмотрел — и устремился дальше, к привычным улицам.

...В девятьсот сорок второй квартал, к своим восьмым воротам, на стройку, Даник попасть больше и не пытался. Знал по опыту, что это уже бесполезно. И опять посетила его мысль о

настойке. А потом можно будет заглянуть к Франсуазе... Или вновь погонять тараканов... Или поплевать с зеленой башни...

Даник проталкивался сквозь бубнящую множеством голосов уличную толпу, и вроде бы и сам не знал, куда идет — а оказалось, что ноги привели его к дому Амоса. Зацепились, застряли в памяти эти заросшие травой следы зверя-левиафана, а главное — изображение на старой плите. Почему и зачем там это изображение?.. И ведь лежали в той низине и другие плиты... Что-то когда-то там приключилось — и уж кому как не Амосу об этом знать. А если не знает Амос, то наверняка знают его приятели — Михей или Наум...

Раньше Амос жил в самом центре, в одном из старых кварталов, а потом, как и другие старожилы, переселился в новый двадцатиэтажный дом — выше тогда еще не строили. А прежние ветхие здания оставили нетронутыми в память о давних временах... хотя кого интересовала эта память? Канули безвозвратно те времена, и первопоселенцы растворились среди множества других горожан, родившихся позже. Рос, растекался во все стороны Эсджей, словно сметана по блюду.

Дверь квартиры Амоса на восьмом этаже была распахнута настежь, а сам старец, восседая в высоком кресле посреди лоджии, смотрел вдаль. Пышная белая борода Амоса крупными завитками ниспадала на белые с золотом одежды. Даник поздоровался и, повинуясь едва заметному жесту старожила, устроился в кресле попроще, у перил, испытывая некоторую неловкость из-за своего испачканного при падении со змейки одеяния. Ему доводилось уже бывать у Амоса, и именно по совету старца Даник дождался вакансии в одной из бригад, занимавшихся перестройкой городских стен.

С лоджии открывался вид на центральную часть Эсджея — заброшенные здания, протянувшиеся вдоль золотой мостовой. Мостовая тускло светилась под тусклым небом, и не было видно на ней ни единого горожанина — кому придет в голову слоняться по нежилым кварталам?

— Что привело тебя ко мне? — спросил Амос. Голос его был тих, как шелест листвы. — Нелады с работой?

Даник неопределенно повел плечом. А потом, то и дело вздыхая и без нужды поправляя свое одеяние, поведал старцу обо всем, случившемся сегодня с ним, непутевым Даником, отставным строителем городских стен. Амос молча слушал, хмурил густые брови, глядя не на Даника, а на простирающиеся внизу заброшенные кварталы.

— И хочу я узнать, что же это за место такое, — закончил Даник свое повествование. — Если, конечно, тебе что-нибудь известно...

— Известно ли мне? — Амос усмехнулся, но усмешку эту нельзя было назвать веселой. — Тебе действительно интересно?

— Н-ну... любопытно, — ответил Даник, понимая уже, что пришел не зря.

— Странно. — Старожил вновь грустно усмехнулся в бороду. — Здесь уже давным-давно никто ничем не интересуется. Кроме, разумеется, дел, связанных с насущными потребностями. То место, где ты очутился сегодня, как Денница, низвергнутый с небес... Это кладбище.

— Кладбище? — переспросил Даник. — А что такое кладбище?

— Место, куда тела людей помещали после смерти. А потом праведники воскресли... Были воскрешены.

Ответ Амоса оказался столь же непонятен, как и предыдущий. Объяснение неизвестного через неизвестное — вот как это называлось.

Видимо, недоумение было столь явственно написано на лице Даника, что Амос продолжил, не дожидаясь нового вопроса:

— На прежней земле жил когда-то человек, которому однажды открылось будущее. Он записал свое видение, и названо было оно Откровение Иоанна Богослова — так зовут этого человека. Вот, послушай, если хочешь. Мы, первые жители, знали его чуть ли не наизусть. Сейчас Иоанн живет в соседнем доме, но никто не слушает его... Никто ничего не слушает...

— Расскажи, Амос!

Старожил, прищурившись, вновь оборотил лицо к вымощенной золотом улице, и голос его, внезапно усилившись, зазвучал торжественно, и звуки, сливаясь в слова, возносились в серое небо.

Даник слушал, приоткрыв рот, и целые фразы впечатывались в его сознание как сваи, забиваемые в землю в начале строительных работ.

«И увидел я мертвых, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими...»

«И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в озеро огненное. И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло...»

Раскатывался, гремел над городом голос Амоса, и Даник, забыв обо всем, как зачарованный внимал этим словам.

«...И показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию...»

«Он имеет большую и высокую стену, имеет двенадцать ворот и на них двенадцать Ангелов...»

Даник ловил каждое слово Амоса и запоминал накрепко, навсегда.

«...Двенадцать ворот — двенадцать жемчужин... Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло...»

«...И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца. Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, древо жизни...»

«Древо жизни!» — Даник мысленно ахнул.

«...И ничего уже не будет проклятого; но престол Бога и Агнца будет в нем, и рабы Его будут служить Ему. И узрят лицо Его, и имя Его будет на челах их...»

И наступила тишина

Амос сидел, закрыв глаза и опустив голову, и никаких знаков не было на челе его. Как и на челе Даника.

Даник встал и, навалившись грудью на ограждение лоджии, всмотрелся в улицу, вымощенную тусклым золотом. Вдоль улицы тек узкий мутный ручей, и нависало над ручьем, укрепившись корнями на обоих берегах, скрюченное засохшее дерево с обломанными ветвями. И не видно было на улице ничего похожего на престол.

— Ангелы... — пробормотал Даник и повернулся к неподвижному Амосу. — На воротах нет никаких Ангелов, я же там работал... Куда они подевались?

Амос поднял голову:

— Ангелы удалились вместе с Ним. Покинули святой Иерусалим, который и имя свое потерял. Мог ли Господь оставаться здесь вместе с нами... такими?..

— И что же делать, Амос? Что же нам делать?

— Не знаю, — тихо ответил старожил. — Я хотел бы умереть, но не могу, ибо ныне смерти нет... Он ошибся в нас...

— Что же делать? — растерянно повторил Даник.

Во все стороны простирался Эсджей, святой Иерусалим, некогда созданный для тех, кто записан был в книге жизни у Агнца, и висело над городом пустое небо. В небе не было ни солнца, ни луны, потому что некогда Сам Господь освещал город. А теперь тусклым было новое небо над новой землей...

Алексей Молокин

ЧЕЛОВЕК ИЗ АРМАГЕДДОНА

1

Степь горела. Черно-красные палы длинными полосами ползли по ее бурой, с проплешинами шкуре. Вертолет снижался по спирали, как муха над тарелкой с пригоревшей овсянкой. Сидевший за штурвалом Эксперт неожиданно резко накренил машину. Плохо уложенный багаж рассыпался по отсеку. Двое мужчин, мешая друг другу, выбрались из кресел, чтобы собрать рассыпавшиеся ящики и сумки.

— Да бросьте вы, — сказал Эксперт. — Сейчас сядем, тогда и соберете.

— У меня там аппаратуры на полсотни... — начал было Журналист, но послушно сел и начал прилаживать ремень безопасности. Священник замешкался, пряча в складках рясы какую-то подобранную с пола книжечку — одежда его в тесной кабине казалась нелепой — потом занял свое место и тоже пристегнулся. Вертолет качнул рыбьим пузырем кабины и ухнул вниз.

— Эй... — возмутился было Журналист, но осекся. Его слегка мутило, так изображать из себя крутого парня не хотелось. Это там, в столице он крутой, а здесь все другое. Хотя вон Священнику, похоже, все нипочем. Интересно, где он служил раньше?

Вертолет мягко опустился на пыльный пятачок между двумя ржавыми волейбольными вышками.

© Алексей Молокин, 2008

— Веселенькое место. — Журналист, стараясь выглядеть бодрым, спрыгнул на растрескавшийся грунт импровизированной посадочной площадки. Вслед за ним, путаясь в рясе, выбрался Священник.

— Приветствую вас, а также нас, в Армагеддоне! — рисуясь, произнес Журналист. — Что-то здесь скучновато!

— Бог сотворил это место иным, — кротко отозвался Священник. — В нынешнее состояние его привел человек.

— Что правда, то правда, — подтвердил Эксперт. — Раньше здесь кроме степи вообще ничего не было.

Он последний из компании спустился на шелушащуюся от солнца землю и теперь возился у вертолета, вбивая в почву стальные костыли. Наконец Эксперт заякорил машину и разогнулся.

— Здесь бывает ветрено, — пояснил он. — Транспортные борта и те сносило, чего уж говорить про нашу козявку.

Журналист, сощурившись, оглядел завалившийся ангар, неопрятные ряды пятиэтажек вдалеке, выгоревший драный плакат, изображавший одуревшего от жары солдата в каске на фоне пучка ракет и самолетов. В голове промелькнула мысль, что надо было помочь Эксперту, все-таки немолодой дядька, но тошнота никак не проходила. Он порылся в карманах, вытащил таблетку «Холлса» и кинул в рот. Стало немого легче.

— Значит, здесь он и живет безвылазно все тридцать лет? — спросил он и сглотнул.

— Тут и живет. — Эксперт отвернул колпачок фляги и сделал глоток. — Я, признаться, побаивался, что шарахнет он нас чем-нибудь... С целью испытаний новой техники, однако обошлось...

— Чем это он шарахнет? Тут, наверное, давно все сгнило. — Журналисту наконец полегчало, и к нему вернулась демонстративная профессиональная беззаботность. — Я слышал, что он с чем-то возится, но ведь это несерьезно. Да и что может один старый человек? И вообще, нянчил бы лучше внуков, чем сидеть в этом пекле.

— У него нет внуков. Единственный сын погиб на Последнем Параде... А что может один человек, так это — смотря кто.

Он ведь в свое время считался, чуть ли не гением. И не без оснований. Проекты «Горгона», «Юдифь»... Впрочем, откуда вам знать. А я с ним когда-то работал. Давно.

— Что это за «Горгона»? — полюбопытствовал Журналист, разворачивая очередную таблетку и бросая вощеную бумажку на бетон. Ветер сразу подхватил ее и радостно закружился по площадке. Давно, видать, его не баловали фантиками.

— Долго рассказывать, жарко... — уклонился от ответа Эксперт. — Поищем лучше какое-нибудь помещение с телефоном или пункт связи. Переоделись бы вы в цивильное, святой отец, сваритесь же в вашей хламиде. — Эксперт покосился на Священника.

— Я должен явиться к заблудшему как посланец церкви, а значит, в полном облачении, или, как принято у вас выражаться, по всей форме, — отозвался Священник.

— Вот когда найдем его, тогда и облачитесь. В городке никого нет, а у нас вы уж точно на грех не наведете.

Священник обиженно насупился, хотя Эксперт был прав. Жаль, что православная церковь не ввела полевую форму, как в армии.

Журналист вытащил мобильник, посмотрел на экран и вздохнул. — Экая глушь, однако! Ни одного сотового оператора! Прямо-таки настоящий затерянный мир социализма! Подходящее названьице для репортажа? И как же мы его отыщем, если в городке его нет, и мобильник не работает? Да ладно, нет сетки — попробуем на удочку. Эксперт наверняка что-нибудь придумает, на то он и Эксперт.

Журналист покопался в карманах и нацепил громадные темные очки типа «Макнамара». В шортах, из которых торчали мускулистые волосатые ноги, в белых носках, короткой куртке с множеством карманов и карманчиков, панаме он походил на американского туриста со старых карикатур из журнала «Крокодил». Сходство усугубляли башмаки на толстой подошве и кофр с аппаратурой на плече.

— Видели, как степь горит? — спросил Эксперт, аккуратно завинчивая колпачок фляжки. Фляжка была старого образца, алюминиевая, о тянутая выцветшим брезентом. Раритет.

— Ну, допустим, видели. — Журналист повернулся лицом к затянутому гарью горизонту. — Горит, ну и что? И гарью пахнет, кстати, аж мутит. Журналист нашел оправдание собственной тошноте и невнятному страху и совсем успокоился.

— А то, что она сама по себе в нескольких местах сразу не загорится. Он, наверное, там, в степи. Из городка бетонка километров на пятьсот в степь уходит. По сторонам склады, бункеры, пусковые площадки — чего только нет. Когда я здесь бывал, здесь не скучали, особенно в стрельбовые дни. Так что в степи он. Работает.

Неожиданно из степи донеслось тяжелое шипенье, перешедшее в надсадный вой, от которого заныли зубы и захотелось сощуриться. Потом что-то звонко и страшно грохнуло. В белесое полуденное небо, подтопленное дымами по краям, разбрасывая искры, словно агонизируя, взлетел ослепительный огненный сгусток. Прямо из воздуха на сгусток неотвратимо обрушилась тьма, словно проворная рука в черной перчатке схватила и погасила его, сжав кулак. Вой оборвался. В наступившей тишине было слышно, как что-то далеко и мягко ударилось о землю.

— А вот вам и доказательства, — сказал Эксперт.

Священник перекрестился.

2

Когда-то это было офицерское кафе. Здесь праздновали свадьбы, отмечали дни рождения, обмывали звездочки в небе и на погонах, приезды и отъезды, справляли поминки.

Офицерские жены приходили сюда демонстрировать новые платья и флиртовать с летчиками-транзитниками. В зеркальных, теперь покрытых пылью и кое-где треснувших стенах, отражались небритые физиономии командированных, коротавших бесконечные вечера за бутылкой вина, кокетливые наколки официанток, пьяные, радостные лица счастливцев, получивших назначение на Большую Землю, и дающих по этому поводу отвальную. Здесь старательно поддерживали иллюзию нормальной человеческой жизни, но получалось как-то наспех, несерь-

езно. Мешало какое-то неистребимое, можно сказать, «чемоданное» настроение, царившее в этом месте. Дух временности до сих пор чувствовался в пожелтевших фотографиях обнаженных красоток, налепленных над стойкой бара вперемешку с пивными наклейками и пустыми сигаретными пачками, пластмассовых чертенятах, свисающих с лампочками в зубах над столиками, надписи, нацарапанной на простенке, сообщавшей, что «Ляля дает форсаж».

«Ох уж эта пионерская порнография советских времен, — подумал Журналист. — Трогательная в своей невинности. Как-нибудь я об этом напишу».

Теперь здесь шуршал переносной кондиционер, стояли три надувных походных кровати, на столике под фотографией еще молодой Барбары Брыльска демонстрировал бирюзовое нёбо, разинув плоскую пасть, «Давид», довольно мощный ноутбук в военном исполнении. Журналисту тоже хотелось такой, и чтобы все завидовали.

Эксперт вытащил из кармана большую черную трубку, набил ее табаком и с явным удовольствием принялся неспешно раскуривать. Священник недовольно поморщился, но промолчал. Журналист что-то тихо говорил, поднеся к губам серебристую капельку беспроводного микрофона. Перед ним тоже был раскрыт ноутбук, очень плоский, со встроенной телекамерой, престижный, но все-таки купленный в магазине, а не изготовленный по спецзаказу, и это казалось несправедливым. В комиссии все равны... Впрочем, для репортерской работы годился и этот. Журналист запечатлел горящую степь, вертолет на заброшенной баскетбольной площадке, заросшие колючим кустарником улицы военного городка, но взлетевший в степное небо и сгинувший огненный сгусток не снял, растерялся, и теперь пытался личными впечатлениями хоть как-то компенсировать упущенные кадры. «Потом досниму и подмонтирую, — решил он. — Не в первый раз».

Эксперт, не выпуская из зубов трубки, возился с телефонной розеткой, воткнул в нее провод, подключенный к «Давиду», отложил наконец трубку и сел за клавиатуру. Через некото-

рое время на экране обозначилась россыпь красных точек, соединенных тонкими линиями. Линии сходились к центру.

— Сейчас мы его вычислим, — пробормотал Эксперт. — Давай, голубчик, давай... — Он привык разговаривать с компьютером во время работы.

— Что это за паутина? — поинтересовался Журналист. — Местный интернет? Кстати, как тут с всемирной паутиной? Я пробовал войти через спутник со своего компа — ничего не получается. Черная дыра у них, что ли? Нормальные средства связи, и те не работают. Как здесь только люди живут? Впрочем, они здесь и не живут. Потому что это место — это не здесь, а где-то там. В соцреализме. Люди здесь не водятся, здесь живет последний демон ВПК!

— Местная телефонная сеть, — не обращая внимания на разглагольствования Журналиста, сказал Эксперт. — Сейчас мы его в эту сеть и поймаем. Если он находится неподалеку от какого-нибудь телефонного аппарата, то компьютер его найдет и покажет номер. Останется только позвонить по телефону. Только вот захочет ли он с нами разговаривать?

Вокруг одной из точек сети появился кружок. В нижней части экрана возник четырехзначный номер.

— Готово, — сказал Эксперт. — Кто будет говорить?

— Ну, вы же в прошлом были его, так сказать, коллегой. — Журналист посмотрел на Эксперта. — Вам, как говориться, и карты в руки.

Эксперт нажал клавишу. Через некоторое время из динамика раздался спокойный голос:

— Вас слушают.

— Здравствуйте, Павел Викторович! Это Смирницкий вас беспокоит. Тут к вам небольшая делегация, всего-то три человека. Хотелось бы встретиться. У вас найдется время?

— А, Смирницкий, Помню... Когда-то вы были смышленым молодым человеком. Ну и чем сейчас занимаетесь, Юра? Выступаете с воспоминаниями перед подрастающим поколением или проектируете высокоточные фаллоимитаторы с разделяющимися боеголовками?

— Почти угадали, Павел Викторович. Работаю экспертом в комиссии по катастрофам при Глобальном Совете Безопасности. Время от времени, знаете ли, появляются несанкционированные Советом разработки, представляющие потенциальную опасность для человечества. Вот степень этой опасности я и оцениваю. Работа, как работа. Почти по специальности.

— Понятно. Техническая инквизиция, значит. А сюда, стало быть, явились по мою грешную душу. И даже священника прихватили. Никак беса изгонять из меня будете?

— Откуда вам известно про священника? — удивился Эксперт.

— Наблюдал за вами. И посадку видел. Я ведь тоже кое-что умею. Знаете что, вы бы лучше вместо священника, или этого голоногого гамадрила, привезли красивую женщину. Длинноногую и без комплексов. Мне, несмотря на годы, было бы приятно. И пусть бы ходила себе в шортах. Женщинам это идет. Ну ладно, ладно, шучу... А насчет встречи — что ж, я этого ждал. Только я ведь и в городке-то почти не бываю, так что возьмите какую-нибудь машину, в гараже есть несколько исправных, и приезжайте завтра утром. Я буду на сто восьмой, это километров сто отсюда по трассе. Солярка есть в цистерне около комендатуры. Помните, где комендатура? Ну, до завтра!

Из динамика донеслись гудки отбоя.

— Как просто... — сказал Журналист. — Я-то думал, старика придется уламывать, а он, кажется, даже рад. Ишь ты, гамадрилом обозвал. С юмором дедуля-то оказывается! Старый полигонный Тарзан, вот он кто, а туда же!

— Может быть и рад, почему бы и нет? — Эксперт снова принялся раскуривать потухшую трубку. — Ему ведь скучно, а тут как-никак люди, а один и вовсе гамадрил. Кроме того, я думаю, он нам покажет что-нибудь эдакое. Ему хочется, чтобы люди увидели, чего он добился за столько лет.

— Что-нибудь из своих изобретений? — Журналист сощурился. — Ну что ж, моим зрителям это может быть любопытно, если, конечно, материал подать как следует, перчику там добавить, в общем — может получиться.

— Да уж, с перчиком будет все в порядке, можешь не беспокоиться! — пробормотал Эксперт и потянулся за фляжкой.

3

Густой и горький, настоянный на степных пожарах вечер затопил военный городок. Темные дома, казалось, тянулись очень далеко, может быть, в космос. И нигде ничего не было, кроме рядов утлых пятиэтажек с пыльными окнами, тускло отсвечивающих закатом полуцилиндров алюминиевых ангаров, да растрескавшегося, медленно отдающего дневной жар асфальта. Вот и все мироздание.

В затерянном посередине вселенной кафе горел неяркий свет.

Эксперт знал, что в любой командировке бывают такие часы, дни, а то и недели, когда делать решительно нечего, и это изматывает больше всего. Вообще, во время служебных поездок люди не живут в полном смысле этого слова, а выполняют какое-то задание. Смысл и цели поездки заранее определены, поэтому все, что вне этого смысла имеет некий необязательный характер, кажется несущественным и по-определению, не имеющим значения и последствий. Отсюда и неразборчивость в знакомствах, и легкое отношение к деньгам и многое, многое другое...

«Впрочем, все это в прошлом, — думал Эксперт, — непонятно только, почему этот заброшенный городок при полигоне вызывает во мне чуть ли не нежность? Может быть, это какая-то разновидность ностальгии? Фантомные боли в ампутированном призвании? Хотя, наверное, дело не в месте, а в прокатившихся с того времени, когда я здесь был в последний раз, годах. Молоды мы все тогда были, вот в чем дело. И еще, как это... «Мы были слугами весел, но владыками морей...»* Чепуха, разумеется. Мы были молодыми дикарями с высшим техническим образованием и ворохом амбиций вместо нравственного инстинкта. Мы жили да были, но бывшими стали... Слишком много существительных в прошедшем времени».

---

* Редьярд Киплинг «Галера».

Журналист со Священником, похоже, нашли общий язык. Впрочем, Священник, переодевшийся в джинсы, походил скорее на стареющего хиппи, чем на служителя культа. Особенно с банкой пива в руке. Журналист что-то экспрессивно рассказывал Священнику, то слушал его серьезно, временами кивал, иногда смеялся. Судя по доносящимся обрывкам фраз, речь шла о том, что военные предприятия чем-то похожи на монастыри. Не совсем, конечно, но все-таки. И женщин там мало, отсюда всякие-разные прибабахи у сотрудников.

«Удивительно, — подумал Эксперт, — гуманитариям всегда найдется, о чем поговорить, хотя бы повод для ссоры, но найдется. Повод для ссоры, это ведь какая-никакая, а точка соприкосновения. У нас, молодых технарей из оборонки, тоже когда-то находились общие темы для разговоров, поводы мириться и ссориться. Чертова секретность немного портила дело, но зато давала чувство причастности. Причастности к чему? Кстати, женщины в экспедициях были. Их брало начальство, специально для себя, но и остальным перепадало. А еще были одуревшие от однообразной жизни офицерские жены...»

— А знаете, — Эксперт отхлебнул пива, — если бы войну не упаковывали в разные декоративные обертки, то нам сюда и ехать бы не пришлось. С незапамятных времен существует странный симбиоз искусства, оружия и религии. Трудно сказать, что к чему прилепилось, но скорее всего первично все-таки оружие. Палкой человек сначала убил, а уже потом превратил ее в предмет культа и произведение искусства, не в ущерб, впрочем, первоначальным качествам. Издревле взращено в человеке мистическое отношение к средствам убиения себе подобных. Каждое выдающееся средство уничтожения автоматически приобретало и сакральные свойства. Особенно уникальные экземпляры. Тем и вовсе давали имена, поклонялись и все такое... Вспомните «Эскалибур», «Большая Берта», «Катюша», «Малыш», «Толстяк»... Зачем, спрашивается, украшать драгоценными камнями ручку хорошо отточенного куска железа, единственное предназначение которого выпустить кому-то кишки?

— Люблю тебя, булатный мой кинжал, товарищ верный и холодный! — Журналист сделал себе бутерброд и стал демонст-

ративно жевать. Наверное, он искренне считал, что технарям не стоит вмешиваться в разговор интеллектуалов. Даже если те говорят просто о девочках.

— Церковь всегда была против убийства... — Священник понял, что сморозил ерунду и смешался. — А вообще-то, конечно, много чего делалось «к вящей славе Господней» вопреки его заповедям.

— А.Д.М. своею кровью начертал он на щите, — с удовольствием процитировал Журналист. — А, собственно, к чему вы это все?

— Да так... — Эксперт был недоволен собой, мелькнувшую было мысль, не удалось сформулировать четко. Получился какой-то кисель. — Это я к тому, чтобы вы не считали себя нравственней и цивилизованнее этого старика, — помолчал и тихо добавил, — да и меня тоже.

— А вы, святой отец, действительно намерены вернуть заблудшую овцу в стадо? — Журналист сказал это, чтобы разрядить атмосферу, но Священник посерьезнел:

— Я такой же член комиссии, как и вы. А кроме того, я хочу понять, что заставило умного, талантливого человека уйти из меняющегося, наконец, к лучшему мира, жить отшельником и бог знает сколько лет в одиночку творить и испытывать машины для убийств себе подобных. Мне кажется, это важно.

— Я же говорю, что по сакральным причинам. И еще — жажда творчества. Не забывайте, что он, в полном соответствии с традициями своего искусства, считает, что делает оружие для защиты, а не для убийства. Практически в любой стране существует министерство обороны, и ни одного министерства войны. Да и воевало человечество, как правило, за мир.

Эксперт хотел продолжить, но кафе озарилось мертвенным фиолетовым светом. Извне, казалось со всех сторон, мгновенно заполнив собой пространство, хлынул тоскливый высокий звук. Казалось, сквозь череп протягивают тонкую, раскаленную добела проволоку. Звук оборвался. Плотная, болезненная тишина заложила уши. И никто не слышал последних слов Эксперта, а он просто повторил не очень смешную шутку своей молодости:

«Наша цель — мир во всем мире!

Заряжай!

Огонь!»

4

Старенькая бронемашина, порыкивая дизелем, бодро бежала по степи. По сторонам шершавой, словно кирза, кое-где проросшей травой бетонки торчали покосившиеся телеграфные столбы. На них, неопрятными кучами грязного белья, громоздились какие-то птицы. На желтой равнине блестели частично сохранившейся серебристой краской купола станций наблюдения, похожие на кладку яиц гигантских рептилий. Через каждые несколько километров от главной дороги отходила узкая бетонная полоса, упиравшаяся в ржавые железные ворота, нелепо торчащие среди колючей проволоки. За проволокой были видны завалившиеся решетчатые сооружения, тягачи с переломанными хребтами, смятая алюминиевая скорлупа пустых подвесных баков. Чего-чего, а колючей проволоки здесь было предостаточно. Сплошные ряды ее тянулись вдоль шоссе, закрепленные на воткнутых в землю длинных узких ящиках, похожих на пластмассовые футляры от зубных щеток.

— Стандартная тара от зенитных ракет, — пояснил Эксперт. — Углепластик, между прочим. Мы из них лодки делали, здесь раньше была плотина и вода. Даже рыба водилась. Сазан, толстолобик, беляк, ну и мелочь разная, конечно. Ершей только не было почему-то. А что за уха без ерша?

Несмотря на открытые люки в бронемашине было жарко и к тому же едко пахло соляркой. Журналист скуки ради попробовал повернуть развернутую немного вбок, тронутую ржавчиной башенку с торчащим черным стволом автоматической пушки — не получилось. Тогда он вылез наверх и сел, опустив в открытый люк ноги и время от времени водя по сторонам видеокамерой. На повороте башня неожиданно провернулась сама по себе, Журналист уронил камеру и ухватился руками за края люка. Видеокамера повисла на ремне, стукаясь о железный борт машины. Журналист подтянул ее, снял свои пижонские очки, и начал озабоченно рассматривать.

Священник молча сидел у автоматной амбразуры. Струя воздуха от маленького черного вентилятора шевелила длинные седеющие волосы. Степь, казалось, совершенно не интересовала его.

Эксперт вел бронемашину уверенно и даже с некоторой лихостью, высунув голову из люка механика-водителя. Перед глазами у него был щиток из темного стекла, в который время от времени весело стукались мелкие камешки.

Журналист, удостоверившись, что с камерой ничего страшного не случилось, спустился в боевой отсек и сказал, обращаясь к Священнику:

— Ну и гроб!

— Гроб служит для отдыха перед дорогой в иной мир, а эта машина — греху и злобе, — назидательно ответил Священник.

— Ну вот, сказать ничего нельзя... — Журналист был настроен миролюбиво. — Долго ли еще? — крикнул он Эксперту, просунув голову в отсек механика-водителя.

Эксперт, казалось, не расслышал. С неподвижным, каким-то завороженным лицом он продолжал вести старую боевую машину. Огромное, искаженное рефракцией солнце гримасничало, поднимаясь над плоским горизонтом. Над нагревающимся бетоном как маленькие зеркала играли миражи.

5

Поднявшееся высоко солнце раскалило броню. Журналист опять вылез на башню, примостил было зад на обрезе люка, выругался, нырнул вниз и устроился наконец наверху, подложив под себя свернутый вчетверо кусок брезента.

— Яичницу можно жарить. Глазунью, — сообщил он Священнику, свешиваясь в люк. Тот брезгливо поморщился.

Казалось, он не замечал жары, но, приглядевшись, можно было заметить прилипшие к вискам волосы, тронутые пылью. Пыль клубилась в солнечных лучах, проникавших в амбразуры и щели, пылью дышали открытые люки. Пыль легла на лбы и переносицы, оттенила щеки, сделав лица похожими на лица христианских великомучеников.

Свернув на узкую бетонную дорожку, машина остановилась у серых крашеных ворот с выпуклыми рубчатыми звездами и цифрой 108 на створках. Загудело, и створки поползли в стороны.

— Приехали, — сказал Эксперт, выбираясь из люка.

В расстегнутом комбинезоне с закатанными рукавами, высоких ботинках со шнуровкой и солдатской флягой на поясе, он казался исконным обитателем этой степи, битком набитой дряхлым железом, обломками самолетов и ракет и насмерть пропеченной солнцем. После грохота дизеля, тишину, казалось, можно было пить, как воду. В тишине щекочущими, мелкими пузырьками возникали и лопались степные звуки — бубенчиком заливалась какая-то птаха, посвистывали суслики, столбиками стоящие в траве невдалеке от узкой бетонированной тропки.

Приехавшие направились к открытой двери бункера. Метрах в ста, если смотреть в сторону степи, виднелись туши каких-то машин с торчащими на сплюснутых башнях устройствами, похожими на гигантские зубные щетки. Щеток, обращенных металлической щетиной друг к другу, было по две на каждой башне. Между ними клубились и пульсировали дымные серые комки, внутри которых вспыхивали зеленоватые бесшумные разряды. Священник покосился в сторону машин и перекрестился.

Бункер оказался неожиданно просторным. К удивлению приехавших, посередине помещения стоял покрытый блестящим пластиком стол с расставленными на нем открытыми консервными банками, бутылками коньяка и минеральной воды. Центр стола занимало огромное блюдо жареного мяса. Старательно, капая от усердия слюной с решетчатой морды, гудел допотопный кондиционер, было прохладно.

— Ого! Мы, кажется, попали прямо на банкет! — изумился Журналист. — Вот это по-нашему, хотя не ожидал, признаться.

В дальнем конце бункера отворилась овальная бронированная дверь, и навстречу гостям вышел высокий худой человек в застиранном светло-голубом комбинезоне. Загорелое лицо с выгоревшими бровями над выпуклыми умными глазами, отросшие полуседые волосы делали его похожим на представителя свободной профессии, модного арт-художника или культового режиссера.

«Впрочем, он и есть представитель свободной профессии, — подумал Журналист. — Роспись дымом по стеклянному степному небу, черным и красным по небеленой холстине степи. Объем, запах... Гиперреализм, одним словом. Принимаются заказы. Никакой он не Тарзан, скорее отшельник, типичный обиженный гений. Ему кажется, что люди его не поняли, а на самом деле он им просто не нужен.

Человек подошел к ним, подал каждому сухую, цепкую руку, представился:

— Локшин Павел Викторович.

Журналист с бесцеремонностью, свойственной людям его профессии, подошел к столу, взял бутылку нарзана и, ища, чем бы ее открыть, поинтересовался:

— Скажите, Павел Викторович, это в честь нашего прибытия банкетец или у вас сегодня день ангела?

— Присаживайтесь. — Локшин махнул рукой в сторону стола. Хлеба вот только нет. Одни сухари остались. Нет, молодой человек, — повернулся он к Журналисту, — банкет по традиции как полагается, в честь «Звездного налета».

Сегодня «Звездный налет». Вам повезло, вы будете зрителями и свидетелями. Помнишь, Юра, «Звездный» на С-415? — Он хитро посмотрел на Эксперта. — Ты тогда на «Визире» дежурил. Визир, визир, где цель? Да, кажись, на посадку пошла... — Локшин рассыпался неожиданно старческим смешком. — Спирт в графинах на каждой тумбочке стоял, в целях профилактики желудочных расстройств, так сказать... Но ты тогда начал рановато, так что цель мы без тебя отыскали. А то вломили бы нам всем по первое число, вот и получилось бы расстройство не чета желудочному!

Эксперт смутился, поставил на стол открытую бутылку коньяка.

— Да ладно тебе, дело-то прошлое. — Старик, когда он смеялся, было заметно, что все-таки старик, разлил коньяк. — Ну, ребята, с приездом! Знаете, как в Капустином Яре пили? Сидят два командированных на разных концах стола и гоняют туда-сюда таракана. С приездом, с отъездом... — Локшин опять хохотнул.

Сам хозяин только пригубил коньяк и налил себе минеральной воды. Журналист с удовольствием выпил, отметив, что коньяк прекрасно перебивает пыльный привкус во рту. И вообще, хороший коньяк, наверное, из старых запасов. Ничего не скажешь, расстарался старик.

— «Звездный налет», — объяснял между тем Локшин, — одна из сложнейших контрольных задач противовоздушной и противокосмической обороны. Представьте себе, что на вас с разных сторон летит дюжина ракет и самолетов, а вы со своей установкой должны перехватить их и сбить. Ракеты, разумеется, без боеголовок, да и соседние площадки вас подстраховывают на случай неудачи. Но сегодня особенный «Звездный налет». Ракеты с боеголовками, правда, с обычными, неядерными, и страховать меня некому. И ракет не дюжина, а несколько сотен. И все это в случае неудачи обрушится на наши с вами головы. Мы в эпицентре «Звездного», вам действительно повезло, мальчики, такого еще никто никогда не видел. Через десять минут стартует первая волна. Через пятнадцать начнется перехват. Готовьтесь.

6

Журналист возился наверху, устанавливая и проверяя съемочную аппаратуру. На беспроводную связь он решил не надеяться и теперь кряхтел и чертыхался, протаскивая кабели через узкие лючки.

Эксперт подошел к Локшину.

— Павел Викторович, ведь это же чудовищный риск! Я не знаю что у вас за система, может быть, она обеспечивает стопроцентный перехват, но всегда же есть неучтенные факторы. Ну, я-то ладно, а остальные члены комиссии? Они здесь при чем?

— Конечно, риск! А вы как думали? — Локшин оскалился. — Вы же явились посмотреть, чем я тут занимаюсь и не угрожает ли это вашему покою? Пресса, церковь, наука — все тут. Политика, правда, отсутствует. Вы, Юра, случаем, не политик по совместительству? Нет? Ну, конечно, политики появятся потом, когда вы

им все доложите. И как наука на это смотрит, и как пресса, и как Господь Бог... Приехали смотреть — смотрите! Я показываю. А что касается риска, то вы ведь все же мужчины, даже этот, долгополый. Или в вашем мире мужчины больше не рискуют? В конце концов, вы знали, куда ехали. — Локшин взглянул на спускающихся по лестнице Журналиста и Священника. — Выйдите на волю, пока есть время, полюбуйтесь на моих питомцев. Красавцы, правда?

Павел Викторович открыл бронированную дверь, Эксперт, Журналист и Священник вошли в нее. За дверью была степь. Выцветшее, белесое небо, солнце, желтая трава.

«Как в рассказе Бредбери «Вельд», — подумал Журналист, — сейчас должны появиться львы...»

Снаружи приземистые машины со странными устройствами на башнях неуклюже маневрировали, образуя правильный круг. Над машинами беличьими хвостами торчали пылевые шлейфы. Ветер быстро сносил пыль, она стелилась по степи длинными параллельными полосами. Казалось, машины дымятся и вот-вот должно появиться пламя. Журналист видел такое в фильмах о войне.

Наконец машины встали. Все стихло и замерло. Любопытные суслики вылезли из нор, постояли столбиками и отправились по своим делам. Журналист напоследок снял сусликов, для колорита, вернулся в бункер, уцепил со стола бутылку воды, и вместе с остальными членами комиссии прошел в командный отсек.

Локшин склонился над пультом, установленным в центре помещения. Рядом из пола вырастала метровая полусфера объемного экрана, пронизанного координатной сеткой. С экватора полусферы почти одновременно поднялись рои светящихся точек.

«Надо же! Трехмерный экран, — с уважением подумал Журналист. — Это что, тоже оттуда?»

Он вдруг поймал себя на том, что воспринимает старика с его техникой, как представителя иной цивилизации. Той, которой уже нет. Мысль показалась забавной, хотя и немного жутковатой.

— Пошла первая волна, — сказал Локшин. — Мы вот здесь.

Он ткнул пальцем в центр. Рука прошла сквозь полусферу, окрасившись нежно-голубым. На ней причудливо змеились искаженные координатные линии. Светящиеся точки медленно поднимались с краев, образуя сжимающееся кольцо. Края кольца лохматились, за ними образовалось пустое пространство, исчерченное координатой сеткой. С экватора полусферы тем временем поднялась новая волна. Теперь два светящихся кольца двигались друг за другом, через некоторое время к ним добавилось третье. Траектории огоньков, образующих первую волну, уже стали заметно изгибаться к центру объемного экрана.

Журналист как завороженный смотрел на полусферу.

— Ракеты различных типов. В основном «земля-земля». Он собрал все, что могло летать. Во всяком случае, пригодных к использованию ракет здесь больше не останется. Хоть какая-то польза... — пояснил Эксперт.

Журналист поежился. Священник наблюдал за экраном на удивление спокойно, словно видел такое не в первый раз и считал это если не баловством, то уж суетой наверняка.

Экран вспыхнул разными цветами. Центральная область налилась красным, дальше от центра светились синяя и голубая области пространства.

— Зоны обнаружения, целеуказания и перехвата, — прокомментировал Локшин.

Первое кольцо вошло в красную зону. Бункер дрогнул. Мохнатые клубки над башнями окружающих его стальных чудовищ разбухли, сверкнули белым пламенем и рванулись к горизонту, соединенные сверкающими, пульсирующими пуповинами со слепящими комками, пляшущими меж щеток. Надсадный вой спрессовал воздух. По экрану от центра навстречу огонькам метнулись фиолетовые полосы. Горизонт вокруг вздыбился и почернел, как будто степь накрыли мохнатым колпаком с рваной дырой на макушке. В небе засверкали вспышки.

— Первая волна — поражение сто процентов, — сказал Локшин. — Учитесь, ребятки!

Машины опять взвыли.

— Вторая волна — сто процентов!

«Глаз тайфуна, — подумал Журналист, — где-то я об этом читал...» — Вой мешал вспомнить где. Он перемежался короткими паузами, болезненными от ожидания.

— Третья волна — сто!

Наконец все закончилось.

Старик в выцветшем комбинезоне торжествующе посмотрел на притихших членов комиссии.

— Ну что? Неплохой подарок человечеству от старика Локшина?

— Зачем все это? — спросил Священник.

— Да, зрелище, конечно, эффектное, — поддержал его Журналист. — И все-таки, зачем? Все, что надо для защиты, у России и так есть. Да и нападать на нас никто вроде бы не собирается. Мы ведь теперь часть мировой цивилизации, кого нам бояться? Инопланетян?

— Почти, — сказал Эксперт. — Почти часть.

— Как? — переспросил Журналист. — Что значит «почти»? Ну, пусть «почти», но ведь мировой же! А скоро станем без всяких «почти», полноправной частью. Это ведь так здорово, быть частью огромного мира!

— Смотря какой частью, — пробормотал Эксперт. — Впрочем, вы, наверное, правы. Да и вообще, наше дело увидеть, записать и доложить. А выводы сделают другие. На основе наших докладов. Так что нам, наверное, пора.

— Как же так, — встрепенулся Локшин. — А банкет по случаю успешного «Звездного»? Нет, ребята, и не думайте. Что там решит ваш Совет, не знаю, но нарушать традиции, это, знаете ли, последнее дело. К столу, товарищи!

Журналист поморщился, но быстро поправился, улыбнулся и поднял рюмку. В конце концов, все закончилось и слава Богу.

«Я жив, — подумал он. — Как хорошо, что я жив! А ведь мог погибнуть!»

Теперь ему стало страшно.

«Надо будет в церкви свечку поставить. Уж лучше заделаться папарацци и строгать скандальные репортажи о пьяных зна-

менитостях. Конечно, и там можно в морду получить, но это, во всяком случае, не смертельно! Бог спас! Своего спас и нас заодно!»

Он с благодарностью посмотрел на Священника, меланхолично выбирающего шпротину из банки.

— Ну, будем, господа! — сказал Журналист.

7

Взвыло. Священник уронил на подол своей рясы ломоть консервированной семги, перекрестился и принялся счищать следы масла носовым платком.

— Это еще что такое? — вскинулся уже слегка нетрезвый Журналист. — Эй, там, выключите музыку! У нас разговор...

Эксперт посмотрел на Локшина. Тот торопливо выскочил из-за стола и бросился к экрану.

— Вы забыли выключить систему, — заметил Эксперт. — Кстати, что там случилось?

— Или это сюрприз? — хихикнул расхрабрившийся Журналист. — Сюрприз сюрпризом, а батюшку пугать негоже, а то он вас того... отлучит.

— Боевая тревога, — трезвым голосом сказал Локшин. — И я здесь совершенно ни при чем. Хотя и ожидал чего-нибудь в этом роде. Ракеты идут с юго-запада, а там...

— А там миротворцы из Америки и Европы! — радостно продолжил Журналист. — То есть как это? — запнулся он, видимо, сообразив наконец что-то. Там же чужая территория. Откуда же ракеты? Или гениальные конструкторы так шутят? То есть генеральные...

Эксперт подошел к экрану.

Точек было много, они стелились по дну крана с какой-то бестолковой целеустремленностью, хаотически меняя курс и тем не менее уверенно приближаясь к центру.

— Боевые роботы-камикадзе, — понял Эксперт. Последний вопль военной мысли. Для большинства радаров невидимы. Интересно, что за СОЦ* такую изобрел Локшин?

* СОЦ — система обнаружения цели.

Старик включил систему автоматического сопровождения целей и теперь напряженно вглядывался в рассеченный цветными плоскостями трехмерный экран. Наконец он довольно хмыкнул и сказал:

— Что ж, господа, сами виноваты! Будет вам подарочек от серба Николаса Тесла*, упаковка и доставка моя. Как вы любите говорить — пиццу заказывали? Получайте!

Наверное, сверху со спутника это выглядело как чудовищных размеров велосипедное колесо с пылающими спицами, упавшее на землю. Но спутников-шпионов над территорией Локшина уже не было, он уничтожил их еще утром, до приезда комиссии. Не то, чтобы старик боялся, что его секреты будут разгаданы международными военными спецами, а просто не любил, когда за ним подсматривают, пусть даже и с неба. Приезжайте и смотрите.

С беспилотными роботами-камикадзе и крылатыми ракетами, похоже, было покончено. Локшин вернулся к столу и налил себе коньяку.

— Вот что, — сказал он серьезно. — Все что нужно, вы увидели, а теперь пора и честь знать! Я полагаю, что те, кто вас сюда послал, догадывались, что вы здесь обнаружите. А теперь, дорогие товарищи, прошу меня извинить. Дела. И чем скорее вы доберетесь до Москвы и сообщите о моих работах кому следует — тем лучше для нас всех. Прощайте!

Внезапно система оповещения снова рявкнула. На этот раз коротко и даже как будто удивленно.

— Ракеты с северо-запада, — буднично сообщил Локшин. — Немедленно уезжайте, я же сказал! У меня осталось совсем мало энергии, вы что, не поняли?

— Но там же Россия, — неуверенно начал Журналист. — Они же знают, что здесь мы!

— Какая теперь разница! — Эксперт ухватил Журналиста за плечи и подтолкнул к выходу. — Ступайте в машину!

Журналист топтался у двери в бункер, как будто пытался вспомнить что-то важное, потом махнул рукой и вышел в тамбур.

---

* Великий физик, по национальности серб.

Священник помеллил немного, потом перекрестил Локшина, склонившегося над пультом, старик удивленно посмотрел на него, потом понял и кивнул. Снаружи снова надсадно завыли сирены воздушной тревоги.

«Зачем они воют, и без них тошно, — подумал Эксперт. И сам себе ответил: — Наверное, полагается по-инструкции, вот и воют».

На экране появилось острая желтая струйка, медленно двигающаяся к центру. Локшин оторвался от пульта, схватил Эксперта за плечо.

— Не успевают зарядиться емкости... Часть ракет пройдет... Вам надо уходить немедленно. Я обеспечу коридор. Ступайте же, я сказал!

— Прощайте, Павел Викторович, — пробормотал Эксперт и схватил впавшего в ступор Журналиста за локоть.

— Бегом, — скомандовал он.

Они выскочили из бункера и бросились к бронемашине. Бой прекратился. Машины Локшина, сломав кольцо, перестраивались клином. Дырявое небо было похоже на шкуру пса-долматинца, но черные пятна понемногу рассасывались. Эксперт подождал, пока Журналист со Священником заберутся в машину, потом скомандовал:

— Люки по-боевому.

— Что? — не понял Журналист.

— Закрыть люки, я сказал.

Журналист еще возился со стопором, когда машина сорвалась с места и пошла в степь, обходя взревывающий моторами клин. За спиной заревело уж совсем невообразимо, таких звуков и не бывает в природе. Горизонт в триплексе вспучился гигантским пузырем и лопнул. Эксперт погнал машину в крутящееся марево.

— Камеру я забыл, камеру, и ноутбук свой с записями, одна флешка только и осталась, там, где суслики... — голос Журналиста в наушниках шлемофона был растерянным. — Забыл все... Без доказательств нас никто и слушать не будет! Может быть вернемся?

— Нас и так никто слушать не будет, потому что нас никто назад не ждет. Вы что не поняли, идиот? Через десять минут там ничего не останется. Забудьте о Вашей камере и ноутбуке.

— То есть как ничего? А у этого... Локшина, у него что, никаких шансов?

— Никаких. Он прокладывает нам коридор, а значит, все, что вне коридора, обрушится на его голову. Там трава двадцать лет расти не будет.

— Но... — Журналист хотел что-то сказать, но Эксперт оборвал его:

— Заткнитесь, Вы мне мешаете.

Машина прыгала, временами становилась дыбом. Что-то скрежетало под днищем, лязгало по броне. Каждый выступ в боевом отсеке норовил ударить в висок. В борт грохнуло чем-то тяжелым, так, что бронемашина пошла юзом, но Эксперт выровнял ее, и снова началась скачка по степи.

В шлемофоне зашипело, потом далекий голос Локшина прокричал: — Все, ребята... Спасибо, что навестили... Простите, если что не так... — И тотчас же позади вскипело, как в чудовищном котле. Машину подбросило, какое-то время она летела, заваливаясь на нос, потом грохнулась так, что болезненно скрипнули торсионы подвески. На броню тяжело ухнуло что-то мягкое, и все погасло.

В двухстах метрах над ними, сбитый взрывной волной с курса беспилотный робот-камикадзе, потеряв основную цель, уже падая, переключился на цель второстепенную и наконец лопнул, как бешеный огурец, засеяв гектар горящей степи сотнями вольфрамовых стрел.

8

Священник очнулся во вскрытой коробке корпуса, освещенной лучами солнца, бьющими сквозь многочисленные дырки в верхней броне. Косые световые столбики покачивались перед глазами, в них деловито кружились красноватые пылинки. Под веками саднило. Дышать было больно. Его тут же стошнило кровью, натекшей в горло из разбитого носа. Путаясь в рясе, Свя-

щенник попытался подняться, но наткнулся на какую-то железку, торчащую из пола, и снова упал. Подол рясы был прибит к броневому листу чем-то вроде толстого гвоздя. Тогда он оторвал полу, встал на четвереньки и на ощупь попытался открыть нижний люк. Люк не открывался. Священник снова лег, собираясь с силами. Дышать становилось все труднее, духота сжимала виски. Он переполз через чье-то тело, наверное, Журналиста, потому, что Эксперт остался впереди, в отсеке водителя, дотянулся до грубой стальной рукоятки десантного люка, обернул его полой рясы и навалился всем телом. Рукоятка подалась, как будто сорвалась со стопора. Священник упал и по пологому полу скатился на Журналиста. Отжатый пружиной кормовой десантный люк приоткрылся. В щель посыпалась земля. Священник снова дополз до люка, разгреб сухую землю и вылез. Бронемашина, завалившаяся носом в воронку, была засыпана землей, торчала только корма. Священник понял, что землю с кормы снесло взрывной волной. Было тихо. Вокруг изуродованной бронемашины, прямо в теле степи зияло множество оспин со стеклистыми глазками в центре. Священник не стал раздумывать, что за насекомые оставили такие страшные укусы — было и прошло. Багровый, как раздавленный глаз закат распухал среди черных лохмотьев гари, медленно падающих на степь. Священник отдышался немного и полез обратно в машину, чтобы вытащить Журналиста. Журналист дышал. Подбородок и грудь его были залиты запекшейся кровью. Глоток воды, влитый Священником в разбитые губы, вызвал приступ кашля и рвоты.

— Не будет от него помощи... — подумал Священник. — Господи, помоги!

Он выпутался из неудобной рясы, обдирая бока, пролез по узкому лазу в отсек механика-водителя и на ощупь освободил тело Эксперта от ремней. Крыша отсека была пробита в нескольких местах, люк вдавлен внутрь, туда насыпалась земля, и лицо Эксперта было в крови и земле. Священник взял его под мышки и потащил из отсека, мертвый Эксперт все время за что-то цеплялся, тело приходилось дергать изо всех сил, чтобы вытащить, и это бесило. «Не знал, что на мертвых можно злиться, —

подумал Священник, — оказывается — можно, Господи, прости мою душу грешную!» Когда он, залитый кровью и облепленный землей, показался из люка, Журналист сидел на земле и монотонно мычал от боли. Священник положил Эксперта на сгоревшую траву, сложил ему руки на груди и прикрыл черное, оскаленное лицо с мертвыми глазами куском брезента.

Потом он повернулся лицом к дотлевающему закату, встал на колени и начал молиться.

Когда немного в стороне, курсом на уничтоженный полигон прошли несколько армейских вертолетов, сопровождавших гражданский, они предпочли спрятаться и не рисковать. Наконец стемнело. Священник снял с себя крестик и повесил его на шею убитому.

— Тебе нужнее, — серьезно сказал он. И журналист понял и промолчал.

Вдвоем они похоронили Эксперта в небольшой воронке рядом с бронемашиной.

Они шли по степи целую ночь, понимая, что возвращаться им некуда.

Наутро их подобрал казачий разъезд, отбивший у кочевников угнанный табун, и отвез в станицу.

Драко Локхард
СВИНЦОВЫЙ КОВЧЕГ

Смотри, огромное море...
Ты видишь точку вдали?
Смотри, бездонное небо,
К нему прикован твой взгляд...
Смотри, приблизилась точка,
Ты видишь — это корабль,
А там бескрайнее небо,
Что видишь ты в высоте?

Наутилус

Он двигался с плавностью ледника, скользящего к цветущей долине, столь же неотвратимо и страшно. Оружие в его руке дрожало мелкой, едва видимой дрожью, холод покрывал глаза безжалостным узором. Сегодня до восхода солнца многие жизни прервутся. Он постарается, чтобы их было больше.

В душе царила абсолютная пустота. Там не осталось ничего, ушла даже боль. Его предупреждали, что так и будет, но страх умер одним из первых, опередив остальные эмоции. Теперь он просто шагал по тропе, чувствуя, как оружие оттягивает руку.

Раньше он кого-то боялся, кого-то любил... Это осталось в прошлом. Сейчас он только ненавидел. Его мир сузился до узкой, прямой и очень, очень холодной тропы, и он знал, что на том конце — пропасть, и ему было все равно. Лишь бы успеть.

© Драко Локхард, 2008

Сделать то, ради чего — теперь стало ясно — он в муках явился на этот жестокий свет.

Ритмичное дыхание идущих следом звучало подобно песне кузнечных мехов. Он слушал, вспоминал, и частичка его сердца по-прежнему сжималась от горечи. Сколько же пришлось пройти, прежде чем им открылась жуткая тропа, ведущая в пропасть... Сколько боли, сколько ненависти — и сколько любви осталось позади! Любовь могла бы залечить раны в их душах, если бы ей позволили.

Но тогда источник ненависти останется цел. А это значит, что сотни, тысячи жизней будут обрываться в мучительной агонии, год за годом, столетие за столетием. Он вызвал в памяти одну из сжигавших его картин, и оружие дрогнуло сильнее.

Шли молча. Когда впереди открылась цель, солнце поспешило скрыться за горизонтом, не желая ни видеть, ни слышать, ни думать о том, что должно было скоро произойти.

Солнцу на следующий день вновь предстояло светить...

1

Ржавые прутья торчали из обломков эстакады как ссохшиеся, окровавленные сухожилия. Низкие хлорные облака ядовито-желтого пара клубились над горячим озером, вспученной кожей отражаясь в его мутной воде, наполняя и без того смертоносный воздух невыносимым зловонием. Маслянистая пленка на камнях меняла цвет с каждой волной.

Медведь сидел под нависшим осколком древней магнитной дороги и наслаждался теплом, тянувшимся от горячей воды. Погода сегодня была хорошей. Серый снег сходил на нет в десятке метров от берега, ветер гнал поземку из отяжелевшего влажного пепла. Под его напором провода и обрывки тросов, свисавшие с эстакады, извивались как змеи с раздавленными головами.

Вой ветра едва проникал сквозь шлем скафандра; тяжелое дыхание Медведя и ритмичное жужжание моторчика снегоочистителя почти забивали остальные звуки. Но это не страшно, поблизости от озер краты не летают. Запах хлора столь же противен им, как и людям.

Медведь взглянул на часы, мысленно выругался и еще раз пересчитал канистры. Семь полных, одна на треть. Удачный рейд, теперь можно целый месяц отдыхать. Давно пора... Медведь чувствовал слабые угрызения совести за то, что так гонял пацана. Конечно, для него здесь дом родной, но все же... Парню ведь едва перевалило за двенадцать. Сам Медведь в таком возрасте даже на поверхности еще не бывал.

— Талли, завязываем, — произнес грузный, широкоплечий пожилой мужчина в белом защитном скафандре. Его длинные седые волосы были собраны под шлемом в хвост, глаза скрывал светофильтр. Скуластое лицо никто не назвал бы красивым.

— Я сейчас! — звонкий голос из наушников заставил Медведя поморщиться. Давно пора починить приемник, так и оглохнуть недолго.

— Талли, нам пора.

— Ну еще минутку! — в голосе мелькнуло напряжение. — Я почти... Отбил... Есть! Возвращаюсь.

Из озера вынырнуло странное пучеглазое существо с толстыми, неловкими лапами и волнистой коричневой кожей. Медведь включил лебедку и выволок термический скафандр на берег. В одном из манипуляторов мрачно алел крупный булыжник.

— Смотри, какой самородок! — Талли протянул камень. — Там и поболь...

Медведь отпрянул:

— Выбрось! — резко приказал он. — Быстро и сильно, дальше от берега!

Мальчик запнулся. Но жизнь давно приучила его к осторожности, и сейчас, ни словом ни возразив, он неуклюже махнул рукой, бросив булыжник в воду. Медведь оттащил скафандр Талли назад.

— Не трогай то, с чем не знаком, — терпеливо сказал он, когда мальчик раскрыл зажимы на плечах и откинул шлем. — Эти камни называются бурсы. Они твердые лишь в воде, на воздухе плавятся. Мог лишиться руки.

Талли молча кивнул. Он отличался от своего приемного отца, как снег от огня. Высокий, гибкий, его бледная белая кожа каза-

лась прозрачной, на плечи ниспадали гладкие темно-серые волосы. Длинное и узкое лицо Талли, острые уши, серебристые миндалевидные глаза и неестественно длинные, хрупкие на вид пальцы, не оставляли сомнений в родстве мальчика с очень редкими и таинственными мутантами, которых люди прозвали «зоннерами».

— Проверь уровень, — попросил Талли. Медведь отцепил с пояса счетчик и дотронулся сенсором до шеи мальчика. Цифры на дисплее отразили более чем восьмикратную смертельную дозу облучения — смертельную для человека.

— Все в порядке, — буркнул Медведь. — Снимай жакет и лезь в кузов под душ.

Мальчик вздохнул.

— А можно, я пока посижу в скафандре?

— Лезь, не бойся. Я прогрел машину заранее.

Талли просиял:

— Спасибо! — юрко выскользнув из термокостюма, он голышом поскакал по снегу к массивному вездеходу, спрятанному в ближайшей воронке. Тяжело покачав головой, Медведь принялся собирать вещи.

За минувшие дни дорога, прорезанная плазменным грейфером, вновь обледенела и скрылась под толстым слоем серого снега. Вездеход медленно полз сквозь ночь, содрогаясь от чудовищных порывов ветра. Молнии непрерывно рассекали небосвод, время от времени били в машину, наполняя кабину зловещим гулом, стеклоочистители беспомощно метались перед глазами. Медведь чувствовал, как под гусеницами вездехода хрустит ледяной пепел.

Он был уже стар, ему перевалило за сорок. Немногие люди могли похвастать столь долгой и успешной жизнью. Прозвище Медведь он получил за необоримую, дикую природную силу, позволявшую ему голыми руками гнуть траки от гусениц и рвать брезент; настоящее имя — Айван — давно никто не употреблял.

Почти никто. Медведь покосился на Талли, уютно свернувшегося прямо под пультом управления. Там находился раструб обогревателя кабины, а мальчик, как и все зоннеры, очень любил тепло.

Несколько лет назад они раскопали чудом сохранившийся визор, где среди кристаллов нашелся фильм про животных. Увидев кошек, Медведь был поражен. Сейчас, глядя на спящего мальчика, старый охотник не впервые поймал себя на мысли, что в Талли есть очень многое от тех грациозных, давно вымерших тварей. Возможно даже, в первые десятилетия после Падения какой-то безумец создал зоннеров из кошек...

— Что случилось, Айван? — не раскрывая глаз, внезапно спросил Талли.

Медведь вздрогнул:

— Ничего.

— Ты смотрел на меня.

— Размышлял.

— О чем? — Талли открыл слегка вытянутые серебряные глаза и улыбнулся.

Медведь покачал головой.

— О всяком. — Он вздохнул. — Спи дальше. Ураган скоро кончится, утром могут появиться краты. Лондон всего в трех сотнях лиг отсюда...

Талли сел.

— Пролетит над нами? — спросил он серьезно.

— Да.

— Мы успеем вернуться?

Медведь ощерил неровные зубы в ухмылке.

— Если не помешают.

Мальчик выбрался из-под пульта и уселся в кресло второго пилота. Закутался в теплую накидку.

— Айван, а ты бывал под городом?

Старый охотник покосился на Талли.

— На поверхности?

— Ну да.

Медведь отвернулся.

— Я жив, — сказал он угрюмо. — Значит, не бывал.

Вездеход качнуло на глубокой трещине, Талли пришлось вцепиться в подлокотники. Медведь привычным движением выпрямил машину.

— Если ты на поверхности, прятаться негде, и приближается город, заройся в снег, — посоветовал он хмуро. — Заройся глубоко, как только сможешь. Это все равно не спасет, но... Так спокойнее. Можно верить, будто есть шанс.

Талли подался вперед:

— А шансов совсем-совсем нет?

— Совсем, — резко ответил Медведь. — Сенсоры просвечивают снег на десять метров. Впрочем, у таких, как ты, один шанс все же есть... — Он обернулся к мальчику. — Детекторы не найдут человека в зоне сильного излучения. Запомни, если случится так, что мы не успеем в убежище, выбирайся из машины, раздевайся и беги к ближайшей воронке. На тебе не должно остаться ничего металлического или пластикового.

Талли помолчал.

— Я замерзну.

— В воронках всегда тепло, — хмуро ответил Медведь. — Подождешь там... пока со мной закончат, потом забери из машины скафандр и дуй в убежище.

Некоторое время слышен был только вой урагана снаружи. Мальчик зябко кутался в накидку.

— Над моим островом города не летали, — сказал он внезапно. — А здесь... Будто плохой сон...

— Кто бы нас разбудил, — буркнул Медведь.

— Неужели это везде? Во всем мире — так?

Старый охотник покачал головой.

— Только на поверхности.

Талли сжал кулаки.

— Другого дома у нас нет!

Медведь усмехнулся.

— Ты не хуже меня знаешь, как попасть в город. Будешь жить сытно и спокойно... Одни заботы от этой «свободы». — Он передернул плечами. — Чем старше я становлюсь, тем чаще над этим задумываюсь.

Талли отпрянул.

— Айван, с тобой все в порядке? — спросил он тревожно.

Медведь хотел сплюнуть, но вспомнил, что очиститель кабины давно сломался, и лишь выругался сквозь зубы.

— Слишком в порядке, — отозвался он угрюмо. — Спи. Утром придется работать за четверых.

Притихший мальчик кивнул и вновь забрался к себе под пульт. Вездеход мерно покачивался на застывших волнах вскипевшей земли.

2

Тучи смущенно порозовели, встречая обнаженное солнце, и сомкнулись плотнее, оберегая наготу светила от бесстыжих взглядов людей. Перепад температуры, как всегда, вызвал кратковременную метель, но за ночь ураган уже разметал весь рыхлый снег, и воздух быстро очистился. Медведь бросил взгляд на шкалу термометра.

— Плохо, — пробормотал он, отметив заметное потепление. Теперь краты появятся наверняка. Вопрос лишь, сколько и как хорошо вооруженные... А до убежища предстояло ехать еще пару часов.

Круглый экран радара пока оставался чистым, однако это ничего не значило. Радиус действия установки не превышал полулиги, чтобы ее труднее было засечь из пролетающего вдали города. Кроме того, Медведь знал, что некоторые краты ни во что не ставят сам процесс охоты и ценят лишь трофеи. Такие могли затребовать со спутника карту перемещений дичи и с двух-трех лиг запустить в вездеход ракету...

— Эй. — Медведь толкнул спящего мальчика. — Вставай.

Сонный Талли выбрался из-под пульта и уселся в кресло второго пилота. Зевнул, бросил взгляд на термометр... Огляделся сквозь обледеневшие окна кабины.

— Оттепель?

— И ветра нет. — Медведь вздохнул. — Вот что, парень. Одевайся теплее, садись на сани и жми обратно по нашему следу. В лиге от машины брось чаффу и полным ходом обратно.

Удивленный Талли обернулся:

— Разве у нас еще остались чаффы?

— Есть... Парочка... — неохотно признался Медведь. — Думал сберечь...

Мальчик уже напяливал толстый вектильный комбинезон.

— А может, пронесет?

— Слово «может» убило больше охотников, чем краты. — Медведь грузно выбрался из кресла и положил тяжелую руку на хрупкое плечо Талли. — И вот еще. Возьми радар и карту. Увидишь, что меня засекли — даже не думай возвращаться, гони в убежище.

— Ясно, Айван. — Талли серьезно кивнул. — Удачи тебе.

— Крату под хвост, — буркнул Медведь.

Он помог мальчику выгрузить тяжелые аэросани и несколько секунд стоял в дверном проеме, глядя, как вдали исчезает сверкающий снежный вихрь. Вездеход неторопливо полз вперед. Слишком неторопливо для такой погоды.

Вернувшись в кабину, Медведь отключил все контуры, которые можно было засечь издали, довел обороты турбины до предела и слегка изменил курс, рассчитывая выиграть пару минут. Мысли бросить вездеход у него даже не возникло; эта машина кормила и спасала стольких людей, что легче было погибнуть в когтях развлекающегося крата. Старый охотник не заметил, как на гаснущем экране радара возле яркой блестки аэросаней появилась другая, маленькая и тусклая.

Талли в это время наслаждался гонкой. Ему редко доводилось управлять машинами, даже в убежище, слишком уж редкими и ценными были работающие аппараты. Однако шалости или бессмысленное лихачество мальчика не влекли: он знал цену опасности. Дома, на острове... Пока у него был дом... Пока не прилетели эти чешуйчатые гады...

Талли встряхнулся. Прошлое не вернуть. Отомстить за родителей он сможет, лишь когда вырастет и научится у старого Медведя всему, что тот знает. Мальчик глубоко уважал своего мрачного опекуна, хотя полюбить его так и не сумел. Однако он отлично знал, сколь многим рисковал Медведь, когда взял на воспитание полумертвого детеныша-мутанта. И еще Талли знал, какая судьба его ожидала, окажись в ту ночь рядом с разбитой машиной другой человек...

Спидометр отметил полную лигу, и мальчик резко развернул сани, заставив их пойти юзом. Маленький радар, примо-

танный к рулю изолентой, обладал слишком низкой чувствительностью, чтобы засечь вездеход в лиге отсюда, поэтому Талли с некоторым удивлением заметил слабый, размытый сигнал в том направлении.

«Что-то отражает», — решил он, выбрался из саней и быстро закопал в снег небольшую черную коробку. Но едва чаффа заработает, радар ослепнет, поэтому, прежде чем включить ее, Талли вернулся к саням и еще раз взглянул на припорошенный серым инеем экранчик. Сигнал явно приблизился, однако оставался столь же нечетким. Словно...

Мальчик вздрогнул всем телом. Он уже видел такой сигнал, в ночь когда погибли его родители. Совсем близко отсюда, менее чем в трехстах метрах, искал добычу «скорпион».

Талли совершенно автоматически бросился к саням, прыгнул в седло и уже коснулся кнопки, когда до него дошло, что робот охотится не за вездеходом, а за ним. Это, должно быть, был очень старый или поврежденный «скорпион», иначе радар никогда бы его не обнаружил. Если вернуться к Медведю, робот пойдет по следу и уничтожит вездеход...

Молодой зоннер в отчаянии огляделся. Увиденное его не обрадовало. Метрах в ста на север начинались руины какого-то довоенного поселения, осколки стен торчали из снега ребрами мертвых животных. Рухнувшая эстакада магнитной дороги, вдоль которой они с Медведем добирались к озеру, здесь уже полностью ушла под землю. Никакого укрытия, даже воронок поблизости не было.

Из оружия у мальчика имелся только пистолет и одна небольшая граната, против бронированного «скорпиона» — все равно что иголка против крата. Шансов не было. Хотя...

Вскочив, Талли бросился к месту, где закопал чаффу, вытащил ее и быстро вернулся к саням. Двигатель взвыл на максимальных оборотах. Едва удерживая равновесие, Талли домчался до руин неизвестного поселка и резко затормозил у стены здания, которое сохранилось лучше других. Если повезет... Очень повезет...

Он толкнул сани под самую стену, вывинтил крышку топливного бака, сорвал с руля радар и изолентой примотал грана-

ту к горловине. К счастью, мальчик всегда носил с собой моток проводов на случай поломки электрооборудования.

Талли привязал провод к кольцу гранаты и, двигаясь как можно быстрее, отступил под прикрытие ближайщего куска стены. Прикрытие было весьма жалким, ну да ничего, «скорпионы» никогда не отличались интеллектом, а здесь наверное будет одна из первых моделей. Лишь бы взрыв не привлек крата или другого робота... Глубоко вздохнув, Талли быстро зарылся в серый снег. Теперь оставалось только ждать.

Минуты тянулись бесконечно. Талли нервничал, опасаясь, что робот не заметит отсутствия человека в санях и уничтожит их издали. Но ему повезло. Вскоре послышался слабый шум воздуха и справа, метрах в двадцати от затаившегося мальчика, из снежной пустыни возникло жуткое серо-белое чудовище.

Такого старого «скорпиона» Талли не видел даже в учебной книге. Робот, видимо, не раз и не два участвовал в боях, его панцирь был сильно погнут и даже пробит в нескольких местах. Мягкая брезентовая подушка, призванная уменьшать шум от глайдерного движителя, так истрепалась, что больше походила на бахрому, смертоносный «хвост» с дальнобойным лазером был перебит и укреплен заново ржавыми распорками, неловко приваренными к боковым ребрам жесткости. Увидев эти распорки, Талли сразу догадался, что именно засек его радар.

Однако даже такой полусломанный «скорпион» оставался страшным противником. Обе камеры объемного зрения на передней части машины функционировали. Обнаружив пустые сани, робот подлетел к ним вплотную, выпустил тонкие опоры и отключил нагнетатели.

Из люка между камерами выдвинулось щупальце с сенсором запахов. Талли ощутил, как сердце забилось сильнее. В ту ночь... Ребенок лежал между трупами родителей, покрытый их кровью, и «скорпион» его не засек. Эта... Проклятая железяка!

Ненависть рванулась в горло обжигающим свинцовым потоком. Талли молча дернул за провод. Щелканье чеки заставило робота мгновенно втянуть щупальце и развернуть лазер к саням, однако нагнетатели были уже выключены, и скрыться «скорпион» не успел.

Сильный взрыв подбросил старого робота, выворотив ему левый борт. Аэросани разметало в клочья. Тем не менее, хотя «скорпион» сильно пострадал, уничтожен он не был, и Талли уже готовился к последнему сражению, когда подрезанная взрывом стена тяжело накренилась и рухнула, похоронив робота под обломками.

— Хэйя! — Талли издал торжествующий вопль. Выбравшись из укрытия, он, не удержавшись, подбежал к дергающемуся роботу и пнул его ногой. Потом, спохватившись, вытащил ключ, быстро отвинтил держатели на борту «скорпиона», открыл люк и повернул металлический тумблер. Сервомоторы последний раз взвизгнули.

Только теперь пришел страх. У мальчика подкосились ноги, он сел прямо в снег рядом с неподвижной машиной. Вокруг догорали брызги топлива из взорванного бака аэросаней. Несколько минут Талли тяжело дышал, пытаясь справиться с волнением.

Он не сразу заметил, что за рухнувшей стеной неизвестного здания лежало что-то очень странное.

Эстакада магнитки осталась далеко слева. Вездеход с урчанием полз по снегу, заметный с огромного расстояния. К счастью, недолгий штиль уже сменился свежим ветром, гнавшим хлорный туман с горячих озер, и Медведь вздохнул с некоторым облегчением. Поэтому сигнал по аварийной вибросвязи застал его врасплох.

Пару секунд Медведь недоверчиво смотрел на индикатор. Если глаза не врали, его вызывал Талли. Но он же сто раз говорил парню, чтобы не пользовался связью в дневное время! Наверно, что-то случилось...

— Быстрее! — рявкнул Медведь.

— Тут был «скорпион»! — донесся слабый, обезображенный помехами голос. — Я его взорвал! Сани тоже!

Старый охотник мысленно застонал. Он уже надеялся без проблем добраться до убежища...

— Вернись к эстакаде. Я выезжаю.

— Поскорее! — голос Талли был едва понятен. — Я здесь такое нашел! Не поверишь!

— Поверю, поверю... — пробормотал Медведь. Теперь придется ставить машину на автопилот, а самому ехать обратно на вторых аэросанях. Если появятся краты, это будет для них настоящим подарком.

Ругаясь вполголоса, старый охотник натянул антирадиационный скафандр, сменил баллоны с воздухом и выбрался на крышу вездехода. Вторые аэросани были закреплены на внешней подвеске, чтобы последний оставшийся в живых пилот сумел воспользоваться ими в одиночку. Медведь устроился на сидении, пристегнулся, запустил двигатель и повернул рычаг главного зажима. Хлорный туман рванулся навстречу.

Ориентироваться на следы вездехода было легко. Слишком легко. Любой крат выследил бы охотников с закрытыми глазами. Оставалось надеяться, что поблизости их нет.

«Может, пронесет», — вспомнил Медведь и стиснул зубы.

Он домчался до места за двадцать минут. Талли прятался в сугробе. Подбежав к старому охотнику, он уселся позади него в седло и жестом указал направление. Аэросани стремительно подлетели к руинам.

— Смотри, какого «скорпиона» я завалил! — не удержался мальчик.

Медведь только покачал головой.

— Молодец. Вытащи из него батарею.

Пока Талли исполнял приказ, охотник подошел к рухнувшей стене и задумчиво осмотрел то, что за нею скрывалось. Такого он еще не видел. ЭТО напоминало металлический скелет громадного зверя, вроде крата, но совсем иного вида, с остатками крыльев по бокам туловища. Гидравлические цилиндры и трубочки на месте главных мышц не оставляли сомнения, что находка была роботом, однако о таких роботах Медведь даже не слышал, а в этом деле он был специалистом. Единственное объяснение, приходившее на ум, — Талли умудрился отыскать необычайную редкость, довоенного боевого дроида, которые триста лет назад сражались в пылающем небе, где еще не цар-

ствовали краты со своими летающими городами. Медведь невольно присвистнул.

Если перед ними настоящий боевой дроид, то он сохранился лучше всех, о которых старому охотнику доводилось слышать. Скелет не был расплющен или сломан, лишь несколько «костей» казались погнутыми. Остов крыльев напоминал зонтик с оборванной обшивкой, однако ни реактивных сопел, ни винтов видно не было. Самой странной деталью оказалась «голова» — она сидела на гибкой шарнирной «шее» и походила на череп крата, только вдвое меньше нормального и вытянутый назад. Пожалуй, разобрав эту машину, можно будет узнать ее устройство и даже — чем черт не шутит? — попытаться ее восстановить... Ничего себе находка!

Тем временем Талли вернулся с сердцем «скорпиона», массивным радиоактивным цилиндром из ядовито-желтого металла. Медведь помог ему укрепить батарею на левой лыже аэросаней.

— Что думаешь? — спросил мальчик, кивнув на странного робота.

— Повезло.

— Знаешь, его на радаре не видно! — Талли протянул старому охотнику свой прибор. — Словно это и не металл вовсе! Здорово, правда?

Медведь нахмурил брови.

— Странно... — пробормотал он, глядя на экранчик радара.

— Ага, еще как! — Талли счастливо улыбнулся. — Потому его и не нашли раньше. Айван, а как мы его заберем?

— Волоком, — мрачно отозвался охотник. — Вернемся сюда ночью.

— Но... — Талли замер от удивления. — Его же найдут краты!

— Лучше его, чем нас, — буркнул Медведь. — Двигайся, вездеход на автопилоте.

Постоянно оглядываясь, мальчик скрепя сердце занял место в седле рядом с приемным отцом. Аэросани взвыли и рванулись прочь, подняв вихрь сверкающих ледяных пылинок.

Два мертвых робота остались лежать в руинах. Если бы Медведь знал, кого отыскал Талли, он бы трижды подумал, прежде чем сюда возвращаться.

3

— Мама! — Талли вскочил, судорожно озираясь. Тусклая лампа под потолком наполняла каморку мрачным красноватым светом, пахло потом и затхлой водой. Из ниши, выбитой в стене, торчал край ржавого железного подноса, где зеленели тошнотворные клубки мутировавших водорослей.

Глубоко вздохнув, Талли опустился на нары и устало протер глаза. Старые часы, которые он притащил из своего первого рейда с Медведем, невозмутимо показывали шесть часов утра, мультяшная птица на дисплее чистила перышки. Мальчик с трудом успокоил бешено колотящееся сердце.

Встал, привычно склонился к подносу с водорослями. Вкусный, немного одуряющий запах кислорода придал бодрости. Талли вытащил фильтр из настенного поглотителя и вытряхнул его над утилизатором мусора. Мутно-белые кристаллики углерода с шелестом исчезли во тьме.

На верхней полке нар грузно шевельнулся Медведь.

— Чего не спишь? — буркнул он.

Талли поднял голову.

— Сны...

— Пить надо больше.

— Айван, я такого никогда не видел, — забравшись по лестнице, мальчик уселся на край нар. — Даже по визору. Небо... Оно голубое, яркое-яркое!

Медведь привстал на локте и смерил Талли мрачным взглядом

— Голубое небо, говоришь?

— Ага! — Мальчик возбужденно кивнул. — Там было тепло, даже жарко. А море, ты только представь — море было... Ну... — Талли замялся, подыскивая сравнение. — Как мертвая ныршка!

— Чего? — Моргнув, Медведь сел.

— Цвет, ну ты знаешь. — Мальчик нетерпеливо мотнул головой. — Ныршку когда убиваешь, она ведь становится такая.. Ну, серая с зеленым! Вот и море...

Старый охотник тяжело вздохнул.

— Наслушался ты Гинзбургов, парень.

Талли медленно покачал головой.

— Нет, Айван. — Он серьезно посмотрел на приемного отца. — Это не мог быть город кратов.

— Будто ты его видел! — фыркнул Медведь. — Города сверху не такие, как снизу. Они парят над ламинарным слоем, там и небо голубое, и солнышко греет... Что б их всех пережгло в скорлупе... — Он нахмурился. — Спать будешь?

Талли молча покачал головой. Медведь крякнул и поскреб в затылке.

— Тогда одевайся и иди на шестой ярус. У нас сыр кончился.

Мальчик удивленно поднял брови.

— Там же все спят сейчас...

— Ну так разбудишь, — буркнул Медведь. — Как принесешь, ложи в холодильник. Меня не буди.

Кивнув, Талли грациозно спрыгнул на пол и принялся одеваться. Медведь с ворчанием повернулся на другой бок.

В коридоре дул прохладный ветерок, каморка Медведя находилась почти у самых жалюзей ярусного вентилятора. Это, помимо всего прочего, говорило об огромном уважении, которым пользовался старый охотник среди обитателей Шахты 17. Ни на одном из двадцати трех ярусов не было так, чтобы у самого вентилятора устроили персональную каморку: только лазареты да детсады.

Детсад был и тут, за соседней дверью. Талли хотел по-привычке скользнуть мимо, но замер, заметив хрупкую фигурку в белой рубашке до пят. Ребенок стоял у самого вентилятора, зажмурившись и раскинув руки. Поток воздуха развевал длинные серебристые волосы.

Талли с болью стиснул зубы. В Шахте 17, кроме него самого, жил один-единственный зоннер. Ее нашли под тушей убитого крата, на поверхности, около года назад. Никто не знал, сколько времени провела она в снегу, придавленная зловонным трупом ящера. Знали только, что выжила она чудом и навсегда утратила способность говорить.

— Лань, — тихо позвал Талли.

Малышка не шелохнулась.

— Лань, ты простудишься. — Мальчик подошел к ней и ласково коснулся плеча. — Почему не спишь?

Она с трудом отвела взгляд от лопастей вентилятора, мелькавших за жалюзями. В больших глазах — серебристых, как и у Талли — застыло выражение страха и робкой обреченности. Имя Лань ей дали как раз за взгляд. Да и спасли, вероятно, лишь потому, что, посмотрев в эти глаза, только бесчувственный робот или надменный крат мог не содрогнуться.

— Пойдем, я отведу тебя в кроватку. — Талли улыбнулся. Девочка доверчиво взяла его за руку и молча, сосредоточенно кивнула.

Талли долго смотрел на засыпающую малышку. Всякий раз, как он ее видел, в душе юного зоннера подымалась черная, ядовитая ненависть к миру, где они с Ланью обречены были жить. Он — уже двенадцать долгих лет, она — меньше пяти. Сколько же горя можно уместить в столь незаметный срок...

Талли уже шагал по мрачным каменным коридорам, поднимался по грубым лестницам, механически говорил пароль в ответ на оклики ярусных часовых, но в душе его по-прежнему стояли картины из прошлого. Каким-то непостижимым образом они смешивались с памятью о сне, накладывались друг на друга, и Талли видел дохлых кратов, валявшихся в пыли под лучами Солнца, видел стальных «скорпионов», в зловещей тишине мчавшихся над волнами серо-зеленого моря. Он знал, что воздушная подушка «скорпиона» с одинаковым успехом пронесет его и над водой, и над пустыней, и мысленно удивлялся самому себе, столь упорно ищущему рациональное объяснение даже мечте.

Шестой глубинный ярус находился гораздо ближе к поверхности, чем пятнадцатый, где жил Медведь. Это был предпоследний жилой уровень: выше пятого радиационная обстановка уже не позволяла обычным людям долго дышать отравленным воздухом.

Талли несколько минут шел по темному коридору, направляясь к большой молочной ферме, где держали мутировавших животных, когда заметил в одном из ответвлений слабый свет.

Он хотел пройти мимо, но вспомнил, куда вел этот путь, и словно прирос к месту. Любопытство было главной слабостью Талли.

Совершенно бесшумно, подобно туманному призраку, мальчик скользнул в коридор и подобрался вплотную к приоткрытой двери, из которой струился слабый свет. Там о чем-то беседовали люди; Талли прижался к стене и до предела обострил слух.

— ...не могли изготовить краты, — говорил техник по имени Меелин. — Да, тут есть стандартный разъем, но говорю тебе: в основе этой штуки лежит нечеловечья логика. Взгляни хотя бы сюда — скажи, какой инженер в здравом рассудке поставит обратные рычажные колена без демпферов, но с гидротрансформатором? Или эти инжекторы. Такое впечатление, словно когда робот был цел, его покрывала плоть.

— Может, и покрывала... — угрюмо ответил другой человек. Талли вздрогнул, узнав голос капитана Джейсона, командующего вооруженными силами Шахты 17.

— А смысл? — возразил Меелин. — Мы до сих пор гадаем, из чего изготовлен его скелет.

— Фильмы, — внезапно сказал Джейсон. — Может, эта штука не настоящая. Для фильма.

— Но она работает, капитан, — заметил техник. — Я включал его, вытащив процессор; все системы в порядке. Он почти не поврежден, но если вставить процессор обратно, диагностика не проходит. Очевидно, его мозг сожгли импульсом ЭМИ.

— Так что же, пустим на запчасти? — спросил Джейсон.

Меелин помолчал.

— Пока нет, — ответил он после паузы. — У меня еще есть надежда. Если я прав... А я прав... Этот дроид должен быть знаком с нанотехнологией. Слишком странное у него устройство, да и материал явно не металлический. Включим его и погрузим в бак с питательной средой.

— Какой средой?

— Органикой. — Меелин ухмыльнулся. — Используем одного из замороженных кратов. Я добавлю в бак соли металлов и порошок арсенида галлия. Есть шанс... Возможно, он сумеет синтезировать новый процессор.

— Да ну... — недоверчиво протянул капитан Джейсон. — Будь у кратов такая техника, нас бы давно раздавили.

— До войны они тратили миллиарды на военные технологии, — возразил Меелин. — Я видел обломки таких машин, в сравнении с которыми нынешние «скорпионы» не опаснее ныршек. Признай наконец: если бы краты действительно желали нас уничтожить, давно бы уничтожили. Мы полезные. — Он гневно дышал. — Очищаем для них планету.

Капитан долго молчал.

— Хорошо, делай как знаешь, — сказал он наконец. — Только будь осторожен. Если эта штука заработает...

— Все учтено, — поспешно ответил техник. — Я собрал пульт управления.

— Ладно. — Деревянный стул скрипнул, когда Джейсон поднялся. — Мне еще надо проведать пленника.

Меелин тоже встал.

— Как он?

— Грязная тварь! — с чувством бросил капитан. — Всадить бы ему нож в глотку или в промежность... Чертов Гарсиа, на кой ... ему понадобился это ящер, хотел бы я знать!

Послышались шаги. Талли быстро отступил назад и юркнул в дверь мастерской. Джейсон тяжело прошагал мимо, не заметив мальчика.

Юный зоннер беззвучно двинулся следом. Он чувствовал обиду на взрослых, отобравших его находку. В ту ночь, десять дней назад, когда город кратов пролетел над убежищем, они с Медведем отправились к месту битвы со «скорпионом» на грузовых аэросанях. Им повезло; роботов пока не обнаружили. «Скорпиона» разобрали на месте, разбитый тяжелый панцирь никому не был нужен. А неизвестный скелет пришлось тащить целиком, погрузив на импровизированную волокушу. К счастью, как всегда бывает после пролета города, на земле бушевал ураган, так что следов не осталось.

В убежище охотников ожидала семья беглых брэнов Гинзбург и капитан Джейсон. Гинзбурги собирались купить канистры с активированным песком, ради которых Медведь, собствен-

но, и ездил к озеру. Джейсон пришел, услышав о находке робота. Медведю пришлось отдать дроида в лабораторию.

Думая о подслушанном разговоре, Талли сжал губы. Из-за идеи мастера Меелина теперь Медведю придется пожертвовать одним из убитых кратов, которые хранились в вечной мерзлоте на четвертом ярусе. Правда, кратье мясо было жестким и вонючим, его никто не любил, но в случае голода оно могло бы спасти много жизней...

Тем временем Джейсон дошел до лестницы на пятый ярус. Дальше прятаться было невозможно, и Талли, весело подпрыгивая, догнал его и «ненароком» столкнулся.

— Ой, капитан! — Мальчик моргнул. — Я вас не заметил!

— Талли? — Джейсон нахмурил брови. — Что ты тут делаешь в шесть утра?

— Мне не спалось, а у нас кончился сыр, и Медведь отправил меня на ферму, а я увидел свет в коридоре и решил посмотреть, кто еще не спит, а там были вы, и я случайно услышал, что вы идете к пленнику, а можно мне с вами, я хочу посмотреть?! — на одном дыхании выпалил Талли.

Джейсон покачал головой.

— Подслушивать нехорошо.

— Я не подслушивал! — возмутился Талли. — Я шел по коридору и услышал, как вы разговариваете. Можно с вами, капитан? Пожалуйста, ну пожалуйста! Я еще ни разу не видел крата! — «...Живого», мысленно добавил мальчик.

Капитан вздохнул с досадой.

— Ну, пошли. Только молча.

— М-м-м-м! — Талли просиял.

Они подошли к пропускному шлюзу, где Джейсон надел респиратор; воздух на пятом ярусе был уже опасен для простого человека.

Для Талли, как и для кратов, радиационная опасность почти ничего не значила.

4

Пленника держали в старой нефтяной цистерне на краю пятого яруса. Когда люк с лязгом открылся и тусклый желтый свет проник в темницу, обмотанный цепями ярко-красный ящер,

лежавший в углу, с шипением накрыл голову крылом: его держали в полной темноте.

— Ну вот, смотри. — Голос Джейсона из-под респиратора звучал глухо.

Талли смотрел. Живой крат ничем не напоминал картинки или замороженные трупы, хранившиеся в запасниках. Ящер был намертво связан, хвост привинтили к стене несколькими стальными скобами, и все же в нем ощущалась неземная грация и легкость. Талли подумал, что хорошо понимает, почему краты так любят подобные тела: он бы и сам не отказался воплотиться в этого мощного зверя... Проникнуть в город... И рвать, рвать, рвать!!!

— Гадина, — прошептал Талли.

Крат поднял голову, подслеповато моргая.

— Лю-юди... — протянул он низким, с хрипотцой голосом.

Джейсон выругался.

— Да, тварь, люди! — Капитан остервенело пнул ящера в челюсть. Большая голова крата дернулась, он невольно издал шипение. Джейсон ударил его снова.

— Спрашиваю последний раз, погань. В твоих интересах ответить правду. Что ты делал в шахте?

Крат закрыл глаза. Его бока тяжело вздымались.

— Я не тот, кем кажусь, — ответил он с трудом. — Пожалуйста, умоляю, просто выслушайте. Я не врррраг, я прилетел с другой планеты...

Джейсон схватил ящера за рог и рывком повернул его голову к Талли, застывшему у дверей.

— Смотри туда, — с ненавистью бросил капитан. — Видишь мальчика? Всю его семью вырезала одна из ваших машин. Семь лет назад я потерял жену и дочь, когда тварь, похожая на тебя, решила со скуки поохотиться ночью!

Он скрипнул зубами.

— Клянусь памятью дочери, ответь на все вопросы, и я дам тебе быструю смерть, но если опять начнешь лгать о планетах...

— Я не лгу!!! — с такой яростью рявкнул крат, что Талли отпрянул. — Ты, надменная обезьяна! Что значат твои жалкие муки в сррррравнении с судьбой моего нарррода?!

Он мотнул головой, вырвав рог у Джейсона и обратил на капитана взгляд, полный ненависти.

— Ты-ы... — Крат сузил зрачки. — Выслушай до конца! Хоть раз! Я не ваш враг! Я вррраг ваших врагов, они мои враги, вррраги моего ррррода!

Он бешено дернулся, звякнув цепями.

— Здесь была колония! С планеты Корд-4! Давно! До вашей пррррроклятой войны! Теперь все мертвы, все мои ррродичи, их убили, даже хуже, забрррали душшши!

Ящер обратил взгляд на Талли.

— Ты попрррекаешь меня этим детенышшшем? — спросил он, задыхаясь от ярости. — Знаешшшь ли ты, что делают в городах с НАШИМИ детьми?!

Могучее, покрытое чешуей тело крата содрогнулось.

— Я не верррил... — прошептал он. — Глаза отказывались видеть, мозг отказывался думать, серррдце не могло биться! Когда я прилетел... Они... Сначала решили, что я один из них! Я!!! Один из НИХ!!! — Ящер издал такое рычание, что старая цистерна отозвалась резонирующим звоном. Талли невольно прижался к Джейсону.

— Я поступил глупо, — продолжал пленник. — Надо было игрррать в их игрррррры... Пока не проберррусь к кораблю... Но они поняли, они все поняли, когда я разорвал их укрррротителя... Укрррротители!!! — проревел крат. — Они берут наших детей, едва вылупившихся, и выжигают им душшши! Заменяют на обезьяньи! Ты, ты — способен представить?! — Ящера трясло. — Я видел... Фабррррики!!! Ты видел, млекопитающщщщий?!! Ты видел, как жирные обезьяны переписывают свой грязный разум в тела наших детей и живут веками, будто рождены крылатыми?! ОНИ! ОНИ смеют летать!!! — Крат, выпустив когти, процарапал в стальном полу глубокие борозды. — Я, Шерр'кхан, не справился с собой, выдал, подвел весь рррод, я, я, я!

Внезапно, понизив голос, ящер почти спокойно спросил:

— Чем ты грозишшшшь мне, двуногий? Смерртью? Пытками? О, как ты жалок... Я был на фабррррике, где моих родичей ррразводили, будто мясной скот, резали «негодных» детей, выжигали душшши всем остальным. Твои соплеменники, человек, отбра-

ковывают нашшших детей, если они не того цвета, или слишшшком умные, непригодные для... укрррросщения... — Ящер сглотнул. — Полагаешшшшь, после всего ЭТОГО я смогу жить? Я держусссь лишь надеждой. Надеждой сообщщщить домой про вашшш... ад, да? Вы ведь это так называете?

Джейсон с улыбкой потрепал Талли по голове.

— Нравится ящер? — спросил капитан. — Мы уже неделю слушаем его бред. Хотел бы я знать, зачем он понадобился моему заместителю.

Крат яростно дернулся.

— Отпустите меня! Я должен сообщщщить домой!!! Вы не понимаете, здесь же ад! Ад!!! Ад... — Люк цистерны с грохотом захлопнулся, оборвав ящериный голос. Талли глубоко вздохнул.

— Значит, и краты бывают безумны? — спросил он у Джейсона.

Капитан кивнул.

— Как видишь.

— А вдруг он не врет? — с замиранием сердца спросил Талли. — Вдруг он и правда наш союзник?

Джейсон усмехнулся.

— Мы очень хотели в это верить, малыш. Даже взяли у ящера пробу ДНК и выслали агенту в город, чтобы тот проверил в базе...

Талли замер.

— И?..

— ...И он проверил. — Капитан невесело вздохнул. — Талли, мы сейчас говорили с кратом по имени Кларк Эванс, он владелец воздухоочистительного завода и живет в Торонто. Красного ящера последней модели, которого ты видел, Эванс купил полгода назад, когда его предыдущее тело во второй раз сломало крыло и перестало быть надежным.

Талли поник.

— Так он все наврал...

— Конечно. — Джейсон пожал плечами. — Или в самом деле спятил. Я думаю — спятил, поскольку нормальному крату в жизни не пришла бы в голову мысль выдать себя за ящера-носителя, внезапно получившего разум! — Капитан фыркнул. — Редкий бред, правда, малыш?

— Ага, — уныло отозвался Талли. — Капитан, спасибо вам за... экскурсию.

— Ты смотри, слова-то какие... — с улыбкой протянул Джейсон. — Экс-кур-сия... Знаешь, Талли, когда я был в твоем возрасте, из всех жителей шахты читать умели лишь пятеро.

— Не может быть! — Мальчик открыл рот.

— Еще как может, — вздохнул капитан. Они уже подошли к пропускному шлюзу, и Джейсон снял респиратор. — Ладно, малыш, беги на ферму. Медведю передай — мне скоро потребуется один из добытых им кратов, пусть отберет самого гнилого.

Молча кивнув, Талли продолжил свой путь. В душе у него царило смятение.

С памятного разговора в цистерне прошло пять дней, но мальчик никак не мог забыть сумасшедшего ящера. Жизнь после успешного рейда текла неторопливо и скучно, Медведь большую часть дня отсыпался в кровати или неторопливо прогуливался по ярусам, изредка вступая в пустые беседы с такими же, как он, знатными охотниками. Вечера всегда несли с собой домино, карты, не самый приятный запах гидробионики и — скуку, понять которую едва ли смог бы другой человек. Ведь любой человек, в отличие от Талли, всегда ощущал вокруг «своих», и это мощное стадное чувство замечательно успокаивало.

К счастью, Талли нашел себе развлечение: он целыми днями пропадал в лаборатории мастера Меелина, где тот вместе со старшим Гинзбургом пытался починить таинственного дроида. Находка мальчика с каждым днем ставила перед взрослыми все больше и больше загадок.

Дроид и в самом деле использовал нанотехнологии. Едва его погрузили в огромный чан с органическим бульоном из дохлого крата, как вокруг скелета начала непостижимым образом нарастать плоть. Всего за день процесс завершился, и глазам изумленных людей предстало странное существо — нечто среднее между кратом и тяжелым танком. Конструкция робота была лишена всякой логики, бронированные щитки соседствовали с обнаженной плотью и, хотя внешний облик машины поражал своим совершенством, ни малейшего признака рациональ-

ти в ней не наблюдалось. Робот казался декоративной — удивительно красивой и бесполезной — игрушкой, а не боевой машиной. Это в очередной раз подняло вопрос об его истинном предназначении.

— Говорю, бутафория для кино, — утверждал Гинзбург.

— Слишком уж дорогая бутафория... — Мастер Меелин с каждым днем становился все мрачнее, поскольку никаких признаков возобновления мышления дроид не проявлял.

Талли предположил, что перед ними ранняя модель носителя для разума кратов, однако взрослые отмахнулись от этой идеи.

— Такое чудо и сегодня не построить ни в одном городе, — объяснил Меелин обиженному мальчику. — Если б не стандартный разъем на шее, я бы даже сказал, что дроида создали не люди.

— А кто же тогда? — Удивленный Талли оглянулся на сказочно красивую, стремительную машину, безвольно валявшуюся на полу в углу лаборатории.

— Если б я знал, малыш... — Меелин утер со лба пот. — Если б я знал...

Но прошло еще три долгих дня, прежде чем удивительный случай приоткрыл завесу тайны. И в этот раз вновь решающую роль сыграло неуемное любопытство юного зоннера.

Был уже поздний вечер, Гинзбург давно ушел, а Меелин дремал в кресле, уронив голову на грудь. Скучающий Талли возился с кристаллами от визора — ему хотелось вновь увидеть голубое небо, последнее время это превратилось у мальчика в настоящую манию. По левую сторону лабораторного стола тянулся ряд розеток под различное напряжение. Совершенно случайно Талли подключил сетевой кабель в розетку на 480 вольт и в тот же миг услышал за спиной шум. Обернувшись как ужаленный, он успел заметить движение бронированного хвоста дроида — тот приподнялся на полметра и вновь замер в неподвижности. Восхищенно открыв рот, мальчик оглянулся на выключенный визор.

— Блок питания... — прошептал Талли. Бросившись к полке с инструментами, он схватил первый попавшийся трансформатор и, недолго думая, сунул оголенные концы проводов в ро-

зетку. Вспышка и грохот разряда разбудили даже мастера Меелина.

— Талли? — спросил тот, протирая глаза. — Что ты де... О-о-о!

Мальчик тоже потерял дар речи. Они с мастером молча смотрели, как робот в углу медленно поднимает голову, смешно моргая металлическими веками.

— Как? — прошептал Меелин, когда немного опомнился.

Талли кивнул на обугленный трансформатор. Меелин открыл рот.

— Ну конечно, процессор давно сформировался и был отключен... — Не сводя глаз с дроида, он нашарил на столе пульт управления. — Талли, звони капитану...

Мальчик дернулся исполнить приказ, но не успел, поскольку древний робот заговорил. И слова его мгновенно разнесли вдребезги все теории, что строили люди.

— Персональных настроек не обнаружено, включаю базовый профиль «домашний помощник», — бодрым мощным голосом заявил дроид. — Идет анализ локации.

Талли и Меелин переглянулись. Между тем робот пружинистым движением вскочил на ноги — пол даже вздрогнул от такого издевательства — и элегантно поклонился, расправив крылья параллелльно земле.

— Гравитационный анализ подтверждает локацию, — сообщил дроид — Напоминаю, что функция спарринг-партнера на Земле запрещена и будет отключена до отлета с планеты.

— Какая функция? — сдавленно переспросил Меелин.

— Спарринг-партнер, — бодро ответил робот. — В соответствии с конвенцией о мирном космосе, пункт девять тысяч сто шестой, параграф сто девяносто первый, продукция, поставляемая на экспорт, не должна содержать потенциально опасных функций. Обучение боевому искусству признано опасным видом тренировок на ста сорока шести планетах Союза, включая Землю.

Талли, не веря собственным ушам, подался вперед.

— Ты с другой планеты?!

— Просьба уточнить: вас интересует точка производства или продажи? — спросил робот.

— Производства... — выдавил Меелин. Дроид перевел на него взгляд светящихся белых глаз.

— Извините, но запрос и подтверждение должны исходить от одного лица.

Талли сглотнул.

— Где и когда тебя сделали? — спросил он нерешительно.

Робот ответил без малейшей запинки:

— Фабрика «60», Корд-1, 2207-й земгод, пятое января, время окончания тестирования 11:49:02.

Талли задохнулся. Прервать молчание сумел лишь Меелин, и тот не сразу.

— Любопытно, — с трудом придя в себя, заметил мастер. — Шесть веков назад... Чертовски любопытно. Талли, ты позвонишь капитану или мне сделать это самому?

— Я... — Мальчик судорожно вздохнул. — Мне... Надо идти...

— Ты хочешь уйти?! — Меелин недоверчиво оглянулся. — Сейчас?!

Талли с отчаянием кивнул.

— Мне очень нужно!

Потрясенный мастер машинально развел руками.

— Ну что ж, иди...

— Скоро вернусь, — выдавил Талли и опрометью бросился прочь.

Еще никогда его сердце не билось так отчаянно.

5

На пропускном пункте Талли пришлось использовать всю силу воли, чтобы выглядеть невинно. Но солдаты не особо приглядывались. По пустынному пятому ярусу пугающе металось эхо, когда Талли бежал вдоль сумрачных коридоров. Постоянной охраны здесь никогда не держали...

Люк открылся с оглушительным скрипом. Морщась от вони — цистерну никто не убирал — Талли забрался на лесенку и ступил в темницу пленного крата. Тот неподвижно лежал в углу в луже собственных испражнений.

— Шерр'кхан! — позвал мальчик.

Ящер не реагировал. Талли, глубоко вздохнув, подобрался к нему ближе и толкнул ногой. Зверь слабо застонал.

— Шерр'кхан, с какой планеты ты прилетел? — тихо спросил мальчик. — Прошу, мне надо знать. Это очень важно.

Крат с огромным трудом приподнял воспаленные веки и некоторое время молча смотрел на Талли.

— Зачем? — прошептал он с мукой.

— Я должен знать!

— Я скорррро умру... — прошептал ящер. — И вам будет некого выссмеивать...

Талли в отчаянии топнул ногой.

— Прошу, скажи! Я не смеюсь!

Крат опустил веки.

— Мой мир носит горррдое имя, — выдавил он. — Вам его не выговорррить.

Талли упрямо мотнул головой.

— Нет, ты уже называл эту планету, когда я был здесь неделю назад!

Ящер слабо качнул головой.

— Ложь, — ответил он едва слышно. — Я говорил, откуда прилетели погибшшшие колонисты. Их мир носит имя Корррд-4. Сам я с дрруругой планеты и никогда не бывал в системе Корррд...

— Корд! — Талли отпрянул, в ужасе глядя на изможденного ящера. — Черт, так ты не врешь!

Крат приоткрыл глаза.

— Верррришь? — спросил он тихо.

— Теперь верю... — Талли зажмурился и яростно мотнул головой. — Нет, еще не верю! Капитан сказал, что проверил твою кровь в городе! Ты есть в их базе данных!

Ящер хрипло вздохнул.

— Конечно, есссть. Меня приняли за одного из нихххх... — Он слабо зарычал, но тут же закашлялся и умолк. Продолжил лишь после паузы, явно превозмогая боль:

— Я приземлился в горах... Покинул корабль, и меня сссразу сбила летучая машшшина людей. Почти насссмерть. Когда пришшшел в себя, все называли меня Кларррк... — Ящер вновь попробовал зарычать. — Насссстоящий Кларк пропал много

дней назад. Его все иссскали, а нашшшли меня... И перррепутали. В базу занесссли мои данные...

Талли топнул ногой.

— Почему ты не рассказал все это капитану?!

— Я рассссказывал... — прошептал ящер.

Талли недоверчиво оглядел пленника.

— Потрясающе! — Мальчик всплеснул руками. — Так что же выходит, все краты могут думать сами?! Без людей?!

Ящер рывком приподнял голову и гневно взглянул на Талли.

— Кто ты, взявшший на сссебя право издеватьссся надо мной? — хрипло прорычал пленник.

Талли вздрогнул.

— Я не издеваюсь, — сказал он тихо. — Я тебе верю, Шерр'кхан. Теперь верю.

Ящер, видимо, истратив остаток сил, вновь уронил голову на грязный пол.

— Какая ррразница... — прошептал он с мукой. — Мне уже не долететь до корррабля. Я умррру здесь, и мой нарррод проведет еще долгие годы в самом стрррашном ррабсте в галактике...

Талли отчаяно замотал головой.

— Нет! Не проведет! — Он упал на колени и заглянул в громадные глаза изнуренного ящера. — Я найду твой корабль и подам весточку! Твои родичи уничтожат всех кратов, ведь правда?

Шерр'кхан слабо растянул чешуйчатые губы в улыбке.

— Глупое млекопитающщщее, — шепнул он. — Сссигналы не летают быссстрее сссвета. Только корррабли.

— Тогда я освобожу тебя! — гневно стиснув зубы, Талли встал. — И ты сам полетишь домой!

Ящер с хрипом втянул воздух сквозь окровавленные ноздри.

— Я даже ххходить не могу...

— Сможешь, — с неожиданной злостью бросил Талли. — Вспомни, что делают в городах с вашими детьми. И что они делают с нами! — Он ударил себя в грудь. — Я пошел за инструментами. Будь готов, когда я вернусь.

Больше не тратя время, мальчик бегом бросился прочь. Его провожал взгляд огромных черных глаз с вертикальным зрачком.

* * *

«Он не дойдет», — понял Талли спустя пять минут после того, как ржавый грузовой лифт доставил их с Шерр'кханом на поверхность. Измученный ящер едва переставлял лапы, хвост и крылья безвольно волочились. Вдобавок погода была плохой, метель гнала серую поземку по радиоактивной земле. В совершенно чистом небе, шокирующим застывшим ливнем сияли мириады звезд.

— Далеко твой корабль? — уже безо всякой надежды спросил мальчик. Толстая меховая одежда сковывала его движения, но в сравнении с Шерр'кханом Талли выглядел просто реактивным.

Ящер в ответ на вопрос с трудом приподнял голову и огляделся.

— Слишшшком далеко... — сказал он мертвым голосом.

Мальчик стиснул зубы.

— Ты хорошо переносишь радиацию? Как все краты?

— Я не крррат! — рявкнул Шерр'кхан.

— Да, да. Так все же?

— Очень хорошшшо.

— Тогда идти вон к той воронке. — Талли указал на ближайший кратер. — Там всегда тепло и ты не замерзнешь. Я скоро вернусь.

Шерр'кхан поднял голову.

— Куда ты?

— За вездеходом... — хмуро отзвался Талли.

Лифт уже ехал вниз, а плана у мальчика так и не родилось. Похитить последний большой вездеход Шахты 17 означало обречь сотни людей на голод и смертельно опасные лыжные рейды. Аэросани просто не сдвинут огромного ящера с места...

Двери раскрылись на пятнадцатом ярусе, и все мысли начисто покинули голову Талли. У самого лифта стоял Медведь. Старый охотник бросил на приемного сына лишь один короткий взгляд, но этого хватило мальчику, чтобы понять: Медведь ЗНАЛ.

— Айван... — Талли подошел к охотнику. — Надо поговорить.

Медведь угрюмо качнул головой.

— Не о чем.

— Я должен был его выпустить! — горячо возразил Талли. — Это наш единственный шанс!

— Шанс? — Медведь грузно повернулся всем телом и скрестил за спиной руки. — Шанс был. Теперь его нет. Теперь краты знают, где вход в шахту 17.

Талли яростно вскинул голову.

— Они и раньше знали!

— Это тебе новый дружок сообщил? — усмехнулся Медведь.

Мальчик стиснул кулаки, но ответил спокойно:

— Нет. Так сказал мастер Меелин капитану Джейсону.

— Ну-ну... — Медведь угрюмо отвернулся. — Ко мне-то зачем пожаловал? Ты теперь взрослый, вон какие решения принимать научился. За всех скопом.

Талли едва не заплакал, но страшным усилием воли сдержался. Он не имеет права сдаться сейчас.

— Шерр'кхан умирает, — тихо сказал мальчик. — Он сейчас на поверхности, прямо над нами. Если ему не помочь, все погибнет, и краты продолжат управлять нашим миром.

Медведь приподнял левую бровь.

— Вот как?

— Да! — гневно, глотая слезы, Талли схватил названого отца за руку. — Айван, Медведь, учитель, ведь я никогда не подводил тебя раньше. Поверь мне сейчас! Шерр'кхан не крат, он настоящий пришелец! Я проверил!

Охотник долго молчал.

— Мал ты еще, Талли, — глухо ответил он наконец. — Слишком мал для такого выбора.

— Пожалуйста, поверь мне! — взмолился мальчик. — Это наш первый и последний шанс свергнуть кратов! Разве ты не мечтал сбить их проклятые города, разрушить концлагеря брэнов?!

— Хорошо ли ты все взвесил? — очень серьезно спросил Медведь. — Допустим, твой ящер и в самом деле ящер, а не поганый аристократ из Торонто. Ты подумал, что станет с нами, если из космоса нагрянет целый флот разъяренных ящеров?

Талли запнулся.

— Но... Но они же не нас резать станут!

— А кого? — тихо спросил Медведь. — Ты не видел войны, малыш. На такой войне нет времени разбирать, кто друг, кто враг. Да, мы ненавидим кратов не слабее, чем ящеры, но ведь и мы, и краты — люди. Нас уничтожат всех вместе...

— Нет! — яростно прервал Талли. — Ты не прав! Посмотри на меня! — Он гордо вскинул голову. — Шерр'кхан такой же ящер, как и носители кратов, но он нам не враг, и я это понял! Я ему помогаю! Так и они, когда прилетят, поймут, где друзья! Как понял я!

— Ты не человек, Талли, — сурово сказал Медведь.

Эти слова буквально заморозили мальчика.

— Что? — спросил он после долгой паузы.

— Ты не человек. Ты зоннер.

Талли сглотнул.

— И... И что?

— Ни один человек не стал бы помогать Шерр'кхану, — угрюмо ответил Медведь. — Пойми, он наш враг. Ящер или крат — нет разницы, он ненавидит нас всех. И уничтожит при первой возможности.

Талли молча стоял, глотая слезы. Медведь смотрел в сторону.

— Дашь нам вездеход? — после долгого молчания спросил мальчик.

Медведь с болью зажмурился.

— Нет, — сказал он глухо. — Я не имею права.

— А если б имел, дал бы? — совсем тихо спросил Талли.

Старый охотник медленно покачал гловой.

— Почему? — Талли сжал кулаки.

— Мне жаль Шерр'кхана, но страдания ящеров — не наше дело, — хмуро отозвался Медведь.

— Они страдают по нашей вине.

— Мы не отвечаем за кратов.

— Но отвечаем за себя!

— За себя я и отвечаю, — буркнул Медведь. — Разговор окончен. Можешь возвращаться к своему ящеру. Его не тронут, Джейсон обещал.

Талли отпрянул.

— Капитан знает?!

— А ты думал, нет? — Медведь фыркнул. — Тебе позволили еще разок проверить ящера. Он, кажись, и в самом деле не крат, иначе я давно поднялся бы на поверхность с винтовкой.

Стиснув зубы, Талли отрывисто кивнул и вошел в кабину лифта. Медведь смотрел ему вслед.

— Все же уходишь? — угрюмо спросил старик.

— Это мой выбор, — коротко ответил мальчик и нажал кнопку первого яруса. Там, спрятанный среди торосов, стоял последний вездеход Шахты 17. Медведь давно обучил приемного сына, как заводить вездеход без кодовой карты — на случай его, Медведя, неожиданной смерти.

Пока кабина поднималась, Талли стоял с закрытыми глазами. Он вспоминал свою жизнь среди людей, вспоминал несчастную малышку Лань и чувствовал, как черная ненависть к кратам захлестывает душу.

Он, не задумываясь, продал бы эту душу за шанс отомстить.

В принципе, так он и сделал.

Владимир Михайлов
(1929–2008)

ЧЁРНЫЙ ЯЩИК С РУДДЕРОГГИ

Неприятности начинаются с мелочей. Так принято считать, хотя на самом деле мелочей вообще не бывает. Ладно, по порядку.

Я летел на Антилию. Ну, вы должны помнить: это тот мирок, где экспедгруппа Лепета нашла следы цивилизации, что потом получила в науке имя Второй Великой. Я к этой находке никакого отношения не имел, а что касается её потери — ну, тут многое зависит от точки зрения.

А дело было так: мне дали отпуск — дополнительный, после того, как нам удалось успешно разобраться с делом, известным как «Поиск исчезающих». Это на Милене, об этом перестали писать и говорить совсем недавно. На самом деле они, конечно, вовсе не исчезали, но разобраться в этом можно было, лишь потратив большую кучу времени и нервов. Потому мне и дали целый месяц свободы — в дополнение к законному.

На что употребить это время, я долго не раздумывал. На Милене я крутился чуть ли не полгода, а когда наконец вернулся, Дении на Теллусе и след простыл: как и предупреждала, она упорхнула на Антилию в составе МГПЦ — Мобильной группы поисков цивилизаций с доктором Лепетом во главе. Мне очень хотелось хоть немного пожить спокойно вместо того, чтобы снова окунаться в пространство. Но я уже тогда чётко понимал, что спокойная жизнь для меня возможна только при условии, что

© Владимир Михайлов, 2008

Дения где-то тут, рядом, в прямой видимости и слышимости. Без неё это была бы может и спокойная, но уж никак не жизнь. Да и шеф сказал:

— Там эта их цивилизация... чем-то таким от неё пахнет. Раз уж ты настроился махнуть туда — заодно погляди с наших позиций, что там и как. Фактов нет, но мне кажется...

Продолжать он не стал, только неопределённо пошевелил пальцами. Однако, его интуиции вся наша контора доверяет больше, чем таблице умножения.

Так что я даже не стал распаковывать свои котомки, а просто перенёс их с одного борта на другой — и полетел. Правда, ещё успел отбить Дении депешу — то есть предупреждение, чтобы невзначай не поставить её в неудобное положение. Вообще-то в такую возможность я не верил, но понимал, что в жизни может приключиться всякое.

Оно и приключилось. К счастью, к Дении это никакого отношения не имело. Так что спешу успокоить вас: у нас с ней и сейчас всё в порядке. В полнейшем.

А приключение действительно началось с, может показаться, мелочи. Дело в том, что на Антилию никаких регулярных рейсов, конечно же, не происходит. Так что экспедиции — а в те дни их там было целых две, гражданская и — скажем так: другая, обходились своим транспортом. Но если у других с кораблями и всем прочим царил полный порядок, то в распоряжении научников-цивилизатов было всего два кораблика. Будь я начальником, я бы запретил таким с позволения сказать судам выходить за пределы внутренних орбит. Они давно уже проволокой связаны для крепости. Но учёные — народ, прямо сказать, ненормальный, крыши у всех поголовно сдвинуты набок до предела. А у цивилизатов в особенности. И экипажи — им подстать. Так что на этих своих обломках кораблекрушения ныряют в Простор почём зря. Но я удивляюсь не тому, что ныряют, а тому, что и выныривают, и добираются и туда, куда надо, и оттуда.

Подумав и взвесив все эти обстоятельства, и убедившись в том, что другого способа увидеть Дению у меня нет и не будет, я напросился к учёным в пассажиры.

И они не отказали. Неприятно говорить, но перед этим я обратился к другим, гонявшим туда свои корветы. И получил полный отлуп. Хотя имя моё в то время было в общем на слуху. Однако другие, едва уяснив, что я строем не хожу, дальше не захотели и разговаривать, а в качестве мотивировки заявили, что у меня нет требуемых допусков — не хватает, мол, уровней. Ну, тогда я и сам послал их на такой уровень, на какой у меня хватило воображения. В общем, очень далеко. Дальше не бывает. И таком путём оказался на борту «Арк Ната» — был в старину такой мыслитель, и его именем назвали кораблик, едва он успел вылупиться. Уже четвёртый под этим именем.

Вот, вроде бы всю преамбулу я изложил. Дальше пойдут, как принято говорить в наших кругах, показания по существу дела.

«Арк Нат», имея на борту меня и всех прочих, как-то ухитрялся довольно спокойно продираться сквозь Простор, когда по трансляции вдруг объявили, что генератор ин-поля — точнее, не сам генератор, а какая-то триди-схема в нём — честно предупредила, что жить ей остались считанные минуты. Их было не так мало, вполне хватило бы, чтобы эту плату снять и заменить на исправную — если бы эта другая имелась в наличии. Но её, как вы уже поняли, не оказалось. Почему — по этому поводу возникла очень оживлённая дискуссия, но это уже потом. А тогда мы услышали просто:

«В создавшейся обстановке я принял решение: срочно покинуть Простор, в нормали (то есть в привычном трёхмерном пространстве) совершить вынужденную в ближайшем пригодном для этого мире, где осуществить требуемый ремонт, после чего продолжить рейс вплоть до посадки на Антилии. Поэтому приказываю: всем, кроме вахтенных, занять свои места в компенсаторах»... — Ну, и всё прочее, что говорится в таких случаях.

Возражать, как вы понимаете, никто не стал, даже и не подумал. Народ на борту был опытный, так что минута шороха — и полный порядок. Обычное одурение на миг — и мы в полном порядке уже бултыхаемся в родном пространстве. А шкипер — хотя на самом деле он был, понятно, капитаном — тут же нас проинформировал:

«Внимание! Сообщаю обстановку: только что установлена связь с ближайшим населённым миром по имени Руддерогга...»

Тут мне пришлось высоко поднять брови. В смысле — удивиться. Почему?

Да просто по той причине, что такое наименование мне никогда ещё не попадалось ни на одной звёздной карте, и даже в галакт-глобусе его не было, ручаюсь. А это могло означать лишь одно: мирок был то ли совсем свежим, то ли настолько незначительным и заброшенным, что если и указывался где-то, то разве что на рейсовых картах, если он оказывался близ вашей трассы. На нашем пути такого не предусматривалось, совершенно точно.

Капитан между тем продолжал вещать:

«Я запросил помощи и получил «добро». Корабль остаётся на резервной орбите, посадка не разрешена, поскольку мир не обладает пригодным для этого космодромом. Однако желающие побывать на планете получат возможность. О таком желании просьба доложить второму помощнику. Сейчас начинаем торможение. Все действуют по расписанию».

Вот таким, как говорится, макаром мы и оказались сперва близ Руддерогги, а потом и на её поверхности, даже не успев как следует разглядеть её с орбиты: аварийная схемка издыхала на глазах, да и облачность там была — как пена в ванне, под которой и воды не видно. Лишь в одном месте в тучах была дырка, и оттуда к нам уже спешил катерок.

И с этого места, собственно, мой рассказ и начинается.

Портовый катер мягко опустил нас — шестерых охотников до новых впечатлений — на твердь Руддерогги. Мы выбрались из тесноватого салона, привычно потопали ногами, чтобы убедиться, что грунт под нами не проваливается (традиция) и, ощутив себя нормальными туристами, двинулись к Вокзалу. Там нам предстояло разделиться, поскольку планы использования свободного времени были у каждого свои. Хотя время, безусловно, отведено одно на всех.

Космодром здесь и действительно был никаким — даже для «Арк Ната» там не хватило бы места. Разве что для катера. А вот Вокзал нас удивил сразу.

Потому что такое сооружение не стыдно было бы иметь даже в мире высшего ранга. Даже на Теллусе. Или на Ардиге.

Этакую колонну, метров трехсот в диаметре и ещё больше — по высоте, увенчанную, похоже, Куполом, с поверхностью со множеством иллюминаторов и даже многометровых прозрачных балконов, антенн разной конфигурации, а внизу — на первом этаже — множеством больших и малых входов и выходов. У нас от такой картины даже в глазах зарябило. Неожиданной она была, прямо сказать. Прямо дворец. А вокруг — просто дикая местность. Голая природа.

Мы сразу стали настраиваться на исследовательский лад — как и положено туристам, у которых в запасе есть и желание, и время.

Времени оказалось — на первый взгляд — более чем достаточно. Потому что ещё когда «Арк Нат» уравновесился на рейдовой орбите, выяснилось, что вот сейчас, сию минуту, Руддерогга нам помочь никак не может. Просто потому, что нужной триди-схемы среди ресурсов местной космослужбы не оказалось, и предстояло сварганить её, в смысле — собрать из подручных материалов — в космодромной техслужбе. И это оказалось не так просто, как могло показаться, потому что точно таких элементов, из которых монтировалась схема, в этом мире не было, так что предстояло подбирать их по характеристикам и на каждом шагу проверять схему, чтобы убедиться, что предыдущий чип оказался на своём месте и готов работать. Когда капитану изложили программу в таком виде, он даже возмутился:

— Что же это у вас за техслужба? Она скорее этихслужба, да и «эти» типично не те.

На что здешний — инженер, наверное, что прибыл на борт на катере, — ответил:

— А вы бы ещё на метле прилетели. И потребовали заменить берёзовые прутья. А у нас берёза не растёт. И резервные наборы вполне современные, а не для ископаемых систем

Капитан сбавил обороты и спросил только (подозреваю, что лишь для очистки совести):

— Что, неужели нет других способов?..

— Отчего же: есть, — с удовольствием ответил инженер. — Заказать по связи на Ардиге, у них в каком-нибудь музее наверняка отыщется ваш раритет. Так что не пройдёт и месяца...

Капитан махнул рукой и разве что не сплюнул на палубу.

Поэтому со временем проблемы не возникло. У нас, пассажиров и туристов. И планы можно было строить обширные.

С этим мы разобрались быстро. Всем хотелось побродить по расположенному неподалёку от космодрома городку. Сверху он, промелькнув, успел показаться нам интересным, как и любое поселение, где бывать до сих пор не приходилось. Загрузиться, как положено, сувенирами, посмотреть, во что одеваются, что едят и (сохраняя умеренность) что пьют. И как смотрятся представители противоположных полов. И — как выглядим в их глазах мы. Будут ли на нас взирать сверху вниз — или почтительно снизу вверх?

Забыли мы только старую истину: если человек хочет рассмешить Бога, он начинает составлять планы. Забыли зря.

Однако, как только мы, разобравшись без труда в вокзальной топографии, приблизились к выходу, нам о ней напомнили.

И не кто иные, как пограничники, что сидели на контроле. Те, которым мы предъявили предусмотрительно захваченные с собой карточки «Интергалакта», которые дают право выхода на любом мире Федерации.

Оказалось — не на всяком. Потому что старший погранец, полюбовавшись на эти документы, и в самом деле оформленные не без вкуса, задал вопрос на засыпку:

— А входные визы? Не вижу их.

— Какие ещё визы? — Встречный вопрос был для нас совершенно естественным. Настолько подразумевающимся, что один из нас (не я, а сам доктор Лепет, возвращавшийся с Теллуса к своей команде) счёл нужным провести небольшую разъяснительную работу со здешним персоналом:

— Декан (в таком звании был погранец), к вашему сведению, входные визы в Федерации отменены пятьдесят четыре

года тому назад специальным Законом о беспрепятственном передвижении, принятым... Вы что, не читали? А зря.

На что декан, глазом не моргнув, ответил опять-таки вопросом:

— А вы читали? Весь закон читали? Или только избранные места?

— Не понимаю... — Наш правовед на миг опешил. Но тут же уверенно отразил выпад: — Законы, к вашему сведению, следует читать с первой буквы и до последней точки. Именно так я всегда и поступаю.

— Но только крупный шрифт, верно?

— Что вы хотите этим сказать?

— Там есть такое примечание — к статье четырнадцатой, мелким шрифтом. И там ясно сказано, что действие закона не распространяется на Особые миры, — впредь до особого указания. Может быть, вы не заметили, что совершили посадку именно на таком мире? Вам следовало посмотреть, когда подходили к Вокзалу, там такими большими буквами написано. Хотите прочитать примечание? Закон у меня всегда под рукой.

Но мы уже поняли, что на этот раз право не на нашей стороне. И кто-то из наших смог лишь пробормотать:

— А как эту вашу визу получить? К кому обратиться? Это сложно?

— Проще некуда. В вашем мире вы обращаетесь в Министерство Иностранных дел, оно сносится с нашим, в нашем есть Комитет по визам, они там пороются в вашем досье — конечно, не раньше, чем мы тут его получим, — и не пройдёт и трёх месяцев — конвенционных, конечно...

— Ужас. Что же, мы так и не сможем даже поглядеть на город?

— Сколько угодно, — ответил погранец. — Тут у нас весь третий этаж занят макетом города в масштабе один к ста. Можете даже по улицам прогуляться...

— Да, и в кафе зайти, в магазин... — Наш турист удачно воспроизвёл интонацию декана. — На людей посмотреть, верно?

— Кафе, рестораны — этажи второй и четвёртый, магазины — правое крыло первого этажа, а также с пятого по восьмой. К нам даже из города приезжают за покупками. Оплата в федру-

бах, но если у вас галлары — банковские конторы на девятом этаже, левое крыло, очень выгодный курс. Ещё вопросы, господа?

Вопрос нашёлся опять-таки у цивилизата-правоведа-главы экспедиции:

— Вы прекрасно всё объясняете, декан. Будьте столь любезны, скажите: а что в этом вашем мире такого, что он даже назван Особым?

На этот раз тональность ответа оказалась совершенно другой. Вас уже не лимонадом угощали, но ставили клизму с железными опилками:

— Убедительно советую всем и каждому: никогда и ни к кому не обращаться с подобными вопросами.

— А что — обидятся?

— Нет. Но вас — обидят.

— И серьёзно обидят?

— На чей вкус. Десять лет на астероиде — это серьёзно или нет по-вашему? Без права обжалования.

На сей раз наш оратор промолчал. А я сказал:

— Спасибо за ясность, коммендер. А центр связи тут работает?

Он глянул на меня, прищурившись.

— Самый верх. Минарет. Только...

— С этим порядок, — заверил я.

— Тогда давай, — сказал он.

Рыбак рыбака видит издалека. Если их конторы по соседству.

Связь здесь была отличная, вневременка, да к тому же служебная. И прорваться к Дении удалось почти сразу. Хотя потом пришлось ждать, пока её там разыскивали. Наконец я услышал родной голос, почти не искажённый в передаче.

— Ты где? — поинтересовалась она.

— Пришлось задержаться ненадолго. Но в общем я уже недалеко.

— Скучаешь обо мне?

— А ты что — не чувствуешь?

— А почему вы задержались? Слушай, ты же на «Арк Нате», да? А доктор Ленет там с вами? Слушай, передай ему, только не

забудь. Тут у нас находка — похоже, огромная по значению. Мы обнаружили...

Несколько минут я выслушивал её задание.

— Будет исполнено, мадам начальник.

— Привези мне что-нибудь — оттуда, где ты сейчас. Необычное.

У Дении дома ступить было некуда от сувениров — и привезенных самою, и моих подарков. Когда мы наконец объединимся, для её музея потребуется целая комната — и не маленькая.

— Непременно. Какую-нибудь ещё одну маленькую древнюю цивилизацию. Но только если ты меня любишь.

— Люблю. Не маленькую. Хотя бы среднюю. Она у нас будет вместо дачи.

— За скромность я тебя люблю ещё больше.

Слава Богу, у неё всё в порядке. У нас, кажется, тоже. Кроме триди-схемы, конечно. Сейчас придётся искать Лепета. Тоже занятие. А потом? Возвращаться на борт вроде бы рано. И вообще неохота. Там тесно, и мне не нравится запах.

Ладно, что-нибудь придумается. Особый мир, каково? Любопытно. Но — умножающий свои знания умножает свои заботы. А на их отсутствие мне никогда не приходилось жаловаться.

Где вы там, доктор Лепет?

Где искать его, было ясно. Если выйти в город нельзя, любой из наших мог оказаться если не в макете города, то в одном из кафе, или, наконец, в торговых этажах. Любопытство и голод — чувства естественные и непреходящие, а что касается магазинов, то я не знаю ни одного человека, который возвратился бы из любого другого мира без полной сумки тамошних диковин. Они в старости будут напоминать о самых интересных днях прожитой жизни.

К макету я направился в первую очередь.

Макет действительно оказался на диво точным — во всяком случае, если верить тому, что мы успели наспех увидеть на корабельных мониторах ещё с орбиты. По улицам действительно можно было пройти, правда, местами лишь продвигаясь боком. Город оказался невысоким, шесть, семь этажей от силы, да и то

лишь на двух центральных улицах, параллельных друг другу; вообще город был нарезан на квадратики, выраженного центра в нём не было. Первые этажи — почти сплошь магазины. К сожалению, чтобы заглянуть в витрины или просто прочитать вывески пришлось бы ложиться на брюхо, да к тому же и язык здешний нам не был знаком, а на лингале, как ни странно, ничего не нашлось — во всяком случае в той рекламе, что просматривалась с высоты роста. Ладно, судить об ассортименте и ценах придётся в здешних торговых рядах. Архитектура города показалась мне чересчур эклектичной, разные места невольно вызывали в памяти уголки давно виденных столиц. Интересно было бы услышать мнение доктора Лепета по поводу здешнего градостроительства. Но доктора в макете не оказалось.

Как и вообще никого. Ни единой души. Странно, не правда ли?

И в самом деле. Здешний космовокзал по размерам, безусловно, должен был входить если не в первую десятку, то уж в двадцатку Федерации. Вокзал мог бы обслужить одновременно (как я прикинул) никак не менее полусотни кораблей. На самом же деле на рейдовой орбите наше средство передвижения было единственным, а в обширном зале с десятками выходов было практически пусто: даже дюжины человек не насчитывалось во всём его объеме, да и из тех большинство принадлежало, похоже, к персоналу. Безусловно, эта странность должна была иметь своё объяснение. Но сейчас мне не хотелось разгадывать ребусы. В конце концов я находился в отпуске, и целью моей было — как можно скорее встретиться с Дением, не более того. Но уж и никак не меньше.

Поэтому я в последний раз окинул взглядом макет города, подумав мельком, что при полном отсутствии посетителей то количество видеокамер, какое было размещено под потолком и по периметру, и концентрическими кругами, являлось совершенно излишним. А вообще похоже было на то, что этот Особый мир при его освоении был рассчитан совсем на другую интенсивность жизни и использования. Однако что-то помешало, и сейчас и космовокзал, и вообще всё находилось как бы в летаргии, существуя в неторопливом покое. Иным такое бытиё нравится, мне же больше по вкусу интенсивное движение.

Так я размышлял, поднимаясь на пятый этаж. Почему сразу так высоко? Просто по той причине, что час обеда по корабельному распорядку, давно привычному для любого путешественника, ещё не наступил, и обходить все кафе было преждевременным. А следовательно, искать наших имело смысл в торговых рядах, и более нигде.

Рассуждение оказалось правильным. Там все они и оказались. Правда, в разных местах. Двое вертелись в тряпичном ряду — в заведении под вывеской «Модерн-салон», перебирая и прикидывая на себя разное шмотьё — правда, один мужские прикиды, другой же явно имел в виду нежную половину семейства, а себя использовал лишь в качестве эталона — с уменьшением на одну треть. И действительно (вспомнилось мне), две провожавших его дамы, постарше и совсем юная — примерно на столько и уступали ему в габаритах. Небольшая кучка уже лежала на прилавке рядом с каждым из них, но к обоим подтаскивали ещё. Тут всё было в порядке.

Вторая пара прочно окопалась в винном подвале метрах в тридцати по противоположной стороне. Они разглядывали сосуды с местной продукцией — изучали этикетки, смотрели на просвет, а что-то, похоже, успели уже и продегустировать. Я не стал отвлекать их от важного занятия и проскользнул мимо, полюбовавшись на них сквозь витрину.

Но Лепета не было ни в одной из пар. Пришлось идти дальше. Я и пошёл, внимательно вглядываясь сквозь витрины, за стёклами которых виднелась всякая всячина: кроме уже виденного — посуда, сумки и чемоданы, обувь, мебель, мячи, клюшки и прочая спортландия, побрякушки, статуэтки, что-то, изображенное при помощи красок, кастрюли и сковородки, оружие (но не военное), ковры и паласы, и ещё, ещё и ещё...

Словом, тут было всё, что, судя по этикеткам, производилось не где-нибудь, а именно здесь, на Особой Руддерогге, и предлагалось населению всех обитаемых миров Галактики. Всё — за исключением двух, так сказать, наименований. А именно: тут вообще не было покупателей, ни единого, и в частности — доктор Лепет тоже отсутствовал.

Ничего: оставались ещё целых два торговых этажа, и я рассчитывал ещё до обеда справиться и с ними. Лелея эту прият-

ную мысль, я направился к выходу. Мимо последней справа витринки, необычно узкой по сравнению с прочими, я едва не промчался галопом. Но мне удалось затормозить в последнее мгновение.

Это случилось, как говорится, на автомате. Потому что из отворенной, как и во всех лавках, двери до меня донеслось уже знакомое:

— Не будете ли вы столь любезны...

Лепет! Вот он где.

Интересно, что в этой лавчонке такого, что могло бы заинтересовать столь серьёзного и придирчивого человека, как Лепет, к тому же совершенно не барахольщика, скорее аскета, каким он, по слухам, и был? Я вгляделся в витринку.

Сперва мне показалось, что в ней нет вообще ничего. Только чёрная ткань, как фон для пустоты. Или чёрная матовая плита, может быть.

Да что бы ни было. Мне требовался Лепет, и я его нашёл. Сейчас я передам ему всё, что поручила Дения, а дальше — пусть покупает, что хочет. Или не покупает. Мне всё равно. Я не археотектор, как он, и не цивилизат. И весь хрен по деревне, как говаривали предки.

И я решительно распахнул дверь пошире и вошёл.

В торговом помещении оказалось темно. Ну, не совсем, но по сравнению с освещением, что имелось на линии и в магазинах, здесь царили сумерки.

Сначала я решил, что хозяева сверх меры экономят энергию. Но почти сразу понял, что дело было не только в бережливости владельцев.

Дело было в чёрном цвете, съедавшем яркость.

Здесь всё было черно: стены, потолок, прилавок, полки и всё, что было выставлено на них и в той самой витрине, что сперва показалась мне пустой. Но это оказалось не так.

Просто товар в этом заведении был только один. Здесь покупателю предлагались чёрные коробки, или же ящики разных размеров. От кубического дециметра до ящиков с ребром в полметра и даже чуть побольше. Все наглухо закрытые.

Пока мои глаза привыкали к полумраку, Лепет успел закончить фразу, начало которой я услышал ещё снаружи:

— ...Но если они, как вы говорите, не пусты, то почему же вы не хотите показать мне содержание... ну, хотя бы одного ящичка? Вот этого?

Он ткнул пальцем в сторону, кажется, третьей снизу полки.

— Нет, они ни в коем случае не могут являться пустыми, — ответил продавец, не сдвинувшись с места ни на сантиметр.

— Так откройте же! Иначе вы нарушите одно из главных правил торговли, и я буду вынужден...

— Я знаю правила общения с покупателем. Но пока не вижу покупателя.

— У вас что, плохо со зрением? Я стою перед вами!

— Да, стоите. Вас я вижу. А покупателя — нет.

— Вы хотите оскорбить меня? Притом намеренно? Ну, знаете ли...

— Ни в малой мере. Просто я вижу, что у вас нет ни малейшего желания приобрести мой товар в собственность. Вы всего лишь хотите удовлетворить ваше любопытство, возникшее только что. Вглядитесь в себя — и увидите, что я прав.

Диалог показался мне занимательным, и я не стал окликать Лепета, чтобы передать ему сообщение Дении. Было интересно, что последует дальше: поднимет ли археархитектор скандал (мне стало казаться, что он вполне способен на это), или махнёт рукой и выйдет из лавки, хлопнув дверью. Однако оба моих предположения оказались ошибочными. Потому что археарх молвил — и в достаточно миролюбивой манере:

— Думаю, что вы ошибаетесь относительно моих намерений. Скажите, сколько вы просите за этот вот ящичек — третий слева на третьей полке?

Продавец даже не повернул головы в ту сторону. Он сказал:

— Я ничего не прошу.

— Видимо, вы меня не поняли. Сколько этот ящик стоит?

Я заметил, что продавец пожал плечами:

— Понятия не имею, — ответил он.

Это уже походило на издевательство. Но Лепет, видимо, обладал и завидным терпением.

— Вы хотите сказать, что не знаете цены товара, которым торгуете?

Продавец вздохнул, словно учитель, пытающийся вдолбить какую-то простую истину непроходимо тупому ученику.

— Цена колеблется, — сказал он, — в зависимости от обстоятельств.

— Тогда — сколько этот ящичек стоит в данных конкретных обстоятельствах?

— Откуда мне знать? Цену назначаю не я. Я лишь оформляю сделку.

Доктор Лепет и на этот раз сдержался. Я подумал, что он должен быть и на самом деле хорошим преподавателем.

— Кто же в таком случае? Производитель?

Продавец снова пожал плечами:

— Можно сказать и так.

— А кто делает эти предметы?

Терпение продавца тоже, кажется, было неизмеримым.

— Я думаю, — сказал он, — те, кто в них разбирается.

— Где и когда я смогу с ними встретиться?

Я решил, что хладнокровие начало уже изменять доктору.

— Там и тогда, когда и где они назначат.

— Каким способом они могут назначить встречу?

— Вам?

— Хотя бы мне.

— Вам не назначат.

— Почему же?

— Я вам уже сказал: потому, что вы не покупатель.

— Но это просто чёрт знает что!

Думаете, это сказал доктор Лепет? Ошибаетесь. Терпение лопнуло не у него, а у меня. И эти последние слова принадлежали мне. Как и продолжение:

— Доктор, идёмте отсюда. Разве не видите — вас тут просто разыгрывают. Нам уже пора пообедать...

Лепет наконец заметил моё присутствие. И заявил:

— Напротив, мне очень интересно. Это система, совершенно чуждая любой из известных мне цивилизаций, и я чувствую необходимость разобраться в ней поглубже. Потому, видите ли,

что нечто отдалённо подобное, было замечено в восемьдесят седьмом году в... А впрочем, вас это не может интересовать. В общем, если вы проголодались — идите обедайте. Я присоединюсь к вам попозже.

— Прежде я должен передать вам сообщение с Антилии, — возразил я.

— Новое сообщение от экспедиции? В самом деле? Хорошо, я вас слушаю...

Я уже раскрыл было рот, но продавец оказался быстрее. Он успел сказать:

— Здравствуйте, покупатель. Приветствую вас. Я жду вас с самого утра. Вы уже выбрали покупку?

Я невольно оглянулся. Но в лавчонке находились по-прежнему только мы трое. Выходило, что сказанное приказчиком относилось именно ко мне. На всякий случай я переспросил:

— Вы это мне?

— Несомненно, — кивнул он. — Если вы ещё не определились, я готов помочь вам с выбором.

— Но я вовсе не собираюсь...

— Вы ведь не случайно пришли сюда. Не так ли?

— Но не за тем, чтобы что-то купить! Хотя бы потому, что такие расходы не предусмотрены...

— Не беспокойтесь: я чувствую, что цена окажется для вас совершенно приемлемой.

— Пусть даже так. Но я никогда ничего не покупаю, не убедившись в том, что эта вещь — или услуга — мне нужна. Какой ящичек вы намерены мне продать?

— Ну... я бы порекомендовал вам вот это...

И он указал именно на тот ящичек, который заинтересовал Лепета.

— ...или тот, что на четвёртой полке, правее. Пожалуй, этот второй даже предпочтительнее.

Мне наверное следовало повернуться и уйти, оборвав разговор, показавшийся мне совершенно бессмысленным. Однако я почему-то не сделал ни того, ни другого, а вместо этого сказал:

— Ну, в таком случае откройте и тот, и другой, чтобы я мог сравнить...

Он даже не дал мне договорить:

— Что вы! Это невозможно, совершенно невозможно!

— То есть как? Почему? Если я, по-вашему, оказался покупателем, то...

— Это же чёрные ящики! Они никак не открываются.

— Что же такое в них находится?

— Хотел бы я это знать!

— Вы действительно не знаете?

— Клянусь своим счастьем. И никогда не знал. Этого вообще не знает никто.

— То есть вы хотите, чтобы я купил кота в мешке?

Похоже, смысл выражения до продавца не дошёл.

— Торговля животными — на пятом этаже. Мы тут их не продаём.

— Но зачем вообще мне надо купить что-то неизвестное?

Он усмехнулся:

— Именно потому, что в них — неизвестное. Вам это нужно.

— Думаю, что неизвестное интересует доктора Лепета (кивком я для ясности указал на названного) куда больше, чем меня. Почему же в таком случае...

Движением руки продавец показал, что понял вопрос.

— Доктора Лепета интересует такое неизвестное, которое связано с тем, что уже известно ему. Наше неизвестное — другое.

В этот миг я почувствовал толчок локтем в бок. И одновременно услышал яростный шёпот:

— Покупайте! Берите же! Оба...

Слух у продавца оказался на диво острым.

— В одни руки отпускается только одно изделие. Не два. Одно.

Я сказал — неожиданно для самого себя:

— Хоть потрогать изделие руками я могу? Или это тоже запрещено?

— Что вы! Сделайте одолжение! Вот, держите... не бойтесь, он не тяжёлый. Но всё же будьте осторожны: трудно сказать, что может случиться, если вы невзначай его уроните. Однажды

покупатель поступил именно так — рассчитывая, видимо, на то, что ящик разобьётся и станет можно увидеть, что же такое в нём находится...

— Интересно. И что же случилось после этого?

— Как вам сказать... свидетелей происшествия не осталось.

— Кто же смог рассказать об этом? — привычно поймал я его на противоречии.

— Значит, кто-то смог. Приготовились? Держите...

И он осторожно снял с полки и медленно передал мне из рук в руки второй из тех ящиков, что рекомендовал купить. Я так же осторожно принял изделие.

Предосторожности показались мне излишними. Ящик был очень лёгок, судя по весу, он не мог содержать какой-то сложной начинки, электронной или механической. В голове мелькнула мысль: всё же это розыгрыш, идёт отлов дураков, и я среди них окажусь, чего доброго, первым.

— Но здесь нет ничего, — сказал я, внимательно осмотрев и огладив всю поверхность — десять на двадцать на сорок сантиметров. — Ни кнопки, ни тумблёра, ничего, чем можно было бы включать его или...

— Ничего такого вам и не потребуется. Как только мы оформим сделку, ящик включится сам. Он зафиксирует вашу личность, и в дальнейшем будет иметь дело только с вами.

— И что же он станет делать?

— Господи боже, откуда же мне знать?

Ну, нет, — подумалось мне. — На таких условиях я не играю. Да и вообще — на кой чёрт мне такая штуковина? Любоваться на неё по вечерам? У меня свободных вечеров не бывает. А если и случается, я использую их с куда большим толком. Мы с Денией...

И тут меня вдруг озарило. Это же готовый сувенир для неё! Она просто обожает ломать голову над задачками, вроде бы не имеющими ответа. Для неё лучшего подарка и не придумаешь.

И я скомандовал торговцу:

— Ладно. Покажите второй.

Второй оказался ещё легче — потому, наверное, что и размером был меньше. Я подумал несколько секунд прежде, чем сказать решительно:

— Беру оба. Сколько с меня?

— Я ведь уже сказал: в одни руки...

— Я слышал. Но второй — не для меня. По просьбе женщины...

— В самом деле? — Продавец прищурился. — Ну, в таком случае, я полагаю...

— Сколько я вам должен?

— Узнаем. Сейчас я только...

И он исполнил что-то на клавиатуре кассы. Секундное молчание. Короткий звяк. Продавец улыбнулся:

— Тридцать галларов. Как я и предполагал.

Тридцать галов? Средний обед на Теллусе стоит втрое больше. Кстати, а во что обойдётся обед здесь?

Я вручил продавцу требуемое. Он снова поиграл с кассой. И проговорил:

— Поздравляю вас с удачными приобретениями и желаю всяческих успехов. А теперь прошу извинить: мне пора закрывать магазин.

— Не очень бойкая у вас торговля, — сказал я на прощание.

— Всё на свете можно рассматривать с разных точек зрения, — ответил он.

— С какой же рассматриваете вы?

— С моей собственной, разумеется, — ответил он, запирая за нами дверь.

— Так что у вас там с Антилии? — спросил Лепет, едва мы оказались на галерее. Спросил сухо, резковато; видимо, человеком он был самолюбивым и сейчас переживал, что его непонятно почему забраковали в качестве покупателя, предпочтя меня — человека, с его точки зрения, третьесортного, поскольку к поискам былых цивилизаций я непосредственного отношения не имел. Видимо, мои отношения с Денией никакой научной ценностью не обладали.

Я постарался ответить, не показывая виду, что его манера меня задела:

— Пойдёмте сядем где-нибудь в уютном местечке. Команда имеет время обедать. Там я вам и доложу, а то у меня во рту пересохло.

Лепет пробурчал что-то нечленораздельное, но, похоже, он и сам был не прочь пожевать что-нибудь приятное. Мы добрались до нужного этажа. С дюжину кафушек, побольше и поменьше, половина из них закрыта, в одной было, напротив, людно: четверо наших коллег при здешнем безлюдье показались чуть ли не толпой. Я сунулся было туда, но Лепет ухватил меня за рукав:

— Они нам помешают. А вон там — никого, пойдёмте туда.

Я не стал возражать. Вошли. Выбрали столик — Лепет предпочёл самый дальний от входа. Уселись. Обслуживание тут, как, наверное, и везде было того рода, что не без ехидства именовалось «бесчеловечным». На матовой столешнице засветилось меню. Я заказал рыбу — тумольского панцирника под голубым соусом, честное слово, не знаю ничего вкуснее, и меня очень обрадовало, что это блюдо оказалось в здешней карте. Лепет потребовал что-то вегетарианское и удовлетворённо захрюкал, когда сервер в столешнице растворился и снизу стало выдвигаться заказанное, одно за другим. Несколько минут мы увлечённо жевали, наконец Лепет уронил использованную салфетку, вызвал кофе и вопросил:

— Итак?

Я ещё с минуту промедлил, высасывая последнюю дольку панциря. И спросил:

— Как по-вашему, это синтет? Или всё же...

— Перестаньте пороть ерунду, — сказал он раздражённо. — Так что же там у них произошло?

— Насколько я смог понять (при этих моих словах доктор фыркнул), ничего особенного. Просто нашли какую-то новую математику — так я понял...

— Что-о??

Я так и думал, что это собьёт с него всю спесь.

— Нашли новую математику, — повторил я как можно раздельнее. — То есть, какие-то формулы или что-то в этом роде, и ваши математики там уверяют, что в сочетании с результатами Пятой экспедиции эта находка должна открыть перед нами небывалые возможности.

— Выражайтесь точнее! — потребовал Лепет. — Что значит «в сочетании»?

Я пожал плечами, одновременно говоря как можно равнодушнее:

— Откуда мне знать? Меня просили передать сообщение — я передал. Не знаю, чем ещё могу вам помочь.

— Да чёрт возьми! — начал он, но тут же прервался. — Помочь? Возможно. Сейчас мы с вами рассчитаемся здесь, направимся в службу движения и потребуем, чтобы нас немедленно доставили на борт. Там прикажем капитану...

По-моему, это были сплошные глупости, и я прервал его:

— У вас что, есть право приказывать капитану? Или вы способны создать из ничего триди-схему? Вы чудотворец? Волшебник? Если да — с удовольствием проассистирую вам. Если же нет...

И я развёл руками.

— Что же делать? — спросил Лепет, явно растерявшийся до потери лица. Мне даже стало жаль его. И я сказал:

— Думаю, прежде всего попытаемся снова установить связь с экспедицией. Они наверняка объяснят вам всё в подробностях. И вы, я уверен, сможете дать им какие-то указания — что и в какой последовательности предпринять. Потом обратимся к тем, кто тут сочиняет для нас триди-схему и попросим их ускорить этот процесс до предела. После этого постараемся возвратиться на борт, введём капитана в курс событий. Остальное придётся додумывать на ходу.

Говоря, я следил за лицом собеседника. Черты его оставались неподвижными, взгляд упирался в стол, с которого уборщик, похожий на летающую черепашку, втягивал в себя крошки. Когда я умолк, он встал и проговорил только:

— Пошли!

— Сейчас подадут кофе...

— Ко всем чертям кофе. Где тут эта связь, о которой вы говорили?

Я невольно вздохнул: кофе сейчас был бы как нельзя более кстати. Но Лепету этого не понять. Я встал.

— Идёмте. Направо, потом поднимемся...

— А вы не можете побыстрее? — Это была как бы просьба, но по сути — приказ. Я подчинился. И чуть не забыл о покупке,

лежавшей на свободном стуле. Пакет с обоими ящичками. Подхватил его в последний миг. Мне показалось, что он сделался немного тяжелее. Но это я скорее всего расслабился в процессе обеда. Такое бывает.

Дальше всё пошло с ускорением. Как при разгоне после старта.

До центра космосвязи мы добрались без приключений. Тем же путём, которым я воспользовался несколько часов тому назад. Но затем события потекли по другому руслу.

Оказавшись перед входом в центр, я решил воспользоваться той картой, которая раньше помогла мне войти. На этот раз она не смогла помочь ничем. Я несколько раз вставлял её в нужную щель приёмника — одной стороной и другой, правой стороной и левой. Никакого результата. Что они тут — сменили все коды? Но коды этого ранга меняет только Федерация. Отпадает. Или просто система засбоила? Ладно, попробуем иначе.

Я поискал глазами и сразу же нашёл на дверном пульте клавишу «Гость». Нажал. И система откликнулась, как и полагалось, немедленно. Приятный голос — этакий бархатный баритон — произнёс:

«Приём гостей временно прекращён. Система космосвязи находится на прозвоне. Приносим наши извинения за причинённое неудобство. Всего лучшего!»

Лепет дышал вне в правое ухо всё более шумно. Наконец не выдержал:

— Ну, что вы там копаетесь?

— Вы что, не слышали? — огрызнулся я, и сам уже достаточно раздражённый. Не люблю, когда мои планы срываются. — Потерпите, сейчас придумаю что-нибудь!

У меня действительно оставалась в запасе ещё одна возможность. А именно — воспользоваться чем-то из профессионального арсенала — из той сумочки, что я всегда ношу на поясе, на спине слева. Передвинув её ближе к животу, я раскрыл сумку, нащупал в ней «сезам номер семь», извлёк. Несколько секунд подумал, глазами оценивая основные (как мне казалось) зам-

ки. Выбрал. Поднёс «сезам» к нужной точке. И уже готов был включить.

Но внезапно понял, что включать незачем. Потому что открывать тут нечего. Там, где только что красовалась достаточно сложная система входа-выхода, сейчас каким-то непостижимым образом оказалась гладкая стена. Металлопласт, из которого, похоже, состояли и стены, и вообще всё вокруг. Тупик. Ничего более.

В следующее мгновение я, невежливо оттолкнув своего спутника, кинулся к той двери, через которую мы сюда входили. На миг мне сделалось страшно: а если и там — стена?

К счастью, нет. Я облегчённо вздохнул. Выйти оказалось возможно. Я не сказал Лепету ни слова. Только махнул рукой. И он, поняв, так же без звука последовал за мной.

— Куда теперь? — спросил он неожиданно спокойно. Но у меня уже созрел ответ.

— Пойдём к погранцам. Качнём права.

В глубине души я уже стал опасаться, что и с выходом из космовокзала, с пограничным контролем что-нибудь успело произойти; арки просто не окажется на месте, а вместо неё возникнет, скажем, газетный киоск или переносной туалет. Сам не знаю, откуда вдруг возникли у меня такие идеи.

— Почему к погранцам? — с некоторым замедлением поинтересовался Лепет. — Не лучше ли обратиться прямо к начальству?

— Думаю, без протекции нас к нему просто не пустят.

— Странноватые здесь порядки, не так ли?

— Если здесь вообще есть порядки, — ответил я. Хотя уже понимал, что порядки здесь есть, но очень необычные. Как и всё остальное.

Пограничный пост, однако, оказался на месте. И люди на нём были те же самые. Хотя по моим прикидкам они должны были уже смениться. Пограничный распорядок пользуется конвенционным галактическим временем независимо от того, какой тут реальный час. Это понятно: люди в Галактике все от природы настроены по теллурианскому времени, все ритмы основаны на нём.

Так вот, с давних времён мне было известно, что смены в таких службах происходят в ноль часов, шесть, двенадцать и восемнадцать. Сейчас по моим часам — по ручным, а главное — по вживлённому хроночипу было восемнадцать двадцать две, так что должен был заступить новый наряд. Но этим правилом здесь явно пренебрегли. И командовал тут всё тот же декан.

— Ещё раз привет, коммендер. — И я приподнял руку в знак приветствия. — Слушай, что у вас там за чудеса творятся в Центре космосвязи?

— Привет, привет, — ответил он вроде бы доброжелательно, как и в тот раз. Скользнул взглядом по моей покупке. — Чудеса? Это не по нашей части. — Он должен был задать ещё один вопрос, и он так и поступил: — А что такого ты там нашёл?

«Ты» было как бы подтверждением того, что меня тут воспринимают если и не совсем как своего, то во всяком случае и не как совсем чужого. То есть имеющего право спрашивать.

— Что нашёл? Вот именно, что ничего! Гладкую стенку вместо входа.

— И когда это случилось?

— Минут шесть-семь тому...

— Чему же ты удивляешься?

— Вот этому и удивляюсь.

— И зря. В восемнадцать ноль-ноль порт прекращает работу. Ты, наверное, заметил, что у нас тут нагрузка небольшая. Зачем же зря напрягаться?

Я не сразу справился с искренним удивлением. Но, чтобы не показать этого, продолжил спрашивать:

— Что же вы так — при таком хозяйстве, прямо столичного размаха — и такая пустота? Как говорится, мерзость запустения...

Декан пожал плечами:

— Не знаю, не я строил. Моё дело — вход-выход.

— Ну да, конечно. Извини. Значит, связь отключена. Вся? Или где-нибудь что-нибудь всё-таки работает? Хорошие советы высоко ценятся.

— Работает, конечно, — успокоил он. — Мир-то не отключается, продолжает жить, а значит — говорит, смотрит, слушает...

— И где такое местечко — чтобы поближе?

— В городе, понятно.

— Как туда добраться?

— Для меня — просто. Сесть в скользун, четверть часа — и там.

— Не подбросишь нас?

Декан усмехнулся. Пограничники повысовывали головы из своих конур, развлекаясь, похоже, сценкой, что мы тут разыгрывали. Больше делать им было совершенно нечего.

— А ты что, — спросил он, — разжился визой?

— Слушай, да нам нескольких минут хватит.

Но ещё не договорив, я понял по его взгляду: этот мужик не из тех, кого можно уломать. И как бы подтверждая это, он проговорил громко и сухо:

— Пограничный пост завершает сегодняшнюю вахту. Посторонних прошу покинуть нейтральную зону и вернуться на международную территорию.

Мы не сдвинулись с места, и он повысил голос:

— При неповиновении будет применена сила!

Двое здоровых пограничных ребят при этом вылезли из будок и шагнули к нам. Декан остановил их:

— Ладно, они сейчас уйдут, всё спокойно.

И повернул голову к нам:

— На вашем месте я бы проверил выход на стартовое пространство. Тот пост обычно закрывается последним.

— А там что искать? — спросил я, подозревая подвох.

— Катер, — сказал он, — что же ещё? Я не слышал, чтобы у вас на борту и связь обрушилась. Почему бы вам не попробовать оттуда докричаться до тех, кто вам нужен?

А в самом деле, почему бы нет?

— Побежали, — кивнул я Лепету.

И мы припустили, а декан бросил вдогонку:

— С покупкой своей — осторожно. А то, знаешь...

Я даже остановился на миг:

— А то что?

Но он уже повернулся к нам спиной. Окошки пограничных будок разом захлопнулись. Звякнули, запираясь, турникеты.

Створки выхода в город сомкнулись, индикаторы на арке погасли. И тут же выключилось и освещение.

Мы побежали дальше, хотя и не так быстро: в такой темноте недолго было бы и грохнуться, и сломать что-нибудь. Себе. А это было бы ни к чему.

Обращённый к старт-финиш полянке фасад первого этажа был совершенно прозрачен. И хотя снаружи уже сгущались сумерки, мы с Лепетом успели увидеть, как четверо наших коллег быстрыми шагами, почти бегом, направляются к единственной машине, — к тому катеру, что доставил нас с борта сюда и теперь должен был отвезти обратно. Катер зажёг уже жёлтый внешний огонь — этот сигнал предупреждал о пятиминутной готовности к старту.

— Давайте быстрее! — с этими словами Лепет обогнал меня, перейдя на бег, и устремился к единственному открытому сейчас выходу. — А то вдруг они... — Больше он не стал говорить ничего, чтобы не задохнуться. Впрочем, и так было ясно, что при здешних странных порядках стоит поспешить.

Я и спешил — в силу моих сиюминутных возможностей. К сожалению, они явно уступали способностям Лепета, во всяком случае в спринте. Вообще-то в равных условиях я обошёл бы его на первой же двадцатке. Но условия равными назвать я никак не мог.

Не мог, потому что именно сейчас меня в очередной раз посетили судороги мышц обеих голеней, сперва левой, потом и оставшейся. Нежеланные гости, начавшие заглядывать ко мне семь с небольшим лет тому назад — эту хворобу я подцепил в Луканских болотах во время поисковой операции. Судороги то набрасывались на меня по нескольку раз за сутки, и днём, и ночью, то вдруг могли оставить на месяц-два, однажды даже на полгода, так что надежда на то, что они ушли так же без предупреждения, как появились — успевала не только зародиться, но и уже встать на ножки; тем глубже оказывалось очередное разочарование. Но никогда ещё судороги не возникали так некстати, как на этот раз. Обе ноги оказались как бы в тугих браслетах, всё более сужавшихся и одновременно накалявшимся, ка-

залось, на десятки градусов. Боль была адская — думаю, любой, побывавший в числе клиентов названного заведения, согласился бы с этим определением. Я сам уже чувствовал себя на самом его пороге.

Однако я бежал, чувствуя, что лицо моё превратилось в дико ощерившуюся маску, молнии боли пронзали при каждом шаге всё тело от пяток до макушки, я рычал и выл одновременно — но бежал. И распахнутые створки приближались. Они приближались!..

Лепет достиг их первым. На миг оглянулся, чтобы увидеть меня, наверное. Во всяком случае, взмахнул рукой, как бы призывая поддать газу. И сам поднажал, что-то крича в сторону катера, хотя там вряд ли могли его услышать.

Услышали! Желтый свет мигнул, погас, тут же загорелся зелёный — знак продолжения посадки. Лепет оказался уже на полдороге, когда мне до выхода оставалось ещё с десяток шагов.

И тут створки стали сходиться. Быстро. И уже здесь, в зале, над выходом вспыхнул красный свет.

Я рванулся. Нога поскользнулась на чём-то, и я упал. Инстинктивно поднял, оберегая, руку, в которой нёс пакет с чёрным ящиком. В следующее мгновение створки сомкнулись. Прозвенел звуковой сигнал, гулкий колокольный удар.

Я не без труда сел. Постарался расположить ноги поудобнее — найти позу, в которой боль ощущалась бы не столь остро (давно выработанный приём). И продолжал смотреть во всё сгущавшуюся темноту, где зелёный огонь, такой милый и яркий, сменился жёлтой краской сомнения. Боль начала стихать. На поле вспыхнул красный. Две страховочных минуты — и разом зажглись и заиграли ходовые огни. Они взлетели, убыстряясь, унося всё выше — туда, где быстро скользящей звёздочкой виднелся «Арк Нат» — единственный корабль на всём рейде Руддерогги. Я не без усилий переместился на четвереньки. Перевёл дыхание. И услышал шаги со стороны внутренних помещений. Начал медленно подниматься, чтобы принять достойную позу. Ко мне приближался человек в форме пограничника. Я вгляделся. Декан.

Я вздохнул. Что несёт этот человек: добро или зло? Мысли мои уже принялись скользить по странным трассам иррациональных представлений. Но он сказал, подойдя, очень простое и естественное:

— Не везёт тебе, верно?

Пришлось признать факт.

— Тебе обязательно надо было покупать эту штуку? — И он кивнул на пакет с чёрным ящичком.

— Откуда мне знать? — было единственным ответом, какой я смог в тот миг найти.

— Верно, — согласился он. — Ну что же, до утра ты отсюда не выберешься. Гостиница — в левом крыле. Проблем не возникнет: насколько помню, сегодня там все номера пустуют. Так что тебе обрадуются. Кафетерий до двадцати трёх конвенционных. Поужинаешь.

— Спасибо, — поблагодарил я. — А как там у них с ценами?

— Вроде бы доступные, — сказал он. — Подробнее не знаю — никогда не приходилось пользоваться.

Я кивнул и двинулся в указанном направлении. Не скрывая хромоты, что всегда сопровождает затухающие судороги. Декан сказал:

— Дойдёшь сам? Я могу солдата вызвать, он доведёт.

— Спасибо ещё раз. Дойду сам. Привычка.

Он кивнул, как бы одобряя.

— Тогда хромай.

Я не выдержал. Задал вопрос:

— Послушай, коммендер — это из-за него? — И приподнял руку с пакетом.

— Мне-то откуда знать? — Но в его голосе я не услышал искренности.

— Ты ведь не зря пасёшь меня?

— Я человек маленький, — молвил он после едва заметной паузы. — Иди-иди, а то лифты встанут, а путь туда не близкий.

— Куда?

— Туда, — сказал он. — А если что — моё дежурство до шести. — Повернулся и пошёл вдоль зала, уверенно и неторопливо.

А я такой уверенности был лишён — по сумме причин. И забрёл, как это часто бывает, куда-то совсем не туда.

То есть я шёл, сворачивал, поднимался и потом почему-то снова спускался, и в конце концов оказался в тупике. Коридор уткнулся в дверь, массивную даже с виду, и запертую.

Видимо, в голове моей не было полной ясности. И потому вместо того, чтобы повернуть назад и искать ночлег, я воспользовался моим инструментарием и не менее четверти часа провозился с запором. Наконец вошёл.

Это, конечно, не было гостиницей. Чем? Я лишь покрутил головой, так и не найдя определения.

Совершенно пустое помещение средней кубатуры. Стены, пол, потолок. Едва освещённые рассеянным, неизвестного происхождения светом.

Я постоял там с минуту и, помнится, лишь пожимал плечами и разводил руками — скорее всего от нелепости происходящего.

А когда повернулся, чтобы наконец уйти, меня хлестнуло по глазам внезапным светом, который показался мне необычайно ярким.

Глаза сами собой зажмурились. А когда я открыл их, увидел пылающие стены и ничем не уступавший им потолок.

Это был не пожар, конечно. Просто теперь всё это ярко светилось. Разными красками. Я насчитал девять цветов — семь основных, голубой и розовый.

Цветная поверхность была испещрена множеством штрихов — отрезков прямой и дуг, длинных и коротких. Но они не составляли никакого рисунка, который вызвал бы у меня хоть какие-то ассоциации.

Бред.

Не знаю, что пришлось бы увидеть — и ощутить — затем. Потому что вовремя почувствовал, что мой пакет с ящичками стремительно нагревается. Так что вспыхнуть может он, а не стены, от которых не шло ни малейшего тепла.

Только тут я повернулся и выбежал в коридор с его великолепным полумраком.

И как-то сразу почувствовал, где нахожусь и куда мне нужно держать путь.

Гостиницу после этого приключения я нашёл без труда. Там всё было таким, каким и должно было быть, включая ночного

портье за стойкой. Откинувшись в кресле, он читал толстую книгу. Меня это не то чтобы удивило, но заинтересовало: в наше время этот способ сохранения информации используется достаточно редко. Завидев меня, он отложил книгу, выпрямился, доброжелательно улыбнулся и произнёс обычное:

— К вашим услугам. Надолго к нам?

— Пока ещё не знаю, — ответил я, и это было истинной правдой. Портье перевёл взгляд на мой нехитрый багаж. И понимающе кивнул. Сказал:

— В таком случае — одиночный номер, поближе к выходу, городская связь, заказы из кафетерия — угадал?

— Почти, — ответил я. — Желательно — полная связь.

— По всей планете?

— Нет. Интергалакт.

Он погрустнел, как бы переживая необходимость отказать мне:

— Это только через центр. Сейчас...

— Сейчас он закрыт, я в курсе. Жаль. Других пожеланий не имею. Разве что... не вышло бы слишком дорого.

— Дорогие — не на этом этаже. Тридцать пять галов.

— Очень разумно. Получите.

— В таком случае — будьте столь перпендикулярны!

Он пододвинул мне микрофон, включил аппаратуру регистрации. Я сдал пальцы, глаза, каплю крови из мизинца. Портье кивнул на левую часть коридора:

— Первая дверь слева. Откроете глазом.

— Спасибо. А номер?

— Мы не пользуемся цифрами. На двери — бегущий олень, так что не ошибётесь.

— Интересно, — не удержался я, — а если гость из мира, где не живут олени?

— Но в вашем-то живут, — уверенно ответил он. — Или их больше не осталось?

— Ещё бегают, — сказал я, решив больше ничему не удивляться. — Благодарю.

— Спокойной ночи, — пожелал он. — И добрых снов.

Номер был, как по-моему и все номера в Галактике за тридцать пять галларов в сутки. Ничего лишнего, остановиться не-

надолго — достаточно удобно, жить постоянно — никак не хотелось бы. Но я уже знал, что надолго тут не задержусь. Хотя и не смог бы объяснить, на чём это чувство основано.

Я присел в кресло, в меру неудобное, и минут пять сидел, стараясь ни о чём не думать, просто переводя дыхание. Потом раскрыл пакет, извлёк из него чёрный ящик, что поменьше, поставил на столик. Ящик на ощупь показался мне потеплевшим, но до горячего было ещё далеко. Я задержал на нём ладонь, стараясь уловить хоть какую-то вибрацию. Не удалось, ящик был, казалось, мертвее мёртвого. Я обождал ещё минут десять, ощущая, как боль наконец покидает мои ноги, они становились всё более мягкими и уже казалось невероятным, что совсем недавно они были твёрдыми, как гранитная тумба, и столь же мало приспособленными к передвижению. Сейчас от них поднималась уже не боль, но сонливость. И тело, и сознание всё настоятельнее требовали отдыха, покоя, отключения. Мне нечего было им противопоставить. Я сказал ящику:

— Эй, Пандорчик... Я буду звать тебя Пандорчиком, идёт?

Никакой реакции не последовало. В чём я был заранее уверен.

— Молчишь, — проговорил я с упрёком. — Но я ведь тоже упрям. Не меньше твоего. И буду сидеть тут и ждать, пока ты не начнёшь как-то проявлять свою чёрную сущность. А ты её непременно покажешь. Потому что меня ведь не просто так вынудили купить тебя, был же в этом какой-то смысл. И после этого не выпустили из вокзала даже на корабль. Только не говори, что это совпадение случайностей. Мы с тобой ведь знаем, что случайностей не бывает, верно?

Он, естественно, не сказал ни слова о случайностях. Потому что не стал говорить вообще ничего. Может быть, он и не умел говорить. Но в это мне не очень верилось.

Я и в самом деле решил победить в схватке с хитрым и навязчивым противником — сном. Терпение и в самом деле было одним из моих сильных качеств. И я честно сражался целый час с лишним. А потом мне вдруг всё надоело. Стало вдруг ясно, какие всё это глупости: и чёрный ящик, и весь космовокзал, и вся Руддерогга, совершенно нелепая планета, и полёт на Антилию. И я сказал Пандорчику с интонацией, в которую поста-

рался вложить как можно больше пренебрежения, независимости и силы:

— Если ты не против, Пандорчик, я лягу спа-а-а-ать...

Непроизвольный зевок оказался долгим.

— И если против, всё равно лягу. Вот сейчас встану, доберусь до кровати, разденусь и лягу. Душ отложу на утро. Сейчас я-а-а-а-ааау...

Встать я, правда, не успел. Сон нокаутировал меня тут же, в кресле. Рефери в ринге стал отсчитывать секунды, и я успел ещё подумать: на восьмой я встану. Встану! Но окончательно вырубился ещё на шестой. Помнится, мне почудилось, что ящик ехидно ощерился. Но это уже была чистой воды фантазия.

Зато вот её оказалось слишком много. Чересчур. Во всяком случае, для такого здравомыслящего человека, как я.

Выспаться мне так и не удалось. Не знаю, сколько времени прошло — уверен только, что очень немного, — когда дверь моего номера распахнулась и на пороге возник не кто иной, как ночной портье. То есть человек с его лицом, но совершенно нелепо одетый: в расшитом золотыми звёздами и полумесяцами фраке (хотя может быть то была всё же визитка), коротких, чуть ниже колен штанах с манжетами, белых чулках и белых же туфлях. Он низко поклонился — видимо, мне, не ящику же, попрежнему возвышавшемуся на столике — и произнёс голосом мягким, как яичко всмятку, и интимным:

— Ваше величество... Её величество, ваша супруга...

И тут же исчез. Похоже было на то, что его просто отшвырнули. И его место заняла статная дама в шелках и павлиньих перьях. Красивая. Очень. С лицом Дении. Стройная, с узкой талией, выразительным бюстом, о ножках сказать ничего не могу — из-под подола виднелись только носки туфелек — кажется, серебряных. Дения взмахнула веером, как если бы это была шпага, и произнесла громко и, безусловно, с крайним раздражением:

— Людвиг, в конце концов, сколько же можно...

И тут же умолкла. Вгляделась в меня. Взвизгнула, словно я был мышью. И заявила:

— Тут что-то другое. Немедленно уберите это!

И исчезла.

Странный сон, — успел подумать я, вновь засыпая.

Но ненадолго.

На сей раз меня разбудил толчок в бок. Очень крепкий. Пришлось снова вернуться в явь — во всяком случае, так я предположил в первое мгновение. Потому что я всё ещё сидел в кресле. В левом. Пилотском. Штурвал (старннный орган управления) покачивался передо мною, а под ногами была земля — но не близко, километрах, наверное, в десяти. Я покосился направо. Автором толчка оказалась сидевшая в правом — второго пилота — кресле Дения. Выражение, с каким она смотрела на меня, даже оптимист не назвал бы ласковым. Тигрица. Столь же разъярённая, сколь и очаровательная. От неё исходил горьковатый аромат любви. Но раздавшееся рычание...

— Ты что — болен? Брось штурвал! И сейчас же...

Я и в самом деле ухватился было за штурвал — и, кажется, слишком выбрал его на себя. Сверх меры задрал нос. И послушно отпустил его. А она...

— Кто ты? И как сюда попал? Где Руггер? Что происходит?

Кажется, я сильно испугал её. И протянул руку, полагая, что моё прикосновение её успокоит. Ощущение от контакта было горячим. Выше сорока градусов. Но это была не её температура, а чёрного ящика. Он грелся — следовательно, работал. И вокруг был всё тот же номер.

Дальше всё шло в том же ритме. Провал в сон. Пробуждение. Непременно по соседству с женщиной. Иногда — не Денией. Но обязательно — не скажу «красивой», но во всяком случае более чем привлекательной. На пляже в неизвестном мире — небо там было нежно-зелёное. Женщина не испугалась, но постаралась отойти подальше. В цирке на соседних креслах — это при том, что цирка я не люблю и туда не хожу. В какой-то лаборатории, набитой стеклом и электроникой разнообразных конфигураций. Визг, какая-то склянка разбилась. И ещё... и ещё...

Это мне надоело. Я сказал Пандорчику:

— Не надоело рыться в моём подсознании? Заканчивай. Или я тебя уж как-нибудь, но выключу. Или просто...

И в самом деле: куда уж проще? Вернуть его в пакет. Вынуть второй. Поставить на стол. И сказать:

— Нарекаю тебя Чернышом. И прошу: дай поспать спокойно, а?

И в очередной раз уснул.

А потом проснулся окончательно. Чтобы убедиться в том, что в номере ничего не изменилось. Ощущение было таким, как если бы я спал не меньше суток и без всяких снов.

Но что-то всё же тут успело произойти.

Нет, за окном по-прежнему была ночь.

А вот на столике, перед ящиком, лежало что-то, чего раньше там не было.

Я осторожно протянул руку. Взял. Осмотрел.

То была выходная виза. Пропуск в мир Руддерогги.

— Спасибо, — сказал я Чёрнышу от всей души. — Твой должник.

Ящик опять высокомерно промолчал. Но я решил больше не обижаться.

Выход в город был, как и следовало ожидать, закрыт, в контрольных будках не виднелось ни души. Техника, однако, не спала. Я неосторожно сделал лишний шаг — и раструбы дистантов у выхода шевельнулись, взяли меня на прицел. Я сразу же отступил и даже прижал руку к сердцу в знак извинения. Сохраняя дистанцию, по дуге приблизился к кнопке вызова дежурного. Виза давала право входа и выхода в любое время суток.

Декан появился почти сразу. Похоже было, что он ожидал такого приглашения.

— Уходишь, значит, — констатировал он без малейшего удивления.

— Да время вышло, — ответил я.

— Дойдёшь? Как ноги-то?

— Ничего. Как-нибудь.

Декан сунул руку в дверцу своей будки, вынул оттуда и бросил мне сумку с лямкой — носить через плечо:

— Держи. Береги. Три часа жизни.

— Ничего. У меня мембраны.

— Они тебе помогут, как покойнику клистир. Там вообще пусто. Вакуум. Это же видимость, не планета. Наводка. То, на чём мы держимся, — всего лишь глыба, обломок десять на семь на два. Наше поле кончится через тринадцать метров. Сразу. Ты что, решил в таком виде выйти? Сейчас дам тебе спецкостюм, переоденешься...

— Всё не устаёшь меня радовать, — сказал я хмуро.

— Вернёшься — сюда не подходи. Твой вход будет — третий справа.

— Думаешь, я вернусь? — спросил я просто так, для порядка.

— А куда же ты денешься.

Он внимательно следил за тем, как я переодевался, потом проверил, всё ли я сделал правильно. И только после этого включил отпирающее устройство. Покосившись на дистанты, я вышел, крепко прижимая к груди чёрный ящик. Створки за моей спиной бесшумно сошлись.

Снаружи было облачно и прохладно, по телу пробежала лёгкая дрожь. А потом, как только я вышел из-под поля, обрушился мороз, прекрасная температура для смерти. Вокзал, конечно, излучал тепло, но чисто условное, его было не ощутить уже в паре метров. Хорошо, что к таким шуткам природы я оказался подготовленным заранее. Отопление костюма включилось по автомату, сумку дыхания я подключил, ещё находясь под полем. На секунду остановился, чтобы сориентироваться. Посмотрел наверх; где-то здесь над головой должен был висеть ретранслятор. Я нашёл его почти сразу. Он был не в зените а, как и должен был висеть, на востоке со склонением градусов в тридцать. В этом направлении я и направился. Было совсем темно, лун здесь не полагалось, дорога была едва намечена, так что идти приходилось осторожно, опасаясь и колдобин, и пусть несложных, но всё же ловушек. На устройство сложных не было времени — во всяком случае, на это я надеялся. Дорога вела на высотку, откуда должен был открыться вид на то место, куда я шёл.

Это не было городом. Сейчас ретранслятор был выключен, и камеры в макете — тоже, так что место, на которое проецировалось увеличенное изображение макета, было пустым. Хотя и не

совершенно: тот небольшой пятачок, который в макете не был занят ничем, просто на небольшой площадке росло несколько деревьев — тут, в реальности, возвышалось небольшое, круглое в плане строение, напомнившее мне старинный вход в подземку — несколько таких станций, охраняемых законом, ещё существовали на Теллусе. Купол был освещён снаружи шестью прожекторами тихого (как это называется на нашем жаргоне) света, и это помогало приблизиться к нему, не теряя направления. Но я не стал спешить, напротив, всё замедлял шаги. Если в Куполе бодрствовали — а им сейчас полагалось быть начеку — меня могли уже наблюдать, а укрыться за чем-нибудь на гладкой площадке было невозможно. Оставалось только надеяться на...

В тот миг, когда я так подумал, источник моей надежды издал слабый звучок. Он не был бы слышен и в двух шагах, но в моём ухе прозвучал совершенно чётко. Это было сигналом. Я остановился в ожидании. Грудь ощутила жар: ящик работал. Минута прошла. Вторая. Снова пискнуло — дважды. Это означало, что авизуальное поле наведено. Я помнил, что оно может держаться десять минут, таким был, по словам декана, оперативный запас костюма. После этого требовалась новая зарядка, а я не был уверен, что нужная система окажется там, куда я направлялся. Так что нельзя было терять ни секунды.

За минувшие в ожидании минуты я успел восстановить в памяти всё об объекте, что было мне известно из тех источников, что вручил мне мой шеф. И сейчас уверенно направился не прямо, а принял левее, потому что нужный мне вход должен был помещаться именно там.

Там он и оказался. Хотя увидеть его можно было, лишь напряженно всматриваясь в гладкую стену в путанице жёлто-зелёных бесформенных линий и пятен.

Зато датчики охранной системы были замаскированы не очень тщательно, намётанный глаз определил их за минуту с лишним. Впрочем, я это сделал просто для тренировки. Мой черныш сделал это быстрее. Минута с лишним понадобилась ему, чтобы заглушить их. Он пискнул трижды. Операция, этап третий. Вход возник — ровно настолько, чтобы я мог боком пройти внутрь. Так я и поступил.

* * *

Я не боялся, что мне придётся применять тут оружие. Во-первых потому, что я и не был вооружён. Во-вторых — мне заранее было известно, что живых людей здесь не будет. Тут их вообще никогда не было.

Зато всего такого, что я определял, как «они» — приборы и аппараты, — открылось великое изобилие. Как говорится, глаза разбежались. Вся эта технология оказалась совершенно незнакомой. И не только для меня, тёмного. Это не принадлежало к человеческой культуре. Не было рассчитано на использовании людьми. Это был, если угодно, памятник — действующий памятник — если и не той цивилизации, следы которой Лепет с компанией отыскали на Антилии, то никак не меньшей. И которую обнаружили, быть может, слишком рано. Слишком опасно для самих же людей, для существования нашей цивилизации, пока ещё более или менее здравствующей.

Никаких освещённых шкал или циферблатов с числами, столбиками, стрелками, световыми индикаторами. Никаких пультов, кнопок, клавиш, рычагов, шлемов для съёма биотоков, и всего прочего, чем мы так привыкли гордиться. Голые матовые стены разных цветов, не плоские, но обладавшие глубиной. И на них — или в них — постоянное, безостановочное движение точек и линий по каким-то сложным траекториям в любом из мыслимых направлений. Они вспыхивали, бежали, иногда сливались, вновь разделялись, останавливались, вспыхивали ярче или, напротив, бледнея до полной невидимости. Они возникали из ничего где-то в глубине стены и неслись прямо на меня, заставляя невольно отступить в сторону, освобождая дорогу — и в последний миг, едва не вырвавшись на поверхность, закладывали крутой вираж и улетали прочь — или замирали на мгновение и — если это был лишь отрезок — давали задний ход, как поезд, где машинист просто переходит из головного вагона в последний, становящийся после этого ведущим. Единственная закономерность, которую мне удалось подметить в первые две минуты, заключалась в том, что ни одна линия не выходила за пределы того цвета, в котором возникала и двигалась. Следовательно, каждый цвет обозначал определён-

ную группу приборов и механизмов. Судя по оживлённому движению большинства этих фигур, вся эта сверхсистема активно жила своей жизнью, хотя создателей её давно уже не существовало. Ну, это не удивило меня, как не озадачило бы любого из моих коллег: давно известно, что создания переживают своих создателей. Иногда на дни, иногда на тысячи и десятки тысяч лет. Тем дольше они живут, чем конструкция и принципы действия их были ближе к природным, основополагающим. А всякая истинная цивилизация в своём развитии приближается к природе, а не противоречит ей. Та, что идёт вопреки ей, может вспыхнуть ярко, но сгорит за исторически ничтожное время.

Стоп. Мне сейчас было не до отвлечённых размышлений. Я не исследователь, как хотя бы тот же Лепет, я оперативник Института Галактик. Или, на жаргоне, взрывник — потому что институт наш принято называть Институтом Большого Взрыва, или ещё проще — Институтом Создания, ИНКРЕАТ — Институт Креатора.

Так называем себя мы сами.

Я оперативник, и моя подлинная задача...

Хотя я и сейчас ещё не вправе говорить о ней. Вправе лишь действовать.

Будем действовать.

Я успел заметить ещё нечто, очень важное.

Вся панорама — круглый зал, где кроме этих стен нет ничего — как и тот странный зал на Вокзале — тут состояла из девяти цветных секторов, каждый — от пола до средней точки Купола, но ширины они были разной. Самый большой занимал полтораста градусов, самый маленький — градусов где-то пятнадцать. Но от других они отличались не только размерами. Общим у них было ещё и то, что в них отсутствовало движение. Линии и точки были, но едва заметные, тусклые. В узком секторе — вообще никакого движения, в большом — два-три коротких отрезка перемещаются очень лениво, движение их замечаешь, лишь пристально всмотревшись. Всё как на Вокзале. А в остальных семи секторах движение было заметным. Что это может означать?

Что две из девяти систем сейчас не работают — или почти не работают.

Что может не работать сейчас?

Система охраны, вот что. Она отключена Чернышом. На моих глазах.

А вторая? Она дышит, но еле-еле. Как в глубоком сне.

Я не знаю, чем ведают остальные, те, что активны. Чем-то другим. Здесь или где-нибудь у чёрта на рогах. Это ещё предстоит узнать — мне или кому-нибудь другому. Но это — дело будущего.

А чем этот центр сейчас не управляет — или почти не управляет?

Я вижу только один ответ: он сейчас почти не управляет Вокзалом. Потому что там сейчас выключено всё — кроме систем поддержания жизни. И в той его комнате — такая же неподвижность.

До сих пор я думал, что Вокзал, да и вся Руддерогга управляются людьми.

Сейчас это показалось мне куда менее вероятным. Связь между Куполом и Вокзалом была несомненной.

А люди? Пограничники, продавцы, декан — зачем они там?

А зачем сейчас я — здесь?

Затем, что интуиция и на этот раз не подвела нашего шефа. Что-то здесь таилось. И оно несомненно имело какое-то отношение к той цивилизации, на раскопках которой сейчас работала Дения и куда стремился попасть Лепет.

Шеф тогда сказал мне: «Присмотрись. И если встретишь что-то, что может помешать освоению наследия той цивилизации — устрани помеху. Не сомневаясь и не мешкая».

Но тут дело такое, что его надо семь раз обдумать прежде, чем принять решение. Тут не должно быть неверных выводов.

Но для того, чтобы всё обдумать, нужно время. А оно ограничено.

Впрочем — давно сказано, что много размышлять — не значит размышлять долго. А «действовать быстро» вовсе не подразумевает торопливости: совершай медленные движения, но без перерывов между ними.

Так я настраиваюсь на работу, вспоминая старинных авторов.

Да, конечно. Итак: этот Купол и Вокзал принадлежат к той же цивилизации, что и открытая Лепетом? Или — к другой, не менее могучей? Которой мы ещё не отыскали в путанице мегалет и гигапарсеков?

Одна цивилизация — или две?

Похоже, что две.

Почему я так решил?

Потому, что если бы всё это принадлежало Открытым на Антилии, то наш кораблик со всеми нами на борту беспрепятственно добрался бы до своей цели. Из действий экспедиции любому наблюдателю ясно, что люди там — для сохранения, а не для того, чтобы уничтожить.

Хотя — это по нашей логике. А какой она была у них?

Так или иначе — ясно, что нам хотели помешать.

Но ведь нас можно было просто уничтожить? Не закоротить схему, а рвануть джи-реактор — и пишите письма.

Может быть, они просто не любят убивать?

Однако — разве не проще было бы охранять свои погребения с зарытыми сокровищами формул, находясь там, на месте, а не в чёрт знает каком отдалении?

А их там нет. Значит?

Значит, и не было. А были другие.

Итак, цивилизаций — две. А может, и...

Рассуждаем дальше. Цивилизации такого размаха являются — хотя бы частично — современниками. Времена их существования накладываются друг на друга.

Они не могли не знать о существовании друг друга. Следовательно, между ними существовали отношения. Какие? Союзные? Или конкурентные? Мирные или враждебные?

Впрочем — не всё ли нам равно? Мешают нам — значит, враги. Наши, а не те, кого давно уже нет в этой Вселенной. И эту двойную систему Вокзал-Купол надо глушить. Как и говорил шеф.

Но ведь задерживать можно и из добрых побуждений? Когда ты мчишься к обрыву, не зная дороги, а тебе кричат «стой!» и хватают за фалды.

В таком случае система — наш союзник, и следует не глушить её, но напротив, способствовать.

В чём может заключаться её программа? В том, чтобы помочь исследованию открытой нами цивилизации — или помешать?

Если эту цивилизацию можно назвать «доброй» — то скорее помешать.

Почему? Да потому, что цивилизация эта всё же погибла. Гиперразвитие привело её к краху. А её современники, поняв, что гибель неотвратима, возможно, успели заложить во все свои станции во Вселенной, такие, как этот вот Купол, запрет на действия по её реставрации. И Купол ни в коем случае не намерен помогать исследованию взрывоопасной сверхкультуры.

Однако те, кто меня послал, считали и считают совершенно иначе: исследовать эту цивилизацию нам просто необходимо — расшифровки, новые знания, новые технологии, новый бросок вперёд... И по их мнению, всё, что может помешать этому, следует — нет, не уничтожить, конечно, не принято уничтожать памятники, но во всяком случае изолировать. Обездвижить, так сказать. Вот зачем я тут.

Эту задачу выполнить легче. Достаточно лишь найти путь, по которому команды Купола поступают на Вокзал. Это несложно. Существует связь, явно беспроводная. Остаётся найти лишь то поле и те его частоты, какие при этом используются Куполом. Изолировать его.

На решение задачи по изоляции Купола отпущенных десяти часов мне более чем хватит. И начать можно сейчас же.

Но мне очень не хотелось браться за работу сразу же. Потому что в моих рассуждениях ощущалась и тревожная нотка.

Перед началом действий хорошо бы узнать: нет ли тут чего-то вроде программы самоуничтожения — вернее уничтожения не Купола, а Космодрома, если он начнёт выходить из-под контроля? Такое не исключено.

Рванёт — и погибнет хорошая, сверхсовременная конструкция. А главное — люди. На самом деле их там, конечно, больше, чем мне казалось. Но даже если бы там оставался один-единственный декан...

Декан. Коммендер. Коллега по ИНКРЕАТу? Не исключено. Хотя полной уверенности нет. В Службе Проникновения мне мало кто известен: проникновение ведь происходит не в стенах конторы.

Срочно нужен хороший совет. У меня же тут нет ничего, кроме чёрного ящика. Но годится ли он на роль советника?

Сомневаюсь. Однако выбирать-то не из чего.

— Черныш!

Ответ — молчание. То есть никакого ответа?

А вот и нет!

То есть ящик вроде бы никак не реагирует на моё обращение. Однако...

Однако же в большом секторе Купола что-то ожило. Три или четыре даже линии, бледных, как известная спирохета, вдруг стали набирать яркость. Зашевелились. Двинулись. Все они располагаются в правом нижнем углу сектора. То есть на уровне моих глаз. Через секунду-другую ещё десятка полтора отрезков и точек наливаются светом и начинают сначала приплясывать на месте, словно от нетерпения, вибрировать всё быстрее — и вот уже пускаются в пляс. И в этом движении возникает ритм. Несложный. Это происходит так: отрезки и точки выстраиваются в какую-то фигуру, создают некий абстрактный рисунок. И он начинает мигать. Как бы требуя чьего-то внимания. Моего, допустим. Ну что же, я весь — внимание.

Это продолжается минуты две, может быть, три — сейчас я не контролирую время. Свет — тьма. Свет-свет — тьма. Ритм — полсекунды на каждое изменение. Или — целая секунда. Каждый такой промежуток для такой системы, какой должна быть эта — целая бесконечность. То есть можно сделать предположение: идёт передача, и рассчитана она не на квантовые схемы, но на несовершенное восприятие биологического разума. Всё равно — белкового или иного.

Азбука Морзе (древняя, она сохранила название до наших дней)? Один из примитивных способов передачи информации?

Но она настолько древняя, что я её просто не знаю. И если в этих рисунках, вспышках и угасаниях и запечатлён какой-то смысл, он пролетает мимо моего сознания без малейшего результата.

Мне бы чего-нибудь посложнее!

Я невольно бросаю на чёрный ящик исполненный мольбы взгляд.

И Черныш, похоже, его воспринимает. И кажется — транслирует!

Во всяком случае, движение в моём углу сектора замедляется. Словно мне, как дебилу, пытаются объяснить задачку даже не по слову, но по букве.

Но я ещё более туп, чем кто-то там предположил.

Впору биться головой об стенку. Я, быть может, так и сделал бы, если бы не боязнь повредить сложнейшее оперативное пространство, каким, без сомнения, является внутренняя поверхность Купола.

Однако бывает же, что вслед за отчаянием приходит озарение! И на этот раз оно снисходит на меня. И я невольно кричу — хотя мог бы сказать и шёпотом:

— Черныш! Звёздный код!

И замираю в последней надежде.

Ответ следует незамедлительно. И заключается он в том, что мой угол гаснет. Чёрточки и точки бледнеют. Замедляют движение. Останавливаются совсем.

Провал. Обломки надежды растворяются в окружающем пространстве.

Но в последнее (как мне представляется) мгновение моей жизни оживает соседний участок сектора. Вспыхивает сразу и уверенно.

На этот раз точек не возникает. Отрезки и промежутки. Только. Они закручиваются в спираль. Виток за витком. Ещё. Ещё. Ещё...

Это и есть Звёздный код, знать который обязан каждый, выходящий за пределы планетарной атмосферы.

Сейчас спираль остановится. Мгновение останется в неподвижности. И — начнёт стремительно раскручиваться.

И это будет уже...

— Чёрныш! Текст!

Текст пошёл.

* * *

«Уходя навсегда, предупреждаем приближающихся.

Внимание! Опасность!

Знайте:

Мир видимый и мир незримый изначально были поделены между тремя Великанами технологий. Первый: система Гор. Второй: союз Постижения. Третий носил имя Центра Знаний.

Мы были этим третьим.

Все мы были конкурентами в великом деле усовершенствования Вселенной, созданной не нами, но отданной в наше пользование.

Своей задачей все три системы видели в усовершенствовании всего, что было создано не нами. В осуществлении нового, более совершенного мира. Созданного нашим разумом при помощи того, что было создано нашими руками. К этой единой цели великие цивилизации шли тремя различными путями. И мы были первыми. Но никто не мог бы достигнуть цели в одиночку. Для осуществления нашей мечты необходимы были три формулы, и каждая система разрабатывала одну из них. Просто мы оказались ближе к цели, чем остальные.

Мы создали свою формулу, когда остальные были ещё в нескольких шагах от цели. При помощи того, что получилось у нас, можно было уже добиться нужных нам преобразований в ограниченной части Мироздания. Наша формула касалась Энергии и её производного — Вещества. Другие две — Пространства и Времени.

Наш центр располагался, и сейчас ещё располагается там, где после нас начнётся бурное образование новых галактик. Вы, те, кто приближается, наверное сможете увидеть этот процесс.

Но может быть, он и не начнётся. Это зависит от двух, пока ещё остающихся систем. Мы, даже уходя, сделаем всё, что в наших силах, чтобы остановить их. Нас не будет, но наши станции останутся во многих мирах. Они рассчитаны на долгое, даже по нашим представлениям, существование. Мы надеемся, что они смогут влиять на развитие событий в системе Гор и союзе Постижения, если даже для этого понадобится столкнуть их между собой, что сможет привести их к разрушению и умиранию.

Это жестоко — скажете вы, приближающиеся. Но поверьте нам: это — меньшее зло. Потому что крах этих цивилизаций до

объединения их усилий приведёт, во всяком случае, к сохранению существующего ныне мироздания, пусть и с известным ущербом.

Чтобы у вас не осталось никаких сомнений, объясняем вам, в чём корень зла.

Он — в той фундаментальной ошибке, какая была допущена в самом начале разработки трёх задач. По сути дела — в одном-единственном знаке, на который даже крупнейшие наши умы не обратили тогда внимания. Видимо, не случайно. Мы полагаем, что эта ошибка, этот недосмотр были заранее запрограммированы теми, кто произвёл Первый Взрыв.

Пренебрежение этим знаком должно было привести — и сейчас ещё может привести к созданию Великой триединой формулы не в качестве формулы Нового созидания, но, наоборот, в качестве ключа для запуска процесса Антивзрыва. То есть — угасания всего существующего. Полного исчезновения всего сущего.

Поймите нас. Наша формула, частная, была доведена нами до обеих других систем. Так что само наше исчезновение дела не исправит: они знают нашу формулу и могут и без нас воспользоваться ею. То есть объединить все усилия — и, помимо желания, уничтожить всё.

Мы надеемся, что этого не случится. Но наши попытки убедить их ни к чему не привели. Это можно понять: нелегко смириться с гибелью великого замысла, потребовавшего труда тысячелетий. Они считают наши выводы ошибочными, ещё и ещё раз подвергают их проверке — и тем временем продолжают свои труды, уже близкие к завершению.

Вот почему у нас остался единственный выход: воспользовавшись нашей формулой Энергии, подвергнуть их цивилизации разрушению и гибели. Но гибель эта может оказаться неполной — у нас есть вся нужная теория, но сил для её реализации пока ещё недостаточно. Тем не менее мы рассчитываем, что наши действия помешают возникновению формулы Ужаса — так мы её называем теперь.

Непосредственная причина нашей гибели — свёртывание энергии в местах нашего существования. Тот самый минус вместо плюса. Детали вам ни к чему.

Те, кто приближается! Призываем вас, молим вас, заклинаем вас: в случае обнаружения следов, конструкций и технологий названных нами цивилизаций — ни в коем случае не допускайте их объединения и совместного использования! Потому что независимо от ваших замыслов и намерений это приведёт к исчезновению Всего — начиная с вас самих.

Бойтесь технологий, уводящих от природы.

И существуйте долго и благополучно!»

Я вернулся на Вокзал без приключений. Ожидал, что декан будет ожидать меня возле указанного им входа. И не ошибся.

Впустив, он похлопал меня по плечу и сказал лишь: «Ага!». Я в ответ кивнул и стал раздеваться. Он терпеливо ждал. Потом сказал: «Здесь наша душевая по соседству». На что я ответил: «Потом». Он спросил: «Глотнёшь для сугрева?». Я покачал головой. Сейчас мне не хотелось. Я вздохнул и проговорил:

— Ну давай. Излагай по порядку. Кто тут у вас правит бал?

Он ответил вопросом:

— Что тебе удалось понять?

— Главное — что «Великую» восстанавливать нельзя.

— Значит, — сказал он, как мне показалось, с облегчением, — мы с тобой соображаем синхронно. Так что можешь спрашивать. Только если думаешь, что мне тут всё понятно, то я тебя крепко разочарую.

— Тогда бы я был тут вовсе ни к чему, — сказал я. — А разочарования — одним больше за жизнь, одним меньше, разница небольшая.

Он кивнул и повторил:

— Спрашивай.

Я пару секунд помедлил, в уме устанавливая вопросы в очередь.

— Что тут в вашей власти, а что — от них?

— В нашей власти, — поправил коммендер, — ты себя не выгораживай. Что в нашей власти? По сути, только одно: у нас тут достаточно всякой гремучки, чтобы вывести всё это хозяйство из строя. Понимая отчётливо, что нам самим при этом не выжить. Но нас тут не так-то уж и много, и против интересов

цивилизации людей все мы, вместе взятые — меньше нуля. И каждый из нас это соображает. И готов.

— Ясно, — сказал я, не особенно удивившись: примерно это самое я и предполагал. — А управлять системой, хоть в какой-то степени, мы способны?

Он поднял брови:

— Ты ведь разобрался, как его можно отключить? Перерезать пуповину?

— Иначе я не вернулся бы.

— Как только связь с Куполом нарушилась бы, мы скорее всего смогли бы сдвинуть Вокзал с места. И направить туда. К Антилии.

— Зачем?

— Понимаешь сам: чтобы подстраховать экспедицию. Помочь обезопасить от постороннего вмешательства всё, что она там уже нашла и всё, что ещё найдёт.

— И это привело бы...

— Тебе там что, не объяснили?

— Объяснили раньше. Но я думал, что они параллельно ознакомят и вас...

— Так они и сделали.

— Тогда зачем мы разыгрываем сценку? Зрителей всё равно нет. Ты понял, что эта цивилизация в конечном итоге — смертный приговор?

— Я, может, и не так умён, как ты, — ответил коммендер с лёгкой обидой, — но на столько моего ума хватило.

— Да. В таком случае — что мы должны делать по-твоему?

— Да ничего. Дадим понять, что вмешиваться не станем. И пусть работают сами.

— Как просто! Но ты понимаешь, что у них запрограммировано?

— Трудно не сообразить. Все следы цивилизации отправить в Ничто.

— Вместе с Антилией, ты забыл сказать.

— Это ясно по определению. Для них это — заурядное действие.

— И люди — экспедиция — для их тогдашних программистов — ничто. Но не для нас? Или я ошибаюсь? Только не забудь: те люди не приносили присяги на самопожертвование. Ты знаешь, сколько их сейчас на Антилии?

— Ох, как ты скверно обо мне думаешь! Это я тебе припомню. Сколько человек там? Семьдесят два на этот час.

— Ты считаешь с «Арк Натом», или без них?

— Без них, понятно. Пока они дотопают, там всё закончится.

— А семьдесят две души для тебя что — прах на ветру?

— Опомнись, опер! Ты же побегал тут и соображаешь — сколько человек может вместить эта банка. Тысячи! А тут — семьдесят два...

— Думаешь, нам дадут время снять их?

— Это будет условием договора.

— Ты можешь с ними переговариваться?

— Нет, ты всё же не в себе. Ты что, не видел, сколько тут на борту чёрных ящиков?

— Прикидывал. Что-то под сорок.

— Так вот. Каждый из них — на прямой связи с Куполом. Для того тебя и заставили взять эту коробочку, чтобы и сам ты был у них под контролем.

— Они что — знали, зачем я оказался здесь?

— Предполагаю — да. Видимо, что-то в твоей системе, — тут он постучал костяшками пальцев по моей макушке, — подходит для связи с ними больше, чем, скажем, у меня или у других. У нас нет их частот, никак не воспринимаем, мы и техникой такой не владеем, вот только надеемся разобраться. А тебе, видишь, повезло. А они, по сути, вытащили тебя с «Арка» и позаботились о том, чтобы ты остался на Вокзале.

— Тогда — к чему было дурить мне голову всякими иллюзиями? Видом города, например? Зачем вся внутренность Вокзала — макет города, магазины, кафе, погранслужба и всё такое прочее?

Он пожал плечами:

— А вот у них и спроси. Ты меня колешь так, словно это я его конструировал.

Этот корабль выудили полностью исправным и совершенно пустым чисто случайно: на него наткнулись во время глубокой разведки в Малом Магеллановом... Рейд был глухо секретным, но уж ты должен был хоть краем уха о нём слышать.

— Постой. Вроде бы... Ну конечно, господи! Как я сразу не сообразил? Это ведь ты вёл тот поиск!

— Ну, я.

— Но я так и не нашёл твоего имени среди новых адмиралов.

— А я, — усмехнулся коммендер, — с тех пор и не схожу с этого устройства. Потому что мне единственному удалось хоть как-то с ним договориться. Это потом оказалось, что ты в этом деле ещё сильнее. Так что теперь придётся нам работать в паре. Ну вот, тебе, полагаю, ясно если не всё, то хотя бы главное. Похоже, мы приняли решение? Тогда составим текст. Переложим на Звёздный код. Подложим под твою коробку. Она передаст. А дальше — программа начнёт, я уверен, работать сама.

— То есть, к Антилии пойдём на автопилоте?

— Можно сказать и так, — кивнул он.

— А если потом — подальше? (Это вырвалось неожиданно для меня самого). В те края, откуда эта машина родом? Корабль ведь не сам по себе там оказался, верно? Кто-то его туда направил? Чтобы спрятать? Или — успели мигрировать?

— Ну и фантазия у тебя, — проговорил он одобрительно. — А что?..

Я с нетерпением ждал того мгновения, когда наш громадный Вокзал оторвётся от Руддерогги, иллюзия развеется и мы увидим маленький астероид с одиноким Куполом на его поверхности.

Но так и не уловил. Я как раз следил за стартом с орбиты нашего «Арк Ната», получившего наконец свою триди-схему. Декан-коммендер вручил её капитану, как говорится, без комментариев — лишь пожелал доброго пути. Лепет, услышав, что я с ними не лечу, лишь пожал плечами и пробормотал:

— Вольному воля... Вам не кажется, что ящики будут сохраннее у меня?

И узнав, что не кажется, не стал спорить и лишь покачал головой.

Они легко снялись с орбиты, и я стал смотреть на поверхность Руддерогги. Вернее, хотел посмотреть. Но не увидел ничего. Декан усмехнулся:

— Да мы уже десять минут в полёте. Привыкай, напарник: тут езда без толчков.

— Хорошо водишь, — сказал я ему. — Ты его так и оттуда вёл? Из той галактики?

— Так мне и дали, — сказал он. — Он сам поехал, стоило нам только в нём разместиться. И прямо сюда. Ладно, когда-нибудь мы разберёмся в его программах.

«Арк Нат» доковылял до Антилии тогда, когда мы уже заканчивали погрузку на Вокзал людей и того оборудования, какое было решено забрать. Наше оборудование, разумеется, людское. Был установлен строжайший контроль над тем, чтобы ни единый предмет, который мог принадлежать Великой цивилизации, не был вывезен с приговорённой планеты. Всё это должно было исчезнуть без следа — чтобы сохранить нашу цивилизацию, дать ей возможность без ошибок просуществовать столько, сколько ей будет отмерено.

Это было вовсе не так просто. В экспедициях поначалу об этом и слышать не хотели — в научной, и ещё менее — в военной. Чуть не дошло даже до применения оружия. Не понимаю, откуда эта страсть к инструментам для разрушения, что присуща каждому, или почти каждому из нас. Но что делать: человек противоречив. Да и наши великие предтечи — тоже. Военные утихомирились, только получив команду с Теллуса. Выглядели они при этом, как на похоронах. Так оно, по сути дела, и было.

Дении я сказал:

— Знаешь, что? Мне надоело вечно гоняться за тобой по всей Галактике.

Она вздёрнула голову:

— Скажи спасибо, что только по нашей. Пока.

— А что — тебе одной Галактики мало?

— Вот мало!

— Ну и прекрасно, — поддержал её я. — В таком случае считай себя зачисленной в экипаж Вокзала.

— С какой это радости вдруг?

— С этой самой. Это ведь единственный настоящий трансгалакт, известный нам. И поверь, он просто протирать пространство не станет.

— А ты что — его капитан? Так прикажешь понимать?

— Ещё не знаю. Но ниже старшего помощника опуститься просто не могу.

— Я подумаю, — пообещала она. — А теперь, может быть, ты меня наконец поцелуешь? Или забыл, как это делается?

Нет, память у меня оказалась в полном порядке.

Закончив свои дела, мы через чёрный ящик просигналили Куполу, что он может выполнить свою миссию.

Без нашего вмешательства Вокзал отошёл на нужное расстояние.

Антилия исчезла как-то буднично, скромно, без прощальной церемонии, без взрывов и разлёта осколков. Только что была — и вдруг стали видны далёкие звёзды, которые она перед тем загораживала от нашего взгляда.

Большие дела не нуждаются в шумихе, разве не так?

ПОВЕСТИ

Александр Тюрин
ГЕНЕРАЛ ЗИМА

1. Могикане

Драться, воровать и сквернословить я научился в сорок лет. А все мои нынешние товарищи умели это самое уже с десяти. Я же в десять лет играл на фортепьяно, носил длинные волосы и бабочку. В роли бодигарда выступала тогда бабуля. И любого, кто попытался бы обидеть её «Сенечку», бабушка отправила бы в нокаут ударом кошелки по голове. Даже на войне у меня было что-то вроде бабушки, хотя мотострелковый батальон — это вам не танцевальная рота почетного караула. Если бы какой-нибудь жлоб подбил мне глаз, значит из ПЗРК пришлось бы стрелять какому-нибудь жлобу. А ПЗРК «Секира» — это почти фортепьяно. Поэтому командиры меня берегли, чуть ли не трюфелями кормили.

Нам не стоило проигрывать войну. Побежденным — горе. Побежденные еще не раз позавидуют тем, кто с честью пал на той войне. Побежденный должен доставить удовольствие победителю.

После проигранной войны у нас было только два варианта дальнейшего существования. Какой надо было выбрать, если «оба хуже», как сказал известный исторический персонаж?

Можно было получить сертификат «молодого международного профессионала». Ты садишься в позу ученика и «силы сво-

© Александр Тюрин, 2008

боды», пыхтя от счастья, заправляют тебе в мозги нейроинтерфейс. Что-то происходит в гиппокампе, что-то в амигдале и других частях мозга с нежными латинскими названиями. Диффузный нейроинтерфейс растворяется в твоей голове и ты меняешь ориентацию, то есть мысли, слова, чувства. Теперь твои деды — уже вовсе не русские победы... Однако для таких, как я, — не слишком молодых и не слишком вертлявых, для унылого большинства — такой вариант не проходил.

А можно было превратиться в «индейца». Да, пожалуй, это сравнение благозвучно. Когда белый человек осваивал Америку, он вдруг понял, что индейцы ему в общем-то не нужны. Ни как братья по разуму, ни даже на рабочей должности — негры попроще будут, готовы бесплатно вкалывать на плантациях, только разреши им петь блюзы. А у индейцев гонор, у них амбиции, Маниту сказал то, Маниту сказал сё. И вот у индейца отнимают поле и лес, зато дают ему огненную воду и инфицированное одеяло, и стоит он в перьях и с голой задницей, пьяный и заразный. А его зоркий глаз высматривает пустые бутылки и другое вторсырье, чтобы поскорее сдать его в пункт приема. Это, конечно, не жизнь для гордого мужчины, который помнит лучшие времена. Понятно, почему от всех могикан вскоре остается один, самый последний, да и этот вряд ли приживется. Индейцы принуждены воевать меж собой, только не за поле и лес, а за стеклотару и прочее вторсырье, потихоньку занимаются и каннибализмом. Откусят от тебя немножко, а если ты пропустишь момент, то уже помногу — и им это понравится. Глядишь, и ты уже в желудке. Нравственность индейцев меняется с каждым днем в худшую сторону, и когда ты смотришь на себя в зеркало, то видишь не Большого Змея, а форменную скотину, и внешнее сходство налицо...

Я работаю в артели. Мы занимаемся мусором, выдираем провода, сгребаем бумаги и тряпки, собираем металлолом, ломаем мебель и двери на доски, разбираем крыши и окна. Потом приезжают бульдозеры, экскаваторы, мусоровозы, и наконец — механохимические комбайны, напоминающие годзиллу в расцвете лет. «Годзиллы» из чего хочешь делают один-единственный продукт — гербидж-плитку, аккуратные квадратики фе-

кального цвета. Это «что хочешь» — остатки нашей собственной цивилизации. От цехов, ферм, столбов, фабричных труб, котельных, детских садиков, школ, химчисток, парикмахерских после нас остается только площадка, покрытая гэрбидж-плиткой. Вот вам и завершающий этап totalen Krieg*. Со слезами отдав честь, отправил я в пасть «годзиллы» последний советский холодильник, проработавший полвека — не чета нынешним однодневкам. Кусок за куском довоенная эпоха превращается в ноль, в белое пятно и tabula rasa.

На этом «нуле» строится новая послевоенная построссийская жизнь — люди как машины, машины как люди, тоже умные и размножаться умеют; растения как дома, и дома как растения. Они растут сами, эти бескрайние парковки, офисные гроздья, супермаркеты, макдоналдсы, стрип-бары, гей-клубы, туристические агентства, высотные дороги-скайвеи, небоскребы-кактусы, по сравнению с которыми вавилонская башня — жалкий сорняк. Одинаковая новая жизнь из саморастущего нанопланта покрывает всю поверхность Земли от Патагонии до Чукотки. Ей будут радоваться умницы-амраши, получившие сертификат молодого профессионала — American Not Russian Professional. А нам дают возможность спокойно вымереть по «естественным причинам». Были и нет, как могикане, динозавры и трилобиты. Потом можно написать, что нас сгубило изменение климата.

И в самом деле, где она — долгая Русская Зима? Где могучий Генерал Мороз, который не только сковывал наши просторы, мешая нам трудиться и приучая нас к лежанию на печке, пьянству и сочинению сказок, но еще губил полчища завоевателей похлеще маршалов Кутузова и Жукова? Нигде. Даже посреди зимы моросит дождик, как в Уэльсе или Новом Южном Уэльсе. Но мы не в Уэльсе, а на полярном Урале. Дождик впитывается нанопланом и небоскребы растут выше, скайвеи дальше...

Что-то я загрустил, как корнет Оболенский. А на самом-то деле последнее время нашему племени откровенно везет. Фортуна, знаете, каким местом повернулась — передним. У нашего

* Тотальная война (*нем.*).

вождя завелся свой человечек в администрации дистрикта North Jugra и тот стабильно дает нам подряды на сортировку и вывоз мусора.

А последнюю неделю вообще счастье привалило. Мы разбираем не унылые руины какого-нибудь кирпичного заводика, а работаем в самом настоящем поместье. В западной его части приличная усадьба, похожая на елочную игрушку огромных размеров, сад, бассейн и детская площадка под диамантоидным куполом, прудик с золотыми рыбками, вертолетная площадка — там обитает айтишный инженер высокого уровня. А в восточной части поместья остался дом, обычная хрущевская пятиэтажка. Во время войны «силы свободы» применили здесь боевую плесень и она сожрала всё живое, прежде чем саморазложиться — замечательное, экологически чистое оружие. (И это всего лишь какие-то самореплицирующиеся дендримерные молекулы — тьфу, язык сломаешь.) Так что спим мы не на бетонном полу, а в нормальных пружинных кроватях. Перекусываем не на корточках, а на настоящих табуретках за столом. А во время, свободное от работы, мы не глотаем наркод*, а читаем письма из прошлой жизни...

Вообще, тонкая натура отличается от грубой тем, что у нее есть возвышенный идеал. Еще на войне я мечтал о том, чтобы наши ракеты «земля-воздух» не раскурочивали врага, а просто меняли у него образ мыслей и пол. Чтоб вместо грозного иностранного летуна, желающего порвать тебя на мелкие кусочки, к нам бы прилетали блондинки вроде Скарлетт Йохансон. Вот пусть они меня и побеждают в ночное время суток.

А на нынешней работе я многажды представлял себе, что стал чем-то вроде огромной губки, которая впитывает в себя всю старую жизнь на вечное сохранение. Все эти песни Майи Кристалинской и Леонида Утесова, фильмы Гайдая, подвиги пионеров-героев, дедовские ордена, переходящие вымпелы ударников труда, почетные грамоты, выданные стахановским дояркам и заслуженным учительницам, письма советских юношей девушкам-комсомолкам. О душе, а не об «этом самом»...

---

* Психопрограммный интейрфейс наркотического действия, принимается орально.

В пять вечера мы оборвали функционирующий коаксиальный кабель. Мы же мастера ломать, рвать, перекусывать. Кто ж мог знать, что возле заброшенного дома проходит работающий кабель. Юнга Васёк, не особо задумываясь (о чем он только думает, онанист прыщавый), перекусил многожильный КП-58 своими самозатачивающимися кусачками. И никто, за исключением трансцендентных существ, не знал, что это коренным образом переменит всю мою жизнь.

Я пошел вдоль кабеля — в нашем племени мои руки отвечали за утилизацию проводов — и где-то в пять часов пятнадцать минут оказался рядом с усадьбой инженера Кривицкого. Именно в этот момент из открытого окна на втором этаже вылетел горестный вопль и компьютерная консоль. Вопль улетел в смутный вечерний воздух, а консоль я поймал, инстинктивно подавшись вперед.

С полминуты из окна доносились неразборчивые слова на повышенных тонах, напоминающие звуки скандала, потом оттуда выглянула худющая девочка. Личико совсем как морковка, а вся как палочник. Есть такое насекомое, я когда-то держал их у себя, целую банку. Если выразиться более элегантно, то девочка была как палка. Воплощенная анорексия.

— Ты, кажется, забыла поесть, — сказал я вместо приветствия.

— Я просто не хочу ничего есть, — ответила «палочка». — Я не хочу жрать их еду. — Акцент у нее был как у всех амрашевских деток, пытающихся говорить по-русски.

— А я хочу, — честно сказал я, ведь мы, «индейцы», никогда не врём. — Я все время хочу кнедлики, бублики, фрикадельки, клецки, патиссоны, круассаны и... Список можно продолжать хоть до завтра.

— Серьезно?

— Правда. Ты что, не видишь, как у меня текут слюнки?

Потом из окна выглянула женщина. При виде меня её растерянное лицо стало строгим и гордым, как у римской матроны.

— Что вы тут делаете? — сказала она без всякого акцента, однако с типичными обертонами строгого рабовладельца.

Да, да, знаю, шабашники, вроде нас, не имеют права подходить к жилым строениям ближе чем на пятьдесят метров. Если бы на нашем месте работали биомехи*, то им, наоборот, надлежало бы не удаляться от жилья дальше чем на полсотни метров. Они ведь могут повредиться, переохладиться или перегреться, их могут украсть — а они, в отличие от нас, сто́ят ой как дорого.

— Мы случайно повредили коаксиальный кабель, ведущий к вашей резиденции — честное слово, мы не виноваты, подрядившая нас организация не указала его на плане. Я пытался понять, куда он ведет. Да вот еще это...

Я показал консоль.

— У меня чистые руки. Честно.

И в самом деле, я мыл их только вчера.

— Бросьте это в мусорный бак, — отрезала мадам. — А насчет кабеля не волнуйтесь так — я вызову нашего электрика, он сам все проверит.

— Нет, не выброс, — из окна снова появилась девочка-палочка. — Это моя любимая консоль. Пусть дядя принесет ее сюда, а я угощу его твоими пирожными.

— Но этот господин совсем не хочет есть.

Какой фальшивый голос был у этой мадам. Но девочка сразу опровергла свою мамашу.

— Он только что сказал, что хочет. Пусть придет сюда, и мы вместе поедим. Пожуем-поболтаем.

На лице женщины выписалось страдание. Ее можно было понять и даже представить себя на ее месте. Богатые тоже плачут, страдают, переживают — это нам, голи перекатной, внушили с помощью бесконечных мыльных сериалов. С одной стороны эта мадам привыкла угождать своему странному ребенку, с другой — я был для нее опасен. Какой-то подонок из низших слоев, наверняка криминальный, скорее всего несущий биологические и информационные вирусы, инфосифилитик, сифоинфилитик. Наверное, еще год назад я застеснял-

* Нанотехнологические устройства, обладающее некоторыми функциями живых существ, такими как потребление энергии из окружающей среды, выделение, самовоспроизводство.

ся бы и оставил ее самостоятельно решать проблемы со своим ребенком. Но за этот год моя совесть куда-то подевалась, сдулась, исчахла.

— Эй, давай поднимайся на второй этаж, — знай себе нудила «палочка». — Чего тянешь, что ты там стоишь, как памятник?

— Если вы не возражаете, хозяюшка, я зайду на десять минут. Так, наверное, будет лучше для вашей малышки. И кроме того, мне есть, что сказать ей насчет правильного питания.

На лице женщины обозначился перелом. Душевный перелом.

— Ну хорошо, десять. Я сейчас спущусь и открою вам.

И дверь действительно распахнулась. Чтобы я мог войти, хозяйке пришлось отключать робостража, который уже потянул ко мне свои щупальца.

— Выдохните сюда, пожалуйста.

Я дыхнул в трубку, на ней зажегся зеленый индикатор. Теперь хоть буду знать, что у меня нет туберкулеза и серозного менингита. А вши, надеюсь, не разбегутся — не кони же.

Впрочем, дальше первого этажа мне подняться не дали. Бдительная женщина остановила меня в подсобке около кухни. Ничего такая подсобка, я бы согласился в ней прожить всю оставшуюся жизнь, особенно если будет доступ на кухню — а там картошечка сама чистится, кастрюльки сами по плите скачут на магнитных подушках, а холодильник рассказывает и показывает, какие блюда можно изготовить из всякой снеди, лежащей у него во чреве.

Вбежала девочка-палочка. Даже влетела. Похоже, ее легкое тельце перемещалось под действием сквозняка.

— Гамбургер хочешь?

— Давай вначале твою консоль проверим.

— Да дерьмово она работает, уже неделю. Поэтому я и выбросила ее в окно, когда онлайн вырубился. Папа говорит, что может ее починить, только ему неохота свое время тратить на эту окаменелость.

— Мне охота. Я тоже окаменелость.

Консоль включилась по голосовой команде и начала загружать операционку «Линукс Убунту». Штучка в самом деле ан-

тикварная, с корпусом из какого-то золотистого металла и изумрудными кнопками. А неисправность оказалась хиленькой — один из дисковых разделов переполнился. Сто лет неиспользовавшиеся файлы я удалил, файл подкачки уменьшил. Это минут десять у меня заняло.

— Так ты получается круче моего папы, — подытожила «палочка», дотошно проверив работу консоли.

— Я бы этого не сказал. Просто твой папа — человек будущего, а я — вождь одного маленького забытого племени, в котором кроме меня никто уже не числится.

— А где твои перья, вождь?

— Потерял, потому что носил набекрень, как матросы бескозырку. Ладно, я пошел, меня уже бизоны заждались.

— Ты ж голодный, — напомнила девочка. — У нас весь холодильник забит жратвой. А холодильник у нас здоровенный, как шкаф. Даже не понимаю, зачем нам такой холодильник?

— Попробуйте мои жареные колбаски, — вымучила из себя хозяйка, — это баварские охотничьи вурстхен.

Честно говоря, я на эти «вурстхен» набросился как бешенный зверь, с утра же почти не жрамши, у меня на свежем воздухе аппетит зашкаливает. Соблюсти декор уже не получилось. Я, если б представилась возможность, и хозяйку бы сожрал. Пухленькая такая.

— Ты присоединяйся, — переведя дух, сказал я «палочке». — Как звать твое превосходительство?

— Николь. Никки.

Что ж это с именами нынче творится? Куда Маши-Наташи подевались, растаяли что ли как снегурочки вместе с полярными льдами?

— А чего сама не ешь-то? Ты же настоящий гвоздь, Никки. Вырастешь, будешь как вешалка. На тебя тогда пальто будут вешать по ошибке.

— Уже ем, — сказала девочка и откусила от колбаски под восхищенные взгляды своей мамаши, потом еще и еще. — А я не хотела есть, потому что мир — ужасен. Он — противный!

— И плевать на мир. Чего о нем думать? Он-то про нас не думает. А чем он тебе ужасен?

И она рассказала про какого-то белого медвежонка из зоопарка, у которого слишком маленький бассейн и который никогда уже не сможет увидеть свою ледовую родину, потому что все льды растаяли.

— Медвежонок! Мне бы на место этого млекопитающего. Уж он то, не беспокойся, трескает за милую душу.

— Доктор сказал, что у некоторых детей обостренное чувство справедливости, — добавила женщина, — и они могут высказать протест только одним образом — прекратить есть, чтобы досадить своим родителям, которые для них часть этого несправедливого мира.

— Когда я досаждал своим родителям, то съедал все сладкое из буфета, — сказал я. — Спасибо, мне пора. А то бизоны действительно заждались и уже начали острить рога... Знаете, барыня-сударыня, о несправедливости Николь могла узнать только от вас. Не надо портить жизнь ребенку.

2. Гараж офисного типа

Вечер прошел неплохо, учитывая, что бригадир Иван Магометович дал только пару затрещин Ваське. Я для молодого быковатого Ивана Магометовича проходил под грифом «чудачок в пенсне» и он как-то меня сторонился. Если бы я был такой же быковатый и жлобоватый, как он, только пожилой, то получил бы статус «бати» со всеми вытекающим позитивными последствиями. Но и «чудачком» быть ничего.

Ночевали мы в заброшенной гостиной, на отличных матрасах под старыми пальто, пахнущими бабушкиным нафталином. Наладили даже печурку для полного комфорта. Васёк смастерил ее из двух вёдер и канализационного сифона.

Кастрюлю картошки наварили — она возле дома росла; стало быть, какие-то бомжи сажали ее весной. От них только пятна крови на стенах остались. Это, стало быть, доблестные виджилянты постарались, очистили прекрасный новый мир от никому не нужных зверолюдей. (Виджилянты косят под «комитеты бдительных»* с американского Дикого Запада, но это скорее

* Vigilance committee.

«хашар» времен монгольского нашествия. Хитроумные завоеватели тогда использовали толпу из местных жителей. Хочешь жить — убивай своих. Хашар привыкал делать фарш из своих и уже находил в этом удовольствие.)

Бригадир ночевал в соседней комнате со своей дульсинеей, но, видно, от нее было толку мало — девятый месяц беременности. В полночь бригадир вышел на крыльцо — сердито, судя по топоту кирзачей. Слышно было, как с трудом заводится движок антикварного ЗИЛа. Добрый молодец Магометыч поехал искать любовь и ласку на трассе. А дульсинея еще через часок потихоньку разбудила меня и предложила разделить ложе.

— Ты, Сеня, не такой беспокойный, как Иван, — пояснила она. — Он вообще зверюга в постели. Закусит удила и фиг угомонится.

— Ты чего, Маринка, ерундой заставляешь заниматься, у тебя девятый же месяц.

— Десятый уже. Мне рожать пора, через неделю сынок его такой здоровый будет, сущие бес на семь кило — меня разорвёт, когда вылезать будет.

— Раз такое дело, пособить можно. Стой, а от Ивана неприятностей не будет?

— Он раньше восьми не заявится. До той стервы, к которой он катается, — два часа езды в одну сторону, зато денег не берёт.

Вообще-то Маринку в бригаду привел я. Она на черном рынке своим худосочным телом торговала. В смысле, предлагала зачинать естественным путем, in vivo, и в матке ее выращивать эмбрионов — тех самых, трехнедельных, чьи клетки используются для лечения старых пердунов. Но тоща и грязна была Марина настолько, что все ею брезговали. Включая меня. Я тогда еще рассчитывал к своей супруге вернуться, морально чистым, так сказать. Когда я Маринку привел, то Магометович чуть нас обоих не побил, но потом все-таки взял её на вакантную позицию поварихи. Там она покрылась жирком, из тощей и шершавой стала гладкой, тугой и пошла на повышение — прямо в объятия командора...

Отдохнул я с Маринкой, повыгонял «беса» наружу. А она такая налитая, сисястая. Я даже пожалел, что не сошелся с ней

десять месяцев назад — мог бы уловить перспективу. По сути, уже тогда не было никаких шансов вернуться к супружнице «со щитом», то есть при деньгах; каждый месяц только удалял меня от семьи, и фигурально, и буквально. Стадо парнокопытных, к которому относился и я, в поисках корма откочевывала все дальше к северо-востоку, где было меньше смертоносной конкуренции — в оттаивающие заполярные края, которые сейчас активно застраивались. Скайвеи, нанoплантовые башни, супермаркеты-геодезики из алмазоидной пленки — эти конструкции пронзали опорами размякшую тундру, скрывая под собой обломки советских поселений.

Оказались мы в итоге в Свободном государстве Jugra, привольно раскинувшемся от северного Урала к побережьям свинцового Баренцева и зеленоватого Карского моря. Здесь во времена оные служил полковником ПВО мой дед, который в 1956 завалил американский бомбардировщик — из тех, что повадились летать в район Свердловска. Как-то прочитал на обрывке съедобной «чьюинг-пэйпер», что вдова сбитого пилота ищет убийцу своего мужа или его прямого потомка, чтобы вчинить ему многомиллионный иск. Но а пока что, моя жена прислала мне письмецо, дескать, нашла другого. Он — бизнесмен, настоящий средний класс, занимается «обесфекаливанием» туалетных кабинок... И насос для «обесфекаливания» у него собственный. Так что, по совести, я мог только порадоваться за свою супружницу и за своего сынка, который обзавелся таким крутым папой...

Оторвавшись от Маринки, я вернулся в гостиную, чтобы не повстречаться на заре со зверем-бригадиром. Покемарил пару часиков — во сне этом я почему-то сидел у Маринки в животе, в тепле, в уюте — а потом некто кинул камешек в окно. От этого звяка один я проснулся, у меня сон никакой, чуткий. Вышел во двор с кочергой для самообороны и увидал не какого-то хулигана, а господина софтверного инженера Кривицкого. Его «Хонда-Бужумбура» смотрелась каким-то неестественно выпуклым сиреневым пятном на фоне серой и будто бы плоской хрущевки.

— У вас все в порядке? — спросил я, потихоньку превратив кочергу в неопознанный летающий объект. — Как крошка Николь?

— У нас в порядке, — преодолев некоторое замешательство, сказал господин инженер. — Никки еще раз отлично поела вечером. Мы просто счастливы... Извините, а у вас все в порядке?

— Елки, да лучше не бывает. Приятно хоть раз в десять лет сделать что-нибудь осмысленное. Вдобавок наелся до отвала, нашел рулон туалетной бумаги и даже побывал на приеме у мадам. Переключите ракурс, господин инженер, для нашего пространства у меня житуха — хай-фай.

— А как с пространством общечеловеческим?

— Мистер дорогой, давайте не будем о грустном, в мире общечеловеческом я не присутствую, также как жуки, червяки и прочие сапрофиты. В порядке самоутешения я мысленно говорю себе, что жуки, червяки — это, в сущности, падшие ангелы, которые несли во Вселенной великий и могучий код ДНК задолго до этих высочек питекантропов.

— Я о другóм, — сказал Кривицкий тоном очень занятого профессионала, — вы когда-то работали в ай-ти-сфере?

— Работал, — с законной гордостью отозвался я. — Только по сравнению с нынешней работой я бы назвал это активным отдыхом. Помнится, весь день проводишь на мягком стуле, на тебя дружески смотрит экран компьютера, ты культурно играешь в «Цивилизацию», а это вам не какая-нибудь стрелялка для спрямления извилин. В комнате тепло, светло, сухо, вокруг все умытые, с чистыми ногтями, у секретарши — кофе в кофейничке и сахара бери, сколько хочешь. То есть, вы меня не слушайте, воспоминания — сладки, если в наличии нет других сладостей.

Кривицкий поморщился, видимо инструктора по фитнесу запретили ему есть сладкое.

— А хотели бы снова вернуться в профессию?

— Да, я много чего хочу. И в самых сладких снах мои мечты сбываются.

— Размер примитивного типа long в языке Java? — спросил он.

— 64 бита.

— Метод equals сравнивает объекты или ссылки на объект?

— Если его не переопределить, то объекты, ваше технопревосходительство.

— Что необходимо сделать, чтобы две функции не мешали друг другу при доступе к объекту.

— Использовать модификатор synchronized для метода доступа.

— Как создать сортируемый набор объектов?

— Применить какую-нибудь реализацию интерфейса set, например HashSet.

— Ладно, садитесь в машину.

Тут я понял, что Фортуна дает мне шанс, хотя, как женщина, не будет особенно заботиться о том, чтобы я его использовал.

— Простите, я не одет, — смущенно залепетал я, всё еще не решаясь выйти из привычного русла.

— Садитесь, садитесь, — проявил настойчивость инженер Кривицкий. — Мы едем к работодателю. Моя жена подобрала для вас необходимые вещи, лет пять назад я был в той же комплекции, что и вы.

Что ж, «свет не клином сошелся на одном корабле, дай, хозяин, расчет».

У Кривицкого в машине и одноразовая бритва нашлась (типа стикера, прилепил — отодрал щетину), и ножнички, выгрызающие сотнями лезвий многолетнюю грязь из-под ногтей, и могучий дезодорант, который бы кучу фекалий заставил благоухать, как розовый куст. И кофейник тут, и тостер — просто жизненное пространство на колесах. А еще у него в машине голографический телевизор, дикторша будто в соседнем кресле сидит, на Кривицкого ласково смотрит, да еще и по имени его называет. Понятно, что это бортовой компьютер свои усовершенствования в передачу вносит, но всё равно впечатляет. А потом дикторша ко мне полуобернулась и тоже по имени назвала. Нежно так, хотя и с иностранным акцентом: «Саймон Иваноувич». Я аж подпрыгнул, но потом сообразил, что борт-компьютер мой ID-чип просканировал.

— Улыбайтесь поменьше, — посоветовал мне инженер, — такие зубы, как у вас, в общечеловеческом пространстве не носят.

— Улыбаться поменьше — это нетрудно. Я теперь грустить буду, вы меня так расстроили.

— И поменьше рассказывайте о себе. В предварительном разговоре я представил вас работодателю, как личность, пострадавшую от прежнего режима и временно потерявшую трудоспособность. Чтобы от вас не потребовали сертификата.

— Пострадавший от прежнего режима? Неужели вы представили меня растлителем малолетних?

— Я ценю ваше чувство юмора, Семен Иванович, но постарайтесь сейчас сосредоточиться на самом главном.

А вот уже и приехали. Очень мне не хотелось из лимузина выходить, Кривицкий меня чуть ли не за шиворот в автомастерскую втащил. И тут же растаял, словно привидение поутру, чтобы не портить свой портрет таким обрамлением, как я. Тут я могу его понять, не будем требовать от людей невозможного.

Пять лет назад автомастерские еще были полны дядек в грязных спецовках, полнились штабелями шин и прочими деталями, сваленными на пол около обшарпанных стен. А сейчас это фактически офис. Руки сотрудников бегают по виртуальным клавиатурам, глаза скользят по виртуальным экранам; между полом и потолком крутятся-вертятся голографические модели машин; за прозрачными стенами офиса, в производственном помещении, орудуют гибкие манипуляторы, похожие на собрание змей. Они собирают или совершенствуют автомобили на индивидуальный вкус.

Меня как обухом стукнули — стою, боюсь, как и в тот день, когда впервые увидел дубину с гвоздями, которую применял Иван Магометович для обороны от конкурентов. Как не боятся, я же пять лет дикарем прожил, на кулаке спал, на пеньке сидел, под забор ходил, как по малой, так и по большой нужде.

Хозяин мастерской не подал виду, что я ему напоминаю бомжа, и будто не обратил внимания на персональные данные, которые сканер считал с ID-чипа, вживленного полицией в тонкие кости около моего глаза. Хотя там было указано мое «постоянное место жительство» в деревне под названием... назовем ее Засранкино для благозвучности. Но было видно, что Кривицкий для этого мужика — авторитет.

Блин, я и на стуле-то разучился сидеть, все же больше на корточках у стены. А тут не просто стул, но интеллектуальное седалище, мудро взаимодействующее с моей задницей и спиной. Интерфейс, как у компьютера. Не так запрограммировал этот стул и сразу полетел вверх тормашками.

Я весь вспотел, пока садился, а вдобавок мне на нос опустились очки виртуального обозрения. Я стал ошалело мигать, как дикий степной гунн, попавший во дворец китайского императора. За те пять лет, что я выпал из айтишной темы, виртуальные клавиатуры и экраны превратились из дива дивного, выставленного на выставке, в заурядное дело. К концам моих пальцев сразу «прилипло» десяток виртуальных окон, хуже соплей. Я еще чувствую, что все сотрудники наблюдают за моими трепыханиями, хихикают. Но тут милосердный Ахурамазда послал кафе-тайм и сотрудники мигом «вознеслись». Над нами как раз проплыл воздухоплавательный общепит, здоровенный цеппелин, спустивший трубу лифта... Мне наконец удалось отлепить виртуальные экраны от своих пальцев и разобраться с механикой современного программирования.

Создатели современных инструментов программирования добились не только зрительного представления математических объектов, но и тактильного — их можно было щупать, толкать, вращать. К концу перерыва мне это даже понравилось — если операторы и операнды не могли сойтись вместе, то они просто вылетали из моих рук, если могли — то мигом слипались. Построение программного кода нынче было веселым занятием и напоминало игру Лего.

Лифт воздушного ресторана спустил коллег обратно и они, заметив, что мое обалдение прошло, мигом обступили меня и стали несколько заунывно поздравлять со вхождением в team. Про то, что я «жертва прежнего режима», их начальник уже растрындел, и мне осталось только важно надувать щеки, когда мне рассказывали, как я страдал. Пока исполнялся этот ритуал, я по большей части рассматривал баб. Женщины в наши допотопные времена как-то лучше были, нежнее, с замечательными выпуклостями. А эти нынешние амрашки — в плечах шире, чем я; задницы плоские, тазы узкие, движения резкие, голоса ме-

таллические, «излучают динамизм и оптимизм». Такой, с позволения сказать «бабе», родить ребеночка так же сложно, как и кофейнику. Для этого дела теперь применяются мамы-суррогатницы из аборигенского населения. А на мужиков вообще лучше не смотреть, вдруг как ответят долгим пристальным взглядом. Все амраши находятся в диапазоне от метросексуалов до чистых педиков. Ни одной морщины, губы пухлые, красные — срамота, обеспеченная пластиковыми имплантами и зародышевыми клетками нерожденных младенцев...

Начальник нагрузил меня заданием — научить автомобиль ехать туда, куда хочет водитель. Это нынче вполне осуществимо. Сенсоры считывают небольшое напряжение мышц, сопутствующее мыслям, далее интерфейсы сканируют аналоговые данные, цифруют их — еще немного повозиться над вызовом стандартных библиотечных функций и рулевая часть начинает откликаться!

К концу рабочего дня я настолько был в теме, что стал усиленно размышлять, как буду развлекаться вечером. Для начала деньжат стрельну до получки у кого-нибудь, потом махну на такси в центр города, дальше ресторан, дискотека, бордель. Или наоборот: бордель, дискотека, ресторан. Вообще я не такой, не любитель таскаться по «сковородкам» и бардакам, но сейчас это просто необходимо для восстановления самоуважения...

На одном из экранов вместо математического объекта появилось изображение человека в симптоматичном котелке и сразу запахло неприятностями.

— Будем знакомы, Семен Иванович, — сказал этот тип. — Я — интроспектор Бахман. А вы, если не ошибаюсь, господин Зимнер.

Век бы тебя не видеть, и то бы не соскучился. То, что он обратился ко мне «по старинке», с отчеством, мне уже не понравилось. Намек на что-то. И это не какая-то тупая программа, а, похоже, искин*...

— Это вы так произносите слово «инспектор»? Отстал я от жизни, пока реабилитировался от страдательной жизни при прежнем режиме.

---

* Искусственный интеллект.

— Вы не страдали от прежнего режима, — строго сказал интроспектор.

Он это знает и я это знаю. Ну, не страдал я, не страдал. Хотя думал, что страдаю. Думал, что начальство меня недооценивает. А сам сидел в чистом офисе, каждый сорок пять минут перекур, кофейку попить или лясы поточить.

— Почему это я не страдал? Что я рыжий, что ли? — Черт, что за лексикон у меня, артельный. — И почему я сегодня не имею право работать и зарабатывать на жизнь для себя и своей семьи, господин Бахман?

— Имеете, господин Зимнер. Однако, согласно акту «О восстановлении свободы на территории бывшей Российской Федерации», для работы в отраслях высоких технологий вы должны или иметь гражданский сертификат, такой как American Not Russian Certified Professional, или же находится на социальной реабилитации, параграфы 12 и 13. Вы не подпадаете ни под один параграф данного акта, я уже получил сведения о вас из базы данных Комитета Защиты Свободы. Таким образом, будучи задействованы в высокотехнологических отраслях, вы потенциально представляете угрозу гражданским свободам.

Ясно, имею право получить по шее в любое удобное для Комитета время.

— А почему я не представляю угрозу свободам в низкотехнологических отраслях?

— Почему не представляете? Представляете. Однако размер потенциальной опасности не сопоставим.

Мой вопрос не поставил интроспектора в тупик. Это точно искин, не думает вовсе, сразу отвечает, и мимика у него не дубовая.

— А насколько ваша потенциальная опасность близка к реальной?

— В вашем случае опасность действий, угрожающих свободе, оцениваются с высокой вероятностью в 28 пунктов. И если положить руку на сердце, товарищ Зимнер, разве вы не были преданным бойцом прежнего режима?

Повалять что ли дурака, хотя вряд ли это поможет.

— Это как?

— Из армии прежнего режима вы не дезертировали до самого последнего дня его существования. Наоборот, в нашем распоряжении имеется ваш послужной список, и некоторые его пункты свидетельствуют о вашем участии в военных преступлениях.

Этот фигов интроспектор явно что-то накопал на меня. Обидно! Если бы я не полез в «сферу высоких технологий», то даже искусственному интеллекту все эти «военные преступления» были бы до фени.

— Во даете. Вам что, только дезертиры и мародеры нужны? Как это зенитчики могут участвовать в военных преступлениях, вы чего? Преступления — это когда делаешь что-нибудь плохое безобидному человеку, а мы стреляли по вражеским самолетам и вертушкам, которые лупили ракетами и умными бомбами. Это такие большие конфеты с шариково-спиральной начинкой. И, когда шарики оказывались у нас в брюхе, а спиральки в голове, то нам становилось очень не по себе.

— Вы что, господин Зимнер, так до сих пор ничего не поняли? Это были не вражеские, а дружеские летательные аппараты, потому что они несли вам свободу. Разве не знаете, что отважные диссиденты выходили в это время на демонстрации под лозунгами «Больше бомб!». А когда вы сбивали самолеты и вертолеты, то погибали пилоты, молодые мужчины и женщины, выполняющие свой долг. Вы были таким же столпом режима, как и ваш дед.

— А если мы сбивали дроны*? Они тоже были молодыми?

— Это наносило большой ущерб силам свободы. Вы ничего не осознали ни во время войны — а ведь могли бы и вводить неверные целеуказатели в систему управления ПЗРК — ни после. Вы даже не попробовали раскаяться и пройти курс морального очищения, после которого вас бы допустили к экзаменам на получение гражданского сертификата.

Я понял, что больше не могу, достал меня этот искин. Может, это вообще не искин, а реальный немец-перец в онлайне, уж больно нравится ему издеваться, просто тащится. Не раз-

* Беспилотные летательные аппараты.

дражение, а тяжесть заполнила мою голову, липкая сонливость стала склеивать веки.

— Что теперь, герр оберштурмбанфюрер? Газенваген?

— Не хамите, иначе против вас будет еще выдвинуто обвинение в диффамации. Сейчас вы должны немедленно покинуть это рабочее место. В ближайшее время мы найдем вас и вам скорее всего будут предъявлены обвинения по сознательному обману работодателя. И я не исключаю, что Комитет Защиты Свободы соберет достаточные улики и привлечет вас к ответственности за военные преступления. Кроме того, вам грозит иск от ассоциации «Вдовы демократии» — о возмещении морального ущерба, нанесенного вашим дедом, полковником советского ПВО, в 1956. Учитывая деяния вашего дедушки вы, можно сказать, потомственный враг свободы. Кстати, в 1943 ваш дед, будучи юным сталинцем, зверски убил гранатой трех деятелей украинского национально-правозащитного движения. Так что, возможно, вам придется отвечать по еще одному исковому заявлению... До свиданья, господин Зимнер. Не забудьте вернуть на место очки виртуального обозрения и сдайте чип-пропуск робогарду у входа.

Если ты искин, Бахман, да будешь ты поделен на ноль и заживо пожран вирусным кодом. Если ты человек, Бахман, то очень надеюсь, что мой дед уничтожил и твоего дедушку-фашиста гранатой так же, как тех трех бандеровцев.

Я встал и пошел по коридору к наружным дверям. Стены с экранами-обоями окрасились подводной голубизной, я как будто тонул в океанских глубинах. Ни ног, ни тела я почти не чувствовал, будто и в самом деле на меня действовала сила Архимеда. Наконец я набрался мужества и остановился, чтобы попить кофе на дармака из автомата, почему бы не словить последние удовольствия этого мира. Мимо прошествовали бывшие сослуживцы, никто из них даже не оглянулся на меня. Они уже всё знали о том, что я не пострадал от старорежимной деспотии — ни как педик, ни как защитник животных и прочих тварей.

— Ах, черт, пиджачок забыл.

Дареный пиджак — это единственный прок от всей этой истории. Да меня грудная жаба заест, если я брошу его здесь. Я просто угасну, как Добролюбов. Этот пиджак мне уже дорог, как люлька Тарасу Бульбе.

Я вернулся в комнату за пиджаком, который висел на человекоподобной вешалке в углу.

Вышел на улицу, если можно назвать улицей полупрозрачную эстакаду. Свежий ветер нес стаи рекламных пузырей, один из них завертелся вокруг меня, нашептывая: «Ты устал, быстро несущееся время крадет удовольствия. Женщина быстрого изготовления всегда готова любить тебя. В сухом виде она легко помещается в карман...» Я машинально сунул руку в карман. Там лежала горстка пластиковых монет и USB-ключ. Тот, что годится для доступа к автомобильным компьютерам. Это — не мое. И пиджак, стало быть, не мой, но очень похожий на тот пиджак, что подарил мне инженер Кривицкий. Тьфу ты! Я, получается, одежку перепутал. Для меня все эти современные пиджаки без пуговиц из никогда не мнущейся материи — все на одно лицо. Точно-точно, на вешалках два пиджака висели. Один — мой, другой — похожий на мой. И этот «похожий» сейчас на мне. Если бы интроспектор не грузил меня по-черному, то ничего бы такого не случилось. Но ведь я и вернуться назад не могу, сдал ведь чип-пропуск. А если и вернусь, то меня могут запросто повязать за воровство, там все сейчас против меня. Значит, надо оставить себе чужой пиджак... Но и это опасно, опять-таки кража получается. Нынче даже за мелкую кражу карают по всей строгости, а не так как в старорежимные времена. Могут и пожизненный срок впаять — в клетку сунуть, а там заключенный через пару лет сходит с ума и его законно подвергают эвтаназии, «хороший индеец — мертвый индеец». Тарас Бульба, хоть и пожертвовал жизнью ради люльки, но он хотя бы её не перепутал с чужой...

Мимо меня проходил «общественный транспорт» — мусороуборочная робомашина притормозила возле здания и загрузила баки. В одном из них уже был я.

3. Криминальные лохи

— Вали отсюда, — сказал Иван Магометович. — В одной реке нельзя дважды искупнуться.

Он таки помнит мои изречения, хотя и в извращенной форме.

— Нельзя дважды войти в одну реку, — вежливо поправил я шефа и предложил. — Давай будем считать нашу артельную жизнь озером или лужей.

— Все равно отваливай, пока не схлопотал. Я на твое место другого уже взял, молодого специалиста, способного, гибкого, но без твоей зауми. Денег не будет требовать. А зачем ему много денег? Пусть поработает за макароны и колбасу, ведь главное, чтобы стимул был, — увлекшись рассказом о современных методах управления, Иван Магометович утратил характерные рычащие интонации; голос его приобрел мелодичные пиаровские нотки.

Не зря все-таки pr-менеджеры просиживают штаны и придумывают методы. Если работнику гарантировать сто тысяч в месяц, он быстро отучится работать, а если ему не гарантировать даже куска колбасы, то он будет гореть на работе. Хотя колбаса Ивана Магометовича — это на самом деле корм для свиней, который получается из какашек методом переставления молекул на механохимических фабриках.

— А не заболеет твой специалист от употреблени гов... то есть колбасы в пищу?

— Заболеет, вылечим, у меня ветеринар знакомый есть. Разве собака сильно отличается от человека?

— Я тоже считаю, что собака совсем не отличается от такого человека, а если и отличается, то в лучшую сторону.

Иван Магометович вдруг сообразил, что я заговариваю ему зубы.

— А ну, отваливай, Семен, а то и впрямь вмажу.

— Вещи забрать можно? — смиренно попросил я.

— Нет у тебя тут никаких вещей. Ты мне должен остался. Будешь еще приставать, получишь по рогам в порядке возврата долгов.

Я не стал испытывать судьбу и быстро ретировался, как принц Евгений Савойский при явном превосходстве вражеской артиллерии. А в условиях дикого капитализма кулаки Магометыча поядренее многих ядер будут. Может, он насчет измены его подруги боевой что-то пронюхал. Или почувствовал. Настоящий вождь всегда всё чувствует нутром.

— Прощай, Сидящий Бык, у тебя продолжается испытание властью, — сказал я напоследок, — Я ухожу к духам предков. Не пускай дым из ноздрей, пока я не удалюсь на достаточное расстояние. Отдай мой вампум и мои мокасины лучшему воину племени.

Сальдо оказалось неутешительным. В результате «повышения по службе» я остался даже без сапог и ватника. Но не мог же я господину инженеру вчера утром сказать: «Погоди немного, я пока соберу свои манатки». А потом еще с мешком смрадного шмотья полез бы к нему в лимузин... Теперь у меня одна дорога — на городскую свалку. Там тоже работает несколько артелей, не считая диких собирателей. В артель могут не принять, у них там менеджер по персоналу работает лучше, чем в иных корпорациях, а дикие собиратели долго не живут. Артельщики просто уничтожают своих диких собратьев, как кроманьонцы уничтожали неандертальцев, потому что те снижали им норму прибыли. Совпадает даже момент каннибализма. Правда кроманьонцы напрямую ели неандертальцев, а артельщики перерабатывают диких собирателей на механохимических мусороперерабатывающих фабриках в корм для свиней, а употребляют уже ветчину и бекон, получившиеся из свиней...

До свалки топать километров пятнадцать, да еще под дождем, в дареных полуботиночках. Осень. Осень жизни. Осень мира. Надо благодарно принимать. Вот муть. Я, как облетевший лист, который не нужен дереву, потому что скоро зима. А весной появятся новые листья. Утешает? Не очень. У меня тоже были времена ничего, особенно до войны. Дом, теплый сортир, любящая жена (ну, это я слегка преувеличиваю). Сынок Егорушка звал именно меня, а не какого-то дядю, папой. А я еще гневил небеса, жаловался. Жизнь была нормальней некуда: разнообразные хобби, интересная высокооплачиваемая работа (это я немного преувеличиваю). У меня даже любовница была. Это, впрочем, я тоже гиперболизирую. Во всяком случае Люба Виноградова была не только моей непосредственной начальницей, но и девушкой что надо. Поэтому я был без ума от нее. Разглядывая ее фотки, я мысленно раздевал и одевал ее, мысленно спасал ее из огня и воды, мысленно катался с ней на лыжах в

Куршевеле и на «колбасе» в Анталье. Естественно тоже мысленно. Более того, у меня была кукла по имени Люба, маленькая такая, таскал ее в портфеле, потихоньку доставал её и разговаривал о том о сём (Разве я извращенец, учитывая какие куклы нынче в ходу, с гениталиями в полный рост, с подогревом, с позами из Камасутры?). Увы, мои чувства к госпоже Виноградовой не имели никакой «положительной обратной связи». Я, когда окончательно понял, что никак не достучусь до ее каменного сердца и до ее электронно-вычислительной головы, уволился с той работы и женился на первой встречной, то есть на жене своей, то есть уже не моей. Люба Виноградова никогда не ждала меня, а жена не дождалась, вернее не дождется...

— Стой, — меня окликал юнга Васек, — Семен Иванович, замри.

Вот надоеда, такие воспоминания оборвал.

— Послушай, отрок, ты вместе со всей артелью «Напрасный труд» уже в моем прошлом, страница перевернута. Кроме того, у тебя еще не кончился рабочий день. Ты на плохом счету и менеджмент сомневается в твоем карьерном росте. Старшим помощником младшего дворника ты станешь только через полвека, когда волны мирового океана уже сомкнутся над последними атлантами.

— Магометыч поставил надо мной шефом какого-то педика, — с мучением в голосе пожаловался Василий.

— В этом нет ничего невероятного, если педики сейчас составляют половину населения. Педиком быть выгодно — получишь грант, как борец за свободу в половой сфере, и пенсию, как жертва прежнего режима.

— Этот попка всё время кого-то цитирует, Карнеги и этого еще... своих-то мозгов нет.

— Свои мозги потребляют сорок процентов всей энергии, поступающей в тело. Если при этом они не выдают ничего гениального, то непонятно, зачем они нам.

Васька хитро так, по-деревенски, улыбнулся и подмигнул мне.

— Семен, я видел, как за тобой приезжал мужик в сиреневом лимузине. Ты, в натуре, влез в кабину, и вы уехали в сторону города.

— Как влез, так и вылез. Тоже в натуре. Обратно возвращался на мусоровозке. Тоже своего рода лимузин, только не для людей, а для гнилой рыбы и прочей тухлятины.

— По нулям, что ли, Семен Иванович?

— Я — оптимист. В твердом остатке не круглый ноль, а ноль целых хрен десятых. Вот пиджачком разжился, надеюсь, что он мне идет. — Я смахнул с лацкана рыбий хвост, оставшийся со времени путешествия на мусоровозке. — В кармане мелочь бренчит. На пиво один раз хватит.

— Мне кажется, ты что-то недоговариваешь. — Васек оказался неожиданно цепким, во время работы я за ним такого не замечал. — Может, ты еще чего там надыбал? Я бы на твоем месте не зевал.

— Это что, допрос? Тогда надо мне свет в глаза пустить и встать за моей спиной. Хорошо, отвечаю — в кармане пиджака нашелся еще USB-ключ для автомобильных компьютеров.

— Он подходит для всех борт-компьютеров?

— Не для всех, а только для тех, которые выехали из автомастерской, где я чуть было не получил работу. И только до той поры, пока владелец не сменит код доступа — с начального на свой.

— Это что, мало? — с интеллектуальным превосходством в голосе сказал юноша Василий. — С таким ключом можно охотиться на все машины, которые выкатываются из твоей автомастерской. С ним можно нападать и курочить. Курочить и нападать.

— А по попе ремнем? Встань в угол, плохой мальчик. И вообще уже слышали это, «тварь я дрожащая или право имею». Но понимаешь, Василий, еще неизвестно, кто на кого охотиться будет. На твое предложение открыть дверь и впустить тебя в салон автомобиля — чтобы ты мог поковыряться в его борт-компьютере — амраш ответит выстрелом в пузо из крупного калибра. Мы же для них, как индейцы сто лет назад. Они нас, кстати, индейцами и называют, промеж себя, не в газетах.

— Да знаю-знаю, — нетерпеливо отозвался Васек. — Только ничего я им предлагать не стану, не дождутся. Смотри, чего у меня есть.

У Васьки был «нанослиппер». Где он его нашел, пес знает. Эту штуку иногда применят при строительных работах, когда одну поверхность надо сделать абсолютно скользкой и протащить по ней какую-нибудь другую поверхность. Одной своей стороной нанослиппер намертво цепляется к подложке, другая состоит из молекулярной структуры, которая максимально прикрыта электронной «шубой» и отталкивает все инородное. В итоге получается идеальное скольжение.

— Где взял?

— Где-где, на бороде. Надо спрашивать не «где взял», а «где намажем». Намажем где надо, автомобиль вылетит с трассы. Пока приедет полиция, мы его полностью обчистим, борт-компьютер вытащим и еще чего-нибудь там. Будет у нас доступ к сети, куча информации.

— Красиво жить захотел, интернет-хрентырнет, мечта мозги застила. А если полиция быстро приедет? А если нас фиксанут камеры наблюдения? А если водитель, неровен час, башкой стукнется и откинет копыта? Нам ведь тогда светит «вышка», господа присяжные с радостью затянут петли у нас на шее.

— Да я хочу жить по-человечески, — сказал Васек неожиданно зло, — хочу быть панком, хиппи, на «сковородку» ходить, пиво пить, девчонку хочу, тоненькую, с длинными ножками, а не какую-нибудь стокиловую повариху, у которой попа на коленках. Я, кстати, не в мусорном ведре родился. У меня, кстати, все было в ажуре, пока папаня-майор не склеил ласты на этой сраной войне. Плейеры, гаджеты и прочая фигня, всё было. Ладно, давай дуй отсюда, скатертью дорога. Первый раз вижу чела, который сам, да еще радостно, движется на кладбище под названием «большая местная свалка». Тебя же там и похоронят среди картофельных очистков, а затем механохимическая фабрика переработает тебя вместе с остальным дерьмом на корм свиньям.

И тут выяснилось, что Васек пробил мою оборону, оборону моей добродетели. Добродетель она ведь для сытых и довольных, которые стоят выше крысиных схваток. Если бы Васька остался бы таким же му-му, как и прежде, то я ни за что не подался бы в криминал.

— Попа ему на коленках не нравится. Что ты понимаешь, щенок. Если попа хорошая, то не важно, где она находится. У «поварихи стокиловой», между прочим, и душа не хуже, чем попа... Ладно, уговорил, только потом не жалуйся. Я запомнил несколько машин, которые завтра утром будут забраны из мастерской. В любом случае они проедут мимо заброшенного кирпичного завода, сворачивать там негде. Мы с Магометычем на этом заводе мусор сортировали еще до того, как ты в артели появился. Похоже, на тех развалинах нет никаких камер наблюдения, разве что дрон какой-нибудь сверху пролетит.

Васька исполнил что-то вроде хип-хопа, он просто сиял, он уже был там, в светлом будущем, с девушками и пивом. Глупый мальчуган, которому убили отца и уморили мать ради торжества красивых отвлеченных слов; он стал несчастным после победы «добра», поэтому его неловко начавшаяся жизнь никого не интересовала. И этого врожденного неудачника я взял в напарники.

— Семен Иванович, пошли назад, переночуешь в бригаде. Магометычу скажем, что на днях будут бабки, рассчитаешься за хлопоты.

Удивительно, но Магометыч в самом деле пустил меня на ночлег, когда Васька с ним пошептался. Видно, придется теперь делиться выручкой. И утром бригадир подбросил нас до трассы, откуда оставалось только пару километров до кирпичного завода на великах проехать.

Первый луч солнца «зажег» верхушку нанопламтовой Башни Демократии — такие теперь в каждом городе стоят, в том числе и в Джугра-сити, издалека видно. Над небоскребом «включилось» облако из нанодисплеев и стало показывать свежие новости, перемежаемые социальной рекламой. «Женщина чувствует всё лучше. Перемена пола — нанохирургически, без отрыва от работы. Сегодня модно быть ТРАНСЕКСИ».

Мы остановились. Через дорогу был пустырь, метров через триста большой мебельный склад, сзади — развалины кирпичного завода. Пора надевать вязаные шапочки с дырочками для глаз.

Я залег в мертвом кустарнике, облепленном серыми хлопьями техноплесени, передо мной на дороге суетился юркий Васек.

Я задумался о превратностях судьбы — это у меня часто бывает — и едва не пропустил шум мотора, современные газотурбинные движки довольно тихие.

— Вась, прячься, они через десять секунд будут здесь.

— Еще чуток.

— Не переборщи, иначе эта машина улетит с трассы как ракета. Ищи ее потом, свищи.

Я наконец поймал Васька за полу и стащил с дороги.

Вовремя. Мимо нас метеором пронесся бочкообразный «форд», просыпав на наши головы всякий сор. И ничего.

— Это твой нанослиппер так работает? Намажь им задницу, мальчик, чтобы меньше ерзать на горшке.

— У него период структуризации — до пяти минут, — весомо отозвался Василий.

Через пять минут мимо нас безболезненно пронеслась еще машина.

— Мне кажется, Василий, фокус не удался. Ты спёр не то и не там, это ж какая-то косметическая струйка для метросексуалов. Но все к лучшему в лучшем из миров. Мы пока поживем на свободе, и ты научишься воровать, советую найти себе опытного наставника...

И тут — прямо над нашими головами пролетает туша престижного «порше» и врезается в старорежимную кирпичную кладку. Бешено крутящиеся задние колеса повисли над ямой, мощный бампер наполовину искрошил стену. Дело в том, что амраши в наших краях предпочитают тяжелые автомобили — на случай теракта или гипотетической партизанской атаки, или просто для устрашения «индейцев».

— Ух ты, — свистнул Васек. Зрачки его были расширены, словно он увидел чудо-чудное, диво-дивное.

В самом деле, у нас получилось! Мы завалили вепря дикого, льва немейского, быка критского, воплощенного в пятистах лошадиных силах и четырех полноприводных колесах.

— Действуй, Семен Иваныч, полиция уже едет.

Я рванулся к правому борту машины и с размаху засадил кирпичом в стекло. Хоть хны. Непрошибаемое. Васька загорячился и, подхватив кусок арматуры, попытался рассобачить

стекло, слегка потрескавшееся от моего кирпича. И опять ничего. Мы и огорчится не успели — дверь отворилась изнутри. Водитель видимо решил, что пришла помощь, и сам открыл. Мужик и так был в понятном обалдении, а от нашего вида еще более опух. Раздувшееся в аварийном режиме кресло и подушка безопасности упаковали его в кокон, который нам сильно мешал. Васек, отжав кокон плечом, принялся шарить в бардачке, а я сунул USB-ключ в разъем на передней панели. Сработало! Я выдернул поддавшийся вперед борт-компьютер и бросил его в вещмешок.

— Всё, тикаем. Этого хватит.

— Надо у водилы еще бумажник и кредитки забрать. — Васек принялся резать кокон складным ножом.

— Вася, у нас нет ни секунды.

Я выскочил из салона, закинул вещмешок за спину и перемахнул через кирпичную стенку в тот момент, когда Васек, добравшийся до бумажника, испустил торжествующий вопль.

А когда я был по ту сторону стены, послышался шум тормозов и почти сразу выстрел. За выстрелом был какой-то тонкий заячий крик Васьки. Потом еще выстрел — больше парень не кричал.

Я бросился драпать, потому что было ясно — приехала полиция или кто-то из виджилянтов. Эти фрукты пострашнее полиции будут, потому что в плен брать не станут. Выстрелят в пах, в живот, подождут, пока истечешь кровью, или забьют бейсбольными битами, а потом в суде все будет подано как «необходимая самооборона». За виджилянтов и судьи, и прокуроры, и присяжные. Все они — амраши.

Я пересек половину цеха, когда двое полицейских появилось с другого конца и сразу стали стрелять — пули отскакивали от бетонного пола и кирпичных стен, рубя воздух во всех направлениях. Я бросился к двери в дальнем конце — мишень под названием «бегущий кабан», хотя до кабана мне, откровенно говоря, далеко. А у той двери еще виджилянт возник, и оснащение у него было лучше, чем у полисменов — автоматическая винтовка калибра двенадцать миллиметров со сканирующим прицелом.

Я верно уловил, что останавливаться нельзя. Виджилянт поднимает винтовку, целится, я бегу на него — уже даже не кабан, а бизон, тупее некуда. В самой последний момент я то ли поскользнулся, то ли сам упал и поехал на животе. Пули свистнули над моей головой, над спиной и задницей.

Я успел достать руками щиколотки виджлянта и, что есть сил, рванул их на себя. Виджилянт упал назад, но винтовка осталась в его руках. Ухватив ее обеими руками, как жердь, он ударил меня плашмя в грудь, откинув назад.

И тут же ствол лег мне на горло. Этот ковбой, кажется, решил задушить меня. Здоровый такой — в клетчатой рубахе, в бейсболке. Рожа красная, разъяренная, рот исторгает рычание пополам со слюной, а глазки холодные, внимательные — самое неприятное сочетание. И задушил бы — у меня уже пузыри в голове пошли. Но я, представив, как он наслаждается победой и танцует хип-хоп на моем трупе, психанул — а от этого все тормоза отлетают. Левой рукой нащупал обломок кирпича и со всего маха засандалил виджилянту в висок. Потом еще раз — между глаз. Кажется, я орал: «Вот тебе за Ваську, за Ваську» и бил, бил, пока виджилянт с залитым кровью лицом не повалился набок. Я подхватил его винтовку и...

Полицейские были на середине цеха, на фоне голых стен, их канадские широкополые шляпы приметным крестиком помечали их головы. А я лежал за упитанным телом виджилянта, удобно пристроив на его пузо автоматический винтарь. Я не мог промахнуться. Я ж всегда стрелял хорошо, хотя и предпочитал калибр покрупнее.

Полисмены, заметив перемену декораций, сразу потускнели и начали читать душеспасительные проповеди насчет того, чтобы я не отягощал своей участи и лучше бы обратился к адвокату. Полицейские не привыкли быть мишенями, им было неловко, однако, насмотревшись фильмов, они считали, что преступник — это идиот, которому вдруг станет стыдно, он бросит винтовку и предложит драться на кулачках.

Могло быть и так, но труп Васи остывал в полусотне метров отсюда, и я казнил их. Одного хлопнул в лоб, другому, обернувшемуся для бегства, засадил промеж лопаток — с таким уско-

рителем он еще метров пять пролетел. Теперь настал их черед обратиться в лучшую похоронную контору Джугра-сити. Будет проникновенная речь мэра, почетный залп, горнист сыграет вечернюю зорю. Красота, которой эти моральные уроды не заслужили.

Потом я сделал единственно возможное — выпустил остаток обоймы в тело виджилянта — помнится, и Суворов советовал колоть штыком злостного врага отечества не менее трех раз. Затем я стер свои отпечатки с ложа и ствола и, бросив винтовку, направился к тому месту, где оставил велик.

4. Фея стеклянной горы

— Защищайтесь, сэр!

Я знал, что в этот момент надо обернуться назад, потому что прямо сквозь дверь пройдет и материализуется Похититель Принцесс (ПП). Если прикоснешься к нему мечом, то окаменеешь и тогда спасет Принцессу кто-нибудь другой. Ухватив свою шпагу поудобнее, я швырнул ее на манер копья и попал монстру ровно в грудь, которой бы позавидовал шерстистый носорог. ПП стал морфировать, пытаясь извергнуть шпагу из себя вместе с лишними деталями организма. Этого ему на пять минут хватит. Я снова обернулся к графу, который вызвал меня на поединок. Конкурент, блин. Ему тоже принцесса нужна позарез.

— Сколько у тебя крепостных, паразит? — спросил неожиданно я.

— Простите?

— А сколько крестьянских женщин ты обесчестил по праву «первой ночи»?

— Повторите пожалуйста, я должен записать.

Видимо, мои вопросы настолько поразили этого невежду, что он не почувствовал подвоха. Я дернул ковровую дорожку и граф брякнулся на спину, задрав ноги. Как противны все-таки эти панталоны в обтяжку и гульфики, намекающие на размер половых органов — на Руси знали стыд и никогда такого срама не носили.

Я, не мешкая, пробежался по длинному графу, одолел анфиладу (комнат сто, не меньше), влез в маленькую дверь, замаскированную под камин, отсчитал по винтовой лесенке двести шагов вверх, рассек клинком огромный портрет герцога Де Ври. За картиной в золотой раме была маленькая комнатка на вершине башни. Но, прежде чем рваться вперед, надо сделать секундную паузу, иначе попадешь под нож гильотины.

В комнатке за картиной — самые важные персонажи. Здесь уж ни секунды не терять — иначе Фата Моргана отдаст свою старость принцессе и та мигом превратится в набор костей. На ведьму Моргану, сидящую в высоком кресле, ни в коем случае не смотреть — достаточно ее отражений на стеклах. Надо сорвать плащ с принцессы, накинуть его на ведьму и — хотя хочется немедленно выбросить старушку в окно — ее предстоит пару минут топтать, пока она не обратится в кучку праха и горстку червей. Их тоже надо передавить ногами. По сути, игры так безнравственны — они вызывают в нас ненависть к старикам и некрасивым людям; три тысячи лет развития цивилизации коту под хвост; Моисей, Конфуций и Христос могли бы не рождаться...

— Да как вы смеете? — подала голос принцесса.

Упс. Вместе с плащом я сорвал с принцессы и половину платья. Ножки у нее, хоть и нарисованные, но смотрятся недурно. Да и всё остальное — нарисовано классно, притягивает глаз.

— Я сгораю от стыда, принцесса, простите невольную дерзость.

С принцессы упала и вторая половина платья. Это в мрачном средневековье женщина носила ещё кучу исподнего, а в современной игре «ню» начинается сразу под парчой. Нея стояла передо мной, можно сказать, нагая, прикрывая свои прелести изящными ручками. Прелести были выдающимися, а ручки изящными — вылитая Моника Белуччи — так что прикрытие оказалось слабым. Я залюбовался. Нагую Монику, во времена оные, я всегда возле себя держал, фоновым рисунком на экране компьютера и так далее.

— Эй, ты чего там, дрыхнешь?

Это уже голос из другого мира, из нашего. В самый интересный момент пришлось срочно прятать терминал под ватник.

У меня всегда так — помнится, стоило мне уединиться с девушкой в комнате студенческого общежития, как в дверь сразу начинал биться комендант... Сейчас на горизонте возникла старушка-процентщица, которая заведует пунктом приема стеклотары и прочего вторсырья. Про себя я ее тоже зову Фата Моргана, чтобы не надо было лишнее имя запоминать.

Бабулечка, прости.

— Я — твоя, — сладко сказала принцесса из терминала.

— Ваше высочество, — зашептал я, наполовину распахнув ватник, — фея стеклянной горы Тара вызывает меня заклинанием, которому я не в силах противостоять.

— Что, что, это ты про какую тару? — прошипела добрая старушка. Кто бы унял старую ведьму? Что-то проворковала и принцесса из-под ватника; она, кажется, требовала подробностей.

— Все идет по плану, — успокоил я бабулю, правда не уточнил по какому. И быстренько разорвал соединение с виртуальным подземельем. Пусть прекрасная Нея и полунагая, и доступная, но в конце концов принцессы в играх — это все лишь символы, а исторические принцессы были капризными девками и членами эксплуататорского класса. Да и «заклинанию» реальной Морганы мне противиться никак нельзя. Она ведь запросто даст по шее. Бабка, хоть и старая, но рука у нее железная, наверное она раньше кузнецом работала, и драться она любит.

Подхватив в охапку бутылки, я ответственно кинулся помогать своей Моргане. Уже неделю, как работаю здесь — поднести, унести. А тем временем меня ищет полиция и виджилянты. Но у них, похоже, нет моего фото и моих отпечатков тоже. По счастью, ничего телесного я им не оставил, даже кала на анализ ДНК. А Васек мертв. Из-за меня мертв, не сумел я юнцу мозги вправить вовремя, поддался его дурацкой агитации — и вот результат.

Мне перед Васьком вдвойне стыдно, потому что я живу сейчас в общем недурственно. Я, можно сказать, присвоил себе его победу. Автомобильный борт-компьютер перепрофилировал в мобильный терминал для баловства в сети. В сети быстро нашел нужные порталы, за ними виртуальные дворцы, киберпод-

земелья, тач-румы, интим-залы. Средний доход господ и дам, которые там развлекаются, превышают мой в миллион раз. Назанимаются они фитнесом, шейпингом и сексом, а там подавай им виртуальные забавы. Для этого у них есть полноценный доступ: сенсорные костюмы или вообще нейроконнекторы; дамы предпочитают диффузные нейроинтерфейсы, принимаемые орально; джентльмены подключаются через разъемы, выводимые в кожный покров на манер пирсинга. А у меня — всего лишь неплохой, но чертовски маленький стереоэкранчик. Так что, по большей части, я домысливаю впечатления...

Теперь за работу. Ящики с литровыми бутылками из-под бормотухи надо перетащить поскорее к выходу — сейчас приедет робомобиль, сам погрузит крючковатым манипулятором и увезет. Еще надо рассортировать приличную горку пластиковой и жестяной тары. Саморазрушающийся нанопластик — в отдельный бак, там это все превращается в неаппетитную фекального вида массу, ее можно использовать на полях в виде органического удобрения или переработать на механохимической фабрике в колбасу для бедных. Из банок с тушенкой буду выдергивать чипы и топливные элементы, чтобы бомжи не стали их использовать бесплатно. Из молочных пакетов стану упорно выковыривать дисплейчики, показывающие рекламу гейклубов и прочую дребедень, потому что оплаченное рекламное время строго лимитировано. Все очень рационально и крайне бессмысленно — работа для биомеха. Но я обхожусь моей Моргане гораздо дешевле, чем биомех, стоимость которого, как известно, включает стоимость таких торговых марок, как знаменитый «интеллоплант ТМ».

— О мой рыцарь, ты слышишь меня? Здесь так темно. Затепли хоть свечу.

Голос из-под ящика, куда я положил терминал. Что за черт? Я же его выключал! Дрожащими руками я поднял ящик — терминал работал, более того на нем горел индикатор широкофокусной встроенной камеры.

— Рыцарь, где вы? Что это за подземелье? Вас заколдовали и превратили в орка?

Агурамазда всемогущий. Как эта чертова принцесса сошла с игрового уровня и перескочила на уровень мультимедиального «чэта»?

Я схватил терминал и стал лихорадочно давить на кнопки. Механического выключения у него вообще нет, а софт-кнопка «останов» не реагирует: система требует сперва завершить все процессы. Попытался отключить камеру — но команда не прошла. Только с пятого раза прервал «чэт» и запустить функции игрового уровня.

— Наконец вы избавились от этого жуткого образа, я так рада, — облегченно вздохнула принцесса Нея. И у ней с образом в порядке, платье восстановилось, вроде бы то же самое.

— Я-то как рад, ваше высочество — подыграл я. — Думаете, легко быть орком? Шерсть линяет, блохи кусают, третий ряд зубов прорезается — мрак. А заклятия злой феи такие липкие.

— Рыцарь, не было шерсти у тебя. И гривы и хвоста тоже. Ты принял образ орка не из нашего игрового пространства. Это был... какой-то соцарт. Эта, как ее, «телогрейка» была на тебе и обувь из валяной шерсти.

Ексель-моксель, она и валенки мои разглядела. Ишь привязалась-то, девка-то видно из дотошных. Есть такие дотошные, что и прыщ на своем носу станут два часа рассматривать. Хотя Нея может и не девка вовсе, а гей какой-нибудь, они вообще без мыла в любую задницу влезут.

— Это, ваше высочество мое, был не соцарт, а сбой. У меня куча библиотек на терминале, люблю самостоятельно их линковать при компиляции графических программ. Простите, принцесса, что я нарушаю правила этикета, употребляя инородную лексику — но так понятнее.

— Я прощу вас, только когда вы приблизитесь ко мне. Только не вздумайте падать на колени. Что вы сейчас чувствуете?

Дело принимает скверный оборот. Если к виртуальной принцессе «приближается» человек, подключенный через нейроконнекторы или хотя бы в сенсорном комбинезоне, то ему будет доступен практически весь диапазон ощущений, обоняние, осязание и так далее — без какой-либо работы мысли и домысла. Мне же, с моей хилой консолью, приходится в основном фантазировать.

— Так что вы ощущаете? — настойчиво стала вопрошать виртуалочка.

— Легкое тепло вашего тела.

— А аромат?

— Фиалка. Он плывет сквозь меня и словно качает на легких сиреневых волнах.

— Это не фиалка, а приличные французские духи. Да, да, я знаю, вы опять криво слинковали библиотеки, поэтому матрица ароматов интерпретируется неверно. А теперь обнимите меня.

Да мне не обнять, а задушить ее хочется, чтобы отстала.

— Я же рыцарь, о моя госпожа, натуральный, с гербом. У нас, у рыцарей, своя система обращения с женщинами, чтобы отличаться от простонародья, которое тискает подружек в подворотне, потому что им говорить не о чем.

— Обнимите меня. Я приказываю вам! Шевелись, вассал. Иначе я всем расскажу, что вы на мне платье порвали в порыве похотливом. А дальше знаете что? Рыцари Круглого Стола разом вступятся за мою честь.

Надо протянуть виртуальные руки, иначе придется протянуть виртуальные ноги. Эти рыцари — хряки с поросячьми мозгами и жирными загривками, им не за столом круглым сидеть, а в свинарнике из корыта четырехугольного хлебать.

— И что, о мой верный вассал, сейчас ощущают ваши руки, которые сошлись за моей спиной?

На днях я видел ее у балюстрады, смотрящей на долину, кажется она была именно в этой одежке. Она стояла задом, пардон, спиной ко мне, и сзади на платье у нее вроде был глубокий вырез.

— Нежность вашей кожи. Ваша кожа почти как музыка, кружит голову.

— Могли бы придумать что-нибудь пооригинальнее. Кстати, вы должны ощущать нежность вовсе не моей кожи, а легкой ткани, муслина. Это, согласитесь, не одно и то же. Ну что, снова будете пенять на библиотеки? Или что-нибудь новое придумаете?

Тьфу, поймала, что-то у меня с памятью последнее время. Сколько бутылок зеленых и сколько коричневых я отсортиро-

вал — это помню, а про вырез на спине забыл. Уже и бабка Моргана, царица тары, зовёт меня дурным голосом. Этот ящик с пластиковой тарой страшнее, чем любое подземелье с привидениями, с ним работы еще минимум на час.

— Принцесса, мне надо перезагрузить систему и перекомпилировать игровой интерфейс с помощью стандартного компоновщика. Простите, я должен откланяться.

— Не торопитесь, рыцарь, я еще не закончила разговор с вами.

— Но фея стеклянной горы Тара уже зовет меня. Как я уже говорил, я не в силах противиться ее заклинаниям, которые она унаследовала от медноголового змея.

— Фея подождет вместе с заклинаниями от зеленого змия. Выбирайся с этой свалки и следуй моим указаниям.

У меня сразу комок в горле, с детства так всегда, когда чувствуешь начало неприятностей.

— Ваше высочество, вы что-то спутали, мы в замке, а не на свалке.

— Хватит, — в голосе принцессы Неи прорезался холодок, да какой там «холодок», настоящая сталь. — Следуй моим ценным указаниям или я вызову полицию.

— За что? — максимально бесхитростно пролепетал я.

— За то, что ты украл борт-компьютер под номером «Int-987-V23»? — грозным прокурорским тоном произнесла принцесса Нея. — Во время криминального инцидента погибло четверо: твой напарник-бандит, и трое стражей порядка. Это, согласись, немало.

У меня внутри все обвалилось, как в доме, в который попала пятитонная бомба.

5. Кукла в руках принцессы

— А ну-ка марш на рабочее место, алкаш несчастный, — гаркнула Моргана, владычица стеклотары.

— Уйди, старушка, я действительно в печали.

Я вышел на улицу, игнорируя предостерегающие окрики бабушки Морганы. Даже не вышел, а выплыл, повинуясь напору злой воли, как бумажка повинуется потоку воды в унитазе.

— Ты должен делать все, что я тебе скажу, — повторила принцесса совсем ледяным голосом, чтобы я лучше запомнил — похоже, вокальный интерфейс делал ее голос еще злее; так могла бы разговаривать голодная кобра.

— Я теперь, как твоя любимая кукла? А может, ты не принцесса и даже не девушка вовсе? А такой старенький мафиози с испорченной ориентацией.

— Я не стесняю свободы твоей мысли. Мне важно только то, что ты будешь делать. В противном случае тебя ожидает целая гора неприятностей, на вершине которой будет электрический стул.

Похоже, я доигрался. Говорил же себе, завязывай с онлайн-играми, играй сам с собой в крестики-нолики. Принцесса в курсе, как у нас работает правосудие — присяжным всегда хочется загрузить электрический стул работой, поэтому мне теперь не увернуться от роли раба.

— Как я понял, твое высочество предлагает мне сделку. А что после того, как я исполню твое задание? Ты меня отпускаешь с богатыми подарками?

— Я тебе не предлагаю сделку, я даю тебе возможность пожить еще. Эй, не закрывай пальцем глазок видеокамеры. Пальцы у тебя грязные, и он может запачкаться.

— Меня зовут не «эй», а рыцарь Печального Образа.

— Тебя зовут Семен Иванович, мои программы распознали твой грязный образ и сверили его с данными, имеющимися в официальных базах данных.

Вообще облом!

— И сейчас ты, Сеня, отправишься на улицу... дай-ка гляну на карте... маршала Пилсудского. Это северный пригород Джугра-сити.

— Извините, а мне к вам обращаться по-прежнему «ваше высочество»? Но в некоторых районах города меня могут неправильно понять и вызвать карету скорой психиатрической помощи. После того как меня переоденут в смирительную форму одежды, я уже не смогу служить вам, о моя госпожа. Или вы все-таки господин?

— Ты же знаешь мое имя. Зови меня Нея.

Замечательно придумано. Только сейчас осознал. «Не-Я». А я-то думал, что весь мир — это я. Забросить бы сейчас терминал в какой-нибудь мусорный ящик, растоптать его... ан нет, Нея знает мое расположение, мое имя-отчество и без авто я не успею далеко уйти.

— Вы несколько не в теме, Нея дорогая. Улица маршала Пилсудского, да обкакается он в могиле, на самом деле не улица, а эстакада, по которой можно проехать лишь на автомобильном транспорте. Да и далеко это, робобус туда не ходит. Вообще-то в Джугра-сити всех туристов везут в центр, где стоит многоголовый памятник местным Мученикам Свободы — хану Кучуму, философу Бульбулису и бизнесмену Бандакидзе, который пожертвовал целый миллиард на вооружение правозащитников. Внутри монумента расположен музей — там можно увидеть оригиналы чеков, которые были выписаны на дело нашей свободы.

— Ты мне зубы не заговаривай, садись в машину и езжай. Ты должен минут через сорок быть в отделении курьерско-почтовой фирмы SDPD на улице Пилсудского. Там получишь посылку и двинешься по трассе «Джугра-Оушен» на север.

— Уже сел. Трррр, еду.

— А я не шучу, Семен Иванович. Ты сейчас на пригородной трассе возле большой груды металлолома, хорошо видной из космоса, и рядышком тебя ждет машина.

— Да, здесь стоит машина, но...

— У тебе мало времени, меньше, чем ты думаешь.

БМВ*. Не самой последней модели, однако не рухлядь. Я дернул за ручку, дверь открылась. Сел в салон, ключ был на месте, а сидение стало подстраиваться под мою сутулую фигуру. Повернул ключ и мотор заработал — топливные Н-элементы еще годны на сто километров пробега — зажглись индикаторы и замерцал экран навигационной системы. Тронулся с места, еду. Как белый человек!

— Ты и в самом деле видишь меня, Нея?

— Вижу во всех видах, не только через глазок терминала, но и через спутниковый «глаз». Так что не потеряешься.

---

* Брянск Мотор Верк.

— А если остановит полиция?

— Машина абсолютно чиста и приобретена на твое имя, на ее счете есть достаточная сумма, чтобы оплатить платные дороги, в бардачке лежат права, оформленные на тебя. Но вообще полиции попадаться не рекомендую, вид у тебя некачественный, счет в банке отсутствует, кредитная история тоже. Если они начнут тебя проверять, то можешь быстро увязнуть.

Трасса встала на едва заметные опоры, взмыла в воздух и влилась в скайвей. Навигационная система показывала маршрут, борт-компьютер не дал бы врезаться во что-нибудь и расплющиться обо что-нибудь, если бы я даже бросил руль. Но скайвей проходил на высоте около полукилометра — ты как будто летишь на самолете, и жизнь вокруг прекрасна.

Солнце раздувает своим светоносным дыханием розовые нимбы на верхушках городских башен. Справа видны каменные волны Урала, растительность на склонах была уничтожена техноплесенью еще во время войны; чтобы красные партизаны не смогли спрятаться, но для хорошего настроения там все раскрашено исполинскими граффити. Слева — серая поверхность бывшей тундры. И на ней все растения, от лишайников до березок, были пожраны плесенью и тем теплом, которое она выделяла при расщеплении биомассы. Однако теперь ее украшают опоры скайвеев, похожие на исполинские елки, и словно катятся по ней огромные хрустальные шары — это приемные станции орбитальной энергетической системы. Сквозь синеву неба просматриваются нижние кольца Космического Змея* — словно шестерки. Три шестерки видны особенно отчетливо. Я напрягся и разглядел четвертую.

Залюбовавшись пейзажем, я едва не проскочил съезд, ведущий к офису почтовой службы SDPD. Спуск вниз, кстати, напоминал спуск летательного аппарата по баллистической траектории, во время снижения у меня под ложечкой большая черная дыра нарисовалась. С утра там, под ложечкой, пусто, и когда придется перекусить — неизвестно.

* Цепочка орбитальных поселений, лабораторий, энергетических мощностей, имеющая спиралевидную форму.

Сам офис, располагающийся на нижнем ярусе эстакады, был полностью роботизированный. Назвал свое имя — получи посылку из дырки в стене, которая только что была абсолютно гладкой. А посылка — просто пластмассовый коробок, довольно легкий, отправленный из перуанского города Икитос...

Отъехав километров тридцать от города к северу, остановился у придорожного кафе, занимавшего боковой выступ на скайвее. Виртуальная рабовладелица Нея уже с час молчала, не давая никаких «цэ-у», и я решил, что она отключилась — залезла в джакузи или вообще дала храпака.

Надавив на боковой пупырышек, я открыл коробку — интересно все-таки, что там. В коробке была бутылочка. В бутылочке жидкость! Копеечная бутылочка, наклейка с надписью на испанском языке. Agua, то есть вода. Что за бред? Зачем ее надо было присылать сюда с другого конца Земли. Этот гей, который выдает себя за принцессу Нею, таким образом наверное развлекается.

Сунув бутылочку в карман, я вышел из машины. Кафе, сделанное как будто из мятой фольги, расположилось возле заправки «Шурал». Над ней висит голографический биллборд с Вики Лу, которая на этот раз рекламировала безопасный секс с использованием интеллектуального презерватива «Лулу». Сейчас все интеллектуальное — унитаз, метла, носовой платок, туалетная бумага... С интересом взглянув на Вики Лу — качественная все-таки у нас президентша, о контроле над рождаемостью заботится — я пошел в кафе.

— Что будете? — спросил человек за стойкой.

— Яичницу.

— Не готовим.

А бутерброды у них дороже спиртного. С этим я не могу смириться.

— Водки пятьдесят грамм.

— Не держим.

Ну-да, внутри стилизовано под салун, ряды бутылок с виски и джином, водка не в здешнем формате. Посетители тоже ряженые — вышитые джинсовые куртки, остроносые сапоги — играют в карты, курят сигары. У всех в височный разъем встав-

лен глюкер* — должно быть они видят сейчас за окном солнечный аризонский пейзаж.

— Виски на два пальца. И более ничего.

— Какого виски?

— Этого... недорогого.

— Хорошо, пусть будет недорогого на два пальца. — Голос бармена умело показал презрение к столь скромному заказу.

Я взял стакан и уселся в углу, где лошадка-биомех (которая оживет и начнет жевать сено, когда опустишь монетку) скрывала меня от лазерных взглядов завсегдатаев салуна.

Вынул перуанскую бутылочку из кармана, отвинтил крышечку и хотел было добавить воды в стакан с виски — если честно, в отличие от водки я неразбавленный виски не пью, слишком он чужд моему организму. И вдруг у меня в голове как разряд — мысль ужасная. Этот гей, который принцессу Нею изображает, не развлекается. Вернее развлекается не столь невинно, как мне хотелось бы. В бутылке ж отрава какая-нибудь. Или жидкая взрывчатка, необнаружимая детекторами. Сейчас выйдет гей со мной на связь и предложит кого-нибудь травануть или взорвать. Иначе де сдаст меня в полицию... А вот тебе, не боюсь. Я сам это выпью! Ты сейчас увидишь, супостат, как умирает русский сержант.

В голове словно царь-колокол стучит. Разбавляю на два пальца. Пью. Ничего так напиток. Хотя не фонтан, однако посторонние вкусы-запахи не ощущаются.

Когда хотел второй раз отхлебнуть — то уже не смог. В стакане образовалась какая-то гадость. На дне будто хлопья осели. Я сперва подумал, что это у меня в глазах пятна, бывает же такое, а потом схватился за живот — там, в кишках, такие же хлопья, должно быть, появились. Сейчас отрава подействует или взрыв в кишках произойдет. И тут я перестал бояться, потому что начался настоящий цирк. Вся внутренность стакана затянулась сеточкой, она стала густеть-густеть и через двадцать секунд за стеклом не осталось ничего кроме... снега. Я осторожно потрогал стакан пальцем — был он прехолодный, как из холодильника.

---

* Наркоинтейрфейс для прямого нейроконнекта через разъем в черепе.

— Да ты фокусник — сказал бармен, который, оказывается, наблюдал за мной. — Только будь добр, не повторяй свой фокус-покус снова, кому охота отмывать стакан от этой гадости. И вообще тебе не пора?

— Пора, — охотно согласился я, — глядя на крепкие пальцы бармена, украшенные протатуированными перстнями.

— Бутылочку свою не забудь, — напомнил бармен.

Я оставил на столике все запасы пластиковой мелочи и пошел к выходу, чувствуя спиной буравящие взгляды завсегдатаев. Проклятая бутылка, от которой невозможно избавиться. Или это виски был не в порядке? Или это бармен на самом-то деле фокусничал?

Выйдя на улицу, поплевался, затем проанализировал ощущения в животе и выше. Выпил-то я гадость, но вкус у нее был как у обычного разбавленного виски среднего качества. И не мутит, как положено при отравлениях. Пока не мутит. Ладно, понадеемся на лучшее — и не такую мочу хлебали.

Я сел в кабину, проехал еще десять километров и сказал включенному терминалу.

— Пора, красавица, проснись! Нея!

Красавица, или кто она там, не отозвалась.

— Девушка, посмотрите в свой космический глаз, я в сорока километрах от Джугра-сити, фиг знает зачем. В вашей коробочке, то есть в бутылке, только какая-то жидкая дрянь, от которой портится настроение. Будете опровергать?

Молчит виртуальное существо, не отзывается. Похоже, канал отключен, космический глаз смотрит в космический зад. Похоже, существо меня подставляет, использует втемную. Вот поймает меня полиция вместе с этой цирковой «водой» и пойди-докажи, что я не сам это придумал. Да пошло ты, существо, вместе со своей дрянью в коробке. Еще электрическим стулом оно мне угрожает.

Я съехал со скайвея на сельскую дорогу и остановил машину около мостика через какую-то речушку. Вылез вместе с коробочкой и бутылочкой, спустился к берегу, как бы отлить. Открыл бутылочку, а затем зашвырнул и ее, и крышечку, и коробку, в речку. Пусть смывает все следы. Потом вернулся в маши-

ну, проехал еще пару километров вперед по сельской трассе и понял — надо возвращаться в Джугра-сити, пока не поздно. Где-нибудь на окраине продам среднеазиатским гастролерам этот БМВ, затем перешью с помощью заезжих индийских хакеров персональный ID-чип, и на «дно». С хорошими бабками и на общественном «дне» неплохо. Жрешь китайскую тушенку, купаешься в тазике с теплой водой, носишь ватник без дырок.

Я развернул автомобиль и двинул назад.

Погода испортилась неподалеку от того места, где я от бутылочки избавился. Только что светило солнышко, разбиваясь пестрыми брызгами на псевдохрустальном брелке ключа, в кабину машины влетал запах болота, и вдруг — словно опустился театральный занавес и начался спектакль.

С минуту машина ехала сквозь туман, буравя влажную мглу жарким галогеном фар и смахивая воду невидимой дрожью гидрофобных стекол. Дальше еще хуже, я очутился в снежном царстве. С обеих сторон от дороги высились сугробы. Покрышки выпустили шипы, пытаясь обрести уверенность на заледеневшей поверхности трассы, но скорость сразу пришлось сбавить. Снежный разряд ударил в ветровое стекло и тут же был уничтожен дворником, но следом за ним был другой, третий. И вскоре мело уже вовсю. Настоящая метель. Снежные разряды били в стекло, пытались впиться в него и застыть, скорострельные «дворники» едва поспевали убрать липкий снег. За бортом серьезно похолодало, сразу на пять градусов, от плюс четырех до минус одного. Замерцала и стала пропадать букашка, представляющая позицию автомобиля на переднем навигационном экране. Сигналы от навигационных спутников вязли в тяжело нависшем небе, того и гляди свалится оно с рук изнемогших атлантов. А потом навигация разом заткнулась.

Метель, буран — хотя ничего такого в последние годы не наблюдалось! С некоторой натяжкой можно сказать — суровая русская зима. Причем осенью. И скорость не прибавить, сцепление паршивое...

Но зима вдруг осталась позади. Как будто я проснулся. Раз и нет. Солнце светит прямо в глаз. Температура за бортом опять плюсовая. Только камера заднего наблюдения показывает, что

«сон» мой неподалеку, и границей у него служит стена сизого тумана. Эта «стена» тоже не стоит на месте, ей со мной по пути, только скорость у нее поменьше. Не догонишь, не догонишь...

Сельская трасса влилась в автобан, а добравшись до утеса, он прыгнул в воздух — лишь несколькими километрами дальше имелась ажурная опора. Внизу сейчас были камни, какой-то видный авангардист выровнял их и раскрасил — сверху видна огромная двадцатидолларовая купюра. Двадцать долларов стоит у нас женщина на ночь. А по небу птички-галочки летают, все еще на юг тянутся, не понимают дурашки, что сейчас и на севере неплохо...

Похоже, это не птички-галочки, а V-образные дроны. Стайка в десять особей. И они летят сюда со стороны Джугра-сити. Неожиданно от туманной «стены» отделилась пара искорок, которые шустро направились в сторону дронов. Те почувствовали опасность, распределенный интеллект стаи развернул ее в боевой порядок. Залп по фронту и десятка два ракет — их было хорошо видно по факелам — полетели на рандеву с искорками. Но те погасли прежде, чем факелы долетели до них. И на тебе, дроны взорвались почти сразу после исчезновения искорок; просто полопались, обернувшись огненными пузырями. Значит, искорки — это особые ракеты какие-то, которые могут становится невидимыми? И вообще ничего не понятно. Учения что ли идут... Э, а это еще что такое?

Один дрон уцелел. Он так близко, что вместо «галочки» виден летательный аппарат приличных размеров. Он летит в мою сторону, я ему чем-то не понравился. Елки, да он на меня пикирует!

Дорога передо мной вдруг заполняется огнем, на меня катится пылевая волна, украшенная пеной из расплавленного нанопластика. Я пытаюсь затормозить и развернуться, но машина не обращает на меня внимания. Значит, автомобильный бортовой компьютер уже подчиняется не мне, а службе управления движением. Я сую USB-ключ в панель приборной доски и выдергиваю борт-компьютер из гнезда. Потом разворачиваюсь, ухожу на спиральный съезд, по которому слетаю, как спускаемая капсула космического корабля. Когда до земли уже недале-

ко, трассу передо мной разрубает пополам — это дрон повторил атаку. Я вдавливаю тормоз, инстинктивно пытаюсь развернуться. Моя голова перестает соображать, и я только фиксирую события. Мою машину переворачивает, она скользит как голыш по льду, врезается в ограждение трассы, поднимая задницу, перелетает через него, совершает кувырок... Я вижу внизу сосущую пропасть, вместо земли какая-то белесая хмарь; с запада надвигается вечер, украшенный спицами лазерных игл, с севера накатывается сизая стена ледяного тумана — как отвал огромного бульдозера. Ударом кулака я выбиваю люк над головой; отталкиваясь от сидения и пола, выпрыгиваю из машины.

Успеваю зацепиться за ограждение, которое метров на десять выломано наружу — должно быть, его так боднула моя машина — теперь оно торчит, считай, перпендикулярно к трассе. Я охватываю ограждение руками и ногами и относительно спокойно наблюдаю, как мой автомобиль падает вниз и тонет в хмари, заменяющей землю. А дрон, пошедший в новую атаку, вдруг вспыхивает и врезается в дорожное полотно. Далеко в сторону летит цилиндр двигателя...

Ограждение начинает двигаться. Оказывается, я вцепился не в металлическую полосу, а в кабель, который к ней прикреплен. Он отрывается под моей тяжестью и летит вниз. Кабель не долетает до белесой хмари метров десять — тут он останавливается и стряхивает меня.

Я самостоятельно лечу вниз и даже в полете успеваю ощутить границу между теплым и холодным воздухом. Белая хмарь оказывается неожиданно твердой и бьет меня наотмашь со всего размаху. Я вижу только какие-то цветные пятна. Оглушен? Перелом основания черепа?

Минут через пять я догадался, что вижу только пятна из-за того, что с глазами непорядок. Я, похоже, попал в снежный нанос, а снег странный, липкий, он залепил мне глаза и там заледенела слезная жидкость. Я инстинктивно прижал ладони к векам. После этого в глазах наконец прояснилось. Вблизи этот снег в самом деле выглядел странно; он состоял не только из звездочек-снежинок, но еще из ниточек, напоминающих сахарную вату. Он даже тянулся, как жевательная резинка.

Я услышал хруст снега под чьими-то ногами и посмотрел поверх руки. То, что недавно было парой цветных пятнышек, превратилось в двух рейнджеров, которые шли мне навстречу. Один из них остановился метрах в пятнадцати от меня и начал целиться.

Этот вояка стоит и наводит на меня оружие, еще мгновение и продырявит мне мозги! Расстояние ничтожное и у штурмовой винтовки автоматическая доводка ствола, промахнуться невозможно. А я даже не могу подобрать слова, какие надо выкрикнуть. «Не стреляйте», «Nicht schiessen» или как там по-английски? Пока я путаюсь с языками, сбоку от рейнджеров бухает этакий гейзер; и из снега выскакивает «клякса», иначе не назовешь.

Свистнул воздух, разрезаемый острым металлом. И, хотя «клякса» была метрах в пяти от рейнджеров, одного из них просто раскроило пополам. Даже не пополам, а на руки, ноги, голову и другие части тела.

Второй рейнджер пригнулся и мгновенно развернул ствол в сторону непонятного объекта — профессионал одним словом. Но, когда солдат нажимал на курок, «клякса» кубарем переместилась вперед и что-то смахивающее на тонкое-претонкое лезвие мгновенно пересекло воздух. Ноги рейнджера остались стоять, как столбики, а тело плашмя упало в снег. «Клякса» же замерла, стала четче и неожиданно оформилась в силуэт бойца.

Его камуфляж по-прежнему отражал свет под разными хитрыми углами, отчего виделся он каким-то размытым, вроде лешего, на месте лица пока лишь играл муаровый рисунок. В руках у бойца было что-то вроде бердыша — длинное тонкое почти прозрачное древко, со второй половины обретающее металлический блеск. На ногах снегоступы, что ли. Это был не пискипер из миротворческих сил ООН, не американский рейнджер, не канадский морпех, не полицейский, не виджилянт и не охранник из «Блэкуотер Интернейшнл».

Бердыш качнулся в руке лешака.

— Эй, спокойнее, — окликнул я его. — Я — народ, нон-комбатант, типичный представитель мирного населения. Меня обижать позорно.

— Лейтенант Ласточкин, — откликнулся леший, поднимая забрало вместе с муаровым рисунком и открывая вислые усы невероятной длины, косматую бороду и нос-сливу. — Российские вооруженные силы.

Во дает, сказитель, какие там «российские вооруженные силы»? Из лагерей для военнопленных почти все наши как опущенные вышли. Тихие, безропотные. Таковы были результаты «перевоспитания» с помощью диффузных нейроинтерфейсов. А бывших офицеров, старше капитана, все равно к получению гражданских сертификатов не подпускали, потому как они — «столпы старого режима». Майоры и полковники становились собирателями-помоечниками вроде меня.

Ласточкин подошел ко мне медвежьей походкой, в руках у него появился снежок, который он затолкал мне в рот. Ну точно, на психа напоролся, час от часу не легче.

— Это зачем еще? — спросил я, отплевавшись.

— Так надо, — не побаловал ответом безумец. — Проверил, убьет ли тебя снег. Не убил, значит, ты наш.

Хороша проверка — видно психопата по замашкам.

— А еще чего надо? Чечетку станцевать? Если станцую, значит ваш?

— Нам надо в штаб.

— А зачем мне в штаб?

— Я же сказал, что ты — один из нас.

— Точно? Я не военный советник, не генерал, не минерал типа алмаз.

— Пойдем, нечего нам тут маячить.

Отказываться — невежливо, учитывая все эти руки, ноги и головы, ампутированные «хирургом» Ласточкиным пару минут назад. Непреодолимая сила, воплощенная в железной руке лейтенанта, надела мне на голову очки вроде горнолыжных и потащила в сторону клубов ледяного тумана. А туман сейчас, как декорация из фильма ужасов. Так и представляешь, как в нем полощут свои древние кости вампиры и привидения. Этот лейтенант, зуб даю, из самых буйных психов. Хотя, может, раньше он и служил в армии. Помню, читал про бывших японских солдат, которые свихнулись, не вынеся поражения, и еще тридцать

лет в одиночку провоевали в джунглях — пока не пришел срок на пенсию выходить.

— Постойте, вы меня ни с кем не путаете? Я — не Ковпак, не батька Махно.

— У тебя может быть шок от встречи с нами. — Ласточкин неожиданно проявил себя психологом (вообще-то не «может быть», а уже есть). — Но это тоже предусмотрено. Если станешь сильно сопротивляться, я буду вынужден применить успокоительные средства.

Еще тот «психолог», переоценил я его. Под «успокоительными средствами» он понимает, наверное, свои железяки.

— Нет, вот этого не надо. Бегу, бегу, сам, абсолютно добровольно, я — «за» обеими руками.

— Это хорошо, — одобрил псих. — Теперь вперед, нам два часа топать без передышки.

Два часа! Он хочет завести меня в самую глухую глушь — а там... Страшно представить, что будет «там». Убьет, сожрет. Из баек про тех же одичавших японских солдат известно, что они жрали людей, даже живьем.

Стена тумана была совсем неподалеку, такая плотная, что казалась слепленной из зефира, но тут рука Ласточкина забросила меня под куст и еще затолкала под самые корни. Это что, он прямо здесь собрался меня жрать?!

— Теперь вставай, дрон улетел, — сказал он полминутки спустя и добавил заботливо. — Не поскользнись.

Я трясущимися руками стал отжиматься от земли, но что-то зашевелилось в снегу совсем рядом, шагах в десяти.

— Тихо, птичка снесла гостинец, — шепнул Ласточкин, прикладывая палец ко рту. — А гостинец может распознавать звук.

И лейтенант, резко выдернув меня из-под куста, опять потащил по направлению к стене тумана. Я сразу запыхался, потому что все время оглядывался назад — спина чувствовала опасность — и что-то раскрылось в снегу как большое яйцо. Из этого «киндерсюрприза» высыпалось десятка два или три эллипсоидных предметов. Эллипсоиды встали на шесть ног и запрыгали следом, как блохи.

— Не могу, — честно закричал и рухнул на колени, не выдержав спринта. Рука Ласточкина перестала тащить меня. Я услышал какой-то свист, а потом резкие звуки взрывов. Лейтенант крутил что-то похожее на цепь — только этой «цепи» совсем не было видно — невидимое орудие, протянувшееся на десяток метров, уничтожало «блох» одну за другой. Оно как будто цепляло их и отшвыривало, после чего «блохи» взрывались.

— Если б хоть одну пропустил, нам бы каюк, они отлично чувствуют человеческое тепло. А теперь вперед. — И психопат Ласточкин загнал меня в серебристо-сизый кисель, который даже и туманом назвать трудно. Муть, а не туман. Едва ли что было видна на пять метров вперед.

Только вот очки оказались не простые, а с виртуальным обозрением. В них нарисовалась «нить Ариадны», красная линия, визуально расположенная на реальной местности. Вдоль нее надлежало двигаться, вернее нестись, перепрыгивая через рытвины и продираясь сквозь мертвый ёрник*. Техноплесень не сожрала его полностью, а мумифицировала, превратив почти что в проволоку. Этот Ласточкин все время меня подгонял — не увильнешь, да и куда увиливать в таком тумане и в такой «проволоке», а вот напарник-психопат очень легко прорубал её своим «бердышом». Остается только бежать навстречу судьбе. Уже через полчаса я был на последнем издыхании, а лейтенант по-прежнему бодр как волк. У него ж на лапах снегоступы. В снег не проваливаются, да и скользят так, будто им трение неведомо.

6. И снова Че Гевара

Наконец-то это сплошной проволочный ёрник закончился. Туман рассеялся и сейчас было видно, что ниже в лощине, шагах в двухстах от нас, располагалось несколько избенок, почти полностью закрытых снегом. А возле них сараи, бани, туалеты. Все избушки — покосившиеся, с дырявыми крышами и выбитыми окнами. Не жилые, понятное дело, кто ж будет жить в такой глуши, без колбасы и света. Подходящее пристанище

* Растительное сообщество с преобладанием карликовых берез.

для психопата и место захоронения для его многочисленных жертв.

— Вот и пришли почти что, — сказал лейтенант, будто и в самом деле добрался до дома.

Он посмотрел вверх, где как раз прояснился здоровый кусок неба.

— Не нравится мне это, но наверное перебежать успеем, — сказал Ласточкин и снова потянул меня как буксир. «Перебежать успеем» — маньяческая классика.

Перебежать мы не успели. Из просвета в облаках показалась пара роторников и одна из избенок мгновенно превратилась в огненный сноп. А с другой стороны лощины появилось три шагающих танка МХ Армадилльо.

Прямо из-под снега вылетело несколько ярких точек, они понеслись в сторону роторников, однако погасли, не долетев до воздушных целей. Осечка? Тут один из роторников просто рассыпался, даже и огня-то не было. А другой, уже уходящий в облака, загорелся с хвоста — через секунду пламя добралось до его носа.

Шагающие танки открыли стрельбу. Но хватило нескольких разрывов, чтобы всю лощину сплошь затянуло дымом и паром. Сквозь его пелену вспышки просматривались только как всполохи. До меня дошла волна влажной вонючей гари...

Никто бы не стал устраивать танковую атаку и авианалет на простого психопата, даже на двух опасных типов, если еще посчитать меня.

Ласточкин коснулся моих очков — открылось виртуальное окно и я увидел в задымленной лощине контуры укреплений, пулеметов, безоткатных орудий, минометов, большая часть которых находилась глубоко под землей, некоторые прямо сейчас перемещались по подземным ходам. То ли змеюшник, то ли грибница.

Ласточкин, если и психопат, то неслучайный, основательный. У него тут целая база, оставшаяся с военных времен. И, похоже, он решил принять последний бой...

Я оглянулся на Ласточкина. Лейтенант как раз наводил миниатюрный ПТУРС на ближайший Армадилльо. Не боится

Ласточкин; он, как и все психопаты, считает, что есть вещи пострашнее смерти.

Ласточкин выстрелил, танк ответил, над моей головой пронесся вихрь осколков, и я осознал, что лейтенант решил принять последний бой со мной вместе, чтобы не скучно было перед смертью.

— Садись, садись, — крикнул вдруг Ласточкин.

— Куда садиться, зачем?

Но Ласточкина уже поглотили клубы дыма, ему было не до беседы. Однако прямо передо мной из снега поднялась небольшая приземистая машина, похожая на помесь крокодила и снегохода.

Я вскочил на нее и поскакал. Без раздумий. Почему, зачем, куда скачу — на эти вопросы я и не пытался ответить. Я просто метался по полю непонятного боя, как броуновская частица — налево-направо, налево-направо. Правда, в это время я пытался еще познать систему управления странным транспортным средством. Пока познавал, «крокодил» унес меня от «огненного дракона», который выжег почти весь склон. Испарившийся снег ненадолго облачил дракона в волосатую сизую «шкуру». Однако пару секунд спустя ему стало в ней тесно, он вырвался из нее своим огненным телом, и хлынул вниз, в лощину, чтобы порезвиться и там. Потом я понял, что это был управляемый объемный взрыв. А тогда я думал только о том, как бы пришпорить своего крокодила.

Он перескочил через заснеженный забор, пролетел по огороду, пробил еще одну ограду и... прямо перед ним, метрах в тридцати, разлетелась в клочья избушка.

И вот, стряхивая обломки, перед мной возник во всей ужасной красе пятидесятитонный Армадилльо, который палил из автоматических пушек по западному склону лощины. Туда же уходили дымные залпы из его ракетных установок, имеющих форму призмы.

У меня в голове от рева и грохота танкового оружия наступило полное затмение.

А «крокодил» по-прежнему мчался на бронированного гиганта. За мгновение до того, как по мне сработала бы активная

защита Армадилльо, «крокодил» затормозил — совсем рядом брызнули фонтанчики взрывов. А потом он снова дунул вперед. Секундой спустя я был ровно под днищем у шагающего танка. И тут «крокодил» остановился

Я оказался в роли первобытного охотника, который случайно забежал под брюхо динозавру, то есть мамонту. Бронированный монстр тут же стал приседать — не зря же его сделали похожим на древнюю рептилию — машины идут теми же эволюционными путями, что и мы, белковые.

За мгновение до того, как брюхо Армадилльо должно было расплющить меня, я вместе с «крокодилом» провалился в окоп. Упавшее сверху брюхо сотрясло землю, что уж говорить про меня, в каждой моей клеточке хромосомы ударились всеми костями о митохондрии.

Завидую киношным героям, возьмет его, скажем, циклоп и тираннозавр, да и шмякнет об стенку, а герой даже не побледнеет, лишь стряхнет пыль с лацкана и пойдет метелить обидчика. А я у меня в голове одна пыль вместо мыслей. Но все же секунд десять спустя (а мне показалось, что на следующий день) я осознал, что не просто в окопе, а стою на какой-то платформе, она даже покачивается под ногами. Еще на платформе находится установка, похожая на безоткатное орудие с автоматическим управлением. Здесь что-то вроде рободота? Армадилльо тем временем еще раз приподнялся и снова плюхнулся вниз, диким грохотом сотрясая землю. Я понял, что следующего раза мои хромосомы не выдержат, а то и дот расплющится вместе со мной. И, хотя с безоткатными пушками я не шибко знаком, но ухитрился развернуть ствол в самое брюхо шагающего танка, считай в зенит — я же зенитчик — и нажал красную и зеленую кнопки на пульте орудия.

От нажатия до выстрела было с полсекундочки, я успел прыгнуть в какую-то щель, а затем меня еще забило поглубже горячей плотной удушливой волной. Я наверное минуты две кашлял — да что там кашлял, выворачивался наизнанку — и плевался, и рвал желчью, а потом полез обратно к орудию. И увидел над собой пробитый небосвод, броненебо в кровавых соплях. Это было днище Армадилльо с приличной дырой, из

которой вытекал расплавленный металлопластик и свисали провода и кабели.

Я вскарабкался на безоткатное орудие, уцепился за один из свисавших кабелей, сохранивших изоляцию, и, подтянувшись на руках — благодаря работе со стеклотарой конечности у меня стали как рычаги, — запустил ноги в дыру. Следом втиснулся сам.

В этом отсеке танка было темно и дымно, но очки Ласточкина автоматически переключились в тепловой режим, и я увидел, как в мою сторону разворачивается человеческая рука с пистолет-пулеметом. Она была похожа на змею, готовящуюся к атаке.

— Не стреляйте, — крикнул я вражескому танкисту и, подхватив какую-то железку, ударил его по руке, а потом и по голове. Тут и выяснилось, что моя железяка — это здоровенный гаечный ключ. Противник упал, словно нырнул в бассейн и уже не выплыл. Но в отсек заглянул еще один член экипажа и, вскрикнув что-то вроде «shit», бросил в мою сторону какую-то банку. Он попытался сразу же запахнуть клинкетную дверь, но я сыграл гаечным ключом, как клюшкой, и забросил банку в закрывающийся створ дверей. Так сказать, алаверды. Дверь всё же закрылась, но через секунду распахнулась снова, уронив на порог дымящееся тело танкиста и выпустив удушливые газы.

Я ткнул пятерней в кнопки на бортовой панели, на них были символы, напоминающие вентилятор. И в самом деле заработала мощная вытяжка. Я подобрал пистолет-пулемет, выпавший из рук первого танкиста, и перешагнул через полегшее костьми тело второго.

Шаг вперед, рывок наверх по короткому трапу, я просунул руку в открытый люк и выписал круг работающим пистолет-пулеметом.

Потом выбрался сам. В рубке Армадилльо живых уже не было. В креслах лежали тела двух ооновских пискиперов. Судя по национальным эмблемам на обшлагах — канадец и поляк. Отъездились. Блаженны миротворцы, но это — чмуры, а не миротворцы. На удивление, пули практически не задели аппаратуру. По-прежнему функционировали экраны радара, целеуказания и кругового обзора.

Снизу послышался шум, грохот тяжелых ботинок, а потом голоса.

— Заходь. Супостата тут нет.

В рубку Армадилльо влез офицер с майорскими нашивками, за ним еще несколько военных. Русские военные в позабытой уже форме. Майор даже был чисто выбрит. Значит, Ласточкин не одиночка-психопат, а самый настоящий офицер действующей воинской части. То есть был офицер, он ведь там, на склоне, пал смертью храбрых.

Майор отдал честь и представился:

— Командир группы специального назначения, майор Бреговский.

— К сожалению, я не могу повторить ничего из сказанного вами; был когда-то сержантом, не более.

— Вы лучше чем командир, вы — оперативный связной, — определил меня Бреговский, пока остальные бойцы рылись в рубке; вероятно, они искали сигареты.

— А почему я ничего об этом не знаю?

— Вы не должны были иметь о своей функции никакого представления. Только таким образом можно предотвратить утечку информацию в период консервации.

— «Консервация» — какое-то знакомое слово. А кого консервировали?

— Нас, — в люк просунулся детина Ласточкин, в обгоревшем камуфляже, с дырами в нанаброне, заросшей некрасивыми потеками, с дикими красными пятнами на физиономии. Но живой. Настоящий лейтенант. Этому человеку не повредил даже «огненный дракон»!

Ласточкин подошел к системе управления, невежливо скинул труп пискипера с кресла и через десять секунд доложил:

— Можно ехать, ходовую часть и двигатель я уже проверил. Командир, вы же танковое кончали.

Бреговский с сомнением взглянул на пульт управления.

— У нас все как-то иначе выглядело. То, что у нас было наверху, здесь внизу, что было слева — тут справа. Вместо рычагов — кнопки, вместо кнопок какие-то пупырышки.

А мне показалось, что здесь всё похоже на управление обычного автомобиля. Ласточкин перехватил мой яснеющий взгляд.

— Давай, связной, покажи класс езды.

Спецназовцы закурили, передавая по кругу трофейную сигарету. Я сел в освободившееся кресло, наложил руки на троды управления и мои очки открыли для меня виртуальные окна. Борта машины сделались прозрачными, я увидел окружающую местность «вживую» и полностью — верхнюю и нижнюю полусферы. Видел и много дальше — вид сверху, как будто наверху висел дрон. Я поднял указательный палец и к нему прилепилось виртуальное окно автоматической трансмиссии. Легкое движение фаланги пальца и Армадилльо аккуратно пошел в шаговом режиме по склону вверх — в виртуоках услужливо возникали скаляры и векторы движения.

На склоне слякоть и грязь уже сменились льдом и снегом. Следом за моим танком двигались... скорее всего бойцы расконсервированного воинства, все увеличиваясь в числе. Они возникали из каких-то нор и передвигались в основном на своих снегоступах, хотя некоторые на «крокодилах». Из-под шлемов картинно свисали длинные пряди и космы (чай, волосня не забывала расти во время «консервации»). Картинка, достойная какого-нибудь исторического романа. Хотя «крокодилов» в ополчении Минина и Пожарского, наверное, не было. А вот снегоступы сто процентов были. Впрочем, оптический камуфляж превращал воинов в снежных демонов из фэнтези невысокого пошиба...

Я надавил на виртуальный рычаг тормоза. Прямо по курсу лежало тело пискипера. Судя по комбинезону это был пилот вертолета — прокопченный ротор валялся метрах в тридцати. Я задал увеличение камерам нижней полусферы — забрало шлема у пилота треснуло, из-под него натекла на грудь кровь, уже впитанная кристалликами снега. Однако не было понятно, убило ли человека падение или что-то другое.

— Поехали-поехали, этот уже отмучился, иначе бы пришлось его пристрелить, — заторопил Ласточкин.

Пискипер вдруг сплюнул — изо рта вытекло воды с полстакана. И грудь его дрогнула. Дышит, живой? Теперь Ласточкин

его пристрелит. Грудь пискипера дрогнула еще раз, гораздо сильнее, а потом ткань комбинезона вдруг напряглась, натянулась. Я, даже сидя в машине, отшатнулся как добропорядочная матрона при виде привидения. Дальше больше. Комбинезон пискипера лопнул и в прореху вышел ледяной сталактит, острый ледяной кол, подкрашенный розовым. Комбез продолжал трещать. Лед захватывал тело солдата, разрывая все покровы. Ледяное острие вышло через рот пискипера; потом, выдавив глаза, посыпался снег через глазницы.

— Внутри него мертвая вода, — сказал майор Бреговский. — И как она себя поведет, только ей и известно. После того, как мы проснулись, она убила у нас лишь одного человека — переводчика, который долго жил в Америке, но мы видели, как она разорвала на куски несколько канадских парашютистов. Их не жалко, но смотреть противно.

7. Орки на тропе войны

— Снежные зомби захватывают дистрикт Джугра, — весело зачитывал лейтенант Ласточкин центральную газету Jugra Times, случайно попавшую в его руки-грабли. — Орки-коммунисты воссоздают красный ледяной мордор. Ожившие твари хозяйничают в мертвом ёрнике, сплошь затянутом туманом и покрытом снегом. Люди это или не люди? Зона зимы — это погодная аномалия или результат применения климатического оружия? Аномальная зима убивает нормальных граждан нашего открытого свободного общества, как дикий зверь. Серьезнейшая угроза демократии, впервые за последние пять лет... М-да, сдается мне, сдрейфили они.

Лейтенант откусил кусок «чьюинг-пейпер» и тут же выплюнул. Сразу видно, что человек не привык к такой, с позволения сказать, еде.

А может, эти бравые вояки и в самом деле «орки» и «ледяные зомби»? Неужто они просто так пролежали в маринаде целых пять лет? Прямых ответов они не дают, отвечая вопросом на вопрос, совсем как одесситы. Хотя одессит у них только командир — майор Леня Бреговский. Они признают, что пять лет

назад их законсервировали. Бойцы говорят, что не видели, как их уложили в братские псевдомогилы, но тут им можно поверить. Не видели они и процессы расконсервации, когда кто-то должен был этих «спящих царевен», так сказать, поцеловать. Тоже дело непростое. Вон китайский император Цинь Шихуанди две тысячи лет назад превратил свою армию в терракотовые изваяния, но спустя много веков не нашлось ни одного могучего колдуна, который смог бы их оживить.

Впрочем, майор Бреговский, он тут самый образованный, объяснил, что не все так примитивно.

Пять лет назад каждому спецназовцу влили внутрь коллодиевый раствор из нанороботов, наносерверов, нанотрансиверов, наноассемберов, нанодеструкторов, наноампул. Эти «внутренние войска» и занимались консервацией: перекрестным связыванием неустойчивых протеины, добавлением в кровь антифризов, вводом в клетки нужных веществ и расщеплением веществ ненужных. Им помогали «наружние войска» — машины размером побольше, которые закрывали место консервации грунтом и дерном, обеспечивали подачу воздуха (его хоть и немного, но нужно), следили за внешними воздействиями, а через пять лет снимали грунт, и давали команду на начало пробуждения внутренним наноустройствам. Но даже умник Бреговский не мог ответить на простой вопрос, как была запрограммирована дата расконсервации? Было ли зарнее установлено время на будильнике, или сигналом послужило что-то экстраординарное, вроде нынешней погодной аномалии...

В палатку вошел сержант, принеся вместе с собой наружный туман.

— Там опять люди пришли. На топталовке стоят. Надо как-то размещать.

Люди, какие там люди? Очередная порция бомжей и доходяг. Неделю всего я живу у «ледяных орков» — а они мне уже дело нашли, принимать новых людей в партизаны, составлять третье ополчение. Третье, если считать с начала, после того, что создали рязанский дворянин Прокопий Ляпунов и князь Дмитрий Пожарский.

Я натянул снегоступы — верхнюю одежду надевать не пришлось (я ее никогда и не снимал) и направился на «дворцовую площадь» — это такой пятачок между трех засохших кустиков.

Там уже топтался десяток «беженцев в зиму», стояли и покашливали-почихивали, только что сержант с медицинскими нашивками проанализировал у них сопли в носу. У замаскированных амрашей сопли должны были засветиться зеленым светом; так отражают лазерный луч особые антигены, которые есть у тех, кто проходил генную терапию для борьбы с инфекционными болезнями. Но такие «протерапированные» до нас еще ни разу не доходили, может быть, снег убивал их по дороге. Лично я в «зоне зимы» сразу загрипповал, башка болела, гайморовы пазухи и всё такое. А потом перестал считываться мой ID-чип, нет худа без добра...

При виде пополнения я изобразил кривую улыбку.

— Поздравляю со вступлением в ополчение. Каждый вновь прибывший будет обеспечен питанием и крышей над головой.

Ну, вру. Частично вру. «Крыша над головой» — это слишком сильно сказано. Позавчера мы заняли коттеджный поселок, если точнее, мы вошли туда, когда его захватил чудо-снег. Но вчера пришлось уйти из коттеджного поселка, сразу после этого враги отбомбились по нему с орбитальной платформы урановыми стержнями — сильное зрелище даже на расстоянии. Стоит дом и вдруг обращается в облако пыли. Теперь на ближайшую перспективу нам улыбается только нора в снегу, по сравнению с которой эскимосское иглу покажется пятизвездочным отелем.

Подошел Ласточкин — лицо уже не такое безмятежное, как при чтении газетки.

— Через полчаса у нас будут «гости», сенсоры засекли передвижение команды рейнджеров.

И уже десять минут народ снегурочек и снегуров был готов к перекочевке — все на снегоступах, в том числе бабы с младенцами, прибинтованными к их спинам. Младенцы были запеленуты в обрывки «универсальной зимней плащ-палатки» из умной саморазогревающейся ткани, которая впитывала мочу и закусывала какашкой. Бабы были хоть и тощие, но жилистые.

Вояки тащили свое оружие и ящики с боеприпасами. Бывшие бомжи упорно несли поддоны, на которых продолжала тихо плодиться еда — грибы и улитки с китайских трансгенных фабрик. Бывшие трудные подростки несли бидоны и обрезки труб, куда были запаяны коллодиевые и гелевые матсборщики. Бывшие проститутки (дешевые, с пригородных трасс) несли в заплечных узлах младенцев, прижитых неизвестно от кого, а то и вовсе «суррогатных». На фоне молодцов-спецназовцев, высоких и крепких, гражданские выглядели низенькими — полтора метра с кепкой, вес «без говна» пятьдесят кило. Часть бойцов перемещалась на «крокодилах», патрулируя окрестности.

Мне показалось, что больше всего маневры нашего ополчения напоминают переселение муравьев, каких-нибудь южноамериканских муравьев-листорезов.

Ополчение тянулось серой змейкой по склону холма к мертвому березняку. Плесень не сожрала его дотла, лишь изгрызла и мумифицировала. Снег и изморозь густо облепили каждую веточку и сучок. Быстро темнело, я опустил подаренные Ласточкиным очки.

В зеленом мире тепловизора не было ничего кроме теней и оттенков. Он напоминал картину художника-абстракциониста, повернутого на одном цвете. Я вскоре различать предметы и первое время просто держался за спиной Ласточкина.

Где-то спустя пару километров перекочевки, напоминающей марш-бросок, мне показалось, что еще немного и я сдохну. Как только движутся бывшие бомжи и бабы с младенцами? Лично мне любой спорт противопоказан. Вместо широкой спины Ласточкина впереди теперь маячила тщедушная спина какого-то бомжа. Вещмешок казался надгробным памятником, трехкилограммовая винтовка была тяжелой как полковой миномет. В отчаянии я прибавил скорость. Сперва перегрузка обрушилась на меня, как двадцать сумоистов, но я прорвал ее.

С полминуты прострации или сна в вертикальном положении — меня будто качала морская зыбь.

Тело сделалось просто машиной, меня перестали душить боль и изнурение. Освободившись от объятий тела, я почувствовал себя капитаном на мостике.

«Капитан» не психовал, не переживал, он относился к телу, как к кораблю, сознавая меру его возможностей, но без жалости. Масса переносимых вещей, собственного мяса и костей перешла во внешний мир. Давление среды упало, исчезло и рвущее усилие в легких, выветрилась бегавшая по пищеводу дурнота.

Вместо мертвого березняка вокруг плескалось слегка светящееся малахитовое море, по которому прокатывались низкие цветозвуковые волны.

Можно было закрыть глаза и идти просто на автомате, слушая только похрустывание чудо-снега под протекторами ботинок.

Ветка хлестнула меня по лицу. Я открыл глаза и... «капитана» как не бывало, второе дыхание исчезло, первого тоже почти нет. На меня нахлынули первозданные младенческие чувства — отбился-отстал от своих, вокруг никого! Поскольку под страхом смерти запрещено использовать радиосвязь, а навигация в Зоне Зимы вообще не работает, то получается, что и в самом деле заблудился.

Я тяжело и неуверенно сделал несколько шагов, ноги заскользили на склизком снежном насте, березовая «проволока» хватала меня за отяжелевшие ботинки, ветки прицельно били в пах. Как вода в трюм тонущего корабля, в сердце хлынуло густое отчаяние и заполнило его по самую крышку.

Даже тепловой мир вокруг уже был окрашен не в малахитовые тона, а в мрачные цвета древней бронзы.

Я прошел, вернее пробился вперед еще на сто метров, и ничего. Потерял своих окончательно и бесповоротно.

Я остановился и принялся наблюдать за своим страхом, который перемещался по телу. Стало даже интересно. Когда он пытался забиться в подложечную дыру, я вышиб его ударом воли.

Немного освободившись от страха, я почувствовал что-то новое — волну легкого, слегка покалывающего гудения.

Никаких сомнений, это была опасность. Я залег в дохлый березовый кустарник, затих.

Что-то пробежало неподалеку, метрах в десяти. Инфравизор на «что-то» не отреагировал, целеуловитель не «захватил» контур мишени. Я ощутил лишь изменение плотности воздуха.

Следующая «тень» прошмыгнула лишь в пяти шагах от меня. Потом еще одна пробежала. У них почти не было формы, их выдавала только волна, легкое напряжение воздуха, разбивающееся слабой вибрацией о кожу моего лица.

«Тень» накладывалась на «тень». За полминуты мимо проследовало не менее трех десятков «теней». Они струились по мертвому ёрнику, словно для них не существовало ни «проволоки», ни снега, ни рытвин, ни овражков. У этих врагов искусство камуфляжа было доведено до совершенства. Ни в оптическом, ни в тепловом диапазоне они не выдавали себя. Да и двигались они как члены одного тела. Как огромная многоножка-многочленка.

Можно не сомневаться, в отличие от меня, эти «тени» знают, где сейчас находятся наши спецназовцы и прочие ополченцы. «Тени» идут следом, получая информацию от своих систем слежения, которым удается пробиться сквозь облачность. Может быть, у них даже нюх, как у собак, а в каждой клеточке сидит по маленькому роботу-убийце.

Если дать очередь в воздух, то возможно наши услышат. Возможно. Но эти чертовы «тени» гарантированно кинутся на меня и раздерут в клочья, умоются моей кровью...

А зачем стрелять в воздух? Палец лег на спусковой крючок штурмовой винтовки, левая рука передернула затвор. Я выпустил очередь по цепочке «теней». В ответ сразу свистнула пуля, над головой. Я так резко втянул голову, что чуть не сломал шейные позвонки, хотя как известно, раз свистнула, то уже пролетела мимо.

Огоньки выстрелов были едва заметны из-за пламегасителей. «Тени» были все ближе, но целеуказатель давал только смазанные следы их тел, так что непонятно, куда наводить тепловой прицел. Я отключил его и стал использовать люминисцентную прицельную рамку винтовки. Ловил нервные как будто жужжащие огоньки вражеских выстрелов и бил одиночными. Я слышал вопли и ругань на непонятном языке, «тени» стали несколько материальнее, похоже они даже умирали.

Поверх головы прокатился металлический шквал, скосив веточки в пяти сантиметрах надо мной. Несколько поражаю-

щих элементов застряли в бронежилете и еще вибрировали, отдавая энергию поглощающим микроспиралькам.

А я жадно вдыхал в последний раз запахи мертвого ёрника, по ту сторону жизни у меня не будет даже этого. Ничто уже не заставит меня встать, здесь уйдет в снег тепло моего мозга.

Но все же, когда несколько «теней» оказалось совсем рядом, я, скинув вещмешок, выскочил из кустарника, вильнул вбок, выстрелил по кому-то в упор и почувствовал на своем лице теплые брызги. Кровь, чужая. Не знаю, что тут меня взбодрило — в каждом наверное живет палеолитовый людоед. Я бежал на эти «тени», ощущая их как летучая мышь, я бежал от них, виляя, как заяц. Кто-то из тех пальнул из подствольника ослепляющей гранатой, мимо, но я увидел врага, которого только что застрелил. Забрало его было снесено выстрелом, а на месте лица имелось просто черное пятно — даже ткани вражеского тела поглощали свет. И вдруг прямо на меня из этого черного пятна поползли, червиво извиваясь, какие-то отростки. Я в ужасе бросился наутек. Мои противники никакие не рейнджеры, это — нелюди, черти-биороботы, внутри у них мощные системы регенерации. И тут что-то ударило меня сзади, словно грузовик наехал. Наверное, это был разрыв мины. Возможно, это наш спецназ, уловив, где ведется пальба, пальнул из миномета. Меня бросило сквозь сухие ветки, швырнуло вниз по склону оврага.

В конце полета я еще влепился в какую-то твердь. И «поплыл», все струилось вокруг меня и даже возносилось, а я не мог поверить сообщениям сенсоров, что бронежилет не пробит и артериальное давление в норме.

«Тени» потеряли меня из виду, однако они рыскали со всех сторон — изощренное зверье с гипертрофированным охотничьим инстинктом. На что я надеялся? На то же, что и Хома Брут. Что Вий не поднимет веки.

Снова пошел минометный обстрел — я это дело узнаю по характерному свисту — и «теням» стало не до меня. Тем более я был завален снегом, потому что воткнулся в сугроб, который укрыл меня от Вия и его подчиненных.

Где-то вдалеке разгорался новый бой, шум стрельбы уходил. Я вылез из сугроба и, сделав несколько шагов, ступил на

относительно ровный лед. Похоже, подо мной была река или озерко. Лед был толстый, только в толще он отливал не синевой, как обычный, а сиреневыми и фиолетовыми тонами — знак присутствия «мертвой воды».

Неподалеку вмерзло в лед несколько досок, прикрытых каких-то тряпьем.

Я лег на доски и накрылся рогожей. Когда отрубался, дал себе задание: по примеру Штирлица проспать ровно сорок пять минут.

8. Сбежавший монстр

Когда я открыл глаза, было дурно, промозгло и больно. А еще качало. От дурноты, подумал я. Но когда я попытался перекатиться на бок, то свалился в воду. В очень холодную воду, но все-таки жидкую. На бронике надулось несколько поплавков — река понесла меня.

Я был за пределами Зимы. Погодная аномалия осталась далеко позади. Пример Штирлица не сработал, прошло двенадцать часов с тех пор как я отрубился. Навигационная система опять функционировала, показывая, что меня унесло далеко к северу.

Судя по карте, выведенной сейчас очками-экранами, речка Коротаиха доставила мой плот почти что к побережью славного Карского моря. Неподалеку Джугра-порт — это бывший поселок Амдерма, где и служил мой дедуля, который мочканул американский бомбер.

Навигационной системе энергии еще хватало, но топливные элементы почти что сдохли, остыли тепловые конструкции комбеза, поэтому меня и разбудил холод. Хотя далеко не минус двадцать, как бывало здесь раньше в это время года, температура плюс два, но и этого достаточно для смертельного переохлаждения, если комбинезон намок.

Кое-как забрался обратно на плотик и стал подгребать к берегу — туда, где было несколько мостков, сходни и яхта со звучным названием «Tirpitz». Пока что ни одного человека там не было видно, однако и я старался не шуметь.

Я сгрузился с плотика возле самого берега — река была еще мне по колено — дно илистое тягучее. И вдруг из яхты кто-то выскочил и понесся вверху по берегу. Того и гляди скроется за гребнем берегового склона. Но «кто-то» поскользнулся, упал и я его разглядел. Мужчина в комбинезоне с надписью «Tirpitz», видимо яхтсмен. Мужчина снова вскочил, и я потянулся к ремню винтовки — а оружия нет, видно утопил его в реке. Я рванулся следом за улепетывающим яхтсменом и успел ухватить его за щиколотку, когда он уже почти выкарабкался. Я дернул его за ногу, что есть сил дернул, и мы вместе с ним покатились вниз.

Мужчина завопил что-то вроде «Achtung Partisanen» и попытался воткнуть мне сверло дрели в глаз. Но одной рукой я успел перехватить его за запястье, а другой рукой... видимо, попытался ухватить немца за горло, но мой большой палец случайно угодил ему в раззявленный рот. Еще бы немного и я бы лишился этого пальца. Чтобы немец не откусил мою драгоценную конечность, изо всех сил стал оттягивать его нижнюю челюсть вниз.

Яхтсмен вдруг перестал рычать, выпучил глаза и повалился набок. Подрыгался чуток, пустил обильную слюну и вот уже на глинистом береговом склоне лежит всамделишный мертвец, хоть сейчас на кладбище. А еще через несколько секунд за его макияж не взялся бы ни один похоронных дел мастер. У яхтсмена лопнули глаза. Раздвигая кровавые сгустки, из глазниц стал выдавливаться снег, он полз из ноздрей, ушей и рта. Задрожала, имитируя дыхательный процесс, грудная клетка, да еще стала набухать. Затрещали ребра и грудная клетка лопнула — из нее вышел сталактит. В завершение весь труп яхтсмена покрылся инеем, как у фрица под Москвой зимой 1941 года!

Я — в полном обалдении. Иностранца убила и разорвала изнутри мертвая вода. Но ее тут явно не было, пока я не приплыл из Зоны Зимы. Значит, я заразил его мертвой водой? Значит, я прикончил яхтсмена как натуральный снежный орк? Да, до этого я убивал врагов — натовскую вертушку с двумя пилотами сбил на войне, намедни грохнул виджилянта и двух полицаев, но сейчас-то отправил к праотцам совсем мирного немца. Он, конеч-

но, тут лишний, и ему нефиг делать на нашей земле без приглашения, но все-таки был он безоружный и также, как и все, искал лучшей жизни... А я грохнул. Выходит, мертвая вода всегда во мне, литр, два литра, сколько ее там? А почему она меня не убивает? Из-за нее у меня, похоже, только голова поболела и ID-чип разрушился.

И людей Бреговского она тоже не убивает. Они сказали, что проспали пять лет. А зачем? Когда стало ясно, что война проиграна, то, конечно, спецназ мог принять смерть на поле боя под умными бомбами противника, выкрикивая что-нибудь вроде «старая гвардия не сдается»? Подвиг, но абсолютно напрасный, без надежды причинить какой-либо ущерб врагу, даже без надежды попасть в «книгу подвигов» или в народный эпос. А что давала пятилетняя консервация? Если пролежать пять лет на манер спящей красавицы, а потом встать с гордым видом, то шансов одолеть могучего врага опять кот наплакал. Однако ж, если появится такой могучий союзник как мертвая вода, то это совсем другое дело. И, такое впечатление, что я разношу мертвую воду, как ворон из сказки. Ворон летит в тридевятое царство и возвращается со склянкой, а мне и лететь не пришлось, склянку мне в посылке прислали...

Тут я поймал себя на том, что предаюсь размышлениям не только перед сфинксом неведомой силы, но еще и перед обезображенным трупом яхтсмена. А еще страшно холодно в мокрой одежке. Зубы уже не чечетку выплясывают, а брейк-данс, и все члены тела им помогают.

Вот доннер-веттер, кто-то звонит растерзанному яхтсмену на мобильник.

Я вынул смартфон и выслушал тираду на немецком. Тирада как будто имела повышающуюся вопросительную интонацию.

Я сказал ja-ja (с максимальным выражением, почерпнутым из старого военного фильма) и отключил звонок. Пройдет ли этот номер? Что ж, назвался груздем, полезай в кузов. По крайней мере в чужой комбинезон.

Я стащил с немца его комбинезон и натянул вместо своего мокрого. Вернее разместился в нем. Немец был куда более объемным, да еще его одежка была сильно порвана на груди. Хорошо

хоть, что на сходнях нашлась штормовка яхтсмена, прикрыл ею декольте.

Приняв приличный вид, я взобрался вверх по береговому склону. Рядом шла проселочная дорога, покрытая стандартной гэрбидж-плиткой, сделанной из останков прежней цивилизации. На дороге стоял пикапчик. Похоже, это машина погибшего яхтсмена. Я выудил из кармана штормовки автомобильные ключи.

Ключ подошел, и я двинул в сторону Джугра-порта. Сейчас это не поселок, а приличных размеров город — неподалеку в море «Шелл» активно сосет нефть. Значит так, доеду до окраины, брошу машину и дальше двину своим ходом — пока не набреду на каких-нибудь «неандертальцев», промышляющих на свалках и помойках. Об остальном сейчас не надо думать.

Дорога из плиточной превратилась в нанопластовую эстакаду, которая проносилась над бесчисленными югорскими речушками, над озерками с болотистыми отмелями и берегами, изъеденными сгинувшим уже льдом, над безжизненным столом тундры, где во время войны вымер дружный коллектив водорослей и грибков, именуемый ягелем. Заодно с ягелем сгинули и мелкие кривые березки. Вместо этого одна серая техноплесень... Эстакада стала возноситься к облакам, но не успела уткнуться в небо — пронзительно алыми и желтыми грибами небоскребов на горизонте вырос Джугра-порт.

Я пересек автодорожную развязку — это уже городская окраина, пора бросать машину и двигаться дальше общечеловеческим ходом. Я выбрал первый съезд с высотной трассы, бодро съехал вниз и там меня задержал полицейский патруль.

Полицейская машина остановилась сзади. Двое полицейских сидели в салоне и ждали, пока подъедет еще одна патрульная команда. Второй полицейский автомобиль встал почти впритык к моему бамперу.

Один полицейский вышел из передней машины, другой из задней, оба неторопливо пошли ко мне. Я тоскливо оглянулся. Справа от дороги — дренажная канава, за ней пустырь, метрах в ста несколько обгоревших остовов старинной автотехники — это поохотились натовские летуны. Слева — двухполоска, на ко-

торую вылетают машины со скайвея. За ней какое-то складское здание, полуразвалившееся, довоенное.

Полицейский показал пальцем, чтобы я опустил стекло. Правая рука его недвусмысленно лежала на рукоятке пистолета, выглядывающего из кобуры.

— Документы.

— Машина брата, дал мне покататься, — промямлил я; всё во мне обвисло, включая язык и челюсть.

— Выйти из машины. Руки держать на виду, — распорядился полицейский.

Теперь уже на меня смотрели две пушки.

Едва я вышел, как крепкие полицейские руки бросили меня на капот, обыскали и надели наручники. Полицейские руки поднесли к моему лицу сканер.

— ID-чип не отзывается, — сказал один полицейский.

— Кто такой? — прогудел в ухо другой полицай, до меня долетела даже табачная вонь от его усов. Сигары курит в подражание американским копам.

— Почему вы не говорите, что я могу потребовать адвоката?

— Это тебе не кино. Ну-ка повернись, красавчик.

Тычок мощного кулака в живот вытряс из меня потроха — с полминуты меня выворачивало, желудочный сок пополам с желчью хотел выйти наружу и поздороваться.

— Ладно, поехали, — сказал первый полицейский, более интеллигентного, так сказать, вида.

Нажатием на макушку меня заставили согнуться еще больше, а тычком в затылок усадили в полицейскую машину.

— Кажется, это тот фрукт, который грохнул яхтсмена на Коротаихе, — сказал полицейский на переднем сидении, а «интеллигентный», что сидел рядом, саданул мне локтем в скулу. Блин, как кувалдой — у меня с минуту сыпались искры из глаз.

— Еще раз такое, и я блевану в машине, — сказал я.

— Чего-чего? — промычал собеседник, но предусмотрительно отодвинулся.

Полицейская машина резко двинулась с места, за ней пристроилась и другая. Ребята видно соскучились по делу, из-за этого ко мне такое повышенное внимание.

— Нет, я все-таки должен стравить, — пообещал я «интеллигентному» полицейскому, ваш некультурный товарищ мне все кишки раздавил, а у меня предъязвенное состояние. Остановите, или я тут вам все замараю. — Я булькнул горлом. Очень натурально.

— А ну, попробуй, скотина, — вызывающе сказал «интеллигент», но постарался отодвинуться подальше. Если бы все убиваемые и пытаемые не стеснялись бы гадить на своих мучителей, то наверное убийств и пыток было бы меньше. Кто желает съесть скунса, пусть он маленький и слабенький? Никто, даже самый страшный обжора.

— Да попробует, попробует, на то он и скотина, а потом нам нюхать эту вонь до вечера, — сказал передний полицейский и остановил машину. — Только в темпе, приятель. Отошел на шаг, стравил и обратно.

Второй полицейский вытащил меня за шкирку из салона, я сделал шаг и наклонился над дренажной канавой. Долго напрягаться не пришлось, из меня полилось...

— Погадил? — спросил полицейский, который стоял в метре от меня, кривя подвижное лицо. — Пошли в машину.

А, может, далеко идти не надо? Зачем мне это — тюремная клетка, суд, потом с хорошей вероятностью электрический стул — всё как в Техасе сто лет назад. Пусть лучше сразу пуля в затылок.

И я как был, буквой «Г», опрокинулся в канаву.

Когда я разгибался, чтобы выпрыгнуть на другую сторону канавы, мне показалось, что моя голова прорывает какое-то препятствие, вроде пленки. Я вынырнул и устремился на противоположный склон канавы — затылок просто пульсировал, ожидая пулю. Но я не смог с первой попытки выкарабкаться — руки-то скованы — да и канава вдруг оказалась вся затянутой испарениями. Однако стрельба началась, когда я уже преодолел склон. Метрах в двадцати от канавы я не удержался, при всем моем страхе (диком, животном и так далее), обернулся назад и обомлел.

Позади меня оставался облачный след, как от самолета! Двое полицейских кое-как проглядывали сквозь туман, застилавший канаву, но они были по ту сторону, а еще двоих я не видел.

Выстрелов больше не было, но я продолжал удирать, домчал почти до сгоревшего вездехода. А потом остановился, подождал пару минут — явная тишина — и пошел назад.

Туман, застилавший канаву, немного рассеялся, почти вся она была заполнена шугой, а еще в ней было два ледяных образования, похожих на сталактиты. На верхушке одного из сталактитов, образуя авангардный монумент, находилась полицейская фуражка. Это что — замерзшие полицаи? Еще один полицейский лежал на склоне — ногами в канаве, лицом вниз. Его затылок был пробит изнутри ледяным клином. Последний полицейский распростерся около двери машины. Штанины его до колена заледенели, а из его рта медленно вытекала вязкая прозрачная жижа.

Минуты три я вытаскивал ключи от наручников из кармана полисмена и пытался попасть в отверстие замочка. Я еще не закончил, когда рядом остановился автомобиль. Я улегся за открытой дверью полицейской машины и видел только ноги приближающегося человека. Виджилянт — этих типов сразу можно узнать по ковбойским сапогам. Ковбоец, не видя меня, стал окликать:

— Эй, парни, что у вас случилось?

Я наконец избавился от наручников, ну и вломил виджилянту от души, едва он обогнул машину. Рукояткой полицейского пистолета в лоб.

Потом, честно признаюсь, вытер о виджилянта ноги, сел в его джип и поехал в центр Джугра-порта.

Пока я ехал по трассе, навстречу пронеслось несколько полицейский автомоблей, в том числе «хаммер» с приличным вооружением — я едва усмирил свою вегетативную нервную систему, которая хотела вжать педаль газа в пол.

Вышел около большого торгового центра, снаружи напоминающего ледяные торосы. Надо было купить одежду, используя трофейные наличные, и выйти через другой ход.

Центр «Marine Palace» включал в себя немыслимое количество торговых залов, стилизованные под подводные пещеры с сокровищам а ля «Tomb Rider». Товары были навалены в сундуки — бери не глядя, плати по весу — как в раю. Это был потре-

бительский рай, потрясающий своим изобилием на краю обитаемой земли. Да что там рай, это был своего рода коммунизм, обеспеченный технологиями молекулярной разборки-сборки, где от каждого амраша по способностям, каждому амрашу по потребностям. Три поколения советских людей мечтало об этом самом, но впустую, потому что не дожили до нужных технологий, да и четвертому поколению сюда заходить не стоит. Потому что ему не хватает ни способностей, ни потребностей. А вот амрашу можно имплантировать и способности и потребности с помощью нейрософта.

В Marine Palace есть, помимо обильных товаров, еще и неслабые зрелища. Здесь расположены музей освоения севера европейскими мореплавателями и парк аттракционов — ведь продавать развлечения сегодня выгоднее, чем товары. Среди экспонатов музея и парка были милые викинги, романтичные пираты и кровожадные советские подводники, белые медведи и акулы с горящими глазами, мамонты и морские змеи. Все — подвижные, пасти разевают, ластами шевелят. Музейная экспозиция была непосредственно рассредоточена в торговых залах, которые имели оформление северных птичьих базаров и южных тропических островов. Тропические острова плавно переходили в аквапарк. Практически не отходя от кассы, покупатели могли превратиться в купальщиков. Торговые залы отделялись от бассейнов, водопадов и огромных джакузи лишь зарослями неестественных растений. У них огромные полупрозрачные листья, потому что гены искусственные.

Я глянул через наружное окно — неприятности неподалеку, к трофейному джипу уже подвалило двое полицейских и буравило его пристальными взглядами.

Я прошел по перпендикулярному проходу, который был одновременно кривоватой средневековой улицей, где желтоволосые «девушки»-биомехи предлагали пиво и коттбуллары.

Огромный детина остановился передо мной наклонил голову и сказал. Только из-за его размеров можно было догадаться, что это техманн*.

* Биомех, имитирующий внешний вид и некоторые функции человека, в частности коммуникативные и интеллектуальные.

— Господин, следуйте за мной.

— Это еще зачем?

— Каждый входящий сюда автоматически участвует в лотерее. Вы — выиграли. Извольте получить приз.

Он, возможно, действует по стандартной программе, но на мозги давит. Под конвоем кнехта я вступил в темный переулочек, слегка подсвеченный фальшивыми звездами. Антураж рыбацкой деревушки — сети, гарпуны, крючки, вытащенные на берег рыбацкие суденышки. Прямо за прозрачной перегородкой плавали рыбы. Стоящая вертикально вода в полумраке напоминала волну цунами.

За рыбацкой сетью, отчаянно источающей вонь кильки, была вполне современная дверь с надписью «Подарочный отдел». Кнехт подвел меня к этой двери и встал позади — еще немного и вдавит меня внутрь.

— Что-то душно стало. — Я отпрыгнул, сорвал сеть, накинул ее на кнехта и тут же гвозданул его гарпуном. Острие с хрустом прошло сквозь экзоскелет кнехта и пригвоздило его к борту рыбацкого судна.

Кнехт стал дергаться на гарпуне, как таракан на иголке — кошмарное зрелище — да еще раскачивал суденышко, пытаясь высвободиться. А из песка стали подниматься биомехи, совсем как тролли. Я бросился удирать — и эта братия кинулась за мной, не разбирая дороги, по стенам, по потолку, как ящерицы, на четырех конечностях.

Когда один из них прыгнул на меня, я начал стрелять из трофейного пистолета. Стрелял я, как последний кретин, в несколько секунд растратил всю обойму, кажется двум троллям разнес головы, но не более того.

Однако в Marina Palace было очень-очень много воды — вокруг же аквапарк. Отовсюду забили струи, вода разбросала троллей, сбила меня с ног, потащила, и, чем дальше меня тащило, тем больше было несущейся воды. Она заливала торговые залы, текла по лестницам, пандусам, эскалаторам. Она уносила стеллажи, коробки, прилавки, посетителей торгового центра.

Меня слило в центральный проход и, вместе с потоками, низвергло со второго яруса в холл первого яруса. Визг стоял вок-

руг неописуемый, водные процедуры уже напоминали водные аттракционы. Вода несла телевизоры, компьютеры, плееры, одежду и игрушки, манекены и кукол — все сокровища потребительского рая. Она крушила потребительский рай, как воды достопамятного Всемирного Потопа.

А потом по воде пробежала серебристая волна и настала эпоха хруста и звона.

Кругом лопались прозрачные трубы и емкости — их разрывало льдом. Погасли окромные экраны, выдающие информацию ньюс-серверов. Выключилась голографическая реклама. За десять минут красочный торговый центр превратился в айсберг. Все стало серым и сумеречным. Покрытые сосульками посетители диким табуном вырвались на улицу, вместе с ними слинял и персонал. Лопнула южная стена торгового центра — мертвая вода плохо отнеслась к нанопланту. За исчезнувшей стеной я увидел, как к Marina Palace едет с десяток хамеров, с робопулеметами на крышах, за ними шурует целая колонна полицейских машин с включенными сиренами и мигалками. Впечатляющее зрелище. Я обернулся и побежал в противоположную сторону — но другая стена была на моих глазах искрошена очередями из крупнокалиберных пулеметов. На той стороне, в первым ряду наступающих сил противника, был боевой робот MY100 на шести ногах — этакий скорпион, взамен ядовитого жала безоткатная автоматическая пушка. Вся эта рать уже знала, где я, и хотела стереть меня в порошок.

Born to die? Я обратился к Всевышнему с горячей просьбой вспомнить обо мне, ведь последние пять лет он не слишком много уделял мне внимания. Я вздымал руки и кланялся, мешая строчки из молитв с откровенным вымогательством. «Если Ты не спасешь меня сейчас, то я перестану в Тебя верить, так и знай».

А когда моя молитва уже пошла на упаднической понижающейся интонации, то хрустнул лед, с трудом открылся люк в стене и меня поманила чья-то рука.

Я почему-то сразу понял, что это Нея. В смысле, не виртуалка проклятая, а то физическое протеиново-нуклеотидное существо, которое скрывается за маской принцессы.

Я нырнул в люк, когда на меня накатывала волна разрывов.

9. За что любят девушки

Нея была поменьше ростом, чем я. Но физически точно покрепче. Пока я ничего не различал в темноте, она тащила меня похлеще портового буксира. Потом мы ненадолго вынырнули на свет, но она сразу затолкала меня в какой-то спецтранспорт, вернее в бак, перевозимый спецтранспортом. Через полчаса — когда я почти околел в мокрой одежде — люк приоткрылся на секундочу и мне кинули сухую робу. Я просидел в холодном скользком баке с запахом гнилой рыбы еще два часа, а потом почувствовал, как мою «жилую площадь» переносят куда-то по воздуху. Неприятные ощущения и попутно мысли неприятные — вдруг уронят меня, чего доброго, и тогда я расшибусь всмятку. Но бак стал на твердое место. Я ощутил вибрацию, которую ни с чем не спутаешь. Так работает судовой двигатель. И мой бак расположился где-то неподалеку от гребного вала.

Бак открылся только через два часа — у меня мочевой пузырь едва не разорвался за это время, но ведь плавать в собственной моче не хотелось.

— Где гальюн, мать вашу? — заорал я, выскочив наружу.

— Вот так рыцарь, — передо мной стояла принцесса Нея. То есть, какая там принцесса! Черт возьми, я знаю, кто это. Это девица из нашего отдела в Applied Materials, у которой я был на побегушках шесть лет назад.

— Люба, это ты? Любовь Виноградова, это вы?

— Ты же вроде гальюн искал.

— Да! Гальюн я тоже искал и буду искать.

— Выше палубой, направо от трапа.

И я понесся вверх, как голубь.

Любка, гальюн, Любка.

Мне вдогонку засмеялся какой-то мореман в старорежимной тельняшке.

Уф, наконец-то открылась заветная дверь. Горшок — мой, только мой.

Теперь можно расслабиться и подумать о приятном. Впрочем, ничего особо приятного в прошлых взаимоотношениях с Любой Виноградовой не было.

Во-первых, она меня на работу в российское отделение Applied Materials принимала. Когда я ее впервые увидел, то подумал, что эта девка в мини-юбочке какая-нибудь секретутка их тех, что выполняют «принеси-унеси» и вертят круглой попкой перед шефом. Но именна эта секретутка раскатала меня как танк на техническом тестировании. Затем Люба написала благоприятный отчет о нашей встрече, и меня взяли на работу — я впервые стал какие-то бабки грести. Я думал, что это у нее из-за симпатии к моей персоне (ведь мы сразу перешли на «ты») и Люба только ждет момента, чтобы придти и сказать: «Я — твоя».

Как же, моя. Она у меня начальником оказалась, хоть и младше по возрасту. Утюжила меня все три года, пока я в Applied Materials работал. Я, как проклятый, доделывал программы за ее фаворитами и писал за них документацию, я бегал на работу по воскресеньям и праздникам, когда другим было влом. И за эти три года Люба ни разу мне не показала, что я глянулся (если не считать одного-единственного исключения). Она могла сказать, к примеру: «Останься на работе, когда все уйдут, я хочу пообщаться с тобой наедине, мой красавчик». А «наедине» она долго и обстоятельно размазывала меня за какую-нибудь пустяковую ошибку — перфекционистом я никогда не был и любил проехать на авось. У Любки был идельный математический ум (который предполагаешь увидеть в каком-нибудь пузатом лысоватом ашкеназе), но, помимо компьютерных наук, она мало что знала. За пределами математики и программирования она была полной инфантилкой-первоклассницей.

Я мог бы ее многому научить, но она ставила меня не слишком высоко, и учиться ничему у меня не хотела. За границами математики и компьютерных наук она целиком полагалась на мнение бойких питерских тусовщиков, среди которых у нее водились дружбаны. Собственно, помимо профессиональных вопросов, ее мало что интересовало. А меня не слишком увлекали профессиональные вопросы, так что мы с ней собственно и не могли сойтись, хотя мой пытливый взгляд всегда приковывала ее тугая попка, грудки-яблочки и презрительно кривящийся ротик. Да, будь я прекрасным атлетом с бронзой бугрящихся мышц и смолью кудрящихся волос, возможно и смог бы достучаться

до ее генов, жаждущих размножения. Но до бугрящегося-кудрящегося атлета мне было далеко и десять лет назад. Уже после того, как я уволился, до меня дошли слухи, что Любку забрали в Америку на хороший пост в штаб-квартиру Applied Materials, так что наши с ней доходы стали различаться в сотни раз. Мне и в голову не приходило, что я могу ей отписать письмецо...

Я вышел из гальюна, прямо передо мной была клинкетная дверь, я не удержался, открыл ее и оказался на палубе. Теперь можно оглядеться. Я на борту буксира. Не портовый буксир, но и не океанский, средний такой. Суденышко сейчас никого не буксировало, но упрямо шло через зеленоватые валы Карского моря, удаляясь от берега к северу. Устойчивость на курсе у буксира была неплохая, но волна прилично подбрасывала его. Я глянул вверх и мне показалось, что через бледную серость неба я вижу кольца Космического Змея, похожие на три шестерки.

— Можно и Змея увидеть, — послышался рядом со мной голос Любы, — и небо в алмазах.

Люба была в мешковатом комбинезоне судового механика, но я все же приметил, что она несколько располнела. Однако это ни капельки не испортило ее. По крайней мере на мой алчущий взгляд. Всё тот же презрительно кривящийся ротик, в который я столько раз — в своих мечтах — впивался как вампир. Увеличившиеся выпуклости делали её ещё притягательнее. А Любины глаза — с чуток растянутыми уголками — снова принялись выволакивать из меня душу.

Так, надо сопоставить факты. Встреча с прежней начальницей, давно слинявшей в солнечную Калифорнию, не может быть случайностью, с бóльшей вероятностью я бы встретил Серого Волка и Елену Прекрасную.

— Принцесса Нея? Ты была ею? Ты втравила меня в эту идиотскую историю?

— В идиотскую историю ты втравил себя сам, когда украл автомобильный борт-компьютер. Есть такой древний закон «не воруй», в общем и целом он справедлив до сих пор.

— А справедлив до сих пор древний закон «возлюби ближнего своего»? Или теперь он действует в краткой гастрономической редакции?

— И с чего ты взял, что тебя не любят?

— Ах да, мне (и миллионам таких, как я) подарили замечательную возможность очистить от своего присутствия бывшую РФ. Все могло быть так культурно, добрые самаритяне из независимой организации «Лучший мир» помогают всем желающим пройти добровольную эвтаназию. Зачем мириться с низким стандартом жизни и отсутствием банковского счета, если можно получить эвтаназионный грант и целый месяц перед кончиной наслаждаться шоппингом. Можно даже купить розовый унитаз со встроенным интеллектом.

— Почему обязательно скончаться, ты бы мог найти свою нишу.

Ох, сколько я слышал таких бодрых голосов по телеку, несть им числа, мол «вертись, совок, и все наладится, будешь жить как в Чикаго». Но даже такая банальщина не портит Любу. Собственно поверх этих произносимых слов я веду свой внутренний мысленный диалог с госпожой Виноградовой. «Ну как ты жила все эти годы?» А она мысленно отвечает: «Материально ничего, но мне так тебя не хватало».

— Конечно-конечно, Любовь моя. Мог найти нишу, уголок, щелку. Мог выращивать в своем организме органы на продажу, печеночку-селезеночку в нанопленочной упаковочке. Вырастил-продал-пополнил счет в банке, снова вырастил. Только благодаря применению «управляемых онкогенов» счастливый владелец счета в банке тянет не дольше белой лабораторной мыши... Скажи прямо, как ты меня нашла и что тебе от меня понадобилось?

Она показала мне рукой, присаживайся, устраивайся поудобнее. Тут за надстройкой, на корме, и в самом деле не слишком ветрено. Минут двадцать можно посидеть на запасных кранцах*.

— Нашла, потому что искала. Вернее искали тебя мои сетевые боты. И вскоре после того, как ты появился в сети, тебя вычислили по характерным фразам и старорежимному стилю мышления. «Третьим будешь?», «Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи срати», «Кто там? Сто грамм» и прочий соцарт. Если бы не я, то

* Мешки с пробочной крошкой, предназначенные для предохранения корпуса судна во время швартовок.

тебя бы нашла полиция и тебе бы не поздоровилась. От одного до трех пожизненных сроков. В этом случае тебе, Сенечка, действительно пришлось бы продажей своих органов удовлетворить иски, предъявленные «вдовами демократии» и Комитетом Защиты Свободы.

— А, значит, ты позаботилась о моем здоровье? Что ж ты, вместо коробки конфет прислала бутылочку с какой-то дьявольской мочой. Ты ведь меня сразу подставила, сделала из меня луч света в темном царстве...

— Это не моча, Сеня, а полимерная вода с модифицированными водородными связями.

— Просто полимерная вода?

— Да не может быть «просто» полимерной воды, Сенчик. Наоборот, это всё сложно. Обычная вода структурно состоит из дигидролей, а поливода — из неограниченного множества молекул воды, сцепленных водородными связями и, так сказать, сшитых квазичастицами, которые прозываются экситонами.

Экситоны так экситоны. Я поймал себя на том, что мне все равно, о чем говорить с Любой. Мне просто нравится заглядывать ей в ротик, из которого изрекаются всякие истины — всё, как и пять лет назад. Как и тогда, я опять в роли фанатично верного вассала. А, значит, являюсь потенциальной жертвой, которую можно одурачить, использовать и выбросить. Все-таки надо как-то ответственнее относится к собственной судьбе.

— Стоп, Любовь. Ты говоришь «вода», а снег и лед, а холод откуда?

— Оттуда, — весомо ответила Любовь. — Рост поливоды, то есть полимеризация, происходит за счет тепловой энергии окружающей среды — система-то открытая. А после понижения температуры до точки замерзания, обычная окружающая вода превращается в лед и снег. В обычный снег, обычный лёд-1.

— Уф, а я уже думал, что это какой-нибудь страшенный лед-6 или 7, для которого требуется дьявольское давление... Хотя и для создания поливоды требуются дьявольские мозги. Должно быть, выстраивание водородной сетки и экситоновых волн должно учитывать миллионы различных факторов. Ведь это про-

исходит не в химическом реакторе, а в естественной среде. Кто ж этим управляет?

Любаша покачала головой, намекая на мою умственную недостаточность.

— Напрямую никто. Полимерная вода находится на самоуправлении. Это среда распределенного искусственного интеллекта, причем он скорее напоминают колонию информационных амеб, чем единый организм.

— А почему одних товарищей поливода убивает, а других нет?

— У всех амрашей и пискиперов есть химические маркеры — результат того, что им делают геннотерапевтические прививки, для противодействия гриппу, СПИДу и тэ дэ. Поливода, как информационная система, способна их распознавать.

— И зачем понадобился я в этой сказке о мертвой воде?

— Ты, так сказать, у нас — водяной. Ты состоишь на 80 процентов из поливоды, в то время как другие люди на те же проценты состоят из воды обычной.

Да это то же самое, что сказать человеку, что он состоит из соломы или червяков. Мне от этих новостей то жарко, то холодно, то инь и ян одновременно.

В руке у Любови показалась штука, похожая на большую вилку, только с дисплейчиком.

— Ты с этим осторожнее, проткнешь ненароком, и из меня вытечет вся эта ваша мертвая вода.

— Встань, — приказала она.

Она провела вдоль меня своей «вилкой» — терагерцевый сканер, что ли — и на дисплейчике появился мой светлый образ. Вид изнутри. Целиком и по частям. Берцовая кость, таз, лопатка и прочие куски для «супового набора». Части тела кружатся и показывают себя со всех сторон, особенно позирует череп, улыбка прямо-таки американская. Видно, что от ID-чипа осталась только царапка на решетчатой кости — это, наверное, мертвая вода постаралась. Давняя грыжа пищевода тоже не просматривается — и здесь поливода меня подправила, спасибо. Но... огромнейшее «но». Появилась во мне какая-то сеть. От крестца, обвивая позвоночник, тянется она к рукам. И самое страшное, несколько ее паутинок уходит прямо в череп. Бр-р.

— Блин, что это за гадость, паутина какая-то? — Голос мой был откровенно блеющим, жалобным. Я в глубоком изнеможении повалился на кранцы.

— Это скорее система микротрубок, — голосом лекторши отозвалась собеседница, — такая вот структура помогает тебе взаимодействовать с поливодой.

— Я и без поливоды прекрасно бы обошелся. И откуда эта структура во мне взялась?

— Помнишь тот случай, когда на праздновании восьмого марта в трудовом коллективе ты напился и пробовал поцеловать меня. Это было незадолго до твоего увольнения.

— Кажется, я тогда поцеловал стенку. На ней даже не было помады.

Лукавлю, немножко. В тот вечер, вернее на той вечеринке, Люба была непривычно мягкой со мной. Мы танцевали медленный танец, я чувствовал соски ее грудей сквозь ее кофточку и свою рубашку, и таял, как мартовский снег. Она говорила начистоту, что хочет уехать в Силиконовую долину, потому что ей надоело работать с баранами (я деликатно не воспринял это на свой счет). Несмотря на то, что мы всегда были на «ты», мы выпили на брудершафт и поцеловались. После поцеловались еще раз. Я уже понадеялся, что всё будет у нас хорошо, мы станем жить вместе, в уютной квартирке, и не обязательно даже в Силиконовой долине...

— Тебе кажется, Сеня. Мы поцеловались, а потом уж ты ударился об стенку и маленько отрубился. Ты и так был пьян в зюзю. Пока ты находился в отключке, я задрала тебе рубашку — у тебя и так все было растегнуто — и поставила тебе укол. Порция наноботов поплыла в стиле брасс по твоим кровеносным каналам, у каждого в заплечном мешке кусок рекомбинантного ДНК, у каждого рука-энзим для резки нуклеотидных цепей. Потом ты очнулся, ничего не вспомнил и пошел в сторону унитаза, перебирая руками по стене. Как космонавт.

Можно сейчас поднимать бровки домиком и кричать: «Как вы посмели? По какому праву вы произвели генные модификации?» Да, они посмели, у них права, в том числе на мою душу и тело, и их права защищены адвокатами и правозащитниками...

Укол так укол, хотя я бы предпочел, чтобы эта зараза передалась мне половым путем. Однако для проформы надо хоть повозмущаться.

— Без меня меня женили на каких-то рекомбинантных ДНК. Да как вы смеете!

— Смею. — Любка придвинулась ко мне ближе, и я стал ощущать тепло ее кожи, несмотря на свежий ветерок, гуляющий над Карским морем. — Это расплата за твою похоть, за то, что ты пожирал мое невинное тело своими наглыми глазами. Меня ничего не интересовало кроме математики, а ты все пытался заглянуть мне в вырез кофточки. Ты, проклятый похотливец, все время ронял карандаш на пол, чтобы поднимая его, заглянуть мне под юбку. Думаешь, я этого не видела?

— Я был молод и у меня не было девушки! У меня тогда был этот самый... тестостерон. Да и имелось, что посмотреть в указанном тобой месте. Нечего такие юбки короткие носить.

— А я была еще моложе, Семен Иванович, особенно в эмоциональном плане! Я еще не вкусила с древа познания добра и зла.

— Да хватит тебе невинность изображать. Невинные так, как ты, не поступают. Ты приняла меня на работу только для того, чтобы в итоге воткнуть свой шприц в моё беззащитное тело. Я тебе сразу не понравился, поэтому тебе легко было принести меня в жертву. Ты приняла на свою работу не мой разум, а мой организм. А затем, как паучиха, три года продержала мой организм в своих тенетах. На той памятной вечеринке ты даже стала имитировать расположенность и какие-то чувства. Сплошное коварство, по этому предмету у тебя точно пятерка.

Она протянула мне вязаную шапочку и улыбнулась так, как заботливая жена. Одень, мол, дурашка, уши озябнут.

И, хотя у меня уже зуб на зуб не попадал, я гордо отверг шапку.

— Не горячись, Сеня, в жертву всегда приносили лучших, а не абы кого. Я выбрала тебя, потому что у тебя были достаточные способности, ведь структура управления поливодой потихоньку использует ментальные ресурсы мозга через диффузный нейроинтерфейс. Я выбрала тебя, потому что ты мне понравился, потому что хотела с тобой работать вместе, каждый день, в

одном офисе, я хотела ежедневно с тобой общаться и выслушивать твои далеко не всегда удачные шуточки. Для меня в то время это был максимум влюбленности.

— Ладно, «максимум влюбленности» уже не измеришь, а вот просчитанность эксперимента поражает, — признался я. — Сетчатая структура для управления поливодой возникла во мне за пять с лишним лет до появления поливоды. Кто все это спланировал?

— А я тебе всё равно правды не скажу, должен понимать. — Любка поднесла свои изумрудные глазищи так близко, что у меня затряслись поджилки и заколотилось сердце. — С тебя достаточно знать, что существует некий Центр, который обрабатывает столько информации, что способен прогнозировать события и планировать свою реакцию на много лет вперед.

— И Центр этот явно не Москве располагался, а за морем. Как же ты дала себя завербовать врагам твоей страны? Что насчет нравственности и патриотизма? Твой же дед вместе с моим дедом в восемнадцатой армии воевал, они вместе Будапешт брали и Вену.

— У настоящих профессионалов, по большому счету, нет нравственности, про патриотизм я уже не говорю. Их интересует только возможность самореализации. У ученых нет своего народа и своей страны, у них есть только своя наука. Запиши это себе в мозжечок.

— Про интерес к баблу тоже записать в мозжечок?

— На начальном этапе важно и обеспечение полного материального благополучия, чтобы ничто не мешало самореализации, — солидно ответствовала Любовь, как не поверить. — Но тем не менее группу Бреговского спасла я. Не так давно ЦРУ пронюхало про наших законсервированных друзей и начало искать их. Центр поставил мне задачу опередить цэрэушников — иначе бы всему спецназу крышка. Искала лично я, так что ребятки из команды Бреговского мне сильно обязаны и порвут за меня любого, учти.

— Конечно-конечно, ЦРУ — это тупые бюрократы, неспособные на тонкую многоходовку. А вот интеллектуально развитый Центр выпустил из погреба ледяных орков, создал атмос-

феру кризиса, и у ооновского правительства появился наконец микроскопический, хотя и реальный враг. Какая-нибудь крупная корпорация теперь получит заказы на новую военную и полицейскую технику, конгресс выделит миллиарды на сокрушение «самой большой угрозы нашей демократии со времен энергетической империи Медведева». Очаг «ледяного руссофашизма» будет задушен с большой помпой, с вручением многих премий и обильными славословиями в честь «несокрушимой свободы». Голливуд снимет блокбастер под названием «Твари». Немножко специй в пресное блюдо никогда не повредит, так? Именно это нужно вашему Центру. Угадал?

— Так. Могло быть так. Однако Центр решает совсем другие вопросы.

Ну, Любовь Рафаиловна, здесь ты не будешь меня водить вокруг пальца, демонстрируя превосходство своего разума. В неточных науках я и сам мастер анализировать, подперев буйну голову кулаком.

— Я знаю, по поводу чего волнуется Центр. И даже могу ему посочувствовать. Ах, эти хакеры-вонякеры. Они запросто украдут какую-нибудь новейшую интеллектуальнейшую технологию, или она сама к ним переползет, чай не дура. И начнут они удовлетворять свои потребности, не платя ни цента в супермаркете, не поглощая рекламу и не прося кредита. Так, глядишь, возродится натуральное хозяйство, и от ооновской «демократии» останется нуль на палочке. Под предлогом борьбы с руссофашизмом можно и хакеров передушить. Так?

— Могло быть так, — опять уклончиво ответила Любовь и сказала. — Посмотри вокруг... какая широта — знаешь?

Я огляделся вокруг — по зеленоватому оттенку воды понятно только, что это Карское море. Льда нет, но и купаться не тянет.

— Семидесятая? — сказал наудачу я.

— Семьдесят вторая. Но льда нет до самого северного полюса.

— И какая связь?

— Безо льдов что-то не то творится в высоких широтах. И это может отразиться на всем земном шарике. Катастрофически.

— Что ты темнишь? Что творится? Земля Санникова всплыла? Планета Земля начала партизанскую борьбу?

— Зафиксирован подъем суши в некоторых местах. Не исключено смещение магнитного и даже географического полюса. Не время сейчас делать научный доклад, но, по мнению экспертов, планета, как большая система, выходит из устойчивого состояния. Вот это и волнует Центр в первую очередь.

Центр, центр, что это за центр волнующийся такой, прямо пуп земли. Меня терзают смутные сомнения...

— Центр — это не те ли ребята из закулисья, которые организовали сибирскую войнушку и сгубили матушку Россию вместе с зимушкой-зимой? Только они не ожидали, что Россия — это такой камень, который из мирового здания так просто не выдернешь, может всё посыпаться. И когда стало сыпаться, ребята из закулисья решили немножко отыграть назад.

— Ага, пофантазируй еще с полминуты, — издевательски предложила Любка.

— Я про комитет «омега», о котором писали некоторые наши газеты в канун сибирской войны. Скопление всяких ротшильдов и прислуживающих им математиков с секретной штаб-квартирой в лондонском Вест-Энде. Денежные мешки и специалисты по теории игр. Играли вот, играли и доигрались.

— Так ротшильды или математики? Как-нибудь определись.

— Я и пытаюсь, Люба. Допустим, кто-то из ученых экспертов, математиков и физиков, работавших на Омегу, откололся и создал собственную организацию. Специались по теории игр в один прекрасный момент переквалифицировались в специалистов по теории пристойного поведения. В конце концов ученые должны смотреть дальше, чем жадные капиталисты.

— С этим невозможно не согласиться, — кивнула Любка, — вполне тривиальная мысль.

Я хотел что-то еще сказать, но понял, что всё бесполезно — подсознательно я согласен быть игрушкой в Любкиных руках. Не найдя слов, я поднял очи горе, и мое внимание привлекла низкая облачность. Небеса отяжелели за время нашего разговора и как будто стали давить на беспокойное море. Вообще-то морская болезнь меня не берет, но сейчас я ощутил дурноту. Из

мрачной набрякшей тучи вышло что-то очень длинное и извивающееся — ни дать ни взять хвост дракона, проживающего за облаками. От удивления я «встал на дыбы»: вскочил с кранцев, застыл.

— Это что за хренотень, Любовь, ты в курсе?

— Я, как всегда, в курсе. Это не хренотень, Сеня, а УНТ-лифт*, спущенный с орбитальной платформы. Через пятнадцать минут он будет здесь. У тебя еще есть время переодеться.

— Зачем?

— Чтобы не замерзнуть. В наших условиях у нас нет возможности использовать комфортабельную кабину стандартного подъемника. А надо очень попасть на эту платформу, потому что хакеры-вонякеры взяли под контроль орбитальный лифт совсем ненадолго.

Блин, что она еще придумала для моей потрепанной персоны?

— Вот уж нет, я — подопытный кролик, я — белая мышь, но не до такой же степени. Я никуда не собираюсь, ни вверх, ни вниз, ни влево, ни вправо.

— Не хочешь же ты сказать, что ты просто боишься?

— Я не просто боюсь, я очень-очень...

— Он шутит. — Голос принадлежал не Любе. Могучий командирский бас и хриплый задорный баритон. Майор Бреговский и лейтенант Ласточкин сейчас подпирали меня с обеих сторон. Если бы они сейчас прыгнули солдатиками в набежавшую волну, то непременно утянули и меня с собой. Я затравленно оглянулся, выворачивая шею, позади стояло еще трое бойцов ледяного спецназа. А ведь мне надлежало обрадоваться своим боевым товарищам, которые выжили в том страшном ночном бою против невидимок.

— Так что ты «очень»? — издевательски переспросила Люба.

Попался, опять попался. Она сделает меня при любом раскладе. Не могу же я при этих самураях сказать, что заранее перебздел.

Я промолчал, но, наверное, заметно сдулся в оптическом диапазоне.

---

* Лифт из углеродных нанотрубок.

— Зимнер, с нами не пропадешь, ты только не отставай, как в прошлый раз, — сказал Ласточкин будто даже виноватым голосом.

— Пошли переодеваться, — позвала Люба.

— Да-да, переодень его, Любаша, в подгузники и все такое, — сказали бойцы и с нежностью посмотрели на нее. В их глазах не было фальши — меня не обманешь. А она с нежностью посмотрела на них. Затем подтолкнула меня в плечо.

И повела меня дальше подталкиваниями, тычками и пинками — а я шел на ватных ногах, опасаясь, как бы не навернуться. В моей голове нарисовалась гулкая пустота, как всегда у меня при встрече с непреодолимой силой. На трапе, ведущем вниз, я чуть не пересчитал носом ступеньки.

А потом открылась дверь в какую-то каптерку, и я увидел свой скафандр. Дело совсем плохо — буду возноситься на воздуся в костюмчике космонавта. Замерзнуть, сгореть, задохнуться, упасть и расплющиться — всё это в меню, всегда пожалуйста.

— Чего стоишь, раздевайся, снимай манатки, самое время, — повелела Фортуна в лице Любы.

— Как, при тебе? Я стесняюсь.

— Конечно, при мне. Стесняйся дальше, только без меня ты не оденешься по-человечески, да еще и попробуешь улизнуть.

— Хорошо, только гляди в другую сторону, — обреченно сказал я.

— Да я тебя в упор не вижу, так же как и желтое пятнышко у тебя на трусиках.

Но, когда я расстегнул рубашку, ее ладонь легла мне на грудь.

Мое сердце трепетало, как рваное грязное полотнище на топе тонущего парусника, то ли от стыда за свое неважнецкое тело, то ли от страха перед путешествием в небо. Любовь сказала:

— А сейчас не стесняйся, — и провела ладонью от моей шеи до живота.

Совсем другой трепет прошел по моему телу, и я забыл о стыде и страхе.

Ее руки заставили меня присесть на какую-то трубу, ее руки опустили мне веки, я ощутил запах ее кожи и тепло ее тела около своего лица. А потом ее руки прижали мою голову к ее груди, и вся моя дрожь растаяла среди ароматных выпуклостей ее тела.

Успокоившись, я открыл глаза и наблюдал, как комбинезон неторопливо спадает с нее. Вот он сполз до ее пояса, открыв то, что давно манило меня, как оазис в пустыне. Сейчас меня не интересовала конкретика, столь милая сердцу каждого эротомана, я не хотел впиться в ее тело, как жадный сексуальный потребитель. Меня дурманила сама близость, исчезновение стен, перегородок, барьеров, панцирей.

— Почему не раньше? — спросил я. — Почему только сейчас? Я же раньше был моложе и лучше, кажется.

— Тебе действительно так кажется. Но с тех пор я задолжала тебе третий поцелуй.

Я протянул руки и помог ее комбинезону упасть еще ниже. И не получил коленом в глаз.

Она стала опускаться своим телом, чудесным и умным до самой последней клетки, на какое-то тряпье, валяющееся на палубе — им скорее всего протирали цилиндры двигателя.

«Почему все-таки не раньше, — подумал я еще раз, соединяясь с ее плотью, — когда у нас было столько времени в запасе?»

Конечно, я мог бы вспомнить о сексуальной жизни некоторых насекомых самок, которые используют «это самое» для пожирания любовников. Мог бы даже экстраполировать впечатления от богомолов на человеческие взаимоотношения. Но не стал. Дело в том, что для меня открылась дверь, в которую я стучал столько лет. Это Генри Миллер, американский охальник, детально описывает, как устроена «давалка» каждой его новой подружки, которую он обследует сами знаете чем. А для меня было важно, что мечта воплотилась, что мы — такие разные, не просто разнополые, но и разноумные, разведенные миром по разным углам, вдруг оказались вместе, максимально близко, ближе некуда.

Едва я успел излить свои чувства, как она согнала меня пинком, и стала деловито натягивать на мое тело этот чертов скафандр. В нем я сразу ощутил всю несправедливость бытия. Ну

почему бедные простые глупенькие людишки за всё платят по столь высокой цене?

Скафандр весил минимум тридцать кило. Это ж гибкая металлопластиковая броня с актуаторами, придающими ей функции экзоскелета, плюс подкладка, или подскафандр. В нем системы жизнедеятельности и сенсоры — так вот, подскафандр впился в меня, как «железная дева»! Тысячи мелких зондов и коннекторов проткнули мою кожу, вошли в мои кровеносные сосуды, нервные окончания и прочие ткани. Благодаря этой подкладке скафандр фактически слился со мной в одно целое, он стал моей второй кожей. Люба игриво царапнула мою броню, и я это ощутил, как будто на мне ничего не было! Пришлось даже уменьшить степень чувствительности. Какая-то змейка из мундштука проникла мне в горло, вызывая острое желание блевануть. Мама родная, другие змейки втянулись мне в нос, уретру и прямую кишку! Неприлично и даже больно! Столь тесного симбиоза даже я не ожидал. Замерцали дисплеи — верхний надшлемный, нижний подшлемный; прозрачный передний показывал скорости объектов и расстояния до них. Слева и справа к моим глазам приникли инъекторы, прыснули чем-то, ай, я заморгал, но поздно. Не взирая на мои конвульсивные моргания, мигом образовались мономолекулярные контактные линзы-экраны, вслед за тем открылось виртуальное окно.

Судно как будто исчезло, подо мной была бездна морская, надо мной — сфера небесная, с навигационной разметкой в горизонтальной системе координат. Отвесная линия уходила в небесную бездну, как лестница Иакова, как стебель волшебного гороха. Я дернулся от страха, тут же экзоскелет скафандра «услужливо» усилил мое движение. Меня бросило вперед, я столкнулся с чем-то и отлетел, и еще раз столкнулся. Все загремело, зазвенело, виртуальное окно стало прозрачным, и я снова увидел каптерку.

— Не суетись, — послышался в наушниках голос Любы. — Иначе ты превратишься в теннисный шарик.

Какое-то время мне казалось, что дверной проем также тесен для меня, как игольное ушко для верблюда, но потом я кое-как протиснулся. Прошел по коридору, пролез в отверстие, ко-

торое скорее всего недавно вырезали в переборке, и оказался в трюме. Буду знать теперь, что и на буксирах бывают трюмы. Надо мной открылась крышка люка, сверху спустился гордень грузовой стрелы, Люба зацепила гак на скобе, выползшей из моего скафандра, и меня потянуло вверх. А еще стало раскачивать, на море было какое-то количество баллов.

На крышке люка уже стояло четверо спецназовцев — тоже в скафандрах — включая майора Бреговского и лейтенанта Ласточкина. Как живые монументы, как статуи командоров. Они только разок изменили величественную позу, сняв меня с гака. На фоне такой бравой компании я смотрелся не очень выигрышно, как по психологии, так и по экстерьеру, и Люба это, конечно, заметила. Второе, что меня смущало — это нечетко определенное задание. Люба показала мне листок электронной бумаги с планом действий, но писюлька, второпях набросанная на круглой женской коленке, не производила серьезного впечатления.

— Кто-нибудь из нас знает подробности операции? — задал я почти риторический вопрос.

— Ты все поймешь сам, — поспешил отозваться бодрый голос Любы. — И запомни, я всегда любила тебя.

Угу, так я и поверил, хотя во что мне еще верить? «Хвост дракона», то есть орбитальный лифт, уже дотянулся до палубы судна и оказался УНТ-лентой. На конце ленты болталось подъемное устройство. Оно явно предназначалось не для транспортировки людей, а для устранения загрязнений ленты или для ее тестирования. Бреговский обозвал подъемник червяком, но скорее он напоминал цветок о пяти лепестках, ведь он был нанизан на УНТ-ленту, как на стебель. Подъемник представлял собой легкий каркас с линейным двигателем, по сторонам у него было пять гнездовидных держателей для полужестких ёмкостей-грязепреемников. Вот туда мы и загрузились. Виртуальное окно снабдило отвесную линию указателями высоты в виде ступенек через каждые сто метров. Лестница в небо ждала нас.

Меня со товарищи начало возносить — с такой скоростью, что не только про любовь забудешь, ну и как себя зовут. «Ступеньки» проносились мимо, едва удавалось их заметить. Через

какую-то минуту буксир стал крохотной точкой на поверхности волнующегося моря, напоминающего сейчас мятую бумагу. А потом мы влетели в облако и сразу попали в зону турбулентности — совсем как летчики. Однако сейчас я был не внутри кабины, а снаружи. Ветер скреб по коже, это нейроконнекторы знакомили мое тело с окружающим пространством — пришлось уменьшить чувствительность скафандра до минимума.

— Не шевелитесь, — гаркнул Бреговский, его скафандр ощутил луч радара.

Подъемник замер, нас болтало посреди ничего, раскрашенного рекламным аэрозолем в цвета халвы и пастилы, я даже перестал дышать от страха. Может быть поэтому ооновский истребитель нас не заметил.

10. Снеговик на орбите

Орбитальная платформа напоминала рой. Это было скопление контейнеров, внутри которых находились поражающие баллистические и кинетические элементы. Баллистическими элементами она уже разок отбомбилась по Зоне Зимы.

Еще там, посередке, был здоровенный многогранник, украшенный шипами. Наверное, для «роя» этот додекаедр играл роль пчелиной матки. Хотя по виду напоминал морского ежа. Внутри «матки», судя по могучим радиаторам, горел термоядерный огонь. Шипы-излучатели «матки» передавали энергию всему «рою» пучками СВЧ и оптической энергии.

Я вспомнил картинку из еще довоенного научно-популярного издания. Автор взахлеб описывал такую вот платформу, которая якобы предназначена для терраформирования Марса.

Может, так оно и замышлялось, в мечтах и думах штатных мечтателей НАСА. Контейнеры должны были сбрасываться на красную планету, вылетающие из них «перья»-пенетраторы — пробиваться к подповерхностному льду. Излучатели «матки» снабжали бы их энергией для растапливания и гидролиза марсианского льда. Из других контейнеров должны были вылетать «споры» технопесени. Эта самореплицирующаяся структура, выполняя программу, заложенную в нее на молекулярном уров-

не, решала бы ответственную задачу по производству углекислого газа из любых углеродосодержащих веществ. Марсу же нужен парниковый эффект. Через сто лет там бы уже росли лишайники, а через двести раздалось бы чавканье первого марсианского таракана. Но вашингтонские аналитики решили, что инвестиции, окупающиеся через двести лет, не соответствуют духу свободной рыночной экономики, и эффективнее будет показать фокусы терраформирования на родной голубой планете. Аналитики — люди расчетливые, не романтики, поэтому у них такие большие зарплаты...

Более всего поражали воображение огромные кольца, медленно вращающиеся вокруг «матки» — каждое диаметром в два километра. На этих кольцах видны были батареи бластеров, накачка которых тоже шла от «матки». Кольца соединялись сетью гибких металлопластиковых путепроводов, в узлах сети были закреплены производственные модули, вращением обеспечивалась искуственная сила тяжести...

Впрочем, если по совести, после подъема на орбиту мое воображение было уже не пронять. Двести пятьдесят километров по «ступенькам» отвесной линии, через зоны турбулентности, через стратосферные вихри. Да еще и с ускорениями-замедлениями. Когда небо надо мной стало черным, и на нем засияли извивы Космического Змея, я уже ничего не соображал из-за перегрузок. Единственное, что меня перестало одолевать по ходу дела — это боязнь высоты. Невозможно беспрерывно бояться одного и того же, хотя я ни секунды не сомневался, что полупрозрачная едва видимая лента лифта может в любой момент оборваться...

— Через двадцать минут они начнут бомбить Зону Зимы, — сказал Бреговский, когда мы добрались до пункта назначения, модуля номер семь. — Диапазон доступа для нас — десять минут.

Открылся внешний люк приемного терминала. Мы въехали внутрь и срочно выгрузились из грязепреемников. Манипуляторы терминала сдернули их, как лепестки, и отправили на обработку. Неспешно закрылся внешний люк и толчком восстановилось нормальное давление воздуха. Отсюда мы должны

были выйти не в скафандрах, если точнее без броневого экзоскелета, иначе бы местные датчики это засекли, а в одном подскафандре. Он серебристый такой и делает нас похожими на ангелов.

Бреговский раздал оружие — огнестрельное мы не могли применять, чтобы не разрушить орбитальную платформу раньше времени. Здесь ничего не полагалось, кроме ножей и тазеров. Пока мы оснащались, майор колдовал у пульта внутреннего люка.

Мне показалось, что Бреговский забыл код доступа, уж слишком сильно морщил лоб — о, как я его обзывал, мысленно, конечно. Но последнее проклятие (из десяти матерных слов, поставленных друг на друга) все-таки сделало свое дело, и мы вышли в путепровод. Сто шагов по слегка колеблющемуся полу — пожалуй, это были не шаги, а танцевальные прыжки. Искусственная сила тяжести все же сильно уступала земной. А сквозь полупрозрачные стенки путепровода нас заливал космический свет солнца — в целом, ощущения как в раю. Так бы танцевал и танцевал целую вечность.

— А теперь, ребятки, приготовьте оружие.

Танцам — конец. Мы дошли до центра управления, располагающегося в модуле номер восемь. Ждут там нас или не ждут?

Бреговский на сей раз оперативно набрал код. За входным люком была невыносимая темнота — и при этом мы были в помещении, где находились люди. Здесь все было утыкано панелями и дисплеями, судя по тысячам глазков-индикаторов. Фигуры людей просматривались только на фоне этого слабого освещения — просто как контуры.

Принимающая сторона не стала тратить время на вопросы: кто вы, что вы?

Пока я вспоминал о приемах штыкового боя, кто-то засандалил мне в челюсть, да так хорошо, что я улетел и очутился на полу, наполовину под креслом. Чтобы меня не растоптали, я вцепился в чью-то ногу.

— Отпусти, дурак, — закричал Ласточкин, и я поменял его ногу на какую-то другую.

Эта нога была вражеской и чуть меня не раздавила. От страха я впился в нее зубами. Враг с воплем стал валиться на меня,

кресло с грохотом улетело, мое горло было сдавлено стальными ручищами. Мне удалось расцепить руки противника своим блоком и, резко приподнявшись, ударить его лбом промеж глаз. А потом я вспомнил о тазере и с просверком разряда отправил противника в нокаут. Я замахнулся ножом на другого противника — красиво, как казак саблей — оттого, что не решился просто ткнуть его в живот по кратчайшей. Замах мне обошелся дорого, противник перехватил мою руку, вывернул ее и врезал мне по затылку. Так что до конца боя я пролежал в режиме «stand-by». Когда очнулся, света было уже достаточно. Я нашел себя в кресле, слюни и сопли свешивались наружу, но затылок вроде был цел, если не считать здоровенной шишки. Наверное подскафандр уже подлечил меня. В других креслах сидели коллеги-спецназовцы — все живы, хотя с фингалами. На персонал станции я старался не смотреть — трое мужчин лежали у противоположной переборки, без сомнения все мертвые. У одного из них под лопаткой остался здоровенный десантный нож. Я перевел взгляд на огромные голографические дисплеи, которые представляли окружающее пространство.

— Попал, — сказал Ласточкин, — на одном из экранов запечатлелась вспышка. — Минус один. Ух, а в виртуальном окне боеголовка ракеты выглядела как мой собственный член, управлять легко.

— Нас атакуют, — несколько небрежно заметил Бреговский, — десяток дронов и пара флаеров. Но скоро их тут будет на порядок больше. На подходе несколько эскадрилий космических сил ООН, издалека они стрелять бояться — за нами тринадцатое кольцо Змея. Впрочем, на это наплевать. Мы должны удерживать платформу еще около получаса.

— А что потом? Сбросим боезапас на Лондон или Вашингтон? Сыпанем, как гарпии, им на голову урановые иголки, обгадим их техноплесенью?

— Нет. Мы здесь не ради мелкого хулиганства.

— Это не мелкое. Они это запомнят навсегда. Точно надолго. Пока не придут китайцы и не накормят другим дерьмом.

Бреговский скептически покачал головой. Тоже мне стратег. Или это его так гражданка Виноградоф накрутила?

— И что вы намереваетесь сделать?

— Выполнять приказ, Семен Иванович. Бомбардировку Зоны Зимы мы предотвратили, а теперь затопим платформу в районе Северного полюса.

— Это что, вместе с собой? Так запланировала наша мадам?

— «Вместе с собой» не было запланировано, но противник уничтожил единственное надежное средство эвакуации — спускаемый аппарат в девятом модуле. Модуль номер семь с УНТ-лифтом также раскурочен.

И я наконец увидел бравую грусть, застывшую в глазах товарищей. Мы — обречены! Испарина вымочила меня всего и сразу. Им-то легче. Много лет они профессионально готовы умереть, они уже разок фактически скончались, когда их законсервировали. А мне это впервой. Пусть жизнь говенная, а пожить бы еще годик, полгодика.

— Подождите, я не хочу пропадать ради какого-то Северного полюса. На том плане, который нарисовала Любовь, не было указано никакой точки затопления.

— И не надо было. Наша точка — это полюс. Ты, наверное, пропустил мимо ушей.

И тут я понял, как нас накололи. Любка — проклятая обманщица, самка богомола. Она мне ничего не сказала, она усыпила мое внимание своими ласками, потому что готовила второе издание мифа о демонической Аль-Каеде. Сейчас мы будем надувать щеки, пускать ветры и топиться без какой-либо пользы для нашей страны и ополчения. Зато какая выгода получается для комитета «Омега» и уолл-стритовских лордов — «враг демократии» не успел объявился, как уже утопился. Нет ничего лучше ужасного, но тупого врага.

— В районе Северного полюса? Не могли подобрать местечко получше для устраивания фейерверков. Ничего себе «приказ». Я понимаю, отдал бы его маршал Жуков, а то какая-то Любка Виноградова.

— Без нее нас бы не было, — весомо отозвался Бреговский и повторил с каким романтическим трепетом в голосе. — Без Любови нас бы уже не было.

Боюсь, она и Лёню своими ласками оделила.

— Ты это, Сеня, не финти, мы цивилизацию спасаем, — убежденно произнес Ласточкин.

— Накакать на цивилизацию с высокого потолка. Цивилизация охотно поплясала на наших костях, пока вы там лежали в мерзлоте как замороженные селедки. Я видел, какой оргазм испытывала прогрессивная общественность, когда нас насадили голым задом на шампур. Ни тени печали. Только радостный хор про «конец тюрьмы народов» и закат «тысячелетнего рабства». Каждая сопля хотела ощутить себя успешным борцом за свободу и искупаться в победной эйфории.

— Мы выполним задание, — отрезал Бреговский, показывая, что не желает слушать мои доводы. Истукан чертов, да и Ласточкин ничем не лучше. Это прямо традиция у наших вояк, сурово хмурить брови и грозить пальцем супостату, а потом преданно исполнять всё, что напридумывает этот самый супостат.

— Вы доставите удовольствие только комитету «Омега» и мировой олигархии, — заорал я, а Бреговский постучал пальцем возле виска и отвернулся.

— Если мы сбросим пару контейнеров на Вашингтон, то они пойдут на мировую и какая-нибудь нейтральная страна пошлет за нами спасательный корабль.

Меня уже никто не слушал.

В отчаянии я бросился на них, на всех сразу. Меня сразу оглушили и обездвижили, и кинули в мусорный отсек. Если кто-то в рубке нажмет зеленую кнопку, то я вывалюсь вместе с мусором в открытый космос. Конечно, никто из вояк кнопку не нажмет, они — честные и храбрые, а не злодеи какие-нибудь. Но даже и в этом случае мне предстоит упасть с орбиты в Северный ледовитый океан, без смысла и толку... Отсек где-то пять на десять метров; по боковым переборкам стоят штуки, похожие на отвалы бульдозера. Они, видимо, помогают липкому мусору вывалиться наружу; остальной вылетит сам, с ветерком.

По инерционным нагрузкам я понял, что платформа маневрирует, если точнее, меняет орбиту. Эти заводные дураки уже взялись за дело. Я посмотрел по сторонам — тоска, да и на что можно надеяться в мусорном отсеке? Но я же специалист по мусору, я просто профессор мусорных наук. У меня с мусором

давние и прочные связи, культурные и экономические, почти что симбиоз. Вот эти пакеты из толстого нанопластика, они имеют положительную плавучесть. Правда, зачем мне сейчас нужна плавучесть? Кроме того, есть у них свойство самостоятельно заштопывать дырки. Причем у небольших дырочек штопка происходит почти молниеносно, потому что пакеты пронизаны наноактуаторами. О чем это я? Какие дырки? Меня никто штопать не будет.

В отсеке также имеется красный рычаг сброса мусора. Видимо, он применяется при ремонтных работах техническим персоналом, облаченным в нормальные скафандры. В этом случае разгерметизация будет более плавной.

Стоп. Куда устремились мои мысли, к полному безумию, мягко выражаясь, к параноидальной шизофрении... Если я даже натяну на себя десять герметических пакетов, то воздуха и тепла мне хватит на три-четыре минуты, а за бортом я все равно маневрировать не смогу. И если даже ухитрюсь доплыть до другого модуля, у меня не будет кода доступа, чтобы открыть внешний люк.

Я еще раз обошел мусорную камеру. В левом дальнем углу виднелось сплетение трубок. Здесь проходит водопровод или канализация, или система охлаждения.

Я порылся по пакетам с мусором — в одном нашлось что-то типа пневматической отвертки. Поднес к трубе, нажал кнопку на ручке отвертки... и отлетел. Металлический стержень пробил трубу, и противодействие отшвырнуло меня. Из трубы что-то пошло — с хорошим напором, паром и брызгами. Ага, теперь «ледяные орки» поневоле откроют отсек и выпустят меня наружу.

Но вместе этого лишь зажглась алая панель с надписью «аварийный выброс». Это что, это как? То ли орки нажали кнопку, чтобы со мной не возиться, то ли сработала автоматика. В любом случае, меня сейчас выбросит в открытый космос. А я еще не готов. Я мог бы пожить еще часок, прекрасный замечательный час с такими замечательно-долгими минутами, которых целых шестьдесят. Тут в мусоре, наверное, и выпить, и закусить бы нашлось. И журналы «Playboy» с яд-

рениыми голографическими девками наверняка здесь зарыты. Как без них на орбите-то? И курево, хотя бы на уровне хабариков, непременно имеется.

На панели неумолимо нарисовался отсчет времени. «Тридцать... двадцать девять...». Я застучал в переборки, во внутренний люк — отворите, гады. Куда там — эти «гады» довольны, избавившись от меня без непосредственного пролития крови.

Что делать, забиться в панике, устроить конвульсиум раньше времени? Нет, профессионалы играют до последней секунды. Где мои шайбы, клюшки?

Я бросился натягивать на себя пакеты, а вокруг меня туман, даже плохо видно, и хочется кашлять-чихать. Источником этого тумана была пробитая труба. Испарения сильно вонючие оказались — канализационная, что ли, труба?

Я посмотрел на отяжелевшие вдруг руки — облеплены снегом, белым волокнистым снегом с коричневыми прожилками. Снег, порожденный канализационной трубой, быстро превращал меня в снеговика. Весело, весело встретим Новый Год. Не хватает еще морковки на место носа. А каунтдаун идет — но я почти не вижу панели. Неужели осталось пять секунд? Снег облепляет голову, совсем ничего не вижу, и уже не пошевелить ни членом. Я в снежном коконе, и только «змейка» из мундштука вдувает мне в легкие кислород!

А потом случился толчок, и внутри меня все перемешалось. Мои внутренности плеснуло, как суп из упавшей кастрюли. Но спустя пару минут определилось, что, хотя меня выворачивает по-страшному, я живу! Я — внутри кокона и лечу под действием недавно приложенной силы, притом ничего не вижу, не могу пошевелить ни рукой, ни ногой. Да и боюсь пошевелить. Вдруг кокон развалится, и я окажусь прямо в вакууме.

Спустя несколько минут подскафандр проткнул кокон зондами-иголками и стал передавать картинку окружающего пространства на мои линзы-экраны. Теперь видно, что я лечу рядом с кольцом в сторону лифтового модуля номер семь. И мне почему-то не холодно, как будто этот лед заменяет мне скафандр.

Нет, мимо лечу, неизвестно куда. У меня новый приступ паники. Бояться не грешно, грешно отдаваться боязни полнос-

тью. Наверное все-таки во мне остался какой-то «капитан на мостике». Он позволил мне смотреть и анализировать.

Космос был такой яркий, и я уже столь удалился от платформы. Она была у меня словно на ладони. Рой светлячков, пять колец, и посередине гвоздик. Так, ничего особенно на фоне великого Космического Змея. Его пестрый геосинхронный хвост, украшенный бусинками космических курортов и жемчужинками орбитальных городов, был похож на корону для планеты Земля. А она, раскрашенная рекламными стратосферными аэрозолями, напоминала пузатую языческую богиню. В верхних слоях атмосферы выделялась реклама генноинженерной фирмы, занимавшая всю восьмидесятую параллель: «Оживим мамонта, снежного человека, мумию Нефертити — всё для вашей вечеринки». Богиню Землю украшали и стартующие в высоких широтах челноки — их голубовато-пенистые следы напоминали пряди волос. Эскадрилья стратосферных штурмовиков «поднималась» по пятидесятой долготе — они напоминали головастиков, благодаря перистым «хвостикам» и сферической плазменной защите.

А потом платформа сплошь заискрила, как в новогоднюю ночь, была проткнута лазерными спицами, как на дискотеке, и изборождена факелами ракет «космос-космос», как на войне. Впрочем, это и была небольшая войнушка, локальный конфликт.

Мятежную платформу атаковали ооновские космические силы. Я видел, как она уничтожала один за одним роботов-истребителей и сжигала тучи кинетических перехватчиков.

Но в конце сражения «матка» превратилась в косматое алое облако, кольца треснули и разлетелись огнями, от роя светлячков осталось несколько мерцающих точек. Я порадовался за Ласточкина, Бреговского и двух других парней — погибли в неравном бою, с честью, геройски. Да и врагу насолили прилично.

Я успел понять, почему оставшиеся светлячки мерцают. Это там и сям летают пучки лент — остатки орбитального лифта!

А больше я ничего не успел, даже переключиться на отходной лад — что-то столкнулось со мной, швырнуло и еще раз швырнуло, заставив вращаться вокруг нескольких осей.

Несмотря на наступившую дурноту, я понял, что попал в клубок УНТ-лент. Клубок вращался и разматывался, он куда-то перемещался. Он больше не был связан с седьмым модулем платформы.

И, пусть я по-прежнему не мог пошевелить рукой и ногой, кокон прилип к ленте, как яйцеглист, простите за неаппетитное сравнение.

Но что дальше — несколько сотен километров сверхтонкой ленты были предоставлены самой себе. А я был предоставлен ей.

11. Возвращение Деда Мороза

Здоровенный кусок ленты образовывал что-то вроде лепесткового парашюта и по его колебаниям было заметно, что он входит в атмосферу. А кокон непрерывным вращением накручивал на себя ленту, создавая все более толстый слой изоляции.

Очевидно в какой-то момент я отрубился от страха, духоты, коловращения и перегрузок. А очнулся в момент удара, когда клубок УНТ-ленты шлепнулся вместе со мной в свинцовые воды северного океана.

Утопнуть после того, как пролетел почти три сотни километров с орбиты — обидно. Вот я и не утоп.

Меня, вместе с клубком, качала сильная волна. Снежный кокон растрескался, я стал карабкался вверх, рассекая ленту ножом. Спустя час или может неделю порыв свежего морского воздуха влетел мне в легкие. Я высунул голову и огляделся. Водная поверхность, насколько охватывал взгляд, была покрыта УНТ-лентами, которые образовывали внушительный кусок «зыбкой тверди». Посредине бултыхался плавучий островок диаметром в пять метров — это то немалое, что осталось от клубка. Но под ним ходила ходуном многокилометровая пучина.

Я видел, что «зыбкая твердь» исчезает, по ее краям ленты вертятся, как макароны в кипящем супе. Бурлящее море крутило их и расшвыривало, море знало свое дело и ничто не могло превзойти его в упорстве.

Зыбкая твердь исчезала быстро, однако волна захлестнула меня, когда я еще не ждал. Я сразу оказался по пояс в воде. А

там и по шею. Что-то из последних сил поддерживало меня снизу, но эта поддержка слабела с каждой секундой. И с каждой секундой становилось холоднее — подскафандр иссяк, в смысле энергии.

Я стал лупить руками, пытаясь согреться и удержаться на поверхности. Беспомощные бесполезные телодвижения. Но оказалось, что я, как лягушка, попавшая в кувшин с молоком, взбил сливки.

Вокруг меня была шуга. На пять, десять, двадцать метров — снежно-ледовая смесь. А потом, насколько видел глаз, вся поверхность моря была покрыта шугой. Я не тонул, напротив что-то поднимало меня вверх — словно спина левиафана. Снег дыбился, словно под мной всплывало морское чудовище. Еще через какие-то полчаса я видел океан на несколько миль вокруг — ведь я был уже метров на пять выше поверхности воды. Края льда были где-то в миле от меня. Но было дико холодно, из-за этого я почти ничего не соображал, хотя и понимал, что жив только потому, что заполнен по самую крышку поливодой. Я двинулся вперед, слыша, как хрустит заледеневший подскафандр, а ледяная твердь все более укрепляется под моими ногами. Вместе со мной, как с новоявленным Дедом Морозом, шла зима. Так ведь и Центру хотелось «восстановления льдов в высоких широтах». Значит таков был план Любы Виноградовой? Надежный план, если подумать. Если б я свалился сюда как труп внутри мусорного отсека, то поливода точно также бы попала на Северный полюс.

Из провала в облачности вдруг выскочили два флаера — сейчас будут стрелять... Но пространство между облаками и морем заволокло туманом — я увидел только всполохи где-то спереди и сзади, и ощутил ногами сотрясение ледового покрова.

Я шел и дошел до края ледяного острова. На открытой воде колыхалась лодчонка, вернее автоматический спасательный катер для высоких широт с герметическими отсеками.

Катер подставил мне под ноги грейферный трап и направил в отсек правого борта. Когда я лег на койку, крышка люка закрылась за мной и я увидел на экране телеприсутствия, как катер рассекает волну и набирает скорость. Я возвращался на родину.

12. Прирожденный вождь

Порта Джугра больше не существовало. На его месте был изрядно потрепанный поливодой поселок Амдерма.

На берегу меня встречали спецназовцы и ополченцы. Все, кто мог, передвигались на «крокодилах», остальные на снегоступах. Дроны — уже наши дроны, перепрограммированные — передавали на мои линзы-экраны впечатляющую картинку «вид сверху». Скайвеи были разрушены льдом, также как и вражеские аэродромы, космодромы, системы наблюдения — или же уничтожены вылазками ополченцев. Из Джугра-сити, восстановившего прежнее название Воркута, из Архангельска и Вологды, из Мурманска и Тюмени, из Нижнего Новгорода, из вдруг заснеженного Питера поступали реляции о победе ополчений. Повторялся 1612 год. Ооновская система C4ISR*, призванная поддерживать контроль над всей Россией, благополучно находилась в параличе; пискиперы, лишившиеся связи из-за погодных аномалий, гибли в снегах или бежали как французы в 1812. Амраши находились в ступоре или бежали следом за пискиперами — нейрософт в их головах явно разладился, то ли физически распался, то ли морально устарел и перестал реагировать на потрясения. Какой-то представитель возрожденной России появился на Генеральной Ассамблее ООН. Общим голосованием стран-участниц ему было разрешено присутствовать на заседании и даже выступить с сообщением.

В поселке Амдерма все здания, построенные саморастущим наноплантом, зачахли как орхидеи в заморозки. Зато сохранился Дом офицеров, в котором еще мой дед обмывал правительственные награды. В актовом зале набилась тьма народа, пили за помин души майора Бреговского, лейтенанта Ласточкина и прочих героев — но умеренно. Работа спорилась, Земский Собор был в разгаре, мы обменивались сообщениями со штаб-квартирами других ополчений. Меня быстро выбрали в сопредводители всеобщего народного ополчения. На больших экранах мы видели архангельских, воркутинских, нижегородских, мур-

* Command, Control, Communications, Computer, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance.

манских, тюменских и так далее собратьев. Спутники связи работали в нашу пользу.

Ко мне приблизился пузатый человечек с двумя терминалами под мышкой, портфель он нес в зубах.

Вложив портфель в мои руки, человек представился.

— Боб Понюшкин, можно Боря.

У него был забавный эмигрантский акцент, и я сразу понял, что этот тип представляет Центр.

— И что, Боря, небось принесли счет за услуги?

— Напротив. Мы готовы поддержать вас, все русские ополчения, как в информационной сфере, так и кредитами.

— Замечательно. Начнете теперь славить самодержавие, православие, народность? А сумеете?

— Сумеем, — отрапортовал Боб и словоохотливо добавил. — Мы проанализировали вашу историю с помощью мощных виртуальных экспертов и пришли к выводу, что в ваших условиях, с вашей географией, климатом, плотностью населения — возникшее в 16 веке самодержавие было необходимым. Да-да, необходимым, без него вас бы не стало уже к началу 17 века. Самодержавие связывало огромные территории, создавало условия безопасности, убирало ненужные звенья в государственном управлении, осуществляло необходимую социальную мобилизацию. И более того, стимулировало местное самоуправление, без которого поддержание государственного порядка на таких расстояниях оказалось бы невозможным. Земские старосты, сотские и прочие выборные власти — это вполне демократично. Но самодержавие невозможно без самодержца...

Это мне нравится, пусть и неискренний он, скотина.

— Понял, сейчас надо срочно выбрать Мишу Романова и назначить ему на роль наставника патриарха Филарета какой-нибудь гиперкомпьютер.

— Слушайте, зачем нам какой-то Романов?.. Время выбрало вас, — сказал Боб тезисом из старой передовицы.

— Меня? А зачем?

— Наши эксперты замечательно вас охарактеризовали.

— Ах да, Любка.

— Миссис Уинградоф-Харпер в том числе. А мы уже написали предвыборную программу для этого, как его, Земского Собора. Хотите почитать?

— А вторая-то фамилия у нее откуда? Побывала замужем, что ли?

— О разводе я ничего не знаю, — с предельной откровенностью сказал Боб. — Ее супруга зовут мистер Харпер.

— А это кто? Я понимаю, что хороший человек, но, пожалуйста, поподробнее.

— Президент «Наномайнд», крупной корпорации, занимающейся диффузными нейроинтерфейсами, психоимплантами и ветсофтом*. Крупные заказы от ООН для сил безопасности... Извините, господин Зимнер, вы читать будете с бумаги, или с экрана, или с электронной бумаги?

Похоже, те прозрачные черти-биороботы, с которыми я сражался в Зоне Зимы были созданы трудами Любиного муженька.

— После. Что-то жарко стало. Пойду прогуляюсь.

— О'кей, только возьмите, пожалуйста, охрану.

— Непременно. Буду теперь гулять только с охраной, даже в сортир. Ты вот что, Борис, будь другом, срочно пошли приличную сумму на этот вот почтовый адрес.

Я протянул Бобу бумажку с адресом моей экс-жены — он с готовностью закивал — затем я кое-как пробился сквозь толпу, где каждый второй хлопал меня по плечу, и вышел на улицу. В доме был яркий свет, а снаружи мглистые морозные сумерки... Сама Люба не приехала. Празднует сейчас на своей калифорнийской вилле со своим Харпером, «беби, мы сделали это», запивают не американским дресневидным виски, а французским коньяком, после бегут купаться на океан, потом занимаются любовью по книжке какого-нибудь эксперта в области тантрического секса. Попался бы мне этот Харпер, потоптал бы гада, как русский медведь... Далее мною будут заниматься другие эксперты. Глядишь и самодержцем сделают, кредиты дадут. Через пару лет попросят кредит отдать. Можно не деньгами. С Китаем повоевать или совершить что-нибудь еще глобально полезное. Для этих экспертов — люди как кубики из Лего, не более.

---

* Программное обеспечение на органических носителях.

13. Каждому цезарю по бруту

Он шел по улице, состоящей из одноэтажных довоенных домиков — нанoплантовые башни и супермаркеты Джугра-порта сгнили и развалились, их останки обратились в сугробы и торосы. Он шел, играя туманом, который был продолжением его тела, туманным телом. Семен Иванович ощущал туман, как свои руки, как свои крылья. Он мог обратить клубы туман в призрачные фигуры, коней и людей, как из фильмов ужасов.

— Семен Иванович, — его догоняла молодая женщина, в которой он узнал официантку из Дома Офицеров. — Где же вы пропадаете, вас там ищут. Сейчас будут выбирать общего предводителя всех ополчений. Сказали, что все наши будут голосовать за вас.

Она подбежала ближе. Худое лицо, пухлые губы, ярко намазанные красной помадой, чем-то напоминает любимую артистку его молодости — Кейт Бекинсейл.

— А поцеловать тебя можно? — спросил он.

— Конечно, Семен Иванович, — охотно согласилась она и, сложив свои губки в дудочку, закрыла глаза.

Губы ее пахли дешевой помадой, но в поцелуй она вложила всё, что может дать преданная женщина. Как всё-таки хороши, теплы, нежны преданные женщины в туманную холодную ночь.

— Как тебя зовут?

— Настя.

— Ты вот что, Настенька, беги обратно, а то продрогнешь. Скажи, чтоб начинали без меня, я скоро буду.

— Хорошо, Семен Иванович, я побежала...

— Можно звать меня Сеня. Пока, еще увидимся.

Быстро перебирая стройными ножками, она заторопилась обратно с важными новостями, окрыленная надеждой на скорую встречу с предводителем.

Он тщательно облизал губы, пахнущие ее помадой, еще раз посмотрел Насте вслед и пошел прежним путем... Жизнь удалась, вдруг и нежданно, и теперь все, что есть в биографии, даже самое противное и унизительное, обрело глубокий смысл, стало необходимым этапом большого пути. Жизнь удалась, что еще

можно желать? Да и сам такой вопрос, всем понятно, чисто риторический...

В конце улице он увидел вдруг какого-то человека. Слишком поздно увидел.

Амраш в дурацкой униформе виджилянтов — широкополой юконовской шляпе, в ковбойских сапогах, в джинсах с вышитыми мустангами. В руках у виджилянта был раритетный винчестер, которым наверное еще стреляли по индейцам и бизонам лет сто пятьдесят назад — красивое оружие с серебряной инкрустацией на прикладе. А в мозгу, как подумалось сейчас Семену, тот самый «наномайнд», который производится Любкиным мужем, мистером Харпером. А не прислал ли этого чудака сам мистер Харпер?

— Ну, чего тебе? — спросил Семен Иванович.

— Ты уничтожил нашу свободу, тиран!

— Да, я уничтожил вашу свободу, — охотно согласился Семен Иванович. — А еще я убил твоего папу. А еще я принудил к сожительству твою мать, отчего у нее рождались одни дураки. Ты в курсе, как переводится с латинского имя Брут*?

Семен Иванович чувствовал воду внутри виджилянта, она словно текла по его пальцам. Семен Иванович мог сейчас моментально уничтожить этого амраша изнутри — ледяным взрывом, обратив вольные дигидроли в полимерные цепи, растущие как черви. Семен Иванович мог поступить как могучее божество, но неожиданно подумал, что мертвое божество лучше живого.

Выстрел опрокинул Семен Ивановича на землю.

«Вот и всё. Красивая смерть, и она мне тоже удалась», — подумал он напоследок. Потом к нему пришла сама Она, похожая на Любу Виноградову, только без ее недостатков, и повела за собой. Проще говоря, Семен Иванович умер. Мать всего, которую атеисты некрасиво называют вакуумом, приняла его душу обратно. А ледяной туман тут же покрыл его тело изморозью, окрасив благородным серебряным цветом, как древнего северного князя.

Виджилянт, все еще раздувая ноздри, посмотрел на тело поверженного врага и убедившись, что тот мертв, хихикнул. На-

* Brutus (*лат.*) — тупой, дурак.

верное, он хотел посмеяться еще и даже исполнить что-то вроде ковбойского танца, но тут ему стало нехорошо. Ему стало совсем плохо, когда лед, разорвав его куртку, вышел изнутри, из его груди. Виджилянт повалился назад, и, хотя он был уже мертв, тело его дрожало — из ушей, глаз, рта и других отверстий лезла снежная масса. А затем он просто лопнул вместе с сапогами и джинсами. На месте виджилянта остался сугроб, украшенный окровавленным тряпьем и гирляндами кишок. На вершине сугроба лежал раритетный винчестер.

14. Пуля — дура

У меня часто так бывало, просыпаешься посреди ночи — и ничего не понимаешь. Кто я, где я, какой год, как меня зовут? Понимаешь только одно, что существуешь. И от одного этого факта такое счастье ощущается. Секунд двадцать ощущается, пока всё не вспомнишь. Но сейчас, когда я вспомнил, то все равно был готов плясать. Я был Там, но вернулся! Смерть отпустила меня, моя душа не растаяла в бездне.

Настя прибежала на звук выстрела через пару минут. Она была уверена, что я — уже того. Дырка на груди, а сзади, под лопаткой, вообще пробоина. Но когда подоспели все остальные — минут через десять — они решили, что я, может быть, и не так уж мертв: ранение сквозное, вроде дышит мужик, а вот уже просит выпить для сугрева.

Тут и ежу понятно, повезло мне вовсе не оттого, что я такой пригожий. Мертвая вода живет во мне и со мной, через меня она изучает наш мир, чтобы стать водой живой.

Из лазарета я удрал посреди ночи, с двумя рубцами, оставшимися на месте дырок. И дунул не на Земский Собор — всеобщего предводителя выбрали и без меня — а прямо к Настасье, вон сопит рядом...

Я встал и подошел к окну. За тонкой стеклянной преградой гулял древний дух зимы, исконный Дед Мороз. Ненадолго мне показалось, что и сам я — снаружи, кружусь холодным вихрем над землей и морем, восстанавливая свои самодержавные права.

Без стужи нет тепла, без зла добра, без смерти жизни.

Владимир Малов

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ ИЛИ ПЕРЕНОС КОРОВУШКИНА

3 августа 1492 года из испанского порта Палос в плавание через Атлантический океан отправились три каравеллы Христофора Колумба с целью открыть западный путь в Индию и в Восточную Азию. Чтобы выменивать у туземцев золото, мореплаватель захватил с собой множество дешевых стеклянных бус, ножей и прочих безделушек.

Всемирная история

Некоторые обстоятельства первого плавания Христофора Колумба удивительны. Исследователей озадачивает даже сама непоколебимая вера мореплавателя, что он непременно достигнет Индии, двигаясь западным путем. Поразительно и то, что каравеллы Колумба сразу же выбрали верный маршрут.

Одна из тысяч научно-популярных книг, посвященных Колумбу

1

Журналистов Николай Леонидович Коровушкин не любил. Да и как их любить, если журналист, независимо от пола и возраста, это бесцеремонное, развязное существо, для которого нет

© Владимир Малов, 2008

ничего святого. Существо, наделенное, в довершение всего, весьма неважными мыслительными способностями. Столь нелицеприятное убеждение сформировалось у Николая Леонидовича как в результате многократного личного общения с этими бесцеремонными существами в тех случаях, когда он давал интервью — в качестве очень известного ученого, — так и знакомства с текстами, которые после этого появлялись в печати.

Тексты обычно вызывали у Коровушкина еще большее негодование, чем развязные манеры их авторов. Читая, Николай Леонидович хватался за голову и порывался немедленно звонить в редакцию, в Союз журналистов и в Комитет по печати Государственной думы. Однако, будучи человеком отходчивым и мудрым, быстро остывал и с иронической усмешкой откладывал очередную публикацию в сторону.

Остыть помогала простая, хотя и горькая мысль: подавляющее большинство читателей, увы, теперь достойно как раз таких текстов, потому что интеллектуальный уровень общества по разным причинам падает на глазах, и неизвестно, чем все это закончится. А настоящему ученому, всецело поглощенному своим делом, надо, конечно, быть выше всего и продолжать работу.

Правда, отходчивость Николая Леонидовича приводила к тому, что по прошествии некоторого времени, сделав новое важное открытие (а делал он их то и дело, причем, будучи ученым-универсалом, в разных областях науки), он давал согласие на очередное интервью, и — все повторялось с начала.

В конце концов, однако, чаша терпения переполнилась, и всемирно известный ученый дал себе слово исключить любые контакты с журналистами навсегда. Слово свое Николай Леонидович очень долго держал. Но теперь значение сделанного им нового открытия было столь огромным, что пришлось, скрепя сердце, проводить пресс-конференцию.

Журналистов, разумеется, оказалось несметное количество, их общая копошащаяся масса то и дело вызывала у Коровушкина усмешку. С этой усмешкой, закончив сенсационное сообщение о сути своей работы и перейдя к ответам на вопросы, Николай Леонидович и обозревал беснующийся перед ним огромный зал.

Сказать, что зал был переполнен, значит, ничего не сказать. Стены, казалось, вот-вот треснут, вызвав обрушение потолка и неминуемые человеческие жертвы. Многие журналисты бесцеремонно сидели на коленях своих коллег, проходы тоже были забиты пишущей и снимающей братией, представители которой вытягивали шеи и мешали телеоператорам.

А над всем этим столпотворением грозно раскачивалась, словно маятник, одна из огромных люстр. Минутой назад на нее хотел было взобраться какой-то совсем уж отвязанный фоторепортер, вставший для этого на плечи коллег, но сорвался, издал дикий вопль и упал прямо в толпу, которая на мгновение сумела-таки раздвинуться. Это происшествие отвлекло внимание журналистов от того главного, ради чего они и собрались в таком огромном количестве, и на какое-то время ход пресс-конференции прервался.

— Надеюсь, ушибся хотя бы, — пробормотал Николай Леонидович почти добродушно. — И хорошо бы еще, чтоб камера у него вдребезги...

— Что вы сказали, шеф? — нервно переспросил сидевший от него по левую руку ассистент Василий. — Какая еще камера?

— Фотокамера, и, желательно, очень дорогая, — пояснил Николай Леонидович, переводя взгляд на ассистента. — Хотя все равно не поумнеет. А ты, Василий, не волнуйся.

Для молодого ассистента эта пресс-конференция была первой в жизни, и он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Но больше, похоже, не из-за невиданного им доселе журналистского столпотворения, а потому что сидел на сцене за одним столом с виднейшими учеными эпохи и ясно сознавал, что столь великого общества он пока не достоин.

Собственно, участвовать в пресс-конференции и в самом деле было ему еще не по чину. Однако, несмотря на возражения организационного комитета, которые имели место, Николай Леонидович на этом настоял. Ибо заслуги Василия в его успехе были неоценимы.

Голова у Василия была светлой, а руки золотыми. Любую идею Николая Леонидовича ассистент схватывал на лету, и она

мгновенно воплощалась в готовую деталь, блок или узел. Трудности Василий презирал и не боялся никакой черновой работы, а ее хватало.

Правда, одежду, по мнению Николая Леонидовича, он носил легкомысленную и часто употреблял новомодные словечки, принятые у современной молодежи, но человеком был вполне серьезным и с большими задатками.

Еще, чего уж греха таить, Николаю Леонидовичу, импонировало-таки, что ассистент смотрел на него с нескрываемым, неподдельным восхищением. Смотрел, как на своего кумира. Как на великого ученого, работать с которым — неоценимая честь.

Собственно, именно так и обстояло в действительности, стесняться Николаю Леонидовичу было нечего. Особенно теперь, после ошеломляющего успеха, по поводу которого и была созвана пресс-конференция.

Пресс-секретарь Академии наук укоризненно постучал ручкой по микрофону.

— Господа, господа! — молвил он. — Не отвлекайтесь, время дорого! Вопросы к Николаю Леонидовичу наверняка далеко еще не исчерпаны. Ну вот, вы, господин в первом ряду, да-да, вы, в серо-зеленом пиджаке.

Впрочем, уже пригласив журналиста задать вопрос, пресс-секретарь, многозначительно подняв указательный палец, позволил себе философское замечание:

— Я только что произнес слово «время», господа. Сегодня по понятным причинам оно имеет для всех нас совершенно особый смысл...

По залу прокатился понимающе одобрительный гул. Журналист поднялся с места, назвался представителем весьма популярной газеты и начал так:

— Сегодня вы, господин Коровушкин, объявили, что первое путешествие в прошлое на построенной вами машине времени дело буквально нескольких следующих дней. Безусловно, всех нас интересует чисто практическая сторона...

Николай Леонидович согласно кивнул.

— Надо понимать, чтобы ничем не отличаться от людей прошлого, вам придется заранее переодеться в одежду той эпохи, куда вы отправитесь? — задал вопрос журналист.

От такого вопроса у Николая Леонидовича поднялись брови. Журналист, между тем, заговорил без остановки. Началась его тирада еще с одного вопроса, но риторического, а дальше он уже не спрашивал, а утверждал, причем с большим апломбом. Выглядело это так, словно он давал путешественнику по времени необходимые инструкции:

— Я правильно понимаю? Высадиться вам, значит, надо будет в каком-то пустынном месте, чтобы машину времени, а также сам момент вашего прибытия в прошлое, никто не видел. И уже потом, каким-то образом замаскировав машину, отправляться смотреть то, что вас интересует, ведя себя так, чтобы никто не заподозрил, кто вы такие на самом деле. Иначе, как писали авторы фантастических романов, поворот в ходе истории неизбежен, и тогда...

— Кстати, как именно вы собираетесь одеться? — выкрикнула вдруг из зала, бесцеремонно перебив собрата по перу, какая-то пышнотелая дама. — Кто из модельеров пошьет костюмы, где вы возьмете выкройки?

Вопросы дамы Николай Леонидович оставил без внимания. А журналисту в серо-зеленом пиджаке терпеливо стал отвечать:

— Переодеваться во время путешествий по времени нет никакой необходимости. А исследовать прошлое мы можем, даже не выходя из машины. Хотя и выйти никто не запрещает, правда, для этого есть известные границы. Похоже, — тут Николай Леонидович очень тяжело вздохнул, — присутствующие в зале не сумели сделать должных выводов из основополагающего принципа путешествия по времени, о котором я уже постарался как можно доступнее рассказать, открывая пресс-конференцию.

Скептическим взглядом Николай Леонидович окинул зал, подумав при этом: «Да и куда вам, господа журналисты». Вслух же продолжил:

— Если так, то нужны какие-то куда более образные, что ли, объяснения. Поэтому предлагаю представить следующее: в

прошлое наша машина времени отправляется в эдаком... ну, например, в эдаком пузырьке пространства-времени.

Он кашлянул, снова глянул на затихающий зал и стал как можно доступнее объяснять дальше:

— Который, я имею в виду эдакий пузырек пространства-времени, словно бы... э-э... скользит сквозь общий пространственно-временной поток. Но оставаясь при этом в иных, своих собственных координатах. Поэтому данный... э-э... пузырек вместе со всем своим содержимым, то есть собственно машиной времени, сделав остановку на любом отрезке общего потока, для обитателей данного отрезка будет совершенно незаметен. Зато из самого пузырька, напротив, все будет прекрасно видно и слышно. Последнее обстоятельство обусловлено специальной настройкой констант этого нашего как бы... э-э... пузырька. Границы этого... э-э... пузырька, если интересно, не так уж велики, но вполне достаточны, чтобы, выйдя из машины времени, размять ноги.

Зал подавленно молчал.

— Кроме того, — продолжал Николай Леонидович, чувствуя, что сам начинает увлекаться своим образным объяснением, — сделав остановку в заданном пространственно-временном моменте, то есть в конкретном месте и в конкретное время, мы сможем управлять этим... э-э... пузырьком, словно автомобилем. Впрочем, и по воздуху он тоже способен перемещаться, так что напрашивается сравнение скорее с вертолетом... В общем, мы сможем бывать, где нам заблагорассудится, оставаясь, повторяю, незаметными и неощущаемыми хоть внутри самой густой толпы. Скажу больше, мы сможем даже свободно перемещаться сквозь тела людей прошлого, словно сквозь, например, голограммы.

Николай Леонидович снова оглядел зал, и его лицо снова опечалилось.

— Потому что этот... э-э... пузырек вполне проницаем для людей прошлого, и они, не замечая того, могут оказываться внутри него, — продолжил он, стараясь говорить как можно доступнее, — в то время как сами мы покинуть его пределы никак не можем, потому что его границы представляют собой... впро-

чем, это не важно. Этим, кстати, обеспечивается и наша полная безопасность. И в этом... э-э... пузырьке, повторяю, мы можем перемещаться в заданном историческом моменте, куда и сколько угодно, и с приличной скоростью. Из дома в дом, с улицы на улицу, из города в город, и так далее.

Николай Леонидович сделал паузу и наконец заключил:

— Ну вот, примерно так! На самом-то деле все, разумеется, несравненно тоньше и сложнее, зато приведенное сравнение с пузырьком должно быть доступно даже полному... э-э... доступно каждому человеку.

Сказав это, Николай Леонидович посмотрел на пресс-секретаря Академии наук, давая тому понять, что можно переходить к следующему вопросу. Пресс-секретарь тоже какое-то время молчал с напряженным лицом, словно осмысливая услышанное, но наконец резко дернул головой и вернулся к исполнению своих обязанностей.

— Еще есть вопросы? Ну вот вы, господин в оранжевом свитере.

Ученый иронически прищурился. Однако новый вопрос неожиданно для него самого не вызвал у Коровушкина раздражения.

— Будет ли совершенствоваться моя машина времени? — переспросил Николай Леонидович. — Обязательно будет! Как и абсолютно любое изобретение. Прежде всего, надеюсь, она станет много компактнее. Для этого надо подождать появления новых, неизвестных пока материалов. Тут напрашивается простая аналогия. Кто-нибудь в этом зале имеет представление, как выглядели первые компьютеры или первые мобильные телефоны?

Николай Леонидович ждал из зала ответов, но не дождался. Поэтому ответил сам:

— Первый мобильный телефон, который появился в середине двадцатого века, весил сорок килограммов.

По залу пронесся смех. По мнению Николая Леонидовича, ничего смешного в приведенном им факте не было.

— Кстати, сколько весит ваша машина времени? — выкрикнул кто-то из журналистов.

Николай Леонидович покосился на ассистента.

— Полторы тонны, — без запинки шепотом подсказал тот, — но это без холодильника и душа.

— Неужели столько? — таким же шепотом изумился в ответ Николай Леонидович.

Но залу точную цифру знать было незачем.

— Весит она, конечно, немало, — сказал Николай Леонидович в микрофон. — Но вы представьте, насколько она была бы тяжелее, если б машину времени изобрел, скажем, э-э... Михаил Васильевич Ломоносов? В его времена, разумеется, не имели представления ни о пластиках, ни о легких сплавах...

— Вы допускаете, машину времени можно было изобрести уже во времена Ломоносова? — выкрикнул какой-то другой журналист.

— Допустить можно все, — ответил, покосившись на него, Николай Леонидович. — Но, полагаю, вам известно, что раньше никто ее еще не изобретал. Кстати, я вполне допускаю, что открытый мной принцип перемещения во времени может оказаться не единственным, возможно, по оси времени можно перемещаться и как-то иначе.

Чтобы погасить поднимающийся в зале шум, пресс-секретарь вновь постучал ручкой по микрофону.

— Если хотите задать вопрос, поднимайте руки. Ну хотя бы вы, второй ряд, второе место справа.

Развязный журналист, не потрудившись даже подняться, выпалил:

— Вы уже объявили, что в первый раз отправитесь на вашей машине времени на каравеллу Колумба, чтобы посмотреть, как он будет открывать Америку. Почему именно Колумб, а не что-то иное в истории?

Николай Леонидович неодобрительно глянул на длинные волосы и неопрятную бороду журналиста. Затем дал такой ответ:

— Неужели, по-вашему, для хроноисследователя может быть что-то более интересное? Наш выбор должен быть понятен всякому мыслящему человеку. Первое плавание Колумба — едва ли не величайшее событие в истории, потому что открытие Нового Света изменило мир. Но вместе с тем первое плавание Ко-

лумба оставило потомкам немало загадок. Не буду их перечислять, выражу только надежду, что мы с Василием Степановичем Лыковым, — Николай Леонидович бросил ободряющий взгляд на ассистента, — во время нашего первого путешествия в прошлое сумеем наконец многое прояснить.

Сделав короткую паузу, Николай Леонидович счел нужным добавить:

— Я уверен, если бы машину времени изобрел кто-то другой, для первого путешествия был бы сделан тот же выбор — экспедиция Христофора Колумба.

— Нельзя ли о загадках поподробнее? — выкрикнул кто-то из зала. — Это вы о том, что у Колумба будто бы была какая-то карта, по которой он заранее знал, куда плыть?

— Вот-вот! — тут же подхватил другой журналист. — А Америку, я где-то читал, незадолго до Колумба открыл кто-то другой, только хранил это в тайне. Но Колумб каким-то образом раздобыл его карту.

— Я слышал, Америку открыли тамплиеры, — немедленно подал голос третий журналист. — А Колумбу удалось найти их архивы.

— Так Колумб все это и расскажет нашим путешественникам по времени! — крикнул четвертый, вызвав в зале взрыв смеха. — Уж я-то на его месте обязательно держал язык за зубами!

— Еще бы! — раздался еще один выкрик. — Нашел чужую карту, воспользовался, значит, молодец! И Америку открыл, и в историю вошел! На месте Колумба каждый бы так поступил!

Пресс-секретарь снова забарабанил ручкой по микрофону, пресекая начинающийся в зале легкомысленный обмен мнениями.

— Вопросы, пожалуйста! Есть еще вопросы?

Николай Леонидович почувствовал, что очень быстро начинает раздражаться. Безликая до этого журналистская масса, поначалу вызывавшая лишь снисходительную усмешку, стала персонифицироваться, а отдельные индивидуумы оказывались именно такими, как и следовало ожидать. Реплики, которыми обменивались развязные журналисты, звучали для уха ученого кощунством несмотря на то, что загадки, связанные с первым

плаванием Христофора Колумба, были обозначены в них, в общем, верно.

И сейчас же в зале очень кстати персонифицировался еще один объект, на который Николай Леонидович с удовольствием выплеснул все свое раздражение.

— Дама из первого ряда, вот вы, задавайте свой вопрос, — пригласил пресс-секретарь. — И представьтесь, пожалуйста!

Журналистка в первом ряду поднялась, одаривая зал лучезарной улыбкой.

— Петрова Елена, познавательный семейный журнал «Любознайка», — представилась она, явно наслаждаясь тем, что оказалась в центре всеобщего внимания.

— Задавайте вопрос, — поторопил ее пресс-секретарь.

Петрова Елена улыбнулась еще лучезарнее.

— Не планируете ли вы взять с собой в первое путешествие во времени журналиста? — вымолвила она и победоносно огляделась по сторонам, выискивая, видимо, ближайшую телекамеру, в которую могла бы в этот момент попасть.

Николай Леонидович прищурился, разглядывая сияющую, самодовольную мордашку журналистки. Жизненный опыт подсказывал ученому, что подобные особы уверены в своей неотразимости, считают себя идеальными творениями природы и отделаться от них очень трудно.

— Возможно, произнося это слово «журналист», вы имеете в виду себя? — поинтересовался он вкрадчиво.

— Ну, разумеется, — ответствовала Петрова Елена, продолжая лучезарно улыбаться. — Я буду вам очень полезна, потому что знаю португальский язык. На вполне разговорном уровне.

От такого неожиданного довода Николай Леонидович сильно удивился.

— И что? — спросил он. — Причем тут португальский язык?

По лицу Петровой Елены скользнула легкая тень удивления.

— Как это? Раз Христофор Колумб был португальцем, состоявшим на испанской службе, то я могу быть у вас переводчицей.

Николаю Леонидовичу показалось, что он ослышался.

— Повторите, пожалуйста, кем был Христофор Колумб по происхождению? — попросил он.

— Христофор Колумб был португальцем на испанской службе, — без запинки отчеканила Петрова Елена, словно отличница на школьном уроке, и ее улыбка достигла совсем уж немыслимых степеней лучезарности. — Как раз недавно я писала в своем журнале, что...

— А итальянского языка, голубушка, вы, случаем, не знаете? — вкрадчиво поинтересовался Николай Леонидович.

Петрова Елена недоуменно подняла брови.

— Это я к тому, — продолжал Николай Леонидович, — что португальцем на испанской службе состоял некий Магеллан, о котором, возможно, вы тоже кое-что где-нибудь слышали, но он вписал свою строку в историю человечества уже позже Колумба. А сам Колумб был по происхождению итальянцем, родом из Генуи.

Если Петрова Елена и смутилась, то лишь на одно мимолетное мгновение, после чего одарила Николая Леонидовича безмятежным сияющим взглядом.

— Всегда считала, что он португалец, — отчеканила она. — Но если нет, то итальянский я тоже могу выучить, причем за короткий срок. Я очень способна к языкам. Я однажды...

Договорить Петрова Елена не успела, потому что Николай Леонидович взорвался.

— Вон с моих глаз! — выкрикнул он. — Это уже ни на что не похоже! Этого я даже от вас, журналистов, никак не мог ожидать! Как можно работать в познавательном журнале и не знать, что Колумб по общепризнанной версии был итальянцем! Да еще ухмыляться во весь рот! До чего докатилась журналистика!

На мгновение в зале стало очень тихо, потом он взорвался хохотом, кое-кто зааплодировал.

Петрова Елена сначала не поняла, что гнев ученого обращен именно на нее, потом не могла в это поверить, но наконец вспыхнула, ударилась в слезы, подхватила сумочку и, закрывая ей лицо, стала пробиваться к выходу сквозь густую зубоскалящую толпу.

— Христофор Колумб — португалец, — говорил ей вслед Николай Леонидович гневно, но уже остывая. — Представляю, что это за журнал такой — «Любознайка». И что это за главный редактор, который ее в этом журнале держит.

Многоопытный пресс-секретарь Академии наук знал свое дело. Ситуацию он разрядил несколькими фразами.

— Полагаю, все присутствующие уже поняли, что Николай Леонидович не планирует брать с собой в первое путешествие по времени никого из журналистов, — молвил пресс-секретарь, вызвав в зале дружный смех. — Даже если они знают португальский язык. Возможно, в другой раз? А пока предлагаю всем подождать итогов первого путешествия. Все мы уверены в том, что оно окажется успешным.

2

Если сенсационная пресс-конференции, где было объявлено, что машина времени наконец-то создана, прошла при невероятном журналистском столпотворении, то само первое в мире путешествие в далекое прошлое начиналось в присутствии лишь очень немногих свидетелей, и о времени старта не объявлялось. В лаборатории присутствовали несколько ученых, которых Николай Леонидович считал своими близкими друзьями, да еще величаво-торжественный президент Академии наук, деловитый пресс-секретарь и около десятка академических секьюрити с каменными лицами.

Из журналистов в лабораторию не был допущен никто, да и зачем? В дальнейшем эти бесцеремонные недалекие существа, для которых нет ничего святого, все равно получат необходимую информацию и, конечно, переврут ее на все лады. Пока же запечатлеть исторический момент старта на фото и видео предстояло одному лишь пресс-секретарю Академии наук.

А момент в самом деле был историческим, может быть, даже более значимым, чем, к примеру, первый шаг человека, высадившегося на Луну. И Николай Леонидович по понятным причинам чувствовал это еще острее всех остальных, за исключе-

нием разве что ассистента Василия, который отправлялся в прошлое вместе с ним, и тоже должен был испытать все на себе.

Машина времени стояла в дальнем углу лаборатории, поблескивая хромированными деталями. Близкие друзья рассматривали ее со странными лицами. Николай Леонидович и сам отдавал себе отчет, что вид у машины с точки зрения эстетики был не очень притязательным: больше всего она походила, пожалуй, на грибок, под какими в городских дворах возятся в песке дети, только не деревянный, а металлический и вдобавок не сплошной, а ажурный. Этот «грибок» был укреплен в центре круглой металлической подставки-помоста. Под ним, спинками к «грибку», разместились два кресла, похожие на те, в которых сидят авиапассажиры, а перед одним из них была панель с приборами, а еще руль наподобие автомобильного.

Тем не менее устройство было продуманно-функциональным и самым оптимальным. Кроме того, позади «грибка» на помосте помещался еще вместительный холодильник с запасом продуктов и напитков, а рядом с ним была установлена закрытая кабинка с душем и прочими важными приспособлениями, оснащенная системой регенерации воды, словно на орбитальной космической станции. Предусмотрен был и маленький гардероб для одежды.

Да и как иначе, если, попав в прошлое, Николай Леонидович намеревался полностью проделать на каравелле Колумба путь от испанского порта Палос, откуда великий адмирал отправился в свое первое плавание, до самого открытия Америки.

Согласно историческим источникам, Колумбу пришлось потратить на это чуть более двух месяцев. На всякий случай продовольственный запас двух путешественников по времени был рассчитан на три месяца.

Другое дело, что вернуться из этого долгого путешествия в свое время исследователь намеревался как раз в тот самый миг, из которого и стартует. Поэтому для всех, кто оставался в лаборатории, ему предстояло исчезнуть вместе с ассистентом Василием и машиной времени лишь на кратчайшую, совершенно неуловимую для глаза долю секунды, и сейчас же

объявиться на прежнем месте снова. Иными словами, присутствующие при старте и финише вообще ничего не должны были заметить.

Однако бесспорными доказательствами того, что долгое путешествие сначала сквозь время, а затем вместе с Колумбом через Атлантический океан было совершено в действительности, станут привезенные ОТТУДА многочасовые видеофильмы вместе с аудиозаписями.

Кстати, еще одним неопровержимым свидетельством окажется и значительно опустевший за долгое путешествие через Атлантический океан холодильник...

Пора пришла! Собираясь с душевными силами, Николай Леонидович Бычков набрал в грудь воздуха и шумно выдохнул. Потом глянул на лаборанта-ассистента Василия, который уже сидел под ажурной сферой в одном из кресел, держа на коленях гитару.

Против музыкального инструмента Николай Леонидович с самого начала не возражал. Во время долгого путешествия будет и досуг, а песни под гитару окажутся отличной психологической разрядкой.

Но в эти минуты молодой человек явно волновался: он побледнел, то и дело поправлял свои новомодные очки, хотя в этом не было никакой необходимости. В целом же, однако, ассистент держался молодцом.

Да и вообще он был истинным героем — ведь поначалу Николай Леонидович намеревался бесстрашно отправиться в прошлое в одиночку, но Василий упросил взять его с собой. Не сразу, но ученый согласился, и теперь ассистента тоже ожидала необыкновенная слава первопроходца. Что ж, отважный молодой человек честно заслужил свою строку в летописи величайших открытий человечества.

Николай Леонидович еще раз вдохнул, выдохнул, крепко зажмурился, зачем-то потрогал свою бородку и сказал, чувствуя, что голос звучит совсем не так уверенно, как хотелось бы:

— Должно получиться...

Затем, по-особому оглядев всех присутствующих при этом историческом моменте — присутствующие подобрались и за-

мерли, — уселся рядом с ассистентом в то кресло, перед которым был руль.

По монитору на приборной панели побежали разноцветные строки и пиктограммы, подтверждавшие, что программа задана должным образом. Глядя на них, Николай Леонидович удовлетворенно кивал.

Итак, согласно программе, машина должна была перенестись:

1. в 3 августа 1492 года.

2. в испанский город Палос, откуда Колумб именно в этот день отправился в свое первое плавание.

3. на городскую площадь перед кафедральным собором.

4. в тот момент, когда участники экспедиции Колумба направлялись в собор, чтобы прослушать мессу и принять святое причастие перед самым отплытием.

Убедившись, что ничего не упущено, Николай Леонидович нажал кнопку старта, непроизвольно закрыв при этом глаза.

По лицу исследователя словно бы пронесся порыв ледяного ветра. А сердце упало в пустоту, как у пассажира самолета, вдруг угодившего в воздушную яму.

Но сейчас же он почувствовал на лице яркий свет, услышал многоголосый шум, и открыл глаза.

Получилось! Перенос осуществился! Осознав это, отважный исследователь испытал безмерную, ни с чем не сравнимую радость. И гордость: ему удалось то, что еще никому не удавалось! Точнее то, что прежде никто даже представить не мог!

Машина времени, оказалось, стояла прямо в толпе, запрудившей городскую площадь, залитую ослепительным светом солнца. Причем ассистент Василий вместе со своим креслом в значительной мере угодил прямо в одного из людей — очень рослого мощного человека, облаченного в грубый морской камзол.

Что подобное при наложении разных пространственно-временных координат друг на друга возможно, Николай Леонидович, конечно, знал, и все-таки несколько секунд смотрел на фантастическую картину оторопелым взглядом.

Из камзола на уровне пояса выступала половина головы Василия в профиль, а ниже была видны плечо, рука и так далее.

Другие части тела ассистента, а также части гитары и кресла, помещались внутри моряка и не были видны.

Но ассистент сейчас же подхватил гитару и вскочил с места, чтобы выйти из человека прошлого на свободное пространство, оставив внутри моряка только кресло. Лицо у Василия при этом было изумленно-глупым и в то же время неописуемо-радостным. Николай Леонидович подумал, что и сам в этот момент выглядит так же.

— Получилось, шеф! — выкрикнул ассистент. — Получилось!

— Вижу! — отозвался Николай Леонидович, чувствуя, что его голос дрогнул от радости и волнения.

Сам он пока оставался в своем кресле, а справа от него, очень-очень близко, располагался рослый бородатый мужчина. Благодаря ему Николай Леонидович сейчас же сделал неожиданное открытие: бородач справа, понятно, тоже был для человека из другого века чем-то вроде голограммы, однако распространял вокруг себя вполне реальный густой запах чеснока, вина и еще чего-то неопределенного.

Можно было, правда, предположить, что это был какой-то сугубо морской запах, потому что бородач, судя по пиратской серьге в ухе, тоже явно принадлежал к морскому братству.

Впрочем, сейчас же Николай Леонидович сообразил, что ничего удивительного в этом нет: раз они с Василием должны были не только видеть, но и слышать людей из прошлого, запахам тоже, очевидно, следовало входить в число реалий.

К тому же исследователь понял и то, что вдобавок ко всему очень явственно ощущает и жару, источаемую южным солнцем.

Однако поразмыслить обо всем этом можно будет позже, после возвращения, в спокойной обстановке своего родного времени. А пока надо было ничего не упускать из виду, и Николай Леонидович тоже поднялся из кресла.

Толпа, запрудившая площадь, как сейчас же выяснилось, стояла на месте. С левой стороны от Николая Леонидовича была черноволосая девица, в бок которой, встав с места, он нечаянно глубоко погрузил свой локоть. Подчиняясь инстинкту исследователя, Николай Леонидович непроизвольно даже повер-

тел локтем, но, как и следовало теоретически, не испытал никаких ощущений. Локтя, исчезнувшего в платье, не было видно, но двигался он свободно, словно в воздухе.

Тогда Николай Леонидович извлек из девицы локоть и, продолжая исследования, решительно погрузил прямо в ее грудь голову. Глаза его сейчас же заволокло непроницаемой чернотой (это было еще одно любопытное открытие, связанное с наложением разных пространственно-временных координат друг на друга), и ученый поспешил вынуть голову на свет.

Девица, надо сказать, оказалась весьма бойкой, судя по тому, как во все стороны стреляла черными глазками, довольно пригожей лицом, но веяло от испанской красавицы из 1492 года тоже отнюдь не парижскими духами.

Позади себя Николай Леонидович спиной ощущал громадное количество столь же бесплотных, но, бесспорно, живых человеческих тел. А впереди, прямо перед грудной клеткой исследователя, находился затылок низенького толстого субъекта в серой монашеской рясе. Перед самим монахом тоже была сплошная человеческая стена.

Монах вытягивал шею и вертел головой, жадно пытаясь разглядеть, что происходит впереди. Поэтому его малопривлекательная тонзура все время находилась в хаотичном движении — прямо перед глазами Николая Леонидовича.

Исследователь поморщился и снова опустился в кресло.

— Давай-ка повыше поднимемся, — сказал он Василию. — Ни черта же не видно!

Василий согласно кивнул, положил гитару под металлический грибок и занял свое место в кресле, а Николай Леонидович, потянув на себя одну из ручек на приборной панели, приподнял машину времени над площадью. Поработал рулем, маневрируя, чтобы выбрать самое подходящее место для обзора, и вдруг, не удержавшись, заложил широкий вираж, облетая площадь по кругу.

Ничего он не мог с собой поделать: в этот момент он испытывал ни с чем не сравнимый, острый прилив радости, круто замешанной на гордости. Нобелевская премия, подумал Нико-

лай Леонидович с наслаждением, будет ему лишь самой малой из наград за этот блестящий, невероятный успех.

Но, сейчас же отогнав эту суетную мысль прочь, Николай Леонидович вспомнил, что так и не включил панорамную видеокамеру, установленную на ажурном куполе машины времени. Исправив оплошность, он лег в дрейф над площадью и стал осматриваться куда внимательнее, чем в первые восторженные минуты.

Площадь, над которой зависла машина времени, оказалась небольшой, но плотно забитой народом, вплотную подступившим к высоким дверям кафедрального собора. Двери были плотно закрыты. Народ на площади явно чего-то ожидал.

Ассистент Василий с зачарованным видом притих в своем кресле, по-своему тоже переживая этот необыкновенный, фантастический момент. Бросив на него короткий взгляд, Николай Леонидович затем укоризненно вознес глаза к южному солнцу, стоящему в зените — очень уж жарко оно палило, — и сейчас же в его душу червячком стало заползать сомнение: не случилось ли в программе первого Переноса какого-то сбоя.

В следующую секунду исследователь отчетливо осознал, что все и в самом деле идет не совсем так, как он ожидал.

Если верить историческим хроникам, мессу накануне отплытия участники экспедиции Колумба слушали ночью и сразу же после этого отправились на свои каравеллы, чтобы рано утром выйти в море.

А сейчас явно был полдень...

Впрочем, сейчас же утешил себя Николай Леонидович, для первого Переноса такая погрешность была вполне допустимой: ну подумаешь, прибыли в август 1492 года на полдня раньше, чем намечали! Зато это позволило установить исторический факт: толпа горожан собралась в этот знаменательный день на площади перед кафедральным собором Палоса сильно загодя, и это свидетельствовало, что значение предстоящей экспедиции все очень хорошо понимали.

Однако солнце ощущалось все нестерпимее, и Николай Леонидович уже решил было перегнать машину времени часов на

9-10 вперед, поближе к вечерней прохладе. Это не должно было бы составить какую-то проблему.

Но как раз в этот момент двери собора медленно, величаво отворились, и из них один за другим стали выходить важные на вид люди. Пожалуй, стоило слегка и задержаться, посмотреть, что все это значит. Исследователь снова взялся за руль, подводя машину к самым ступеням, над которыми и завис, чуть сбоку от важных людей.

Над площадью раздался звук трубы, потом наступила тишина. Один из людей, облаченный во все черное, с золотой цепью на шее, выступил вперед, держа в руках свиток. Постепенно его разворачивая, человек в черном очень громким голосом начал чтение.

Николай Леонидович усмехнулся, вдруг вспомнив тщеславную журналистку Петрову Елену с глупым сияющим лицом из познавательного семейного журнала «Любознайка», предлагавшую свои услуги в качестве переводчицы. В чем-чем, а в переводчицах создатель машины времени совершенно не нуждался, потому что располагал электронным лингвистическим синхронизатором. Чтобы понять, о чем говорит человек в черном, достаточно было воспользоваться миниатюрным наушником.

Некоторые обороты испанского языка, видимо, оказались настолько старыми, что синхронизатор не мог их уяснить, но общий смысл речи был достаточно понятен. Николай Леонидович слушал, и его брови поднимались все недоуменнее.

Оказалось, собравшиеся на площади люди, притихнув, внимали указу их величеств короля Фердинанда и королевы Изабеллы, который зачитывал нотариус города Палоса.

Первые абзацы королевского указа повелевали Палосу, где проживали многие судовладельцы, поставить под начало дона Кристобаля Колона две боевые каравеллы. Третью дон Кристобаль Колон намеревался снарядить за свой собственный счет.

После таких слов указа короля и королевы Испании среди людей на ступенях собора произошло движение: вперед выступил высокий худощавый человек в сером камзоле и слегка поклонился толпе.

— Колон! Колон! — пронеслось по толпе.

Да это и есть сам Колумб, которого испанцы называли Колоном, понял Николай Леонидович. Так вот каким он был!

Исследователь впился в великого адмирала жадным взглядом и сейчас же понял, что на свои портреты, какие знают далекие потомки, тот похож очень мало. Потом в голове Николая Леонидовича стали медленно проплывать вопросы, ответов на которые не было.

Что все это значит? Почему, если отплытие рано утром, каравеллы еще даже не снаряжены? Каким это образом их успеют снарядить всего за один день?..

Нотариус, между тем, продолжал: команды каравелл, поставленных под командование дона Кристобаля Колона, будут получать жалование, обычное для военного флота, но оно будет выплачено за четыре месяца вперед, и выплачено уже через несколько дней.

По площади прокатился неистовый, торжествующий рев. Судя по всему, большую часть толпы и составляли моряки, которым эта часть королевского указа пришлась по душе. И теперь Николай Леонидович наконец все понял.

Погрешность первого Переноса оказалась, увы, куда большей, чем ему показалось сначала. Машина времени попала на площадь перед кафедральным собором города Палоса не в день отплытия Колумба, а на несколько месяцев раньше, когда король Фердинанд и королева Изабелла только-только решились наконец дать свое согласие на экспедицию Колумба за океан. Об этом и объявлялось горожанам Палоса, чему два путешественника во времени стали свидетелями.

— Вот это да! — в сердцах молвил Николай Леонидович. — Промахнулись мы с тобой прилично!

— Это я и сам уже понял, шеф, — отозвался ассистент Василий, как обычно, все схватывающий на лету. — Возможно, оттого, что блок...

Следующие его слова заглушил очень громкий звук трубы, и, когда она смолкла, Николай Леонидович услышал только окончание фразы:

— ...назад мы в любом случае вернемся без проблем. Двигаться вдоль времени, сами знаете, куда проще, чем против него,

а вдобавок предусмотрены две автоматические страховочные системы...

Николай Леонидович задумчиво смотрел вниз, на высокую фигуру Колумба, на нотариуса, явно готовившегося продолжать чтение. Промах промахом, а момент все равно был историческим: всего в нескольких метрах от машины времени находился человек, ради которого они и прибыли в прошлое, и этого человека можно было разглядывать и запечатлевать на видео сколько угодно.

Совсем уже скоро этому человеку предстояло совершить великое деяние, о котором никто из собравшихся на площади пока не знает, но зато знают далекие потомки. Знают, впрочем, еще далеко не все подробности этого великого деяния, и многое остается тайной...

— Ладно, чего уж там, — решил Николай Леонидович, — давай досмотрим, чем все это закончится, раз уж мы здесь. А потом сразу переместимся в ночь перед отплытием.

Однако все дальнейшее как-то сразу стало неинтересным. Нотариус продолжал чтение, но следующие абзацы указа стали изобиловать скучнейшими подробностями. Оказывается, их величества не поленились составить даже наиподробнейший перечень необходимого для каравелл снаряжения — всякие там канаты, паруса, бочонки для питьевой воды, якорные цепи, и так далее без конца.

Впрочем, тут же сообразил Николай Леонидович, вряд ли над этой частью указа король Фердинанд и королева Изабелла потрудились самолично — должны же были состоять у них на службе квалифицированные советники по мореходному делу.

Тем не менее толпа на площади внимала нотариусу с завидным вниманием. Прилежно слушал указ и сам Колумб. Видеокамера прилежно его снимала.

А испанский полуденный зной становился между тем вовсе невыносимым.

— Открой-ка, Василий, бутылку «Новотерской», что ли, — попросил Николай Леонидович ассистента. — Освежимся минералкой.

Но и ледяная минеральная вода из холодильника не помогала. Мелькнула мысль: машину времени надо было бы оснастить и кондиционером. Отхлебывая прямо из горлышка, Николай Леонидович чувствовал, что разглядывает Колумба со всем меньшим рвением. Человек как человек, только одежда у него музейная.

Правда, исследователя вдруг развеселила другая мысль: интересно, как бы повел себя в этот момент великий адмирал, если б вдруг он тоже сумел увидеть эту сюрреалистическую картину: два человека, сидя в креслах на помосте под ажурным колпаком висят в воздухе в двух метрах от его головы, беседуют и пьют «Новотерскую»?

После этого Николай Леонидович решительно взялся за кнопки пульта управления.

— Давай-ка переместимся, наконец, куда и собирались: в ночь перед отплытием. А потом переедем на «Санта-Марию» и...

— И поплывем вместе с Колумбом через океан! — с удовольствием подхватил ассистент Василий.

На мгновение все исчезло, по лицу исследователя вновь словно бы пронесся порыв ледяного ветра, а сердце упало в пустоту, как у пассажира самолета, вдруг угодившего в воздушную яму.

Но сейчас же он услышал чьи-то голоса, плеск воды, и в глаза ему ударил яркий солнечный свет.

Теперь машина времени стояла на высокой палубе крошечного суденышка, рядом со средней мачтой, на которой был поднят туго натянутый ветром парус.

Сквозь машину времени, как и сквозь двух исследователей, сидевших в своих креслах, то и дело туда-сюда пробегали матросы, занимавшиеся своими делами, а с высокой кормы раздавался зычный голос человека, которого Николай Леонидович уже видел на ступенях кафедрального собора города Палоса — Христофора Колумба. Камзол на нем был уже не тот, что на ступеньках возле собора.

Вокруг было открытое море, видны были только паруса еще двух крохотных суденышек, держащихся рядом.

Николай Леонидович повертел головой.

— Опять промахнулись! — молвил он в сердцах. — Ясно, что теперь мы попали прямо на каравеллу Колумба, и неизвестно еще в какой день плавания! Может, мы уже недалеко от Нового Света! В общем, что-то в блоке Переноса не доработано.

— Зато уже плывем, шеф! — с энтузиазмом отозвался ассистент Василий. — Это же «Санта-Мария», каравелла Колумба! А назад мы всегда можем без проблем...

— Ну, плывем, — согласился Николай Леонидович и стал осматриваться более обстоятельно.

В конце концов, ничего страшного действительно не произошло. Раз они на каравелле Колумба, можно было немедленно приступать к главному: наблюдать, слушать, снимать.

Вместе с машиной времени можно свободно перемещаться по «Санта-Марии» во всех направлениях, заглядывать куда угодно, и, разумеется, в каюту великого адмирала. Посмотреть, с какими картами он сверяется, когда остается один, полюбопытствовать, не ведет ли какого-нибудь тайного дневника...

Николай Леонидович почувствовал, как его захватывает столь хорошо знакомый ему азарт исследователя, уж предвкушающего, что научная истина вот-вот откроется.

Но тут вдруг его посетила и одна странная мысль, навеянная, вероятно, безмятежным видом бескрайнего водного простора: во время этого невероятного путешествия вместе с Колумбом через Атлантику можно будет заодно и отдохнуть, расслабиться, подышать морским воздухом, в свободные, разумеется, минуты. Ведь и вспомнить невозможно, когда он вообще отдыхал в последний раз, даже выходные то и дело проводил в лаборатории...

Тряхнув головой, ученый отогнал эту несвоевременную мысль прочь. Главное, конечно, это исследовательская работа. Сейчас 1492 год, и вот он, Христофор Колумб, великий мореплаватель, открыватель Нового Света, всего в нескольких шагах, стоит на корме, не подозревая, что теперь каждый его шаг...

А в следующий момент двух путешественников по времени и по Атлантическому океану настигла еще одна неожиданность, и теперь уж совсем невероятная.

Каравелла, матросы, мачта, парус исчезли, скрывшись в непроницаемой чернильной мгле; и вдруг, как отчетливо показалось Николаю Леонидовичу, какая-то мощная сила подхватила машину времени, словно пушинку, подняла вверх и понесла в неизвестном направлении.

Но продолжался этот полет очень недолго, потом машина куда-то очень мягко опустилась, и тьма рассеялась, открыв море, дышащее легкой волной, и палящее солнце, висящее над морем.

Море и солнце, вроде, остались прежними, а вот все остальное сразу стало для ученого и его ассистента совсем другим, непонятным и непредсказуемым.

3

В том, что машина времени вновь угодила на какой-то корабль, сомнений, правда, не было, потому что она опять стояла на палубе. Только палуба теперь была не деревянной, как на каравелле Колумба, а неизвестно из какого гладкого материала серебристого цвета. Может быть, пластика, может, сплава каких-то металлов. Удивительное дело, но никаких бортов, ограждавших палубу, не было.

Само судно тоже было невысоким — палуба его находилась чуть ли не вровень с водой, — но размерами, судя хотя бы по ширине палубы, явно побольше, чем крошечная «Санта-Мария», на которой два путешественника по времени находились несколькими мгновениями раньше.

Между тем, и флотилия Колумба никуда не делась: паруса трех каравелл, идущих одна за другой, как краем глаза машинально отметил Николай Леонидович, были видны справа по борту от этого неизвестного корабля, причем очень близко.

Слева море было пустынным. Одновременно с этим путешественник по времени осознал, что на самом этом неизвестном корабле не видно ни мачт, ни парусов, ни матросов.

Корму загадочного судна закрывали от его глаз массивный холодильник и высокая душевая кабина машины времени.

А в нескольких метрах перед машиной, загораживая нос корабля, на палубе стоял шар небесно-голубого цвета и диаметром в пару метров. Он-то и оказался самым главным впечатлением Николая Леонидовича в этот первый необыкновенный момент.

Верхнюю часть шара опоясывал ровный ряд круглых маленьких окошечек, стекла которых блестели в солнечных лучах. Окошечки были похожи на иллюминаторы, отчего шар можно было принять за аппарат для подводных исследований. Во всяком случае, концу XV века и плывущим в непосредственной близости испанским каравеллам его внешний облик никоим образом не соответствовал.

Однако о столь явном противоречии Николай Леонидович даже не успел толком задуматься, потому что сейчас же из-за шара вышли два высоких бородатых человека с веселыми лицами.

Одеты они были в одинаковые одежды странного покроя; во всяком случае, подобного Николай Леонидович нигде не видел. Сразу бросалось в глаза, что у обоих на запястьях были массивные металлические браслеты, по которым то и дело пробегали загадочные разноцветные огоньки.

Первое, что сделали бородачи, выйдя из-за шара, так это разразились хохотом. Потом, сквозь смех, один с трудом проговорил:

— Еще один! Даже двое! Эй, господа, с прибытием!

— А вид-то, вид какой! — с трудом вымолвил другой. — Несуразица полная.

— Да, вид забавный, — согласился первый. — Но ведь работает, несомненно, а это главное.

Говорили по-английски, этот язык, как полагается ученому, Николай Леонидович знал. Однако машинально отметил про себя, что было в этом языке, и в словах, и в произношении говоривших нечто странное. Да и понять, о чем, собственно, идет речь, было затруднительно.

Но столь же машинально исследователь ответил на поздравление с прибытием, потому что эти слова, в отличие от всех остальных, имели вполне определенное и ясное значение:

— Спасибо! — пробормотал Николай Леонидович.

В ответ на эти слова раздался новый взрыв жизнерадостного смеха. Коровушкин встал, чувствуя растерянность, какой никогда в жизни не испытывал. Творилось нечто несуразное, далекое хоть от какого-нибудь смысла, и к этому он совсем не был готов.

Одно дело, настроившись должным образом, отважно переместиться по оси времени на несколько столетий назад, примерно зная, что тебя ожидает. Тут не так уж трудно пережить отдельные накладки — хотя бы промах с намеченной датой и некоторые другие мелочи, вполне простительные для первого раза.

Совсем другое неожиданно угодить вообще непонятно куда, в какую-то фантасмагорию, которая неизвестно чем окончится.

Да еще вдобавок вызвать своим появлением приступ веселья у двух неизвестных субъектов.

Ассистент Василий тоже поднялся и принялся поправлять очки, хотя они и без того сидели на его переносице именно так, как и следовало.

Бородачи, подойдя к двум путешественникам во времени вплотную, наконец отсмеялись. После чего переглянулись и на лицах обоих, как по команде, проявилось участие.

— Ничего, освоитесь потихоньку, — сказал первый, — ко всему привыкнете. Смеемся мы, господа, не обижайтесь, потому, что вид у вас донельзя забавный.

— А нам ничего другого и не остается, как ко всему относиться с юмором, — добавил второй.

— В общем, лица у вас сейчас, — продолжал первый бородач, но тут он вдруг запнулся и стал как по-особому разглядывать Николая Леонидовича. — Что-то, кстати, мне ваше лицо... Или ошибаюсь? Словом, видели бы вы себя сейчас со стороны. А это что у вас такое? Щипковый музыкальный инструмент?

— Гитара, — ответил ассистент Василий, проследив за направлением его взгляда.

— Добро пожаловать! — сказал второй бородач.

— Куда добро пожаловать? — дрогнувшим голосом спросил Николай Леонидович. — Где мы?

— В открытом море, как видите, — ответил первый.

— Точно так же, как мы, — добавил второй.

— В Атлантическом океане, — уточнил первый и добавил: — Мы так думаем, потому что Колумб плывет рядом.

— Плывет, — машинально согласился Николай Леонидович, бросив взгляд на паруса каравелл.

Чувствуя, сколь хаотично от всей этой несуразицы мечутся его мысли, он понял, что немедленно надо задать такой вопрос, на который можно будет получить самый простой ответ. То есть ответ, не требующий для постижения его смысла дальнейших умственных усилий, если от них все запутывается еще больше.

Предыдущий ответ про открытое море умственных усилий настоятельно требовал. Потому что по обыкновенному морю 1492 года рядом с флотилией Колумба никак не мог двигаться странный корабль с палубой серебристого цвета, несущий на борту шар, похожий на аппарат для исследования морских глубин.

Вдобавок обыкновенные моряки 1492 года непременно как-нибудь реагировали бы на плывущий буквально бок о бок с ними неизвестный корабль без парусов, но с удивительным небесно-голубым шаром на палубе. Палили бы из пушек или, например, пытались от него удрать на всех парусах. Эти же плыли так, как будто никакого другого корабля рядом с ними не было и в помине.

В дальнем уголке мозга Николая Леонидовича уже мелькнула мысль о космических пришельцах, с которых вполне сталось бы в познавательных целях сопровождать корабли Колумба, прилетев на Землю как раз ко времени начала его первой экспедиции.

Такими пришельцами и могли быть оба жизнерадостных бородача, носящие на запястьях удивительные браслеты с мигающими огоньками. Надо полагать, скрыть каким-нибудь образом свой корабль от глаз Колумба, чтобы не отвлекать его от открытия Америки и наблюдать за ним скрытно, им было вполне по силам.

Если бы бородачи сразу признались, что они пришельцы, это был бы простой и ясный ответ, и многое сразу стало понятным.

С другой стороны, два эти бородача вели себя все-таки как самые обыкновенные земные люди, говорившие на английском языке. Пусть и на каком-то странном английском.

— Вы кто такие? — спросил Николай Леонидович.

— Новозеландцы, — ответил первый бородач.

Услышав такой простой, но невероятный ответ, Николай Леонидович успел еще машинально подумать, что во времена Колумба о существовании Новой Зеландии никто не подозревал. И сразу после этого стал свидетелем, а то и участником совсем уж загадочного явления.

Прямо перед исследователем, на уровне лица, и опять из пустоты объявился ярко-красный диск размером с закусочную тарелку. Несколько секунд он висел в воздухе, и у Николая Леонидовича создалась отчетливое впечатление, что диск осматривает его с головы до ног цепким, холодным, оценивающим взглядом, хотя никаких зрительных приспособлений на нем не было видно. Непроизвольно исследователь поежился.

Затем диск на несколько секунд задержался у лица ассистента Василия, потом быстро-быстро облетел вокруг машины времени и снова остановился перед Николаем Леонидовичем. Наконец раздался мелодичный звон, и диск исчез.

— А это что было? — спросил Николай Леонидович, чувствуя, что голос его опять дрогнул.

— Точно не знаем, но думаем, это регистрация, — пояснил один из бородачей-новозеландцев серьезным тоном. — Вы же только что появились. Вот вас и зарегистрировали.

— С нами было то же самое, когда мы сюда попали, — добавил другой.

— Значит, вы тоже сюда попали, — повторил Николай Леонидович, как эхо.

— Ну да, когда мы сюда попали, такой же диск появился, облетел нас, точно так же зазвонил и испарился. Больше рядом с нами не объявлялся. И французы рассказывали про себя то же самое.

С этими словами первый бородач зачем-то побарабанил кулаком по обшивке небесно-голубого шара.

От того, что новозеландцы не оказались космическими пришельцами, все происходящее все больше и больше напоминало дурной сон или театр абсурда. Николай Леонидович задал новый вопрос, предвидя, что ответ опять потребует от него особо напряженной работы мысли:

— Кто это нас зарегистрировал?

И сейчас же, не сдержавшись и уже не думая над словами, выпалил сразу еще несколько вопросов:

— И куда, вы сказали, сюда попали? Сюда это куда? Какие французы?

Ни один из новозеландцев не успел ответить. Стекло одного из окошечек небесно-голубого шара растаяло, и вместо него на белый свет выглянуло чье-то лицо, главными приметами которого были тонкие мушкетерские усики и пронзительные черные глаза. Лицо сразу же озарилось приветливой улыбкой, и обладатель его произнес какую-то фразу на языке, в котором безошибочно угадывался французский.

Воспользоваться лингвистическим синхронизатором Николай Леонидович сразу не сообразил. Как бы со стороны он услышал свой собственный голос, который спрашивал на родном русском языке:

— Вы француз?

Теперь на лице с усиками отразилось удивление.

— О, да вы российский? — услышал Николай Леонидович ответ, который тоже прозвучал на русском языке, правда, весьма своеобразном. — Есть впечатление, я вас видел где-то уже.

— Вы говорите по-русски?! — удивился в свою очередь и вместе с тем очень обрадовался Николай Леонидович. Хотя чему тут было особенно радоваться.

Непроизвольно он сделал несколько шагов вперед, чтобы подойти к собеседнику, владеющему его родным языком, поближе, и при этом вышел за границы того, что для журналистов, неспособных разобраться в тонкостях, он образно называл пространственно-временным «пузырьком», в котором заключена была машина времени.

Между тем, выйти за эти границы, остановившись в выбранной точке на оси времени, Николай Леонидович никак не мог, о чем тоже рассказывал журналистам. Здесь же, на этом невероятном корабле, границы «пузырька» почему-то исчезли, но это ученый сообразил уже гораздо позже...

— Мне бы не сказать по-русски, — ответил человек в окошке. — Я долго много работал в вашем Лапидовиле. Возможно, именно вас там я видел? Или именно там вас?

— Где-где? — переспросил Николай Леонидович.

— Лапидовиль, вам должно знать, это ваш совместный центр науки на берегу...

Француз остановился.

— Дьявол! — сказал он потом, внимательнейшим образом рассматривая машину времени Николая Леонидовича, и особо задержав взгляд на холодильнике и душевой кабине. — О нет, я не способен был понять это сразу! О-ля-ля! Нет Лапидовиль! Там вас быть никак не мог, потому что Лапидовиль...

В соседнем окошечке тоже растаяло стекло, выглянуло еще одно лицо, теперь без усов. Не обращая пока на Николая Леонидовича и Василия никакого внимания, оно разразилось какой-то французской фразой, адресованной соотечественнику в первом окошке.

Но теперь Николай Леонидович машинальным движением включил синхронизатор и понял, что новый француз сказал:

— Пьер, ты словно дитя! Совершенно очевидно, что о Лапидовиле они не могут знать. Ну посмотри на них! Ты чуть не сболтнул лишнего! Хорошо хоть не пояснил, что значит «совместный». Забыл о принятом между нами соглашении? А любая мелочь может сыграть для нас, когда мы вернемся, совершенно непредсказуемую роль! Ты этого хочешь добиться?! Или ты уже не веришь, что мы вернемся?

— Но не сболтнул ведь, — беззаботно ответил первый француз, тоже перейдя на французский язык. — До Лапидовиля им действительно очень-очень еще далеко. А в то, что мы обязательно вернемся, я верю.

На уровне подсознания Николай Леонидович пришел к витиеватому умозаключению: второй француз тоже знает русский

язык, если понял слова первого француза, сказанные по-русски, и сделал ему за них замечание, но уже на французском языке, полагая, что в этом случае русский исследователь не поймет, за что именно сделано замечание.

Поэтому, оставив пока все прежние вопросы, на которые он не получил ответов, Николай Леонидович сосредоточился на загадочном научном центре под названием Лапидовиль, желая одновременно показать французам, что французский язык для него не загадка.

— Почему вы говорите, что до Лапидовиля нам с Василием очень-очень далеко? — спросил он напрямик.

Французы переглянулись, но отвечать почему-то никто из них не стал. Воцарилось неловкое молчание.

Что касается бородачей-новозеландцев, то все эти русско-французские переговоры они слушали молча, но, тоже переглядываясь, причем лица у обоих снова стали веселыми, словно они в полной мере осознавали комизм всего происходящего. Однако когда в разговоре возникла неловкая пауза, ситуацию поспешил разрядить как раз один из новозеландцев.

— Нам давно пора представиться, — сказал он Николаю Леонидовичу. — Пит Фергюссон, с вашего позволения.

— Майкл Морган, — назвался и второй новозеландец.

Николай Леонидович, как того требовал долг вежливости, отвлекся от французов и представился тоже.

— Николай Леонидович Коровушкин, — сказал он, — а это мой ассистент Василий... э-э... Василий Степанович Лыков.

— Что? Вы Коровушкин?! Ник Коровушкин?! — воскликнул Пит Фергюссон с безмерным удивлением, но вместе с тем восторженно. — То-то мне показалось, что ваше лицо...

Лицо Майкла Моргана тоже стало восхищенным.

— Ник Коровушкин! — выговорил Майкл Морган. — Позвольте пожать вам руку. Разве я мог представить, что когда-нибудь смогу это сделать!

Николай Леонидович, окончательно растерявшись, пожал руки обоим новозеландцам. Рукопожатия бородачей были ощутимыми. Значит, отметил Николай Леонидович краешком сознания, о наложении разных пространственно-временных ко-

ординат друг на друга, при котором индивидуумы могут свободно проходить друг сквозь друга, в данном случае речи не было.

А то, что новозеландцы откуда-то знали его имя, вообще не укладывалось в сознании. Промелькнула, правда, совсем уже нелепая мысль: а не присутствовали ли они на каком-нибудь его выступлении на одном из бесчисленных международных научных симпозиумов?

Первый француз в окошке хлопнул себя кулаком по лбу.

— О-ля-ля, Николя Коровушкин! Теперь я знать, где вас видел. Конечно, на портретах в энциклопедиях! — Обращаясь ко второму французу, он поспешно добавил: — Ничего, это я, думаю, можно!

Лица обоих исчезли в их окошечках, но сейчас же французы вышли из-за своего шара и встали рядом с новозеландцами. Машинально Николай Леонидович отметил про себя, что одеты они совсем не так, как новозеландцы, но тоже весьма странно.

Мысли Николая Леонидовича продолжали крутиться с необыкновенный скоростью и в необыкновенном хаосе, сталкиваясь друг с другом и разлетаясь в разные стороны.

Но тут на передний план выступила одна из мыслей: в каких, интересно, энциклопедиях француз с мушкетерскими усиками мог видеть его портреты? Сам Николай Леонидович о таких энциклопедиях ничего не знал. Конечно, о его многообразных научных исследованиях сообщали научные журналы многих стран, частенько публикации сопровождались фотографиями, но до портретов в энциклопедиях дело все-таки пока не дошло.

Сейчас же объявилась другая мысль: в недалеком уже будущем обязательно дойдет. Это он, безусловно, заслужил, построив первую в мире машину времени...

Мысль немедленно получила дальнейшее развитие: энциклопедиями дело, конечно, не ограничится. Портреты Николая Леонидовича Коровушкина, человека, впервые успешно осуществившего Перенос, будут висеть во всех университетах и академиях наук, какие только есть на Земле, рядом с портретами Ньютона, Эйнштейна, Менделеева и еще не-

скольких — всего нескольких! — научных гениев столь же великого ранга. Не говоря уж о бесчисленных фотографиях в газетах и журналах.

А сам Перенос, безусловно, так и назовут — Перенос Коровушкина...

Между тем, французы тоже поспешили представиться.

— Пьер Дюма, — сказал первый.

— Роже Лемерсье, — назвался второй.

Тот француз, который был однофамильцем великого писателя, добавил, указав на обшивку шара.

— Там есть еще Франсуаза и Мари, которые спать. Всегда поздно вставать.

После этого снова воцарилось молчание, во время которого новозеландцы и французы рассматривали Николая Леонидовича так, словно им посчастливилось увидеть знаменитость из знаменитостей, и они этим очень горды. Ассистент Василий стоял с изумленным лицом и взирал то на шар, то на своего шефа, то на других действующих лиц этой сцены. Глаза его за стеклами очков, похоже, стали круглыми.

Сам Николай Леонидович вдруг ощутил, что подобное внимание ему, безусловно, льстит. Но формулировки вопросов, которые он мог бы теперь задать, чтобы хоть в чем-то разобраться, пока никак у него не складывались, и он молчал.

Театр абсурда между тем продолжался. Все еще не отводя от Николая Леонидовича глаз, Майкл Морган крикнул куда-то в пространство:

— Эй, Хью! Иди сюда!

Николаю Леонидовичу он пояснил:

— Хью — это американец! Он здесь был первым. Он встречал всех нас здесь.

С той стороны, где должна была находиться корма корабля, появился еще один человек. Он был очень высок, поджар и потому похож на Дон Кихота, но с бритой головой.

— Ну, что еще? — поинтересовался он очень недовольно. — Если опять кто-то объявился, этим меня не удивишь. Наверняка не в последний раз!

Но тут американский Дон Кихот осекся, и принялся разглядывать бородку и остальные части лица Николая Леонидовича во все глаза.

— Позвольте, — начал Дон Кихот, — я уверен, что где-то вас видел. Очень знакомое лицо!

— Это Ник Коровушкин, — пояснил Майкл Морган. — Не ожидал? Он тоже с нами.

Лицо Хью озарилось улыбкой.

— Ну конечно, Коровушкин! — молвил он с уважительными интонациями. — У вас, Ник, внешность очень характерная. Ваше изображение у нас идет по алфавиту сразу после Иоганна Кеплера. А лично я всегда восхищался вашими, Ник, исследованиями в области...

Тут он осекся точь-в-точь как однофамилец великого французского писателя Дюма, когда речь зашла о незнакомом Николаю Леонидовичу научном центре под названием Лапидовиль. И, не закончив фразу про портрет, Хью сказал другое:

— Действительно, не ожидал! Хотя почему бы нет? Могу повторить, меня теперь ничем не удивишь. Значит, вы тоже! Ну, ладно!

Пристально осмотрев лицо Николая Леонидовича, теперь Хью очень внимательно изучал машину времени, перед которой стоял ученый.

— Ого! — сказал американский Дон Кихот. — Вот это да! И ведь работает! Могу только повторить: не ожидал!

Тут впервые за это время свое слово молвил наконец ассистент Василий.

— Шеф! Я вообще ничего тут не понимаю! Может, нам сесть в кресла да и вернуться назад, пока еще чего-нибудь похуже не стряслось!!

— Подожди, — ответил Николай Леонидович. — Должны же мы во всем разобраться! Они меня знают! Они видели мои портреты в энциклопедиях!

В голове ученого вдруг молнией вспыхнула догадка. Она, правда, объясняла еще не все, но очень многое. И Николай Леонидович спросил напрямик, отбросив ложную скромность:

— Господа, друзья, коллеги! Мое имя знакомо вам, вероятно потому, что это я сконструировал первую машину времени?

Выдержав очень короткую паузу, Коровушкин договорил:

— А вы, смею поэтому предположить, благодаря моему великому изобретению, тоже путешествуете по времени. Только живете в тех годах, а то и веках, которые для нас с Василием являются будущим, и когда мои заслуги должным образом оценены. И вот мы встретились в каком-то загадочном, удивительном месте, на этом корабле... Правда, что тому причиной, я никак не могу понять.

Пит Фергюссон сначала согласно кивнул, потом отрицательно покачал головой, но тут же опять кивнул, а затем сделал новый знак отрицания. По лицам всех пятерых людей без исключения прошла какая-то тень. Осознавая, что на очередной его вопрос тоже не может быть простого и ясного ответа, Николай Леонидович замолчал. И все остальные тоже некоторое время молчали.

Первым наконец заговорил американский Дон Кихот, и дальше снова продолжилась несуразица, в которой мало что можно было понять.

— Факт есть факт, — протянул Хью. — Нельзя не признать, что машину времени, выходит, вы тоже построили.

— Иначе как бы вы здесь вообще оказались? — молвил Майкл Морган.

— Но для нас это, прямо скажем, неожиданность, — признался Пит Фергюссон. — Никто же не знал, Ник, что и вы работали над переносом во времени. Да еще когда? В начале двадцать первого века. С изобретением машины времени, Ник, скоро вы поймете, вообще творится что-то невообразимое.

— Как это? — с искренним изумлением воскликнул Николай Леонидович и растерянно посмотрел на ассистента Василия, словно призывая его в свидетели. — Почему — и я работал? Ведь мы с Василием...

У ассистента вид был столь же ошарашенным.

— Зато теперь, Ник, мы это знаем, оценили, и вы открылись для нас с неожиданной стороны, — примирительно сказал новозеландец Морган. — Впрочем, здесь, — широким жестом

он обвел все вокруг, — сплошные неожиданности. И вообще неизвестно, что будет дальше.

— Но мы уже привыкли к такому положению вещей, — добавил Фергюссон. — Живем, плывем, иногда наблюдаем за каравеллами, стараемся ко всему относиться с юмором. И вы тоже, Ник, знаете ли, очень скоро привыкнете, освоитесь. Пары часов не пройдет, вот увидите!

— А мы будем при этом рады оказаться рядом с вами, Николя, чтобы вам в этом помогать, — добавил француз с мушкетерскими усиками и носящий фамилию автора «Трех мушкетеров». — Франсуаза и Мари тоже будут восхищены, когда будут не спать.

— Я вообще, Ник, тут был сначала один, но, по счастью, недолго, — сообщил Николаю Леонидовичу и ассистенту Василию американец, похожий на Дон Кихота. — Мне никто не мог помочь!

Николай Леонидович испытал жгучее, неодолимое желание немедленно последовать совету ассистента: занять места в машине времени и отбыть из этого театра абсурда в родную лабораторию.

В 1492 году, в конце концов, они несомненно побывали, Колумба повидали, что и запечатлела панорамная видеокамера. Поэтому первый опыт путешествия во времени можно считать удачным, могло быть и хуже.

А то, что машина времени в какой-то момент оказалась на неизвестном корабле, на котором плыли какие-то люди (знавшие между прочим его, Николая Леонидовича Коровушкина, имя), требовало последующего теоретического осмысления. Возможно, в пространстве-времени существуют некие точки, где могут сходиться разные линии и направления, которые...

Нет, все теории потом, в спокойной домашней обстановке!

— Вы только представьте, Ник, я был здесь совсем один! — повторил американец многозначительно, и лицо его омрачилось, видимо, от недобрых воспоминаний. — Но ничего, рассудок, как видите, не потерял, даже будучи один!

Эти слова оказались последней каплей: поддавшись порыву, Николай Леонидович действительно кинулся в свое кресло пилота, крикнув Василию:

— Садись! Немедленно возвращаемся домой!

Повторять молодому человеку не пришлось.

Бросив на всех этих удивительных людей, собравшихся в таком удивительном месте, короткий прощальный взгляд, Николай Леонидович нажал кнопку обратного переноса. На лицах удивительных людей, которые остались стоять, как стояли, он успел заметить неподдельный интерес к тому, что происходит.

— Получиться, Николя, никак не может, — предупредил Николая Леонидовича Роже Лемерсье. — Ни вперед, ни назад. Будете, Николя, оставаться на месте. И это, Николя, есть одна из здешних неожиданностей.

По машине времени прошла легкая дрожь, но она действительно осталась на месте. Тогда Николай Леонидович, лихорадочно нажимая кнопки пульта, сделал попытку вернуться хотя бы на каравеллу Колумба, а уже оттуда рвануться в свою лабораторию; и снова ничего не вышло.

— Получиться оставаться на месте, — констатировал Лемерсье. — Вы думать, Николя, мы не пробовать? Не один раз.

Николай Леонидович почувствовал, что его охватывает отчаяние, и опустил голову на руль. Однако поддаться отчаянию до конца он просто не успел.

Мимо него пронесся, обдав исследователя холодом, некий вихрь. Николай Леонидович выпрямился. Мгновение спустя рядом с его машиной времени на палубе материализовался предмет, странно похожий на контейнер с откидным верхом для перевозки кошек, только сильно увеличенных размеров.

Тотчас верх откинулся, и показалась голова человека с длинными черными волосами. Глаза человека заметались по сторонам, и на лице сейчас же проявилась смесь из многих разных чувств, в числе которых не последними были безмерное удивление, интерес и испуг. Но доминировала, безусловно, полнейшая растерянность.

Словом, лицо у человека было таким забавным, что Николай Леонидович почувствовал, что губы его сами собой раздвигаются в улыбке.

— Вот и вы такими же вместе с ассистентом были в первый момент, — добродушно сказал ему, тоже с улыбкой, Пит Фергюссон. — А теперь, считайте, Николя, здесь вы почти свой. И уже знаете, что попасть сюда гораздо проще, чем выбраться отсюда.

— Добро пожаловать, незнакомец! — улыбаясь, приветствовал человека в контейнере Майкл Морган.

— Где я? — прохрипел человек по-итальянски, что и перевел для Николая Леонидовича его лингвистический синхронизатор. — Кто вы?

— Непростые вопросы, — машинально ответил Николай Леонидович.

Тут мимо машины времени снова пронесся холодный вихрь, и рядом с контейнером, в котором был незнакомец, говоривший по-итальянски, материализовался еще один удивительный предмет, теперь больше всего напоминающий китайский воздушный коробчатый змей, обтянутый полупрозрачной тканью.

Верхняя коробка так и осталась висеть на некотором расстоянии от нижней, хотя нельзя было понять, что поддерживает ее в воздухе. Сквозь полупрозрачную ткань, украшенную рисунками драконов, в коробке различалось сложное переплетение каких-то деталей и узлов. Они были ни на что не похожи.

В нижней коробке на низкой скамеечке сидели в ряд три очень похожих друг на друга человека. Их лица сначала были желтоватыми, но тут же стали серыми. Люди разразились восклицаниями, однако лингвистический синхронизатор почему-то не стал их переводить, возможно, застеснялся. Но Пит Фергюссон определил:

— Китайцы!

Тут не заставил себя ждать и уже знакомый Николаю Леонидовичу ярко-красный диск размером с закусочную тарелку: он появился еще до того, как три китайца, выдохнувшись, замолкли. Сначала диск облетел кошачий контейнер, из которого была видна голова итальянца, остановился, издал мелодич-

ный звон; потом облетел воздушный змей с китайцами, остановился, издал мелодичный звон и исчез.

— Их тоже зарегистрировали, — констатировал Николай Леонидович, чувствуя странное удовлетворение.

Впрочем, разобраться в этом чувстве было не так уж сложно...

До этого они с Василием были последними, кто угодил в это удивительное, метафизическое действо, а теперь появились новые его участники, которым еще только предстояло пережить то, что они уже пережили.

4

Новозеландец Пит Фергюссон оказался прав: не прошло и пары часов, как Николай Леонидович Коровушкин, великий российский ученый первой четверти XXI века, действительно стал постепенно привыкать и к тому удивительному положению, в каком оказался, и к месту, куда попал.

А к паре часов прибавились еще несколько часов, потом в океане зашло солнце, чтобы рано утром снова подняться и осветить три каравеллы, по-прежнему в непосредственной близости плывущие рядом, потянулся новый длинный день; и Николай Леонидович осваивался на этом загадочном корабле, неизвестно откуда взявшемся, все больше и больше, понимая и принимая то, что он мог понять и принять.

Невероятного, необъяснимого, непонятного, между тем, все равно здесь оставалось несравненно больше. Утешало разве лишь то, что столь же невероятным, необъяснимым, непонятным все это было и для всех остальных, кто непостижимым образом попал сюда еще раньше.

К понятному, не вызывающему никаких вопросов, относилось то, что все эти люди действительно были путешественниками по времени из будущих веков; здесь догадка ученого оказалась абсолютно верной.

Это было вполне логично. Действительно, если сам Николай Леонидович первым сумел отправиться по оси времени в обратном направлении, впоследствии у него непременно должны были появиться последователи.

Из каких именно веков они прибыли, путешествующие по времени не скрывали. Века обитания у всех были разными, — и относительно близкими для Николая Леонидовича с ассистентом Василием, и довольно далекими. Бородачи-новозеландцы жили, как выяснилось, в 2354 году. Французы в 2196 году. Американец Хью в 2132 году.

Длинноволосый итальянец, прибывший на этот таинственный корабль уже позже Николая Леонидовича, обитал в 2265 году, а три китайских ученых, объявившихся вслед за ним, отправились в путешествие по времени из своего 2097 года. Но про итальянца и трех китайцев все это выяснилось не сразу — поначалу новоприбывшим пришлось пройти такой же нелегкий период адаптации, какой проходил сам Николай Леонидович вместе с ассистентом Василием.

Вполне понятным для Николая Леонидовича оказалось и то, что все эти путешественники по времени намеревались, подобно ему самому, своими глазами увидеть, как Христофор Колумб будет открывать Новый Свет. Такое желание ученый хорошо понимал. Какое еще историческое событие можно сравнить с первой экспедицией великого адмирала, начавшейся 3 августа 1492 года?!

Естественным, разумеется, было и желание каждого побывать именно на «Санта-Марии». Однако дни, в какие путешественники по времени высаживались на флагманской каравелле Колумба, у всех оказались разными.

Американец Хью, например, попал со своей машиной времени на «Санта-Марию» самым первым — в день 4 августа 1492 года, когда Колумб уже вышел из Палоса в открытое море. Другие позже. Сам Николай Леонидович, если б не случилось небольшой промашки, подоспел бы раньше всех, еще за день до американца: ведь он намеревался проделать с Колумбом весь маршрут полностью и хотел начать прямо с мессы в кафедральном соборе Палоса в ночь перед отплытием.

Однако промашка имело место, и Николай Леонидович попал на «Санта-Марию» неизвестно, в какой точно день, во всяком случае, уже после американца, новозеландцев и французов.

Как бы то ни было, пока все это было понятным. А вот дальнейшее, что происходило с каждым из путешественников по времени после высадки на каравелле, сразу же становилось иррациональным, уже не поддающимся никаким разумным объяснениям.

Потому что каждый, как и сам Николай Леонидович, провел на «Санта-Марии» лишь несколько мгновений, а потом происходило одно и то же: все вокруг заволакивалось непроницаемой мглой, какая-то мощная неведомая сила подхватывала машину времени, словно пушинку, и переносила сюда, на палубу этого загадочного, неизвестно откуда взявшегося корабля, который для каравелл Колумба был невидимкой.

Сам этот корабль, как быстро понял Николай Леонидович, тоже был иррациональным, потому что вовсе не походил на корабль. Этим гордым словом его можно было бы назвать, пожалуй, лишь потому, что иррациональный предмет, на поверхности которого оказывались все путешественники по времени, держался на воде и плыл день за днем, придерживаясь какого-то определенного курса — шел параллельно испанским каравеллам и с той же скоростью, что они.

На самом же деле он представлял собой просто огромную плоскость из какого-неизвестного материала. Длиной ее можно было сравнивать с футбольным полем, ширина составляла метров двадцать. У плоскости не было ни заостренного носа, ни кормы, да и ничего другого не было, одна только поверхность, находившаяся почти вровень с водой.

Что приводило это неведомое плавучее средство в движение, было непонятно. Каким образом оно само знало, куда и с какой скоростью надо двигаться, тоже. Никаких следов на воде от его движения не оставалось.

Была еще одна необъяснимая вещь: по периметру огромную эту плоскость окружала невидимая, но непреодолимая стена — рука упиралась во что-то твердое, по чему можно было даже постучать, хотя стука не было слышно. На какой высоте она заканчивалась и заканчивалась ли вообще, было неизвестно.

Из-за невидимой преграды покинуть эту плоскость, плывущую по волнам океана, было невозможно. Хотя новозеландцы рассказали Николаю Леонидовичу, что они намеревались, было дело, вплавь добраться до «Санта-Марии», чтобы продолжать свои исследования на каравелле Колумба, раз уж ничего другого не остается.

Однако эта же невидимая стена уберегала иррациональную плавучую плоскость от волн. А по какой-то другой, неизвестной причине, на ней совершенно не ощущалась качка. Было еще одно удивительное явление: по ночам над плоскостью загорался не яркий, но все же вполне достаточный свет, исходивший неизвестно откуда...

Итак, все это было необъяснимым, невероятным, невозможным. И в первые часы своего пребывания здесь Николай Леонидович, сопровождаемый удрученным Василием и сочувственно-понимающими взглядами всех остальных собратьев по несчастью, потерянно ходил взад-вперед то по одному борту плавучей плоскости, то по другому, и время от времени от досады стучал кулаками в невидимую стену. А в голове его бились главные, жизненно насущные вопросы, ответов на которые здесь не знал никто.

Каким образом и с какой целью неведомая мощная сила переносит машины времени вместе с их экипажами с каравеллы Колумба именно сюда, на эту иррациональную плавучую плоскость? Почему плоскость плывет вместе с каравеллами, но на некотором расстоянии от них? Когда и чем это плавание закончится? И что это за диск, который считает своим долгом облететь каждую машину времени, когда она только появляется здесь?

Кстати, и с самими машинами времени, выстроившимися на борту плавучей плоскости в ряд, словно на смотре, тоже творилось, как быстро понял Николай Леонидович, что-то иррациональное. Точнее, что-то иррациональное творилось с приоритетом в их изобретении. И это была воистину загадка из загадок.

Потому что веселые новозеландцы Пит Фергюссон и Майкл Морган, пока не попали на плавучую плоскость, на полном се-

рьезе были убеждены, что машину времени изобрели именно они, и случилось это в их 2354 году.

Вместе с тем итальянец, которого, оказалось, звали Джованни Манчини, прежде полагал, что это величайшее изобретение, потрясшее мировое сообщество — машина времени, — принадлежит ему, и что сделано оно на 89 лет раньше, то есть в 2265 году. Однако новозеландцы об этом не подозревали, хотя не такое это изобретение, машина времени, чтобы человечество могло бы о нем забыть, раз оно уже было однажды сделано!

В свою очередь самому Джованни, а новозеландцам тем более, ничего не было известно о том, что еще в 2196 году, за 69 лет до итальянца, истинными авторами первой машины считали себя французы Пьер Дюма и Роже Лемерсье. Причем за свое изобретение они получили Нобелевскую премию, а уж такой-то факт потомки должны бы помнить обязательно.

Приоритет французов, однако, мог бы оспорить американец Хью, построивший свою машину времени в 2132 году, иными словами, за 222 года до новозеландцев, за 133 года до итальянца, и за 64 года до французов. За свое изобретение, кстати, американец тоже получил Нобелевскую премию, как и множество других премий, о чем никто из живущих позже опять-таки непостижимым образом не слышал.

Но и сам Хью, как все другие, ничего не знал о том, что еще в 2097 году, за 35 лет до него, машина времени была построена в Китае. И что три китайских ученых, оповестив о своем величайшем изобретении мир, немедленно отправились в 1492 год, желая подтвердить тот факт, что Колумб каким-то образом раздобыл древнюю китайскую карту, на которой ясно были обозначены берега Америки.

И все-таки как можно было не знать того, что первым и истинным изобретателем машины времени был он сам, Николай Леонидович Коровушкин, потому что сконструировал ее раньше всех остальных?! Доказательство весом в полторы тонны, с двумя креслами экипажа, холодильником и душевой кабиной было налицо — стояло на этой иррациональной плоскости, поблескивая хромированными деталями.

Факт, однако, оставался фактом: убедившись в реальном существовании машины времени конструкции Н.Л. Коровушкина, все остальные были всего лишь слегка удивлены — тем, что и Н.Л. Коровушкин тоже, оказывается, входит в число многочисленных изобретателей машины времени. Никто из потомков об этом не подозревал. Имя же Н.Л. Коровушкина было всем хорошо знакомо по многим другим его славным научным свершениям, вошедшим в историю науки. Каким именно, никто из потомков не уточнял.

То сдержанное удивление, с которым была встречена его машина времени, потрясло Николая Леонидовича, пожалуй, едва ли не сильнее всего остального, что он увидел и пережил, попав на эту иррациональную плавучую плоскость.

Потом, немного освоившись и узнав о ее удивительных обитателях побольше, ученый не мог не осознать, что столь же потрясены должны быть и три китайца, которые хронологически были следующими после него изобретателями. Точно так же, как он, в качестве доказательства своего приоритета они могли предъявить тем, кто жил после них, диковинную машину, построенную в 2097 году и похожую на воздушного змея.

В свою очередь у американца Хью из 2132 года тоже, безусловно, испытавшего такое же потрясение, было неопровержимое доказательство для французов, итальянца и новозеландцев. Машина американца являла собой массивную конструкцию, точь-в-точь огромную металлическую бочку, поставленную на маленькие колесики. Над бочкой возвышался узкий помост, похожий на капитанский мостик, подняться на который можно было по металлической лестнице. На мостике громоздились какие-то странные агрегаты и еще одна бочка, поменьше, поставленная на попа. Не исключено, это тоже была душевая кабина...

А у французов из 2196 года было чем доказывать свой приоритет итальянцу и новозеландцам. Их машина времени, внешне похожая на шарообразный аппарат для подводных исследований, оказалась многоместной. Кроме самих авторов изобретения Пьера Дюма и Роже Лемерсье, она увлекла в путешествие по времени двух отважных исследовательниц —

Франсуазу Вильнев, несколько сухопарую, но очаровательную ученую даму, и жизнерадостную блондинку Мари Куше, меньше всего похожую именно на исследовательницу.

В этом ряду внешне столь разных машин времени была и машина образца 2265 года, в которой путешествовал отважный итальянец Джованни Манчини, опередивший своим изобретением новозеландцев.

В общем, с истинным автором машины времени творилась полнейшая, необъяснимая несуразица. Выходило, что ее изобретали, начиная с Николая Леонидовича, неоднократно, причем каждый раз она, несомненно, была работоспособной. Потом о величайшем изобретении напрочь забывали, несмотря на все Нобелевские и прочие премии, что было, конечно, просто несовместимо со здравым смыслом. А спустя десятилетия изобретали снова, чтобы потом опять забыть.

На самой вершине этой изобретательской лестницы хронологически располагались новозеландцы Пит Фергюссон и Майкл Морган, прибывшие из 2354 года. Их машины времени оказались самыми компактными из всех — это и были металлические браслеты на запястьях с разноцветными огоньками, на которые Николай Леонидович обратил внимание в первый же момент. Но ведь и жили Фергюссон и Морган в XXIV веке, когда научно-технический прогресс должен был достичь непостижимых высот...

По правде говоря, узнав, что машину времени можно носить на руке в виде браслета, Николай Леонидович, человек XXI века, оторопел от изумления и на время даже забыл обо всех мучивших его вопросах. Но когда он, горя нетерпением, попросил новозеландцев рассказать о чудо-браслетах как можно подробнее, в ответ те смущенно заулыбались, словно Николай Леонидович допустил явную бестактность. Потом Пит Фергюссон ответил:

— Рассказать, Ник, нельзя! Мы приняли Соглашение! Сейчас, Ник, объясню.

Так Николай Леонидович вдобавок ко всему остальному узнал еще, что между всеми путешественниками по времени, по необъяснимым причинам оказавшимся на иррациональной пла-

вучей плоскости, было принято Соглашение, и, подумав лишь секунду, понял, что это правильно. Даже очень правильно!

Соглашение, пусть и не запротоколированное какими-либо документами, было вот о чем: поскольку все жили в разных веках, то решено было, что никто ничего о своем времени, а тем более об относящихся к нему научно-технических достижениях никому не рассказывает. Иначе жившие в более ранние века могли бы получить преждевременные знания и затем использовать их, пусть даже непроизвольно, когда вернутся в свои родные времена.

А это сулило непредсказуемые последствия для тех веков, которые являются для них будущим. Возможно, привело бы к фатальным поворотам в ходе истории. Которые могли, не дай Бог, нанести непоправимый вред тем, кто вернется с этой плавучей поверхности в свои более поздние эпохи.

Само собой разумеется, строжайший запрет касался и машин времени, столь не похожих друг на друга. Устроены они, очевидно, были по-разному, к тому же Николай Леонидович подозревал, что и в самом принципе их действия были определенные различия. К некоторым, вполне возможно, сравнение подвижным пузырьком пространства-времени никак не подошло бы...

Но Соглашение есть Соглашение, и все его свято соблюдали. Хотя невзначай, конечно, иной раз проговаривались, но так, по мелочам, чтобы немедленно спохватиться.

Именно поэтому, например, француз Пьер Дюма осекся, когда, заведя разговор о некоем научном центре под названием Лапидовиль, вдруг осознал, что Николай Леонидович ничего о нем знать не может и не должен, раз прибыл из того времени, когда Лапидовиля еще не существует в природе.

Точно так же американец Хью не договорил, какими именно работами Николая Леонидовича Коровушкина, великого ученого XXI века, он восхищается в своем XXII веке. Потому что вовремя сообразил: вдруг Николай Леонидович прибыл сюда, на корабль, из того года, когда до этих работ ему еще очень-очень далеко.

Узнав же невзначай от Хью о своих грядущих открытиях, Коровушкин мог бы сделать их гораздо раньше, чем это должно было случиться при естественном развитии событий. Значит, опять-таки были вполне возможны непредсказуемые повороты истории, нежелательные события, испытать которые пришлось бы всем, кто живет в более поздние времена, когда они наконец в них вернутся.

А вернуться домой надеялись, конечно, все, потому-то и приняли Соглашение. Николай Леонидович тоже все понял и, борясь с естественным желанием, не пробовал выведать, какие именно его собственные научные заслуги войдут в историю науки.

Кстати, решено было также раз и навсегда прекратить всякие разговоры о возможных причинах всего происходящего. Разговоры не вызывали ничего, кроме досады, раздражения и нестерпимого для настоящего ученого ощущения, что его мысль бьется о какую-то невидимую преграду, преодолеть которую выше его сил. Возможно, более-менее реальные предположения обо всем можно будет строить только тогда, когда это необыкновенное путешествие хоть чем-нибудь закончится...

5

К концу второго дня пребывания Коровушкина на иррациональной плавучей плоскости, двигавшейся в океане без руля и ветрил, неведомая могучая сила перенесла на нее с каравеллы Колумба еще одну машину времени. На этот раз она была похожа на небольшие напольные весы, на которых и стоял ее экипаж, состоявший из одного человека.

Проявившись из пустоты, очередной путешественник по времени оглядел все, что было вокруг него, квадратными глазами и разразился длиннейшей тирадой на неизвестном никому, даже лингвистическому синхронизатору, языке. Потом соскочил со своих весов, на мгновение застыл на месте, бочком, осторожно обошел всех, кто в этот момент оказался рядом, но сейчас же снова разразился восклицаниями и мигом унесся куда-то в переднюю часть иррациональной плавучей плоскости.

Появившийся после этого ярко-красный диск деловито облетел оставшуюся без присмотра машину времени, издал мелодичный звон и быстро-быстро полетел вслед за ее хозяином, намереваясь, очевидно, зарегистрировать и его. Это, безусловно, должно было добавить ему новых ярких впечатлений.

Новоприбывшего, посовещавшись, решили пока предоставить самому себе — неизвестно было, как на столь эмоционального человека, только что испытавшего колоссальные психологические перегрузки, подействуют попытки немедленно вступить с ним в общение. Рано или поздно он все равно должен был потянуться к себе подобным, а деваться отсюда было некуда. Однако новоприбывший все не спешил тянуться.

— Стоит на месте, уставился на «Санта-Марию» и, похоже, все говорит сам с собой без умолку, — сообщил осторожно выглянувший из-за французского шара, чтобы посмотреть, что делает новичок, Майкл Морган. — Потому что жестикулирует без остановки. Сдается мне, в этом человеке течет южная кровь!

Три китайца, кстати, тоже весь этот день держались особняком. Судя по всему, они уже поняли то, что можно было понять, и смирились с тем, что понять было нельзя, но обсуждать ситуацию предпочитали между собой, хотя от общения не отказывались, изъясняясь на ужасающем английском языке. Когда их спрашивали о чем-нибудь, они отвечали, иногда сами задавали вопросы, а выслушав ответ, принимались между собой обмениваться мнениями на китайском.

Но почти все время китайские ученые проводили, сидя в нижней части своей машины времени и созерцая плывущие неподалеку испанские каравеллы. Иногда извлекали откуда-то коробочки с какой-то едой и начинали ловко орудовать палочками.

Сам Николай Леонидович вместе с Василием из-за переживаний и необыкновенных впечатлений вот уже второй день к еде вообще не притрагивался; лишь иногда ученый и его ассистент делали по глотку «Новотерской». Но к вечеру второго дня пребывания на плоскости природа взяла свое: проголодавшись, Николай Леонидович открыл холодильник.

Как и где питаются остальные путешественники по времени, если не считать китайцев, подметить он не успел. Теперь же, разглядывая полки, забитые продуктами, Николай Леонидович вдруг понял, что это было бы ему любопытно: к кулинарии во всех ее проявлениях он всегда был неравнодушен. Поймав себя на такой мысли, Николай Леонидович признал: она лишний раз свидетельствует, что к необыкновенным условиям, в которых оказался, он уже в значительной мере адаптировался. О том же говорит пробудившийся аппетит, отсутствием которого ученый обычно не страдал.

Скорее всего французы трапезничали внутри своего шара, у американца Хью машина времени тоже была достаточно вместительной для запаса продуктов, как и у итальянца Манчини.

С новозеландцами, носившими свои машины времени на запястьях, было сложнее. Вполне возможно, они питались какими-нибудь таблетками, которые умещались в карманах. Если так, налицо была технология далекого будущего, преждевременные знания, на счет чего действовало Соглашение, и об этом Фергюссон и Морган скорее всего будут помалкивать.

Доставая из холодильника упаковку с замороженными котлетами по-киевски (для готовки машина времени, естественно, была оснащена микроволновкой) и деликатесное филе селедки, исследователь размышлял о том, не сочтут ли собравшиеся на плоскости потомки столь же преждевременными для него, человека XXI века, знаниями рацион американца из 2132 года или французские рецепты 2196 года? Уж такие-то вещи держать в секрете, несмотря на Соглашение, было бы чересчур! Хотя вопрос был неоднозначным.

Потом Николай Леонидович отбросил все эти размышления прочь и решил, что сам он, по-товарищески, сейчас же пригласит всю компанию отужинать вместе с ним и Василием. В конце концов им-то скрывать что-либо от далеких потомков незачем.

Ученый усмехнулся. Вот уж где и речи не может быть о преждевременных знаниях, которые могут привести к необратимым последствиям! Все, связанное с ним, Николаем Леонидовичем Коровушкиным, и ассистентом Василием в том числе, напри-

мер, котлеты по-киевски и деликатесное филе селедки, произведенное совместным предприятием «Санта Бремор», для всех присутствующих здесь уже история...

От мысли о совместном ужине на душе у Николая Леонидовича сразу потеплело. Из неприкосновенного запаса исследователь извлек бутылку «Посольской», потом вторую. Секунду подумав, вторую пока убрал, решив, что достать ее, холодную, можно будет в любой момент.

Солнце уже почти скрылось в Атлантическом океане — как раз в той стороне, куда держали путь каравеллы Колумба. На корме «Санта-Марии» появился огонек — это вахтенный зажег масляный фонарь. Такие же огоньки зажглись на идущих следом «Пинте» и «Нинье». Каравеллы с наполненными ветром парусами, едва освещенные призрачным светом бесчисленных звезд, бесшумными тенями скользили по легкой волне к великому открытию, которое ожидало дона Кристобаля Колона, как испанцы называли Христофора Колумба.

А Николай Леонидович Коровушкин, которого далекие потомки, он уже знал, будут почитать, как одного из крупнейших ученых XXI века (правда, за что именно неведомо), вскрывал упаковку с пластиковыми тарелками, собираясь как раз для этих потомков сервировать неприхотливый походный ужин. Даже более чем неприхотливый, потому что банкетных столов и стульев он в путешествие по времени не догадался захватить.

Ассистент Василий, наблюдая за занятием Коровушкина, изрек сентенцию:

— Шеф, это просто сюрреализм какой-то! Кафка отдыхает! Дружеский ужин с людьми из нашего будущего! А поужинать, кстати, давно пора.

Китайские ученые от приглашения отказались с церемонной, истинно китайской вежливостью. Видимо, в этот вечер не испытывали никакой потребности в общении, а хотели побыть в своем узком кругу.

Ну а все остальные не заставили себя ждать. Причем Франсуаза Вильнев и Мари Куше вышли из французского шара в платьях диковинного покроя, которые в конце XXII века скорее всего считались вечерними. Это неопровержимо доказывало,

что француженки остаются француженками, даже путешествуя в машинах времени.

Разглядывая нижний край платья Мари, обрезанный причудливой волной, ассистент Василий застыл столбом. Толкнув его в бок локтем, Николай Леонидович пригласил всех к столу:

— Прошу присаживаться!

Подавая пример, он первым опустился на серебристую плоскость, поджав по себя ноги, словно татарский хан.

Мари грациозно опустилась рядом с Василием, томно повела взглядом вокруг себя и оживилась, найдя глазами музыкальный щипковый инструмент. Похоже, путешественнице по времени тоже довелось поработать в загадочном научном центре, который назывался Лапидовилем, потому что и ей был знаком русский язык:

— О, да ведь это же...

— Гитара, — смущенно подсказал Василий.

— Гитара, конечно, как я забывать! Старинный инструмент! Вы брать с собой даже в путешествие по времени гитара, — молвила Мари и погрозила Василию пальчиком. — Чтобы петь романсы под балконами прошлых веков? Вы романтик, которого не починить. Точнее не исправить.

Ассистент Коровушкина смутился еще больше.

Новозеландец Пит Фергюссон сразу же нашел для себя другой предмет интереса.

— Ого, — восхитился он тоном знатока-антиквара, взяв руки бутылку «Посольской». — Этикетка на вид старинная! Очень старинная!

— Дай взглянуть! — откликнулся Морган. — Чего же ты хочешь! Для нас этой бутылке три с лишним века.

Новозеландцы замолчали, переглянулись, и, возможно, оба подумали, что имеет место удивительный парадокс. Бутылке триста с лишним лет, этикетка на ней старинная, и тем не менее, и бутылка, и этикетка новенькие, да и на содержимом бутылки прошедшие века явно никак не сказались.

Николай Леонидович поддержал разговор:

— Вековой пыли на бутылке нет.

Он взял «Посольскую» из рук Моргана и разлил по пластиковым стаканам.

— Вы хотя бы знаете в своем далеком будущем, что такое водка? — спросил Николай Леонидович полушутя-полусерьезно. — Или для вас это уже реликт, легенда?

— Конечно, знаем, Ник! — ответил Фергюссон. — Лучшая водка у нас, это...

Он не договорил. Наверное, снова вспомнил о Соглашении.

Николай Леонидович поднял стакан, понимая, что на правах хозяина должен произнести первый тост, но подходящие слова никак не шли на ум. Вообще-то у них в лаборатории, в узком кругу, первым тостом на всех застольях были шутливые слова — «со свиданьицем!», но в данных сюрреалистических условиях они прозвучали бы, конечно, нелепо и двусмысленно.

— Тосты в ваших веках еще говорят? — поинтересовался ученый на всякий случай.

Неожиданно ответила французская исследовательница Франсуаза Вильнев. Причем по-русски — очевидно, и она прошла через таинственный Лапидовиль.

— Тосты обязательно говорить. Добрые слова соединяют людей.

Николай Леонидович наконец нашелся.

— За истинную науку, которой не страшны ни пространство, ни время! И за отважных людей, готовых их преодолевать!

— Прекрасные слова, — сказала Франсуаза, — браво, Николя!

Выпили все. Николай Леонидович с удовольствием отметил, что и филе селедки совместного предприятия «Санта Бремор» пришлось далеким потомкам по вкусу. Поинтересовавшись из научной любознательности датой изготовления, Пьер Дюма воскликнул:

— О-ля-ля! Полтора века прошло!

— Три с лишним века, — поправил его Пит Фергюссон.

Николай Леонидович налил по второй. Но после этого бутылка опустела — все-таки она была одна, а за товарищеским ужином собрались одиннадцать отважных ученых, готовых пре-

одолевать пространство и время. И не только готовых, подумал Николай Леонидович, на душе у которого успело потеплеть, но уже преодолевающих. В преодолении случилась, правда, какая-то необъяснимая накладка, но все обязательно должно было кончиться хорошо.

И сразу же на ум пришел новый тост.

— За Христофора Колумба! — провозгласил Николай Леонидович. — За человека, благодаря которому мы встретились.

После второй на душе у Николая Леонидовича еще больше потеплело. У потомков, как более-менее близких, так и более далеких, явно тоже.

Пьер Дюма подцепил пластиковой вилкой очередной кусочек селедки, съел, прикрыл от удовольствия глаза, открыл и зачем-то посмотрел на Роже Лемерсье. Тот кивнул. Пьер извинился, встал, исчез на мгновение в своем серебристом шаре и сейчас же появился вновь, держа в каждой руке по пузатой бутылке.

— Наше французское шампанское, — объявил он. — Очень старое, 2172 года.

Пьер сел на место, но теперь поднялся итальянец. Извинившись, он тоже отлучился к своей машине времени, чтобы вернуться с двумя большими бутылками мартини.

— Вижу, — констатировал Николай Леонидович, в свою очередь поднимаясь, — шампанское и мартини в будущем не перевелось.

Вернулся он тоже с двумя бутылками холодной «Посольской». Стаканы наполнились вновь, а потом еще и еще. И все-таки какая-то скованность в разговоре явно чувствовалась, каждый, помня о Соглашении, боялся сказать что-нибудь лишнее. Иногда это приводило к трагикомическим ситуациям.

Так, например, когда Николай Леонидович задал невинный вопрос, стоит ли по-прежнему в самом конце XXII века в городе Париже, который он очень любил и не раз там бывал, Эйфелева башня, французы Дюма и Лемерсье, прежде чем ответить, шепотом о чем-то посовещались. Потом Лемерсье кивнул, и Дюма ответил:

— Стоит, Николя!

Такой ответ вызвал у американца Хью саркастическую усмешку.

— Эй, господа французы! Вы уж совсем, как дети! Словно в солдатики играете! Вот так секрет, стоит или не стоит ваша хваленая Эйфелева башня? Какое это может иметь значение для судеб мира?

Лемерсье обиделся.

— То, что ваша хваленая статуя Свободы уже обрушилась, для судеб мира уж точно никакого значения не имело, — сказал он сухо.

Американец оторопел.

— Как это обрушилась?! Когда?!

— Совсем недавно, — злорадно ответил Лемерсье. — В 2192 году.

Утешая американца, в разговор вступил новозеландец Фергюссон:

— Эй, Хью! Не переживай! Наши французы еще не знают, что через какое-то время статую Свободы восстановили. Это же исторический факт! В 20-х годах прошлого века. Для нас, конечно, прошлого. Для тебя — будущего. Так что все в порядке!

Возникшую было неловкую ситуацию окончательно разрядил Николай Леонидович, очень кстати вдруг припомнивший, что так и не знает, в какой именно день плавания Колумба он попал. На «Санта-Марии» они с Василием были вчера, а сегодня...

— Сегодня у нас тут 15 сентября 1492 года, — ответила на его вопрос исследовательница Франсуаза Вильнев.

— 15 сентября, — задумчиво молвил Николай Леонидович, бросив взгляд в ту сторону, где в свете звезд едва были видны силуэты каравелл. — Значит, Колумб уже побывал на Канарских островах, отремонтировал там «Пинту», давшую течь, и теперь, — он быстро подсчитал в уме, — уже девятый день плывет в океане. И мы вместе с ним. Скоро увидим Саргассово море.

Хронологию первой экспедиции Колумба, как она описывалась в исторических источниках, Николай Леонидович знал, разумеется, по дням, если не по часам. Все остальные путешественники по времени, естественно тоже.

И вот теперь наконец-то завязался общий оживленный разговор безо всяких оглядок на Соглашение, потому что речь зашла о давно минувших временах — о Колумбе, загадках, связанных с его экспедицией, и различных теориях, которые объясняли, почему Колумб был так уверен, что обязательно найдет за Атлантическим океаном большую землю. А эти теории стали появляться, начиная уже с XVI века. Интерес к ним то исчезал, то оживал снова, но, в общем, они всегда волновали любознательное человечество.

Американец Хью оказался убежденным сторонником теории, что первыми дорогу в Новый Свет проложили за двадцать лет до Колумба английские купцы из Бристоля, возившие в Северную Америку самое дешевое вино, к которому приучили непривередливых индейцев, и обменивали его на золото.

Свое открытие, боясь конкурентов, англичане держали в секрете. Но Колумб, побывав в 1477 году в Бристоле, мог все-таки о нем узнать от английского мореплавателя Джона Кабота, который на самом деле был Джованни Кабото, итальянцем по происхождению, родившимся в той же Генуе, что и сам Колумб.

Новозеландцы были склонны верить испанскому монаху-францисканцу Бартоломео де Лас Касасу, оставившему ряд трудов по истории и этнографии Центральной и Южной Америки. В одном из них, уже в 40-х годах XVI века, монах-историк прямо обмолвился, что сведения о неведомой земле за океаном Колумб получил от некоего безвестного штурмана, который сбился с курса, был унесен к неведомой земле, но сумел-таки вернуться на остров Мадейру, где как раз в это время находился Кристобаль Колон.

Французы склонялись к предположению, что, будучи в Бристоле, Колумб совершил плавание в Исландию, где и узнал о плаваниях в Северную Америку викингов, проложивших туда дорогу за пятьсот лет до великого адмирала.

К сожалению, наблюдая за каравеллами Колумба издали, с этой плавучей плоскости, узнать, есть ли у мореплавателя какая-то секретная карта, конечно, не удастся. На этом сходились все, и это всех огорчало. И все же даже наблюдения издали, ко-

нечно, тоже были бесценными для науки. Продолжать их надо было обязательно, несмотря на иррациональность всего, что произошло с путешественниками во времени, и неизвестность, ожидающую впереди. В этом тоже сходились все, хотя и отмечали, что все происходившее на каравеллах Колумба кажется довольно скучным.

Василий разогрел в микроволновке котлеты по-киевски. Бутылки постепенно пустели, потому что разговор о Колумбе нередко прерывался тостами. Николай Леонидович еще раз отлучился к своему холодильнику. Итальянец Манчини залезал в свою машину времени дважды.

Тосты провозглашались за каравеллу «Санта-Марию», за каравеллу «Пинту», за каравеллу «Нинью», за английского мореплавателя Джона Кабота, итальянца по происхождению и земляка Колумба, за отважных викингов, за Новый Свет, за Саргассово море, за остров Сан-Сальвадор в Багамском архипелаге, первую землю в Новом Свете, на которую суждено было высадиться Колумбу...

И наконец пришла минута, когда ассистент Василий взялся за музыкальный щипковый инструмент и запел.

Над Атлантическим океаном висели звезды. Наполненные ветром, шумели паруса каравелл, несущихся к Саргассовому морю. А рядом с ними над океаном летела песня, написанная российским бардом XX века, которую никто на каравеллах, конечно, не слышал, но которая вполне соответствовала ситуации:

Мы говорим не штормы, а шторма,
Слова выходят коротки и смачны.
Ветра, не ветры, сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

На иррациональной плавучей плоскости неподалеку от каравелл и предки, и потомки, пусть даже не все понимали слова, притихли. Мари Куше положила на плечо Василия руку...

И тут рядом с компанией появился еще один человек — тот самый новоприбывший путешественник по времени, который несколько часов так и простоял в потрясении и одиночестве где-то на носу плавучей плоскости.

— Кто вы? — хриплым голосом спросил он по-английски. — Где я?

Николай Леонидович налил в стакан водки и протянул незнакомцу. Это было лучшее, что он мог сделать в этот момент. Человек залпом осушил стакан. Дождавшись этого, Николай Леонидович ответил вопросом на вопрос:

— А вы кто?

— Мальтиец, — хрипло молвил незнакомец.

— Какой еще мальтиец? — удивился Николай Леонидович, обращаясь, скорее, ко всем остальным. — Если он с Мальты, так откуда машина времени? На Мальте никакой науки сроду не было.

Пит Фергюссон кашлянул.

— Тут, Ник, вы не правы, — сказал он. — Остров Мальта теперь у нас... В общем, поверьте, что машину времени там построить вполне могли.

Мальтиец, вертя в руках пустой стакан, уставился на новозеландца.

— Откуда вы знаете о моей машине времени? — выдавил он из себя.

Николай Леонидович взял у него стакан и налил еще. Мальтиец залпом выпил, поморщился и пробормотал что-то на неизвестном языке. Но теперь было ясно, что это мальтийский язык, которого лингвистический синхронизатор не знал...

-- Вы присаживайтесь, — мягко сказал мальтийцу на правах хозяина Николай Леонидович Коровушкин. — Вам надо много понять и ко многому привыкнуть. Это будет не просто, но вот мы уже сумели понять и привыкнуть.

6

Утро 16 сентября 1492 года выдалось чудесным. Позади иррациональной плавучей плоскости, идущей, как и каравеллы, точно на запад, поднималось солнце, небо было безоблачным, вода спокойной. Остро пахло океаном — едкой солью, водорослями и еще какой-то неуловимой субстанцией, которой никто на свете так и не нашел исчерпывающе точного определения.

Удивительным образом невидимая твердая преграда, окружавшая плоскость, защищала ее от волн, но пропускала запахи и звуки.

Пропускала она и попутный ветер. Он оказался довольно сильным, хотя почти не поднимал волн, а вместе с тем теплым.

Николай Леонидович Коровушкин стоял на носу иррациональной плоскости, рядом с бочкообразной машиной времени американца Хью, с удовольствием вдыхал воздух Атлантического океана и смотрел на плывущие в воде большие пучки зеленой травы, словно сорванной на каком-то сочном лугу.

— Саргассово море начинается, — сказал ученый ассистенту Василию. — Я его и раньше видел, но только сверху, из самолета, когда летал в Нью-Йорк на симпозиумы.

— Вы, шеф, видели его не раньше, а много-много позже, — поправил Василий.

— Ну конечно, позже, — согласился Николай Леонидович. — На пять с лишним веков.

В американской машине времени образца 2132 года отворилась узкая дверца, явно рассчитанная лишь на такого худощавого человека, каким и был Хью. Показался американец, похожий на Дон Кихота. Поздоровавшись с Николаем Леонидовичем и Василием, он бросил взгляд на «Санта-Марию», идущую поблизости на всех парусах, на «Нинью» и «Пинту», резво следующие за ней, и тоже стал смотреть на зеленую траву, покачивающуюся на воде.

— Вот и Саргассово море, как и следовало ожидать, — молвил Хью уныло. — Мне случалось плавать по нему на своей яхте.

Секунду помолчав, он добавил с досадой:

— А теперь я, черт знает на чем, по нему плыву! И чем все это закончится, тоже черт его знает. Я имею в виду, конечно, не Колумба, который, безусловно, откроет Америку, а всех нас.

После таких слов Николай Леонидович вдруг осознал, что утро, пожалуй, на самом деле не столь уж чудесное. Полная неопределенность с будущими перспективами не внушала большого оптимизма. Хотя вчерашний вечер с потомками, далекими и не очень далекими, конечно, удался на славу...

— Вот уже который день смотрю на эти чертовы каравеллы, — продолжал между тем Хью, — потому что надо же себя хоть чем-то занять, и, знаете, тоже до черта уже надоело! Не мог даже предположить, когда сюда отправлялся, что так будет! И вам тоже очень скоро надоест, вот увидите! Оказывается, ничего особо интересного, всего лишь живая иллюстрация к учебнику истории!

— Да, пожалуй, в общем, — согласился с таким мнением Николай Леонидович и перевел взгляд на флотилию Колумба.

Ясно было, что на каравеллах пучки травы в океане тоже уже заметили. Несколько раз матросы подцепляли их баграми и поднимали на палубы. Зеленую добычу рассматривали, оживленно обмениваясь репликами и жестикулируя. Наконец, на высокой корме «Санта-Марии» появился высокий человек, на которого сейчас же обратились взгляды всех остальных моряков. По крутому трапу человек спустился на палубу, взял у какого-то матроса зеленый пучок, рассмотрел его, протянул руку вперед, по ходу движения каравеллы, что-то сказал.

— Колумб утверждает, что эти водоросли — явный признак близкой земли, — зевнув, прокомментировал такую мизансцену Хью. — Сейчас он убедит всех, что еще немного, и впереди появится берег, благо ветер попутный. — Тут Хью слегка оживился: — Ого, вон тунец мелькнул! А вот еще один! Дальше будет еще больше! Я знаю, я сам их в Саргассовом море ловил, когда плавал на своей яхте.

— Однако Колумб очень сильно ошибается, — подхватил начальную часть его высказывания Николай Леонидович. — Через несколько дней ветер стихнет, и наступит штиль. Матросы начнут роптать. Если, конечно, все было именно так, как сообщают исторические источники.

— Так все и будет, кто бы сомневался, — молвил Хью. — А пока я, пожалуй, посплю еще немного.

И американец скрылся в своей машине времени.

Следующие дни подтвердили, что Хью был полностью прав. Ветер постепенно стихал. 21 сентября 1492 года утреннее солнце осветило удивительную картину: казалось, какая-то неведомая сила выбросила три каравеллы на бескрайний

зеленый луг, во все стороны уходящий к горизонту. Паруса безжизненно обвисли, каравеллы едва ли не стояли на месте. Точно так же почти до нуля упала скорость плавучей плоскости. Наступал штиль.

Николай Леонидович провел эти дни, расхаживая по правому борту плавучей плоскости и наблюдая, без особого воодушевления, за всем происходящим на каравеллах. Компанию Коровушкину в основном составляли мальтиец и итальянец Джованни Манчини. Китайцы тоже взирали на каравеллы, но не выходя из своей машины времени. Старожилы плоскости относились к историческому плаванию Христофора Колумба совсем уж равнодушно.

Нельзя было, правда, не признать, что в действии, разворачивающемся на каравеллах, было довольно мало динамизма. Хотя даже на расстоянии можно было понять, что настроение моряков-испанцев заметно менялось к худшему.

Когда каравеллы только-только вошли в Саргассово море, оно оказалось полным огромных рыб, которых американец Хью назвал тунцами. Матросы с удовольствием их ловили и жарили на жаровнях. С каравелл доносился веселый смех. Теперь же, оказавшись во время штиля посреди необыкновенного моря, матросы явно приуныли, они собирались на палубах небольшими группками, о чем-то переговариваясь.

Разговоры смолкали, когда на высокой корме каравеллы — Николай Леонидович знал, что по-морскому она называлась шканцами — появлялся Колумб. Великий адмирал отдавал приказ измерить глубину, матросы бросали за борт лот — канат со свинцовым грузом на конце. По тому, что канат разворачивался до конца, ясно было, что лот не доставал дна.

Дождавшись результата промера, великий адмирал говорил что-то матросам, поднимался на шканцы и скрывался в своей каюте, чтобы через несколько часов снова появиться и отдать приказ еще раз промерить дно.

По всем признакам было видно, что недовольство матросов очень быстро растет. Это вполне соответствовало историческим источникам, из которых следовало, что матросов пугало необыкновенное море, сплошь покрытое травой, пу-

гал штиль. Многим матросам казалось, что каравеллам теперь суждено оставаться на одном месте, пока не истлеют их паруса, а дерево не источат морские черви, а сами моряки к этому времени уже давным-давно умрут от голода и жажды.

Разговоры на палубах каравелл становились все громче, хотя отдельных слов нельзя было разобрать, а взгляды, обращенные на шканцы, все угрюмее. Сам Колумб во время штиля появлялся на них не часто.

Николай Леонидович подметил, что мальтийский изобретатель машины времени тоже мрачнеет день от дня вместе матросами Христофора Колумба.

— Вот и мы сейчас вроде них, — однажды молвил мальтиец, глядя на «Санта-Марию», — как и они не знаем своей судьбы.

— Они скоро откроют Новый Свет, — ответил Николай Леонидович, стараясь, чтобы голос прозвучал твердо.

— Это мы про них знаем, что они откроют, а они сами нет, — угрюмо возразил мальтиец. — А про нас самих хоть кто-нибудь знает?

— Должно же все это и для нас чем-нибудь кончиться, — сказал Николай Леонидович неуверенно. — Если так все случилось, должен же быть в этом какой-то смысл!

Еще через два дня, вновь в соответствии с историческими хрониками, задул сначала слабый, но быстро набирающий силу восточный ветер. Каравеллы двинулись дальше к западу, а вместе с ними синхронно стала набирать ход плавучая плоскость. И на ней тоже продолжалась своя жизнь, уже почти переставшая быть для Николая Леонидовича удивительной. Население плоскости продолжало увеличиваться — появлялись новые машины времени, которых та же неведомая сила переносила сюда с борта «Санта-Марии».

Однако одна из машин, построенная голландцем Йоханом ван Боммелем из Роттердама, явилась для Николая Леонидовича настоящим потрясением. Потому что голландец, оказывается, построил свою машину еще в 1999 году, то есть в самом конце XX века, опередив, правда, ненамного, самого Николая Леонидовича.

Вот это было уже ни в какие ворота! Ведь до появления ван Боммеля Николай Леонидович, несмотря на всю катавасию с изобретением машины времени, был непоколебимо уверен, что первым, кто ее сконструировал, был, конечно, он сам, пусть по необъяснимой причине о его приоритете забыли. Поэтому над всеми последующими изобретателями Николай Леонидович в глубине души ощущал определенное моральное превосходство, хотя этого, конечно, не показывал.

И вот объявился человек, построивший машину времени еще раньше, и Н.Л. Коровушкин увы, стал лишь одним из многих последующих ее изобретателей.

Теперь пришел черед самому Николаю Леонидовичу испытать ни с чем не сравнимое удивление: как это могло быть, что ни он, ни современный ему мир, ничего не знали о Йохане ван Боммеле?! Потрясен, естественно, был и сам голландец, утверждавший, что в 1999 году о его великом изобретении писали газеты всего мира, а сам он не сходил с экранов телевизоров.

В конце концов Николай Леонидович смирился с тем, что ван Боммель его опередил. Да и что еще ему оставалось? А голландец смирился со всем остальным.

Другие новоприбывшие машины времени были из разных времен, но изобретены позже, чем машина Николая Леонидовича. Одна из них, похожая на большой диван, как выяснилось, прибыла аж из 2656 года, и из страны, о которой все предшествующие путешественники по времени вообще ничего не знали. Экипаж машины, на этот раз многочисленный, из пяти человек, изъяснялся на очень странном языке. Лингвистический синхронизатор иной раз угадывал в нем слова и обороты из исландского, норвежского и португальского языков.

И держались эти пятеро, когда прошли обычный путь адаптации на плавучей плоскости, крайне обособленно, не то что симпатичный и общительный голландец ван Боммель.

Вот с ним Николай Леонидович, можно даже сказать, подружился, причем очень быстро, и общался с голландцем куда больше, чем со всеми остальными. Наверное, особой привязанности способствовало то, что обоих разделял не слишком большой временной интервал. Конечно, о Соглашении Николай Ле-

онидович не забывал, раз жил позже голландца, но все равно тем для разговоров находилось немало. Самому же ван Боммелю и вовсе не было необходимости что-либо скрывать, раз он жил в 1999 году и был для Николая Леонидовича уже историей, хотя и близкой.

Правда, о принципе действия своей машины времени ван Боммель рассказывать не стал, раз Николай Леонидович умалчивал о своей. Хотя ван Боммель все же оговорился, что поначалу попал не на «Санта-Марию», как собирался, и даже не в Испанию, а в Лиссабон 1492 года, но потом сумел исправить оплошность. В ответ Николай Леонидович тоже великодушно признался, что и у него случились кое-какие недоразумения с блоком переноса.

В основном же беседы велись о голландской живописи, об Амстердаме и Делфте, в которых Николаю Леонидовичу доводилось бывать, об Антони ван Левенгуке, великом голландском изобретателе микроскопа, о ветряных мельницах, каналах, пронизывающих всю Голландию, русском царе Петре, который учился в Голландии морскому делу, и о голландском писателе Эдуарде Дауэсе Деккере, известном под псевдонимом Мультатули. Эти разговоры помогали коротать время, и вдобавок и Николай Леонидович, и ван Боммель, осознавали, что беседы вносят в сюрреалистическое существование на этой абсурдной плавучей плоскости, взявшейся неизвестно откуда, хоть какую-то рациональную материю.

Саргассово море между тем закончилось, испанские каравеллы снова вышли на чистую воду, продолжая западный курс. Сентябрь 1492 года подходил к концу.

Теперь путешественников по времени собралось столько, что прежнего единения уже не могло быть. Образовались и продолжали образовываться, как это всегда бывает в больших коллективах, различные группки — или по национальным признакам, или по близости времен. Чем меньше был временной промежуток, как например у Николая Леонидовича с ван Боммелем, тем легче сходились люди. Чем больше, тем труднее.

Однако ученый стал вдруг подмечать, что ассистент Василий, захватив старинный музыкальный щипковый инструмент,

все чаще стал проводить вечера в обществе Мари Куше, очаровательной французской исследовательницы из 2196 года. Из-за какой-нибудь отдаленной машины времени, которые теперь прямо-таки теснились на плавучей плоскости, доносились аккорды и слова песен. Мари тоже пела под аккомпанемент Василия какие-то свои французские песни.

В конце концов Николай Леонидович, по праву шефа и старшего товарища, решил даже сделать ассистенту внушение.

— Ты, Василий, смотри, не увлекайся! — молвил он строго. — Она старше тебя на два века! Не забывай об этом! И вообще...

— О чем это вы, шеф? — удивился Василий, но почему-то, однако, отвел глаза в сторону.

— Сам знаешь о чем! — строго сказал Николай Леонидович. — О том, что на гитаре много играешь!

— Да что вы, шеф, — смущенно ответил Василий и зачем-то вдруг добавил: — У меня девушка в Москве! А тут такая возможность поупражняться во французском языке. К тому же Мари не два века старше, а поменьше...

— Смотри! — значительно повторил Николай Леонидович и перевел разговор на другую тему. — Ужинать пора! Сходи позови ван Боммеля.

В следующее утро небо обложили черные тучи, казалось, все вокруг насыщено электричеством, хотя пока лишь где-то далеко впереди, у самого горизонта, иногда вспыхивали зигзаги молний. Теперь почти все путешественники по времени собрались на носу плоскости, глядя на горизонт. Должно быть, все, как и сам Николай Леонидович, вдруг ощутили неясную тревогу, которая была словно разлита в воздухе.

Тревожное ожидание царило и на каравеллах, моряки готовились к урагану. На шканцах «Санта-Марии» появился Колумб, отдал какой-то приказ. Матросы начали сворачивать паруса. Но двигались моряки как-то нехотя.

В этот момент у Николая Леонидовича к чувству тревоги вдруг добавилось острое предчувствие: развязка необыкновенного путешествия на плавучей плоскости, возможно, уже близка. До Нового Света оставалось лишь несколько дней пути. А что будет дальше?

Сам Колумб, открыв остров Сан-Сальвадор в Багамском архипелаге, первую землю в Новом Свете, должен был затем обследовать несколько соседних островов и двинуться дальше, чтобы открыть Кубу и Гаити. Неужели и дальше эта плавучая плоскость будет идти вслед за каравеллами великого адмирала?

Но от таких мыслей Николая Леонидовича отвлекли бурные события, разворачивающиеся на «Санта-Марии»: на каравелле наконец-то вспыхнул бунт, о котором дружно сообщали все исторические хроники, — матросы хотели принудить Колумба повернуть назад. Правда, на деле бунт, как оказалось, продолжался совсем недолго, да и был каким-то совсем несерьезным.

Один из матросов вдруг бросил канат и стал бурно жестикулировать, показывая то вперед по курсу «Санта-Марии», то назад, на шкафут, где стоял Колумб в окружении нескольких офицеров. Видимо, это был призыв, оказавшийся последней каплей. Мгновение спустя толпа матросов ринулась к трапу, чтобы подняться на корму. Офицеры обнажили шпаги, один из них плашмя ударил лезвием первого из матросов, поднявшегося на шкафут.

Но тут же, словно только этого и дожидаясь, черное небо пролилось потоком воды, высокая волна подняла корму каравеллы, а нос «Санта-Марии» едва не скрылся под другой волной. Бросившись к румпелю, Колумб выровнял судно, что-то крикнул матросам, и те поспешно вернулись на палубу, чтобы с лихорадочной быстротой убирать паруса.

В мгновение ока океан разбушевался не на шутку. Три каравеллы с огромной скоростью неслись вперед, то взлетая на волнах, то проваливаясь в бездну. Словно сам Бог морей пришел на помощь Колумбу, чтобы погасить бунт, едва начавшийся, и приструнить мятежников. Однако и самому великому адмиралу тоже пришлось испытать на себе крутой нрав божества.

Зато над плавучей плоскостью гнев Бога морей оказался не властным. Удивительным образом она продолжала двигаться рядом с каравеллами столь же ровно, как и всегда, не испытывая ни малейшей качки. Иной раз волны поднимались выше нее,

но на саму плоскость не попадало ни капли, хотя на ней стало ощутимо прохладнее.

Шторм продолжался всю ночь и весь следующий день. Теперь уже сам океан с огромной скоростью нес каравеллы, на которых были убраны все паруса, на запад. А на третье утро океан снова был спокоен, и над тремя каравеллами засияло солнце. Только теперь почему-то впереди шла «Пинта», а «Санта-Мария» следовала за ней, немного опережая третью каравеллу — «Нинью».

В ночь на 12 октября 1492 года на плавучей плоскости никто не спал, открытие Америки неумолимо приближалось, а уж такой-то момент пропускать никому не хотелось. Очень ярко светила луна, освещая спокойную гладь океана, хорошо было видно, как расхаживает по шкафуту «Санта-Марии» Колумб. В эту ночь, словно предчувствуя свое великое открытие, великий адмирал тоже не ложился.

Каравеллы Колумба все ближе подходили к острову Сан-Сальвадор, но сам глава экспедиции этого еще не знал. Путешественники по времени знали и ждали, когда с мачты «Пинты» матрос по имени Родриго де Триана крикнет во весь голос: «Земля!»

На самой плавучей плоскости, между тем, в это время творилось нечто совсем уже невероятное: машины времени самых разных эпох и стран стали теперь появляться едва ли не поминутно.

В этом хаосе уже ничего нельзя было понять. Над плоскостью метался ярко-красный диск, описывая замысловатые траектории, облетая то одну новую машину времени, то другую. Растерянные голоса новоприбывших слились в сплошной непрерывный гул, но старожилы, увлеченные приближающимся открытием Америки, не обращали на новичков никакого внимания. В какой-то момент Николаю Леонидовичу показалось, что рядом с ним в толпе новичков вдруг промелькнуло и сейчас же исчезло удивительно знакомое лицо, которое он не раз видел на портретах, но кто это, он вспомнил лишь в тот самый момент, когда на «Пинте» вдруг ударил пушечный выстрел. Это

означало только одно: Родриго де Триана уже выкрикнул свое знаменитое слово — «земля!».

А сам Николай Леонидович в этот момент наконец сообразил и растерянно вымолвил:

— Эдисон! Томас Эдисон!

Поверить в то, что великий изобретатель тоже, оказывается, умудрился построить машину времени, о которой все последующие поколения опять-таки по необъяснимой причине забыли, Николай Леонидович не мог: в его голове сразу же завертелся год рождения Эдисона, который запечатлелся в его памяти еще со времен студенчества — 1847 год. Это же был XIX век!

Но довести эту мысль до конца Николай Леонидович не успел: над океаном пролились лучи восходящего солнца, и в тот же момент впереди все увидели зеленую полоску — остров Сан-Сальвадор Багамского архипелага, первую землю Нового Света, который открыл Христофор Колумб.

Каравеллы великого адмирала, приспустив паруса, все ближе подходили к острову. Моряки на палубах ликовали.

А перед иррациональной плавучей плоскостью из воды вдруг поднялась полукруглая арка из неведомой субстанции, больше всего походившая на радугу, но в которой был только один цвет — красный; и плоскость медленно стала втягиваться в эту арку.

Стоявший рядом ван Боммель сжал руку Николая Леонидовича, словно тисками, но тот ничего не замечал. Как и все, кто был рядом, оторопев, он следил за тем, как, пройдя арку, плоскость метр за метров растворяется в воздухе вместе со всем, что на ней было — и теснившимися, словно на складе, машинами времени разных эпох и стран, и стоявшими на плоскости плотной толпой людьми.

Первой исчезла бочкообразная машина американца Хью, поглотив заодно целую группу стоявших на самом носу путешественников по времени. Оказавшиеся за ними, в испуге отступали, но им мешали те, что были сзади, а плоскость между тем ощутимо стала набирать ход.

Исчез серебристый шар французских путешественников по времени из 2196 года, так и не рассказавших Николаю Леони-

довичу, что это за будущий научный центр Лапидовиль. Пришел черед его собственной машины времени, но сам он в этот момент находился далеко позади нее и успел еще увидеть, как прошли арку и исчезли машины китайцев, итальянца Манчини, затем мальтийца...

И наконец плоскость пронесла сквозь красную арку самого Николая Леонидовича Коровушкина.

А в следующее мгновение ученый оказался в своей лаборатории, за письменным столом. В дальнем углу лаборатории ассистент Василий сидел за компьютером, углубившись в какие-то расчеты. Никаких следов машины времени в лаборатории не было, и Николай Леонидович никогда над ее изобретением не работал.

Неплохо, конечно, было бы побывать, например, при открытии Америки Колумбом или каких-нибудь иных важных исторических событиях, да и кто бы этого ни хотел, но пусть такие вымыслы сочиняют фантасты. Да и вообще подобные легковесные мысли посещали Николая Леонидовича крайне редко, а в последнее время голова его была занята совсем другими вещами.

Не так давно Николай Леонидович сформулировал важный постулат в области теоретической физики и получил за это престижную научную премию. Поневоле то и дело приходилось общаться с журналистами, несмотря на все прежние зароки. Вот и теперь по ту сторону стола сидела бойкая экстравагантная особа, и Николай Леонидович отвечал на ее вопросы. При этом брови ученого поднимались все выше, и он чувствовал, как в нем нарастает раздражение, потому что ясно было, что слова его падают в пустоту.

Когда журналистка задала очередной вопрос, ученый наконец не выдержал.

— Напомните, голубушка, как вас зовут? — попросил он вкрадчиво.

— Петрова Елена, — одаривая ученого очередной лучезарной улыбкой, отозвалась журналистка.

Николай Леонидович взорвался.

— Постарайтесь, Петрова Елена, никогда больше не попадаться мне на глаза! Это уже ни на что не похоже! Придти за интервью к ученому и не иметь ни малейшего представления даже об азах науки! Вот я позвоню вашему главному редактору!

Петрова Елена сначала ничего не поняла, потом не могла поверить, что уничтожающие слова ученого обращены именно к ней, но наконец вспыхнула, ударилась в слезы, подхватила сумочку и бросилась к двери.

— Представляю, что это за журнал такой — «Любознайка»! — говорил ей вслед Николай Леонидович. — И что это за главный редактор, который ее в этом журнале держит!

Где-то в глубинах Галактики в некий момент времени происходила беседа между двумя какими-то существами, разными по своему служебному положению.

— Ну докладывайте, — сказал руководитель Высшей Галактической Инспекции.

— Дело рядовое, — начал старший инспектор-исполнитель, — во вверенном мне секторе выявлен очередной случай научного достижения, способного принести цивилизации огромный вред. Речь идет о третьей по счету планете желтой звезды 87640387.

— Дальний конец вашего сектора, — вставил слово руководитель.

— Очень дальний, — согласился старший инспектор. — В данном случае тамошние туземцы открыли способ перемещения по оси времени. Сам по себе, конечно, он вполне очевиден и освоен многими цивилизациями. По необходимости применяется самой Высшей Инспекцией, что потребовалось и теперь.

— Продолжайте, — молвил руководитель.

— Но в данном случае я должен был принять меры, — продолжал старший инспектор. — Они вызваны тем, что данная цивилизация по типу развития, безусловно, относится к особому классу, которому подобное открытие, как и многие другие, полностью противопоказано. Нет никаких сомнений, что с его помощью туземцы непременно принялись бы перекраивать естественный ход развития своей истории, что привело бы к ката-

строфическим последствиям, поскольку наверняка попытки были множественными.

— Что, тамошние туземцы чрезмерно бойки? — поинтересовался руководитель.

— Не то слово! — в сердцах отозвался старший инспектор. — Знали бы вы, что они творят даже с самыми безвредными вроде бы открытиями!

— Тем не менее даже подобные формы разумной жизни имеют право на существование и развитие, пусть и под постоянным контролем, — задумчиво произнес руководитель. — С Кодексом не поспоришь.

— Не поспоришь, к сожалению! — вырвалось вдруг у старшего инспектора, но он тут же поправился: — То есть именно не поспоришь. Кодекс есть Кодекс!

Дальше старший инспектор заговорил строгими чеканными фразами:

— В полном соответствии с Кодексом и ничуть не выходя за рамки инструкций, исполняя свои обязанности и пользуясь всеми определенными Кодексом возможностями, я принял необходимые меры, чтобы спасти цивилизацию от хаоса.

— Ваша квалификация всем хорошо известна, — ободряюще молвил руководитель Высшей Галактической Инспекции. — Наверняка и на этот раз все было устроено наилучшим образом. Продолжайте!

Старший инспектор продолжал:

— На этой планете, знаете ли, есть временной период, который туземцы называют началом эпохи Великих географических открытий. Все началось с плавания туземца по имени Христофор Колумб.

Старший инспектор немного помедлил:

— Вот мне и пришлось позаботиться, чтобы названный Колумб получил информацию, будто бы некий другой мореплаватель, оставшийся неизвестным, незадолго до самого Колумба уже открыл огромную землю, лежащую на этой планете за океаном, который называется Атлантическим. Вследствие этого названный Колумб проявил огромную волю, чтобы организовать

экспедицию на поиски этой земли, точно зная курс, каким вес ти свои корабли.

— Да, это вполне естественно, — задумчиво протянул руко водитель.

— Должен особо подчеркнуть, — поспешно сказал старши инспектор, — что исторические события на данной планете никоим образом не опережал. Открытие материка за океаном впоследствии названного туземцами Новым Светом, было уж неизбежно. Однако плавание этого Колумба я превратил в сво еобразную ловушку для всех, кому суждено на этой планете разные эпохи постичь способ перемещения вдоль оси времени

Старший инспектор еще немного помедлил, ожидая реак ции руководителя. Тот пока молчал, но это молчание явно был благосклонным.

— Я исходил из того, что для туземцев данной планеты от крытие Нового Света стало одним из самых масштабных исто рических событий, — заговорил старший инспектор. — Оно сам по себе должно было привлечь любого, кому уже много посл него суждено было постичь способ перемещения по оси време ни. Вдобавок, связанные с открытием Америки некоторые ис торические загадки, о чем я тоже позаботился... Заметьте, реч идет об ученых, стремящихся к истине, а кто же еще способе сконструировать машину времени... на этой планете данно изобретение называется именно так... если не ученый. Словом в конце концов каждый изобретатель машины времени непре менно должен полюбопытствовать, как именно Колумб откры вал Америку, и оказаться на корабле Колумба. Иначе какой ж он ученый!

— Такая ловушка, конечно, должна работать, — задумчив протянул руководитель.

— Дальше, собственно, уже детали, — продолжал старши инспектор. — С корабля этого Колумба каждый из путешествен ников по времени немедленно попадает в устроенный мной пла вучий межвременной оазис, который сопровождает экспедици мореплавателя на всем ее протяжении. Сюда по мере поступле ния постепенно попадают машины времени всех эпох. Особен но много их собирается в самый момент открытия Нового Све

та, присутствовать при котором желает большинство создателей машин времени. Хотя некоторые предполагают сопровождать экспедицию с самого начала.

— Действительно бойкий народец, — проговорил руководитель.

— Среди деталей, разумеется, есть такая, — продолжал старший инспектор. — Как только любой создатель машины времени оказывается в плавучем оазисе, в его собственной эпохе об этом изобретении немедленно забывают. Механизм произведенного мной для этой цели воздействия, сами знаете, хорошо отработан. В результате чего машину времени изобретают затем заново, иногда многие десятилетия спустя. Словом, плавание этого Колумба собирает абсолютно все машины времени, изобретенные за всю историю этой цивилизации, начиная с самой первой и до последней.

— Все предельно ясно, старший инспектор! — одобрительно сказал руководитель. — Как только Колумб открывает этот свой Новый Свет, изобретатели возвращаются в свои эпохи, лишенные памяти о сути своего изобретения. Таким образом каждой из машин времени, изобретенных на этой планете, неминуемо суждено там исчезать, словно ее не было вовсе.

— В том-то и дело! — подхватил его слова старший инспектор. — И пусть даже до отправления на корабль Колумба изобретатель успел побывать в каком-то другом временном моменте и, допустим, умудрился изменить ход истории, все исправляется автоматически. Какое же изменение хода истории, если не было вызвавшей его машины времени!

— Великолепная работа, тонкая работа! — воскликнул руководитель. — Впрочем, как всегда!

— Все сконструированные туземцами машины времени, — договорил старший инспектор, — пронумерованные и классифицированные по порядку создания, отравляются в хранилище Высшей Инспекции, открытое для служебного доступа.

— Ну, разумеется, — заключил руководить Высшей Галактической Инспекции, — это уж как заведено. Еще раз повторяю: великолепная работа, поздравляю! А что еще происходит в вашем секторе?

Алексей Талан
ЛАЗЕРНЫЙ ВИХРЬ

I have a reason to stay here
There's a way to find a flame
Morgana — Can I Help You Baby

Глава 1

Ненавижу наивных и одержимых. Такие не щадят ничьи жизни, включая свои.

Расчерчиваю взведённый арбалет на две обугленные щепки и сквозь всклокоченную бороду пронзаю горло. Второй противник тянется за мечом. С трудом удержавшись от смертельного укола, безжалостно отсекаю руку.

За спиной раздался шум. Я врезал на звук ногой, а затем развернулся. Заготовленный для моей головы стул грохнул на самого нападавшего.

Парень не оставил мне выбора. Голова со светлыми волосами прикатилась к стене, а из разжатых пальцев вывалился парализатор.

Я могу иначе. Но не имею права.

— Я эмиссар, — чётко повторил я, переведя паспорт и метку эмиссара в широковещательный режим, и пробежал взглядом по жмущимся у входа людям. Притворяться обычным человеком больше не имело смысла. — Я пришёл с миром.

© Алексей Талан, 2008

Слова сказаны. Мне нет дела до этой провинции, просто я жду рейсовика три дня, а ведь даже эмиссарам становится скучно. Я проткнул ногтём с имплантированным микрошприцем предплечье ампутанта, впрыскивая гиперкаин. Мгновенно закатившего глаза биораннера поспешно усадили за стол местные парни с побледневшими лицами. Обхожу столы, поставленные в три ряда, и останавливаюсь у стойки.

— Два «лазерных вихря». — Я сделал заказ бармену и уселся на парящую в магнитном поле жёсткую подушку, протёртую до белизны. Сиденья сбились в кучу, медленно дрейфуя, поскольку крепления для них на стойке были сорваны. Седой усатый бармен вздрогнул, его руки тряслись.

— Кредитка или наличные? — нервно выкашлял слова хозяин.

— Имп. — Я показал вживлённый камешек на указательном пальце. Мужчина поспешно кивнул, кажется, он был готов отдать всё бесплатно.

Я коснулся лика — личного компьютера, подтверждая снятие денег, и провёл ладонью над считывающим кредитки устройством в виде свиньи-копилки. Её глаза мигнули красным и раздался стандартный «блип». Публика за спиной начала безмолвно покидать заведение.

— Сообщите охранителям, — приказал я бармену и одернул рукав кожаной куртки, пряча вживлённый на левую кисть интерфейс лика. — Камеры есть?

— Конечно. — Бармен показал на белый, со вздутиями от времени, биопластовый потолок, который подпирали четыре железных столбика. Камер, конечно, я не разглядел, но место для них там было хорошее.

— Приберитесь.

— Сейчас. — Мужчина кивнул и беззвучно отдал команду через наклеенную на горло полоску ларингофона. Из подсобки за стойкой выкатились три бочкообразных робота мне по пояс, объехали потолочные опоры и подняли на суставчатых манипуляторах два тела. В руках бармена обнаружились миксер и чаша с носиком для смешивания. Я с облегчением вздох-

нул. Раз коктейли приготовляют вручную, значит, Тай не такая и деревня.

— Отец и сын погибли, — раздался жёсткий простуженный голос за спиной. — У жены сына трёхмесячная дочь осталась.

Так рождаются истории о жестоких эмиссарах. Чудовищах без сердца. На самом деле мы обычные люди.

Оборачиваюсь. Злости нет. К выходу идёт ссутуленный человек в вязаной шапке, полимерной куртке и грязных пластиковых сапогах. Пусть. Я не буду ничего доказывать и говорить. Нарушители обозначили прямую угрозу. Плазма их сожги, да они чуть не убили меня только за то, что я отказался покупать их незаконный товар. Мотивированная агрессия, направленная на представителя власти. Так это называется официально.

К стойке подходит мужчина лет тридцати. Он спокойно встречает мой взгляд, вылавливает одно из магнитных сидений и садится рядом. Одет в кожаную безрукавку поверх клетчатой рубашки и синие заношенные джинсы. На ногах — когда-то белые кроссовки. Отворачиваюсь и смотрю на просвет фиолетово-синий коктейль, прошитый грейпфрутовыми лентами. Коктейль малопрозрачен, а значит смешан верно.

— Так ты эмиссар, — протягивает незнакомец, барабаня пальцами по стойке. Кивает бармену, и тот ставит кружку тёмного пива.

— Алекс, — решаю быть непринуждённым. Не люблю пустые разговоры, но раз уж ко мне обратились, надо это использовать, чтобы успокоиться. Я ведь как и тогда, два года назад, ни в чём не виноват.

— Рик, — представился мужчина. Жму крепкую ладонь.

Собеседник ухмыльнулся и в два глотка осушил полкружки, утёр пену. На Рике была настоящая, пускай и не новая, вариабельная одежда. На воротнике рубашки нарушился графслой и проглядывала чёрная материя с металлическими прожилками. За уши были закинуты диски нераскрытых дымчатых очков-трасформеров, а на виске синел мозаичный шрам.

— Вам обязательно каждый раз представляться? — поинтересовался Рик.

Я надменно поднял брови, показывая, что этот вопрос далеко не оригинален:

— Только спросил у биораннеров сертификат. Если бы они меня не заметили, я бы прошёл мимо.

— Здесь аллергия на Кодекс. Лет десять назад кто-то из местных пытался провозгласить независимость. Стремятся получать больше денег за экспорт и добиваются разрешения на постройку заводов. Да кто ж им даст деньги зарабатывать и собственную технику выпускать. — Рик ядовито усмехнулся. — С тех пор оружие населению запрещено, а мечи и арбалеты держат под видом коллекционного. Но рецидивы случаются. Люди не сильно лояльны Империи. Губернатор на них закрывает глаза...

Бармен смерил Рика недовольным взглядом и удалился в подсобное помещение, вероятно, указывал роботам как укладывать тела.

— Они злопамятные, — проговорил я. Коктейль яростно щипал гортань и оставлял сладковатую горечь на языке. Я глотнул ещё «вихря».

— Ты откуда? — Рик, обжигаясь, подцепил кусок пиццы, размазал расплавленный сыр по пальцам. — Или у эмиссаров не бывает родины?

— Бывает. А лечу с Калисто. — После первых глотков алкоголя меня неожиданно начало трясти, хотя я держался изо всех сил. — Сейчас разгар сезона, мой чартер отменили, и всем нашим надо было ждать семь дней. Я решил возвращаться на Колыбель с пересадкой на Тае. Так немного, но быстрее.

Эту версию я придумал только что. На самом деле я улетал с Калисто как специалист по подводным мотоциклам, и моя компания по причине невообразимой жадности перевозила меня на попутных грузовиках с тремя пересадками. Тай стал первой остановкой, и сейчас мне надо было ещё два дня дожидаться подходящего рейса.

Задание на планете-курорте было несложным. Я раскрыл местную неопытную банду и подверг её коррекции. Группа предприимчивых таможенников выпускала туристов с местной секс-экзотикой, типа ракушек-прилипал и пульсирую-

щих полукамней-полурастений. Этот преступный нарыв не грозил ничем серьёзным, но имелся крохотный шанс, что года через два родится мощнейшая мафиозная сеть. Надо было перестраховаться. Ещё с утра, дыша стеклянным после ледяной ночи воздухом Тая, я надеялся на честно заработанный отдых. Облокачиваясь на поручень баржи, я расслабленно смотрел, как уменьшается причал космопорта и предвкушал неспешную прогулку по посёлку.

Постоянно держать себя на взводе не имело смысла уже несколько лет. Эмиссары действительно заставили уважать Кодекс мечтающие о независимости колонии и одуревшую от излишеств метрополию. Империя миновала кризисную полосу и сумела приструнить удиравшие от неё планеты. Правда, поселения подобные Таю, не представляли интереса даже для Службы Безопасности.

— Ты с орбиты? — поинтересовался я у Рика.

Собеседник покачал головой.

— Турист? — Я обругал себя, что не сразу догадался — незнакомец не местный. Только жители метрополии могли привыкнуть к эмиссарам.

— Перевозчик, — процедил Рик, — раз сотый на Тае.

В точку. Это объясняло и мозаичный шрам на виске и очки-трансформеры вместо лика. Капитаны подключают свою нервную систему к управляющим цепям корабля, и любая вживлённая электроника вносит помехи. А шрам вызван работой с некачественными сетками-интерфейсами, которые во время сложных манёвров могут сгореть прямо на голове.

— Что везёшь и по какому допуску? — машинально спросил я. Отставил пустой бокал с фиолетовой лужицей на донышке и взялся за второй.

— Если скажу, что принял партию натуральных углеводородов, разрежешь на месте? — Рик ехидно улыбнулся.

Я опомнился и восхитился собеседником. Он меня совершенно не опасался.

— Вряд ли. Тебе придётся выкинуть что-нибудь эдакое... — Я по-доброму усмехнулся, пытаясь сгладить ситуацию.

— И чтобы удостовериться в том, что я не соврал, ты меня *посмотришь?*— невозмутимо уточнил Рик, запихивая в себя конверт жирной пиццы.

Моё терпение иссякло. Здесь мы даём слабину, хотя и умение наше — тоже в этом. Умение, за которое нас действительно ненавидят. А вовсе не за то, что сноровисто режем шпагами. Наше умение — иметь силы быть слабым до последнего.

Даже двойная порция «вихря» не помогла стряхнуть напряжение, и я поднялся. В баре, кроме меня и Рика, из посетителей остался только биораннер. Он храпел, развалившись на стуле, а на бившейся на виске жилке проступал старый голубоватый шрам. Видимо, несколько лет назад посетил нелегальную клинику со списанным оборудованием. Но чего ещё ждать от заброшенного Тая? Левая рука нелегала свисала вдоль тела и клонила его в свою сторону. Рядом дежурил робот, готовый обездвижить нарушителя.

По-особенному цокнув языком, я вызвал на зрительные нервы интерфейс лика и выбрал режим психокоррекции. Вот это и есть моя основная работа. Я принудительно корректирую поведение. Я прилепил к виску ампутанта вибрирующую с особым ритмом монету. Охранителям теперь останется только записать штраф — задерживать преступника в тюрьме для прохождения добровольного курса коррекции не имеет смысла.

— Быстрой плазмы! — ответствовал я и быстро пошёл к выходу. После «вихря» находиться в пластиковой коробке бара стало совсем невыносимо.

— Прощайте, эмиссар, — выговорил бармен.

Рик догнал меня, когда я прошёл по дорожке из грубо спаянных камней три шага. Широкий пирс из метакарбона нависал над рекой, бешено атаковавшей берег волнами в рост человека. В лицо над безлюдным галечным пляжем летел колкий влажный ветер. Плюс два по Цельсию после обеда — это не минус тридцать пять ночью, но после жарких пляжей Калисто — жестокая насмешка. На том берегу, отдельно от всех поселений, стоял космодром. Река слишком широкая, и кроме серо-голубой смычки воды и неба ничего не видно.

— Извини, если обидел. Сам понимаешь, на этой планетке скука смертная. — Рик развёл руками, от него разило сыром и чесноком. Ему приходилось говорить громко, чтобы перекрывать шум прибоя. — А раскрывший себя эмиссар — прецедент.

— Ты на баржу? — не дождавшись ответа, спросил Рик и, прикрыв рот, рыгнул.

— Да.

Горло по-прежнему сводил спазм. Я только что убил двоих, а я ему — просто интересно. Прекрасно понимаю, от чего все колонисты с одинаковым презрением смотрят на толстокожую метрополию.

— Так ведь баржа нескоро будет. Может... симульнём? Здесь в двух шагах.

— Давай, — вдруг согласился я. Алкоголь быстро расщеплялся моим организмом, но я был ещё способен на эмоциональные поступки. Наслаждаться холодной красотой Тая уже всё равно не хотелось.

Посёлок обнимала пятикилометровая снежная гряда. Небольшие, максимум двухэтажные коттеджи фермеров начинались метрах в двухстах от нас. Домики недолго шли к подножью гор и растворялись в снежном покрове. Жилища окружали сверкающие на солнце цирки теплиц, в которых созревали запатентованные Таем местные овощи и фрукты.

Виртклуб стоял в пяти минутах от бара и отличался от него как лазерная шпага от средневековой рапиры. Вместо съёжившегося биопласта на стенах — хорошо обработанное дерево. Три этажа, четыре башенки в углах. Эдакий замок. Не удивлюсь, если хозяин тоже коллекционирует оружие.

Отъехала прозрачная дверь, из-за стола поднялся широкоплечий мужчина в строгом костюме и с чёрными до плеч волосами. Я автоматически бросил взгляд на табличку сертификата на стене, собрался активировать лик, но одёрнул себя. Надо просто расслабиться. Здесь, на Тае, больше ничего не случится. Каждый эмиссар щепетилен и занудлив, но параноиком становиться нельзя. От этого тоже умирают. Все игры здесь наверняка разрешенные. За предоставление тайтлов с коэффициентом погружения более ноль пяти ожидают суровый штраф и серьёз-

ная коррекция. Да и подходящую периферию просто так не купить.

Мужчина оглядел нас и широко улыбнулся:

— Приветствую гостей Тая! Меня зовут Айзек Орэл, я владелец этого замечательного места, — представился хозяин и пожал нам руки. — Желаю удачно выпустить пар. Что предпочтёте? Гонки, холодное оружие, борьба?

— Холодное оружие, — предложил Рик и вопросительно посмотрел на меня. Видимо, ему не терпелось проверить эмиссара в деле. Я кивнул.

На самом деле Рик мог выиграть у меня в два счёта. Плазменная шпага имеет мало общего с железной, и против опытного фехтовальщика я не продержусь и пары секунд. Плазменная шпага проходит сквозь оружие противника и него самого. К тому же электромагнитная игла рассеивается, когда бьёшь той её частью, что не является острием. Зато само острие приличное — длиной от кисти до ногтя среднего пальца взрослого мужчины.

За приличную и для метрополии цену в пятьдесят каплей нам вкатили в сгиб локтя энерготоник. Управляющий выдал виртшлемы, прилепил на колени, бёдра и руки датчики движения. Из комнаты регистрации был вход сразу в зал, стилизованный под старину, с гобеленами и панелями с оружием. В зале пахло застарелым потом, покрытие пола было кое-где стёрто. Я потрогал рукоятку рапиры и вопросительно поглядел на Айзека.

— Идентично настоящему, — гордо заявил он и спохватился, будто как-то понял, что я эмиссар. — Всё официально. Коллекционное.

Я окончательно расслабился. Виртклуб был оформлен на достойном для метрополии уровне. Впрочем, перед каждым прилётом грузовиков и рейсовиков в посёлок должно было прибывать много обеспеченных людей. Пол был расчерчен на квадраты — зоны для играющих. Мы встали в дальнем углу, напротив двери.

— Вперёд? — спросил Рик, застёгивая шлем.

— Давай! — согласился я. Под ложечкой засосало. Алкогольный туман испарился, и я пожалел, что согласился играть — предстояло снова махать шпагой.

Мы разошлись, насколько позволял зал. Виртуальность надвинулась средневековым замком и голубым небом. Нас высадило на широкой крепостной стене. Я сжал шершавую рукоять джойстика.

Перед глазами повисли крупные цифры, и начался отсчёт. Я сделал пару взмахов, выставил правую ногу, поставил её пяткой к пятке левой ноги. Совершил несколько выпадов в третий и четвёртый сектора, проверяя, как откликаются датчики. Задержка практически не ощущалась. Ударил гонг. В левом верхнем углу возникла полоса жизни, а в правом — двухминутный таймер.

Рик продержался три секунды — я разрезал ему сонную артерию на пятый удар. Второй раунд мы отыграли вничью. Я проверял круговую защиту, а Рик старательно пытался провести атаку в четвёртый сектор.

В начале третьего раунда Рик ухмыльнулся и с неожиданной для выпившего человека скоростью приблизился ко мне, отбил мою шпагу и намерился уронить ударом ноги под колено... Свистнул зуммер лика, зафиксировавший радаром активированное оружие. Я замер. Раздались шаги и характерно щёлкнула, открываясь, магнитная кобура. Пускай потом вместе посмеёмся, но незачем открывать кобуру в пустом клубе... Шпага Рика наткнулась на меня... Я сдёрнул шлем, одновременно заваливаясь набок, чтобы предполагаемый выстрел прошёл мимо. Но ударник стреляет широким веером, и от его импульса тяжело увернуться даже эмиссару.

Глава 2

Эмиссары умирают. Это случается. Плечо ныло от прошедшего вскользь выстрела ударника, нижняя губа распухла. В ухе свербел биодатчик, сообщая, что нет контакта со шпагой.

— Он не сдох?

— Дышит.

— Добьем?

— Постой. Он же эмиссар.

— Мы блокируем сигналы.

— Может и не сработать. Тащи заморозку!

Переговаривались трое мужчин. Слюна от страха стала горькой, и я похолодел. Хуже всего было ощущение беспомощности. Ещё ни разу я не оказывался в таком положении. С трудом я восстановил сердечный ритм и с удивлением обнаружил, что ещё очень много хочу в этой жизни успеть. Но главное было то, что я не был парализован. Короткая апатия мгновенно сменилась яркой злостью.

Наивные дилетанты! Я отбил языком стаккато на двух верхних зубах. На глаза спроецировалась схема помещения, снимаемая терагерцовыми сканерами. Дотрагиваясь до зуба, я разворачивал схематичную картинку. Двое мужчин стояли в шаге от меня. Третий, с мигающим красным ударником на поясе, — у порога, шагах в пяти. В углу зала на полу сидела девушка.

Эмиссары умирают. Но не сегодня. Я приоткрыл левый глаз — правый оплыл. Конечно, можно обойтись руками, но риск будет выше. Я решился и глубоко вдохнул.

Толчок спиной. Прыжок. Приземление на две ноги. Нащупываю холодную гарду и срываю со стенной панели рапиру. Стоявшие рядом со мной оборачиваются. Это Рик и Айзек.

— О, — выдохнул противник у порога — им оказался языкастый мужик из бара в дешёвой куртке. Он потянул руку к поясу. Девушка отняла от лица ладони, и по движениям я понял, что бояться её не нужно.

Совершаю кувырок и пробиваю горло не успевшему отпрянуть Рику. Железное оружие непривычно оттягивает кисть, клинок вибрирует. Выстрел ударника с сочным хрустом выбивает стеклопакет за спиной. По затылку ударяет холодный ветер.

Я развернулся к Айзеку. Он присел, уходя от острия, и наметил взглядом удар в челюсть. Я засадил рапиру ему в глаз, подняв руку и развернув кисть вкручивающим движением.

Ударник выстрелил второй раз. Импульс пришёлся мёртвому Айзеку в спину и деформировал его грудную клетку. На перезарядку требуется полторы секунды. Сильным толчком я от-

бросил тело и преодолел расстояние до порога, где находился стрелок, немногим раньше.

От ударного выплеска адреналина я ощущал себя так, словно летел, а не ходил. С клинка сорвалась рубиновая капля. Средневековые оружия крайне неудобны. Заключенная в электромагнитную иглу плазма прижигает, и кровь после неё не брызжет. В холле виртклуба не было ни души. Рапира, звеня, покатилась по полу, а я вооружился ударником.

Я подошёл к девушке. Ею оказалась блондинка лет двадцати, с разметанными по плечам волосами, в короткой синей юбке и зелёном топе. Голубые сапожки до колен игриво семафорили звездочками-диодами. Я схватил плачущую девушку за подбородок:

— Как тебя зовут?

Волосы закрыли пол-лица, но было видно прокушенную губу, грязь на щеке и свежий синяк под левым глазом. Мокрые ресницы безостановочно хлопали. На коленях алели ссадины, словно незнакомка упала с аероскейта или её долго возили по полу.

— Отвечай!

Девушка мотнула головой, прижала к груди руки.

Хватит.

Я пошел к выходу. В ухе свербело слабее, обозначая, что плазменная шпага где-то рядом. Это хорошо. Значит, пока я был оглушен, не произошло ничего фатального. Я переступил порог, и меня догнал полукрик-полувсхлип:

— Арина!

И уже более разборчиво, но тише:

— Меня зовут Арина.

— Кто они были?

— Хозяева, — вымолвила девушка.

В пасмурном небе за окном ползли зеленоватые, из-за обеднённой азотом атмосферы, тучи. Тай похож на Колыбель — здесь 28 часов в сутках и чуть более высокая гравитация. Но планету покорит ледниковый период. Колонисты заселили узкую полосу экватора, где температура колеблется от плюс пяти

днём до минус сорока ночью. Почти миллион ютится в единственном городе на равнине, да ещё пять тысяч разбросаны в горных посёлках. В том, где мы сейчас, — от силы тысяча, он самый маленький, хотя и ближе всех к космодрому. Шквалистый ветер на реке сносит флаеры как мелких насекомых, и прибывающая раз в сутки баржа остаётся единственным транспортным средством.

Я напряг левую руку — часы лика вспыхнули золотым. Прошло тридцать две минуты, как я отправил в Столицу сообщение. Но бармен вызвал охранителей раньше меня, и бойцы должны были уже прибыть. На столе лежали ударник и круглый эфес плазменной шпаги. Дверь я сделал непрозрачной и отодвинул стол от входа.

— Что за хозяева? — спросил я, глядя на голошар монитора, на который подавалась картинка с внешней объёмной камеры. Со мной решили разобраться сразу же, едва я засветился, а значит, на заброшенной колонии зреет что-то действительно серьёзное. И находиться мне на этой планете, как раскрывшему себя эмиссару, смертельно опасно. Быть может, биораннеры в баре приставали ко всем приезжим, чтобы выявить нежданного агента Империи. Ведь только эмиссар откажется купить какую-нибудь мелочь под заряженным арбалетом.

Девушка дрожала и беззвучно плакала. Арина напрочь отказалась садиться со мной за стол и устроилась на полу, подтянув к подбородку колени. На месте синяка у неё была покрасневшая кожа, но прокушенная губа уже регенерировалась. Я сложил аптечку и прилепил её обратно на пояс. Отёчность на своём лице я тоже убрал.

Я поднялся, чтобы размять ноги, и девушка инстинктивно закрыла лицо. Я сел обратно. На монитор транслировалось тусклое небо и панорама посёлка. Перед баром проходила дорога, вдоль которой выстроились одномодульные нежилые сараи.

Замороженный мир Гая для Империи интересен только как поставщик энергии на участке между Калисто и Колыбелью. И отчасти обиду колонистов на махнувшее рукой правительство понять можно. Современные технологии в нормальном объёме

доступны только рядом с космопортом и в городе, да ещё кое-где разбросаны особняки экстравагантных миллионеров.

— Говорит начальник охранителей Тая! У нас сломался катер. Группа направилась к вам на реактивных ранцах. Расчётное время — десять минут, — по костям передал лик прокуренный голос. — Не покидайте вирткуб.

— Понял, — небрежно сказал я, чтобы сбить спесь с начальника.

Не буду с ним церемониться. На всю колонию один орбитальный катер, а в экстренных случаях используют «попрыгунчики». Бред. Каменный век.

— Хочешь пить? — спросил я, чтобы как-то отвлечь девушку.

Арина кивнула. Бочка автомата с питьевой водой на столе синтезировала стакан. Девушка приняла подношение, избегая смотреть в глаза. У меня ёкнуло сердце — у Арины были удивительной красоты фиалковые глаза, распушенные, будто крылья бабочки, ресницы, взлетающие чёрные брови и чувственные губы. Топ с нескромным вырезом натягивала страстная грудь. Никакого лукавства, всё честно — будто на картинке, нарисованной от руки. После даже самой искусной пластики так не бывает.

— Часто били? — стараясь сдерживаться, ровно спросил я. Красавица покачала головой:

— Меня первый раз взяли, — и загадочно добавила. — Я некондиционная.

— Ты была женой одного из тех, кого я убил? — не понял я, присаживаясь рядом на корточки и отбирая нервно стиснутый стакан.

— Я — жена? Мне никогда не быть женой. Я *игрушка*, — последнее слово девушка выговорила с отвращением.

— Так, — протянул я, чувствуя, как зазвенело в ушах, и внятно, взяв девушку за подбородок, уточнил. — Ты ведь пошутила?

Только наткнуться на работорговцев мне не хватало. Если это правда, то причина нападений становится понятной.

— Глупый, — сказала Арина, и в её глазах засветилась отчаянная надежда. — А ты правда... эмиссар?

— Прекрати истерику, — я присел на стол и строго сказал. — За представление себя эмиссаром приписывают многолетнюю коррекцию. Да, я эмиссар.

Я закатал рукав на правой руке до локтя и, дав сигнал лику, проявил эмблему: плазменную шпагу с пульсирующим раз в секунду белым клинком на фоне герба Империи — человека, летящего меж звёзд.

— Значит, ты меня убьёшь? — задрожав, пролепетала Арина и подняла кулачки к лицу.

— Запомни, Арина, эмиссары убивают только чтобы сохранить свою жизнь или жизнь невинных людей.

— Правда?

— Хочешь, считаешь мой паспорт и метку? — Я потянулся к области эмблемы на локте, отвечающей за активацию.

— Не смогу, — смутилась бедняжка. — Нет паспорта.

Я окаменел, но заставил себя расслабиться. Девушке от недавней бойни не сложно мозги вывихнуть.

— Как нет паспорта? — мягко нажал я.

— Никогда не было, — виновато произнесла Арина.

Паспорт в виде трёх микросхем-шариков вживляется в мозг при рождении. Это обязательное требование соблюдается даже в глухих колониях. Если один из чипов лишается контакта с живой плотью, то оставшиеся разрываются в ту же миллисекунду. Выковырять микросхемы одновременно практически невозможно. Это жестоко, но это единственный шанс серьёзно повредить работорговле, ведь путь человека с вживлённым чипом отследить просто.

— Эмиссар! Группа прибудет через минуту. Вы один? — в голове раздался чей-то молодой и напряжённый голос.

— Нет, — ответил я. — Со мной девушка, вероятно, жена одного из убитых. Ей требуется социальная защита.

— Приняли.

Я поднялся и пристегнул рукоятку шпаги к поясу, одёрнул куртку.

— Ты родилась на Тае? — Я начал собирать данные.

— Да. У всех моих сестёр тоже нет паспорта. Нам не положено. Даже у тех, кто кондиционные.

— Сестёр? А большая у тебя семья?

— Не семья, — помотала головой девушка. — Просто сёстры.

— Поднимайся. — Я протянул руку. Арина, поколебавшись, дала прохладную и нежную ладонь.

Я глянул на монитор и разблокировал дверь. В помещение вошли трое охранителей. Они были запакованы в прилегающие к телу, будто вторая кожа, тёмно-синие спецкостюмы с непрозрачными шлемами и плазменными турелями на плечах.

— Я Кей, командир спецгруппы, — донёсся энергичный голос. Раструбы оружий наставились на меня, но радар промолчал — турели были неактивны. — Представьтесь.

Я бесстрастно активировал паспорт и метку эмиссара.

— О'кей, — довольно проговорил командир и сделал забрало прозрачным. На меня смотрел парень лет тридцати с прямым носом и трёхдневной щетиной.

Два охранителя заглянули в зал виртклуба, кивнули друг другу и встали у меня за спиной. Они чувствовали себя спокойно, а это значит, что преступные разборки на Тае не редкость. Забрала напарников тоже стали прозрачными. Один из бойцов оказался грузным азиатом, а другой — тощим как шест европейцем. Обоим я бы дал от сорока до восьмидесяти, только первый не смог перестроиться к моменту, когда калории перестали сгорать будто в топке.

— Что случилось с катером? — Я постарался, чтобы вопрос звучал буднично.

Кей рассеянно посмотрел на меня:

— Компенсаторы вышли из строя, и высота стала падать. Давно менять надо было. Империя всё денег не даёт.

— Так уж и не даёт, — усомнился я. — Вас всего трое?

Командир снисходительно улыбнулся:

— На Тае больше и не требуется, здесь вам не метрополия, эмиссар. Против спецкостюма у деревни ничего нет. Остальные на катере, пытаются очистить фильтры.

— А вы давно с метрополии? — полюбопытствовал Кей.

— Месяц, а на Тае три дня, — улыбнулся я. — Сколько служишь?

— Пять лет. Тай, как трясина, тянет и тянет. Хочешь всё бросить и... Поднакоплю ещё немного и точно вернусь на Хыо. Такеши, запиши показания девушки, — кивнул Кей третьему охранителю.

Появилось чувство, что девушка убеждена, что охранители сделают с ней что-то плохое. Она стремительно побледнела и быстро шагнула ко мне, взяла за руку.

— Я не стану говорить с ними, — сказала Арина.

— Да что ты? — поднял бровь командир.

Девушка сильнее стиснула мою руку.

— Это бывает. Посттравматический шок. Всё наладится, — сурово сказал я, не смотря Арине в глаза, и мягко снял руку.

Лучше не скажешь. Синдром Айса. Жалость будет выглядеть насмешкой, а излишняя жестокость превратит в садиста.

— Гай, дай ей таблетку, — скомандовал Кей.

Девочка не выдержала.

— Я клон!!! — прозвенел голос Арины.

Всё в комнате замерло. Чёрная дыра меня засоси! Так вот почему у неё нет паспорта. Она ведь говорила, что не кондиционная. Это намного, намного хуже, чем если бы она оказалась просто рабыней.

Глава 3

Глаза Арины наполнились отчаянием, и мои нервы резко натянулись. Клонирование и генетическая модификация караются смертью, как самые страшные преступления против человечества.

Я сглотнул и задержал дыхание. Мир стал статичен, а звуки растянулись на инфрачастотах.

Затем мир закрутился вновь, с ускорением, навёрстывая пропущенные мгновения.

Я поверил этой незнакомой девчонке. Мы отличаемся от обычных людей тем, что умеем наверняка различать ложь и правду. Без грамма, миллиметра и секунды ошибки. Это наша суть. Мы *смотрим*. Мы считываем движения лицевых мышц, частоту дыхания и тембр голоса. Обрабатываем информацию

рефлекторно. Нужно только задавать правильные вопросы. С такими способностями, как у нас, рождается один из миллиона, но пройти боевую подготовку эмиссара способен не каждый.

Сегодня мне пришлось убить пятерых, а после того, что случилось два года назад, я больше никогда не хотел убивать. Эмиссары — такие же люди. И я принимаю неожиданное решение. На Колыбели у меня нет неотложных дел, а штабу я отчитался.

— Я остаюсь. По статье 5 Кодекса Нового времени вы переходите под моё подчинение.

Парень удивлённо моргнул и прошептал что-то своему лику. Динамик костюма отключился, и дальше парень говорил беззвучно.

Арина тревожно посмотрела на меня. Я качнул головой, показывая, что всё нормально. Я чувствовал всё нарастающую ответственность за эту красивую перепуганную девушку.

— Всё в порядке, охранитель? — уточнил я.

— Они все заодно. Правительство с ними заодно, — на глаза девушки навернулись слёзы. Арина умоляюще смотрела на меня. Во мне неожиданной волной поднялась тревога за девушку.

Кей, будто не слыша, произнёс:

— Да. Я уведомил начальство.

— Это легко проверить, — неожиданно сказал я побледневшей девушке и обратился ко всем, не веря, что я это делаю. В таких ситуациях ни за что нельзя идти на поводу у городящих чепуху клиентов. — Только чтобы успокоить эту красотку. Ей сегодня досталось. Думаю, она это заслуживает.

Я вопросительно посмотрел на Кея и сделал знак рукой, приглашая переместиться за стол. Охранитель кивнул. Вероятность того, что охранители окажутся замешаны в чём-то крайне мала. По простой причине — в колониях и даже в метрополии порядок поддерживают наёмники с других планет.

Парень плеснул хищным взглядом. Змеиным движением потянулся к правому плечу снять предохранитель. Я оторопел. Судьба всегда выбирает для нас наисложнейшую из дорог. Но медлить я не стал. Я сильно толкнул Кея снизу в шлем, и почувствовал, как заболели резко сократившиеся мышцы рук. Парень

с запрокинутой головой вылетел на улицу, пробив стеклопластовую дверь. По спецкостюму бить голыми руками бесполезно. Я потянулся к поясу за шпагой. Гай ударил сзади кулаком в усиливающей перчатке, и кисть онемела.

Неповреждённой рукой я бросил девушку на пол. Упал сам, хватая в полёте со стола ударник и пропуская возможные залпы турелей. Большим пальцем я крутнул колесо мощности и одним выстрелом разрядил батарею. Импульс разбил забрала сразу обоих охранителей. Придётся бойцам вставлять новые глаза.

Я поднялся, с удовлетворением отмечая, что за месяц работы на планете-курорте не сильно потерял форму.

— Бежим, — выдохнул я дрожащей Арине.

Кей, лежавший на пороге, зашевелился. Не обращая внимания на его истошный крик, я расплавил шпагой стекло шлема. Снаружи никого не оказалось.

Я зашипел сквозь зубы, выдирая из фаланги указательного пальца камешек-кредитку. Имп блеснул на солнце и исчез во вспышке. Одноразовый экспресс-передатчик послал сигнал в имперскую сеть космических маяков. Передатчик активируется и в случае, когда мозг умирает. Пришлось бы заработать порцию рентгена, зато мог быть уверен, что импульс пробил бы любые преграды.

Мы помчались по дороге. Пять фермеров, которые направлялись к бару, шарахнулись от нас.

Бледно-синее солнце валилось за горы. Арина запыхалась позже, чем я думал, — через две минуты, и всё равно до ближайшего сарая-капсулы оставалось метров двести.

— Почему ты мне поверил? — сквозь кашель, спросила Арина.

Я толкнул локтём первую дверь и поставил девушку в тёмное сырое помещение. Буду надеяться, что катер действительно не в порядке и я успею раньше, чем в посёлке появится кто-нибудь ещё Я установил шпагу на пол и включил режим освещения. Пульсирующие миллионы раз в секунду горячие ионы, сжатые в электромагнитной игле, активно излучали тепло в ви-

димой части спектра. Сейчас пятисантиметровое острие перестало быть смертельно опасным, превратившись в веер.

На полу валяются коробки от овощей и фруктов, давленые и гниющие плоды. Похоже помещение использовали для хранения товара, который переправляли отсюда на барже в космопорт или на тихоходных флаерах в город.

Арина замерла, ей было неуютно, а мне вдруг стало страшно. Я успокоил себя тем, что решения, принятые под действием эмоций, всегда самые честные и правильные. К тому же искать компромисс у меня времени не было.

— А почему тебя испугался Кей? — спросила Арина.

— Эмиссары умеют верить. Он бы не прошёл проверку.

Арина замолчала, решая, кивать или смеяться. В этом нет ничего удивительного, откуда клону знать, кто такие эмиссары. Но давать объяснения сейчас времени нет. Наконец девушка улыбнулась.

— Мне понадобится пять минут. Ничему не удивляйся и ничего не бойся. Ты под защитой эмиссара.

— Меня убьют, — обречённо вымолвила Арина, не слыша моих слов.

Для любого гражданина слова «ты под защитой эмиссара» означали бы буквально «Империя взяла тебя под опёку», а значит, ничего страшного уже не случится. Но Тай — не метрополия, где можно вызвать поддержку, и я не начинён боевыми имплантатами. К тому же эмиссар — скромный спецагент точечного назначения, всего-то умело пользующийся редким природным даром.

— Нас так просто не взять, — самоуверенно изрёк я.

Арина отступила на шаг и чуть не поскользнулась на влажном полу. Я придержал её. От девушки исходило неуловимое тепло, к ней хотелось прикасаться и находиться рядом. Мысль, что я мог бы хотеть девушку, оказалась запретной и приятной.

Я отбросил глупые эмоции и закатал рукав на левой руке. Над локтём вспух голографический куб интерфейса.

— Ты красивая, — всё же сказал я, пробираясь сквозь ветви меню.

Арина горько усмехнулась. Только что я сделал незабываемый комплимент клону с запрограммированной внешностью.

— Что случилось? — забеспокоилась девушка.

— Активирую рапид.

Голокуб исчез. В кистях, коленях и предплечьях начало покалывать — углеводное НЗ и химия полились в кровь. Практически сразу начали неметь мышцы гортани.

— Потеряю сознание на полминуты. Не бойся.

— Ты меня спасёшь? — с надеждой спросила девушка.

— Не сомневайся, — прохрипел я и потерял сознание.

Арина ударила меня по щекам. В правом верхнем углу обзора появились часы, а слева — красное сердце, индикатор общего состояния боевой машины, временно занявшей тело эмиссара.

Я открыл глаза. Реальность стала объёмной, звуки — кристально чистыми, а время по консистенции стало напоминать растопленный шоколад.

— С тобой всё в порядке? — спросила девушка.

— Да, — железным голосом ответил я и не узнал себя. — В посёлок обязательно прилетят охранители, что были на катере, но серьёзного оружия у них быть не должно. Так что обойдётся, — огрубевшим голосом выдавил я. Говорить стало сложно — сведённые судорогой горловые мышцы превратились в толстенные канаты.

Я попытался скривить улыбку, но мышцы лица стали каменными.

— Что у тебя с руками? — дрожащим голосом спросила Арина.

Я поглядел на посеревшие пальцы. Подкожные одноразовые капсулы выплюнули бронегель — через две минуты от кожи станут отскакивать арбалетные болты, а через четыре рука сможет выдержать импульс бластера. Как только кожа с бронегелем подвергается деформации, лик направляет в эту точку энергию аккумулятора. Поверхность становится жёсткой и невосприимчивой к тепловым и физическим ударам.

Я жестом указал девушке лечь на сырой грязный пол и набросал на неё коробки. Издалека инфракрасный сканер может и не заметить.

— Возвращайся, — попросила клонированная девушка, и у меня синхронно с её нежным голосом вскипела кровь. Позвоночник будто прошила молния, и я выгнулся точно в экстазе. Завершилась последняя стадия трансформации. Мой организм теперь был готов проламывать стены, проходить по кипящему металлу и полчаса держаться в открытом космосе.

Я распахнул дверь и ступил на дорогу. С каждым шагом мышцы превращались в гибкие жгуты, отзывались мгновенно и точно. У здания вирткluба успело собраться двадцать три человека, мужчин и женщин почти поровну. Поравнявшись, я активировал паспорт и поднял руку, привлекая внимание:

— Я эмиссар. Для вашей же безопасности требую покинуть место происшествия. Произошёл неприятный инцидент. Следственная группа Империи пребудет на Тай через стандартные сутки.

Официальный тон должен был охладить фермеров, а сообщение о скором визите взвода — на корню погубить желание любопытствовать.

— Но там охранители. Пострадали, — вымолвил мужчина в исцарапанной кожаной куртке. На его голове сидела кепка из металлизированного каучука, которую присылали в гуманитарных комплектах.

— Они атаковали меня. Это были повстанцы, — чётко сказал я. Голос слушался, как у певца. Безупречные с нотой металла интонации давались без усилий. — Возвращайтесь в свои дома.

Люди начали расходиться, стараясь не оглядываться. Женщины поджимали губы. Они не понимали, как можно бояться человека с серым, будто камень, лицом. Но по неловким движениям и бегающим глазам мужчин я понимал, что они явственно ощущали смертельную угрозу. Неудивительно — результат действия рапида и в армии-то видели единицы.

Я вошёл в вирткluб, охранители со снятыми шлемами лежали в углу. Костюмы должны были автоматически вколоть гиперкаин и подать на катер сигнал SOS. Я во всех подробностях видел запёкшуюся кровь и застрявшие в коже кусочки стекла. Я прилепил к вискам раненых чипы корректоров, взял безволь-

ные тела Гая и Кея за шиворот и потащил на улицу. Когда я свалил рядом Такеши, со стороны гор раздался шум, будто сходила лавина. Замерших вдалеке фермеров смыло, но я чувствовал на себе любопытные взгляды из окон бара и домов.

Я встал лицом к горной цепи и включил шпагу. Мне не хотелось убивать, но выхода снова не было.

Починили-таки. Отрадно знать, что я угадал с рапидом. Катер, заваливаясь то на один бок, то на другой, шёл на антигравах над снежными пиками. Овальный серый корпус, шесть бездействующих на планете реактивных сопел и тонированный колпак кабины на тупом носу. Я облегчённо вздохнул. Колониям не полагаются катера с вооружением, но от Тая, как я выяснил, можно ожидать чего угодно. Эту планету обязательно внесут в реестр требующих коррекции, и всё ещё обойдётся малой кровью, если сюда направят обычный десант с психологами-корректорами.

Катер, конечно, мог жахнуть соплами, но для этого пришлось бы зависнуть надо мной секунды на три. К тому же я рассчитывал, что повстанцы вряд ли соберутся жечь напарников. Корабль летел как гигантский эйрборд, неуклюже маневрируя между домами и плантациями. В голове раздался голос начальника охранителей:

— Эмиссар Алекс Иванов, дезактивируйте оружие и поднимите руки к голове.

— Хер вам, — плюнул я в эфир по-славянски и запретил входящие передачи. Язык, осатаневший от латинского, на котором пришлось общаться ещё и на Калисто, стал едким. По спине пробежали мурашки — я не узнал себя. С чего мне становиться таким нервным?

Катер поравнялся с вирткубом и завис в ста метрах от меня. Засипел сжатый воздух в неисправных компрессорах, машина начала снижаться, выбивая из-под себя сухую грязь. Вблизи транспорт оказался вдвое меньше вирткуба.

Слева и справа распахнулись наружу круглые шлюзы. Из проёмов молниеносно выбежали попарно шестеро бойцов. Охранители растянули цепь и приняли борцовскую пружинящую стойку с разведёнными в стороны руками. Турели на плечах по-

дёргивались как живые, выцеливая меня будто змеи перед броском. Повстанцы поработали действительно неплохо, раз им удалось сманить охранителей.

— Шесть активных турелей О-5, — прокомментировал лик. Тела противников окрасились красным, обозначились фиолетовым наиболее уязвимые зоны: шея, кисти рук, пах. — В катере людей и роботов не обнаружено.

Бойцы начали подбираться ко мне, надеясь взять в полукольцо.

— Если сложите оружие, гарантирую честный суд! Вы простые исполнители и не получите строгое наказание! — крикнул я.

— Сам ты исполнитель! — пришёл хриплый ответ от крайнего мужчины справа, со значком командира на груди.

— Смерть Империи! — поддержал боец в центре.

Значит, действительно повстанцы.

— Я послал экспресс-передачу, — признался я.

— Мы глушим сигналы на орбите, — произнёс тот же крайний справа мужчина.

— Я на рапиде, — выдал последний аргумент я.

Двое запнулись.

— Будем стрелять на поражение.

Я проигнорировал предупреждение, принимая вызов. Бойцы оказались неплохо подготовлены — за минуту разговора они незаметными с виду шажками преодолели половину расстояния. Но чтобы остановить эмиссара в ускоренном режиме шести опытных охранителей будет маловато. И сейчас они познакомятся с подготовкой эмиссара.

Я начал движение. Шесть импульсов плазмы расплавили землю там, где я стоял. Шпага прожгла воздух над шеей отпрянувшего командира. Пока он падал и откатывался, турели успели перезарядиться. Я бросился в отмеченную ликом безопасную зону и приземлился с перекатом на правую руку. Выпад. Шпага с шипением пробила сопротивлявшийся комбинезон командира и добралась до тела.

Пятый залп. Два импульса из шести попали, в левой ноге стало зудеть. Вблизи драться шпагой было невозможно — кли-

нок проходил сквозь противника, превращаясь в радужный веер. Чтобы зацепить цель остриём, приходилось отступать и терять время, поэтому я стал действовать руками и бил круглой гардой.

Последний противник, увидев, как я, разогревшись, сломал двоих голыми руками — одному пробил пяткой забрало, а у другого сбил ребром ладони с плеча турель и коротким шито-цуки достал сплетение сквозь силовой костюм, длинными прыжками помчался к катеру. Я незамысловато метнул шпагу в спину. Плазменный клинок лизнул болевую точку на предплечье. Мужчина сполз на землю, цепляясь за порог раскрытого шлюза. Турель плюнула еще дважды и отключилась — боец потерял сознание.

Я потёр чесавшуюся от последних выстрелов руку и подобрал автоматически угасшую шпагу.

— Всё самое простое кончилось, — сказал я, стоя на пороге сарая-модуля.

Арина отбросила прогнившие коробки, в волосах девушки застрял мусор.

— У тебя грудь чёрная! И нога! — девушка закрыла рот руками.

— Знаю, — сказал я, обратив внимание на прожженную одежду.

Чтобы не терять время, я взял Арину на руки и побежал к катеру. Посёлок по-прежнему безмолвствовал. На ходу я сданул ногой одного из ворочавшихся бойцов и усадил Арину в кресло второго пилота.

Я одел металлическую шапочку контактного интерфейса и коснулся сенсорной панели. Катер принял радиокод моего паспорта, и все подписи к кнопкам автоматически сменились с основного для колонистов Тая латинского на родной славянск. Я немного расслабился.

— Ты их убил?

Я ответил не сразу и вздрогнул — только что опомнился. И поразился своему ответу, потому ещё не до конца поверил в то, что сделал.

— Я никого не убил.

Мы обязаны убивать. Это инстинкт, вколоченный военными психологами, и спорить с ним бесполезно. Поднял руку на эмиссара — умри.

Неужели — у меня наконец получилось? Это невозможно. Значит, у меня вирус. Конечно, установленную в штабе блокаду подсознания он вряд ли пробьёт, так, пошалит на периферии. Однако подействовал быстро. Дергает за ниточки подсознания, и остаётся надеяться, что за безобидные.

Глава 4

Девушка даже не спросила, куда мы летим. Баржа будет только утром, как и десантный корабль. И надо придумать, как остаться в живых следующие часов пятнадцать.

— Входящая передача, — сообщил инком катера.

— Запретить, — проговорил я и повернулся к Арине. — Нас нашли. Не знаю, что у них ещё в Столице припасено. Но можно не сомневаться — нас постараются изничтожить до последней молекулы. Если мы вырвемся с Тая, сопротивлению конец.

Я медленно повёл над горной цепью заваливающийся набок катер. Компенсаторы жутко барахлили, и лететь было невозможно. Широкая река превратилась в ручей, стала видна полоска соседнего берега, на котором стоял космодром. Вильнула и съёжилась, взбираясь в гору, тропинка между плантациями. Слева от горной цепи виднелся ещё один посёлок.

— Алекс. — Арина несмело тронула моё плечо и испугалась своего жеста. Я успокоил девушку улыбкой. — Мы не летим на космодром?

— Не долетим. Катер еле дышит.

— Где находится твой... ммм... дом? — Я чуть не сказал «инкубатор» и вовремя закусил губу.

— В Столице.

— А почему ты некондиционная?

Арина с вызовом посмотрела на меня.

— Уровень интеллекта выше нормы, — виновато улыбнулась девушка и спрятала глаза.

Я про себя усмехнулся. Девушка нравилась мне всё больше. Что-то в ней заставляло становиться меня открытым.

— Покупателям такие жёны не подходят, — продолжила Арина. — Сегодня меня впервые забрали из Столицы и собирались сделать игрушкой для одного из местных.

Я оглушенно промолчал и сосредоточился на управлении. Через десять минут я обнаружил, что рядом со вторым посёлком скалилась горная пропасть. По телу пробежали мурашки — скоро закончится действие рапида и меня ожидает шок. За сверхспособности надо платить.

В течение трёх минут я прожигал шпагой экранированный чёрный ящик — неприметный винчестер под пультом. Я взял Арину за руку, хоть это и было необязательно, и чётко сказал:

— Ничего не бойся, с нами всё будет хорошо. Сейчас мы катапультируемся. Просто глубоко дыши.

Я проверил, как Арина пристёгнута к креслу, и только после этого подогнал ремни себе. Занёс руку над пультом. Девушка сглотнула и зажмурилась.

Вдох.

Щелчок по сенсорной панели.

И — оглушительный свист. Удар воздуха в лицо.

Катер стремительно удалялся, становясь игрушечным. Кресло дёрнулось — раскрылся серебристый парашют — примитивное, но самое верное средство. Простые устройства, как и чувства, всегда оказываются самыми верными.

Девушку отнесло метров на сто.

Внизу ухнуло, от ущелья взвился оранжевый язык.

Я холод не ощущал, а вот Арина, должно быть, вся окоченела. Кресло подо мной зашипело. На спинке заработали маневровые двигатели с турбореактивным движком. Я взялся за джойстик на подлокотнике. Ветер бросал снег и почти не давал обзора — приходилось ориентироваться по сканеру лика. Кресло Арины я заранее обозначил ведомым, и автоматика нацеливала девушку по моему курсу.

Я старался, чтобы во время приземления нас прикрывали горные пики, но всё же внизу, несмотря на вечер, нас кто-то

мог видеть. Тем более взрыв, хоть и приглушённый скалами, мог привлечь внимание.

Домов в низине, окруженной горами, было не меньше пары тысяч, на их крышах сверкали солнечные панели и крутились ветряки — линию от городской орб-станции сюда, как и в прибрежный посёлок, не провели.

Мы с головой погрузились в пушистый сугроб метрах в двухстах от дороги. Посёлок находился в прикрытой от ветров горами низине. Парашюты накрыли нас серебристым шатром. Я отбросил скользящую ткань и добыл из-под сиденья пояс НЗ. На месте приземления вокруг кресла образовалась глубокая яма, из неё поднимался пар, а под ногами хлюпало.

— Алекс! — позвала девушка.

— Сиди на месте! — попросил я.

Я пробился через сугроб высотой в человеческий рост и помог девушке выбраться из-под парашюта. Арина, обняв себя руками, топталась на месте. У неё были синие губы и стучали зубы. Я откинул сиденье и застегнул добытый из-под него пояс НЗ на Арине.

Я взял замёрзающую девушку на руки и бесстрашно шагнул в снег. Арина завизжала и вцепилась в меня. Я хотел было приободрить её, но ничего кроме шуток на языке не вертелось, и я решил промолчать. Лик разогревал кожу электроимпульсами — снег плавился и от меня шёл пар. С каждым шагом идти становилось легче — дорога шла под уклон и сугроб становился меньше.

Я бережно поставил Арину на землю. Мне показалось, что девушка отняла от меня руки позже, чем было нужно. Но это не удивительно — она банально окоченела. Слева и справа возникли ряды плантаций из полупрозрачного стекла. Коттеджей ещё видно не было.

— Что там? — спрашиваю я.

— Выращивают цветогифы.

— Давай посмотрим?

— Там же ничего не видно, — протянула девушка и зябко поёжилась.

Не слушая шмыгающую Арину, подхожу к конструкции и приникаю к стеклу.

— Ещё как видно, — весело сказал я. — У меня сейчас зрение точно у телескопа с прибором ночного видения.

Я поёжился. Я никогда не был таким легкомысленным на задании.

Внутри плантации росли самые обыкновенные жёлтые тюльпаны, только какого-то укрупненного сорта. Лепестки были кожистыми и толстыми. Под куполом мерцали гирлянды светодиодов, а между грядок летали наперегонки друг с другом фиолетовые существа размером с кулак. У каждого с боков мелькали прозрачные крылышки. На передней вытянутой части туловища сидел большой голубой зрачок без века, а на чуть более светлом животе крепились три гибких сочления. Существо опускалось на цветок, он закрывался, и наблюдателю оставался виден только глаз.

— Никогда таких не видел, — восхищённо произнёс я.

— У Тая патент на выращивание цветогифов, — рассказала Арина, переступая с ноги на ногу. — Родная фауна планеты. Мы с сёстрами работали с ними, пока были в питомнике. Забавные, почти ручные.

— А что вы ещё делали?

— Прошли школьный курс. Занимались по хозяйству.

— И всё?

— Нам, конечно, давали свободное время, но немного. Я думаю, заставляя заниматься ручным трудом, в нас воспитывали покорность.

— Наверняка, — согласился я. Девушка была действительно неглупой.

— Ты первый, кто воспринял меня как равного, — вздохнула Арина.

— А твои сёстры не общались с тобой?

— Конечно, общались. Но из некондиционных в последние месяцы оставалась только я, и воспитатели старались не давать мне свободного времени.

— Пойдём. — Я оторвался от теплицы. В верхнем углу обзора замигал красным таймер и лик сообщил: «Десять минут до деактивации». — Надо торопиться.

Я снова подхватил Арину, и она уже привычно обвила мою шею ледяными руками. Дыхание жгло щёку. Я побежал, не оскальзываясь, и ровно дыша. Если чувствительность начала возвращаться, значит рапид закончится совсем скоро.

Поселение сверху просматривалось отлично. Две перпендикулярные друг другу улицы, в центре магазин с прозрачными витринами и другие здания. На противоположной стороне долины — посадочная площадка, там стояло флаеров тридцать.

Судьба избавила от необходимости выбирать. Справа от дороги, вдалеке от коттеджей, привольно развалился, занимая большую территорию, белоснежный особняк. Трёхэтажное шикарное здание окружала высоченная красная стена с зубчиками-антеннами для генерации силового поля, сейчас отключенного. На монолитной железной двери были выбиты золотые буквы «Ингред Ласкин». Я приземлил девушку и громко произнёс, выдыхая пар, надеясь, что хозяин дома.

— Здравствуйте, Ингред. Я эмиссар, веду пострадавшего, нам требуется содействие. Передаю личные данные.

Для верности я закатал рукав и продемонстрировал воротам эмблему. Арина потянула меня за куртку:

— С богачами не надо связываться.

— Не бойся.

— Информация по Ингред Ласкину, Тай, — шепнул я лику.

— Уроженец Инклейва, женат, состояние 45 млн каплей, владелец сети отелей «Нежные розы».

Арина доверчиво прижалась ко мне, чтобы согреться. Я машинально обнял её и меня будто током ударило. Логичное объяснение этому поступку я найти затруднялся.

Через пять минут дверь с шипением спряталась в стену, энергичный мужской голос на славянске, с шипящим акцентом произнёс:

— Добро пожаловать, Алекс Иванов, и его спутница, красивая и таинственная. Я вас жду уже пятнадцать минут.

Вокруг дома стояли четыре прозрачные, высотой мне по плечо, теплицы. В них росли овощи и, похоже, даже клубника.

— Люблю всё натуральное, — объяснил Ингред. — В клонированном чего-то не хватает. Души, наверное.

Меня эти слова неприятно кольнули, а глаза Арины увлажнились. Ингред осмотрел моё серое лицо и прожженную плазмой одежду. Хозяин отошёл в сторону, приглашая.

Держа Арину за руку, я двинулся по аккуратно выложенной дорожке из красного камня. Мужчина был одет в белый шерстяной свитер, чёрные льняные штаны и мокасины. Всё из настоящих материалов и наверняка ручной работы. Сам Ингред ростом с меня — метр восемьдесят пять, спортивного телосложения. Левую щеку олигарха украшала романтическая родинка, а кудрявые светлые волосы были слегка взбиты. Рядовой представитель высшего класса, а значит не местный и абсолютно лоялен.

У крыльца под полупрозрачным куполом росли подсвечиваемые мягким светом кусты самых разных роз. Один был с рубиновыми бутонами и с золотистыми блёстками на лепестках и, кажется, светился.

— Хобби. Синтезирую новые сорта. Этот, с аурум-пигментами, существует пока в единичном экземпляре, в темноте фосфоресцирует. Нравится?

— Очень, — ахнула́ Арина.

Мы перешагнули деревянный широкий порог и сразу встали на ворсистый придверный коврик. Хозяин успокаивающе махнул рукой:

— Самоочищающийся. Мойте руки, я собирался перекусить. Ванная — прямо и направо.

Оставляя на деревянном паркете талый снег, мы прошли к ванной. Я пропустил Арину первой. Дальше по коридору вилась на второй этаж лестница, опять из дерева. А ведь деревья на Тае не растут, и значит доставлять их пришлось с другой планеты. Ингред оказывался именно тем, кто нам нужен.

— Ингред, мне сейчас будет плохо, — сказал я сквозь пелену перед глазами.

Хозяин мгновенно посерьёзнел и сложил губы в трубочку.

— Рапид?

Я кивнул. Тело покалывало. Но это накатывало лишь предвестие — утренние сонные волны перед вечерним штормом.

— Стоп-боль, антистресс? — наугад предложил Ингред.

— Не надо. Мне бы в ванную.

Арина вышла посвежевшая, с подправленной косметикой. От синяка на лице не осталось и следа. Я улыбнулся, и глаза девушки в ужасе раскрылись.

— Твоё лицо, — выдавила Арина.

Я понял, что потерял контроль над мышцами лица. Губы стал ощущать лепёшками, а язык — толстым бревном.

— Так, — жёстко сказал Ингред и бросил Арине, — посиди в гостиной.

Олигарх провёл в сверкающую белым кафелем просторную ванную и стал стаскивать с меня одежду. В огромном зеркале перед умывальником я увидел мужчину с набрякшими бровями и затвердевшим лицом.

Ванная оказалась мини-бассейном с голубой плиткой. Ингред два раза кликнул пульт на бортике, и вода поднялась за четверть минуты.

— По температуре тела? — уточнил Ингред.

— Прохладнее на пару градусов. Иначе не проснусь.

Ингред уложил меня в пахнущую ароматной солью холодную воду. Под голову автоматически подставился пружинистый валик, а поперёк тела перехлестнул вибрирующий массажный ремень.

— Спасибо, — вымолвил я и закрыл глаза. Тело начали расслаблять струи воды. Несколько мгновений ничего не случалось, а потом скрутило все мышцы и в ушах зазвенело. Я открыл глаза и ничего не увидел. Тогда я закричал, но крик тоже не услышал...

Было холодно и сильно крутило живот, а мир казался тусклым и безжизненным. Без индикаторов перед глазами было неудобно.

Я осмотрелся и обнаружил, что унитаз стоит рядом с бассейном, и оценил необходимость этого шага. Непослушными руками я нащупал ремень и долгие секунды возился с застёжкой оттого, что правая кисть отзывалась болью. Я вспомнил, что её повредил кулак Гая в усиливающей перчатке. Живот крутило всё сильней. Я буквально выпрыгнул из ванны и только потом заметил, что дверь всё же тактично закрыта.

Глава 5

Я привёл себя в порядок, застегнул пояс НЗ и посмотрелся в зеркало. Всё нормально, только глаза красные, с лопнувшими после импульса ударника капиллярами. К сожалению именно глаза хуже всего поддаются моментальной коррекции.

Рука задержалась на жёсткой щетине. Я представил, как буду прижиматься щекой к щеке Арины. По телу разлилось тепло. Чушь! Зачем мне целовать... клона? Но от того, что я подумал про Арину «клон», меня затошнило.

Я попросил умывальник побрить меня. Прямо из зеркала выдвинулся фиксатор для лба. Невидимый, но тёплый луч лазерного эпилятора безболезненно сжёг волоски до корней. Теперь на несколько дней можно забыть о бритве.

Я вышел, удивлённо проводя рукой по гладким щекам. Никогда раньше об этом не заботился. Случайным спутницам было все равно, а долговременных отношений я никогда не заводил.

— Я в порядке, — сообщил я Ингреду, входя в гостиную. Арина взяла меня за руку, она боялась чужого дома. Её маленькая ладонь утонула в моей, и я неожиданно прочувствовал всю хрупкость девушки. Защищать её хотелось каждую секунду.

— Давно на Тае? — невозмутимо спросил Ингред. Он чем-то звенел у бара. Причуды богачей. Никакой прислуги, минимум автоматики. Даже готовит всё наверняка сам.

Я сел рядом с Ариной на кожаный диван, перед которым стоял сине-дымчатый столик. Казалось, предмет парил в воздухе — тончайшая столешница соединялась с основанием едва заметным столбиком. Но видимая хрупкость обманчива — столик выдержит вес взрослого мужчины. Замороженный дым. Древняя технология.

— Три дня.

Ингред поставил на стол бокалы с жёлтым соком и вазочки с белыми шариками, посыпанные корицей. Хозяин уселся в кресло напротив и, усмехнувшись, поднял свой бокал. Я глянул на нежные фиалковые глаза Арины и ощутил странный холод упускаемого времени. Я не помнил ни одного из наших, у кото-

рого была бы любимая женщина. Но ведь ничего страшного в этом нет?

Бокал был запотевший, с опечатками пальцев на граненом стекле. Шарики мороженого Ингред вырезал неровно, а корицу насыпал неравными горками. Настоящая вручную приготовленная еда.

— Вкусно, — честно похвалил я, кладя ложечку на блюдце. Насчёт души Ингред точно в чём-то прав. Химический состав ингредиентов это ещё не всё. Настоящий вкус блюду дарит живой человек.

— Я считаю, что только еда, которая ощущала на себе тепло рук, достойна того, чтобы ей наслаждаться. Это мороженое я приготовил сам, и сок тоже выжал сам, — сказал Ингред и спросил, прищурившись поверх бокала. — А каково быть эмиссаром?

Я попытался отшутиться:

— А каково быть богаче миллионов людей?

— Хм, — улыбнулся в ответ хозяин и поставил бокал на стол.

Арина стала вылавливать ложечкой подтаявшие шарики мороженого, на её лице была детская радость. Видимо, владельцы инкубатора стремились делать жизнь клонов максимально бесцветной, чтобы наверняка обеспечить будущим клиентам послушных рабынь. Ингред повернулся к девушке:

— Как тебя зовут?

— Арина.

— Как же ты оказалась рядом с таким серьёзным человеком?

Девушка смущённо опустила глаза. Я прокашлялся — сок застудил горло. Я рассказал всё с того момента, как прилетел на Тай, не уточнив, правда, что Арина... клон, туманно представив её как пострадавшую от повстанцев местную жительницу. Слово клон застревало в горле, к тому же я видел, как девушка кусала губы во время рассказа.

— Господи, инкубатор клонов на Тае. Чудовищно! — вымолвил Ингред, он сидел оглушенный. — Что может быть ужаснее клонов.

Глаза Арины расширились и стали влажными, она со звоном опустила стакан на стол.

— Так вот что, — сразу догадался Ингред. — Извините, Арина. Честное слово, извините.

— Нам надо дождаться утра. К утру на Тай десантируется взвод, — закончил я.

— Вы мои гости, — без колебаний кивнул олигарх. Он сходил к бару и поставил на стол кружки с дымящимся чаем и поднос с кусочками шоколада — тёмного, белого и золотистого.

Вдруг взгляд хозяина затуманился. Я понял, что он общается со своим ликом.

— Моя радарная станция обнаружила, что в посёлок летят тридцать флаеров. Прибудут через час, а доберутся до моего дома с проверкой через час-два. А могут проверить и первым.

Я застыл с кружкой в руке, обдумывая ситуацию. Арина ахнула и затравленно посмотрела на нас. Меньше всего ей бы хотелось вновь становиться чьей-то собственностью.

— Мы можем забаррикадироваться, у меня есть оборудованный подвал, — навскидку предложил Ингред.

— Ты ведь не хочешь, чтобы здесь утром нашли вместо уютного дома дымящиеся развалины? Противник настроен серьёзно. Никакая защита не спасёт. Даже если она... не вполне законная.

Вступительная часть закончилась, и Ингред выпрямился в кресле:

— А что, если ты у меня сейчас найдёшь запрещённые вещи? Например, ручной плазмомёт? — Ингред навис над столом, опершись на него двумя руками. Я отчётливо видел его вылепленные с хирургической точностью решительные черты лица.

— В данный момент ты добровольно оказываешь содействие эмиссару. Если признаешься, будешь реабилитирован почти во всём, а в случае тяжких преступлений предложу коррекцию с минимумом ограничений, — твёрдо ответил я и наконец вернул чашку на стол. Повезло. Просто повезло. Всё же я не зря решил постучаться именно в дом Ингреда.

Олигарх откинулся в кресле, помассировал виски и решился:

— Я служил в армии после университета вирткоптроля. Его разогнали через пару лет после того, как я получил диплом, а

всех выпускников за всё время поставили на учёт. — Мы усмиряли колонию наподобие Тая.

Это может быть Процион или Дельта. Если первый — Ингреду пятьдесят два, если второй — сорок семь. И тогда ещё были разрешены нормальные боты. Это сейчас даже хозяйственный обязан быть с ограниченными возможностями.

— Я не спускался на Дельту, а висел над планетой в эсминце. Я управлял корпусом боевых роботов из уютного кресла, с кружкой кофе на пульте. Когда я обезоружил армию повстанцев тремя щелчками пальцев в сенсорных перчатках, я прочувствовал, какой невероятной силой обладают машины. Пока не ощутишь их равнодушную мощь, ни за что не поймёшь. Поэтому я и держу бомбу.

У меня пересохло во рту. Ингред, увидев мою реакцию, переплёл пальцы.

— Это всё? — наконец уточнил я.

— Да, — осторожно кивнул Ингред.

— Ты реабилитирован, — сообщил я и усмехнулся. — Показывай.

Ингред улыбнулся. Чтобы заработать миллионы космо, требуется суровый самоконтроль. Армия пошла Ингреду на пользу. Мы оставили Арину в комнате и вошли в кухню. Ингред отодвинул столик, на котором лежали разделочные доски и местные продолговатые плоды с белковыми волокнами. Олигарх лизнул палец и приложил его к неприметной чёрточке детектора ДНК на серебристом кафеле стены.

Часть стены отъехала. Мы спустились по железной лестнице и оказались на крохотном пятачке. Под ногами был люк с дисплеем и кнопками, массивный и выпуклый, чтобы эффективнее гасить взрывную волну. Ингред ввёл код: соединил пальцем в хитрой последовательности белые шарики на маленьком сенсорном дисплее, а затем насвистел незамысловатую мелодию.

— Если что-то выполнить не так или не в том порядке, нас моментально сожжёт, а люк заплавится, и отсюда его уж точно не открыть.

— Серьёзно, — согласился я. Всё же хорошо, что богатые люди страдают паранойей.

Под люком оказалась ещё одна лестница, она вела в просторное, ярко освещённое помещение. На стенах висели в прозрачных контейнерах всевозможные военные костюмы, наборы НЗ, автономные генераторы.

Ингред, будто извиняясь, развёл руками:

— Когда тебе исполнится пятьдесят два и у тебя будет на счету более сорока пяти миллионов каплей, ты поймёшь, что жизнь тебе очень дорога.

— Эта? — Я оценивающе взглянул на пластиковую сумку дисковидной формы. Отвлекаться на прочий арсенал не было времени.

— Бери.

Я почувствовал, как начало замедляться сердце. Я входил в транс, в изменённое состояние сознания, а может быть всамделишно останавливал время. Я с усилием вырвался из клейстера небытия. Не сейчас. Мне нет нужды проверять Ингреда. Он даёт исправную бомбу. Этот человек предложил приют и оказывает помощь. Я не буду проверять его, и точка. Это не профессионально и глупо. Я должен был проверить Ингреда ещё в гостиной. Но раз я вовсе забыл про свой инстинкт убийцы, стоит нарушить правила и сейчас.

Внутри сумки действительно оказалась ЭМ-бомба, а в кармашке — чёрный кубик дистанционного взрывателя. Первым делом я прикрепил клейкой стороной взрыватель на кисть, а потом застегнул сумку и перекинул через плечо. В ушах пискнуло — дик вошёл в контакт с пультом, и пришло сообщение, что ЭМ-бомба откликается нормально.

— Арина очаровательная, — вдруг сказал Ингред, задумчиво обходя свой арсенал.

— Вполне, — выдавил я, и понял, что соврал, не признался — Арина очень-очень красивая. Но это не главное. Она притягивает, с ней хочется быть рядом каждую минуту. Те, кто программировал ей внешность, были не дураки. С замиранием сердца я обнаружил, что теперь мысли о том, что Арина не рождена живым человеком, меня не пугали.

— Я женился, когда мне стукнуло тридцать. Просто понял, что мне нужна любимая женщина, — проговорил хозяин.

Я ничего не ответил. У эмиссаров не может быть любимых женщин. На краткий миг мне показалось, что действительно нужна она — любимая женщина и верная спутница. Такая, как Арина. Я поёжился от непривычной мысли. Вирус рушил барьеры подсознания весьма старательно.

Ингред внимательно наблюдал за мной, и я рассердился на себя. Ведь у меня идеально настроенная военными психика, и единственное на что способен вирус — слегка расшатать её.

— Это мои жена и дочь. — Ингред спроецировал с браслета объёмное видео.

Молодая женщина с длинными ногами и струящимися по плечам волосами, смеясь, играла в мяч с девочкой, похожей лицом на Ингреда. — Сейчас они отдыхают на Калисто.

— Красивые, — вежливо сказал я и поторопил замечтавшегося олигарха. — Нам надо идти.

Арина поправляла волосы, открывая изящную шейку. От этих естественных движений у меня перехватило дыхание.

— Пойдём, — скомандовал я, внутренне собираясь и заставляя себя отвести взгляд.

— Две минуты, — сразу отозвалась Арина и щёлкнула дверью в ванную.

Я прижал к вене на руке капсулу энерготоника из НЗ и почти сразу обманчиво почувствовал себя готовым бежать без остановки день и ночь.

— Нам нужна обычная одежда. И желательно потеплее, — попросил я Ингреда.

— На ваше счастье, есть, — не смутился хозяин.

Мы принесли со второго этажа шубы из искусственного меха, грубые рукавицы, вязаные шапки и снегоступы.

— Готовил как сувениры, — объяснил Ингред.

Одежда нам с Ариной подошла, и, несмотря на стремительно падающую температуру, холод пока не чувствовался. Тарелки-фонари, парившие на высоте метров трёх, ярко освещали ночной двор. Арина заглядывала в теплицы. Я дождался, пока девушка отойдёт, и поддался неожиданному по-

рыву. Поправил сумку на плече и, стараясь, чтобы мой голос не дрожал, попросил.

— Ингред, дай мне несколько роз.

Брови олигарха взметнулись, но мужчина справился с эмоциями.

— Возьми сорт аурум.

Ингред провёл над тремя розами ладонью, помедлил и сноровисто отломал стебли голыми руками.

— Всё равно без электричества погибнут.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я, и понял, что мне очень важно было получить цветы.

— Вам обязательно удастся, — сказал Ингред, глядя в ночное небо с увесистыми звёздами.

— Спасибо, Ингред. Это я говорю не как представитель Империи, — от сухих слов меня покоробило, но сказать по-другому я не сумел.

— Я понял. Прощай.

— Прощайте, Ингред, — проговорила Арина.

У ворот мы обернулись. Ингред нас не замечал, он стоял над своим розарием. Без тепла всё погибнет в ближайшие часы. Надеюсь, с самим Ингредом ничего не случится.

Единственные в своём роде розы кололись через рукавицы. Сердце оглушительно стучало.

— Арина, — прошептал я, когда мы вышли на дорогу. — Это тебе.

Девушка замерла и несмело потянулась к цветам.

— Всё равно бы погибли. — Я испортил момент глупым оправданием.

— Какие красивые, — прошептала удивлённо Арина.

Глава 6

Девушка шла первой, неумело придавливая сугробы снегоступами. Моё плечо оттягивала сумка с увесистым диском ЭМ-бомбы. Мы поднимались в горы, давно сойдя с тропинки и петляя по белой равнине в надежде, что снегопад заметёт все следы.

Когда мы прошли с километр, из-за гор на другом конце долины вынырнула эскадрилья светлячков. Теперь время терять было нельзя. Сканеры засекут любого человека в посёлке и вокруг него. Отсюда импульс накроет всю долину и не будет экранирован домами и рельефом. Я бросил сумку в сугроб и, мягко подтолкнув Арину, отошёл вслед за ней за скалу.

— Будет громко? — испугалась девушка. Она приложила рукавицы к ушам.

— Нет, — качнул головой я. — ЭМ-бомба взрывается бесшумно.

Я нажал кнопку пульта, и в посёлке погас свет. Пришла тошнота, Арина пошатнулась и схватилась за меня. Магнитный импульс всё же влиял на человека. Перед глазами вспыхнули искры — на зрительные нервы попал не погашенный предохранителем разряд от сгоревшего лика.

Из света вокруг остались только яркие звёзды и светящиеся сапожки Арины, получающие энергию от тепла тела. Вся электроника, в том числе и бытовые контроллеры в домах — сгорела начисто. Единственным исключением была моя шпага.

— Что теперь? — Арина сжала мою руку.

— Уходим.

Я достал с пояса НЗ обруч с фонарём и прикрепил на лоб.

— А мне? — попросила Арина.

Я качнул головой:

— Надо экономить заряд.

На самом деле фонарь почти вечный. Но девушке знать об этом необязательно. Ночью свет фонаря можно разглядеть с расстояния в два-три километра, а как раз столько нас отделяет от посёлка. Я отрегулировал яркость на минимум.

Перед поворотом к скальному массиву я притушил фонарь и обернулся. В огрызке ночного посёлка, видимого из-за нагромождения скал, суетились светлячки, небольшая цепочка которых подтягивалась вверх. Надеюсь, с олигархом ничего не случится.

Теперь прокладывал дорогу я, а фонари были у обоих. Густую ночную тишину прерывал только скрип снегоступов и наше шумное дыхание, сопровождаемое облачками пара.

— В горах водятся животные? — поинтересовался я и пожалел, что задал вопрос. Губы обожгло морозом, и я подтянул шарф обратно.

— Нет, только рядом со столицей. Там теплее.

Мы шли до тех пор, пока Арина не перестала подниматься после неловких падений. По моим подсчётам, мы прошли километров пятнадцать. Я достал из НЗ белковые таблетки и две банки тоника. Для этого мне пришлось расстегнуть шубу и снять рукавицы. Руки моментально замёрзли, и я сжимал и разжимал пальцы, чтобы согреться. Девушка прижимала рукавицы к и без того закрытым шапкой ушам. Хоть она и выросла на Тае, к ночному холоду привыкнуть не смогла.

Через минут двадцать я понял, что надо придумать, как согреться. Больше идти было невозможно, дыхание переходило в кашель, а глаза превращались в заиндевевшие стёкла.

Мне неудержимо хотелось прижаться к Арине, ощутить её тепло, почувствовать её запах. И я не удержался. Я бережно обнял девушку и прислушался к себе. Мне было спокойно и легко. Арина просидела минуту с напряжённой спиной, а затем расслабилась.

— Так будет теплее, — дрогнувшим голосом сказал я.

— Да, — едва слышно прошептала сквозь шарф Арина. — Спасибо, что спасаешь меня.

— Это моя работа, — бесцветно сказал я. А потом, продолжая глядеть на звезды и слушая дыхание Арины, неожиданно сорвался. Это было сладко и противно. Я отпускал весь накопленный за годы груз противоречивых мыслей.

— Эмиссар — проклятая работа, — признался я. Впервые за десять лет — вслух. Впервые за десять лет — самому себе.

Мы помолчали, а потом Арина подала охрипший голос:

— Мы оторвались?

— Наверное.

Розы, со ставшими хрустальными лепестками, светились у наших ног десятками звёздочек. А настоящие звёзды смотрели на нас сверху, прислонившихся к одному из тысяч снежных наносов среди нагромождения скал. Я вдруг понял, что мне тяжело пошевелить даже рукой. Ужасно хотелось закрыть глаза. Да,

у меня были непростые задания, но раньше я никогда не отвечал за двоих и всегда контролировал ситуацию. Я сплюнул горькую слюну, и она превратилась в ледышку, как только упала.

Эмиссар — проклятая работа, и быть может всё это давно пора закончить. Ведь та эфемерная материя, что существует в теле человека, тоже устаёт. Она устаёт биться, сгибаться под тяжестью обстоятельств и прорываться вперёд. Ледяной сон в горах Тая — вовсе не плохой способ обрести душевное равновесие.

А ведь у меня точно вирус, трезво осознал я. Его могли загрузить в виртклубе, после него я и перестал убивать. Зараза чрезвычайно опасна, раз ей удалось за считанные минуты пробить все блокады. Видимо, повстанцы перепугались и решили избавиться от меня всеми способами сразу, и у них были все шансы. Совершив неимоверное усилие, я сделал фонарь ярче.

Передо мной блестят покрасневшие от холода глаза Арины. Провожу ладонью по выбившимся из-под шапки волосам девушки, собирая снежинки. С детства я знал, что если идёт снег — значит тепло. Но на Тае пониженное давление, и уже не меньше минус тридцати. Прячу окоченевшие пальцы в тёплую и влажную рукавицу. На секунду закрываю глаза, чтобы они отдохнули от колючего ветра.

Вирус, похоже, начал лишать меня желания жить. Иначе как объяснить то, что вот уже несколько минут я не нахожу сил открыть глаза. Собираю крупицы воли и стараюсь вырвать себя из забвения.

В далекой мысленной стране передо мной является высокий барьер. Он разделяет вечные снега и вневременные пески. Под моим взглядом он плавится, его опоры корежит существовавшая от начала времён сила. И когда преграда осыпается пеплом, мир наполняется тёплым солнцем и ласковой водой.

Я открываю глаза и встречаю кидающую колючий снег ночь.

— Я верю, — шепчу я. — Мы справимся.

Три алые розы с заиндевевшими иголками на снегу.

Плазма, бьющаяся в электромагнитной игле.

В сугробе вокруг цветов рождается стилизованное сердце с оплавленными краями.

Глаза Арины озаряются светом.

— Красиво, — говорит девушка, на мгновение оживая.

Мы рождены, чтобы жить. И будет самым бесчеловечным поступком разменять этот бесценный дар на право замёрзнуть в горах Тая. Рывком поднимаю дрожащую девушку и чувствую себя так, словно принял контрастный душ после утренней зарядки.

— Куда мы снова идём? — шепчет Арина.

Лицо девушки как белая бумага.

— Возвращаемся к Ингреду?

— Нет. Мы поднимемся ещё немного, — отвечаю я.

— Как это романтично, да? Замёрзнуть вдвоём в горах, как эти розы. А знаешь, мне никто никогда не дарил цветы.

— Я буду дарить тебе их каждый день, — обещаю я.

— В нашем волшебном ледяном сне. — Арина смеётся хрустальным смехом и заходится в кашле.

— Наяву.

Валит снег. Я нахожу подходящее место, защищённое скалой от ветра, достаю шпагу и бросаюсь жечь лёд. Арина смеётся и кашляет, а я продолжаю атаковать твёрдую воду. Тело, измождённое рапидом и холодом, собирается сдаться. Но один взгляд на почти уснувшую Арину помогает мне нанести новый удар.

В пирамидальной юрте из криво выпаянных блоков уже не меньше нуля, но я всё равно не даю Арине заснуть. Пускай сначала отогреется. На индикаторе заряда шпаги осталась одна полоска. Оттаявшие розы поникли и перестали светиться. Надо было их оставить снаружи.

На ледяных блоках юрты пляшут наши кровавые тени, возникающие от алой свечи плазменной шпаги. На рукоятке оружия алеет мой опознавательный код. Только эмиссар ли я теперь? Девушка кладёт голову мне на плечо, и я стараюсь не шевелиться.

— Они нас убьют, — обречённо вымолвила Арина, вытирая красные глаза.

— Ха! Нас так просто не взять, — самоуверенно изрёк я, сминая пищевой тюбик, и по спине пробежали мурашки. Арина сказала «нас». Будто на виоле после соло взяли аккорд.

В юрте уже стало прохладнее — я не удержался и, чтобы оставить в шпаге немного заряда, уменьшил её мощность. Автоподзарядка медленная, а полностью восполнить заряд можно будет только в космопорте.

— Расскажи о себе, — мягко попросила Арина, часто хлопая длинными ресницами. Она говорила в нос и кашляла. Я нашёл в НЗ противопростудный препарат и приклеил полоску с лекарством Арине на плечо.

— Расскажу, — хрипло пообещал я и прикрыл глаза.

Я собирался с силами. Я собирался рассказать всё. В конце концов предел терпения есть даже у эмиссаров. И, совершенно не желая ударять невинного человека, я начал говорить. О том случае — впервые за два года. О жизни эмиссаром — впервые за всю жизнь.

Там тоже вся планета вымерзла. Зверские метели рвали просторы Сноу каждую неделю, а световой день приходил всего на пять часов. На Сноу вообще почти ничего не было. Километрах в трёхстах от города нефтяников соорудили лагерь для трудных подростков — собрались перевоспитывать экстремальными условиями, по новой программе. В левом бараке обитали двенадцать девчонок, а в правом — двенадцать мальчишек.

С ними жил всего один воспитатель — бывший военный, со стальными серыми глазами и ранней сединой. Без воспитателя подростки бы погибли.

Но случилась беда — километрах в двадцати от лагеря, во время одного из лыжных походов, нашёлся военный городок, оставшийся от последней кампании. Сноу тогда использовали как перевалочный пункт для ударов по Проциону.

Ребята наткнулись на старый десантный шлюп и ещё на всякую ерунду, наподобие карбоновых ножей, плазменных резаков и промышленных планшетников. Подростки отремонтировали корабль и догадались нанести на борт светоотражающей краской приказ: «Открывай трюм!!!». Топливо гнали из самостоятельно пробитой нефтяной скважины, сами перегоняли и дополняли присадками. Два года подряд они этим занимались. Как сказал мне потом наставник, он хотел всего лишь дать ребятам занятие.

Старшим к тому времени было восемнадцать, а младшим стукнуло пятнадцать.

По участку трассы, проложенной рядом со Сноу, корабли шли редко, и мальчишки почти ничем не рисковали. Шлюп был военный, а значит имел собственные двигатели и не зависел от имперской трассы. Когда корабль-жертва проходил рядом со Сноу, мальчишки подбирали пароль к энергобакену, каждый раз к новому, и отправляли устройство в долгую перезагрузку. Обесточенный корабль сажали на гравитационный луч и пускали в эфир пятую симфонию Бетховена.

На корме шлюпа торчала не работающая плазменная пушка, ей и пугали. Шлюп поворачивался к жертве бортом, где был намалёван приказ, и замирал. Через час-два на заглохшем корабле открывался трюм и груз выплывал в космос.

Подростки грабили торговые суда, туристов, а раз даже подцепили контрабанду, и еле ушли — преступники начали резать броню шлюпа противометеорными лазерами. После каждого рейда мальчишки выжидали с месяц и анонимно жертвовали добычу благотворительным фондам, передавая посылки через редкие грузовики. Ребята никого не убивали. Но меня собирались.

Если бы они мне дали договорить, всё бы, вероятно, обошлось. Я прибыл в посёлок в пятый раз, когда окончательно собрал пёструю мозаику этой истории. В поясном картридже у меня было ровно двадцать пять пуговиц запрограммированных корректоров.

Но лагерь не хотел договариваться. Я отнимал у него мечту и собирался исковеркать кропотливо собранную по кусочкам психику. Я не хотел туда приходить, но был обязан это сделать. И пока я прорывался на флаере сквозь метель, я очень верил — поговорю с ними, и они всё поймут. Но разгорячённая от полёта сигара флаера, до которой не долетал снег, стояла рядом со мной, а пурга залепляла глаза. Я вглядывался в лица детей и в деланно равнодушное лицо воспитателя, и уже знал — они не поймут. Они не захотят. Ведь у них своя правда, ничуть не хуже моей.

Я чуть не примёрз к земле, но сердце работало ровно, а дыхание, несмотря на метель, не сбивалось. Пелена застила мне глаза. Я мог бы даже не включать шпагу, но инстинкт велел это сделать.

Я блокировал неумелые удары и яростно рыча, пытался удерживать карающую иглу. В тот день я наконец понял, как страшно быть эмиссаром.

А потом, когда я настиг предпоследнего, одна из девчонок выстрелила в меня сигнальной ракетой. Ему было всего пятнадцать, у него из-под вязаной шапки выбивался смешной рыжий чуб, а на правой руке болтался сшитый вручную браслет из разноцветного бисера.

Мы эмиссары. И мы не можем не подчиниться вбитым психосхемам. Обычный боец или агент может предать или... пожалеть. А мы нет. Мы либо убиваем, либо насильственно вмешиваемся в сознание. И в обязательном порядке сдаём отчёт в локальном штабе под гипнорайтером. Мы самые обычные инструменты, и романтика нашей профессии выветривается у самых упёртых за первые полгода. Я проверил.

— Там никого не осталось, — проговорил я.

Арина отодвинулась от меня. Она меня боялась.

— А воспитатель?

— Его я убил первым. Когда мальчишки расчехлили стационарный бластер на самодельной треноге, у воспитателя не хватило духу. Он всё понял и не хотел смотреть на то, что произойдёт. Подбери он удобный момент, мог бы и убить.

— Ты... убил и девочек тоже? — Арина могла бы и не спрашивать. Она уже знала ответ. Она всего лишь хотела, чтобы я договорил до конца.

— Убил. Всех.

— Ты не виноват.

— Не виноват. — Я согласно кивнул. — Это команды. Приказы.

— Вот видишь, — тихо сказала девушка.

— Да ведь это я был! Мои мысли командовали телом! Это я решал, что надо убить! — заорал я. — Я надеялся, что у меня однажды получится. Мне казалось, что в один день у меня получится удержать шпагу, — прошептал я.

Я иссяк. Арина положила голову мне на плечо, и меня неожиданно захлестнула волна тепла и спокойствия.

Я проснулся с необычной мыслью, к которой оказался не готов. Арина стала для меня больше, чем просто девушкой, которую я обязан спасти. Я прекрасно понимал, что внешняя привлекательность Арины заложена в её генах, а сообразительность — результат статистической ошибки. Но Арина для меня — настоящий человек, и никогда в жизни я никому не позволю назвать её клоном.

— Алекс, я готова, — раздалось снаружи.

Я полез из юрты по кривому лазу. Мы спали семь часов. За это время наступило утро и температура стала нормальной. Снег почти перестал сыпаться, поэтому наши следы было чётко видно. Я смотрел в небо, надеясь обнаружить огненный росчерк снижающегося к космопорту транспорта, но понимал, что это глупо. Транспорт должен был прилететь, пока мы спали.

Арина взяла меня за руку.

— Что со мной будет?

— Тебе сделают имперский паспорт, — бесцветно сказал я, подавляя эмоции.

— А дальше?

— Получишь денежное пособие и сможешь выбрать место жительства на любой из планет Империи. Пройдёшь адаптационные курсы.

— Мы расстанемся? — неожиданно остановилась Арина и схватила меня за руку.

Я хватил ртом воздух так, что зубы заломило от холода. Арина смотрела честно и наивно. Только не хватало, чтобы... клон... в меня влюбилась. Я попытался ответить ещё раз, чтобы девушка не волновалась:

— Посмотрим.

Арина благодарно сжала мою руку. Мне неудержимо захотелось прижать девушку к себе, ощутить на своей коже её нежные губы. Но мне мечтать вредно. Я ведь ещё эмиссар. Всего лишь эмиссар, который ничего не может изменить.

— Скажи, а ты правда готова не расставаться со мной? — прямо и безапелляционно спросил я. Пускай девушка поймёт, что наш разговор может жёстко поменять жизнь. — Нас скорее всего разлучат навсегда. Но ты не будешь знать нужды, и не станешь жить в страхе за свою жизнь.

Мы молчали. Я волновался с неожиданной для себя силой. Я терял голову от совершенно незнакомой девушки и ничего не мог с собой поделать. Вирус раскрепощал меня с неудержимой силой. Арина не говорила ни слова, и я не считал себя вправе подталкивать её к принятию решения.

— На Тае я жила бесцветной жизнью, и всё, что меня ждало — быть рабыней одного из фермеров. Ты подарил мне шанс всё переменить. И я не хочу его упускать. Я хочу остаться с тобой.

Я сжал ладонь Арины и внимательно посмотрел на неё. Конечно, это всё результат действия стрессовых ситуаций. Мы ведь чужие люди. Неужели любовь может вспыхнуть так быстро и так ярко? Зря я затеял этот разговор и без нужды ранил бедную девушку.

Мы шли, не говоря ни слова, боясь нарушить невидимую нить доверия, связавшую нас. Ночной холод отступал, и идти становилось легче. Вокруг нас были горы и огромные валуны, но приближающихся людей было бы слышно издалека.

Я благодарно вспомнил Ингреда и задумался над его тягой ко всему живому. Почему продолжают выращивать деревья и вручную шить одежду? Ведь практически всё можно клонировать или поручить машинам. Зачем человеку жизненно необходимо хоть что-то настоящее?

Глава 7

Шпага начисто сжигает забрало повстанца, и он съезжает по склону с нелепо хватающими воздух руками. Я толкаю Арину на землю и откатываюсь в сторону. Мы прижимаемся к валуну размером с небольшой флаер.

Сердце разгоняется, стремясь доставить в мышцы адреналин. Ещё двое, в тех же пятидесяти метрах, валятся с прожженными костюмами. Я подношу палец ко рту. В рукавице это по-

лучается неуклюже, и я наконец осознаю, что давно пора освободить руки. Нашариваю рукоятку шпаги. Палец ложится на рычажок, но не сдвигает. Заряд надо беречь.

— Это эмиссары! — вопит один из повстанцев. Их человек двадцать, одеты в комбинезоны охранителей с турелями на плечах. Вероятно, за нами отправились все охранители Тая. На ногах у них такие же снегоступы, как у нас.

Повстанцы стреляют из многозарядных арбалетов, опустившись на колено умело загружают новые болты. Между бойцами мечутся, на первый взгляд бессмысленно, двое странных мужчин. Повстанцы разбегаются, занимают позиции за камнями и выкрикивают друг другу неясные команды. Болты буквально отскакивают от двух воинов с серой кожей или сгорают на подлёте на острие электромагнитной иглы.

Двое эмиссаров с сосредоточенными лицами упорно пробиваются сквозь врагов.

Повстанцы начали движение в нашу сторону, стремясь найти путь к отступлению. В голове становится легко и звонко, а руки будто обретают стальные мышцы. Жду, пока противники подойдут, а затем выпрыгиваю из-за укрытия с перекатом. Теперь есть шанс, что не сунутся и не обнаружат Арину.

Двое повстанцев в шаге от меня разворачиваются. Один совсем ещё мальчишка, но реакция у него что надо. В камень под ногами плюет арбалет, и я в прыжке отсекаю руку с оружием. Парень смотрит на обрубок, пятится и садится.

Второй, лысый мужчина с широким лучевым шрамом на щеке, выстрелить не успевает. Я приготовился к перекату, но противник внезапно падает на колени и роняет оружие. На его груди ничего не видно — костюм держит удар, зато на спине, в которую вонзилось острие шпаги, чернота. Ненавижу запах плавленого полимера.

Эмиссар машет мне, чтобы я отступал. Возвращаюсь к Арине. Девушка от страха еле дышит. Но больше сражаться не пришлось. Удалось скрыться пяти повстанцам, и преследовать их мы не стали.

Арина заключает меня в объятия и обеспокоенно осматривает фиалковыми глазами. В забытье целует шею, щеки, руки.

Обхватываю красавицу правой рукой, в которой зажата шпага, а левой провожу по золотистым волосам.

Поцелуй получился долгим и сладким. Я знал, что поступаю неправильно, но губы Арины от этого становились только желаннее.

— Нас ждут, — отстраняюсь я.

— Наши? — наивно спрашивает Арина.

— Империи, — машинально поправляю я и обнаруживаю, что не очень-то рад близящемуся исходу. Нам с Ариной придётся расстаться, и, наверное, навсегда.

Того парня, что я лишил руки, тоже убили. Я покачал головой. Мы проходим между трупов и выходим на дорожку, ведущую вниз к центру посёлка.

Вокруг удивительно тихо. Те из фермеров, кто, несмотря на ранний час, работал в своих теплицах, спешно укрылись в домах. Пускай многие из местных недолюбливали Кодекс, но своими жизнями рисковать не собирались.

— Служу Империи! — раздаётся низкий голос на латинском.

Двое эмиссаров с посеревшими из-за активированного рапида лицами, подошли к нам, как только закончили добивать повстанцев. Руки лежат на эфесах закреплённых на поясе шпаг, как положено по уставу. Мужчины одинакового роста и ширины в плечах, только у того, что справа, волосы длинные и светлые, а стоящий слева брит налысо. У обоих порванные болтами и кинжалами куртки и брюки. Но до чего же странно видеть эмиссаров, работающих в тандеме. Всё равно что заставить два отрицательных заряда занять один объём. Ещё с Академии нас натаскивали на работу в одиночку. Мы слишком ценный материал, чтобы расходовать его сразу по двое.

— Эмиссар Алекс Волков! — представляюсь я, отставляя формальности.

Неприятный скрипучий голос принадлежит старшему, ему я дал бы лет сорок:

— Я Бернар Шрёдер, а это мой напарник Ричард Райт. Мы представляем подразделение Особых задач.

Райт, я бы сказал, что он мой ровесник, переглянулся со Шрёдером, будто спрашивая разрешения, и задал первый вопрос:

— Что здесь происходит? Мы только что прибыли, увидели спускающихся вооруженных людей. Активировали рапид и... не ошиблись.

— Это повстанцы, — ответил я.

— Весело тут у вас. Твой лик сожжён? — поинтересовался Райт.

— Да. ЭМ-бомба. А где же взвод?

— Никакого взвода не будет. Причём здесь он?

— Я отправлял экспресс-передачу! — демонстрирую палец с розовой кожей от вырванного импа и озвучиваю догадку. — Значит, всё же повстанцы глушат сигналы на орбите.

— У тебя здесь задание? — интересуется Шрёдер.

— Я проездом, — коротко объясняю и информирую. — В Столице человеческий инкубатор.

— Неплохо, — цокнул Райт. — Но мы это предполагали. Собственно, это и есть наше со Шрёдером задание.

— Она — клон? — бритый небрежно показал на жмущуюся ко мне Арину.

— Нет, — вдруг сказал я и поразился себе.

— Врёшь, — констатировал лысый, на миг прикрыв глаза.

Я только усмехнулся. Во время рапида даже это действие ускоряется.

— У тебя вирус, — ровно произнёс Шрёдер. Я заметил, как окаменел молодой, но бритый знал, что делает.

— Серьёзно? — осклабился я.

— Ты не убил противника. Без причины соврал эмиссару. Да посмотри на себя.

Рукоять оружия была зажата в моей правой руке, а в левой я держал ладонь Арины. Я колебался несколько секунд, а потом, покрывшись ледяным потом, поспешно прикрепил оружие на пояс и отцепился от девушки.

— Мы берём тебя под опеку. Девушка остаётся с нами до выяснения обстоятельств, — сухо сказал Шрёдер.

Я знал, что заражен, но подчиняться этим двум особистам мне было очень противно. Шрёдер смотрел на меня расчётливым взглядом профессионала.

— Сдай оружие. — Шрёдер протянул ладонь с ухоженными пальцами. Знаем мы такие. В каждом ногте — по сюрпризу.

— Всё равно почти разряжена, — растянул в улыбке тонкие губы Райт. — Игла твоей шпаги светилась жёлтым.

Я колебался несколько секунд, но всё же отстегнул оружие.

— Пойдём. — Бритый положил руку на моё плечо и меня покоробило от этого панибратского жеста.

Арина шла рядом, встревоженно глядя на меня, и Райт не касался её, что меня радовало.

Глава 8

Меня усадили за стол вирткlуба напротив Арины. Никого, кроме нас, не было. Разбитый стеклопластик у входной двери прибрали. В зале лежали пять трупов, но никого из раненых мною охранителей не было. Видимо, фермеры взяли пострадавших домой.

— Твоя работа? — кивнул Шрёдер.

Вопрос был формальностью, и я не ответил. Райт ухмыльнулся. Моё неприятие особистов выражалось всё более активно, и я не мог себя контролировать.

Шрёдер приклеил к моим вискам, груди и кистям присоски беспроводных электродов, а Райт следил за процессом по медицинскому планшетнику.

— Вы подготовились, — бросил я, стараясь не смотреть в испуганные донельзя глаза Арины. Я специально стал вести себя вызывающе, чтобы девушка поняла — не боюсь я этих особистов. Напротив. Чувствую свою силу и правоту. Только вот шпага на поясе отсутствует.

— Это наша стандартная экипировка, — объяснил Шрёдер и уселся на край стола. — Начинаем.

Райт встал посередине комнаты и стал водить пальцем по экрану планшетника.

— Тебе больно? — шепнула Арина.

— Ни капельки, — честно ответил я.

— Тест проходит незаметно для испытуемого, — пояснил Шрёдер.

— Дайте нам пить, — попросил я и кивнул на бочку автомата.

Шрёдер принёс два стакана и подошёл к Райту. Мы с Ариной жадно пили. Я смотрел на девушку и осознавал, что не нужна мне никакая служба эмиссаром. И пускай меня не отпустят до пенсии — человек с врождёнными способностями, которые встречаются у одного из миллиона, да к тому же прошедший спецподготовку слишком ценен. Но я могу натаскивать молодых, работать дознавателем. К чёрту эту оперативную работу. Пора завязывать.

— Очень хорошо! — Шрёдер хлопнул в ладоши и с чпоками отлепил электроды. На их месте оставалась покрасневшая кожа, которая чесалась. Я застёгивал рубашку и куртку.

— Говорить? — спросил Райт.

— Давай, — разрешил Шрёдер.

— У тебя эволюционирующий морф первого класса, который реагирует на удалённые команды. Побочный эффект — всплескообразное доведение подсознательных желаний до уровня сознания.

— Это смертельно? — пролепетала Арина.

— Как посмотреть, — задумчиво сказал Шрёдер. Его лицо было серое-серое. Но примерно через тридцать минут придёт срок расплаты за бессмертие. Я неожиданно включил внутренний таймер.

Шрёдер с Райтом переглянулись. Начал Райт, похоже, он имел дополнительную специализацию, потому что тонкости не знал и я:

— Мы решили не делать тебе инъекцию снотворного, чтобы не консервировать вирус. Морф первого класса, мало ли что. Через час прибудет баржа, и на ней я тебя доставлю к космопорту.

— Просто не повезло, — вдруг сокрушенно проговорил я.

— Кому? — не понял Райт.

— Мне предложили в баре купить биодобавки, а я потребовал лицензию и раскрылся. Потом в вирткубе меня и заразили.

— Твой путь мы проследили, — хмыкнул Райт. — Кстати, техника ног у тебя поставлена неудачно.

— Мы смотрели видео с камер, — на моё вытянувшееся лицо отреагировал Шрёдер.

— Прогуляемся к бару, — предложил Райт и нахмурился. — Честное слово, рядом с трупами находиться неприятно.

Шрёдер смерил напарника, как мне показалось недовольным взглядом, но поддержал его.

— Пойдём. — Шрёдер направился к выходу.

Арина тревожно смотрела на меня. Я пошёл рядом с ней. Она будто чувствовала, что мы расстаемся навсегда. Девушку отправят в далёкий адаптационный центр, а меня — в военную лабораторию.

Мир стал стремительно терять краски, становясь чёрно-белым. Все звуки стали достигать меня, будто сквозь толщу воды.

– Всё будет хорошо, — нашёл силы сказать я и отвернулся, чтобы не видеть её умоляющих глаз. Что ещё я мог ей сказать? Что ничего изменить не смогу, даже если захочу? Что, если нам и выпадет шанс из миллиона, нам придётся влачить жалкое существование где-нибудь на окраине Империи?

Пусть лучше всё остаётся так, как есть. Я не имею никакого права даже думать о том, чтобы исковеркать судьбу девушки. Всё это лишь химические реакции, катализированные выплесками адреналина. Пройдёт.

Но из бесцветной апатии во мне вскипела необъяснимая злоба. Никто и никогда не позволит, чтобы действующий эмиссар обзавёлся привязанностью. Моя судьба, как зараженного вирусом, была мне безразлична.

Я терял Арину навсегда, но не имел права принять решение без неё. Я пристально посмотрел на девушку и спросил:

— Помнишь наш разговор?

Девушка кивнула.

— Ты не передумала?

— Нет, — одними губами прошептала Арина, и я почувствовал, что мир стал вновь ярким и цветным. Это безумие. Но безумие, приносящее светлую радость.

Бармен вздрогнул, увидев меня и двух эмиссаров. Мы сели за столик. Трое озабоченно переговаривающихся фермеров бы-

стро окончили трапезу и убрались. Лицо бармена стало хмурым, но он ничего не сказал. Я впервые, благодаря вирусу, взглянул на эмиссаров со стороны. Мы прямолинейные, точно следуем уставу и откладываем все душевные порывы. Но ведь так жить нельзя! Человек — тот, кто не только чувствует, но и проявляет чувства.

— Мне всегда было интересно. А сколько раз в день вы можете *смотреть*? Не напрягаясь, — поинтересовался я. Вопрос был слишком интимный, но с раскрепощенными вирусом эмоциями я не мог устоять, чтобы не спросить.

— Трижды, — отчеканил Шрёдер.

— Два раза, — заявил Райт.

— Я столько же, — ответил я. Не то, чтобы я завидовал, но всегда приятно знать, что ты не самый слабый. Тем более, не уступаешь особистам.

— Повстанцы могут попытаться напасть снова. Что будете делать? — Я продолжил разговор, выпивая чёрный чай. Всё же на Тае не так и плохо. По крайней мере много натуральной пищи. Арина сидела напротив, рядом со Шрёдером. Девушка старалась не смотреть на меня, но я всем сердцем чувствовал, что ей плохо. В присутствии эмиссаров я не смел даже коснуться её ладони, чтобы утешить.

— Взорвём ЭМ-бомбу, — сказал Шрёдер и показал неприметную сумочку на ремне брюк. Рядом была закреплена рукоятка моей шпаги.

— Компактная, — позавидовал я. — Неплохо вас снабжают. Скажите, а часто приходится бегать за эмиссарами?

— Когда как, — уклонился от ответа Шрёдер.

Райт смерил меня равнодушным взглядом и принялся изучать ногти.

Арина с печальным видом возила мороженое в вазочке. Я смотрел на девушку и не мог оторваться. Я ловил каждое её движение. Со всей ясностью я осознал, что жизнь без Арины никогда не будет прежней. И пускай гормоны перестанут раздражать отвечающие за влечение центры мозга уже через пару недель, но на всю оставшуюся жизнь мысль об Арине не даст мне покоя. И если я не попытаюсь сейчас, потом никогда не смогу

спать спокойно. Я нашёл силы переплавить кипящую лаву ярости в рассудительный холод и откинулся на спинке стула, сложил руки на груди и, прикрыв глаза, посмотрел поверх головы Райта. В его лице было что-то женственное. Быть может, слишком длинные ресницы или большие губы. Меня почему-то это рассмешило, и я еле-еле заставил себя сдержаться. Не то, чтобы я их ненавидел, просто такого рода пристрастия вызывали во мне недоумение.

Шрёдер и Райт ничего не заказали. Во время рапида невозможно пропихнуть в себя пищу.

Неожиданная догадка не давала покоя. Чтобы два эмиссара действовали в тандеме, их должно связывать нечто большее, чем простая дружба. Эмиссары форменные эгоисты. Каждый из нас, а тем более прошедший штучную боевую подготовку, чувствует себя исключением из правил. Чтобы действовать заодно, сидящим передо мной особистам необходимо каждую секунду чувствовать ответственность друг за друга.

Я спросил в лоб:

— А тяжело работать с другим эмиссаром?

— Нет, — почти в один голос деревянно ответили они.

— Шрёдер, когда у вас заканчивается рапид? Вы прямо здесь будете отходить? — наудачу спросил я.

Особист улыбнулся одними глазами:

— Через семь минут. Эмиссары в тандеме отходят от рапида по очереди. Если бы у тебя не было морфа, ты бы догадался.

Что мне нравится в разговоре с эмиссарами, так это то, что можно не врать. Внешне эмиссары не проявляли беспокойства.

— Райт, мне поссать надо, — процедил я через шесть минут, за которые ни разу не посмотрел на Арину. Я больше не хотел отвлекать себя. Ровесник вскинул голову и без предупреждения пригвоздил колким взглядом. Я действительно очень хотел облегчиться.

А интересно, что другие эмиссары ощущают в тот момент, когда *смотрят*.

— Только быстро, — спокойно ответил Райт и отвернулся. Проверенный эмиссаром человек не может солгать, даже если он тоже эмиссар.

Я посетил кабинку за баром, собрался возвращаться, но вспомнил Арину, её светящиеся сапожки и ласковые руки. И — передумал. И получилось так, что я обманул Райта.

Мне хотелось смотреть в зеленоватое утреннее небо над слепящими снежными вершинами. Ровно через семь минут я ворвался в бар.

Райт, скрученный судорогой, корчился на полу, а Шрёдер улыбался ртом, полным белоснежных зубов. Тяжело дыша, я замер у стола.

— Там... — выдохнул я. Набрал воздуха и начал вновь, — Повстанцы спускаются.

— Что? — взвился Шрёдер.

— Взрывай ЭМ-бомбу, иначе не уйти. Всех пожгут. У них полное вооружение.

Эмиссар с ходу насадил меня на иглу взгляда. Я окаменел, по спине разлился холод. Лишь бы Арина уцелела. Волна повстанцев, захватывая фермеров из ближайших домов, ещё только спускалась, поэтому сканеры лика не фиксировали их оружие. Видимо, ополчение шло прямо из посёлка, где жил Ингред. Тайцы действительно хотят распрощаться с Империей. Да вот только у матери-Империи тяжёлая рука, и она ни за что не отпустит своих детей. Колонии должны хотя бы рассчитаться за потраченные на них ресурсы.

Райт, лежащий на полу, задел ногой стул и затих. Изо рта эмиссара потекла жёлтая слюна, глаза выкатились. Бармен у стойки перестал протирать бокалы вафельным полотенцем.

Шрёдер моргнул, посмотрел на меня обычным взглядом и быстрыми движениями стал распаковывать ЭМ-бомбу. На миг, когда диск размером с ладонь отправился к открытой двери бара, взгляд эмиссара затуманился.

В баре стало тускло, остался только дневной оконный свет.

Я быстро ударил Шрёдера локтём в кадык. Рапид без лика бесполезен. Противник успел отклониться и удар прошёл вскользь. Я выбросил сжатую в кулак правую руку, Шрёдер отступил, запнулся о Райта, и я провёл серию ударов уже всерьёз. Эмиссар перелетел барную стойку. Бармен, смахнув два бокала, сбежал на кухню. Я перепрыгнул стойку, отцепил с

ремня Шрёдера свою шпагу и с наслаждением двинул гардой противнику в челюсть.

— А говорили, техника у меня плохая. Свою на двоих подправьте, — сказал я и в очередной раз поразился себе. Ещё вчера я бы никогда не стал так глупо терять время.

Я прыгнул обратно в зал... и вжался спиной в стойку. Райт с хмурым зеленоватым лицом и с пеной на подбородке, держал зажженную шпагу. Что ж. Даже рапид у особистов быстро заканчивается. Я сдвинул рычажок, зажигая электромагнитную иглу.

— Ты можешь обманывать. Поразительно, — восхитился Райт, утирая рукавом рот. — Уникальнейший морф.

— Я соврал Шрёдеру отчасти. У повстанцев нет лишь плазменников.

Лицо Райта на мгновение посерьёзнело, а затем эмиссар рассмеялся. Но Райт всё же одним глазом глянул в окно. То, что он там увидел, его не обрадовало. Полсотни мужчин окружали бар. Одеты они были в обычную одежду, а в руках держали арбалеты, мечи, шпаги и кинжалы. Видимо, флаеры с подмогой из Столицы не успевали, и был получен приказ не дать нам сесть на баржу любой ценой.

— Предлагаю перемирие, — собрался с мыслями Райт.

— Мои условия — отпускаете меня и Арину. Иначе убью Шрёдера, — предложил я.

— Идёт, — без колебаний ядовито сказал Райт. Зафиксировав вспышку гнева в его глазах, я с радостью понял, что в этом вопросе я не ошибся.

Я кивнул девушке, и та, опасливо поглядывая на особиста, подбежала ко мне. В её глазах читалась искренняя благодарность женщины, которая ждёт чуда от своего мужчины.

Ни у кого из нас рапид не остался, но думать об этом совершенно не хотелось. Главное, что теперь Арина грела моё сердце своим, и я чувствовал её горячее дыхание на своей не зря побритой щеке.

У ботинок белеют застывшая пластиковая лужа от сожженных ножек стола и опрокинутая бочка служебного робота с рас-

плавленными ЭМ-бомбой цепями. Спину подпирает перевёрнутый стол. Бармен сидит тут же, под заполненным пиццами духовым шкафом. На лице хозяина отражается смесь страдания за разбитый бар и откровенное одобрение повстанцев.

Я медленно повернулся, стараясь не отлипать от укрытия. В стойку, за которой укрывался Райт, врезались пара арбалетных болтов. Я подмигнул сжавшейся рядом Арине. Из подсобки было видно небо в просвет между потолочной пластиной зала и стеной. Потолок угрожающе дрожал и собирался падать. В ожидании ополчения мы с Райтом благополучно обрушили три опоры и надрезали четвертую. Арина в это время сидела на полу кухни с занесённым над горлом Шрёдера кухонным ножом. По непривычно хищному выражению лица Арины можно было не сомневаться, что девушка без сожаления перережет шею, если Райт сделает хотя бы одно неверное движение в мою сторону.

Райт отбросил в нападавших один из нагроможденных нами на стойку столов, присел и махнул мне рукой. Набившееся в бар ополчение растерялось. Арбалеты были только у тех, кто стоял от входа, и стрелять в Райта было невозможно. Эмиссар бился с ожесточением, с желчной усмешкой на губах. Особист защищал любимого.

Я чувствовал жаркое биение каждого мгновения. Без рапида мы были уязвимы как обычные люди. Сквозь баррикады протискиваться удавалось одному-двум. Первого встречал Райт, второго, из кухни, я. Но долго так продолжаться не могло. Рано или поздно баррикада разрушиться, и в наши тела вопьются клинки и арбалетные болты.

Я сверился с часами на стене подсобки. Половина девятого утра. Пора — баржа должна была прибыть. Всё равно, больше рисковать, находясь в баре, нельзя. Я поднялся и прорезал в конец покрасневшей иглой дыру в пластиковой стене. Райт одним росчерком отсёк клинки мечей двух противников и, демонстрируя завидную растяжку, впечатал один на двоих размашистый уширо-маваш с разворота. Эмиссар расплавил до конца середину опоры, и потолок рухнул, прибивая людей. В воздухе повисла пыль, стало невозможно дышать и трудно было хоть что-то разглядеть. Раздались крики и стоны. Райт метнулся на

кухню и стал подтаскивать к стене Шрёдера, который спал от впрыснутого мною гиперкаина.

До баржи было метров двести. Я толкнул Арину, и девушка помчалась к кораблю. Я мог побежать следом, но бросить эмиссаров мне казалось бесчеловечным. Пускай они были готовы навсегда разлучить нас, но я ведь тоже человек. И я научился доверять чувствам. А человек — как минимум умеет сочувствовать таким же, как он сам.

Бармен не выдержал и схватил огромный нож. Без сожаления я отрубил кинувшемуся мужчине руку. Тот завопил, и Райт вырубил его носком ботинка в висок.

Я взял Шрёдера за ноги, а Райт — за руки, и мы побежали к барже. Повстанцы ещё разбирались с рухнувшей крышей.

Судно было широким диском, висевшим на воздушной подушке, с рядами кресел для пассажиров и грузовыми коробами. Борта диска были высотой по пояс, когда-то прозрачные, а теперь мутные от пыли и брызг. У ограждений притулились четыре паукообразных грузчика размером с человека. Роботы бездействовали.

Когда до трапа оставалось шага три, первые повстанцы вырвались из сложившегося как карточный домик бара. Я первым взбежал на баржу и принял Шрёдера. Оторопевший капитан — мужчина с пышными седыми усами и в синей униформе сотрудника космопорта, подбежал к нам.

— Летим! — скомандовал я.

Капитан неловко отступил и растерянно посмотрел на меня:

— Стоим ведь два часа...

Не давая опомниться, я схватил его руку и во время пожатия уколол мизинцем в кисть, впрыскивая из имп-шприца сыворотку доверия. Времени на запугивания не было, мне нужна была полная подчинённость.

— Уводи баржу! Бегом! — крикнул я. — И — пригнитесь!

Химия подействовала моментально. Капитан закрыл глаза и зашевелил неслышно губами, отдавая приказ. Лик у мужчины был недорогой, раз изображение подавалось не прямо на глаза, а на полимерные дисплеи, приклеенные к векам.

Трап откинулся, и судно начало отдаляться от берега.

— Отойди! — крикнул Райт, всё это время стоявший у борта, и попытался оттолкнуть меня. Ополчение заполняло пирс. Но я окаменел и не дал эмиссару сдвинуться. Я держал шпагу, с иссякающим зарядом, над шеей Шрёдера. Наконец Райт дёрнулся, и его глаза расширились.

Я выбил из рук эмиссара шпагу, пригнулся и осторожно уложил мужчину на пол. Из-под левой его лопатки торчал арбалетный болт. В поручни звякнули несколько болтов, но скоро нас будет не достать.

Ранили эмиссара неприятно, но лёгкое не задето. Я начал открывать картридж с пуговицами корректора. Райт захрипел, пытаясь оттолкнуть меня здоровой рукой. Глаза эмиссара светились бешенством.

— Не шути со мной, — попросил я. — Могу покалечить.

Особист понял, что он в безнадёжном положении, и затих. Эмиссара била дрожь. У него играли желваки, а пальцы судорожно сжимались. Но Райт ничего не мог сделать.

— Вы ведь прилетели на своём корабле?

Райт кивнул.

— Ключ. — Я протянул ладонь. Нет сомнений, что корабль спецслужбы дополнительно блокирован считывателем паролей-меток.

Глаза особиста пылали, как земля в линии терминатора на индийской колонии Испепелитель. Двойная звёзда раз в год входила в резонанс и беспощадно и методично прожаривала планету.

Райт, кривясь от боли при движении, отклеил с кисти неприметную полоску телесного цвета. Я прилепил ещё тёплый ключ себе на кисть.

— Ключ всего один? — проникновенно спросил я.

Райт кивнул. Я не мог рисковать, и *посмотрел*. Эмиссар не врал. У меня на пару секунд потемнело в глазах от потери энергии.

Райт нервно смотрел на меня и кусал губы. Было непонятно, за кого он переживал больше — за себя или за Шрёдера.

— Спасибо, — сказал я Райту серьёзно. — Я вас не убью.

Арина смотрела на меня с мольбой. Она не хотела видеть и чувствовать вину за ещё два убийства. Но для меня две лишних

смерти, особенно когда я перешагнул все мыслимые границы — нарушил закон и поднял руку на своих же, были бы не так уж и большой тяжестью. Но я просто не хотел больше убивать. Меня переполняла любовь, и осквернять это чувство лишней кровью я не собирался.

Я расстегнул картридж на поясе. Глаза Райта в ужасе расширились. Я наклонился и аккуратно прилепил рядом со вздувшейся жилой на виске особиста таблетку корректора. Он был включен в стандартный режим аспонтанности на два дня. Я бы его запрограммировал иначе, но мой лик был сожжён.

Почувствовав прикосновение металла, Райт посмотрел мне в глаза и окатил волной злобы. Я задержался на пару секунд, интересуясь тем, как будет изменяться лицо Райта. Мне хотелось проверить действие корректора на эмиссаре. Но ничего не происходило. Я отвернулся и прилепил новый корректор к виску бессознательного Шрёдера. В зависимости от установленной программы, в психике могли происходить серьёзные изменения. Люди под *корректурой* могли продолжать мыслить как раньше. Только рука, собравшаяся выхватить пистолет с ядовитыми дротиками, отказывалась подчиняться, а по нервам человека будто пускали расплавленный металл. Я знал, что некоторые эмиссары подвергали себя кратковременной коррекции, однако смысла в добровольном истязании не видел. Мы обязаны корректировать и убивать, и ничего изменить не в силах.

Так было и есть для всех эмиссаров. Так было и для меня тоже. Но оседлав опаснейший вирус, я взял самый совершенный барьер в мире — директивы, впаянные в подсознание военными специалистами.

Арбалетный болт выдёргивать из Райта я не стал, но к месту ранения приложил губку минихирурга, который обезараживает ткани и останавливает кровотечение. В следующие два дня эмиссары будут похожи на овощи, а значит у нас с Ариной есть немного времени.

— Свидимся, — попрощался я и отправился к пассажирским креслам.

Райт ничего не сказал. Когда я обернулся в последний раз, его голова безвольно лежала на груди, которая вздымалась ровно и безмятежно.

Причал стал нестрашной запятой, а берег обвалился. Остались снежные вершины и окаймляющий их лес. Баржа летит быстро и не боится шквалистого ветра — половины дня ей достаточно, чтобы пересечь реку.

Мы с Ариной падаем в пружинящие кресла с автоподстройкой. Одурманенный капитан уходит на корму и облокачивается на перила. Отвожу взгляд на кипящую под сильным ветром реку. Брызги шторма до нас не долетают — они сбиваются воздушными потоками от винтов под дном баржи. Тем не менее от реки веет холодом, и я прошу капитана отрегулировать климатконтроль пассажирской зоны.

Я — эмиссар, который научился лгать эмиссарам. И только мы вырвемся с Тая, за нами пойдут не бездарные повстанцы, а отлично подготовленные бойцы, каждый из которых будет стоить десятка таких особистов, как Шрёдер и Райт. Меня с моим вирусом не отпустят ни на каких условиях. Но я верю, что мы с Ариной справимся. Не может быть, чтобы сила нашей любви не дала нам пережить грядущие трудности.

— А они не очнутся? — девушка показывает на эмиссаров.

— Нет, — качаю головой я.

— Один мудрец говорил, что будущее закрыто, прошлое забыто, а настоящее — даровано, — произнесла Арина.

— Ты действительно умная, — засмеялся я и впервые с того момента, как стал эмиссаром, почувствовал себя легко и уверенно. Я больше не боялся вируса и своих чувств к девушке. Развилка пройдена, и назад пути теперь нет.

— Читала книжки, — потупилась Арина. — Их мне не запрещали. Воспитателям было всё равно, ведь я некондиционная.

— Иди сюда, — говорю Арине. Девушка послушно обнимает меня двумя руками.

Глава 9

Чтобы поступать так, как подсказывает сердце, оказалось необходимо лишь обнажить нервы-струны, излучающие эмоции подобному тому, как виола — звуки. Жаль, что это лишь действие вируса, и сам я на такое оказался не способен.

Баржа сбрасывает сходни на причал космопорта. Перед тем как сойти, убеждаю доверчивого капитана, что ему следует оставаться на судне. От пристани бежит дорога к высокой стене и зданиям за ней — матовой пирамиде гостиницы и блестящему на солнце административному корпусу. Спящих эмиссаров я оттаскиваю в один из грузовых коробов и прошу капитана выпустить людей через двое суток. Даже если капитан придёт в себя раньше после сыворотки, эмиссары станут дееспособны, только когда мы будем далеко отсюда.

Тай не может позволить себе орбитальной док-станции и монструозным рейсовым и грузовым кораблям приходится опускаться на планету, отравляя среду атмосферными двигателями. Рядом с бетонной оградой космопорта, среди чахлого от радиации и химических выхлопов местного леса, раскинулось поле серебристых колосьев. Это приёмник микроволновой энергии, персональная орб-станция космопорта. Гигантские солнечные панели на орбите трансформируют электричество в излучение и передают без потерь через атмосферу. Просто и эффективно.

В метрополии орб-станции запретили после того, как террористы восемь столетий назад захватили спутник, оборудовали лазером и превратили один мегаполис в ядовитую смесь пластика, металла и органики. Но главная задача орб-станций — подпитка энергобакенов имперской трассы. Планетарные системы метрополии выступают лишь в роли потребителей. Судьба колоний-доноров в этом плане безрадостна, но иную политику Империя не может себе позволить.

Несколько пассажиров, остановившихся на Тае для пересадки, в отличие от меня, благоразумно остались в гостинице космопорта. Мы свободно подходим к скучающему таможеннику в круглой кабинке перед прозрачными, обманчиво тонкими дверьми. Слева и справа вдоль стены космопорта установлены дистанционно управляемые бластеры.

— Добро пожаловать в космопорт республики Тай, — мужчина приветливо улыбается. — Предъявите паспорта.

— Эмиссар, — коротко представляюсь я и включаю метку параллельно с паспортом.

Мужчина вздрагивает, его глаза широко раскрываются. Но он всё же справляется с эмоциями и замирает с напряжённой спиной. Он тянется к своему лику верифицировать информацию.

— Всё верно, — сообщает таможенник дрогнувшим голосом и вопросительно смотрит на Арину.

— Клон, — чеканю я, и это заявление добивает таможенника. Он краснеет, а затем бледнеет.

— Нам надо пройти к управляющему. Проведёте? — не давая мужчине опомниться, интересуюсь я.

— К-к-конечно, эмиссар, — проговаривает таможенник. Он проходит в кабинку, деактивирует оружейные системы, и двери распахиваются.

Мы проходим в пустой зал и поднимаемся на эскалаторе на второй административный этаж. Никого, даже сотрудников не видно. Первый грузовик прибудет ещё только через три дня. На пороге кабинета появляется невысокая женщина в строгой синей блузке и юбке. Таможенник кивает женщине, и оставляет нас, часто оглядываясь.

Космопорт в колониях — маленький кусочек метрополии, и на него Империя не скупится. Подбирается до мозга костей лояльное население, и ему создаются идеальные условия. В случае вооруженного захвата космопорты могут даже обороняться, будто крепости.

Садимся на диван, администратор предлагает напитки, но я отказываюсь. Пока дело не решено, расслабляться нельзя. Арина старается держаться уверенно, но я чувствую, как вспотела её ладошка в моей руке и как учащённо бьётся её сердце.

— Нам нужен корабль, — сразу говорю я. И рассказываю, что на Тае поднялись повстанцы, а в прибрежном посёлке взорвана ЭМ-бомба и убиты два эмиссара Особого отдела. На связь с Империей выходить нельзя, потому что мятежники перехватывают и глушат орбитальные передачи.

— Мне нужно дополнительно верифицировать вас, — заискивающе просит женщина.

Я демонстрирую паспорт и код эмиссара. После долгих поисков в столе администраторша подходит к Арине с серой коробочкой.

— Для таких случаев надо обязательно внести данные в базу, — уверенно говорит администраторша. Я секунду колеблюсь, затем киваю. Процедура недолгая, и если мы согласимся её пройти, только сэкономим время. Если же не дам записать Арину, нас вряд ли выпустят с планеты. Есть законы, выше которых не стоят даже эмиссары. У Арины снимают отпечатки пальцев, отбирают слюну в ДНК-картотеку и фотографируют глазное дно.

Через десять мучительных минут, пока администраторша общалась с подчинёнными по лику и разбиралась с полётным расписанием, я понял, что нам с Ариной повезло. Сотрудница нервничала, как и встретивший нас таможенник. Эмиссар на Тае, а тем более с клоном — невероятное событие для космопорта заброшенной колонии. Нас повезли на видавшем виды каре по матовому полибетону.

В центре поля возвышался направленный в небо синий клин на трёх суставчатых опорах — катер, на котором прилетели эмиссары Особого отдела. Мы подъехали к старенькому кораблю с серой и щербатой, а когда-то зеркальной обшивкой, который одиноко стоял в дальнем углу поля.

— Другого нет, — развела руками администраторша.

Я ничего не ответил. Радуюсь, что на Тае отыскался и такой. Я подал Арине руку, помогая спрыгнуть — в каре была отломана последняя ступенька.

Уже на борту я опустил ключ к кораблю эмиссаров в утилизатор. Без этого идентификатора попасть на катер не удастся. В обычное время отнять ключ у особиста невозможно — для этого пришлось бы его убить, но даже тогда не вышло бы попасть на корабль без дополнительной проверки. А теперь эмиссары застрянут на планете надолго. Чтобы вскрыть катер, избежав процедуры самоуничтожения, потребуются специалисты с Колыбели.

Когда в резонанс входят две части одного целого, они меняют мир. И меняются сами. У меня был шанс из миллиона встретить такую, чтобы сработали все струны души разом. И мне повезло. Арина кладёт голову с щекочущими лицо волосами мне на плечо.

— Твой вирус опасен? — озабоченно спрашивает девушка.

— Он влияет на меня, — признаюсь я. — Ты боишься?

— Нет, — тихо говорит девушка и целует меня в уголок губ.

Жаль, что наша любовь спровоцирована лишь вирусом. Я бы отдал всё, чтобы это оказалось не так. Я согласен жить в самом старом бараке на окраине далёкой колонии Рай с сероводородными гейзерами. Каждый день приходилось бы брать инструменты и идти в поле, сквозь источающие миазмы болота. На Рае неблагоприятный магнитный фон и практически вся техника отказывает. Чтобы выжить, приходится вручную разбивать камни, добывая ценный экспортный минерал. Но я согласен на всё, лишь бы наша с Ариной любовь оказалась настоящей. Увы. Чудес не бывает.

Над приборной доской светится небольшой объёмный экран, в нём кружится белоснежный Тай в зеленоватой дымке. Красиво. Но надо спешить.

— Выйти на трассу. Курс — Колыбель, — отдаю приказ машине.

Катер, давно подлежащий списанию, подчиняется и начинает дребезжать, попав в мощное магнитное поле. Тай, с блестящим кружком зеркала орб-станции, отодвигается вправо и медленно уменьшается. Корабль движется, используя энергию беспроводных передатчиков вдоль трассы. Как только синхронизация с энергобакенами завершится, вибрация прекратится.

— Я тебя люблю, — нежно говорю я Арине и прижимаю к себе. Счастье — это верить и любить. И ради этого можно совершить невозможное. Быть может, у нас есть шанс.

— Правда? — уточняет любимая.

Я не успеваю ответить, меня прерывает механический голос инкома:

— Входящая передача.

— Разрешить, — командую.

— Привет, Алекс, — раздаётся смутно знакомый голос. — Ты на орбите, а значит встреча с Ариной — хех — прошла успешно. Девочка была подобрана к твоему психопортрету так, чтобы любовь к ней смогла нарушить установки эмиссара. Арина и есть твой вирус. Ждём на Виррабе. Твой новый работодатель.

Я понимаю, что это был голос Рика. Капитана грузовиков, которого я убил сутки назад. Бывшего члена неведомой могущественной группировки.

— Пеленг! — кричу я.

— Орбитальный бакен аэм-пять. Самоуничтожился две секунды назад.

Я ошарашенно слушаю, как быстро бьётся моё сердце, и ему вторит сердце прижавшейся ко мне Арины. Чудо произошло. Оказывается, чудеса случаются. Осталось только за них заплатить.

In Memoriam

Рассказы, написанные в 2002 году, начинали задуманный Киром Булычевым цикл о «русской мисс Марпл».

Найдены в архиве.

Кир Булычев
ПЕТУХ КРИЧИТ С ОПОЗДАНИЕМ

Петух Громобой закричал как положено.

Шесть часов тридцать минут.

Баба Ксеня проснулась, прервав увлекательный сон про то, как она, молодая, бегает босиком по траве, свесила ноги с высокой кровати и поглядела на часы. Часы показывали семь часов двадцать одну минуту. Баба Ксения сказала часам: «Врешь». Потом пошла растапливать печку.

В окно она увидела, что проехал Степанов грузовик с бидонами молока. Это было странно, потому что Степанов грузовик проезжает позже.

Потом мимо забора прошла с корзинкой грибов Шура. Уже из леса. Быстро она сегодня управилась.

— Эй, — сказала баба Ксеня. — Вставай, Зоя, поднимайся, рабочий народ!

Жиличка Зоя не откликнулась.

Баба Ксеня отодвинула занавеску. Постель жилички была застелена. Ни Зои, ни фотоаппарата.

Баба Ксеня встревожилась и включила радио. Областная станция сказала, что время восемь часов одна минута, начинаем последние известия.

© Кир Булычев, 2002

И даже тогда баба Ксеня не поверила. За три последних года петух Громобой ни разу не подвел старуху, ни разу не ошибся даже на пять минут. Может, ему, как и всякому живому созданию, хотелось иногда встать пораньше, особенно весной, огласить окрестности зычным криком, подпеть другим петухам в деревне. Но держал себя в руках, верная птица, ждал, пока время подойдет к половине седьмого, и только тогда открывал свой клюв и клокотал — можно сказать, ревел — на всю округу. Крик его перекрывал все прочие петушиные голоса, даже собаки замолкали. Он проносился над улицей, скатывался по пологому откосу к реке, несся над широкой полосой воды и, ослабев, но не иссякнув, тянулся над Заречьем, пока не угасал в густом лесу. Громобой был славным петухом, знаменитым на весь район.

Баба Ксеня стояла в растерянности и думала, что, наверное, Громобой захворал. Теперь, задним числом, она сообразила, что его крик был слабее, глуше прежнего и голос звучал надтреснуто. Где же он, болезный?

Баба Ксеня выглянула в окно, но перед домом, где Громобой любил прогуливаться у завалинки, баловаться с соседской собакой и красоваться перед курами, петуха не оказалось. Баба Ксеня так испугалась, что не смела пойти в сарай — ей представилось, что петух лежит там бездыханный.

На счастье, вернулась жиличка Зоя Платоновна.

Прошагала быстрыми молодыми шагами к крыльцу, хлопнула дверью, заглянула на кухню и спросила:

— Что случилось, Ксеня? На тебе лица нет.

— Зоя, — сказала Ксеня, открывая шкафчик над столом, чтобы достать валидол, — что-то с Громобоем.

— Не может быть!.. А ведь, правда, он сегодня не кричал!

— Кричал, — сказала баба Ксеня. — Кричал, да не своим голосом, и на час опоздал. Ох, горе, горе...

— А ты смотрела?

— Боюсь.

— Не смотрела? Я схожу посмотрю.

— Погляди, Зоя. Погляди, умоляю.

Зоя Платоновна положила сумку с фотокамерой на диван и побежала в сарай. Ксеня секунду подождала, потом поспешила вслед. Вдвоем не страшно.

Петух сидел на жерди, поглядывал по сторонам, по виду — в добром здравии. И от того, что наступило такое облегчение, баба Ксеня разъярилась, подхватила с земли палку и начала ею махать, сгонять петуха с насеста и ругать его последними словами.

Петух слетел на землю и выскочил за дверь.

— Я же за него переживала, — сказала баба Ксеня.

— Понимаю, — сказала Зоя Платоновна.

Сарай был старый, с щелями, солнце прорезало его лучами, и в лучах суетились пылинки. Пахло пометом и старым сеном.

— Пошли, что ли, — сказала Ксения. — А я ему верю, да проспала из-за него, как пенсионерка. Стыд, страшно подумать.

Баба Ксеня была пенсионеркой давно уже, лет двадцать. Но считала это состояние позорным.

Они вышли во двор. Петух уже подошел к курам и разглядывал их с интересом.

Ксения постояла с минуту, чтобы полюбоваться своим Громобоем, потом сказала Зое Платоновне:

— Петух-то не наш.

— Не наш, — согласилась жиличка. — Это не Громобой.

— А где Громобой? — спросила баба Ксеня. Спокойно спросила. Событие было настолько неожиданным и даже невероятным, что баба Ксеня не рассердилась, не расстроилась — только удивилась.

Зоя Платоновна осторожно подошла к петуху, пригляделась — она очков не носила, и в шестьдесят лет глаза хорошие — и сказала:

— Он крашеный.

— Чего?

Зоя Платоновна нагнулась, ловко подхватила петуха, подняла на руки, прижимая к груди, чтобы не рвался, и поднесла к бабе Ксене.

Кто-то хотел, чтобы петух сошел за Громобоя. Громобой был удивительного цвета, темно-красного, с черным хвостом, таких петухов и не бывает. И вот этого, подставного, рыжего, обыкновенного, замаскировали. Хвост окунули в черное, а по крыльям прошлись красной краской.

— А мой где? — спросила баба Ксения.

— Не знаю, — ответила Зоя Платоновна.

— Господи, — сказала баба Ксеня. — И кому он мешал, кому он понадобился?.. — Помолчала, глядя, как Зоя задумчиво перебирает пальцами перья подставного петуха, и вдруг заплакала, запричитала, будто запела: — И куда тебя, сокровище мое, утащили, и какой злодей тебя на погибель похитил? И как же я теперь без тебя век свой коротать-горевать буду?.. — Потом замолчала вновь, словно отключилась, и через полминуты сказала трезвым, спокойным голосом: — Своими бы руками задушила!

Зоя отпустила подставного петуха, и тот, отойдя на шаг в сторону, принялся оправлять перья — он был тщеславен.

Никто из соседей не видел этой сцены — все были при делах. Ксения понурилась и пошла в дом. Зоя Платоновна смотрела ей вслед с горьким сочувствием. Ведь немного у бабы Ксени в жизни привязанностей. Муж помер, давно, сразу после войны. Сын есть, да почти не пишет, далеко живет. Иногда только летом пришлет на месяц внука, и то радость. Собака раньше была — волки задрали. Остался Громобой. Его баба Ксеня любила, как ребенка, баловала, кормила с рук, ругала его за петушьи шалости — и он Ксеню любил. Она чего на дворе делает — за ней ходит, словно оберегает. Или если сядут старухи на завалинку, выходит и стоит, ждет хозяйку. Ну не петух, а сознательное животное.

Ксеня хлопнула дверью. Тихо. И новый петух молчит, словно и ему неловко, что он соучастник в такой глупой шутке.

А ведь ясно, что все это не случайно. Исчез бы Громобой — погоревали бы, смирились. А здесь видно, что человек планировал, следы заметал, другого петуха по размеру подбирал, красил, подсовывал. Получилась не случайность, а преступление, хитроумие которого ну никак не вязалось с тишиной утренней деревни, негромкими разговорами кур, жужжанием пчел и теплым, душистым солнечным воздухом.

Что же теперь делать? — думала Зоя Платоновна. Созвать соседей? Посмеются и разойдутся восвояси. Петуха подменили! Ребята баловались. А ребят сейчас в деревне немного, да и в основном маленькие, которых родители бабкам из города на лето пристраивают. Деревня-то тихая, состарившаяся, одни ста-

рики и старухи. Ну допустим, кто-то из ребятишек придумал такую глупую шутку. Значит, этот ребятенок должен был ночью, в темноте, притащить к бабе Ксене в сарай уже подготовленного, крашеного петуха, оставить его там, поймать Громобоя, унести... а зачем? Вчера вечером она сама загоняла Громобоя в сарай — темнело уже, но то был точно Громобой. Даже заворчал на Зою, не желая, чтобы его торопили. Этот, новый, какой-то робкий, застенчивый.

Зоя Платоновна спохватилась, что стоит столбом посреди двора, вперив взгляд в пространство, и занимается дедуктивной работой, как знаменитые сыщики прошлого. Только перед теми сыщиками лежал труп графини, а она размышляет над судьбой петуха. Что ж, каждому свое.

Зоя Платоновна вспомнила, что хотела сфотографировать Серафиму на свиноферме. Там опоросилась рекордистка, надежда совхоза. До фермы берегом минут пятнадцать. Серафима уж, наверное, халат погладила, завилась, накрасилась — трудно сделать естественный кадр, люди обижаются, если их поймали в повседневном обличье. Серафима ждет, надо идти.

Зоя Платоновна поднялась в дом, взяла с дивана сумку с камерой, захватила с этажерки две запасные катушки пленки. В горнице было тихо. Где же Ксеня?

Зоя Платоновна заглянула на кухню.

Бабка сидела у окна, подперевшись рукой, и тихо плакала. Горько, покорно, чтобы никому не мешать, никого своим горем не беспокоить. Только плечи вздрагивали. И Зоя поняла, как велико бабкино горе, и ощутила безнадежность этого горя.

Зоя Платоновна не стала подходить к бабке, утешать ее. Ну как утешишь?

Нет, разумеется, оставался и второй путь. Казалось бы, естественный. Милиция. Охрана порядка.

У Зои Платоновны было достаточно развито чувство юмора, чтобы представить себе, как она приезжает в село Кучаевское, находит там участкового Зорькина и сообщает ему, что у бабки Ксени подменили петуха. Ага, говорит толстый усатый участковый, на котором в этот момент висит нераскрытое дело о краже со склада запчастей, именно петух и именно у бабки

Ксени. Значит, совершено воровство? Нет, отвечает московская жиличка бабки Ксени, которая бегает по окрестностям с фотоаппаратом и, вполне возможно, собирает материал для разоблачительного фельетона или для сатирического киножурнала «Фитиль». Нет, говорит она, вместо петуха Громобоя бабке Ксене оставлен таких же статей петух, который для убедительности даже подкрашен. И тогда участковый Зорькин понимает, что его провоцируют, чтобы выставить в смешном виде в фельетоне. К примеру: «Чем занимается кучаевская милиция в тот момент, когда не раскрыто хищение со склада запчастей?» А милиция, оказывается, распутывает дело века. Подмену петуха у бабки Ксени.

Представляя себе эту сцену, Зоя Платоновна шагала по дорожке вдоль берега реки, мимо старого магазина, мимо перевоза в Заречье, возле которого дремал начальник лодки подросток Симоненко Николай.

Подросток Симоненко, который был в этот момент свободен, издали увидел московскую бабку с веселыми глазами, у которой был фотоаппарат, что может только сниться начинающему фотолюбителю. Желание еще разок взглянуть на это сокровище было так велико, что, презрев гордость, он крикнул:

— Зоя Платоновна, в Заречье не скатаем?

— Я на свиноферму иду, — сказала московская бабка.

— Чего там не видали?

— Там у Серафимы свиноматка опоросилась. Я обещала снять.

— Аппарат покажите, а? — попросил Николай. — Я, может, тоже такой куплю.

Зоя умела входить в положение других людей. Николаем двигала благородная страсть. Зоя пошла навстречу поднявшемуся в нетерпении начальнику перевоза и чуть не ступила в белое месиво — у перевозов и паромов всегда грязнее, чем просто на дороге. То мешок переваливают с телеги или машины, уронят, то банку с краской потеряют, то бутылку разобьют. Раньше, до Николая, перевозчиком был один старик, тот держал окрестности перевоза в идеальном порядке. Симоненко же был человеком эмоциональным, с большими жизненными планами, так что убирать он не успевал.

— Осторожнее! — крикнул он Зое Платоновне. — Здесь вчера с зареченского участка активисты мешок с мелом прямо в лужу уронили. Теперь, наверно, с самолета видно, правда?

Зоя обошла лужу, присела на лавочку, раскрыла сумку, вытащила «роллейфлекс» и дала подержать Симоненко. Сама глядела на реку, на Заречье, на дальний лес и печалилась. Представляла, как сидит дома баба Ксеня и не может понять, за что ее так обидели.

— Вы чего? — спросил Симоненко. — Грустная какая-то. У меня глаз острый. Быть мне корреспондентом. Чего случилось? Тревожные известия из дома? Или заболевание?

— Нет, не преувеличивай. Но я в самом деле расстроена. У бабы Ксени петуха Громобоя украли.

— Значит, лиса забралась, — сказал Симоненко. — В прошлом году лиса у нас трех кур утащила.

— Ага, лиса, — согласилась Зоя Платоновна. — И вместо Громобоя она другого петуха принесла, чтобы никто не заметил.

— Так не бывает, — серьезно сказал Симоненко. — У нас в деревне такого быть не может. А живого принесла или дохлого?

— Живого, мой юный друг. И даже покрасила ему хвост, чтобы не угадали подмену.

— Вот это да! А не врете?

— Люди в моем возрасте уже не врут, — сказала Зоя Платоновна. — Хотя могут ошибаться.

— Не будем спорить, — согласился Симоненко Николай. — Но если не врете, то это настоящий детективный роман. Возможно, с убийством!

— Петуха? — спросила Зоя Платоновна.

Она бы ушла, но, разговаривая с ней, Симоненко не выпускал из рук камеры и лишь половина его существа поддерживала беседу — вторая глазела в объективы «роллейфлекса».

— Думаю, что за этим скрывается куда больше, чем вам кажется, — сказал Симоненко. — Кто-то заметал следы.

— Не знаю, не знаю, — сказала Зоя Платоновна. — Кто заметал, что заметал, но больше это похоже на элементарное хулиганство. Бабка переживает, ты не представляешь как.

— Если и хулиганство, — сказал Симоненко, возвращая камеру, — то не элементарное. Хулиганы не думают. Думают только настоящие преступники. Возможно, в наших краях появилась банда.

— И что?..

— Заметают следы.

— Ага, петушиным хвостом, — сказала Зоя, поднимаясь со скамейки.

— Вижу, — сказал Симоненко Николай, — что эта истории вас задела. И вы уже начали свое расследование.

— Я? Расследование?

— Не скрывайтесь. От меня не скроешься, — сказал Симоненко. — Про вас уже известно, что собираете материалы, расследуете. Все ясно, даже участковый Зорькин уверен. Может, от газеты, а вернее, от прокуратуры.

— Неужели я похожа на следователя?

— В этом и сила, что не похожи, — сказал Симоненко. — В лужу не наступите.

Зоя Платоновна пошла дальше по берегу, размышляя о том, что нелепость подобного подозрения кажется нелепостью лишь ей самой. Ну посудите сами: в тихую деревню, куда даже туристы редко заглядывают, приезжает из самой Москвы пожилая тетка. С тремя фотоаппаратами. Говорит — отдыхает. Говорит, что на пенсии. Где вы видели такую пенсионерку, которая едет за Урал, чтобы носиться с фотоаппаратом по свинофермам или гаражам, всюду сует свой острый нос, всюду поспевает, за две недели уже всех в деревне по именам и биографиям знает? Не видели? Вот и мы такой еще не видели. Если бы отдыхала, то сидела бы на лужайке и вязала, или бы в лес ходила по грибы, парное молочко бы пила... В общем, темная личность.

Ну что же, думала Зоя Платоновна, я сама виновата, что устроена таким образом, что меня всегда принимают не за того, кто я есть на самом деле. Потому что всегда неправильно себя веду. Разве я виновата, что так быстро и разнообразно провела свою жизнь, что не заметила, как состарилась? Не заметила, и все тут. Из детдома убежала в Арктику, потом старалась попасть в летную школу — все тогда, в тридцатых годах, старались стать

великими летчиками, — а стала шофером, и шофером прошла войну, а после войны метнулась вроде бы в другую сторону, кончила истфак, учила в школе, заодно успела вырастить своих двоих детей — и все мечтала: вот стану посвободнее или вот доживу до пенсии, возьму свой фотоаппарат и пойду по России, как Горький — с поправкой, правда, на время и специальность. Я всегда старалась хорошо делать то, что начинала делать. Я была хорошим шофером: повесить бы сейчас на себя мои сержантские медали и ордена — всех бы, наверное, в этой деревне перещеголяла. Я была хорошим историком и, наверное, ушла бы в науку, если бы не дети. Много вы знаете школьных учителей, у которых около сорока публикаций? Я стала хорошим фотографом. Вторая премия на биеннале в Лиссабоне что-то значит? Или репортаж об извержении на Камчатке в журнале «Советский Союз»? А ведь делала ту серию уже на пенсии. Я знаю, что это пустые слова: «шестьдесят — еще не возраст». Это возраст, и солидный. Просто я еще свою норму не пробежала. И бегу дальше. А люди, которые состарились рано, считают мои годы и придумывают черт знает что про нестандартную бабушку.

Но когда перевозчик Симоненко подозревал меня в тайном сотрудничестве с прокуратурой, он тоже не совсем ошибался. Всем людям свойственно упражнять ум в попытках решить ту или иную тайну. В зависимости от склонности натуры и энергии. Мне же свойственно — и не раз это в жизни случалось — воспринимать тайну как личный вызов. Наверное, это от любви к истории, которая, в сущности, сплошная тайна, потому что большинство людей, которые историю так или иначе делали, старались либо скрыть от окружающих истинные мотивы своих действий, либо таили сами поступки. Как только мы начинаем брать на веру тот слой истории, что лежит на поверхности, то почти наверняка обрекаем себя на неверное ее понимание. А к тому же что такое история? Все. И убийство в Сараеве, и восстание Уота Тайлера, и подмена петуха в маленькой деревне на зауральской реке. Просто некоторые исторические факты то по недоразумению, то по своей необычности, а то и потому, что много людей об этом знают, становятся достоянием широкой гласности. Другие — нет. И никто не узнает никог-

да, почему же понадобилось подменять петуха бабе Ксене, у которой в деревне наверняка нет ни одного врага, и эта страница истории останется такой же таинственной, как история Железной маски или пропажа Янтарной комнаты. И это неправильно. Настоящий историк не должен пренебрегать малыми проявлениями исторического процесса. Тем более что бывшей шоферше и бывшей учительнице Зое Платоновне Загорской уже приходилось в жизни несколько раз сталкиваться с тайнами, которые либо казались неразрешимыми, либо представлялись не стоящими внимания. Но все эти тайны имели общее свойство — разгадка их могла помочь душевному спокойствию или благу каких-то хороших людей. И тогда Зоя Платоновна принимала вызов, поднимала брошенную судьбой перчатку и, полагая себя именно историком, а не детективом, благополучно доводила до конца расследование. И в общем, если не изменяет память, провалов не случалось. Нет, не случалось...

На свиноферме все оказалось так, как Зоя предполагала. Серафима стояла при свиноматке в лучшем своем платье, сохраненном со школьного выпускного вечера, в самодельной прическе, напоминавшей шляпку гриба-сморчка, и на таких высоких каблуках, что переход в них от дома до свинофермы должен бы приравниваться к победе в марафонском беге на Олимпиаде. Вернее всего, туфли Серафима принесла в руке.

Серафима поглядела на Зою Платоновну прозрачными голубыми глазами, к сожалению, обведенными на два пальца тушью, и сказала:

— А я уж разнадеялась.

Свиноматка была так поражена видом любимой свинарки, что отказывалась кормить детей, а замерла у загородки, разинув рыло и часто моргая. Особенно завидовала каблукам, которые, видно, приняла за очень модные копыта.

Тут из-за стола вышел совхозный зоотехник Боренька в синем костюме и черной бабочке. Значит, Серафима, которая имела на Бореньку матримониальные планы, раскрыла ему секрет, и тот тоже подготовился к сеансу.

— Дети мои, — сказала Зоя Платоновна. — Не хотите ли вы меня убедить, что именно в таком виде ухаживают за животными?

— Когда как, — сказал осторожно Боренька.

— А что, некрасивое платье? — спросила испуганно Серафима. — Уже не модное?

— Слишком модное, — сказала Зоя Платоновна. — Твоя свиноматка просто обалдела.

— Кто? — Серафима поглядела на свинью. Поросята суетились вокруг на неокрепших ножках и жалко попискивали.

Ничего не оставалось, как смириться с необходимостью сделать несколько кадров, на которых Серафима элегантно тянула наманикюренные лапки к свинье, а рядом стоял не менее элегантный Боренька и краснел, потому что заслуженно чувствовал себя дураком. Попробуй показать эти кадры в солидном журнале. На тебя посмотрят сочувственно и спросят: «Сами им бальные одеяния привезли или напрокат в области брали?» И будут правы.

Работая, Зоя Платоновна думала, конечно, о случае с петухом.

Когда съемка завершилась, Боренька мгновенно убежал куда-то, наверное, не хотел, чтобы его кто-нибудь еще застиг в таком виде, а Серафима, с облегчением сняв туфли, пошла проводить Зою Платоновну до дороги, поддерживая подол платья, чтобы не замарать травой.

Зоя спросила ее:

— Вот ты, Сима, всю жизнь здесь живешь. Как ты думаешь, кто мог бабу Ксеню обидеть?

— Как обидеть?

— Петуха подменить. Не слыхала?

— Ничего не слыхала, — сказала Серафима. — Я здесь с утра.

— Громобой пропал. А вместо него другого петуха принесли.

— Кто?

— Это я тебя спрашиваю — кто?

— Никто не мог, — сказала Серафима. — Никто из наших не мог. Что же, дурачье, что ли?

— И мальчишки не могли?

— Зачем?

— Вот этот вопрос меня и мучает — зачем?

Они остановились у дороги. Солнце поднялось уже совсем высоко, стало жарко. Зоя Платоновна подумала, что чудесно бы сейчас искупаться, она неплохо плавала, но здесь, на людях стеснялась — здесь старухи не плавают. Поэтому, когда хотела купаться, уходила далеко, за березовую рощу.

— Надо что сделать, — сказала Серафима, — надо узнать, чей это петух. Которого подложили.

— Правильно, — сказала Зоя Платоновна. — Как же я не догадалась.

— А вы, наверно, думаете, что петухов здесь тысяча. А их всего штук пять на деревню. Рыжий, говорите?

— Рыжий.

— Рыжий у Боренькиной мамаши есть. Но, сами понимаете...

— Боренька у нас выше подозрений.

— А мамаша с радикулитом.

— Я не подозреваю их ни в чем.

— И правильно, — сказала Серафима, она сама уже была не рада, что подсказала путь следствию. — Нет у нас таких петухов. Мне на работу пора.

И ушла, почти сердитая на Зою Платоновну.

Детективам не приходится рассчитывать на любовь всего человечества, подумала Зоя Платоновна и побрела домой — жарко было, лень спешить...

Любопытно, как порой передаются мысли. Когда Зоя Платоновна вернулась в деревню, то у дома бабы Ксени было оживленно. Все бабки с деревни собрались там, кто уселся на завалинку, кто стоял. В этом круге смущенно топтался подставной петух. Бабки рассуждали: чей он может быть?

Зоиного появления они даже не заметили. Решению их мешало то, что петух был крашеный, а как отмыть его, и отмывать ли вообще, было непонятно. Подозрения неизбежно сходились к Боренькиной матери. Ее самой на этом конклаве не было, она, как известно, болела радикулитом.

— Пошли к ней, — сказала наконец тетя Шура, женщина решительная, которая раньше гоняла своего мужика палкой на работу. Пять лет гоняла, потом мужик сбежал.

— Пошли, — сказали бабки, но никуда не двинулись, потому что явиться к Боренькиной мамаше значило оскорбить соседку подозрением. И неизвестно, как бы они вышли из этого морального тупика, если бы на улице не показалась, скособочившись, зареванная и злая Боренькина мамаша — как-то услышала или узнала о бабьих пересудах и вот ковыляла к обвинителям, подгоняя перед собой хворостиной ярко-рыжего петуха, вещественное доказательство своей невиновности. При виде этой драматической сцены бабки начали спешно расходиться, а когда Боренькина мамаша дошла до завалинки, там оставались только тетя Шура, которая ничего не боялась, да сама баба Ксеня, которая при виде соседки в таком состоянии расплакались снова. И может, это к лучшему — Боренькина мамаша все поняла, обняла Ксеню, они сели рядом на завалинку и вместе поплакали. А тетя Шура достала папиросу, закурила и сказала:

— Так у вас, бабы, дело не пойдет.

И ушла. А два петуха стали ходить кругами, красоваться друг перед другом.

Таким образом, Зоя Платоновна убедилась, что петух не местный. Значит, злоумышленник мог прийти из какой-то соседней деревни. К примеру, из Баскакова — выше по реке, или из Заречья. Но кто будет тащить петуха в такую даль, если для этого нет по-настоящему серьезной причины? Именно то, что смысла в этой истории не было, Зою Платоновну и беспокоило.

Положив камеру в комнате и умывшись, Зоя Платоновна вышла к сараю. Может, там с ночи остались следы? Наверное, смешно, если бабка из Москвы ищет следы у сарая, как комиссар Мегрэ, но коль ты решил эту историческую тайну раскрыть, ничем нельзя пренебрегать.

Земля была сухая, утоптанная, никаких следов. Зоя Платоновна хотела было зайти в сарай и поглядеть как следует там, но тут ею внезапно завладела другая мысль, и она вернулась к бабкам на завалинке. И зря, потому что, загляни она в сарай, следствие бы продвинулось куда скорее, чем это случилось на самом деле. Но всем детективам, даже самым известным, свойственно делать ошибки. Иногда это случается потому, что ав-

тор повести сам не знает, куда дальше двинется его сюжет, порой это происходит от желания того же автора написать большую повесть, а не маленькую, так как за последнюю платят меньше, а бывает и то, что детективы и в самом деле ошибаются. Потому что им, как и всем людям, свойственно ошибаться.

— Баба Ксеня, — спросила Зоя, присаживаясь на завалинку и с удовлетворением замечая, что соседки уже отплакали и лица у них благостные, умиротворенные. — А художники у нас есть?

— Кто?

— Художники в деревне есть?

— Это в каком смысле? — подозрительно спросила Боренькина мамаша.

— В самом обыкновенном. Которые картины рисуют.

— Картин у нас не рисуют, — сказала баба Ксеня.

— Но кто-то красками петуха изрисовал, — сказала Зоя Платоновна. — Чтобы изрисовать, надо иметь краски. А вы поглядите.

Зоя Платоновна послюнила палец, протянула руку, дотронулась до хвоста гулявшего рядом подставного петуха и показала палец бабушкам. Палец был черным.

— Акварельные краски, — сказала Зоя Платоновна, — а может, и гуашь.

— Может, у кого из ребятишек? — спросила баба Ксеня. — Может, кто из города привез?

— Мой не рисует, — сказала Боренькина мамаша. — Стихи пишет для Симки, каждый вечер пишет. А рисовать не рисует.

— На твоего никто и не думает. Он у тебя сознательный, — поспешила баба Ксеня. — Ни на кого мы не думаем.

— Ты не думаешь, а она думает, — сказала Боренькина мамаша. — Для нее это интерес.

— Интереса в этом для меня нет, — сказала Зоя Платоновна. — Но зачем-то это сделали?

— Зачем-зачем? Сделали и ушли. Чего искать ветра в поле, — сказала Боренькина мамаша. — Своего оставили. Тоже неплохой петух. Научится петь, будет не хуже Громобоя.

— Ты так не говори, — возразила баба Ксеня. — Не научится он. Громобой мне как родной.

— Это правда, — сказала Боренькина мамаша. — Только нету у нас художников. Это в райцентре ищи. Там есть один алкоголик, стенгазету рисует и афишу в кино.

— А Симоненко, Глашин племянник, который из Заречья? — спросила вдруг баба Ксения.

— Колька-то? Колька все фотографировать собирается. Аппарат купит, настырный парень. Перевозчиком нанялся, слыхала?

— Я еще в том году слыхала, что он в школе лучше всех рожи рисовал, чуть не выгнали.

— За что же? — спросила Зоя Платоновна.

— Директорскую рожу нарисовал. Видно, похоже.

— Нет, — сказала Зоя Платоновна. — Он совершенно не производит впечатления.

— Какого такого впечатления? — спросила Боренькина мамаша.

— Преступного, — сказала баба Ксеня.

— А что? — подумала вслух Боренькина мамаша. — Если кто рожи на своего директора может рисовать, он и петуха разрисует.

— Но зачем? — повторила свой главный вопрос Зоя Платоновна.

И надо же было так случиться, что именно в этот момент в конце улицы показался Симоненко, который сделал перерыв в переправе и решил навестить москвичку, чтобы задушевно поговорить с ней об объективах.

Бабки прямо подскочили.

— Он, — сказали они хором. И Зоя Платоновна вдруг подумала, как мало надо, чтобы изменить мнение о человеке, которого знаешь сызмальства и ни в чем дурном не подозреваешь. А вот сейчас у бабок зловеще пылают щеки, и они видят не мирного подростка, а злодея и похитителя.

И тогда, чтобы свидетельницы не испортили разговора, Зоя Платоновна быстро пошла навстречу Николаю.

Он несколько удивился, остановился, даже кинул взгляд назад, через плечо, полагая, видно, что Зоя Платоновна торопится к кому-то идущему сзади.

— Коля, — сказала Зоя Платоновна. — Ты мне можешь помочь.

— А, вот вы о чем, — сказал Коля. — Нет, не знаю. Не видел. Я же на вахту только утром заступил. Если кто и проносил вашего петуха, то в темноте.

Тут Зоя Платоновна поняла, что вся деревня о петухе уже знает, и даже знает, что Зоя Платоновна добровольно выступает в роли комиссара Мегрэ.

— Но все-таки ты, наверно, имеешь свое мнение, — сказала Зоя Платоновна.

— Дурак какой-то, — сказал Коля. — Если мешал петух, сверни ему шею, и дело с концом, а если в суп себе понес, зачем другого подсовывать?

— Я с тобой совершенно согласна, — сказала Зоя Платоновна. — Но мне очень бабу Ксеню жалко. Она такая одинокая.

— Это правда, — согласился Симоненко. — Я и говорю, что дурак сделал. А может, из зависти, а?

— Какая зависть? — удивилась Зоя Платоновна.

— Самая простая. Громобой на всю округу известен. Второго такого голоса нет. И может, тот человек захотел, чтобы Громобой у него дома пел. А бабке своего подсунул.

— Нет, — сказала Зоя Платоновна. — Твоя версия не годится.

— Почему же? — Симоненко понравилось слово «версия», оно звучало как в детективном фильме.

— Да потому что запоет завтра Громобой на чужом дворе, и все узнают его голос. Получится конфуз.

— Это точно, — согласился Симоненко. — Значит, Громобою уже свернули шею.

— Но почему же?

— Я же сказал — от зависти.

— Неубедительно. Разве ты такого завистника знаешь?

— Такого завистника, чтобы ночью в чужой курятник лазить, не знаю.

Но почему-то Зое показалось, что голос подростка звучит неуверенно.

— А зачем его покрасили?

— Завистника? — Мысли Николая были где-то далеко.

— Петуха.

— Громобоя?

— Нет, подставного петуха. Под Громобоя раскрасили.

Этого Николай не знал. Или очень ловко притворялся. Что не вязалось с его простодушным удивлением.

— Не врете? — спросил Николай.

— Нет. Акварельной краской. Или гуашью.

— А где он взял акварельную краску? — спросил Симоненко.

— Это — вопрос.

— Я вам точно скажу — в этой деревне вообще ни у кого акварельных красок нет. Ни к чему они бабкам. А в Заречье только у меня есть. И то я год как оставил попытки стать художником. Фотография куда более прогрессивный вид искусства. Вы как думаете?

— Они друг другу не мешают, — сказала Зоя Платоновна. — И выполняют разные задачи.

— Все задачи я вам фотографией выполню. Даю слово, — сказал Симоненко.

— И кроме тебя, никто не рисует? — спросила Зоя Платоновна.

Симоненко с такой легкостью и непосредственностью сознался, что у него есть краски, что не верить ему было очень трудно. Зоя Платоновна всей спиной ощущала напряженные взгляды бабок на завалинке, которые ждали того момента, когда Симоненко Николай под тяжестью улик рухнет на колени и во всем покается.

— Некому, — сказал Симоненко. — А может, это какие другие краски?

— А ты посмотри, — сказала Зоя Платоновна. — Только на бабок внимания не обращай, они нервничают, сам понимаешь.

Симоненко пожал плечами, он был невысокого мнения о бабках, подошел к завалинке, поздоровался, но бабки не откликнулись. Они его уже побаивались.

— Какой из них крашеный? — спросил Симоненко.

Оба петуха подняли головы, презрительно глядя на молодого человека, который не может отличить истинного петуха от замаскированного.

Не получив ответа, Симоненко неосторожно шагнул к петухам, и те как по команде отскочили.

— Понимаю, — сказал Симоненко. — С черным хвостом.

Неожиданно он по-вратарски прыгнул вперед, схватил псевдо-Громобоя за хвост, бабки ахнули, второй петух взлетел до крыши, псевдо-Громобой вырвался и умчался за сарай. А Симоненко как ни в чем не бывало поднялся с земли и, не отряхнув колен, начал исследовать перо. Понюхал, потрогал, только что не лизнул. Потом сказал голосом эксперта:

— Акварель «Нева» из тюбиков. Однотипная с моей. В нашем селе не продается, приобретается в области. Рубль восемьдесят коробка.

Он отбросил перо, и оно плавно полетело в крапиву.

— Спасибо, Николай, — сказала Зоя Платоновна. — Ты мне очень помог.

— Помог, да не очень, — сказал Николай. — Потому что направил подозрения на самого себя. А я петухов не таскаю.

— Вот-вот, — сказала Боренькина мамаша таким тоном, словно никаких сомнений в преступных наклонностях начальника перевоза у нее не оставалось.

— Да не смотрите вы так! — Симоненко расстроился, забыл, что приходил поговорить о фотографии, и пошел прямо к реке, огородами, не оглядываясь.

— Вот и попался, — сказала Боренькина мамаша, но тут с ней не согласилась баба Ксеня.

— Чего на людей думать, — сказала она. — Только злобу под сердцем носить.

Зоя Платоновна была с ней согласна, но в то же время в ней росло нетерпение и даже раздражение — все близко, все просто, все наверняка имеет свое логическое и простое объяснение. Но ни одной улики, не считая краски. А всего-то двенадцать дворов в деревне.

Зоя Платоновна постояла, размышляя, что же предпринять дальше, и тут все вокруг внезапно потемнело. Из-за реки шла сизая туча, гоня перед собой волну ветра. Пришлось забыть о расследовании и бежать за сарай, снимать с веревки белье, которое Зоя Платоновна вчера постирала. Туча неслась так быстро, что Зое

Платоновне пришлось торопиться, прищепки не слушались, не отстегивались, простыня парусила, как будто хотела унестись в открытое море. Когда Зоя Платоновна собрала все-таки белье в охапку и побежала к дому, первые капли дождя, тяжелые, как пули, уже ударили по пыли и зазвенели по крыше.

Зое Платоновне показалось, что белый носовой платок упал на землю, она наклонилась. Нет, ошиблась, просто светлое пятно на земле.

Пока шел дождь, они с бабой Ксеней пообедали, потом Ксеня пошла мыть посуду и плакать, а Зоя Платоновна уселась на диван думать. Детектив обязательно должен думать, когда следствие заходит в тупик.

По всему судя, в нашей деревне делать больше нечего. Остается Заречье. Оно на том берегу, не так далеко. До прочих населенных пунктов надо добираться транспортом — двадцать километров ночью с петухом за пазухой не пройдешь. В Заречье Громобой известен. Его там знают. Следовательно, преступление могли подготовить за рекой, потом ночью перебраться через водную преграду и незаметно вернуться обратно. Тем более что в Заречье куда больше мужчин, чем здесь. Почему-то — называйте это интуицией — Зоя Платоновна была убеждена, что Громобоя украл мужчина, не мальчик, не женщина, не бабушка — мужчина. И задумал это преступление давно.

— Баба Ксеня! — позвала Зоя Платоновна. — У вас никто раньше Громобоя не просил?

— Зачем? — удивилась за перегородкой Ксеня. — На мясо, что ли?

— Значит, не предлагали купить?

— Да кроме Симоненко, никто не предлагал. Я ему тогда и говорю, на мясо, что ли? Он же жесткий! У тебя молодых курят полный двор. Так молчит, не отвечает. Червонец предлагал. Не скупился. И на что ему Громобой?.. — Баба Ксеня помолчала немного, пока Зоя Платоновна с изумлением усваивала эту новость, потом добавила со вздохом: — Лучше бы согласилась, продала. Хоть деньги были бы...

Что же получается? Зоя Платоновна поднялась с дивана и подошла к окну. Краски у Симоненко. И вот, оказывается, он же и петуха хотел купить. И он же говорил о зависти...

Дождь постепенно стихал. Он прошел так бурно, что за десять минут наполнил лужи, а теперь выбивал по ним дробь.

Все это косвенные улики. Нет главного — нет повода к преступлению, и пока детектив не поймет этого, преступление не будет раскрыто.

— Ой! — сказала Зоя Платоновна. — Ну и дура же я!

— Чего? — послышалось из-за перегородки.

— Дура слепая!

— Ты куда? Дождь идет!

Но Зоя Платоновна уже выбежала на двор, побежала, не разбирая луж, к сараю, к веревке, с которой недавно сняла белье. Нагнулась. Но дождь уже смыл белое пятно, только по ручейку воды, бежавшему к улице, тянулась белая полоска, будто кто-то пролил туда молока. А если были следы, то их тоже смыло. Что ей мешало все осмотреть вокруг до дождя, нет, увлеклась версией с красками, забыла о главном: первое и обязательное условие следствия — осмотр места преступления. Вот так.

Зоя Платоновна открыла дверь в сарай. Зашевелились куры. Неуверенно гаркнул подставной петух. Зоя Платоновна огляделась. Фонарь бы сюда. Она зажмурилась, чтобы глаза привыкли к полумраку, а когда, сосчитав до ста, открыла их, оказалось, что в сарае совсем светло.

За эту минуту мир успел преобразиться — вышло солнце, и за дверью последние редкие капли дождя сверкали, как бриллианты. Куры засуетились, потянулись к выходу, осторожно обходя Зою Платоновну.

— И чего ж вы такие дуры, — сказала им Зоя Платоновна. — Ведь все видели, а помочь не хотите.

Подставной петух поглядел на нее укоризненно. Он, видно, полагал, что настоящий детектив не должен опускаться до пустых разговоров.

Но тут Зоя Платоновна поняла, что не зря пришла в сарай. На полу она увидела белые полоски — соломинки, примятые сапогом, на подошве которого была белая краска. Зоя Платоновна подобрала раздавленные соломинки, достала из кармана платья носовой платок и завернула в него улику. Потом прошла еще немного в глубь сарая, под насест. Здесь похититель навер-

няка останавливался, чтобы снять с насеста сонного петуха. А вернее всего, птицы волновались, шумели, и ему пришлось повозиться.

Следующие пять минут Зое Платоновне пришлось провести на корточках, осматривая каждый квадратный сантиметр пола. Но в конце концов ее терпение было вознаграждено. Похититель, как и положено, обронил улику. Она поднялась, держа в руке смятый билет на автобус. Билет был довольно новым, не успел еще пожелтеть.

Автобус останавливался на дороге, которая подходила к реке у свинофермы. Ходил он два раза в день. Вчера было воскресенье, и несколько человек из деревни и из Заречья ездили в район. В том числе ездила Серафима — Зоя Платоновна как раз просила ее привезти печенья.

Что ж, придется снова идти на ферму.

Когда Зоя Платоновна закрывала за собой дверь сарая, причем закрывала ее она тихо, погруженная в свои мысли, ее заставил вздрогнуть странный, режущий уши звук. Зоя замерла, потому что этот звук уже слышала. Она потянула дверь на себя, дверь открылась с негромким скрипом. Потом она резко закрыла ее. Дверь тихонько взвизгнула и закрылась. Ну, теперь повторим эксперимент, сказала себе Зоя Платоновна. И стала закрывать дверь осторожно, медленно — дверь буквально взвыла. Она, оказывается, не терпела, когда с ней миндальничали. Теперь стало ясно до минуты, когда произошло преступление.

Зоя Платоновна вышла из сарая. Баба Ксеня стояла на дворе, ждала ее.

— Ты чего? — спросила жиличка.

— Брось ты это, — сказала баба Ксеня. — Лишние дела. Только время потеряешь.

— Добьюсь, — сказала Зоя Платоновна. — Мне на свиноферму сходить надо.

— Если на Борю думаешь, оставь, — сказала баба Ксеня.

— Не думаю я на Борю. С Серафимой поговорить хочу.

— Серафиму бригадир в правление увез, — сказала баба Ксеня. — Итоги подбивают.

— Какие еще итоги?

— Соревнование победили, вот и подбивают, кому премию, а кому спасибо.

— А когда она вернется?

— Вечером будет.

Пришлось отложить расследование до вечера.

Сима вернулась в сумерках. Зоя Платоновна, которая, чтобы убить время, читала прошлогодний номер журнала «Здоровье», издали услышала шум совхозного газика и еле утерпела подождать полчаса, чтобы не врываться к Серафиме сразу.

Стоял синий вечер, с высокого берега было видно, как за рекой в Заречье зажигаются желтые огоньки в домах, как по реке солидно топает буксир, волоча баржу с гравием, золотые шары в палисадниках казались лампочками.

Серафима стояла у калитки, беседовала с Боренькой. Молодые люди неловко отпрыгнули друг от дружки при виде московской бабки.

— Простите, — сказала Зоя Платоновна. — Я на минутку. Мне только хотелось задать Симе один вопрос.

— У меня от него секретов нет, — сказала Сима, кивая в сторону Бореньки. Боренька послушно наклонил молодую лысеющую голову. Если Симочка считает, что секретов нет, то разумеется.

— Петуха не нашли? — спросил Боренька.

— Найдется, — ответила Зоя Платоновна, стараясь, чтобы ее голос звучал по крайней мере так же твердо, как Симочкин. — Сима, у вас не осталось случайно билета от вчерашней поездки на автобусе?

— Зачем он мне? — удивилась Симочка.

Зоя Платоновна понимала, что таиться здесь нет смысла, только обижать людей.

— Я нашла в сарае автобусный билет, — сказала она тихо, звуки в вечернем воздухе разносятся далеко, и деревня кажется одним большим любопытным ухом. — Его вернее всего уронил тот, кто подменил Громобоя.

— А мой билет зачем? — спросила Симочка настороженно. — Я не роняла.

— Она не роняла, — поспешил на защиту Боренька. — Она вообще в сарай не ходила.

— Честное слово! — воскликнула Симочка. — Как вы могли!

— Ты ничего не поняла, — сказала Зоя Платоновна.

— Ты ничего не поняла, — сказал Боренька. — Зоя Платоновна не тебя ищет.

— Мне хотелось посмотреть на номер твоего билета. Если ты его не выкинула. Ведь он должен быть близким к билету похитителя. Тогда мы вспомним, кто, кроме тебя, ездил в район, и сразу сузим число...

— Подозреваемых, — сказал Боренька. — Я тоже отпадаю. Хоть и ездил.

Он полез в карман пиджака и достал оттуда два билета, вместе оторванных.

— Здесь мой, — сказал Боренька. — И Симин. Они неразорванные.

— Спасибо, — сказала Зоя Платоновна.

Она вытащила билет, найденный в сарае, и Боренька с Симой склонились к ее руке, чтобы в полутьме разглядеть номера. Номера были близкими.

— Теперь вспомним, — сказала Зоя Платоновна. — Кто, кроме вас, ездил в район.

— Шура, — сказала Серафима. — Потом хромой дед...

— Золотарев, — добавил Боренька.

— Симоненко ездил.

— Правильно, — сказал Боренька. — И мы с тобой...

— Спасибо, — сказала Зоя Платоновна, — все ясно. Спокойной ночи.

— А кто? — спросил Боренька. — Симоненко, да?

Но Зоя Платоновна не ответила. Сначала надо встретиться с преступником лицом к лицу. Мало ли как объясняются фантастические обстоятельства.

На обратном пути Зоя Платоновна спустилась к реке. Лодки у перевоза не было. Симоненко Николай отогнал ее уже на тот берег, к дому. Река была широкой, спокойной, черной, и в ней отражались облака, подсвеченные луной.

— До завтра, — сказала Зоя Платоновна.

Утром она проспала. За две недели в деревне она тоже привыкла доверяться зычному голосу Громобоя. Когда вскочила,

было без двадцати семь. Баба Ксеня спала, во сне надеясь, что Громобой вернется.

Зоя Платоновна наскоро ополоснулась и поспешила к реке.

Над водой плыл густой туман. На том берегу замычала корова — гнали стадо.

Зоя Платоновна подошла к луже, в которую, по словам Николая, уронили мешок с мелом. Она вынула завернутые в платок раздавленные соломинки и, подцепив пальцем краски с земли, мазнула по соломинке. Краска была той же самой. Не надо химического анализа.

Зоя Платоновна так увлеклась исследованием, что не расслышала, как поскрипывают уключины. Лодка тихо ткнулась в берег, Николай выскочил из нее и потащил за нос, повыше. Он сразу увидел москвичку и, видно, догадался, в чем дело.

— Доброе утро, — сказал он робко. — Что, в сарае следы остались?

— Доброе утро, — ответила Зоя Платоновна. — Следы остались. Что же ты?

— Сами понимаете, — покорно сказал Симоненко. — Поехали, что ли?

— Поехали, — сказала Зоя Платоновна и пошла к лодке. У нее мелькнула глупая мысль, что Симоненко может ее столкнуть в воду посреди реки, но она сразу отогнала ее — такие преступления совершаются только в романах.

Всю дорогу они молчали.

Так же безмолвно они поднялись к дому Симоненко. Зоя Платоновна пожалела, что не взяла с собой камеры — туман красиво лежал в низине, и ели поднимались из него, как из глубокого снега.

— Принимайте гостя, — сказал мрачно Симоненко, открывая дверь в дом.

Пожилая полная заплаканная женщина сидела за длинным столом, на котором стояла неубранная после завтрака посуда. Женщина высморкалась, поднялась и протянула Зое Платоновне руку.

— Она все знает, — сказал Симоненко Николай. — Она вычислила. Ты, мам, не расстраивайся.

— Куда уж не расстраиваться, — сказала мать. — Садитесь.

— Я хотела понять, — сказала Зоя Платоновна, — зачем старой женщине нанесли такую обиду? Для меня в этом загадка.

— Я понимаю, — сказала мать Николая. — Как же не понять. Теперь все на нас будут пальцами указывать.

Николай молчал.

— Отца позови, — сказала мать.

— Не надо меня звать, — отозвался высокий быстрый голос. В комнату почти вбежал средних лет встрепанный мужчина в майке и мятых брюках. Он остановился в дверях, поигрывая нервно пальцами по ремню. — И не в обиде дело! Что вас привело?

— Отец! — печально воскликнула его жена. — Человек из Москвы ехал, старался, а ты...

— Из Москвы не ездят в поисках петухов! — крикнул отец Николая. — Я на своем веку немало поездил по свету, добирался и до Игарки, вот именно! Но не понимаю! И вообще говорите быстрее, у меня времени нет! Что вас привело?

Николай Симоненко отвернулся к окну. Его мать опустилась на стул и снова заплакала.

Зоя Платоновна никак не ожидала такой оппозиции, думала, приедет и все на этом кончится.

— Я приехала за петухом бабы Ксени, — сказала она по мере сил спокойно. — Который находится в вашем доме.

— Почему? — Отец Николая и сам был похож на петуха, только сильно ободранного после драки. Может, его в Игарке так ободрали?

— Вчера утром, — сказала Зоя Платоновна в лучших традициях классического детектива, — я узнала, что петух бабы Ксени Громобой пропал. Кто-то украл его и вместо него подсунул похожего петуха, предварительно его подкрасив.

— Ай-ай-ай! — сказал саркастически отец Николая.

— Вот именно нелогичность этого происшествия, а также и то, что баба Ксеня очень переживала, заставила меня задуматься — как найти похитителя?

Господи, как я говорю! — подумала Зоя Платоновна. Как канцелярская крыса. Что со мной?

— Продолжайте, — сказал с ухмылкой отец Николая.

— Дальше все было довольно просто, — сказала Зоя Платоновна. — Во-первых, от вашего сына я узнала, что акварельных красок ни у кого, кроме него, нет.

— Краски «Нева», — сказал Николай. — Я сам в городе покупал.

— И что?

— Кроме того, — Зоя Платоновна старалась игнорировать сарказм в голосе ободранного петуха, — в сарае я нашла следы белой краски, точно такой же, как на перевозе. Значит, человек, который украл Громобоя, живет в Заречье, он перебирался на наш берег в лодке и, кроме того, он имеет доступ к краскам Николая.

— А еще что? — спросил Симоненко-старший.

— Наконец, автобусный билет, — сказала Зоя Платоновна. — Он был потерян в сарае, когда ловили петуха.

— И что с билетом?

— А то, что номер его почти идентичен номеру других билетов позавчерашнего рейса. А в район ездили Борис с Симочкой, хромой дед, Шура и Симоненко.

— Мой сын? — спросил Симоненко-старший.

Николай вздохнул, но от окна не обернулся.

— Ваш сын в это время был на переправе. Я сама его видела. Ездили в район вы. И краски у сына взяли вы. И лодку могли взять ночью только вы — ключ от цепи у вас дома хранится. Больше того, — Зоя Платоновна решительным жестом остановила готового к возражениям Симоненко-старшего, — я точно знаю время, когда вы вышли из сарая. Это было в двадцать три часа десять минут. И знаете почему? Дверь в сарае, если ее медленно закрывать, отчаянно скрипит. Так я вспомнила, что услышала этот шум в тот момент, когда выключила телевизор. И посмотрела на часы.

— Вы в этом уверены? — спросил. Симоненко-отец.

— Абсолютно. И меня сейчас интересует не столько судьба петуха, как то, почему вы это сделали...

— Скажи ей, Геннадий! — взмолилась мать Николая.

— Ад-ну минуту! Давайте за мной! Быстро!

Геннадий Симоненко побежал из комнаты на улицу, и Зоя Платоновна бросилась за ним. Она почему-то решила, что он ведет ее к петуху.

Ничего подобного.

Симоненко пробежал мимо дома, дальше, миновал еще один дом, обернулся, поджидая, когда Зоя Платоновна догонит его, взбежал на крыльцо следующего дома и со всего размаха треснул в дверь кулаком.

Дверь сразу отворилась, словно их ждали. Оттуда выглянул незнакомый Зое Платоновне заспанный мужчина с добрым бабьим лицом. Из-под его ног тут же выскочили два мальчика с такими же добрыми бабьими лицами.

— Здравствуйте, — сказал мужчина. — Чего пожаловали?

— Это бригадир наш! — закричал Симоненко. — Он врать не будет! Бригадир, скажи, когда я к тебе позавчера вечером пришел?

— В половине одиннадцатого, — сказал без паузы бригадир.

— А почему пришел?

— Потому что у тебя было сумрачное настроение духа, — сказал бригадир и при том улыбнулся.

— А ты не улыбайся, — взъярился Симоненко, — дело жизни и смерти. А когда я ушел от тебя?

— Просидел ты у меня час с небольшим, — сказал бригадир.

— Правильно! — сказал один из мальчиков с бабьим лицом. — Я не спал, я слушал.

— И я слушал, — сказал второй мальчик.

— В двадцать три десять? Да? — В голосе Симоненко клокотало торжество. — Здесь я был в двадцать три десять!

— Был, — сказал бригадир. — Я все время на часы смотрел. Вставать рано, а он сидит.

— Вот видишь! И на часы даже смотрел. Ну все! Привет! Прощайте!

С этими словами Симоненко повернулся и убежал обратно к своему дому. Бригадир сказал:

— Извините, мне собираться надо.

И тоже исчез.

А Зоя Платоновна оказалась на улице — одна, наедине с сокрушенной теорией. В алиби Симоненко-старшего сомневаться не приходилось. Ясно было, что бригадир говорит правду.

Но и в себе Зоя Платоновна была уверена. Она услышала, как преступник выходил из сарая именно в двадцать три часа десять минут. Этот звук скопировать или спутать нельзя. Но билет на автобус? Но краска? Что же теперь, подозревать тетю Шуру?

Зоя Платоновна медленно спускалась к реке, там она решила подождать Николая. И вдруг остановилась. Она не задала еще одного вопроса. И важного вопроса: есть ли петух у Симоненко?

Она не решилась возвращаться во враждебный дом. Стояла и ждала Николая.

И тот появился через минуту.

— Зоя Платонна! — крикнул он. — Вы куда?

— Обратно, — сказала она.

— Но ведь это он!

— В это время он был здесь. Мне только что подтвердил это ваш бригадир.

— Чего подтверждать. Пошли обратно. Я вам такое покажу, что вы просто умрете от смеха. Пошли, не бойтесь.

Зоя Платоновна была в каком-то трансе. Наверное, это случается и с профессиональными детективами в момент провала версии. Она послушно пошла обратно, послушно вошла в дом. Там в той же позе сидела у стола мать Николая, которая вроде бы и не заметила их возвращения.

— Сюда! — громким шепотом позвал Николай.

Большой тяжелый люк в подпол был распахнут. Там внизу горела лампочка. Николай осторожно заглянул вниз, потом поманил Зою Платоновну.

Зоя Платоновна наклонилась над люком.

Внизу, на табуретке, сидел нахохленный Геннадий Симоненко.

Рядом стоял еще один табурет. На нем грубо сколоченная деревянная клетка. В клетке петух Громобой с черным хвостом и красными крыльями. Понурый и сердитый. Клюв его был завязан тряпицей. Там же нашлось место и для третьего табурета, на котором стоял будильник. Будильник показывал шесть часов тридцать минут.

Будильник звякнул, Геннадий Симоненко прикрыл его ладонью. Будильник замолк. Симоненко сорвал с клюва Громобоя тряпицу и сказал:

— Пой!

Петух помотал головой, не понял, чего от него хотят.

— Пой! — закричал снова Симоненко. — Пой, тебе говорят! Время!

Петух встряхнулся, покосился на своего тюремщика и вдруг закричал в полную силу. Зоя Платоновна даже отшатнулась.

Когда петух замолчал и переступил с ноги на ногу, гордясь собой, Симоненко сказал, указывая на будильник:

— Чтобы всегда так. По звонку. Понял? Приучишься как миленький!

Затем Симоненко поднялся с табурета и потянулся, как человек, свернувший большую и важную работу. Потом начал подниматься по лестнице вверх. И только когда его голова показалась над полом кухни, он увидел, что он не один.

Симоненко поднялся наверх, захлопнул крышку подпола. Поглядел на сына и спросил:

— Твоя работа, предатель?

— Так чего же врать? Все равно узнают.

— Никто бы не узнал, — сказал Симоненко. — У меня все было рассчитано. Если бы не ты... эх, и зачем я тебя рожал?

Потом он обернулся к Зое Платоновне и спросил:

— Сейчас птицу будешь брать или выпьем сначала по маленькой?

— Я бы взяла, — сказала Зоя Платоновна.

Симоненко-старший молча прошел в комнату. Слышно было, как хлопнула дверца буфета. Забулькало. Звякнул стакан.

Николай нес мешок с Громобоем до лодки, потом сел на весла и всю дорогу говорил:

— Это же все от нервов. Нервный он, а так человек-то неплохой. Смирный. Он этого Громобоя второй год ненавидит. Но что пойдет на такое, я, конечно, не догадался.

— Ну зачем, зачем?

— А я вчера еще понял, что вы, Зоя Платонна, нашей специфики не поняли. Вот и попались. Все правильно распутали, все улики собрали, как в кино, а все равно не поняли.

— Чего же? Я себя чувствую полной идиоткой. Тут подменяют петухов, приказывают им кричать по часам. Один и тот же человек одновременно оказывается в двух местах...

— Вот и не одновременно. Сколько времени на будильнике было?

— Шесть тридцать, — вспомнила Зоя Платоновна.

— Точно. А теперь на свои часы поглядите.

Зоя Платоновна поглядела. На ее часах было без десяти восемь.

— Это что значит?

— Это и есть разгадка. Все знали, а вы — нет. Наша река между двух областей течет. Ваша деревня — в одной, наша — в другой.

— Ну и что?

— А то, что по реке граница часового пояса проходит. У нас в Заречье одиннадцать, а у вас уже полночь. Страна-то большая, вот и поделили.

— Господи, теперь я понимаю, как он одновременно и петуха воровал, и у бригадира сидел.

Лодка подвалила к берегу. Николай подхватил мешок и сказал:

— Я нашего петуха у вас возьму, ладно? Чего ему теперь у вас ошиваться? Возьмем его, а то стыдно — как клоун.

— Конечно, бери.

Зоя Платоновна обошла белое пятно на земле и пошла вверх по дорожке. Она была огорчена. Если бы знать с самого начала...

— Только мой отец петуха не воровал, — догнал ее голос Николая. — Он его на обучение брал.

— Это еще зачем?

— Да затем, что у Громобоя голос дикий. Он как закричит, мой отец всегда просыпается. А ему еще на работу рано. Он учетчиком на лесоповале. Рано ему, а просыпается. Он давно грозился шею Громобою свернуть. Но не такой он человек, чтобы

на это пойти. Он к твоей бабке ходил, деньги предлагал. А она ни в какую. И он тогда решил петуха этого перевоспитать, чтобы пел на час позже. Как бы по нашему расписанию. А пока, чтобы баба Ксеня не скучала, он думал, что и наш сойдет, понимаете?

— Наивно.

— Еще как наивно. Сколько петуха надо перевоспитывать? Может, целый год.

— Может быть. Не знаю.

— Вы возьмите мешок, я тут подожду. А моего вынесите. Не хочу я с бабой Ксеней встречаться. Может, скажете ей, что в лесу Громобоя нашли, а? Отца жалко.

— Ладно, — согласилась Зоя Платоновна.

— Да вы не переживайте, вы правильно угадали. А всю географию все равно не выучишь. Громадное государство. У нас ночь, а на Камчатке уже утро.

Кир Булычев
ГИБЕЛЬ ПОЭТА

1

Было десять часов вечера, собирался дождь, в сотый раз за день. Желтые и бурые листья плавали в лужах на неровном асфальте, мокрыми грудами жались к заборам. Улица была пустынной, куклы грустно глядели на осеннюю слякоть из теплой и сухой витрины «Детского мира». Все магазины были закрыты. В гостиничном ресторане шел учет. Зоя Платоновна решила дойти до вокзала, может, там открыт буфет.

Она оказалась жертвой командировочного легкомыслия. Узнала, что едет в город, не куда-нибудь в глушь. Не рассчитала, думала, что успеет устроиться в гостинице и потом спокойно поужинать в ресторане. Она любила ужинать в провинциальных ресторанах, с непритязательным оркестром из трех квелых молодых людей и громогласной певицей, еще не потерявшей надежды прославиться, или, наоборот, скучной певицей, которая уже потеряла надежду прославиться и спешит домой. Зоя Платоновна любила придумывать сентиментальные истории про людей, которых встречала в таких местах. Ты приезжаешь в городок на три дня и больше никогда уже сюда не попадешь. Ты всматриваешься в жизнь этих людей, как капитан Кук в жизнь полинезийцев, хотя при этом понимаешь, что по своему поведению, уму, надеждам эти люди ничем не отличаются

© Кир Булычев, 2002

от твоих московских знакомых. Вот сидит человек, играет на баяне, взор его устремлен вдаль. А вдруг он сейчас придумывает удивительную симфонию, которая через два года вознесет его на вершину музыкального Олимпа?

Зоя Платоновна гордилась своей зрительной памятью. Поэтому она мысленно представила себе, как лучше пройти к вокзалу, и поняла, что, если свернет направо в переулок, то как раз окажется на той улице, которая приведет ее к цели.

Переулок был узким, яблони выглядывали из-за высоких заборов, домики в три-четыре окна казались в темноте одинаковыми, за стеклами на подоконниках стояли горшки с пышными, яркими, будто бумажными цветами. Надо вернуться сюда днем, подумала Зоя Платоновна. «Мещанский уют», сказала как-то об этих цветах Таня, ее дочка, это было лет десять назад, они вместе поехали из Ленинграда в Москву пароходом. В Вознесенье, на южном берегу Онежского озера, стояла светлая ночь, деревянные тротуары уютно скрипели под ногами, и цветы показались Зое Платоновне сказочными своей яркой пышностью, подчеркивающей покой этого пастельного мира. Без таких цветов трудно оценить нежность серебряных домов, кремовой полоски зари, оловянной озерной глади. А вот Татьяна ни черта не поняла. Она не смогла оторваться от стереотипа — «мещанский уют» — надо же так сказать! Мещанство не знает уюта. Оно накапливает вещи. Уют — вещь наследственная, естественная. Тогда Татьяне было двадцать лет, еще простительно. А интересно, что бы она сказала сейчас? С тех пор они никуда вместе не ездили, некогда было. Выйдя на пенсию, Зоя Платоновна оказалась очень занятым человеком. Старое увлечение — фотография — превратилось, оставаясь удовольствием, в источник заработка. Газетам и журналам всегда нужны скромные фоторепортеры, которые согласны слетать или съездить на три дня в Тмутаракань, чтобы снять сюжет о передовой доярке или новой школе, сюжет, от которого воротит нос их штатный мэтр.

Переулок оказался длинным, давно должна была появиться улица, но впереди была та же темнота, так же изредка возникали неяркие театральные фонари. В самом же деле переулок был освещен не ими, а светом из окон.

Из-за забора, будто из черной бездонной ямы, несмело тявкнула собака, другие — сколько их тут таилось под заборами — словно ждали сигнала, принялись перекликаться, нелобро отзываться о Зое Платоновне, что было нечестно, потому что они ее никогда раньше не видели и не представляли, хороший она человек или никуда не годный.

Перекрывая собачий хор, впереди хлопнула калитка, кто-то выбежал на улицу. Застучали шаги. Калитка тут же хлопнула снова, и раздался крик:

— Стой! Убью!

Первые шаги, мелкие, дробные, прервались, замерли — видно, убегавший затаился у забора. Вторые шаги, тяжелее, злее, упорнее, простучав по тротуару, затоптались на месте.

— Ты где? — спросил преследователь.

Тишина в ответ. Тишина полная, потому что собаки так же одновременно как начали, так и замолчали, прислушиваясь к ночной драме. И Зоя Платоновна непроизвольно замерла — в темноте при опасности все живое старается замереть, исчезнуть. Это закон леса, и Зоя Платоновна подчинилась ему инстинктивно.

— Ты не прячься, не прячься! — раздался вновь угрожающий голос. — Я тебя из-под земли достану. Угляжу. Убью. Знаю, что ты здесь скрываешься — куда ты убежишь, да никуда ты не убежишь! Я тебе срок до какого давал? До сегодня. Ты вернула? Ты не вернула. Нет тебе прощения? Нет тебе прощения.

Голос перешел на разговорные, обыденные интонации. Можно было подумать, что человек разучивает диалог за двух персон.

— Ну где ты? Сколько ждать?

Зое Платоновне показалось, что совсем рядом кто-то испуганно всхлипнул. Она опомнилась. Нелепо стоять так, у забора. Надо идти дальше. Если преследователь начнет искать и найдет ее... ведь совершенно неизвестно, что у него за намерения.

Зоя Платоновна заставила себя сделать шаг, второй, скользнула на мокром листе и еле удержала равновесие. Даже ахнула.

И тут же тяжелые шаги застучали вновь, дыхание, свирепое, частое, звериное, приблизилось и жестокая рука схватила Зою Платоновну за плечо.

— Попалась!

— Уберите руку! — сказала Зоя Платоновна. — Я здесь совершенно ни при чем!

— Нет, не отпущу, — ответил голос и потянул Зою Платоновну к свету, к фонарю. Хорошо еще, что решил не убивать на месте.

Но до фонаря нападающий ее не довел. Как только стало светло настолько, что можно было разглядеть гладкие седые волосы и четкий профиль Зои Платоновны, пожилой мужчина в пижамных штанах и в майке отпустил ее и спросил:

— Это не ты?

— Я даже не знаю, кого вы имеете в виду, — сказала Зоя Платоновна.

То, что нападающий был в пижамных брюках, ее почему-то успокоило. И перевело таинственное ночное событие на уровень семейной драмы.

— Тогда простите, — сказал мужчина. — И идите дальше.

— Это я и собиралась делать, — сказала Зоя Платоновна. — Не за вами же я бегаю по улицам.

— И я не за вами, — сказал мужчина. — Понимать надо. Но она все равно никуда не денется.

— Денусь, — ответил из темноты высокий голос. — Нормально денусь. Я у мамы жить теперь буду.

— Попробуй только, — ответил мужчина, медленно продвигаясь по направлению к голосу.

— Только не догоняй, — сказал высокий голос. — Я шибче бегаю. Говори оттуда, где бабка стоит.

Мужчина вздохнул и остановился. Гнев его иссяк.

— Вы, конечно, не курящая, — сказал мужчина Зое, которая сама не смогла бы ответить, почему она не уходит.

— «Беломор» у меня, — сказала Зоя Платоновна.

— То, что надо, — сказал мужчина. — Вообще-то я сигареты курю, «Яву», но сейчас как раз настроение под махорку.

Зоя Платоновна тоже закурила. В кустах у забора что-то шевельнулось.

— Чего шуршишь? — спросил мужчина. — Надоело?

— Муравей укусил, — мрачно ответил высокий голос.

— Еще не один укусит, — сказал мужчина. — Зачем слово давала?

— Я ходила к нему, честное слово, ходила, деньги предлагала. А он говорит — все уже сдал на центральный пункт.

— Врет, — сказал мужчина убежденно.

— А может, не врет...

— А на центральный пункт ходила?

— Закрыт он.

— А почему раньше не послушалась?

— Не хватало, сам понимаешь, не хватало.

— А теперь хватает?

— Теперь хватает.

— Вот видишь, бабка, — сказал мужчина Зое Платоновне, — никогда не женись на молодой.

— А что случилось? — спросила Зоя Платоновна.

— А то случилось...стыда не оберешься... Влюбился я. Это еще полбеды.

— Это не беда, а счастье, — заметил голос из кустов. Теперь Зоя Платоновна уже понимала, что голос женский, молодой. — Любовь — это счастье.

— Счастье и стыд, — сказал мужчина, — потому что между нами двадцатилетняя разница.

— Любви все возрасты покорны, — послышался ответ из темноты.

— Если бы ты меня любила.

— Любовь выражается не во вздохах на скамейке и не в прогулках при луне, — сказал женский голос.

— Она в школе отличницей была, — сказал мужчина. — Я сначала даже радовался в беседах с Риммой за ее образованность и начитанность, но она оказалась поверхностной и даже, можно сказать, пустой. Лучше пускай человек всю жизнь читает одну книжку, скажем, «Анну Каренину», вы меня понимаете, читает и переживает и внутренне растет. А это что за фрукт? «Три мушкетера», это шедевр, да? Майор Пронин, это шедевр, да?

— Это все классика, — сказала Римма.

— За эту, простите, классику она всю литературу из дома на макулатуру променяла.

— Только что старое и скучное.

— Собрание сочинений Леонида Андреева — это скучное?

— Читать невозможно. И без переплетов.

— Видите? А журнал «Русский архив» — это что, скучное?

— Умереть можно.

— А первый номер альманаха «Северные цветы», это что?

— И сам не читал! И сам не читал!

— Мои предки это все своими руками собирали, а тебе скучно?

— И «Северные цветы» в макулатуру? — спросила Зоя Платоновна.

— Вот видишь, человек посторонний, пожилой, а ты ее тоже буквально в сердце поразила.

— Мне на три тома надо было вес набрать, — сказала из кустов Римма. — И в том числе «Граф Монте-Кристо». А если не успеешь, в магазине кончатся.

— Леонид Андреев в магазине сто лет назад кончился! — взревел мужчина. — Дай, бабка, еще папироску, а то у меня инфаркт случится.

— Что, сердце болит? — Голос в темноте изменился, дрогнул.

— Не надейся, не заболит. Твои таблетки не понадобятся.

— Но у меня веса не хватало, — пискнула из темноты молодая жена.

— И тогда она переписку моей прапрабабки из дореволюционного времени ему отнесла. Отнесла? Альбом прапрабабки отнесла?

— Альбом я с самого начала отнесла, — сказала молодая жена. — Давно еще. И письма. Они в сундуке лежали, в чулане. Кому это нужно?

— Вот! — сказал мужчина, бросил папиросу на землю и, сгорбившись, пошел прочь. Было тихо. Потом хлопнула калитка.

Рядом с Зоей Платоновной возникла темная фигурка.

Девочка как девочка, наверное, была отличницей. Гладкая кожа, пухленькая, чистенькая, карие глазки, патлы по плечам. Дитя НТР и массовой культуры.

— Вы в самом деле собрание сочинений и письма...

— Ну я же думала, что ему не нужно, в чулане, в сундуке! А знаете, сколько килограмм макулатуры на полного Дюма надо?

Вы не представляете. Я себе все руки оторвала. Ну, я пойду, простите. А то у Мити опять сердце заболит, он у меня такой нервный...

— С тобой будешь нервный, — сказала себе под нос Зоя Платоновна. А из-за забора голос Мити произнес:

— Иди домой, не хочу я больше с тобой разговаривать. Отличница!.. И чему вас в школе учили?

Помирятся, подумала Зоя Платоновна, но ей было жалко Леонида Андреева. Наверное, это были голубые томики, приложение к «Ниве», в мягких невзрачных обложках... Редкое издание. И старые письма из чулана, и альбом прапрабабушки со стихами ее подружек середины прошлого века... Сейчас бы развернуть такой альбом, можно было бы наслаждаться весь вечер. История очевиднее всего в обыкновенных вещах из прошлого, которые и не предназначались для того, чтобы удивлять потомков. Они правдивы, как справка об обследовании жилплощади, куда правдивее воспоминаний современника об атмосфере кабинета великого человека.

Буфет на станции был закрыт, поэтому Зоя Платоновна легла спать голодной и расстроенной. Ночью проснулась — никак не могла понять, почему не проходит это расстройство. Потом вспомнила. Из-за Леонида Андреева и альманаха «Северные цветы», которые, возможно, уже пошли под равнодушный нож на бумажной фабрике.

2

Надо же было так случиться, что на следующий день Зоя Платоновна увидела собрание сочинений Леонида Андреева в голубых бумажных обложках приложений к «Ниве» в руках у Сонечки Курловой.

Было это в редакции местной газеты «Знамя пролетариата», на втором этаже, где Зоя Платоновна сидела в комнате сельхозотдела и ждала, когда придет шофер, чтобы отвезти их с Сонечкой в колхоз, где Сонечка намеревалась взять интервью у ветеринара по поводу борьбы с бруцеллезом, а Зоя Платоновна должна была сфотографировать знатную доярку Клавдию Нечипоренко.

От нечего делать Зоя Платоновна листала подшивку газеты за последние месяцы. Вот статья местного ондатровода, конкурс на лучшего кролика, неполадки с техникой в артели «Восход», даже стандартно-барабанные стихи С.С. Крымского-Москвича:

Московские ливни по крышам стучат,
Куда-то шагает отряд октябрят.
Они, как один, на лицо на подбор,
И головы, стриженные на пробор.

— Послушайте, Сонечка, — сказала Зоя Платоновна, — это же тихий ужас. Как можно такое печатать?

Этим Зоя Платоновна нарушила правила гостя: не критиковать хозяев — для этого всегда найдутся желающие и без нее.

— Ах, Крымский, — сказала Сонечка. — Это особый случай. И он в последнее время куда лучше пишет. Я сейчас вернусь.

Сонечка зацокала каблучками, умчалась из комнаты, а Зоя Платоновна продолжала листать газету. Ага, вот снова Крымский-Москвич. Даже любопытно, что он еще накатал. Может, под этим псевдонимом скрывается главный редактор или городской голова? Бывает же так, уважаемый человек, умница, а вот жжет его графоманский зуд...

Стихотворение было совсем иным. Ни барабанщиков, ни октябрят.

...Прекрасный день, счастливый день,
И солнце, и любовь.
С полей колхозных сходит тень,
Светлеет сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля,
Пусть жизнью все кипит:
Идет вперед страна моя,
Мне сердце говорит.

По крайней мере эти строки не вызывали раздражения своей беспомощностью. Зоя Платоновна заинтересовалась творческим развитием Крымского-Москвича и дальше листала газету уже специально в поисках его творений. И нашла:

...Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради гордого труда,
Цели светлой и высокой
Собрались мы все сюда...

Стихотворение посвящалось «строителям БАМа».

Стихотворение что-то Зое Платоновне напомнило. Но она никак не могла вспомнить что. Тем более что тут ворвалась в комнату Сонечка, прижимая к груди пачку книг в голубых обложках.

— Зоя Платоновна, — сказала она, — мне сказочно повезло!

— Каким образом? — спросила Зоя Платоновна.

— Смотрите, что я достала!

Она положила на стол перед Зоей Платоновной стопку книг. Это было собрание сочинений Леонида Андреева в голубых обложках из приложения к «Ниве».

И Зоя Платоновна вдруг поняла, что это именно те книги, что попали в макулатуру. В обмен на Дюма.

— Редкая вещь, правда? — спросила Сонечка. — Даже у вас в Москве не на каждом шагу лежит, а?

— А здесь в пункте макулатуры ее принимают за талоны, — сказала Зоя Платоновна.

— В какой макулатуре? Неужели вы думаете, что у нас живет такой темный народ, что он будет это сдавать? Нет, у нашего города славные традиции! — оскорбилась Сонечка.

— А если не в макулатуре, то позвольте спросить, — сказала Зоя Платоновна, — кто же вам так удружил?

— Один знакомый, — сказала Сонечка. — Прямо не знаю, куда бы спрятать, пока мы будем в колхоз ездить.

Сонечка стала прятать книги к себе в стол, тут и пришел шофер. По дороге в колхоз Зоя Платоновна, у которой не выходила из памяти ночная сцена в переулке и которая не верила в случайность совпадений, все-таки спросила Сонечку:

— А у этого вашего знакомого другие книги бывают?

— Он очень интересуется литературой, — сдержанно сказала Сонечка.

— А скажите, может, он и мне что-нибудь продаст? — спросила Зоя Платоновна. — Если это, конечно, удобно.

— Я его спрошу, — простодушно ответила Сонечка. — Придет в редакцию и спрошу. А вы с ним заочно знакомы. Стихи про октябрят помните? Это он написал.

— Поэт Крымский-Москвич?

— Он самый. И все время прогрессирует. Вы заметили, как он написал о строителях? «Ради гордого труда собрались мы все сюда».

— Такое впечатление... — начала было Зоя Платоновна, но замолчала. Мысль крутилась в голове и не давалась. Поэтому неожиданно для себя самой она вдруг задала нетактичный вопрос: — Он ваш начальник?

Сонечка вспыхнула малиновым светом, от корней черных волос до узенького острого подбородка.

— Как вы могли!

— Значит, он только книжки приносит?

— Я же совсем в другом отделе, — сказала Сонечка. — Я только читатель. А решаю не я...

— Простите, Сонечка, — сказала Зоя Платоновна. — Я просто устроена. Не сложнее формальной логики на уровне средней школы. Вчера вечером я захотела есть...

И, раз уж ехать было еще далеко, Зоя Платоновна рассказала Сонечке о вчерашней ночной встрече.

— Согласитесь, Сонечка, — сказала она, закончив рассказ. — Очень мало шансов за то, что в этом сравнительно небольшом городе есть два бесхозных комплекта собрания сочинений Леонида Андреева.

— Конечно, мало шансов! Но ведь все знают, что Сидор Сергеевич Грянулло...

— Он не Крымский-Москвич?

— Это поэтический псевдоним. Сидор Сергеевич заведует киоском по сбору макулатуры.

— Ясно, — сказала Зоя Платоновна. — И в периоды, когда макулатуры перебор, он строчит поэмы.

— Он давно пишет, — сказала Сонечка. — Сколько я себя помню. И носит. Он и в область посылал, и в Москву, но с нами он особенно настойчивый. Ну, держимся, держимся... а потом

сдаемся. Тема правильная, а стихи печатать положено — это же творчество.

— Все-таки свой, доморощенный, — не удержалась Зоя Платоновна. И тут же подумала, ну зачем она лезет в чужие дела? Если тому пожилому Мите в пижаме хочется истины, пускай сам пойдет в киоск вторсырья, побеседует по-мужски с Крымским-Москвичом. Преступления не совершено, никакого преступления... ну и хорошо. А спекуляция? Андреев продан Сонечке дороже, чем стоит бумага, на которой он напечатан.

Газик съехал с шоссе на проселочную дорогу и, почти не снижая скорости, помчался к колхозу. Стало трясти. Сонечка грустила. Зою Платоновну подкинуло посильнее, она ударилась головой о брезент, и тут же вспомнила: эти строки записаны неправильно. «...Ради сладкого труда, ради вольности высокой собралися мы сюда...» Вот так должно быть. Но почему?

— А кто у вас ведает литературой?

— Специально никто, сами понимаете, — сказала Сонечка. — Но вся культура на Мухоморине. Культура и молодежь. Он буквально разрывается. Народу у нас мало... Поэзия в газете не на первом месте.

— Мухоморин сам стихи пишет?

— Он по образованию техник.

— Ага, — сказала Зоя Платоновна. — Ради вольности высокой...

3

Когда они вернулись из колхоза, Зоя Платоновна, наскоро перекусив в буфете, отправилась в школу № 2, гимназическое здание с колоннами, которое стояло на той же площади, что и гостиница.

Она поднялась в учительскую. Зоя Платоновна двадцать лет проработала в школе, преподавала историю, во многих школах побывала и не могла никогда отделаться от ощущения, входя в учительскую, что она здесь уже была. Наверное, так случается с

пилотом, попавшим на незнакомый аэродром. То же дело, те же проблемы, те же люди и столы... или бензовозы.

Ей повезло. Преподавательница литературы старших классов, очень толстая смешливая курчавая брюнетка, еще была на месте и даже никуда не спешила. Зоя Платоновна отрекомендовалась ей, потом они поговорили о всяких пустяках, о Москве, где Ирина Федоровна не была двенадцать лет, но собиралась поехать будущим летом, о смерти актера Высоцкого, подробности которой интересовали всех в этом городке, но о чем ничего сенсационного Зоя Платоновна рассказать не могла. Потом Зоя Платоновна перешла к делу.

— Вы городскую газету читаете? — спросила она.

— Разумеется. — Ирина показала на растрепанную подшивку, лежавшую в углу на столе.

— Вам не встречалось там имя Крымского-Москвича?

Молоденькая учительница биологии, которая из любопытства не уходила домой, делала вид, что листает журнал, а в самом деле старалась не пропустить ни слова из разговора знатных дам учительского мира, хихикнула.

— Про октябрят, — улыбнулась Ирина. — Мы об этом даже хотели письмо в газету написать. Нельзя же так обращаться с поэзией. У нас город старинный, с традициями...

— У нас Батюшков дважды останавливался, — быстро сказала биологичка, — и Тургенев проезжал. У нас школьный музей будет. Обязательно сделаем, когда директор помещение выделит.

— Я была буквально возмущена, — сказала Ирина Федоровна, — а потом как стала смеяться... так и смеялась до утра. Не поверите. А вас почему это интересует?

В самом деле, подумала Зоя Платоновна, почему это меня интересует? Неужели я с возрастом становлюсь этакой занудной бабусей, которая всюду сует свой нос и пишет письма в газеты, чтобы в соседнем доме перестали играть на тромбоне? Что меня дернуло отправиться в школу? Неправильность в словах стихотворения местного старьевщика? И какое мне дело до местного старьевщика? Что это, врожденное чувство справедливости? Зачем тогда тратить силы по пустякам? Ну, знакомые

строчки. В поэзии теперь уже почти все знакомое. Один известный поэт написал очередное стихотворение о любви и заявил во всеуслышанье, что «тема любви наконец закрыта». Никто не послушался этого революционера. И продолжают писать о любви, пользуясь несколькими рифмами и того меньшим числом стихотворных размеров.

Наверное, дело в том, что она — азартный человек, авантюрист. В облике скромной пенсионерки. И когда ей судьба показывает уголок тайны, в странно устроенной душе Зои Платоновны вспыхивает испепеляющий огонь желания эту тайну разрешить. Даже если эта тайна остальному человечеству кажется совершенным пустяком.

— Я прочла последние произведения Крымского-Москвича, — сказала Зоя Платоновна. — Вы их видели?

— Мы после того стихотворения на его фамилий глаза зажмуриваем, — сказала Ирина Федоровна.

— И псевдоним у него дикий, — заметила биологичка.

— А я вот не зажмурилась, — сказала Зоя Платоновна. — Можно, я вам покажу?

Она раскрыла подшивку, стала листать. Учительницы поднялись, склонились над подшивкой. Вот и стихотворение.

— Скажите, вам оно ничего не напоминает?

Биологичка первой пробежала его глазами и сказала:

— Значительно лучше. Он что, курсы кончил?

— Курсы... — сказала задумчиво Ирина Федоровна. — Нет, не курсы. Кто же это... кто же это...

— А если труд будет сладким, а вольность высокой? — спросила Зоя Платоновна.

— Ах! — обрадовалась Ирина Федоровна. — «Песня» Николая Михайловича, он ее в двадцать седьмом году написал. Дура я, дура старая...

— В двадцать седьмом БАМ еще не строили, — сказала биологичка.

— «Благодетельною силой / С нами немцев подружило / Откровенное вино», — сказала Ирина Федоровна. — Вы, голубушка, ошиблись в своих расчетах на сто лет. Речь идет о поэте Николае Михайловиче Языкове, современнике Пушкина.

— А как же БАМ? — Биологичка никак не могла смириться с мыслью о литературном воровстве.

— Ну а это? — спросила Зоя Платоновна о предыдущем стихотворении.

— Это? Дай бог памяти... колхозные поля... а если без них? Это не Дельвиг, а? Очень похоже, что это Дельвиг.

— Ой! — сказала биологичка. — Такой скандал в нашем городе... Самый настоящий плагиатор. А я думала, они бывают только в больших центрах...

4

К четырем часам Зоя Платоновна вернулась в редакцию и увидела наконец самого Крымского-Москвича, он же Грянуло. Поэт не почувствовал опасности, когда Зоя Платоновна вошла в комнату, где Мухоморин выслушивал его монолог. Он кинул равнодушный взгляд на незнакомую бабку. Зоя Платоновна села за свободный стол и сделала вид, что пишет.

Крымский-Москвич, согбенный мужчинка неизвестного возраста, подчеркнуто и даже принципиально серый, будто покрытый пылью, медленно и солидно водил в воздухе перед лицом юного Мухоморина пачкой исписанных листов бумаги и ровным, занудным, всепроникающим голосом повторял:

— Моему новому циклу нужно место по праву. Я разные темы охватил, можно сказать, в комплексе, понимаешь?

— Нет места, Сидор Сергеевич, — отбивался Мухоморин. — Нету, откуда у нас место — всего две полосы, и выходим три раза в неделю. Сами понимаете.

— Вопрос об важности, — говорил поэт. — Вопрос об качестве. Я же не с улицы пришел, я сюда каждый день, можно сказать, прихожу. Если печатать не будешь, я напишу, знаешь, не стихами, железной прозой напишу, какие зажимы здесь у вас происходят. А сам в Москву поеду, печататься там начну, тогда заплачете горючими слезами, что мой талант губили...

— Но мы же обещали, Сидор Сергеевич, — сказал юный Мухоморин. — Мы ваше стихотворение берем. При первой возможности...

— Все ясно — сказал поэт. — Сначала печатали, а потом преграды пошли. Это знак, да? Знак, да?

Мухоморин пожал плечами, глядя в стол. Он предпочитал отмалчиваться.

— А можно мне посмотреть ваши стихи? — спросила вежливо Зоя Платоновна.

— А вы кто такая будете?

— Я из Москвы приехала, в командировку. Фотокорреспондент, — сказала правду Зоя Платоновна.

— Конечно, — обрадовался Мухоморин. — И вам мнение нового человека интересно послушать.

Серый человечек уперся в глаза Зое Платоновне своими черными точками, самым ярким пятном на лице, пронзил ее насквозь, рассмотрел изнутри — бывает же такой въедливый взгляд, — решил, что достойна, и щедрым жестом положил перед ней стопку листов, исписанных ровным с завитушками канцелярским почерком. Теперь Зоя была готова к тому, что увидит, она быстро проглядывала строки, не обращая внимания на модернизированные заголовки типа «Песня борцов за гражданские права коренных представителей населения США», под которым скрывалось известное стихотворение Полежаева «Песнь пленного ирокезца». Некоторые стихотворения были безнадежны, и их Зоя Платоновна полностью отнесла на совесть Крымского-Москвича, происхождение других угадывалось. Были и неугадываемые, но относящиеся к определенному времени — к первой половине прошлого века. Безусловно, к первой половине...

— Ну и как вам? — спросил поэт. — Впечатление оказывает, а?

— Оказывает, — осторожно сказала Зоя Платоновна, возвращая листы. — Много написали.

— И я говорю, что много, выпуск у меня большой, надо както утилизацию проводить. А они мне не хотят газетной страницы пожертвовать.

— Вы уходите? — спросила Зоя Платоновна.

— Нет еще... — Но тут поэт увидел, что, пользуясь моментом, юный Мухоморин сбежал из комнаты. И даже прихватил с собой портфель.

— Не вернется он, — сказала Зоя Платоновна. — Я знаю таких молодых людей, у которых не хватает духа сказать человеку «нет».

— А он хотел сказать мне «нет»? — Серый поэт вышел вслед за Зоей Платоновной в коридор.

— Именно так. Но мне нужно с вами поговорить. Вы не возражаете?

— Про мое творчество? — спросил поэт.

— Про жизнь вообще. Пять минут, не больше.

— Только чтобы не больше, — предупредил поэт.

На улице было прохладно, но дождя с утра не было, поэтому скамейки в сквере просохли, а свежим холодным ветром сдуло влагу с желтых листьев.

— Ну, излагайте, — сказал серый человек. — Только коротко. У меня дела.

— Знаю, — сказала Зоя Платоновна, — палатку надо открывать. Вдруг снова Леонида Андреева за бесценок принесут...

Крымский-Москвич приоткрыл в изумлении рот. Такого от московской старухи он не ожидал. Ну, может, стихотворной критики ждал или даже предложения взять стихи и напечатать в Москве, в центральном журнале, а почему нет? Стихи хорошие.

— Это какого Леонида Андреева?..

Но Зоя не намеревалась терять инициативу.

— А стихи откуда переписывали? Из альбома, да?

— Из какого альбома?

— А из того, который вам юная дурочка на макулатуру притащила вместе с бабушкиными письмами и Леонидом Андреевым, да еще с альманахом «Северные цветы».

— Откуда ты знаешь? — Поэт сделал попытку подняться со скамейки и бежать, но Зоя Платоновна была к этому готова и сжала его кисть твердыми пальцами бывшего шофера.

— Сидите, — сказала она. — И слушайте.

— Ничего не знаю. Альбома не видал.

— Молчать, жулик, — сказала громким шепотом Зоя Платоновна. — Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что было на самом деле. Вы — безнадежный графоман. Вирши ваши, я имею в виду вирши вашего собственного изготовления, — без-

надежны, за несколько лет планомерной осады газеты и снабжения кое-кого книжками по сходной цене вам удалось пробить только один опус...

— Два!

— Второго я не углядела. Не важно. И вдруг совсем недавно вы, по словам той же Сонечки, начали писать лучше. Значит, или в вас прибавилось таланта...

— А если прибавилось?

— А вот не прибавилось! Вы не такой уж идиот, чтобы переписывать стихи из книг. Значит, вам в руки попал источник, вернее всего рукописный, такой, что вам показался безопасным, чтобы из него черпать. Если бы мне вчера случайно не пришлось узнать, как вы купили у той молодой женщины бабушкин альбом, я бы, наверное, еще долго ломала голову. А теперь ясно. Вы взяли альбом...

— Ничего подобного!

— Ваши глаза вас выдали!

Эта банальная фраза из следовательской литературы неожиданно оказала эффект: поэт зажмурился и ответил, не разжмурив век:

— Все равно не сознаюсь.

— Уже сознались. И должна вам сказать, что вы совершили ошибку, которую всегда совершают начинающие преступники. В силу недостаточного знания русской поэзии первой половины девятнадцатого века вы решили, что, если написано от руки, значит, напечатано не было. А в те времена в провинциальные альбомы часто переписывали напечатанные стихотворения. Печатных изданий не хватало. Понимаете, как вы жестоко ошиблись? Ваши творения уже сто пятьдесят лет как включены в хрестоматии!

Поэт все еще сидел с закрытыми глазами. Он кивнул, сдаваясь на милость победителя.

— Были напечатаны... — прошептал он. — Как попался!

— Странно вы устроены, — сказала Зоя Платоновна. — Если печатный текст украли, то это преступление или, скажем...

— Ошибка, — быстро подсказал поэт.

— А если бы ненапечатанные, то тогда можно?

— Можно, — сказал поэт.

— У меня к вам предложение, — сказала Зоя Платоновна. — В газету вы больше не ходите. И без меня там не сегодня-завтра догадаются. Альбом же вернете хозяевам, вместе с письмами их бабушки.

— Нет, — сказал поэт. — Я за него по весу заплатил.

— Не сопротивляйтесь, — сказала Зоя Платоновна, поднимаясь со скамейки. — Вы далеко живете?

Ковать железо надо, пока горячо, поэт мог опомниться.

— Рядом...

— Пошли. Идите, идите, не стесняйтесь. Деньги, заплаченные за макулатуру, вы уже с лихвой возместили. Гонорар за стихи получили?

— Разве это гонорар? — удивился поэт. — Это все равно что на общественных началах.

— Не притворяйтесь, — сказала Зоя Платоновна, подталкивая свою жертву. — Все равно эта сумма значительно превышает расходы на покупку. Учтите, я сейчас не спрашиваю, сколько вы взяли с Сонечки за Андреева и кому продали «Северные цветы». И не заставляйте меня интересоваться этим всерьез.

Некоторое время они шли молча. Потом Крымский-Москвич немного опомнился и спросил:

— Значит, я вам альбом, а вы его себе возьмете?

— Ничего подобного, — отрезала Зоя Платоновна. — Мы вместе пойдем к его хозяевам. Вместе и отдадим. С извинениями.

Придумать ответа поэт не успел, потому что они подошли к его дому, двухэтажному сооружению, построенному в тридцатых годах.

— Подожди здесь, — сказал поэт.

— И не подумаю, — ответила Зоя Платоновна. — Не знаю, каким черным ходом вы убежите.

Преступник вздохнул — возможно, Зоя Платоновна угадала его тайные мысли.

Они поднялись по скрипучей лестнице на второй этаж, остановились перед дверью с большим навесным замком. Поэт сунул руку в карман и сказал:

— Я ключи забыл.

— Вас обыскать? — вежливо спросила Зоя Платоновна. На площадку выходило еще три двери, за ними были слышны голоса.

— Тишше, — прошипел старьевщик, вытаскивая из кармана связку ключей. Замок открылся. Поэт вошел первым, Зоя на шаг сзади. Ни на секунду не ослаблять давления!

Большая, грязная — видно, никогда не ремонтировалась — комната была завалена старыми вещами и книгами так, что продавленный диван, на котором лежала неубранная постель жителя этого поэтического логова, с трудом угадывался в месиве вещей. От каждого шага поднималась пыль... Альбом в потертом сафьяновом переплете с позолоченными застежками лежал на столе, под сковородой с недоеденной яичницей.

— Альбом вижу, — сказала Зоя Платоновна, снимая сковородку. — А где письма бабушки?

— А кто их знает? — ответил поэт. — Может, и выкинул.

— Ищите! Быстро. Это как операция. Чем скорее сделать, тем скорее выздоровеете. Может, даже что-нибудь дельное напишете. Сами.

Почему-то эта мысль приободрила поэта, он пошел к приоткрытому шкафу, в котором не помещались старые костюмы, и нагнулся, чтобы достать пачку писем.

Зоя Платоновна открыла альбом. Настоящий. Тридцатых годов девятнадцатого века...

Поэт положил пачку писем без марок, с замысловатыми росписями фамилий, и замер у стола, словно ждал приказаний.

— Ну, пошли? — сказала Зоя Платоновна.

— Ладно уж, — сказал поэт почти миролюбиво. — Твоя взяла. Бери, неси, делай что хочешь.

— Правильно, — сказала Зоя Платоновна. — Раскаяние — шаг к исправлению.

Интересно было пролистать плотные, с золотым обрезом страницы альбома. Голоса тех времен... Почерки разные. Видно, друзей у владелицы альбома было немало. Альбом надо отвезти в Москву. Мало ли что там может быть? Например, варианты, разночтения. Знакомый почерк. Чей почерк? Почерк Пушкина. Мог-

ло быть и такое? Господи, что я делаю? Я гляжу на страницу с автографом Пушкина!

— Ты чего? — спросил подозрительно поэт. — Сто рублей между страницами нашла?

— Нет, — сказала Зоя Платоновна, медленно закрывая альбом. Только не выдать себя... Если он узнает, он не остановится ни перед чем, он не остановится перед убийством...

— Пошли, — сказала Зоя Платоновна.

И сразу повернулась к двери. И шмыгнула в нее, не глядя, идет он следом или нет. Сзади стучали его мелкие шаги. Зоя Платоновна сбежала по лестнице, а он закричал вслед:

— Ты куда! Все равно догоню.

Но Зоя Платоновна уже стояла на улице. В безопасности. Вокруг ходили люди, можно было в случае чего закричать. Под мышкой у нее был альбом с автографом Пушкина и неизвестно еще чьими автографами. Открытие мирового значения, которое следовало вырвать из лап поэта-самозванца.

— Никуда я не бежала, — сказала Зоя. — Письма не забыли?

— Здесь они.

5

Труднее оказалось найти хозяев альбома. Дома в том переулке оказались такими похожими, что никак не поймешь, из какого же вчера вечером выскакивал возмущенный Митя.

Зоя прошла переулок из конца в конец, вглядываясь в одинаковые фасады, в одинаковые цветы на подоконниках, а когда повернула обратно, старьевщик взбунтовался.

— Отдавай альбом, — сказал он.

— Не отдам, — в отчаянье ответила Зоя Платоновна.

— Тогда гони за него полсотни, — сказал старьевщик.

— Почему полсотни? — спросила Зоя Платоновна.

— А то отниму, — сказал старьевщик.

— Я буду кричать, — сказала Зоя Платоновна.

— Кричи, а я скажу, что ты меня обокрала. Меня знают, а ты приезжая. Придумала ты про хозяев.

— Они здесь живут!

— Никто здесь не живет. Давай полсотни, и молчим. Ты молчишь, я молчу — все молчат.

Полсотни. Это все, что она взяла с собой из Москвы. Но промедление смерти подобно — старьевщик уже вышел из-под контроля.

— Сорок, — сказала Зоя Платоновна. — Мне надо на обратную дорогу оставить.

— Пятьдесят, — сказал старьевщик и протянул руку к альбому.

— Держите, — сказала Зоя Платоновна, стараясь достать деньги из сумки и при том не выпустить альбома.

Старьевщик принял две лиловые бумажки и сказал:

— Надо было сотню просить, что-то ты легко согласилась.

Он тихо засмеялся, а Зоя Платоновна увидела, как по переулку бредет Митя, уже не в пижаме, а в джинсовом костюме.

— Здравствуйте! — закричала Зоя Платоновна, поднимая альбом, как знамя. — Узнаете?

— Не может быть! — закричал владелец альбома и бросился к ней.

— Ах да, — вспомнила тут Зоя Платоновна. — А где письма?

Письма лежали на мостовой, аккуратной пачкой. Но старьевщика рядом уже не было.

6

Уже начало смеркаться. Они положили альбом на стол у открытого окна на улицу и не спеша листали его.

— Грех какой, — повторял Митя, — не будь этих событий, он мог бы до скончания века в чулане пролежать. Стыд, понимаете?

— Я же тебе говорила, — радовалась обретению молодая жена Римма. — А ты ругался.

— А вот эта подпись? Как вы думаете, это может быть Лев Толстой? — спрашивал Митя. Ему очень хотелось, чтобы в прапрабабушкином альбоме отметилась вся русская литература.

Они проглядели альбом начерно. Автографов Пушкина там было два и даже один рисунок — женская головка. А вдруг Пушкин чувствовал к прапрабабке сердечное влечение?

Римма собрала на стол, они выпили по маленькой за литературное счастье. Время от времени они кидали взгляды на альбом, как на живого друга, зашедшего в гости. Они обсуждали, как повезут его в Москву и какое там будет удивление. Приятный час провели за разговором.

— Все-таки хорошо, что у вас с собой полсотни было, — сказал потом Митя. — Вы не думайте, мы вернем, мы же понимаем.

— Конечно, Митенька, — сказала Римма. — Я из своих отдам, которые мне мама на холодильник дала. Ведь я во всем виновата...

— Ну что вы, — сказала Зоя Платоновна. — Как можно.

Ей показалось, что от окна послышалось какое-то шуршание.

Она обернулась и не поверила глазам. Альбома на столе не было.

— Митя! — закричала она.

— Митя! — закричала молодая жена.

— Это он, подлец! — закричал Митя. — Он подслушивал! Он все понял!

Митя бросился к окну, но наткнулся на край стола, свалил его и этим помешал вскочить Зое Платоновне. И пока они разбирались в ногах, руках и битой посуде, похитителя и след простыл.

7

Когда они добежали до дома, в котором жил поэт Крымский-Москвич, уже почти стемнело. Они будто на крыльях мести взлетели на второй этаж. Митя грохнул кулаком в дверь.

— Сейчас я ему! — прорычал он.

— Нет его, — сказала Зоя Платоновна.

Она показала на запертый висячий замок.

— Ничего, — сказал Митя. — Он от нас не скроется.

Они спустились вниз. Они молчали. Молодую жену била нервная дрожь. Неподалеку гуляли ребята с транзистором и гремела веселая музыка. Мигая огоньками, пролетел самолет.

Под уличным фонарем возникла фигура старьевщика. Руки его были пусты. Он смело подошел к ожидавшим его мстителям.

— Еще чего? — спросил он скучным голосом.

— Отдавай альбом, — сказал Митя. — Хватит.

— Какой альбом? — удивился старьевщик.

— Мой альбом, пушкинский.

— Я как расстался с этой бабкой, — сказал старьевщик, — альбома в глаза не видал. Истинный крест. Не мешайте мне домой вернуться.

— Я его из тебя вытрясу, — сказал Митя.

— Тряси, — предложил старьевщик, чуть расставляя руки, чтобы Мите было его удобней трясти. — Но я альбом вот этой москвичке отдал. Так что лучше ты ее потряси.

Митя ринулся было уничтожить старьевщика, но Зоя с Риммой его удержали. Ясно было, что альбома у старьевщика нет.

— Пропустите его, — сказала Зоя Платоновна.

— То-то, — сказал поэт и прошел между ними к дверям, как броненосец сквозь вражескую эскадру.

Стало тихо. Даже музыка замолкла. Было влажно и холодно. Подуло от леса.

— Чего тут стоять, — сказала Зоя Платоновна. — Пошли домой.

— Нет, я не уйду, — сказал Митя.

— И до утра будешь стоять, да? — спросила жена. — Я замерзла.

Зоя Платоновна ущипнула Митю за руку, и тот вдруг понял.

— Ладно, — сказал он. — Придется уйти. Денег жалко. Не надо было вам полсотни отдавать.

— Пошли, чего уж, — сказала Зоя Платоновна, и ей показалось, что из-за двери послышался сдавленный смешок.

Отойдя шагов на сто, они остановились в черной тени деревьев.

— Ясно, что альбом он оставил где-то по дороге, — сказала Зоя Платоновна. — Но где? Может, у кого из друзей?

— Будем подстерегать, — сказал Митя.

— Времени у него было мало, — сказала Зоя Платоновна. — Вряд ли он к знакомым забегал. И никому он не доверяет, не такой человек. Значит, он спрятал альбом в безопасном месте.

— Чтобы ночью взять, когда мы уйдем, — сказал Митя.

— Как он сюда бежал? — подумала вслух Зоя Платоновна.

— По нашему переулку, — сказал Митя, — потом мимо Троицкой церкви, через парк. Самый короткий путь.

— Церковь... парк... — сказала Зоя Платоновна. — Как в фильме ужасов. Что же, придется нам повторить его путь. В обратном порядке. Но оставлять его без присмотра тоже опасно.

— Я останусь, — сказал Митя, — хоть до утра простою.

— Ты простудишься, — сказала Римма. — Я с тобой побуду.

— Нет, — возразила Зоя Платоновна, — вы пойдете со мной. Покажете самый короткий путь.

— Правильно, — сказал Митя. — Веди ее, Риммуля.

И Зоя Платоновна с молодой женой поспешили обратно.

На перекрестке они остановились.

— Здесь две дороги, — сказала Римма. — Одна через парк, другая по улице.

— По улице мы сами сюда бежали.

— Ага.

— Тогда пошли через парк.

— Поздно уже, — сказала Римма. — Может, не пойдем?

— Долой сомнения, девочка, — сказала Зоя Платоновна.

Римма вздохнула, и они вошли в парк.

Днем он был светлым, веселым, там играли дети. Сейчас, в осеннюю пустоту, под начавшимся снова дождем, парк был безнадежно пуст, темен и тревожен.

Они шли быстро, Зоя Платоновна иногда останавливалась, заглядывала под кусты — Римме непонятно было, что она там надеялась высмотреть.

— Нет, — сказала Зоя Платоновна, — в кусты он не стал бы прятать, кто-нибудь случайно может заглянуть — чего только не бывает. Поэт Крымский — человек, не склонный к авантюрам.

— Ой! — крикнула Римма, бросаясь к Зое Платоновне.

Из кустов на дорожку с треском выбрался молодой человек в большом подпитии.

— Гуляем? — спросил он.

— Гуляем, — сказала Зоя Платоновна. — Спасибо за внимание.

— Вот именно, — сказал молодой человек и пошел к выходу.

— Видишь, — сказала Зоя Платоновна, которая сама перепугалась, — а ты боялась. В этом лесу водятся только мирные дикари.

Через несколько шагов она первой замерла от ужаса: перед ней возникла высокая белая фигура — такого высокого привидения Зое Платоновне видеть еще не приходилось, честно говоря, ей вообще еще не приходилось видеть привидений.

— Не бойтесь, — сказала Римма, прижимаясь к Зое Платоновне. — Это статуя. Для красоты, понимаете?

— Понимаю, — прошептала Зоя Платоновна. — Статуя командора.

Хотя, конечно, это была статуя не командора, а девушки с веслом.

Следующую статую, читающего юношу, они миновали уже почти без страха, от дискобола, правда, метнулись в сторону, но вот когда проходили мимо колхозницы со снопом, то даже засмеялись.

За парком, на небольшой площади, стояла церковь. В ней было светло.

— Ага, — тихо сказала Зоя Платоновна. — Это вариант.

— Пошли в церковь?

— Пошли.

В церкви шла поздняя служба. Несколько бабушек толпились у алтаря, сонная женщина торговала на входе свечами. Было тепло, сухо и пахло свечным дымом и ладаном.

При появлении в этом уютном и благостном мире двух растрепанных, промокших воительниц, внесших под своды храма суетность бренного мира, в церкви возникла тревога, бабушки испуганно обернулись, а когда одна из воительниц, та, что постарше, метнулась к книге, лежавшей на подставке перед батюшкой, тот от неожиданности даже замолк.

— Простите, — сказала батюшке Римма, — мы альбом ищем. Нам вашего не надо.

— Пожалуйста, — ответил батюшка.

Нет, подумала, смущенно ретируясь, Зоя Платоновна. Здесь бы он не оставлял. Ему нужно место, которое не закроют до утра.

Из церкви они пошли уличкой, дождь усилился. Калитка в одном из домов была приоткрыта. Римма сунулась зачем-то туда —

навстречу ей выскочил пес, хорошо еще, что он испугался не меньше Риммы, и они отскочили друг от друга. По знакомому переулку они шли совсем медленно, заглядывая под деревья и в кусты, будто искали особые ночные грибы. Потом остановились перед открытым окном — протяни руку, возьмешь альбом. Так просто...

— Ну что ж, — сказала Зоя, — неудача.

— Погодите, я Мите свитер возьму, — сказала Римма, — и плащ. И вам тоже.

Поджидая Римму, Зоя Платоновна еще раз мысленно повторила их путь. Нет, альбом спрятать негде. Значит, поэт успел забежать к кому-то из знакомых. Или прошел таким путем, о котором Римма не знает.

Обратно они шли медленно, печально, по сторонам почти не глядели. Если их старьевщик перехитрил, то альбом пропал совсем. Зоя Платоновна подумала, что плохо оставаться совсем без денег, в командировке, в чужом городе, придется домой посылать телеграмму. Нелепо.

Они шли парком, церковь осталась сзади.

Римма сказала:

— Вы не беспокойтесь. Мы вам деньги все равно отдадим. Мы же понимаем, что вы для нас старались.

Вышла луна. Неожиданно стало светло, словно высоко в небе включили холодный фонарь. На аллее показалась компания ребят и девушек, которые нестройно, но громко пели о любви и дальних дорогах.

Женщины миновали статую колхозницы, потом дискобола.

Зоя Платоновна вдруг остановилась.

— Чего? — спросила Римма.

— Это не просто читающий юноша, — сказала Зоя Платоновна, — это юный Пушкин в Детском селе. Читающий Пушкин, понимаешь?

— Может быть, — сказала Римма, — никогда не приглядывалась. Они тут всегда стоят. С моего детства.

— Вот именно.

Зоя Платоновна показала ей на высокий побеленный постамент статуи. На белой краске под светом луны был виден след грязной подошвы.

— А ну-ка, подсади меня, — сказала Зоя Платоновна.

— Вы что?

— Не возражай, — сказала Зоя Платоновна.

Римма подчинилась. Зоя Платоновна оказалась совсем не тяжелой. Она подтянулась, ухватившись за колени юного гипсового поэта.

Компания молодых людей поравнялась с ними и остановилась в изумлении.

— Бабушка, упадешь! — крикнул кто-то из них.

Остальные засмеялись.

Не обращая внимания на шутки, Зоя Платоновна добралась до большой гипсовой книги в руках поэта. Взяла то, что лежало поверх нее.

— Прыгаю! — сообщила она затем.

— Ловим! — закричали ребята.

Они сбежались к постаменту и подхватили бабушку.

Зоя Платоновна одной рукой отряхнула юбку, в другой она держала альбом.

— Зачем у Пушкина книжку отняла? — спросил кто-то из ребят.

— Книга на месте, — сообщила Зоя Платоновна. — Это, так сказать, второе издание.

Альбом был мокрый, она спрятала его под плащ.

— Как вы догадались? — поразилась Римма.

— Самое надежное место, — сказала Зоя Платоновна. — Снизу не увидишь, что там читает Пушкин. А он, оказывается, читает свой собственный автограф. А теперь побежали, Митя, наверное, совсем замерз.

И они бежали, мокрые, продрогшие, но не чувствовали ни дождя, ни холодного ветра.

Кир Булычев
ВЫСТРЕЛ КУПИДОНА

1

Вдруг его охватило нетерпение, суматошная нервная спешка. Надо было скорее, скорее все сделать, пока никто не заметил, никто не пришел. Хотя кто мог прийти сюда, в дачный поселок, в ноябре на рассвете... Пусто, последние бурые листья, пропитанные водой, собираются кучками в углублениях земли и чавкают под ногой. Грязь, земля тяжелая, небо свинцовое, из всех птиц осталась одна ворона, уселась на горизонтальной ветке сосны, ей бы спать, чего неймется? Ворона раза два каркнула, склонив голову. Сейчас бы выстрелить в нее, пристрелить — и дело с концом. И хоть у него отродясь не было пистолета или ружья, он вдруг испугался собственного желания, как будто уже был готов к выстрелу — представил, какой гулкий получился бы шум, как покатилось бы эхо выстрела над дачным поселком, до самой станции. И вот кто-то уже спешит сюда, посмотреть, на какой даче остались люди, кто стрелял, кого убили.

Он очень спешил, главное было — успеть, пока не рассвело совсем, пока по дороге кто-нибудь не прошел или не проехал, ведь кусты облетели, и теперь с дороги весь участок просматривается как на ладони. Он взял коробку для шитья — там нитки, иголки, какие-то тряпочки, потом у зеркала увидел начатую бутылочку духов «Красная Москва», схватил и ее, еще попалась

© Кир Булычев, 2002

чашка с розочками — почему надо было брать и чашку, он не смог себе объяснить, но чашка имела отношение к жене, чашка могла быть связана с ее исчезновением. Предметы, которые раньше были незаметны, растворялись в комнате и на кухне, сейчас прямо лезли в глаза, отовсюду, из каждого угла кричали о его жене. И для того чтобы она исчезла окончательно, навсегда, для всех, для любого любопытного глаза, надо было соскрести все ее следы, до последнего.

Руки были полны, но он догадался, разложил на полу ее старый халат, тот, который с лиловыми розами, и начал сваливать вещи на него. Почему-то принес из кухни любимую кастрюлю жены — обыкновенную кастрюлю. С минуту стоял, разглядывая ее, потом поставил обратно на полку — таких кастрюль в мире миллион. Затем вспомнил — полез под кровать. Так и есть, там забыт старый чемодан с барахлом и туфлями жены, которые вышли из моды, с кофтой непонятно каких времен. Из чемодана несло нафталином, и сквозь этот запах пробивался запах жены — ее волос, ее духов, такой знакомый, что он отпрянул от чемодана и оглянулся. Ему показалось, что он слышит вздох жены, как бывало, когда она ночью вдруг вздыхала, говорила что-то неразборчиво и переворачивалась на другой бок. Он вскочил, обернулся — от ветра медленно закрывалась дверь.

— Нет тебя, нет тебя совсем, — сказал он тихо, а получилось громко, гулко.

Он уложил барахло в халат, завязал сверток рукавами, потащил к двери. На пороге остановился, посмотрел, нет ли кого на дороге. Холодный туман подбирался к штакетнику, хорошему, ровному, прямому, сам еще летом врывал новые столбы, а она сидела на веранде, перебирала клубнику, у нее были очень белые руки, никогда не загорала, темно-рыжие волосы и веснушки на переносице. Она была не толстой, но со временем обязательно бы располнела. И странно — к ней как-то приезжала сестра из деревни, маленькая, смуглая, будто из другого племени. Но сестра.

Дорога была пуста. Собирался дождь, и, наверное, от этого никак не светлело. Он поволок сверток по тропинке к сараю. Стало очень жарко, словно взбирался на гору.

У старого заброшенного колодца, из которого давным-давно ушла вода и который он все собирался расчистить, да не было денег, чтобы нанять мастера, а сам не мог, он остановился. Потом поднял узел на сруб — только два бревна над травой — и толкнул. Узел послушно скользнул вниз, упал на мягкое, недалеко, метрах в двух, что-то в нем звякнуло, наверное, вилки. Он вытер о пиджак потные ладони.

Надо спешить, спешить... еще столько работы осталось. А в любой момент кто-то может появиться. Ну хотя бы на соседней даче. Они, правда, не приезжали уже недели две, но чем черт не шутит... Он побежал в сарай, отыскал там в куче хлама лом, а топора не было. И лопаты не было. Вспомнил, что лопата стоит у дома. Бросил лом у колодца, поспешил к дому, лопата стояла, прислоненная к стене. А топор? Топор в комнате. Он вернулся в дом, часто дыша и не имея времени перевести дух, у дверей поднял с пола топор, еще раз огляделся — увидел на столе шкатулку с ее письмами и всякими бумажками, подхватил ее, побежал обратно, от двери кинул взгляд в комнату, будто уже не смог бы вернуться сюда вновь, — на стуле лежала ее шляпа, круглая, без полей, она носила ее набекрень, вернулся, взял и шляпу.

Он расшатывал, разваливал ломом бревна, бревна сруба были старыми, кое-где подгнили, но держались крепко, скрип стоял на весь поселок, наконец одно бревно поддалось, отвалилось в сторону, он выпрямился, и тут его кто-то спросил, совсем рядом:

— Помочь, может, хозяин?

— Что? — И сразу наступило спокойствие. Все погибло. Он ждал этого голоса. Лучше было поджечь дачу и бежать — бежать без оглядки.

Он заставил себя обернуться.

У забора, облокотившись на низкий штакетник, стоял молодой мужчина в ватнике поверх гимнастерки, на гимнастерке видны две полоски за ранения. А на дороге — удивительно, неужели он мог этого не услышать, — «студебеккер».

Он с трудом заставил себя заговорить.

— Не надо, — сказал он. — Я сам...

— А чего трудишься?

— Колодец, — сказал он. — Видите, колодец совсем старый. Воды нет. Я здесь огород сделаю.

— Огород?

Место для огорода неподходящее, с первого взгляда видно.

— Я выкорчую, — сказал он, — выкорчую, понимаете?

— Дело твое, а то бы я за червонец тебе это все быстро организовал, — сказал демобилизованный. — Не хочешь?

— Спасибо, не надо, спасибо.

— Ну как знаешь. А ты мне тогда скажи, как мне на Пушкино выехать?

— На Пушкино?

Он положил на землю лом и пошел к забору, стараясь закрыть собой колодец, хотя в колодец заглянуть от забора было нельзя — все-таки метров пятнадцать.

— Через километр, — сказал он и откашлялся, — будет поворот направо...

Шофер слушал его, кивал, а сам смотрел почему-то ему через плечо, на колодец. «Что я там забыл? Что он там видит?»

— Смотри, — сказал шофер, — твоя баба шляпу и шкатулку забыла. Дождем промочит.

— Это старые, ненужные, я выброшу, — сказал он быстро, не оборачиваясь.

— Может, мне тогда дашь, а?

— Нет, — сказал он быстро. — Нельзя.

— Я заплачу.

— Нет!

— Да ты не психуй, — сказал шофер. — Не хочешь — не надо. Подавись своим добром.

И пошел к «студебеккеру», забрался в кабину, дал газ: «студебеккер», покачиваясь, как корабль, поплыл с ревом по проселочной дороге. Как же он мог не услышать, что подъехала машина?..

Он побежал к колодцу и первым делом кинул туда шляпу и шкатулку с бумагами. Тут же испугался, не остался ли в шкатулке паспорт жены. Поэтому, прежде чем продолжить разрушение колодца, он сбегал домой, убедился, что паспорт там, спрятан, только потом вернулся к колодцу, разрушил его, скинул бревна вниз и начал рыть яму неподалеку, чтобы засыпать колодец. Сровнять с землей.

2

В дверь позвонили.

Зоя Платоновна в этот момент сидела на полу, разложив перед собой фотоальбомы — и с черно-белыми, еще фэдовскими фотографиями, и с цветными, кодаковскими, новыми. Все же черно-белые были милей сердцу и неким парадоксальным образом многозначнее и ярче воскрешали время. Рядом на полу лежали журналы — кое-где в них поблескивали те же фотографии, что и в альбомах, некогда совершившие нехитрое путешествие в издательскую типографию.

Было девять вечера, середина сентября, дома никого — дочь с зятем в Турции. Зоя Платоновна крикнула:

— Сейчас.

Хотя знала, что за дверью не услышат.

Коротко вздохнув, все же захлопнула альбомы и, быстро метнув их в ящик шкафа, пошла открывать.

За дверью оказалась маленького роста смуглая бабушка в черном с красными цветами платке, с большой голубой сумкой «Reebok» через плечо и с чемоданом в руке.

— Долго не открываешь, — сказала бабушка сердито. — Что ж, я всю ночь на лестнице стоять буду?

— Вам кого? — спросила Зоя Платоновна, приглядываясь к гостье в тусклом свете лестничной площадки.

— Погодите, — сказала бабка. — Проверим. Ты только меня на лестнице не держи, в дом пригласи, окажи уважение пожилому человеку. Я тебя не съем, не обворую, у меня паспорт есть...

Зое Платоновне ничего не оставалось, как послушно отступить в коридор.

Бабушка не спеша развязала платок, сбросила его на плечи и сказала:

— Жарко у тебя, топют, что ли?

— Затопили. — Зоя Платоновна вдруг почувствовала себя виноватой за то, что затопили раньше времени.

— А фортку чего не открываешь? — спросила бабушка. — У тебя микробы размножаются.

Пока Зоя послушно открывала форточку, бабка поставила на стул сумку, прислонила к стулу чемодан, прошла в комнату,

уселась за стол, вытащила из складок плаща бумажник из кожи под крокодила, а из него — листок. Долго искала очки, а Зоя Платоновна стояла над ней и думала, что, если надо будет поить бабушку чаем, а все идет к этому, то печенья почти не осталось, и надо открывать последнюю банку малинового варенья. Сейчас бабушка зачитает листок, и из него обнаружится, что она — отдаленная, но некогда любимая родственница бывшего мужа Зои Платоновны. И решила навеки здесь поселиться.

— Точно, — изрекла наконец бабушка. — Я своей памяти уже не доверяю, все записываю, хотя в этой квартире бывала.

— А я вас не помню, — посмела начать сопротивление Зоя Платоновна.

— Куда тебе, — согласилась бабушка. — Это улица Песочная?

— А что?

— Ты отвечай, отвечай, не задумывайся.

— Песочная.

— Дом сорок два, квартира двадцать?

— Правильно. — Надежда на то, что бабушка ошиблась квартирой, испарилась.

— Тогда ты мне скажи, — бабушка вперила взгляд уменьшенных сильными линзами выцветших глаз в лицо Зое, — ты мне скажи, что Вера?

— Кто?

— Моя младшая сестра Вера. Тысяча девятьсот двадцать пятого года рождения.

— Никогда не слышала! — Зоя Платоновна испытывала облегчение, потому что бабушка наверняка не была родственницей и по крайней мере не претендовала на угол.

— Вот именно, — сказала бабушка. — Так мне все говорят.

— Может, вам чаю сделать?

— Сделай, сделай, — согласилась бабушка. — Ты меня не бойся, я как тебя расспрошу, отдохну у тебя, а потом обратно поеду. Где у тебя удобства, покажи.

С каждой минутой бабушка Зое нравилась все больше. Она сохраняла чувство собственного достоинства, была естественна и дружелюбна. Видно, если бы к ней пришли с вопросами или

просьбой, она бы тоже предложила чайку попить и помогла бы. Значит, и другие должны к ней так же относиться.

Бабушка с удовольствием пила чай, не скрывала своего намерения переночевать. Оказалось, что зовут ее Любовью Семеновной и разыскивает она свою младшую сестренку Верочку, пятью годами ее моложе. Верочка, как выяснилось, жила когда-то, сразу после войны, в этой квартире со своим мужем, Купидоном. Именно Купидоном. Это было отрицательное прозвище, данное ему за малый рост, пухлость щек и общую подвижность. Так поняла Зоя Платоновна. Сестры расстались в войну, Вера пошла на фронт медсестрой, там познакомилась с Купидоном, он же Иван Макарыч Спесивцев, который был кем-то по хозяйственной части в том же госпитале, и вышла за него замуж — не по любви, а чтобы не быть «боевой подругой». Как война кончилась, Купидон начал служить в Москве, они поселились в этой квартире, которая в то время была коммуналкой, даже вроде бы купили маленькую дачу, неплохо жили. Любовь Семеновна приезжала к ним в сорок шестом, дорога неблизкая, а потом сестры поссорились, даже трудно вспомнить почему. Вера была несчастлива с Купидоном, все грозилась бросить его, но не решалась, а он страшно ревновал и даже как-то чуть не убил ее из ревности. Еще бы, ему уже было за сорок, а Верочке, красавице, что твоя березка молодая, чуть за двадцать. А после ссоры сестры и переписываться перестали. Но году в семидесятом написала-таки Любовь Семеновна своей сестре письмо, потом второе, третье — ни ответа, ни привета. Решила, что та все сердится, хоть пора и забыть, чего не бывает между родными! А потом и беспокоиться начала. Хоть не были сестры близки, к старости человек начинает собирать людей, искать родные души. Наконец, пусть и не время нынче для разъездов, приехала Любовь Семеновна в Москву поискать сестру. А где она — одному Богу известно.

Утром старуха разбудила Зою Платоновну на рассвете, уже гремела на кухне посудой, готовила поесть.

— Вставай, Зоя, — крикнула она из кухни, — проспишь! Тебе на улицу иттить!

— Зачем? — спросила Зоя, не раскрывая глаз.

— Как так зачем? Кошек-то из аппарата для журналу щелкать — я, что ли, за тебя за ими ползать буду по грязи?

— Не пойду, — сказала Зоя. — Черт с ними, с кошками, дождик на улице.

— Ну, как знаешь... Тогда звони, как собиралась.

— Рано еще, все спят, семь часов.

— Спят, спят... когда же они дело делают?

Бабка все знала, все понимала, но была актрисой, хитрила, переигрывала свою роль деревенской старушонки, ей эта роль нравилась.

До половины девятого Зоя Платоновна сопротивлялась бабушкиному напору, потом все-таки взяла телефон и позвонила на свою старую квартиру. Они с мужем переехали сюда шесть лет назад, тогда еще думали, что будут вечно и дружно существовать вместе. Ничего из этого не вышло. Впрочем, сейчас нас интересует не это, сейчас мы должны выяснить, где живет сестра Верочка, которой теперь семьдесят лет.

— Слушаю, — сказал сонный голос.

— Простите, я вас не разбудила? — спросила Зоя Платоновна.

— Все равно теперь не лягу, — сообщил сонный голос.

— Вы меня, конечно, не помните, — сказала Зоя Платоновна, — но лет шесть назад мы с вами поменялись квартирами. Вы жили на Песочной?

— Калерия! — закричал сонный голос в сторону от трубки. — Тебя обменщики требуют.

В трубке щелкнуло. Стало тихо.

— Не хотят признаваться? — спросила бабушка Люба.

— В чем?

— Куда Верку задевали.

— Сейчас узнаем.

В трубке возник другой, женский, знакомый голос — оказывается, за шесть лет память о нем не совсем выветрилась.

— Меня зовут Зоя Платоновна... — начала Зоя, но тут же голос в трубке ее перебил.

— Как же, как же... неужели не помним? Мы вас помним. К вам еще в прошлом году письмо приходило, мы его переслать

хотели, но закрутились. Борис, где письмо?.. Ну вот, не знает. Да, я вас все спросить хотела, ванна у вас всегда засоряется, или вы чего-нибудь туда положили? Знаете, мы совершенно измучились...

— Простите, — сказала Зоя Платоновна. — Вы не знали такую Веру Семеновну Спесивцеву...

— Это она по мужу Спесивцева, — подсказала бабушка Люба. — А мы-то Тяжные.

— Боря! — раздалось в трубке. — Ты знал Спесивцеву? Она жена режиссера, да?

— Нет, наверное, она жила в нашей квартире после войны.

— Боря, откуда ты помнишь, кто жил у нас после войны? Вообще-то он не может знать, потому что сначала я сюда прописалась, а потом он. Он три года никак не решался оставить свою Милочку... Ну ладно, два, это уже теперь не важно. Я ту комнату в семьдесят третьем получила и буквально три года жила одна, не зная, что со мной случится завтра, вы представляете...

— Значит, Веру Семеновну вы не помните?

Потом Зоя Платоновна дозвонилась и до второй половины сменщиков, до тех, кто занимал до обмена большую комнату. Они тоже не смогли припомнить ни Веру, ни ее мужа.

— Значит, неживая, — уверенно, даже с каким-то облегчением сказала бабушка Люба. — Иначе бы весточку подала. Ну как можно родной сестре весточку не подать?.. Я уж и на телевидение, в передачу «Ищу тебя» записалась. Да там, поди, у них очередища — жуть!

— Хорошо, — сказала Зоя Платоновна, которая не любила оставлять дела недоделанными. — Пошли в домоуправление.

В домоуправлении, хоть там Зою Платоновну знали, добыть какие-нибудь сведения оказалось нелегко. Старые домовые книги уже ушли в архив, а в тех, что велись с шестидесятых годов, никаких следов Спесивцевых не было.

Бабушка Люба робела в домоуправлении перед накрашенными девочками, дергала Зою за рукав и говорила: «Ну пошли, что ли? Бог дал, Бог взял, понятное дело».

— Давайте думать, — сказала Зоя Платоновна учительским голосом юной паспортистке Шурочке. — Бесследно человек ис-

чезнуть не мог. Прежде чем поднимать дела в архиве, поглядим, нет ли другого пути, более простого.

— Угу, — сказала Шурочка, разворачивая бутерброд. — Я тут сама новенькая... А вдруг их... того? — замерла она вдруг, не донеся бутерброда до рта. — Тогда ведь еще Сталин жил. Я думаю, пропасть тогда было легко. Раз, два — и вы пропали.

— А ты не думай, если дура, — не выдержала бабушка Люба. — Я и без тебя уж думала про это. Но тогда бы и меня за компанию сгребли. Хотя бы на допрос какой свозили. А так — и я, и прочая родня спокойно проживали — без твоих гулагов...

— К тете Соне сходите, — сказала другая паспортистка. — Если она не знает, никто не знает. Сколько лет прошло, можно сказать, два поколения.

Тетя Соня, которая проработала в домоуправлении всю жизнь, нашлась на лавочке у третьего подъезда. Делать тете Соне было нечего, а память у нее была уникальная, если бы не жизненные обстоятельства, быть бы ей математическим академиком.

Зоя Платоновна подсела к ней, знаком велела сделать то же бабе Любе и тут же напустила приезжую бабушку на местную. Сама только слушала. Со стороны, наверное, выглядело это идиллически: две бабушки и женщина средних лет сидят на лавочке, поглядывают на детишек, которые резвятся неподалеку. В самом же деле шло расследование давнишней тайны — исчезновения семьи Спесивцевых, в первую очередь гражданки Спесивцевой (предположительно, в пятидесятые годы).

И, разумеется, тетя Соня все вспомнила.

— Знаю, — сказала она. — Уехали.

— Вы уверены в этом? — спросила Зоя Платоновна.

— Как в твоем, Зоя, существовании, — сказала тетя Соня. — Мне надо только глаза закрыть, как книжку перелистать, и я вижу картинку.

— Ну и как? — спросила баба Люба. — Как тебе моя сестра?

— Сейчас-то она, наверное, женщина пожилая, — сказала Соня. — Преклонных лет. А тогда была видная баба.

— Настоящая красавица, — сказала бабушка Люба. — Я на нее совсем не похожа.

— Нет, ты непохожая, — согласилась тетя Соня. — Ты мелкая будешь и смуглая кожей. Нет, совсем непохожая. Та лучше была.

— Значит, уехали? — спросила Зоя Платоновна. — Но куда, когда?..

— Знаю! Как же не знать. Он ко мне с паспортами пришел. Я как раз закрываться хотела, домой спешила, осенью это было, дай бог памяти, думаю, что в сорок восьмом. Как раз реформа где-то рядом была. Вот, говорит, уезжаем на юг, в теплые края, надо, говорит, для моей Верочки теплый воздух, а то у нее легкие слабые. Как сейчас помню — странно это было.

— Что странно? — спросила Зоя Платоновна.

— Я бы и не запомнила. Даже с моей памятью. Мало ли кто уезжает и приезжает — у нас десять домов, а сейчас и еще больше. И прожили они не то чтобы долго. Года два-три, не больше. Я ее замечала за красоту, а его и не замечала, а когда с паспортами пришел выписываться, я вгляделась, потому что странно мне стало, чего такой колобок такую кралю охмурил.

— Вот я ей и говорила, — вставила бабушка Люба, — чего ты в нем нашла? А она мне: убежала бы, да не пускает. Он меня живой не выпустит.

— А впечатления не производил, — ответила тетя Соня. — Впечатление производил мирное, бухгалтерское, у нас такой бухгалтер раньше был, Иван Иванович, не помнишь, Зоя? Да нет, куда тебе — ты у нас только шестой год живешь. Но я тогда к нему пригляделась — думаю, вот бывает любовь, воистину, что козла полюбишь. И вроде он не так чтобы богатый или жулик. Не производил впечатления.

— Нет, не производил, — сказала бабушка Люба. — Но по сравнению с нашей жизнью очень даже не бедный. Я когда рассказывала, некоторые Верке очень завидовали.

— Я бы не завидовала...

— Так что же вам странным показалось? — спросила снова Зоя Платоновна.

— Еще бы не странное — кто же из Москвы добровольно в сорок восьмом уезжал — квартиру отдавал, все бросал и уезжал?

— Так он не поменялся?

— Нет, сказал мне, что уезжает климат искать для своей супруги. Там, говорит, найдет, что купить. Дачу, говорит, продал. Дача у него была, понимаешь? Под Москвой. Продал он ее, а квартиру просто отдал. Выписался и пошел куда глаза глядят.

— А ее вы не видали? — спросила Зоя Платоновна.

— Ее не видала. Может, она раньше уехала. Он — как вещи на машину загрузил, ночью грузился, немного вещей было, я что-то у окна стояла, воздухом дышала, вот и увидала.

Зоя Платоновна подумала, что стояла тетя Соня у окна не случайно. Ее и тогда грызло любопытство.

— Он один уезжал?

— Говорю же, наверное, она раньше его уехала. А может, он мне сам так сказал, что она раньше уехала, не помню я...

— И не сказал, в какой город? Ведь если вещи вывозил в машине, вернее всего уже знал, куда едет.

— Может, и сказал... может, и сказал.

Но тетя Соня не вспомнила, в какой город уехали Спесивцевы.

Когда они с бабушкой Любой вернулись домой, Зоя Платоновна хотела было продолжать поиски — она любила сам процесс поисков, будь то забытая цитата или старинное преступление, вычитанное у историка Соловьева, она любила ясность, а ясность подразумевает результат поисков.

Но бабушка Люба вдруг скисла.

— Нет ее, — сказала она твердо. — Сердце мое уверено, что нету. Умерла. Или он ее загубил, или сама умерла. Только никогда у нее не было такого со здоровьем, чтобы на юг уехать. Неужели за год, как я ее не видела... бывает?

— Бывает, — возразила Зоя Платоновна. — Все-таки мы можем обратиться в милицию, там же есть бюро по розыску.

— Нет, — сказала бабушка Люба твердо. — Если она живая, то должна мне написать — я-то свой адрес не меняла. Не написала, значит, нет ее. Или не хочет. Так что я домой поехала. Спасибо за все, Зоя, буду ждать. Приедешь? У нас молочко хорошее, как сливки. Грибочки, земляника... Хотя в остальном, после всяких поганых реформ, у нас уже нет прежней сытости.

И бабушка Люба уехала, оставив Зою Платоновну в неприятном ощущении недоделанного дела, повисшей тайны, которая, может, и не тайна вовсе.

А дня через два встретилась на улице тетя Соня и сказала:

— В Ялту они уехали. Так он и сказал, в Ялту. Только, может, соврал.

— Спасибо, — сказала Зоя Платоновна. — А та бабушка уже уехала.

— Ты ей напиши.

Зоя Платоновна написала, но ответа не получила.

3

В Ялте Зоя Платоновна оказалась следующей весной, в конце апреля. Не хотела ехать, была занята, да и какое ей дело до того, что редактору понадобились позарез фотографии с новыми крымскими видами — землянками аборигенов, сдавших на лето квартиры приезжим, а заодно и с видами коттеджей новых вельмож «Незалежной»? Нет, уговорили, воспользовались добротой и податливостью. И ее собственным желанием еще разок поглядеть, как цветут глицинии на крутых улочках, как утренние прохладные облака сползают с Ай-Петри, ее воспоминанием молодости о горячем шепоте, который доносится со скамеек под платанами.

В Ялте было свежо, спокойно, относительно малолюдно, море еще раскачивалось, успокаиваясь после зимних непогод. Зоя Платоновна, вместо того чтобы выполнять «командировочное» задание, с утра пошла к морю, а после наверх, в горы, снимала цветущие вишни и тучи над корявыми театральными соснами. На третий день она поняла, что отдохнуть ей бы необходимо, что она здесь оживает, отходит, пропитывается весенним солнцем и морским воздухом.

Возвращаясь из Никитского сада, сошла на автостанции, где скучно сияли иномарки «мафии» посредников между приезжими и владельцами ялтинских коек. Из симферопольского троллейбуса выходили немногочисленные еще гости города-курорта. «Агенты» потянулись к ним, обступая тех, кто посолиднее, желательно бездетные парочки. Так что на маленькую смуглую бабушку с чемоданчиком никто не обратил внимания. А Зоя прямо замерла от удивления. Это была бабушка Люба. Надо же,

встретить ее здесь, под этим ласковым солнцем. А впрочем, почему бабушке Любе не приехать в Ялту? Нет, это невероятно. Если бы бабушка и приехала, то в дом отдыха, организованно, с путевкой за пазухой... Что могло быть лишь лет семь назад. Зоя подошла к бабушке и сказала:

— Любовь Семеновна, какими судьбами?

Бабушка оглянулась, и Зоя сразу поняла, что обозналась. Просто похожая бабушка. Даже странно, что спутала. Может, где-то в глубине сознания все еще сидит эта смешная деловитая старушка, которая через сорок лет решила разыскать сестру, да махнула рукой и смирилась с тем, что сестры давно уж нет на свете. И почему именно здесь это сходство так встревожило? Господи, конечно же, Спесивцевы в сорок восьмом уехали в Ялту лечить Веру от болезней, которых, как уверяла Любовь Семеновна, у Веры отродясь не было.

В Ялту... В Ялту.

А справочное бюро было тут же, на автостанции. Все это совершенно не касалось Зои Платоновны, но она понимала — потом всю жизнь будет корить себя, что не подошла к этой будке, оклеенной объявлениями, и не задала простого вопроса — где проживают Спесивцевы? Иван Макарович и Вера Семеновна, приблизительно 1907 и 1925 года рождения.

Зоя Платоновна подошла к справочному бюро.

Никакой надежды на то, что Спесивцев сказал тете Соне правду, никакой надежды на то, что эти люди, даже приехав в Ялту, остались здесь жить, конечно, не было.

И все-таки...

Полчаса Зоя Платоновна просидела на скамейке над узкой речкой, за ларьком-стекляшкой, а потом ей выдали ответ на бланке. Ответ совершенно удивительный:

«Спесивцев Иван Макарович проживает в Ялте с 1948 года, по улице Харьковской, в доме четыре. Спесивцевой Веры Семеновны в Ялте нет».

Теперь уж не оставалось ничего, как добраться до Спесивцева и узнать у него, где Вера. В конце концов, ее любопытство оправдано просьбой Любови Семеновны, ничего в этом нет осо-

бенного. Одна бабка попросила другую бабку, а та исполнила ее просьбу.

«Удивительно, — поймала себя Зоя Платоновна, — что я ищу оправдания своему визиту к Спесивцеву, к купидону прошлых лет. Еще полчаса, назад я и не думала об этих людях, а сейчас уже строю пустые теории...»

Харьковская улица причудливо вилась, следуя изгибам горы, веранды выглядывали из деревьев, с заборов свисала сиреневая глициния, одинокий кипарис устроился посреди улицы, и асфальт обтекал его с двух сторон. Зоя Платоновна запыхалась, пока добралась до этого уголка Ялты, не указанного в путеводителях, но наверняка памятного многим тысячам отдыхающих, которые снимали здесь койки.

...В доме четыре шел грандиозный скандал.

Его раскаты Зоя Платоновна услышала за квартал. Толстый, чернявый, голый по пояс мужчина с гаечным ключом в руке требовал у не менее толстой зареванной женщины денег за починку насоса и грозил, если мзды не получит, лишить весь дом питьевой воды досрочно. (Мол, в Ялте сейчас с этим просто: В том смысле, что с пресной водой и так большие сложности, так что начальство даже не заметит маленькой пакости сантехника.) Дом был двухэтажным, каменным, старым, обнесенным верандами и всяческими пристройками так, что первоначальный архитектурный замысел угадать было совершенно невозможно.

Зоя Платоновна остановилась на краю скандала и некоторое время пребывала в роли мирного свидетеля — тем более что была в этой роли не одинока: все жилицы дома свесились со своих веранд, а соседи прижались к заборам, разделившись на партии в зависимости от личных отношений с водопроводчиком и потерпевшей. Скандал тянулся, видно, давно и не намеревался прекращаться. Зоя Платоновна оглядывала лица соседей в надежде увидеть Спесивцева, но вроде бы никто под это описание не подходил. Наконец она выждала паузу в споре, когда стороны переводили дух, и спросила:

— Скажите, Спесивцев Иван Макарович здесь живет?

И тут тишина сразу усугубилась, напряглась и стала пещерной, подземной — слышно было, как разрезает воду километрах в пяти от берега пароход «Адмирал Макаров».

— Вот, — сказал наконец водопроводчик, — я предупреждал.

Толстая женщина вздохнула и ничего не сказала.

Первой заговорила девочка с белой челкой, которая выглядывала с веранды второго этажа:

— А деда Ваню они в дом сдали.

— Молчи, — раздался другой голос, и какая-то неведомая сила утянула девочку от края веранды.

— Вы, значит, откуда будете? — уже спокойнее спросил водопроводчик, вдруг обретя своеобразную интеллигентность. — Если из газеты, то я вам прямо скажу — это гнездо пиратства и порока. Я с ней договорился по-человечески, двадцать пять и бутылка, понимаете? Договоренность соблюдают или нет?

— Работы на пятерку, — сказала твердо женщина.

— Я не ставлю под сомнение слова уважаемой Берты Богородской, — сказал водопроводчик, сочетая в этой фразе южную учтивость с южным же презрением, — я ставлю под сомнение ее моральные устои.

— Моральные устои? Это кто мне говорит, простите, о моральных устоях? Твои моральные устои лежат под забором в алкогольном бреду!

— Мои, мадам?

— Простите, — сказала Зоя Платоновна, — мне не ответили, где Спесивцев.

— Вам уже ответили, — сказал водопроводчик. — Они его сдали в дом для престарелых, чтобы завладеть его небольшой комнатой. Теперь они поставили в ней восемнадцать коек и сдают их по четыре бакса с носа, что не мешает экономить на водопроводчике...

4

Зоя Платоновна сидела на скамеечке в саду дома престарелых и любовалась цветущей алеандрой. Ей сказали, что Спесивцев будет на прогулке, как кончится завтрак, так и выйдет. Так что его можно здесь подождать. Он, правда, сильно болел,

даже лежал в больнице, сказала, словно извиняясь, медсестра, но теперь лучше, хотя чего можно ждать, когда человеку уже за восемьдесят, а также расшатанные нервы? А вы ему родственница? К нему ни разу никто не приходил. Мы думали, что у него никого не осталось. Вы не обращайте внимания, что он такой нервный, это старческое, это уже неизбежно.

— А у него нет жены? — спросила Зоя Платоновна.

— Он холостяк, у него жена сразу после войны умерла, он рассказывал. Он ее очень любил. И больше не женился. Это удивительно, какая верность. Но правда, для него это плохо — представьте себе, каково кончать жизнь здесь, у нас... нет, у нас хорошо, питание нормальное и медицинский уход — даже сейчас, вы не думайте. Многие хотят к нам попасть, но все равно — не дом. Правда, я бы не хотела. У вас есть дети?

— Есть, — улыбнулась Зоя Платоновна. — Есть дети.

Сестра вывела Спесивцева под руку.

Зоя Платоновна его сразу узнала. Хоть никогда не видела.

Иногда старики становятся похожи на младенцев, таким, наверно, Иван Макарыч был в детстве — красные надутые щечки, гладкая кожа, светлые волосики пушком над розовым черепом, пухлые ручки и ножки. Даже в старости он не похудел.

Только когда он подошел ближе и Зоя Платоновна встала, чтобы его встретить, она поняла, что сравнение с младенцем не совсем верно. Щечки были изборождены малиновыми сосудиками, глаза помутнели и выцвели, пушок был седым, в желтизну, руки морщинисты и чуть дрожали.

Старик был предупрежден, что к нему гостья, и издали уже приглядывался, щурился, старался понять, кто это мог быть, и вдруг Зое Платоновне стало стыдно, что она не купила ему никакого гостинца.

Сестра помогла старику сесть и сказала:

— Я потом забегу, если что надо.

— Не знаю, — оказал старик, — не признаю.

— Здравствуйте. Вы меня в самом деле не знаете... — И Зоя Платоновна замолчала, потому что совершенно не представляла, что говорить дальше, как сказать — сразу, или сначала надо поговорить о других, посторонних вещах?

— Я заходила к вам на Харьковскую, — сказала она после паузы. — Там мне сказали, где вас найти.

— Я туда не поеду, — сказал старик высоким дребезжащим голосом. — Мне тут хорошо. Зачем я туда поеду?

— Вы меня неправильно поняли, — сказала Зоя Платоновна. — Я знакомая Любови Семеновны, вашей... забыла, как называется, в общем, сестры вашей жены. Вы ее помните?

— Нет, — сказал старик быстро. — Я вас не помню. И никого не помню. Я пойду, ладно?

— Ну, конечно, конечно, — сказала Зоя Платоновна. — Я вас не задерживаю.

— Я пошел, — повторил старик. Голова его тряслась. — Я себя плохо чувствую.

— Хорошо. Но все-таки, может, вы мне скажете, что стало с вашей женой?

— Ой, хитрая! — Старик вдруг засмеялся. Он смеялся долго, притворно, ему было совсем не смешно, на глазах выступили слезы, он закашлялся. А потом вдруг сказал: — Не было у меня жены. Никогда не было у меня жены.

— А куда она уехала? — спросила Зоя Платоновна.

— Не было, не было, а я сейчас уйду — и тебя не будет, — сказал старик. — Я пойду. Я себе палку из дерева вырезаю. С узорами.

Но никуда он не уходил. Думал, искоса смотрел на Зою Платоновну, и ей казалось, что он притворяется, как притворялся, смеясь. А в самом деле все помнит, все знает, но не хочет говорить.

— В сорок восьмом году, в ноябре, вы выписались с женой из квартиры на Песочной и уехали сюда.

— Я один уехал, — сказал старик. — Я холостой. У меня жены не было.

— Вы жили на Песочной улице в Москве? — спросила Зоя Платоновна, вдруг ей показалось, что произошла ошибка, странное совпадение.

— Я жил в Москве на Песочной улице и никогда этого не скрывал, — сказал старик.

— С женой?

— Не помню, — сказал старик, на этот раз серьезно. — Она уехала. Взяла и уехала. С дачи. Мы на даче жили, правда! Уехала, и никаких следов, как птицы в небе, пролетая над закатом, они не помнили о розовых мечтах, вы меня понимаете? Уехала, и никаких следов...

Старик стал говорить все быстрее, сбивчивее, Зоя Платоновна оглянулась в поисках медсестры, но той не было поблизости.

— И в землю закопал, — сказал старик, — и надпись написал, вы читали эту поэму? Собака уехала, и тот самый закопал ее в землю, чтобы не лаяла, нет собаки, потому что священнослужителю собака не нужна, но любить я ее продолжал безмерно и бесконечно, как соловей розу... — Старик обернулся к Зое Платоновне и приблизил к ней младенческое пухлое лицо. И заговорил громким заговорщицким, театральным шепотом: — Я подхожу к колодцу, а из-за забора на меня смотрит солдат. Я этого солдата каждую ночь во сне видел, он на меня смотрит и говорит, ты забыл ее шляпу в колодец положить, понимаете? И нет никакой гарантии, что он не стоял там раньше. А у меня еще масса работы, потому что прощание с любимой — это значит, чтобы от нее не осталось никаких следов на земле, кому нужны следы, если нет человека, вы меня понимаете?

В нем была такая настойчивость, такое смятенное и нелепое стремление донести до Зои Платоновны свои давние переживания, свою память, что стало страшно, будто его губами говорил совсем другой человек, тот, что остался в нем с прошлых лет, и тот, который видел во сне какого-то солдата.

— Вы знаете, как я любил Веру, этого никто не может представить. И пускай она для меня навсегда останется молодой, это можно понять, а?

— Вы хотите сказать, что Вера умерла? — перебила его Зоя Платоновна.

— Умерла? Исчезла? Нет ее, не может быть. А может, и не было. Конечно, ее не было... Покажите ваш паспорт, гражданка! — Сестра шла по дорожке. Зоя Платоновна увидела ее и помахала рукой. Та поняла. Подбежала.

— Ну что вы, Иван Макарыч, — сказала она, наклоняясь над стариком. — Вам же нельзя волноваться. Что вам доктор говорил — нельзя волноваться...

— Пускай она уйдет! — вдруг закричал старик. — Пускай ее не будет! Она копает могилы. Она хочет закопать, закопать колодец, закопать меня...

— Вы лучше уходите, женщина, — сказала сестра с осуждением. — Зря вы его так разволновали. Он заговариваться стал. Он, если волнуется, то заговаривается. Восемьдесят четыре года человеку, не надо его волновать.

— Вот именно, — сказал старик. — У меня нервы совершенно расшатаны. Я всю войну прошел.

Зоя Платоновна извинилась и ушла.

От поворота оглянулась. Медсестра сидела на скамейке рядом со стариком, и оба смотрели ей вслед.

5

Зоя Платоновна написала бабушке Любе, что видела Спесивцева, и у нее создалось впечатление, что Вера Семеновна умерла. По крайней мере в доме по Харьковской, где Спесивцев прожил все эти годы, никто ее не видел, никто о ней не слыхал.

И конечно, Зоя Платоновна на этом не успокоилась. Она вновь и вновь мысленно повторяла бессмысленный и сбивчивый монолог старика и старалась найти в нем какой-то смысл. В монологе были какие-то конкретные опорные точки. Был солдат у забора. Был колодец, и была шляпа жены. Это были предметы из его воспоминаний. Все остальное — и его любовь к жене, и уверение, что ее нет, что она уехала, пропала и так далее, — эти слова Зоя Платоновна пока выкинула из головы.

Она не забыла этого монолога, этого странного истеричного разговора на скамейке в саду дома престарелых и трясущихся младенческих щек. Она не поверила старику. Получалось, что никто, ни один человек, не видел Веру Семеновну после осени сорок восьмого года. Ни тетя Соня, когда Спесивцев уезжал с Песочной, ни соседи по Ялте, ни Любовь Семеновна.

Зое Платоновне захотелось пойти в милицию и поговорить там. Хотя она понимала, что ее выслушают, но вряд ли чем-нибудь смогут помочь. Представьте себе, вы — следователь. К вам приходит женщина и сообщает, что сорок лет назад некий граж-

данин Спесивцев уехал из дома на Песочной и переехал в Ялту. А вот его жены при этом не было. И я, Зоя Платоновна, подозреваю, что он ее убил... и что? И в землю закопал? А где сейчас этот Спесивцев? — спросит следователь. Этот Спесивцев, ответит Зоя Платоновна в возрасте восьмидесяти четырех лет и в состоянии полного маразма находится в доме престарелых. И ничего объяснить не может или не хочет... Нет, если идти в милицию, то надо идти с каким-нибудь более конкретным делом. Например, с сообщением о том, что вчера (а не сорок лет назад) обокрали твою квартиру. В конце концов, дело об исчезновении жены Спесивцева такое же древнее, как дело о смерти жены Ивана Грозного. И общественной опасности не представляет.

Именно размышляя таким образом, Зоя Платоновна поняла, что могла бы сделать больше, чем сделала. Могла бы, например, попросить паспорт Спесивцева и узнать, записана ли в нем его жена. Или они развелись? Или, например, пойти в ЗАГС Ялты и узнать, не умирала ли там некая Вера Семеновна... Теперь было поздно. Не возвращаться же в Ялту.

Правда, оставался еще один путь. И он более других отвечал характеру Зои Платоновны. И она позвонила своему приятелю в Гордуме и попросила его об одном одолжении. Как узнать, какие дачи были проданы в окрестностях Москвы осенью сорок восьмого года и кто был их владельцами?

— Зоя, ты сошла с ума, — сказал ее знакомый.

— Алик, — сказала Зоя Платоновна, которая имела несчастье (или счастье) двадцать пять лет назад целоваться с этим крупным ныне чиновником, — я никогда не прошу тебя ни о чем по пустякам. Дело идет о жизни и смерти.

— Когда ты повзрослеешь? — спросил Алик.

6

На бывшей даче Спесивцева жил Коля. Коле было сорок два года, он играл в дачу, как мальчик в железную дорогу, нисколько не завидуя выросшим, как опара, по дороге на дачу дворцам новых русских (и нерусских) — со встроенными гаражами и евробалясинами под бордовой черепицей... И поэтому, когда они

туда приехали, Зое Платоновне волей-неволей пришлось помогать ему тащить по заляпанной грязью асфальтовой дорожке, а потом по тропинке через перелесок, саженцы вишни какого-то невероятно редкого и плодовитого сорта, а сам Коля волочил банки с химикалиями, краску, набор садовых инструментов и еще что-то в рюкзаке — что вылезало оттуда острыми углами и норовило этот рюкзак проткнуть. Коля уже знал об истории с Верой Семеновной Спесивцевой, но относился к опасениям Зои Платоновны скептически. Мысли об убийстве, тем более таком древнем, казалось, даже чем-то обижали его дачу, полученную вместе с молодой женой и старой тещей.

— Вы только подумайте, — говорил он, сгибаясь под рюкзаком, — какие у него основания — ну, если недоволен, то разведись. Вот у меня были неоднократные скандалы с Галей, доходило до страшных слов, и я не удивлюсь, если она желала моей смерти. Ну и что? Разошлись. Оба счастливы. Вы бы посмотрели, какой у нее муж — мы с ним в воскресенье ходили на футбол — если бы я знал, сам бы на нем женился. Умница, физик-теоретик.

— А известный случай из жизни Отелло? — спросила Зоя Платоновна.

— Литература.

— Вы хотите сказать, что люди вообще друг друга не убивают?

— Конечно, теперь убивают, — шутя разглагольствовал Коля. — И по телевизору, и в Москве, и на Кавказе... Но — тогда?!

Дача была и в самом деле маленькая, одноэтажная, с чердачным окошком под двускатной крышей. Коля, как только они свернули на улицу поселка, стал рассказывать Зое Платоновне, как он ее перестроит и превратит в виллу Ротшильда, и вообще у Коли все было просто — надо только чего-нибудь подтащить, немного потерпеть, чуть-чуть недоспать, а люди хорошие, кто-нибудь заметит, как Коля старается, и дадут ему всего — и денег, и шиферу, и московский телефон, а когда-нибудь даже машину.

Видно, до Колиного появления в том семействе, что купило дачу у Спесивцева, дачей там заниматься было некому. Ею пользовались, на ней жили, ее ругали, туда таскали продукты и подставляли тазы, когда снова начинала подтекать заштопан-

ная крыша, но коренных перемен никто там не предпринимал. Даже мебель туда отправлялась, как бывает чаще всего на русских дачах, — в ссылку, доживать свой век. Может, почему-то подумала Зоя Платоновна, это происходит от генетической памяти наших предков-кочевников, считается, что на даче следует жить в неудобстве, житейской скудости и излишней простоте, а может, это происходит для того, чтобы лучше можно было оценить осенью городской уют.

— А колодец здесь есть? — спросила Зоя Платоновна. Спросить это надо было раньше, но как-то не поворачивался язык. Все расследование Зои Платоновны зиждилось на том, что здесь когда-то был колодец. Колодец, который фигурировал в бреду старика Спесивцева.

— К сожалению, — ответил Коля, наклоняясь, чтобы подобрать брошенные Зоей Платоновной саженцы, обнимая их, прижимая нежно к груди, чтобы занести на веранду, — колодец за три участка. Воду носить неудобно. Надеюсь, если все будет в порядке, провести сюда водопровод от колонки. Многие уже сделали. Только расход большой. Трубы дорогие.

— Трубы дорогие. А раньше колодца не было?

Доски пола веранды заскрипели под коренастой, склонной к полноте фигурой Коли, пролетел холодный ветер и пошевелил листьями на березе. Береза была старой, она помнила и Спесивцева, и Веру Семеновну. Может быть, Вера сидела под ней и вышивала. В солнечный день. Вынесет стул и вышивает...

— Вам обязательно нужен колодец, — сказал Коля. — Иначе вашему преступнику некуда было кидать холодный труп.

Зоя Платоновна вздохнула. В устах Коли все звучало крайне дурацки. В самом деле — приехала старуха, подавай ей колодец, в который спрятали труп. С ума можно сойти. Неужели она такая дура?

Коля гремел на веранде, разбирая банки и бутылки.

— Сейчас мы с вами сообразим чего-нибудь поесть, — крикнул он. — Разберусь — и сообразим, хорошо?

— Спасибо, я не хочу.

— Я тоже не хочу, но на свежем воздухе при простом труде такой аппетит разыгрывается, вы себе просто не представляете.

«Неужели он заставит меня копать грядки или убирать листву?» — испугалась Зоя Платоновна. С него станется.

— Заходите в дом! — крикнул Коля. — Правда, от них никаких вещей, наверное, не осталось. Хоть мои дачей буквально не занимались, но, кроме старого шкафа и дивана, этот Спесивцев ничего нам в наследство не оставил.

За верандой была кухонька и прихожая. Потом большая комната. Вот и все. Шкаф и в самом деле был основным предметом в комнате. Было ему сто лет, даже удивительно, как его смогли затащить в эту дачу. На столе лежали кипой старые журналы, пахло летней пылью и старыми тряпками. Нет, здесь ничего не могло остаться.

— И на чердаке нет? — спросила Зоя Платоновна.

Коля расхохотался.

— Вы меня поражаете, Зоя! — сказал он. — Я туда лазил раз сто, ни одного скелета.

«Что здесь произошло?» — думала Зоя Платоновна. Она подошла к маленькому окну. На нижней раме валялись дохлые мухи. Ветка яблони билась о стекло снаружи. И хоть окружали ее чужие для Спесивцева вещи, хоть на веранде гремел, шумел, возился медведем Коля, она все равно не могла отделаться от ощущения, что именно здесь скрывается тайна исчезновения Веры Семеновны...

Зоя Платоновна вышла в сад.

Трава пожелтела, пожухла, хотя листва с малины и низкорослой смородины еще не облетела. Участок был невелик, но зарос так, что угадать, был ли там когда-нибудь колодец, невозможно. Участок был узким, как бы сжатым между соседями. Забор, выходивший на улицу, был коротким, метров пятнадцать. Сама дача стояла в глубине участка, а там, ближе к забору, к боковой стороне участка притулился старый сарай, крыша его провалилась посредине, дверь была полуоткрыта. Если тот солдат подходил к забору, то, вернее всего, Спесивцев разговаривал с ним не от дома, а ближе, от сарая, например.

Зоя Платоновна подошла к сараю. Какие-то палки, гнилые сучья мешали ей, торчали из травы — видно, сюда редко кто заходил. Удивительно, но даже в самых маленьких простран-

ствах, даже в квартире, всегда найдутся кусочки территории, куда не ходят. Зоя Платоновна заглянула в полуоткрытую дверь. Сарай тоже не участвовал в жизни дачи. Сюда только кидали вещи громоздкие, ненужные или те, что, казалось, когда-нибудь пригодятся.

— Зоя! — крикнул Коля с веранды. — Если хочешь туда заглянуть, интересуйся! Только в сарае угрожающая обстановка. Я все жду, когда он упадет, чтобы сжечь его спокойно.

И Коля засмеялся на весь участок хорошим, громким смехом здорового работящего человека.

— И колодца там нет! И скелетов...

Зоя Платоновна ступила в сарай. Да, здесь сам черт ногу сломит. Правда, светло — щели в стенах и крыше такие, что может пролететь самолет. Чего здесь только нет. Вон старый рукомойник с треснутой мраморной стенкой, стопкой, одно в другом ведра, кастрюли, грабли, лопаты, топор без топорища, ржавый велосипед, толстая цепь с ведром, рваные сапоги, листы фанеры, пошедшие от сырости, доски, бревно...

— Зоя! Обедать!

Коля уже расставил на столе на веранде дачную посуду, нарезал колбасу и открыл четвертинку — Зоя Платоновна поняла, что выступает в роли доброго предлога выпить рюмочку до трудов праведных.

Где же этот чертов колодец? Она была уверена, что он на участке. А если он где-нибудь у соседей?

Не может же быть, чтобы ни хозяева дачи, ни она не обратили внимания на такую крупную деталь пейзажа, как колодезный сруб...

— Ну, за знакомство, — сказал Коля. — Или, как говорил американский детектив Перри Мейсон, — за убийство! Ты по-английски читаешь?

— Я читаю по-английски, — сказала Зоя Платоновна. Что-то мучило ее. Что-то, что она увидела здесь, и это было упущено памятью, а не должно было быть упущено.

— Чего же не пьешь? — спросил Коля. — Нам с тобой надо всю бутылочку прикончить. Не оставлять же воронам?

Он с ней подружился, ему и в голову не приходило, хочет ли Зоя ответить взаимностью.

7

Следователь Миронов, в кабинете которого Зоя Платоновна завершила свое путешествие по уголовному розыску, был молод, краснощек, в глазах его застыла оскорбленность отличника при виде не имеющей решения простой задачки, тем более что, судя по всему, был он человеком удивительной аккуратности и последовательности. Он умудрялся все вокруг себя держать новым, блестящим и правильным. И лейтенантские погоны у него блестели так, что, казалось, все еще лежат на складе, а не на плечах, на столе был удивительный, фантастический порядок, при котором страшно было дотронуться, допустим, до ручки или до блокнота, сдвинуть его и этим нарушить стройную и строгую гармонию.

Трудно парню должно быть сейчас, поняла его вдруг Зоя Платоновна. Вокруг — то есть в первую очередь в их ведомстве — хаос. Вот и приводит в сверхъестественный порядок хоть то, до чего достает рука.

Разговор они начали в кабинете его начальника, так что он уже знал, кто такая Зоя Платоновна, почему пришла и что за нелепая у нее теория. Тем не менее он все записал как положено, по форме. Глядя на лейтенанта через стол, Зоя Платоновна, человек неробкий, робела, боясь нарушить дыханием организованность воздуха в кабинете и любовалась удивительной завершенностью каллиграфического почерка товарища Миронова.

— Продолжайте, Зоя Платоновна, — сказал Миронов. — С той точки, на которой мы остановились.

Зоя Платоновна понимала, что Миронов и устную речь делит на фразы, и никогда, даже разговаривая в очереди или дома, не забывает ставить в нужных местах точки и запятые.

— И тогда я вспомнила, — сказала Зоя Платоновна. — Я вспомнила, что видела в сарае цепь с ведром. Старую, толстую цепь. С ведром. Вы понимаете?

Миронов начал писать, снова склонив голову ровно настолько, чтобы ни один волосок не сдвинулся с места.

— Продолжайте, — сказал он.

— Цепь с ведром могла относиться только к колодцу. Но так как колодца не было, то я не сразу сообразила. И хозяева дачи никогда не догадывались, что цепь с ведром указывает на существование колодца. Но колодца не было. И следов от него не осталось. И это было странно.

— Вы правы, — сказал Миронов. — Но это не значит, что колодец был ликвидирован с преступными намерениями.

— Но с какими-то намерениями он был ликвидирован?

— Допустим, — Миронов задумчиво посмотрел на нее небесного цвета глазами, — во избежание падания в него детей.

— Колодец всегда нужен. Лучше его углубить и расчистить, чем ликвидировать. Тем более что хозяйка дачи живет там с сорок восьмого года и колодца не помнит. Зато она вспомнила, когда мы вернулись в Москву, что, когда они купили дачу, недалеко от сарая был участок голой земли, и Спесивцев никакого объяснения им не дал. И больше того, поблизости было две небольших ямы.

— Откуда брали землю, чтобы засыпать колодец, — сказал Миронов.

— Вот видите, — сказала Зоя Платоновна, — вы со мной согласны.

— Я следую ходу вашей логики, — любезно улыбнулся лейтенант Миронов. — Это не означает, что я согласен в интересах правосудия тратить время на поиски колодца, якобы засыпанного сорок лет назад.

Теперь Зое Платоновне показалось, что этот лейтенант был создан здесь для исчерпывающих и выверенных отповедей праздным лицам, являющимся со своими странными проблемами в это суровое время сотен нераскрытых преступлений и черт знает еще чего.

— Даже если в нем может оказаться труп женщины?

— Возможность этого незначительна, — сказал лейтенант Миронов. — Тем не менее мы примем все меры, чтобы проверить ваш сигнал.

Господи, подумала Зоя Платоновна, как он вежлив, как он меня терпит. Ну ничего, ты найдешь этот злополучный колодец и, когда узнаешь, что я права, заговоришь иначе.

— Ни одно преступление... — начала Зоя Платоновна.

— Как бы давно оно ни было совершено, — развил ее мысль лейтенант Миронов, — не должно остаться нерасследованным. Кстати, дайте мне координаты этого старика. Может быть, придется мне с ним встретиться.

— Но сначала...

— Сначала мы, разумеется, выясним, был ли на том участке колодец, — сказал лейтенант Миронов, — я уже затребовал планы участков поселка «Работница».

По крайней мере он не умеет халтурить, подумала Зоя Платоновна.

8

Они стояли группой вокруг небольшого углубления в траве. Зоя Платоновна, Миронов, два землекопа и Коля. Шел мелкий занудный дождик. Зоя Платоновна, которую лейтенант Миронов совсем не хотел брать с собой на дачу, раскрыла зонтик, и Миронов, у которого зонтика не было, развернул под ним, почти прижавшись к Зое, ветхую карту участка, где был указан колодец. Землекопы заинтересованно разглядывали схему, а Коля, обращаясь к лейтенанту, повторял:

— Этого физически не могло быть. Наша семья живет здесь уже много лет. Удивительно, правда?

— Ничего удивительного нет, — возразил вежливо лейтенант Миронов. Зое Платоновне вдруг показалось, что капли дождя не решаются падать на его выглаженный плащ, а если падают, то деликатно и ровно, чтобы не смять и не промочить.

— В свое время, — продолжал лейтенант, сворачивая карту и давая знак землекопам, чтобы они приступили к работе, — в Карнаке, это такой населенный пункт в Египте, был обнаружен засыпанный колодец, в котором хранилось более сорока ценных скульптур и обелисков.

— Да, конечно, помню, — растерялся Коля.

Шофер милицейской машины тоже подошел поближе. И ему было любопытно.

Дерн, взрезанный лопатами, аккуратно вывернулся. Лейтенант Миронов стоял за спинами землекопов и точным движением брови отмечал каждое их движение. Коля сбегал на веранду, проверил, не кипит ли чай. Почти сразу под дерном обнаружился край стоявшего торчком бревна. Рядом — второго. Их обкопали и вытащили наружу. Операция оказалась сложной и нелегкой. Лейтенант Миронов помогал землекопам. Они уже давно были измазаны мокрой землей, зеленью и древесной трухой — к Миронову не пристало ни крошки.

Бревна оказались короткими, обтесанными с краев, и Зоя Платоновна сразу догадалась, что это остатки колодезного сруба, сваленные Спесивцевым внутрь. Лейтенант Миронов вытащил фотокамеру, он периодически останавливал землекопов и фотографировал колодец. Потом вытащили еще одно бревно. Потом землекопы сказали, что выпили бы чаю, если нет чего покрепче. Коля потащил всех на веранду. Лейтенант Миронов был недоволен, он хотел сначала закончить дело, Зоя Платоновна была с ним согласна, она почувствовала в лейтенанте родственную душу — в нем жил подлинный детективный дух. И все-таки все пошли на веранду, а Зоя Платоновна задержалась у неглубокой ямы. Заглянула внутрь. По краям ее были видны грязные от земли бревна сруба. Внутри земля была мокрой, черной, с пятнами рыжей глины. Зое Платоновне показалось, что из земли торчит край черной тряпки. Она села на корточки, протянула руку вниз, но не дотянулась. И в тот же момент услышала вежливый голос Миронова:

— Разве вы не понимаете, Зоя Платоновна, что делать это совершенно недопустимо. Мы ведем расследование.

— Простите, лейтенант, — спохватилась Зоя Платоновна. — Вы правы. А дождь не повредит?

— Дождь уже ничему не повредит, — сказал лейтенант и, взяв у Зои Платоновны зонтик, проводил ее до веранды. Все-таки оставлять ее одну у колодца он не хотел.

Землекопы не спеша пили чай и рассказывали о страшных преступлениях, которым были запоздалыми свидетелями. Миронов записывал что-то в книжечку, а Коля виновато суетился, будто кто-то подозревал его в том, что колодец засыпал он сам

Только через полчаса, когда Зоя Платоновна уже совершенно извелась от нетерпения, землекопы встали из-за стола и вернулись к работе. Но первым в колодец спрыгнул лейтенант Миронов. Осторожно достал черную тряпочку. Передал своему шоферу. Тот разложил лист белой бумаги на заднем сиденье «жигуленка», и тогда Зоя Платоновна поняла, что это не тряпка, а бывшая женская круглая шляпа, такие носили сразу после войны. А пока она разглядывала шляпу, лейтенант принес серебряную вилку и прогнившую шкатулку с бумагами, превратившимися от влажности в мягкий серый ком...

Затем находки стали следовать одна за другой. Нашлось два женских платья, туфли, один валенок, россыпью — хрустальные бусы, золотое колечко с аметистом, женская комбинация.

Теперь копали осторожно, ножами, лейтенант Миронов сидел в колодце и основную часть работы взял на себя — и это было понятно, Зое Платоновне лишь неясно было, как он умудрился даже в этой обстановке остаться хрустально чистым и выглаженным, как в кабинете.

Коля стоял на дожде, промок, он был печален и больше не суетился.

— Странно, — сказал он Зое Платоновне тихо, тут все говорили тихо, даже землекопы перестали шутить, — странно, что я все эти годы ходил по этой дорожке, прямо по колодцу, понимаете, я вам не поверил, думал — блажь. Простите, конечно. Но я даже не знаю, как мы теперь здесь жить будем. Даже шкаф в комнате — он, наверное, все видел.

— Ничего, я думаю, переживете, только не рассказывайте подробностей своей жене.

— Ни в коем случае. Она же в положении. Ей мертвецы будут сниться. Потом, вы же знаете, какие женщины в положении нервные. Она может решить, что и я способен... понимаете, какая глупость?

— Ну уж о вас она не подумает.

— Кто знает, — загадочно ответил Коля, и Зоя Платоновна поглядела на него с опаской. Устоявшийся мир представлений Коли об отношениях людей — что бывает в жизни, а что только в кино и новостях, — рухнул. Теперь ему надо было строить вок-

руг себя новый мир. Или забыть обо всем... Пока же он был напуган. Даже самим собой.

— Все, — сказал землекоп, выскакивая из колодца, держась за руки товарища. — Материк.

Он наклонился, чтобы помочь Миронову выбраться из колодца.

Тот выбрался наружу, смахнул с брючины черное пятнышко и наклонил голову.

— Как так материк? — спросила Зоя Платоновна.

— Слежавшийся ил, — сказал сдержанно Миронов. — На глубину еще двух метров. Прослойки песка. Мы проведем дополнительную проверку. Однако полагаю, что трупа там нет.

— А где же он? — спросила Зоя Платоновна. — Где же его теперь искать?

Коля в ужасе посмотрел на свою дачу. Он представил, что ее будут сносить.

На заднем сиденье машины лежали сгнившие, с трудом узнаваемые вещи — все, что осталось от молодой и красивой женщины.

— Но где же она? — настаивала Зоя Платоновна, словно Миронов хотел скрыть от нее правду.

— Будем продолжать проверку, — сказал Миронов сдержанно.

— Тут магазин далеко? — спросил один из землекопов. — Согреться бы не мешало.

Лейтенант Миронов отвернулся, он не слушал. Он думал.

9

— Как вы понимаете, — сказал лейтенант Миронов, осторожно подвигая к Зое Платоновне серую папку, с таким расчетом, чтобы направление ее движения находилось под прямым углом к остальным предметам на столе, — я не имею никаких оснований знакомить вас с материалами предварительного следствия. Однако, посоветовавшись с Сергеем Максимовичем, я решил, что так как следствие проводилось по вашему сигналу, и, можно сказать, вы в нем принимали активное участие как лицо, заинтересованное в торжестве правосудия... — тут Зое

Платоновне показалось, что в глазах Миронова появилась ехидная усмешка, хотя при том они продолжал взирать на нее невинно и крайне серьезно, — мы не поступимся духом закона, предоставив вам возможность прочесть находящиеся здесь дополнительные материалы. Я сделал закладки, для того чтобы вам удобнее было читать, и подчеркнул красным карандашом те строки из документов, которые могут вас заинтересовать. Пожалуйста. А теперь, если вы меня извините, я вас покину на двадцать минут и выпью чаю в буфете. Вы не возражаете?

— Спасибо, — сказала Зоя Платоновна и искренне посочувствовала жене молодого лейтенанта, если таковая еще от него не сбежала. Она подозревала, что в самом деле лейтенант уходит из комнаты, чтобы не видеть, как посетительница держит папку под совершенно недопустимым углом.

Закладки были прямыми, маленькими, очень белыми и совершенно одинаковыми — чудо закладочного искусства. Строки были подчеркнуты по полям так прямо и аккуратно, словно Миронов собирался сдавать черчение в архитектурный институт.

Закладок было всего три.

За первой оказалась фотокопия письма, строчки которого были настолько бледными и неразборчивыми, что Зое Платоновне пришлось надеть очки, чего она делать не любила. Можно было подумать, что письмо это долго пролежало в воде. Вскоре Зоя Платоновна поняла, что не ошиблась. Письмо было извлечено из колодца.

Письмо было коротким.

3 ноября 1948 года.

Иван!

Я уезжаю от тебя. Не пытайся меня искать. Я знаю, что причиняю тебе боль, но я больше не могу с тобой жить. Еще раз повторяю, чтобы ты меня не искал и забыл. Я поняла, что без любви жить нельзя. Прощай и прости.

Вера

Вторая закладка тоже хранила под собой письмо. Письмо было отправлено из Томска всего десять дней назад.

Уважаемый товарищ следователь Миронов!

Вам пишет дочь Веры Семеновны Куракиной, которая раньше была замужем за Спесивцевым. Меня вызвали в милицию и попросили рассказать о моей матери. И они согласились, чтобы я вам прямо написала, потому что это давнее дело, и мне не хотелось бы тревожить мамину память. Моя мама умерла два года назад. Мой отец погиб давно, в автомобильной катастрофе. Моя мама и папа жили очень счастливо, и я до сих пор не могу пережить их смерть. Я не знаю, как вы нашли наш адрес, но вы затронули ту часть маминой биографии, о которой она никогда никому, кроме меня, не рассказывала. Моя мама познакомилась со Спесивцевым во время войны и тогда же вышла за него замуж. Она была значительно моложе его и совсем его не любила. Спесивцев был неуравновешенным человеком, он ревновал маму ко всем на свете, грозился ее убить, и мама его очень боялась. Жизнь у нее была невыносимая. Он держал ее на даче и не разрешал работать. Он был психически неуравновешенным. В конце концов мама поняла, что больше она такую жизнь не выдержит, и в один прекрасный день сбежала от него, не взяв с собой ничего — даже своих вещей. Она не хотела ничего, что бы связывало ее с этим человеком. Вы не поверите, но он маму бил и спрятал ее паспорт, чтобы она от него не убежала. Мама просто села в поезд и поехала куда глаза глядят.

Она устроилась на работу в Казахстане и сказала, что потеряла все документы. Потом она встретила моего отца и полюбила его. Спесивцева она совсем не вспоминала, он был для нее как кошмар. Вот и все, что я могу ответить вам на ваш запрос.

С уважением,

Надежда Константиновна Куракина.

И еще там была третья закладка. Она была на последней страничке перед постановлением о закрытии дела. Это был официальный доклад из Ялты, писал его тамошний следователь. Он писал, как по просьбе Московского уголовного розыска он пришел в дом престарелых, как встретился со Спесивцевым, состояние здоровья которого было угрожающим, и пришлось ждать три дня, прежде чем врач разрешил говорить со стариком. Далее следовали строки, отчеркнутые Мироновым.

...В начале нашей беседы гр. Спесивцев проявлял трезвость и говорил связно. Сначала он отказывался от того, что когда бы то ни было был женат, однако после ряда дополнительных вопросов с моей стороны признал, что был женат на гр. Спесивцевой Вере Семеновне, 1925 г. рождения, к которой находился в состоянии глубокого чувства, которое она оскорбила, покинув его с другим мужчиной. В состоянии оскорбленного самолюбия гр. Спесивцев И.М. решил уничтожить все следы своего брака с гр. Спесивцевой В.С., для чего выкинул из дома в поселке «Работница» Московской области, где временно проживал, все вещи, принадлежавшие его прежней жене в колодец на территории его садового участка, после чего колодец засыпал землей, утверждая, что находился в состоянии нервного потрясения, вызванного оскорблением, нанесенным ему его супругой. Цель гр. Спесивцева заключалась в том, чтобы не осталось никакого воспоминания о гр. Спесивцевой, как будто ее не существовало на свете. С целью же забыть свою жену гр. Спесивцев после этого продал дачу, покинул Москву и переселился на постоянное жительство в г. Ялту. Более никакой информации получить у гр. Спесивцева мне не удалось ввиду того, что он начал заговариваться и утверждать, что убил свою жену гр. Спесивцеву В.С. и бросил ее в колодец. Состояние здоровья и умственное состояние гр. Спесивцева не позволили мне сделать заключение, какая из версий, предложенных им, правильна. В настоящее время, по словам лечащего врача, состояние здоровья гр. Спесивцева И.М. безнадежно, и современная медицина не позволяет надеяться на его выздоровление...

Зоя Платоновна закрыла папку и постаралась положить ее на стол лейтенанта Миронова так, чтобы ее края находились под абсолютно прямым углом к остальным предметам. Ей хотелось доставить следователю такую небольшую радость. Все-таки он сделал все, что мог. И не его вина, что трупа в колодце не оказалось, а все действующие лица этой драмы сошли со сцены естественным путем.

Она поднялась с неудобного жесткого стула и подошла к окну. Там шел дождь. И было холодно. Приду домой, подумала она, напишу сразу Любови Семеновне. Может, соберется в Томск, все-таки там живет племянница, никого у нее не осталось родных, кроме Нади Куракиной.

Содержание

Рассказы

Л. Макарова. Теоретик 7
А. Зорич. Похороны крокодила 19
А. Зорич. Ноги Эда Лимонова 47
В. Головачев. Не ждите ответа 70
Е. Малинин. Тест на подлость 100
С. Логинов. Кража 110
А. Трофимов. Офф-лайн, адажио 123
А. Корепанов. Новый город 150
А. Молокин. Человек из Армагеддона 158
Дракo Локхард. Свинцовый ковчег 182
В. Михайлов. Черный ящик 214

Повести

А. Тюрин. Генерал Зима 267
В. Малов. Открытие Америки 372
А. Талан. Лазерный вихрь 444

In Memoriam

Кир Булычев. Петух кричит с опозданием 513
Кир Булычев. Гибель поэта 544
Кир Булычев. Выстрел купидона 571

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ «Буква»

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», т. (4722) 32-53-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, д. 132а, т. (4722) 31-48-39
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Калининград, пл. Калинина, д. 17/21, т. (4012) 65-60-95
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 63, т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Рязань, ул. Почтовая, д. 62, т. (4912) 28-99-39
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-1960
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

ФАНТАСТИКА 2009
Человек из Армагеддона

Сборник

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Н.В. Дмитриева

Подписано в печать 14.10.08.
Формат 84x108/ 32. Усл. печ. л. 31,92.
С.: ЗЛ. Тираж 15 000 экз. Заказ № 1876.
С.: в/ с. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1877.

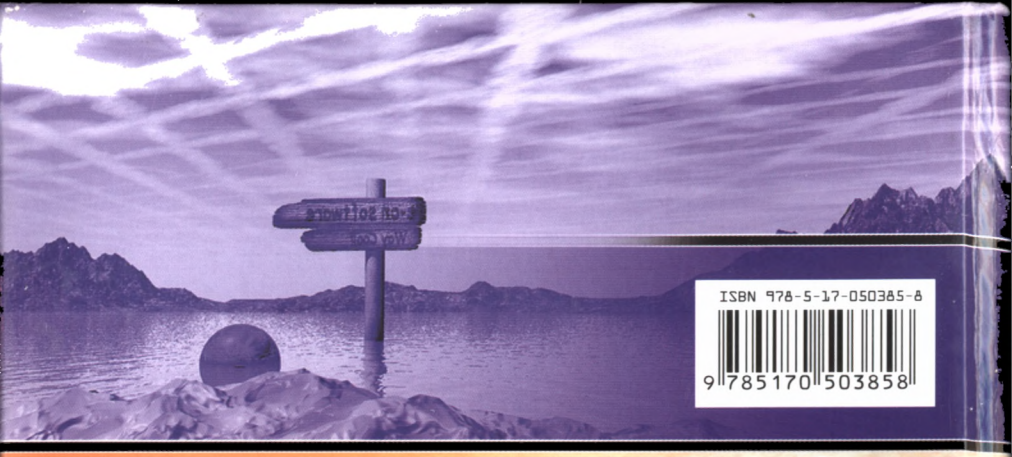
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.08 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Полиграфиздат»
144003, г. Электросталь, Московская область, ул. Тевосяна, д. 25



ISBN 978-5-17-050385-8

Поклонники отечественной фантастики!

Перед вами — очередной сборник популярного альманаха «Фантастика», с неизменным успехом выходящего уже восемь лет!

В этот сборник вошли не только новые произведения Василия Головачева и Александра Зорича, Святослава Логинова, Владимира Михайлова и Евгения Малинина, но и — прежде всего — никогда ранее не публиковавшиеся рассказы из творческого наследия великого отечественного фантаста Кира Булычева.

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫ